This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

одъ IX. ІЮНЬ. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Сердце скажетъ. Ром. **І. І. Ясинскаго (М. Бѣлинскаго).** (*Оконч.*)	5
II.	Юность. Стихотвореніе **Л. Медвѣдевз**	40
III.	Международный тюремный конгрессъ въ С.-Петербургѣ. **В. К. Случевскаго**	42
IV.	Черты византійскихъ нравовъ и культуры. **П. В. Безобразова.** (*Оконч.*)	72
V.	Весеннее утро. Стихотвореніе **Л. Афанасьева**	99
VI.	Кресси. Романъ **Бретъ-Гарта**	100
VII.	Крымскіе очерки. **В. Свѣтлова**	188
VIII.	Варіантъ. Стихотвореніе **А. Круглова.**	219
IX.	Вліяніе русскаго законодательства на кустарную промышленность. **Н. Крылова**	220
X.	Два стихотворенія **Ап. Коринфскаго.**	233
XI.	Сальваторъ. (Картины неаполитанской жизни). **Э. Экштейна.** (*Оконч.*)	235

(См. на оборотѣ).

МГГ

Современное обозрѣніе.

Стран.

XII. Политическая хроника 1

Первый опытъ международной революціи. — Майскія празднованія въ Европѣ.—Переполохъ австрійскаго правительства.—Значеніе манифестацій 1-го мая.—Сходки нѣмецкихъ соціалистовъ.—Приготовленіе къ войнѣ въ Пратерѣ. — Стычка въ Просницѣ.—Первое мая въ Парижѣ. — Демонстраціи послѣ 1-го мая.—Безпорядки въ Италіи и Испаніи. — Митингъ въ Гайдъ-Паркѣ.—Силы соціализма. — Открытіе германскаго парламента и рѣчи Вильгельма II.—Угрозы и уроки исторіи.—Палата и греческій языкъ.—Христіане ли австрійскіе чиновники?—Окончательное паденіе буланжизма.—Скандальные подвиги французскихъ финансистовъ.—Министерство, прикрывающее банковскія продѣлки. — Журналистика, закупленная биржевиками.—Криспи и итальянскіе либералы.—Германія, смѣняющая турецкихъ министровъ. — Султанская любезность и неплатежъ долговъ.—Финляндскія эскамотированія.

XIII. Новый трудъ по исторіи Екатерины II. **А. А. Быкова.** 16

XIV. Новыя книги: 1) *К. Баранцевичъ.* **Старое и новое.** Повѣсти и разсказы. Спб., 1890. 2) **Руководство для живописи на фарфорѣ.** *А. К. Ламанской.* Спб., 1890. 3) *Г. П. Сазоновъ.* **Крестьянская земельная собственность** въ Порховскомъ уѣздѣ. Спб., 1890 30

XV. Наши внутреннія дѣла. 38

Еще нѣсколько словъ по поводу нашихъ финансовъ.—„Штиль“ на биржѣ и внѣ биржи. — Чѣмъ объясняется это явленіе?—Сущность нашихъ конверсіонныхъ операцій.—Толки о невыгодности этихъ операцій.—Доказательства противнаго.—Что говорятъ цифры?—Слухи о новомъ законѣ по установленію „предѣльнаго возраста“ для чиновъ судебнаго вѣдомства. — Былое и настоящее. — Необходимость обезпечить существованіе престарѣлыхъ судей. — Способы къ достиженію подобнаго обезпеченія.—Основныя черты новаго „Положенія“ о земскихъ учрежденіяхъ.—Характеръ и тенденція предстоящей земской реформы. — Нѣсколько замѣчаній по поводу этой тенденціи.

XVI. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). **Ефима Простосердова.** Шутки прибалтійскаго климата.—Лѣтній сезонъ въ Петербургѣ.—Досуги учащагося юношества.—Проэктъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о вящей концентраціи гимназическаго обученія.—Докторъ Захарьинъ, отрицающій „переутомленіе“ учениковъ въ нашихъ школахъ

2) Стихотворенія **Л. Балалайкина** и **Стараго Капрала** 53

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 6. ІЮНЬ.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библио
имени Максима Горьк
№ 255.972.
4. 2р 50к. 19

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1890.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JUL 10 1973

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1890 ГОДУ (ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«Наблюдатель» *возвращается къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и будетъ выходить ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить **второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“**, высылаютъ **16 р. 50 к.** (копѣйки—марками). Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. 50 к.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга дѣйствительно не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 50 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4, «*Русская Старина*», 1889 г. № 7, «*Новое Время*», № 4634, «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343, «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270, «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна **4 р. 50 к.**, съ пересылкою **5 рублей**. Складъ въ главной конторѣ журнала **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»** (Спб., Владимірская, № 1—6). Годовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, высылаютъ **16 р. 50 к.** (копѣйки—марками).

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа Георга Эберса: **СЕРАПИСЪ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

СЕРДЦЕ СКАЖЕТЪ.

РОМАНЪ.

XLV.

Ядъ, который старуха заставила выпить Лавра Петровича, долго жегъ его душу. И если раньше, — вскорѣ послѣ того, какъ его покинула Настенька,—Скроботовъ былъ проникнутъ презрѣніемъ къ женщинамъ, то теперь оно приняло еще болѣе крупные размѣры. Циникъ Кромскій былъ, по его мнѣнію, мудрымъ человѣкомъ, потому что циническая теорія избавляла его отъ очарованій, т. е. заблужденій. Воспитанный женщинами, онъ имѣлъ возможность хорошо ихъ узнать и не требовать отъ нихъ идеальныхъ и чистыхъ наслажденій. Прежде всего, онъ видѣлъ въ женщинѣ все дурное, заранѣе холодно высчитывая, что̀ ему дастъ это дурное, сколько удовольствія и сколько страданія. Почти на всякомъ комерческомъ предпріятіи разоряются его первые основатели, и оно начинаетъ процвѣтать лишь во вторыхъ и третьихъ рукахъ. Недаромъ Кромскій предпочиталъ вдовушекъ и даже „незамужнихъ дамъ“ и не довѣрялъ невиннымъ дѣвицамъ, у которыхъ, если не было прошлаго, то все равно *будетъ*. Дочь Евы до тѣхъ поръ не успокоится, пока не вкуситъ запретнаго плода. Кромскій проще смотрѣлъ на женское сердце и еще циничнѣе, чѣмъ баронесса. Онъ все сводилъ къ чувственности, а баронесса допускала все таки любовь, и внѣшній семейный порядокъ выдвигала на первый планъ, какъ ширмы чувственности.

Между тѣмъ молодость, по временамъ, предъявляла свои требованія, и, какъ ни засушилъ себя Лавръ Петровичъ въ

своей канцеляріи, онъ сталъ по временамъ испытывать бурные приливы долго сдерживаемаго чувства. Когда Настенька ушла, ему показалось, что онъ нравственно выше своей жены. Ядъ баронессы еще болѣе убѣдилъ его въ этомъ. Разбирая по косточкамъ Настеньку, онъ негодовалъ при мысли, что она такъ долго, систематически и съ такимъ невѣроятнымъ искусствомъ обманывала его. У баронессы онъ защищалъ ее и обвинялъ себя; но это было сдѣлано изъ желанія разозлить баронессу, которое часто испытываютъ люди, слушая дурныя, хотя бы и справедливыя вѣсти, касающіяся ихъ, по пословицѣ: „доносчику первый кнутъ“. Въ душѣ онъ давно убѣдилъ себя, что въ его отношеніяхъ къ Скрипициной не было того, что̀ можно назвать измѣной. Сама Настенька понимала это. И тѣмъ болѣе былъ онъ правъ, посѣщая Мошезъ, такъ какъ жена же прогнала его отъ себя къ этой Мошезъ. Еслибы онъ любилъ Мошезъ, то, разумѣется, разрывъ съ Настенькой только упрочилъ бы его любовь къ этой женщинѣ. Мстить Настенькѣ теперь своей безупречностью было бы даже смѣшно, и кто знаетъ: можетъ быть, онъ брезгливость принимаетъ за добродѣтель. Въ прошломъ году, онъ безъ увлеченія сошелся съ дѣвушкой, которой нужна была обезпеченная жизнь, и равнодушно разстался съ ней. Но это потому, что она не нравилась ему. Оставаясь съ нимъ наединѣ, она начинала смѣяться какимъ-то глупымъ, почти идіотскимъ смѣхомъ, отъ котораго онъ готовъ былъ бѣжать хоть за тридевять земель. Но вѣчно быть канцелярской машиной нельзя человѣку, которому едва пошелъ четвертый десятокъ. Отчего не взять отъ жизни того немногаго, что̀ она можетъ дать? Ордена и слава, и власть не всегда утѣшаютъ, и одинокое существованіе не всегда сносно. Неизвѣстно откуда, какъ горячій вихрь, налетаютъ желанія, и душа, точно оторванный листокъ, носится по волѣ ихъ, совсѣмъ далеко отъ міра канцелярскихъ соображеній и чиновничьихъ интереcовъ. Лавра Петровича, что̀ называется, прорвало. И его сослуживцы немало удивились, узнавъ, что на святкахъ онъ дѣятельно посѣщалъ маскарады и балы, и выказалъ себя отличнымъ танцоромъ. Его секретарь, Илья Ильичъ Галушинъ, осмѣлился пригласить его къ себѣ на вечеръ, и Лавръ Петровичъ обворожилъ его дочерей. Онъ сталъ *бывать,—какъ* когда-то въ Москвѣ,—у балеринъ и актрисъ,

и въ какихъ нибудь два, три мѣсяца опять поздоровѣлъ, расцвѣлъ, пополнѣлъ, и съ его лица исчезли тѣни тайныхъ думъ и огорченій. Сосредоточенное дѣловое выраженіе глазъ стало мягче и веселѣе. Потребность безмятежнаго и счастливаго существованія, бывшая всегда основной чертой его характера, нашла себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ обществѣ прелестныхъ дѣвицъ Галушиныхъ, которыя пѣли романсы и спорили съ нимъ о женской равноправности, а также о томъ, что Ѳедотъ Улюлюевъ — самый удивительный поэтъ нашего времени. Скроботовъ катался съ ними на тройкахъ, и хотя, повидимому, ихъ папаша вліялъ въ извѣстной степени на ихъ любезное отношеніе къ Скроботову, но тотъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать этого. Однако, не однѣ Галушины занимали сердце Лавра Петровича, жаждавшее исцѣленія. Благодаря имъ, онъ познакомился съ ихъ подругой, которая недавно вышла замужъ за старика Трезубцева, большаго любителя выпиловочныхъ работъ. Молоденькая жена его, по мнѣнію Лавра Петровича, еще невѣстой должна была мечтать о томъ, что у нея будетъ любовникъ. И Лавръ Петровичъ справедливо сообразилъ, что въ то время, какъ ея мужъ займется выпиливаніемъ какой нибудь филигранной этажерки, можно будетъ заняться его женой. На ухаживаніе за Трезубцевой ушло много недѣль, и это кое-какъ скрасило жизнь Лавра Петровича.

Въ одинъ пасмурный день, великимъ постомъ, Лавръ Петровичъ всталъ поздно, потому что у него наканунѣ были гости — и Галушины, и Трезубцевы, и хорошенькая актриса Сосипатрова съ своимъ мужемъ-евреемъ и племянницею; были еще другіе, не имѣвшіе ничего общаго съ тѣми чиновными и серьезными гостями, которые иногда дѣлали ему честь своимъ посѣщеніемъ. Раздался требовательный и нетерпѣливый звонокъ, и вошла баронесса Инсгеге, сейчасъ же осыпавъ Лавра Петровича упреками.

— Хорошъ! Глазъ не кажетъ! — начала она. — Такова-то людская благодарность! Думаете, легко было васъ лѣчить? Бывало, сидитъ, сидитъ, а его поджариваешь, поджариваешь... А вотъ теперь, какъ я обратила лимонъ въ яблоко, такъ хоть бы зашелъ, блудный сынъ, изъ вѣжливости, да справился, пріѣхала *ли мамаша*? Ну, усаживайте меня, разска-

зывайте, сколько соблазнили дѣвицъ и отбили женъ у мужей?

Прежде Лавръ Петровичъ цѣловалъ у баронессы руку. Злоба зашевелилась у него противъ старухи, и онъ съ тою вѣжливостью, которую опытная баронесса сразу приняла за враждебность, сказалъ:

— О, баронесса, я почелъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, еслибъ отвѣтилъ утвердительно на вашъ вопросъ.

— Солгали бы и не покраснѣли? Я очень дурно сдѣлала, что зашла къ вамъ. Вы рѣшительно не стоите моей дружбы.

— Ахъ, баронесса, жаль что вы раньше не подумали объ этомъ,—произнесъ Лавръ Петровичъ со злостью, которой почти не могъ сдерживать.

Но онъ проводилъ ее въ переднюю и даже на лѣстницу. Знакомство его съ почтенной старухой, продолжавшееся столько лѣтъ, кончилось.

XLVI.

Лавръ Петровичъ старался жить такъ, чтобы ничто особенно не тревожило его. И когда младшая Галушина съ тѣмъ чудеснымъ трепетомъ, который сообщаетъ первой любви чарующую прелесть, призналась ему по дорогѣ изъ театра, что любитъ его, и назначила свиданіе въ его квартирѣ, Лавръ Петровичъ припомнилъ разсказъ Кромскаго о хозяйской дочери и нашелъ нужнымъ и даже пикантнымъ поступить съ милой барышней по примѣру благоразумнаго циника.

— Вы еще дитя,—началъ онъ (ей шелъ двадцатый годъ):—не вѣрьте своему сердцу. Я счастливъ, что нравлюсь вамъ. Но вы принимаете свое чувство за любовь, а у меня любви къ вамъ нѣтъ. Вы приносите мнѣ въ жертву себя всю, съ душей и съ этими розовыми щечками. А мнѣ нужны только губки, и лучше вы поскорѣй уйдите отъ меня и приберегите ихъ для вашего будущаго мужа.

У дѣвушки навернулись слезы на глазахъ. Она сидѣла рядомъ съ нимъ на диванѣ и рука ея лежала въ его рукѣ. Лавръ Петровичъ любовался ея смущеніемъ и миловидностью; онъ боялся пожалѣть ее. Если пожалѣетъ, то поцѣлуетъ, а если

поцѣлуетъ, то не будетъ утонченнаго цинизма, и на совѣсти ляжетъ лишнее бремя. Но дѣвушка была далека отъ какихъ нибудь утонченностей; она не понимала, зачѣмъ онъ гонитъ ее отъ себя прочь, если ему нравятся ея губки. Она вздохнула и не думала уходить. Лавръ Петровичъ видѣлъ, какъ учащенно дышетъ ея грудь, и чувствовалъ, какъ дрожитъ ея рука.

— Затѣмъ, вамъ должно быть извѣстно, — опять началъ Лавръ Петровичъ,—что у меня есть семья и что даже въ томъ случаѣ, еслибы я могъ полюбить васъ, какъ вы того стоите, все же я не имѣлъ бы права сказать вамъ, что вы моя. Такъ сложились обстоятельства, что я одинокъ до тѣхъ поръ, пока не выростутъ мои дѣти. Имъ однимъ принадлежитъ мое сердце. Соничка, вы слушаете меня?

Въ отвѣтъ дѣвушка снова вздохнула и пожала ему руку. Новый циникъ испыталъ удовольствіе сказать послѣ этого влюбленной Соничкѣ:

— Всякій другой на моемъ мѣстѣ не отказался бы отъ такой прелестной барышни, и хоть на короткое время, если не на всю жизнь, былъ бы счастливъ съ вами; и вы тоже, вѣроятно, были бы счастливы! Но я... но когда вы сказали, что придете ко мнѣ, я, право, принялъ это за шутку (на самомъ дѣлѣ, Лавръ Петровичъ ждалъ Соничку и былъ увѣренъ, что она придетъ). Я не допускалъ мысли, что у васъ такая горячая головка. Не правда ли, вы немножко сумасбродны, дитя мое? Вѣдь вы даже и теперь не прочь отдать мнѣ ваши губки?

Разсчитывая на свое самообладаніе и призвавъ къ себѣ на помощь весь цинизмъ Кромскаго, онъ привлекъ къ себѣ дѣвушку за талію и продолжалъ:

— Если это—первое увлеченіе, то постарайтесь сдержать свой порывъ въ предѣлахъ стыдливости и забудьте, что приходили ко мнѣ. Вамъ будетъ тяжело сначала, но потомъ — какъ легко! Какъ вы будете рады! Какъ смѣло и прямо, и гордо будете смотрѣть всѣмъ въ глаза!

Дѣвушка посмотрѣла на него робко и ничуть не гордо. Нѣтъ, она не искала счастья въ гордости. И, кромѣ того, въ ея взглядѣ свѣтилось недоумѣніе, даже отчаяніе, а въ то же

время все таки проблескивалъ лучъ надежды, потому что Лавръ Петровичъ нѣжно улыбался и обнималъ ее.

— Я знаю, что вамъ сдѣлалъ предложеніе Анучинъ. Зачѣмъ вы отказали ему?—спросилъ Лавръ Петровичъ.

— Я не отказала, но отложила отвѣтъ,—тихо произнесла Соничка.

„О, предусмотрительная Ева"! подумалъ Лавръ Петровичъ и сказалъ:

— Анучинъ хорошій человѣкъ и любитъ васъ. Кромѣ того, онъ лѣтъ на пять моложе меня и красивъ собой. Право, вы сдѣлаете ошибку, если не выйдете за него.

— Чтобъ вамъ угодить, я выйду за него,—обиженно проговорила дѣвушка, и туть на ея пушистыхъ рѣсницахъ повисли прозрачныя, свѣтлыя слезинки.

Должно быть, чтобы скрыть слезы, Соничка торопливо спрятала лицо на груди Лавра Петровича. Онъ крѣпче обнялъ ее и продолжалъ:

— Нѣтъ, вы должны выйти замужъ не для меня. Конечно, я порадуюсь вашему счастью, но этого мало для васъ. Когда вы пріобрѣтете себѣ преданнаго и симпатичнаго мужа, хотя бы того же Анучина, то вы станете безупречной женой, и вся ваша жизнь должна быть, какъ стеклышко! Ни малѣйшаго обмана, ни одного пятнышка даже въ прошломъ! А не будетъ этого, не будетъ спокойствія.

— Что мнѣ въ спокойствіи!—рыдая, проговорила дѣвушка.

У Лавра Петровича сильно забилось сердце, и онъ посадилъ Соничку къ себѣ на колѣни. Кромскій, незримо присутствовавшій при этой сценѣ, въ качествѣ духа или генія цинизма, погрозилъ Лавру Петровичу пальцемъ, и ему показалось, что онъ даже слышитъ шопотъ: „А ну, голубчикъ, какъ-то ты совладаешь съ собой!? Какъ-то ты отвертишься теперь? Посрамишь ли твоего учителя и попадешь въ сѣти къ дѣвчонкѣ, или же съ честью выдержишь испытаніе и будешь достоинъ меня"?

Да, трудно пришлось Лавру Петровичу. А Соничка воспрянула сердцемъ, подняла свою головку и приблизила къ его губамъ свое влажное отъ слезъ, разгорѣвшееся свѣжее личико... Вдругъ она лукаво сказала сквозь слезы:

— *Пустите* меня! Пустите же!—повторила она капризно

и почти съ крикомъ. „Пусти, братъ“! нахмурясь, прошептала тѣнь Кромскаго, и Лавръ Петровичъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, послѣ чего Соничка вскочила и заняла прежнее мѣсто на диванѣ.

— Итакъ, вы не любите меня? — недовѣрчиво спросила Соничка, съ такой милой улыбкой, что Лавръ Петровичъ, въ свою очередь, готовъ былъ нахмуриться на тѣнь Кромскаго, и проговорить ей: „Не мѣшай, пожалуйста“. Но мысль о завтрашнемъ днѣ успокоила его, и онъ, взявъ со стола шляпку и перчатки Сонички, молча подалъ ей. Соничка разсердилась. Тоже молча, надѣла она шляпку и очень долго застегивала перчатки, глядя въ уголъ пустынной и неуютной казенной гостинной Лавра Петровича.

— Да вы не вздумайте со мной ссориться, — произнесъ, наконецъ, Лавръ Петровичъ, когда послѣдняя пуговочка была застегнута: — мы опять съ вами будемъ кататься и ѣздить въ театры, а на вашей свадьбѣ я непремѣнно буду съ вами танцовать. Хорошо?

Губы Сонички беззвучно зашевелились; она ушла. Лавръ Петровичъ остался доволенъ своимъ поведеніемъ. Завтрашній день не грозилъ ему укорами совѣсти, и тѣнь Кромскаго не могла его ни въ чемъ упрекнуть. Но Соничка вскорѣ опять зашла къ нему, а потомъ опять и опять. Ей понравилось играть съ огнемъ, и самъ Лавръ Петровичъ, такой сдержанный вначалѣ, мало по малу втянулся въ эту игру, уже безъ особенныхъ утонченностей. Это было странное сближеніе; Соничка и Лавръ Петровичъ точно стояли у воротъ какого-то грѣшнаго рая и не переступали завѣтнаго порога, опасаясь, вмѣсто рая, очутиться въ аду. Лавръ Петровичъ все держался политики Кромскаго, но ввелъ въ его цинизмъ нѣкоторые усовершенствованные пріемы, такъ что этотъ цинизмъ можно было назвать неоцинизмомъ. „Въ концѣ концовъ, въ моихъ отношеніяхъ къ Соничкѣ есть что-то идеальное“, говорилъ онъ себѣ.

Но когда онъ, пресыщенный свиданіями съ Трезубцевой, вдумывался глубже въ эти новыя отношенія, они казались ему безсмысленными, жестокими и порочными.

„Совѣстно и стыдно,—думалъ онъ тогда.—Ты умнѣе ея и чуть не вдвое старше. Да, ты окончательно сбрендилъ. Бѣд-

няжка влюбилась въ тебя, а ты издѣваешься надъ ея чувствомъ и держишь ее на привязи дурныхъ инстинктовъ, проповѣдуешь ей мораль и наслаждаешься ея развращеніемъ. Завтра же надо покончить съ этимъ: живи съ ней, какъ съ женой, или же не принимай ея у себя. Ты сталъ хуже Кромскаго".

Приходила Соничка, начинала болтать, разсказывала о томъ, какъ она кокетничаетъ съ Анучинымъ и какъ всѣ въ домѣ подозрѣваютъ, что она потихоньку видается съ нимъ, какъ ни за что не согласилась бы она, въ самомъ дѣлѣ, полюбить женатаго человѣка, такъ чтобы всѣ объ этомъ узнали, и какъ пріятно, что Петербургъ такой большой городъ, и никто не можетъ догадаться, что она бываетъ у Лавра Петровича. И „неоциникъ" быстро простывалъ; благія намѣренія его входили въ сдѣлку съ легкомысліемъ влюбленной барышни, и онъ называлъ сладкое волненіе, которое испытывалъ при ней,—дружбой.

Однако, неизвѣстно, чѣмъ бы завершились его свиданія съ Соничкой, которыя становились все болѣе и болѣе дружескими, и постепенно превращали благоуханіе райскихъ кущъ въ знойное дыханіе ада, еслибы въ одно прекрасное утро нашъ неоциникъ не получилъ двухъ чрезвычайно интересныхъ писемъ, кореннымъ образомъ повліявшихъ на его поведеніе.

XLVII.

Одно изъ этихъ писемъ было доставлено посыльнымъ, и по тонкому, неряшливому почерку Лавръ Петровичъ сразу узналъ руку хорошенькой Трезубцевой, хотя оно не было подписано. Трезубцева писала:

„Милостивый государь, вы поступили со мной очень подло и, воспользовавшись моею неопытностью и молодостью, заставили меня обмануть мужа, который достоинъ глубокаго уваженія и, при его бѣдности (Лавръ Петровичъ зналъ, что Трезубцевъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получаетъ полторы тысячи пенсіи), моя честь была единственнымъ его богатствомъ. Мысль объ этомъ

тревожила меня съ первыхъ же минутъ моего паденія, и если я только теперь пишу вамъ объ этомъ, то знайте, что это меня давно терзало и мучило. Вы занимаете такое положеніе, что, надѣюсь, вамъ будетъ непріятно, когда я все разскажу мужу, а онъ этого такъ не оставитъ и можетъ оскандалить васъ на весь Петербургъ. Я честно смотрю на жизнь, и свой грѣхъ считаю нужнымъ искупить. Я примирюсь съ собой, если вы, начиная съ сегодняшняго числа, ежемѣсячно станете присылать для благотворительныхъ цѣлей, сколько можете, но не меньше пятидесяти рублей. Деньги потрудитесь вручить посыльному".

Лавръ Петровичъ покраснѣлъ, а тѣнь циника Кромскаго поблѣднѣла.

„Я попалъ въ грязную ловушку. Кто мнѣ поручится, что Трезубцевъ, старый крючкотворъ, служившій когда-то въ управѣ благочинія, ничего не знаетъ объ этомъ письмѣ? Пятьдесятъ рублей не великія деньги, и Зинаида Ильинишна стоила мнѣ дороже, потому что каждая минута ея паденія оплачивалась билетами въ оперу, тройками на острова и прогулками по гостинному двору. Но велико нахальство и велика мерзость! „Благотворительныя цѣли"!

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ положилъ деньги въ конвертъ и отдалъ посыльному. Конечно, это былъ шантажъ, который преслѣдуется закономъ. Но онъ не подумалъ о законѣ. Въ дѣлахъ такого рода, кто же обратится къ судебной власти или администраціи? Шелъ человѣкъ и упалъ въ грязь. Поскорѣе, братъ, иди домой и перемѣни платье, чтобы никто не видалъ и не осмѣялъ тебя. Самъ виноватъ: не ходи по лужамъ, будь остороженъ!

Лавръ Петровичъ рѣшилъ разомъ порвать съ цинизмомъ и съ неоцинизмомъ, который тоже, пожалуй, до добра не доведетъ. Дьяволъ былъ ангеломъ когда-то; и развѣ не можетъ Соничка, этотъ прелестный и глупенькій ребенокъ, превратиться въ чертенка? Онъ приказалъ человѣку не принимать никакихъ дамъ и цѣлый день находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа.

Но другое письмо, поданное ему передъ вечеромъ, пробудило въ его душѣ *все* хорошее и нѣжное, что старался онъ *подавить канцелярской* дѣятельностью и безпутной жизнью.

Письмо было изъ Мценска, отъ Людмилы Лавровны, и писано рукою Настеньки:

„Милый папаша, вотъ уже третій годъ, какъ мы не видались съ тобою: хотя ты въ каждомъ письмѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ коротенькихъ строчекъ, справляешься обо мнѣ и Алешѣ, но согласись самъ, что это не можетъ удовлетворять ни его, ни меня. Я рѣшительно не знаю, что̀ у тебя произошло съ мамой. Дѣти не судятъ родителей. Но мнѣ кажется, что время залѣчиваетъ всѣ раны. Если виновата мама, ты долженъ ее простить, а если виноватъ ты, мама проститъ тебя. Меня и Алешу мама всегда прощаетъ. Вчера мы выбѣжали въ садъ въ хорошенькихъ, новенькихъ платьицахъ и стали обливаться водой изъ дождевой бочки. Это было очень весело, но мама увидала изъ окна, что̀ мы дѣлаемъ, и не на шутку разсердилась. Въ наказаніе, на насъ надѣли парусинныя блузы, которыхъ я терпѣть не могу. Мама подвела насъ къ твоему портрету и сказала: „Какъ вамъ не стыдно, дѣти. Вонъ папа сидитъ и хмурится. Если ничего не случится больше, то завтра онъ улыбнется вамъ. Надо вести себя такъ, чтобы не обижать его“. Видишь, мы постоянно думаемъ о тебѣ. Сегодня ты дѣйствительно улыбнулся, и Алеша утверждалъ на своемъ смѣшномъ языкѣ, что ты даже что-то говоришь. Однако мама сказала, что тебѣ надо написать письмо, и тогда я услышу твой голосъ, который будто бы у тебя въ сердцѣ. Пожалуйста, сдѣлай намъ это удовольствіе. На насъ опять хорошенькія платья—мама ужъ не сердита. Еслибы ты зналъ, какая я теперь большая. Я не только все говорю, но и о многомъ думаю. У меня черные вьющіеся волосы и, когда я выросту, я буду носить длинную косу. Всѣ называютъ меня красавицей. Когда я иду съ Алешей, люди останавливаются и смотрятъ на насъ. „Чьи это дѣти“? спрашиваютъ они. Это—дѣти г-жи Скроботовой, которая ими гордится. Это ея единственное утѣшеніе и ея единственное счастье. Впрочемъ, мы рѣдко куда нибудь выходимъ, а все бѣгаемъ въ саду и во дворѣ, который, представь, весь заросъ травой и на немъ много цвѣтовъ. Теперь весна, распустились яблони и цвѣтутъ, и мы загорѣли, какъ цыганята. У насъ такъ хорошо и спокойно, что ты очень хорошо провелъ бы у насъ время, если бы тебя ничто не задерживало въ Петербургѣ. Не правда ли,

ты живешь, бѣдненькій, одинъ и хочешь быть министромъ, а поэтому убиваешь лучшіе дни свои на писаніе скучныхъ бумагъ? Но ты успѣешь быть министромъ. Возьми отпускъ и, хоть на нѣсколько дней, пріѣзжай сюда и побѣгай съ нами. Надо пользоваться временемъ, которое все летитъ впередъ да впередъ. Я сужу объ этомъ по собственному опыту. Давно ли я не умѣла ходить и называла голубя „бульгальгой"? Теперь даже Алеша крѣпко стоитъ на ножкахъ и играетъ со мной въ лошадки. Кстати о бульгальгахъ: у насъ ихъ цѣлая дюжина, и мамѣ нравится, что они мирно живутъ между собой, никогда не ссорятся, не измѣняютъ другъ другу; ни одинъ голубь не мѣтитъ въ генералы и не покидаетъ своей голубятни, а когда голубка дѣлаетъ видъ, что не любитъ его, это только разжигаетъ его любовь. По всей вѣроятности, она назвала бы его дряннымъ голубемъ, еслибы онъ уступилъ ее кому нибудь другому. Но у голубей этого никогда не случается. Они крѣпко привязаны къ своимъ голубкамъ, которыя растутъ и воспитываются подъ родительскимъ крылышкомъ, пока сами не начнутъ летать и кувыркаться въ воздухѣ. Кромѣ голубей, у насъ есть пѣтухъ, окруженный своими глупыми курами. Вотъ ему рѣшительно нѣтъ дѣла до цыплятъ и недавно коршунъ чуть не схватилъ и не съѣлъ его маленькаго сына, а онъ въ это время чванился передъ другимъ пѣтухомъ изъ сосѣдняго двора и заглядывался на чужую курицу. Но довольно о птицахъ. Мама скрыла отъ тебя, что Алеша былъ боленъ. У него былъ жаръ и горѣла головка, но потомъ все прошло. Дядя Вадимъ не отходилъ отъ его постельки (письмо задрожало въ рукѣ Лавра Петровича). Я люблю дядю Вадима. Онъ бываетъ у насъ каждый день, и намъ весело съ нимъ. Мама шьетъ, а онъ читаетъ, и я тоже слушаю и убѣждаю слушать Алешу, который, впрочемъ, ничего не понимаетъ. Дядя Вадимъ клеитъ теперь намъ театръ, въ которомъ актеры и актрисы будутъ ходить на проволокахъ, занавѣсъ будетъ опускаться и подниматься, а на сценѣ будутъ горѣть цвѣтные фонарики. Я жду съ нетерпѣніемъ этого подарка. Мама проситъ передать тебѣ, что дядя Вадимъ—несчастный, но очень честный человѣкъ, и что ты можешь смѣло пожать ему руку, когда увидишь его въ Мценскѣ. Еще разъ прошу тебя, папаша, *пріѣзжай къ намъ*. Вспомни свою Людмилу Лавровну и

посмотри на Алешу, какой онъ славный мальчикъ? Тысячу разъ цѣлую тебя. Твоя дочь, Людмила Скроботова".

XLVIII..

Лавръ Петровичъ поспѣшилъ отвѣтить на письмо дочери:

„Безцѣнная Людмила Лавровна. Прости, что я раньше не догадался вступить съ тобой въ переписку. Я не зналъ, что ты ужь такая умненькая. Твое письмо такъ интересно, что я нѣсколько разъ перечиталъ его. Передай мамѣ, что я ее по прежнему люблю, что готовъ все забыть. Можно пожалѣть, что эти два года безслѣдно исчезли изъ нашей жизни. Но кто въ этомъ виноватъ, пусть скажетъ мама, положа руку на сердце. Добрые или злые люди разсказали мнѣ все. Но я примирился въ душѣ съ прошлымъ мамы. Жизнь сама по себѣ такъ отвратительна, столько въ ней грязи и разочарованій, и до того сумма страданій превышаетъ сумму наслажденій, которыми судьба даритъ человѣчество, что незачѣмъ быть слишкомъ разборчивымъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чудесныя иллюзіи молодости быстро увядаютъ, и красоту смѣняетъ голый скелетъ. Но лучше сознательно заблуждаться и вѣрить въ красивый обманъ, умышленно не анализируя его, чѣмъ постоянно вращаться въ обществѣ ничѣмъ не прикрытыхъ, разлагающихся мертвецовъ. Едва ли ты поймешь, но все равно, я признаюсь тебѣ, что одно время у меня были причины возненавидѣть всѣхъ, разумѣется, кромѣ тебя и Алеши. Жестокость, съ которой мама отнеслась ко мнѣ, была безпримѣрна и долгое время непонятна для меня. Когда же я узналъ, что эта жестокость систематически подготовлялась мамой, съ первыхъ дней нашего знакомства и сближенія съ ней, душа моя опустѣла; я увидѣлъ, что сердце мое лучше, чѣмъ сердце мамы, и не знаю, чему обязанъ, что я съ отчаянія не сталъ пьяницей, не сошелъ съ ума, не развратился до мозга костей. Меня спасалъ, должно быть, мой характеръ. Однако, все же много пристало ко мнѣ грязи, съ тѣхъ поръ какъ мама бросила меня. Твои похвалы голубиной добродѣтели обличаютъ въ тебѣ остроуміе, которое ты получила въ *наслѣдство отъ мамы*; а твой разсказъ о пѣтухѣ свидѣтель-

ствуетъ, что и ты владѣешь уже тонкимъ женскимъ искусствомъ язвить. Оба примѣра, однако, несовсѣмъ подходятъ. Дряненъ голубь, уступающій другому свою голубку. Но что ты скажешь, милочка, о голубкѣ, которая сама улетаетъ изъ голубятни и оставляетъ покинутому голубю единственное утѣшеніе — приносить ей кормъ? Конечно, голубю этого мало, и онъ по неволѣ превратится въ пѣтуха. Но если ты спросишь у злополучнаго пѣтуха, согласился ли бы онъ жить на чужомъ дворѣ, онъ скажетъ тебѣ, что уже пробовалъ перелетѣть черезъ заборъ и сразу окунулся въ помойную яму. Въ концѣ концовъ, онъ во всемъ винитъ голубку. Я ничего не пишу тебѣ о дядѣ Вадимѣ и прошу тебя совсѣмъ не упоминать о немъ. Не осуждай маму,—я ее тоже не осуждаю. Ея эгоизмъ позволяетъ ей сверху смотрѣть на мои неудачи, и такова сила эгоизма, что я готовъ снова лежать у ея ногъ. Но я могу пріѣхать въ Мценскъ съ однимъ условіемъ—чтобы не встрѣчать этого дядю. Моя рука съ гораздо большимъ удовольствіемъ коснулась бы его лица, чѣмъ его руки. Въ заключеніе, скажу тебѣ, Людмила Лавровна, что ты напрасно подсмѣиваешься надъ моимъ честолюбіемъ. У меня осталась только эта страсть. Она вполнѣ законна, и какое мнѣ дѣло до голубей, которые не мѣтятъ въ генералы? Я быстро подвигаюсь вверхъ и представленъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, ты будешь когда нибудь дочерью министра, имя котораго не безслѣдно пройдетъ въ исторіи развитія твоего отечества. Ты получишь блестящее образованіе и хорошее приданое. Алеша тоже ни въ чемъ не будетъ нуждаться. Дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ, Людмила Лавровна, спрячьте свой миленькій колючій язычокъ и сообщите Алешѣ новость: въ іюнѣ я пріѣду къ вамъ и привезу много, много игрушекъ. Лавръ Скроботовъ“.

XLIX.

Весь май мѣсяцъ и начало іюня прошли въ оживленной перепискѣ Лавра Петровича съ Людмилой Лавровной. Въ каждомъ письмѣ, которое Скроботовъ получалъ изъ Мценска, находилось два-три штриха, незамѣтно сливавшихся въ его душѣ

въ какую-то стройную и прелестную картину семейнаго счастья. Письма Людмилы Лавровны становились все ласковѣй и ласковѣй. Наконецъ, сама Настенька написала ему нѣсколько строкъ:

„Дорогой, милый Лавръ. Все обѣщаешь и не ѣдешь. Ради Бога, когда же? Я кругомъ виновата. Конечно, я жестоко поступила съ тобой и поколоти меня хорошенько, когда пріѣдешь. На словахъ я тебѣ все объясню и разскажу гораздо лучше всѣхъ добрыхъ и злыхъ людей. Боюсь, я слишкомъ далеко зашла. Съ нетерпѣніемъ ждемъ тебя. Твоя всегда Настенька".

Въ тотъ же день, прямо изъ послѣдняго засѣданія департамента, съ отпускомъ въ боковомъ карманѣ, заѣхалъ Лавръ Петровичъ за вещами домой, и вечеромъ уже мчался по Николаевской дорогѣ съ курьерскимъ поѣздомъ. Правда, какія-то неопредѣленныя, непріятныя мысли закопошились въ его головѣ подъ мѣрный стукъ поѣзда. Но, чтобъ не поддаваться имъ, онъ смотрѣлъ изъ окна на поля, зеленѣющія въ сумракѣ бѣлой ночи, разговаривалъ съ сосѣдями, курилъ и спалъ, старался рисовать въ своемъ воображеніи только то, что могло успокоить его волнующееся сердце, тѣснимое радостью предстоящаго свиданія и темными сомнѣніями... Да, ему иногда казалось, что Настенька опять обманываетъ его и что онъ похожъ на игрушку въ рукахъ этой женщины.

На другой день, съ предпослѣдней большой станціи, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, послалъ телеграмму Настенькѣ. „Ужь иллюзія, такъ иллюзія,—думалъ онъ.—Зачѣмъ заставать Настеньку врасплохъ". Подавъ телеграмму и возвращаясь въ вагонъ, онъ прошелъ черезъ дамское отдѣленіе и увидѣлъ Скрипицину. Она спала на диванѣ, и Лавръ Петровичъ невольно остановился на минуту. Повидимому, она очень подурнѣла, и лицо ея, не оживленное улыбкой и глазами, показалось ему невзрачнымъ и самымъ обыкновеннымъ. Сожалѣніе проснулось въ его сердцѣ. „И я ее любилъ, и Настенька страдала изъ-за нея! Право, человѣчество — это сумасшедшій домъ, но этого не замѣчаешь, пока самъ сходишь съ ума". Онъ поскорѣе ушелъ, и это была послѣдняя встрѣча его со Скрипициной. Пріѣхалъ онъ въ Мценскъ передъ разсвѣ-

томъ; онъ былъ радъ, что не днемъ. Ему казалось, что въ Мценскѣ вдругъ кто нибудь узнаетъ его и можетъ улыбнуться. „Вонъ, молъ, смотрите, рогачъ ѣдетъ". Извощикъ повезъ его по пустынной мостовой; въ домахъ свѣтились уже тамъ и сямъ огоньки. Тянуло предъутренней прохладой и мигали блѣднѣющія звѣзды. Церкви характерной русской архитектуры возвышали свои главы надъ маленькими одноэтажными домиками. Вотъ соборъ, вотъ каланча. Извощикъ не зналъ дома, гдѣ живетъ Настасья Алексѣевна. Скроботовъ велѣлъ ѣхать въ часть и разбудить дежурнаго городоваго. Городовой вышелъ, почесываясь, и сдѣлалъ неясныя указанія, потому что не могъ прійти въ себя: хмѣль или сонъ одолѣвали его. Скроботовъ поѣхалъ въ указанномъ направленіи и долго кружилъ по узенькимъ уличкамъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ за воротами одного небольшаго опрятнаго дома, стоящаго на косогорѣ, Настасью Алексѣевну. Уже настолько разсвѣло, что и она издали узнала мужа, и тихо, нѣжно окликнула его. Этотъ окликъ пронесся по дремлющей улицѣ звучнымъ шопотомъ. И Лавръ Петровичъ, остановивъ извощика, бросился къ женѣ.

Такъ точно встрѣтила она его пять лѣтъ тому назадъ, когда онъ однажды, тоже на разсвѣтѣ, пріѣхалъ въ Волчики. То было счастливое время. Въ сердцѣ Лавра Петровича оба эти момента какъ-то вдругъ слились въ одинъ, и онъ съ юношескимъ порывомъ обнялъ жену.

— Я получила твою телеграмму и все ждала тебя. Я дала себѣ слово проснуться къ твоему пріѣзду — вышла за ворота, и вдругъ ты ѣдешь... Здравствуй же еще разъ! Посмотри, какъ я похудѣла безъ тебя!

Извощикъ внесъ вещи. Супруги остались одни въ небольшой комнатѣ, гдѣ, при свѣтѣ разгорѣвшейся зари, можно было различить на стѣнахъ картины въ золотыхъ рамахъ, въ углу—длиннохвостый рояль, на окнахъ—цвѣты. Лавръ Петровичъ взялъ жену за талію и подвелъ къ раскрытому окну.

— Дай взглянуть на тебя поближе,—полушопотомъ сказалъ онъ.

Супруги принарядились, готовясь къ встрѣчѣ. Лавръ Петровичъ въ дорогѣ перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ плюшевый пиджакъ и модный галстукъ. Настенька облеклась въ свѣжій *батистовый халатъ съ* свѣтлыми шолковыми лентами. Она на-

душила волосы духами, которые любилъ когда-то Лавръ Петровичъ, потому что духами этими обрызгано было ея подвѣнечное платье. Въ ея полунебрежно-заплетенныхъ косахъ, придававшихъ ей дѣвичій видъ и ставшихъ еще длиннѣе за два года, вились ленты, а на груди темнѣла крупная черно-лиловая фіалка. Нарядъ Настеньки былъ простъ и красивъ. Одно только было не у мѣста: можетъ быть, къ ея халату не шелъ турнюръ, который плохо къ тому же сидѣлъ и придавалъ фигурѣ молодой женщины нѣсколько прозаическій, провинціальный оттѣнокъ. Мужъ поднесъ къ губамъ руку жены и хотѣлъ сказать: „Настенька, я все забылъ“. Но она предупредила его и произнесла:

— Лавръ, я все забыла, слышишь? Пойди же, взгляни на дѣтей...

Она ввела его въ дѣтскую, гдѣ тускло горѣлъ ночникъ и были спущены темныя шторы. Двѣ желѣзныя кроватки стояли у стѣнъ. Въ одной спала Людмила, въ другой—Алеша. Людмила была уже довольно рослой дѣвицей, и ея черная головка невольно напрашивалась на поцѣлуй. Алеша—пухленькій и русый мальчикъ съ розовыми, капризно-сложенными губками. Дѣти были укутаны пикейными одѣяльцами. Лавръ Петровичъ нагнулся и поцѣловалъ ихъ. Алеша не почувствовалъ ласки отца, но Людмила сдѣлала смѣшную гримасу, когда усы коснулись ея пылающей румяной щечки.

— А это что?—спросилъ Лавръ Петровичъ, и сердце его такъ и заныло отъ боли и обиды. Онъ указалъ на третью маленькую кроватку.

— Это... дѣтскій театръ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ не такъ занимаетъ, какъ можно было ожидать. Няня стала класть сюда дѣтскія платьица.

Лавръ Петровичъ тихо засмѣялся.

— Мнѣ, Богъ знаетъ, что̀ представилось. Я близорукъ.

— Что тебѣ представилось?

— Не спрашивай. Что же, дѣти здоровы?

— Какъ видишь.

— Людмилѣ Лавровнѣ ужь скоро пять лѣтъ. Какая она у тебя мастерица писать!

— Не смѣйся, Лавръ, надъ моей хитростью. Но, въ *самомъ дѣлѣ, я скоро* начну ее учить. Она бойкая, развитая

дѣвочка, и такая разбойница! Я, просто, не слажу съ ней. Послушай, Лавръ: четыре часа, и я не тревожила прислуги; но, можетъ быть, ты хотѣлъ бы чего нибудь закусить. Чаю?

— Дитя мое, я не голоденъ и не хочу чаю. Отлично сдѣлала, что не подняла прислугу, но я страшно усталъ.

— Тебѣ приготовлена постель. Нѣтъ особой комнаты. Домъ не великъ. Ты ляжешь вотъ...

— Въ твоей комнатѣ?

Сердце у него задрожало. Онъ взялъ жену за руку, а она положила ему на плечо свою голову.

— Я отвыкла быть женой, Лавръ. Мнѣ стыдно тебя. Прости! Этого никогда больше не повторится.

L.

Итакъ, Лавръ Петровичъ и Настенька снова сошлись. Вопросъ, зачѣмъ они расходились, становился неотвязнымъ. Зачѣмъ же, да зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ? Засыпая, Лавръ Петровичъ все думалъ объ этомъ. Рядомъ спитъ мирнымъ сномъ прекрасная женщина, которая спала такимъ же мирнымъ сномъ пять лѣтъ тому назадъ, на тѣхъ же самыхъ подушкахъ. Потомъ она что-то задумала, терзала его и сама терзалась, прогнала его отъ себя, а потомъ позвала опять. Надолго ли?

Онъ проснулся. Настенька уже встала и поливала цвѣты въ саду. Онъ изъ окна увидалъ ее съ лейкой, освѣщенную утреннимъ солнцемъ. Людмила въ пріотворенную дверь смотрѣла на отца; изъ-за плечей ея робко выглядывалъ Алеша.

— Милочка, ко мнѣ! Алеша!

— Ты пріѣхалъ изъ Петербурга? — отчетливо произнося каждое слово, спросила Людмила Лавровна и подошла къ отцу.

Лавръ Петровичъ обнялъ дочь и залюбовался на нее. Какая красавица! Какіе умные глаза!

— А что же Алеша стоитъ тамъ? Иди сюда.

— Не хочу,—отвѣтилъ маленькій мальчикъ.

— Онъ забылъ тебя,—пояснила дѣвочка.—Я тоже тебя забыла. Когда ты уѣхалъ въ Петербургъ, я была глупа, а

няжка влюбилась въ тебя, а ты издѣваешься надъ ея чувствомъ и держишь ее на привязи дурныхъ инстинктовъ, проповѣдуешь ей мораль и наслаждаешься ея развращеніемъ. Завтра же надо покончить съ этимъ: живи съ ней, какъ съ женой, или же не принимай ея у себя. Ты сталъ хуже Кромскаго".

Приходила Соничка, начинала болтать, разсказывала о томъ, какъ она кокетничаетъ съ Анучинымъ и какъ всѣ въ домѣ подозрѣваютъ, что она потихоньку видается съ нимъ, какъ ни за что не согласилась бы она, въ самомъ дѣлѣ, полюбить женатаго человѣка, такъ чтобы всѣ объ этомъ узнали, и какъ пріятно, что Петербургъ такой большой городъ, и никто не можетъ догадаться, что она бываетъ у Лавра Петровича. И „неоциникъ" быстро простывалъ; благія намѣренія его входили въ сдѣлку съ легкомысліемъ влюбленной барышни, и онъ называлъ сладкое волненіе, которое испытывалъ при ней,—дружбой.

Однако, неизвѣстно, чѣмъ бы завершились его свиданія съ Соничкой, которыя становились все болѣе и болѣе дружескими, и постепенно превращали благоуханіе райскихъ кущъ въ знойное дыханіе ада, еслибы въ одно прекрасное утро нашъ неоциникъ не получилъ двухъ чрезвычайно интересныхъ писемъ, кореннымъ образомъ повліявшихъ на его поведеніе.

XLVII.

Одно изъ этихъ писемъ было доставлено посыльнымъ, и по тонкому, неряшливому почерку Лавръ Петровичъ сразу узналъ руку хорошенькой Трезубцевой, хотя оно не было подписано. Трезубцева писала:

„Милостивый государь, вы поступили со мной очень подло и, воспользовавшись моею неопытностью и молодостью, заставили меня обмануть мужа, который достоинъ глубокаго уваженія и, при его бѣдности (Лавръ Петровичъ зналъ, что Трезубцевъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получаетъ полторы тысячи пенсіи), моя честь была единственнымъ его богатствомъ. Мысль объ этомъ

тревожила меня съ первыхъ же минутъ моего паденія, и если я только теперь пишу вамъ объ этомъ, то знайте, что это меня давно терзало и мучило. Вы занимаете такое положеніе, что, надѣюсь, вамъ будетъ непріятно, когда я все разскажу мужу, а онъ этого такъ не оставитъ и можетъ оскандалить васъ на весь Петербургъ. Я честно смотрю на жизнь, и свой грѣхъ считаю нужнымъ искупить. Я примирюсь съ собой, если вы, начиная съ сегодняшняго числа, ежемѣсячно станете присылать для благотворительныхъ цѣлей, сколько можете, но не меньше пятидесяти рублей. Деньги потрудитесь вручить посыльному".

Лавръ Петровичъ покраснѣлъ, а тѣнь циника Кромскаго поблѣднѣла.

„Я попалъ въ грязную ловушку. Кто мнѣ поручится, что Трезубцевъ, старый крючкотворъ, служившій когда-то въ управѣ благочинія, ничего не знаетъ объ этомъ письмѣ? Пятьдесятъ рублей не великія деньги, и Зинаида Ильинишна стоила мнѣ дороже, потому что каждая минута ея паденія оплачивалась билетами въ оперу, тройками на острова и прогулками по гостинному двору. Но велико нахальство и велика мерзость! „Благотворительныя цѣли"!

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ положилъ деньги въ конвертъ и отдалъ посыльному. Конечно, это былъ шантажъ, который преслѣдуется закономъ. Но онъ не подумалъ о законѣ. Въ дѣлахъ такого рода, кто же обратится къ судебной власти или администраціи? Шелъ человѣкъ и упалъ въ грязь. Поскорѣе, братъ, иди домой и перемѣни платье, чтобы никто не видалъ и не осмѣялъ тебя. Самъ виноватъ: не ходи по лужамъ, будь остороженъ!

Лавръ Петровичъ рѣшилъ разомъ порвать съ цинизмомъ и съ неоцинизмомъ, который тоже, пожалуй, до добра не доведетъ. Дьяволъ былъ ангеломъ когда-то; и развѣ не можетъ Соничка, этотъ прелестный и глупенькій ребенокъ, превратиться въ чертенка? Онъ приказалъ человѣку не принимать никакихъ дамъ и цѣлый день находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа.

Но другое письмо, поданное ему передъ вечеромъ, пробудило въ его душѣ все хорошее и нѣжное, что старался онъ *подавить канцелярской* дѣятельностью и безпутной жизнью.

Письмо было изъ Мценска, отъ Людмилы Лавровны, и писано рукою Настеньки:

„Милый папаша, вотъ уже третій годъ, какъ мы не видались съ тобою: хотя ты въ каждомъ письмѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ коротенькихъ строчекъ, справляешься обо мнѣ и Алешѣ, но согласись самъ, что это не можетъ удовлетворять ни его, ни меня. Я рѣшительно не знаю, что у тебя произошло съ мамой. Дѣти не судятъ родителей. Но мнѣ кажется, что время залѣчиваетъ всѣ раны. Если виновата мама, ты долженъ ее простить, а если виноватъ ты, мама проститъ тебя. Меня и Алешу мама всегда прощаетъ. Вчера мы выбѣжали въ садъ въ хорошенькихъ, новенькихъ платьицахъ и стали обливаться водой изъ дождевой бочки. Это было очень весело, но мама увидала изъ окна, что мы дѣлаемъ, и не на шутку разсердилась. Въ наказаніе, на насъ надѣли парусинныя блузы, которыхъ я терпѣть не могу. Мама подвела насъ къ твоему портрету и сказала: „Какъ вамъ не стыдно, дѣти. Вонъ папа сидитъ и хмурится. Если ничего не случится больше, то завтра онъ улыбнется вамъ. Надо вести себя такъ, чтобы не обижать его“. Видишь, мы постоянно думаемъ о тебѣ. Сегодня ты дѣйствительно улыбнулся, и Алеша утверждалъ на своемъ смѣшномъ языкѣ, что ты даже что-то говоришь. Однако мама сказала, что тебѣ надо написать письмо, и тогда я услышу твой голосъ, который будто бы у тебя въ сердцѣ. Пожалуйста, сдѣлай намъ это удовольствіе. На насъ опять хорошенькія платья—мама ужъ не сердита. Еслибы ты зналъ, какая я теперь большая. Я не только все говорю, но и о многомъ думаю. У меня черные вьющіеся волосы и, когда я выросту, я буду носить длинную косу. Всѣ называютъ меня красавицей. Когда я иду съ Алешей, люди останавливаются и смотрятъ на насъ. „Чьи это дѣти“? спрашиваютъ они. Это—дѣти г-жи Скроботовой, которая ими гордится. Это ея единственное утѣшеніе и ея единственное счастье. Впрочемъ, мы рѣдко куда нибудь выходимъ, а все бѣгаемъ въ саду и во дворѣ, который, представь, весь заросъ травой и на немъ много цвѣтовъ. Теперь весна, распустились яблони и цвѣтутъ, и мы загорѣли, какъ цыганята. У насъ такъ хорошо и спокойно, что ты очень хорошо провелъ бы у насъ время, если бы тебя ничто не задерживало въ Петербургѣ. Не правда ли,

ты живешь, бѣдненькій, одинъ и хочешь быть министромъ, а поэтому убиваешь лучшіе дни свои на писаніе скучныхъ бумагъ? Но ты успѣешь быть министромъ. Возьми отпускъ и, хоть на нѣсколько дней, пріѣзжай сюда и побѣгай съ нами. Надо пользоваться временемъ, которое все летитъ впередъ да впередъ. Я сужу объ этомъ по собственному опыту. Давно ли я не умѣла ходить и называла голубя „бульгальгой"? Теперь даже Алеша крѣпко стоитъ на ножкахъ и играетъ со мной въ лошадки. Кстати о бульгальгахъ: у насъ ихъ цѣлая дюжина, и мамѣ нравится, что они мирно живутъ между собой, никогда не ссорятся, не измѣняютъ другъ другу; ни одинъ голубь не мѣтитъ въ генералы и не покидаетъ своей голубятни, а когда голубка дѣлаетъ видъ, что не любитъ его, это только разжигаетъ его любовь. По всей вѣроятности, она назвала бы его дряннымъ голубемъ, еслибы онъ уступилъ ее кому нибудь другому. Но у голубей этого никогда не случается. Они крѣпко привязаны къ своимъ голубкамъ, которыя растутъ и воспитываются подъ родительскимъ крылышкомъ, пока сами не начнутъ летать и кувыркаться въ воздухѣ. Кромѣ голубей, у насъ есть пѣтухъ, окруженный своими глупыми курами. Вотъ ему рѣшительно нѣтъ дѣла до цыплятъ и недавно коршунъ чуть не схватилъ и не съѣлъ его маленькаго сына, а онъ въ это время чванился передъ другимъ пѣтухомъ изъ сосѣдняго двора и заглядывался на чужую курицу. Но довольно о птицахъ. Мама скрыла отъ тебя, что Алеша былъ боленъ. У него былъ жаръ и горѣла головка, но потомъ все прошло. Дядя Вадимъ не отходилъ отъ его постельки (письмо задрожало въ рукѣ Лавра Петровича). Я люблю дядю Вадима. Онъ бываетъ у насъ каждый день, и намъ весело съ нимъ. Мама шьетъ, а онъ читаетъ, и я тоже слушаю и убѣждаю слушать Алешу, который, впрочемъ, ничего не понимаетъ. Дядя Вадимъ клеитъ теперь намъ театръ, въ которомъ актеры и актрисы будутъ ходить на проволокахъ, занавѣсъ будетъ опускаться и подниматься, а на сценѣ будутъ горѣть цвѣтные фонарики. Я жду съ нетерпѣніемъ этого подарка. Мама проситъ передать тебѣ, что дядя Вадимъ—несчастный, но очень честный человѣкъ, и что ты можешь смѣло пожать ему руку, когда увидишь его въ Мценскѣ. Еще разъ прошу тебя, папаша, пріѣзжай къ намъ. Вспомни свою Людмилу Лавровну и

посмотри на Алешу, какой онъ славный мальчикъ? Тысячу разъ цѣлую тебя. Твоя дочь, Людмила Скроботова".

XLVIII..

Лавръ Петровичъ поспѣшилъ отвѣтить на письмо дочери:

„Безцѣнная Людмила Лавровна. Прости, что я раньше не догадался вступить съ тобой въ переписку. Я не зналъ, что ты ужь такая умненькая. Твое письмо такъ интересно, что я нѣсколько разъ перечиталъ его. Передай мамѣ, что я ее по прежнему люблю, что готовъ все забыть. Можно пожалѣть, что эти два года безслѣдно исчезли изъ нашей жизни. Но кто въ этомъ виноватъ, пусть скажетъ мама, положа руку на сердце. Добрые или злые люди разсказали мнѣ все. Но я примирился въ душѣ съ прошлымъ мамы. Жизнь сама по себѣ такъ отвратительна, столько въ ней грязи и разочарованій, и до того сумма страданій превышаетъ сумму наслажденій, которыми судьба даритъ человѣчество, что незачѣмъ быть слишкомъ разборчивымъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чудесныя иллюзіи молодости быстро увядаютъ, и красоту смѣняетъ голый скелетъ. Но лучше сознательно заблуждаться и вѣрить въ красивый обманъ, умышленно не анализируя его, чѣмъ постоянно вращаться въ обществѣ ничѣмъ не прикрытыхъ, разлагающихся мертвецовъ. Едва ли ты поймешь, но все равно, я признаюсь тебѣ, что одно время у меня были причины возненавидѣть всѣхъ, разумѣется, кромѣ тебя и Алеши. Жестокость, съ которой мама отнеслась ко мнѣ, была безпримѣрна и долгое время непонятна для меня. Когда же я узналъ, что эта жестокость систематически подготовлялась мамой, съ первыхъ дней нашего знакомства и сближенія съ ней, душа моя опустѣла; я увидѣлъ, что сердце мое лучше, чѣмъ сердце мамы, и не знаю, чему обязанъ, что я съ отчаянія не сталъ пьяницей, не сошелъ съ ума, не развратился до мозга костей. Меня спасалъ, должно быть, мой характеръ. Однако, все же много пристало ко мнѣ грязи, съ тѣхъ поръ какъ мама бросила меня. Твои похвалы голубиной добродѣтели обличаютъ въ тебѣ остроуміе, которое ты получила въ наслѣдство отъ мамы; а твой разсказъ о пѣтухѣ свидѣтель—

ствуетъ, что и ты владѣешь уже тонкимъ женскимъ искусствомъ язвить. Оба примѣра, однако, несовсѣмъ подходятъ. Дряненъ голубь, уступающій другому свою голубку. Но что ты скажешь, милочка, о голубкѣ, которая сама улетаетъ изъ голубятни и оставляетъ покинутому голубю единственное утѣшеніе — приносить ей кормъ? Конечно, голубю этого мало, и онъ по неволѣ превратится въ пѣтуха. Но если ты спросишь у злополучнаго пѣтуха, согласился ли бы онъ жить на чужомъ дворѣ, онъ скажетъ тебѣ, что уже пробовалъ перелетѣть черезъ заборъ и сразу окунулся въ помойную яму. Въ концѣ концовъ, онъ во всемъ винитъ голубку. Я ничего не пишу тебѣ о дядѣ Вадимѣ и прошу тебя совсѣмъ не упоминать о немъ. Не осуждай маму,—я ее тоже не осуждаю. Ея эгоизмъ позволяетъ ей сверху смотрѣть на мои неудачи, и такова сила эгоизма, что я готовъ снова лежать у ея ногъ. Но я могу пріѣхать въ Мценскъ съ однимъ условіемъ—чтобы не встрѣчать этого дядю. Моя рука съ гораздо большимъ удовольствіемъ коснулась бы его лица, чѣмъ его руки. Въ заключеніе, скажу тебѣ, Людмила Лавровна, что ты напрасно подсмѣиваешься надъ моимъ честолюбіемъ. У меня осталась только эта страсть. Она вполнѣ законна, и какое мнѣ дѣло до голубей, которые не мѣтятъ въ генералы? Я быстро подвигаюсь вверхъ и представленъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, ты будешь когда нибудь дочерью министра, имя котораго не безслѣдно пройдетъ въ исторіи развитія твоего отечества. Ты получишь блестящее образованіе и хорошее приданое. Алеша тоже ни въ чемъ не будетъ нуждаться. Дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ, Людмила Лавровна, спрячьте свой миленькій колючій язычокъ и сообщите Алешѣ новость: въ іюнѣ я пріѣду къ вамъ и привезу много, много игрушекъ. Лавръ Скроботовъ".

XLIX.

Весь май мѣсяцъ и начало іюня прошли въ оживленной перепискѣ Лавра Петровича съ Людмилой Лавровной. Въ каждомъ письмѣ, которое Скроботовъ получалъ изъ Мценска, находилось два-три штриха, незамѣтно сливавшихся въ его душѣ

въ какую-то стройную и прелестную картину семейнаго счастья. Письма Людмилы Лавровны становились все ласковѣй и ласковѣй. Наконецъ, сама Настенька написала ему нѣсколько строкъ:

„Дорогой, милый Лавръ. Все обѣщаешь и не ѣдешь. Ради Бога, когда же? Я кругомъ виновата. Конечно, я жестоко поступила съ тобой и поколоти меня хорошенько, когда пріѣдешь. На словахъ я тебѣ все объясню и разскажу гораздо лучше всѣхъ добрыхъ и злыхъ людей. Боюсь, я слишкомъ далеко зашла. Съ нетерпѣніемъ ждемъ тебя. Твоя всегда Настенька".

Въ тотъ же день, прямо изъ послѣдняго засѣданія департамента, съ отпускомъ въ боковомъ карманѣ, заѣхалъ Лавръ Петровичъ за вещами домой, и вечеромъ уже мчался по Николаевской дорогѣ съ курьерскимъ поѣздомъ. Правда, какія-то неопредѣленныя, непріятныя мысли закопошились въ его головѣ подъ мѣрный стукъ поѣзда. Но, чтобъ не поддаваться имъ, онъ смотрѣлъ изъ окна на поля, зеленѣющія въ сумракѣ бѣлой ночи, разговаривалъ съ сосѣдями, курилъ и спалъ, старался рисовать въ своемъ воображеніи только то, что могло успокоить его волнующееся сердце, тѣснимое радостью предстоящаго свиданія и темными сомнѣніями... Да, ему иногда казалось, что Настенька опять обманываетъ его и что онъ похожъ на игрушку въ рукахъ этой женщины.

На другой день, съ предпослѣдней большой станціи, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, послалъ телеграмму Настенькѣ. „Ужь иллюзія, такъ иллюзія,—думалъ онъ.—Зачѣмъ застава[illegible] Настеньку врасплохъ". Подавъ телеграмму и возвращаясь въ вагонъ, онъ прошелъ черезъ дамское отдѣленіе и увидѣлъ Скрипицину. Она спала на диванѣ, и Лавръ Петровичъ невольно остановился на минуту. Повидимому, она очень подурнѣла, и лицо ея, не оживленное улыбкой и глазами, показалось ему невзрачнымъ и самымъ обыкновеннымъ. Сожалѣніе проснулось въ его сердцѣ. „И я ее любилъ, и Настенька страдала изъ-за нея! Право, человѣчество — это сумасшедшій домъ, но этого не замѣчаешь, пока самъ сходишь съ ума". Онъ поскорѣе ушелъ, и это была послѣдняя встрѣча его со [illegible].

Пріѣхалъ онъ въ Мценскъ передъ разсвѣ-

томъ; онъ былъ радъ, что не днемъ. Ему казалось, что въ Мценскѣ вдругъ кто нибудь узнаетъ его и можетъ улыбнуться. „Вонъ, молъ, смотрите, рогачъ ѣдетъ". Извощикъ повезъ его по пустынной мостовой; въ домахъ свѣтились уже тамъ и сямъ огоньки. Тянуло предъутренней прохладой и мигали блѣднѣющія звѣзды. Церкви характерной русской архитектуры возвышали свои главы надъ маленькими одноэтажными домиками. Вотъ соборъ, вотъ каланча. Извощикъ не зналъ дома, гдѣ живетъ Настасья Алексѣевна. Скроботовъ велѣлъ ѣхать въ часть и разбудить дежурнаго городоваго. Городовой вышелъ, почесываясь, и сдѣлалъ неясныя указанія, потому что не могъ прійти въ себя: хмѣль или сонъ одолѣвали его. Скроботовъ поѣхалъ въ указанномъ направленіи и долго кружилъ по узенькимъ уличкамъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ за воротами одного небольшаго опрятнаго дома, стоящаго на косогорѣ, Настасью Алексѣевну. Уже настолько разсвѣло, что и она издали узнала мужа, и тихо, нѣжно окликнула его. Этотъ окликъ пронесся по дремлющей улицѣ звучнымъ шопотомъ. И Лавръ Петровичъ, остановивъ извощика, бросился къ женѣ.

Такъ точно встрѣтила она его пять лѣтъ тому назадъ, когда онъ однажды, тоже на разсвѣтѣ, пріѣхалъ въ Волчики. То было счастливое время. Въ сердцѣ Лавра Петровича оба эти момента какъ-то вдругъ слились въ одинъ, и онъ съ юношескимъ порывомъ обнялъ жену.

— Я получила твою телеграмму и все ждала тебя. Я дала себѣ слово проснуться къ твоему пріѣзду — вышла за ворота, и вдругъ ты ѣдешь... Здравствуй же еще разъ! Посмотри, какъ я похудѣла безъ тебя!

Извощикъ внесъ вещи. Супруги остались одни въ небольшой комнатѣ, гдѣ, при свѣтѣ разгорѣвшейся зари, можно было различить на стѣнахъ картины въ золотыхъ рамахъ, въ углу—длиннохвостый рояль, на окнахъ—цвѣты. Лавръ Петровичъ взялъ жену за талію и подвелъ къ раскрытому окну.

— Дай взглянуть на тебя поближе,—полушопотомъ сказалъ онъ.

Супруги принарядились, готовясь къ встрѣчѣ. Лавръ Петровичъ въ дорогѣ перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ плюшевый пиджакъ и модный галстукъ. Настенька облеклась въ свѣжій *батистовый халатъ съ* свѣтлыми шолковыми лентами. Она на-

душила волосы духами, которые любилъ когда-то Лавръ Петровичъ, потому что духами этими обрызгано было ея подвѣнечное платье. Въ ея полунебрежно-заплетенныхъ косахъ, придававшихъ ей дѣвичій видъ и ставшихъ еще длиннѣе за два года, вились ленты, а на груди темнѣла крупная черно-лиловая фіалка. Нарядъ Настеньки былъ простъ и красивъ. Одно только было не у мѣста: можетъ быть, къ ея халату не шелъ турнюръ, который плохо къ тому же сидѣлъ и придавалъ фигурѣ молодой женщины нѣсколько прозаическій, провинціальный оттѣнокъ. Мужъ поднесъ къ губамъ руку жены и хотѣлъ сказать: „Настенька, я все забылъ“. Но она предупредила его и произнесла:

— Лавръ, я все забыла, слышишь? Пойди же, взгляни на дѣтей...

Она ввела его въ дѣтскую, гдѣ тускло горѣлъ ночникъ и были спущены темныя шторы. Двѣ желѣзныя кроватки стояли у стѣнъ. Въ одной спала Людмила, въ другой—Алеша. Людмила была уже довольно рослой дѣвицей, и ея черная головка невольно напрашивалась на поцѣлуй. Алеша—пухленькій и русый мальчикъ съ розовыми, капризно-сложенными губками. Дѣти были укутаны пикейными одѣяльцами. Лавръ Петровичъ нагнулся и поцѣловалъ ихъ. Алеша не почувствовалъ ласки отца, но Людмила сдѣлала смѣшную гримасу, когда усы коснулись ея пылающей румяной щечки.

— А это что?—спросилъ Лавръ Петровичъ, и сердце его такъ и заныло отъ боли и обиды. Онъ указалъ на третью маленькую кроватку.

— Это... дѣтскій театръ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ не такъ занимаетъ, какъ можно было ожидать. Няня стала класть сюда дѣтскія платьица.

Лавръ Петровичъ тихо засмѣялся.

— Мнѣ, Богъ знаетъ, что̀ представилось. Я близорукъ.

— Что тебѣ представилось?

— Не спрашивай. Что же, дѣти здоровы?

— Какъ видишь.

— Людмилѣ Лавровнѣ ужь скоро пять лѣтъ. Какая она у тебя мастерица писать!

— Не смѣйся, Лавръ, надъ моей хитростью. Но, въ *самомъ дѣлѣ, я скоро* начну ее учить. Она бойкая, развитая

дѣвочка, и такая разбойница! Я, просто, не слажу съ ней. Послушай, Лавръ: четыре часа, и я не тревожила прислуги; но, можетъ быть, ты хотѣлъ бы чего нибудь закусить. Чаю?

— Дитя мое, я не голоденъ и не хочу чаю. Отлично сдѣлала, что не подняла прислугу, но я страшно усталъ.

— Тебѣ приготовлена постель. Нѣтъ особой комнаты. Домъ не великъ. Ты ляжешь вотъ...

— Въ твоей комнатѣ?

Сердце у него задрожало. Онъ взялъ жену за руку, а она положила ему на плечо свою голову.

— Я отвыкла быть женой, Лавръ. Мнѣ стыдно тебя. Прости! Этого никогда больше не повторится.

I.

Итакъ, Лавръ Петровичъ и Настенька снова сошлись. Вопросъ, зачѣмъ они расходились, становился неотвязнымъ. Зачѣмъ же, да зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ? Засыпая, Лавръ Петровичъ все думалъ объ этомъ. Рядомъ спитъ мирнымъ сномъ прекрасная женщина, которая спала такимъ же мирнымъ сномъ пять лѣтъ тому назадъ, на тѣхъ же самыхъ подушкахъ. Потомъ она что-то задумала, терзала его и сама терзалась, прогнала его отъ себя, а потомъ позвала опять. Надолго ли?

Онъ проснулся. Настенька уже встала и поливала цвѣты въ саду. Онъ изъ окна увидалъ ее съ лейкой, освѣщенную утреннимъ солнцемъ. Людмила въ пріотворенную дверь смотрѣла на отца; изъ-за плечей ея робко выглядывалъ Алеша.

— Милочка, ко мнѣ! Алеша!

— Ты пріѣхалъ изъ Петербурга? — отчетливо произнося каждое слово, спросила Людмила Лавровна и подошла къ отцу.

Лавръ Петровичъ обнялъ дочь и залюбовался на нее. Какая красавица! Какіе умные глаза!

— А что же Алеша стоитъ тамъ? Иди сюда.

— Не коцу,—отвѣтилъ маленькій мальчикъ.

— Онъ забылъ тебя,—пояснила дѣвочка.—Я тоже тебя забыла. Когда ты уѣхалъ въ Петербургъ, я была глупа, а

Алеша лежалъ на рукахъ и плакалъ, потому что онъ тоже былъ глупъ. Но ты мнѣ вчера снился. Это ты присылалъ намъ большихъ лошадей?

— Я.

— Ну, значитъ, папа. Алеша, не бойся, это папа.

Алеша приблизился, держа палецъ во рту.

— Я сломала уже своего коня, а Алешинъ цѣлъ. Онъ тоже деревянный. И это вовсе не кожа, а сукно. Это такъ поддѣлываютъ. Хвостъ только былъ настоящій.

— Алеша, поцѣлуй же меня, милый мальчикъ! Я привезъ тебѣ столько игрушекъ, что ужасъ!

— А мнѣ?

— И тебѣ, и Алешѣ! Превосходнѣйшіе молотки, возжи съ бубенчиками, рояли, вѣера, самовары, топоры, пилы, часы! И куколъ привезъ.

Дѣти оживились. Людмила Лавровна прижалась къ отцу, и Алеша ревниво потянулся къ нему.

— Покажи, папа, сейчасъ.

— Надо меня сначала поцѣловать!

Людмила Лавровна обняла отца. Алеша старался обнять его съ другаго бока. Онъ упалъ съ ними на кровать: дѣти расхохотались.

— Умывайся только, папа, скорѣй!

Они не отходили отъ него и смотрѣли на умыванье, забѣгая съ разныхъ сторонъ.

— Папа, а мнѣ зубы пополоскать?

— И минѣ!

Вошла няня—не Макарьевна, а уже Власьевна, старуха съ лицомъ, какъ на иконахъ, и въ темномъ платкѣ на головѣ, съ золотыми цвѣтами. Низко поклонившись Лавру Петровичу, она хотѣла увести дѣтей. Но Лавръ Петровичъ не отпустилъ ихъ. Онъ потребовалъ молотокъ, вскрылъ ящикъ съ игрушками и роздалъ ихъ дѣтямъ. Они были ослѣплены, глаза ихъ разбѣжались, но Людмила нашла, что не всѣ игрушки могутъ занять Алешу.

— Онъ еще глупъ!—повторяла она съ убѣжденіемъ и съ особенной ясностью и твердостью выговаривая всѣ буквы. Поэтому она отвоевала себѣ бо́льшую часть игрушекъ и даже *схватила саблю.*

— Я дѣвочка, а ты кавалеръ, и — понимаешь — ты долженъ мнѣ уступить,—наставительно произнесла Людмила, отнимая у Алеши каску.

Ограбленный Алеша повиновался, и въ концѣ концовъ ему было позволено взять только деревянный молотокъ и стучать имъ по полу.

— Папа,—сказала Людмила, довольнымъ взглядомъ обозрѣвая свои сокровища и кокетливо улыбаясь отцу, — за то, что ты такой умница, мы подаримъ тебѣ театръ. Возьми, папа, онъ стоитъ въ дѣтской. Мама позволитъ.

— Нѣтъ, мнѣ не надо театра,—сухо проговорилъ Лавръ Петровичъ.

— Ты не любишь театра?

— Нѣтъ.

— А развѣ ты не любишь дядю Вадима?

— Я не знаю дяди Вадима.

— А мама любитъ дядю Вадима. Онъ очень добрый дядя.

Лавръ Петровичъ приказалъ нянѣ смотрѣть за дѣтьми и ушелъ въ другую комнату одѣваться. Людмила Лавровна своими похвалами дядѣ Вадиму отравила ему радость свиданія съ нею и съ Алешей. Въ углу стоялъ неуклюжій театръ изъ картона, оклееннаго цвѣтной бумагой, и изъ деревянныхъ раскрашенныхъ палочекъ. Дѣти стали шумѣть—хлопать изъ ружей, брящать саблями, заводить часы. Алеша заплакалъ; няня забрала игрушки и увела дѣтей во дворъ. Одѣвшись, Лавръ Петровичъ не спѣшилъ къ женѣ.

„Я пріѣхалъ и примирился съ нею, — думалъ онъ, — но все же я въ дурацкомъ положеніи. Еслибы она пріѣхала ко мнѣ въ Петербургъ, ничто не напомнило бы ей о моихъ связяхъ съ женщинами. У меня были грѣхи, но не было прочныхъ привязанностей; между тѣмъ, здѣсь все полно символами ея измѣны. Даже Людмила повторяетъ ненавистное имя. Вотъ театръ. Актеръ навязываетъ моимъ дѣтямъ свои инстинкты. А это что? Мужская шляпа... Настенька обшиваетъ ее новою лентой. Нѣтъ, я не вынесу этого долго!“

Однако ему стало скучно одному, и живое воспоминаніе о томъ, какъ Настенька встрѣтила его вчера, какъ она была съ нимъ нѣжна и какъ горячо отдалась его ласкамъ, смягчило его сердце.

„Впрочемъ, я буду дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю. Съ Настенькой надо объясниться, и она сама обѣщала мнѣ все разсказать. Подожду. Не сегодня—завтра, все равно".

Онъ направился къ Настенькѣ. На ней былъ надѣтъ передникъ изъ парусины, и руки ея запачканы черною, какъ вакса, землею.

— Лавръ, я вожусь со своими цвѣтами. Безъ тебя я пристрастилась къ цвѣтамъ. Смотри, какія прелестныя вербены! а розы? а сколько резеды!

Она подставила ему щеку для поцѣлуя и онъ поцѣловалъ. Нѣтъ, немыслимо, чтобъ эта женщина съ такими ясными и невинными глазами была хуже его! Факты, иллюзіи... Иллюзіи выше фактовъ. „Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ!" съ легкой болью въ сердцѣ, мысленно произнесъ онъ знаменитые стихи и сталъ вслухъ хвалить дѣтей.

— Людмила Лавровна совершенно въ тебя,—сказалъ онъ съ улыбкой, беря изъ рукъ жены букетикъ цвѣтовъ, которые она сорвала для него. — Всѣ игрушки забрала себѣ на томъ основаніи, что она особа прекраснаго пола. А брату предоставила только черную работу, и онъ теперь въ потѣ лица бьетъ молоткомъ.

Настенька подняла на мужа глаза,—свои прелестные, черные, миндалевидные глаза.

— Почему же въ меня?—спросила она. — Ты самъ говорилъ мнѣ когда-то, что дочери наслѣдуютъ качества отца.

— Настенька... У тебя и цвѣты, и дѣти, и... и ты не скучала одна. А я напрасно старался устроить свою жизнь такъ, чтобъ она не приносила мнѣ огорченій и не томила меня. Какъ нибудь я сообщу тебѣ все подробно, какъ я жилъ эти два года. Ничего не скрою отъ тебя, и ты увидишь сама, что... была эгоисткой.

— Знаю, Лавръ, что во многомъ я виновата, — отвѣчала Настенька, потупляя глаза и краснѣя:—но мнѣ казалось, что я поступаю хорошо, и въ этомъ — мое оправданіе. Это былъ не эгоизмъ, а самоотверженіе. Я ошиблась и наказана.

Она улыбнулась.

— Отложимъ объясненіе, Лавръ; у меня еще не хватаетъ духу.

— Мнѣ самому тяжело все услышать отъ тебя, — прого-

ворилъ Лавръ Петровичъ, — но... но еще тяжелѣе твое молчаніе. Ну, хорошо... отложимъ.

— Пойдемъ пить чай и завтракать. Покормимъ нашихъ звѣрковъ!

Завтракъ происходилъ на балконѣ, увитомъ хмѣлемъ. Лавръ Петровичъ обратилъ вниманіе на то, что дѣти плохо ѣдятъ. Онъ самъ сталъ ихъ пичкать и ради него Людмила Лавровна съѣла лишнюю котлетку.

— Привези мнѣ изъ Петербурга мальчика, — сказала она. — Чтобъ былъ вотъ такой... видишь, какой большой. И чтобъ все говорилъ, чтобъ ходилъ и бѣгалъ! И чтобъ былъ умный и съ усиками. Я тогда всякій день буду ѣсть двѣ котлетки.

— Мальчиковъ мы любимъ, — хлѣбомъ не корми! — пояснила Власьевна.

— Представь, Лавръ, къ намъ пришелъ сосѣдскій мальчикъ, — начала Настенька, — и Милочка все время ухаживала за нимъ и вытирала ему носъ.

— Алеша нехорошій, — сказала Людмила Лавровна. — Онъ ничего не понимаетъ и сегодня насыпалъ себѣ на голову песку.

— Но, Людмила Лавровна, у васъ, кажется, тоже песокъ на головѣ, — замѣтилъ Лавръ Петровичъ, цѣлуя ее.

— Нѣтъ не песокъ, а пудра.

— Нѣтъ, это песокъ, и навѣрно ты научила Алешу посыпать себѣ голову.

— Мальчики не пудрятся, — возразила Людмила Лавровна. — А если не вѣришь, спроси у дяди Вадима.

Лавръ Петровичъ невольно взглянулъ на жену. Настенька встрѣтила его взглядъ и чуть-чуть улыбнулась.

— Этотъ дядя Вадимъ, кажется, здѣсь авторитетъ, — сказалъ Лавръ Петровичъ. — Людмила мнѣ съ утра прожужжала имъ уши.

— Что дѣнно бываетъ, все балуетъ дѣтей, — съ усмѣшкой произнесла няня. — Какъ брякнетъ въ калиткѣ, такъ они сейчасъ: „дядя Вадимъ, дядя Вадимъ“! Удержать нельзя, бѣгутъ!

Настенька молчала и разливала чай. Лавръ Петровичъ не могъ прочитать на ея лицѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ смущенія.

„Женщины выдержаннѣе насъ“, — подумалъ Лавръ Петро-

Но ужь лучше наслажденіе, смѣшанное съ страданіемъ, чѣмъ одно страданіе!

— Я тоже пришла къ этому заключенію,—сказала Настенька съ улыбкой.—Но какъ?—неужели можно жить съ женой, которая завѣдомо измѣняла мужу и открыто бросила его? Развѣ потомъ онъ можетъ вѣрить ей? развѣ не будетъ его терзать мысль, что она любила другаго, и притомъ не изъ врожденной наклонности къ порочнымъ удовольствіямъ,—какъ это бываетъ у васъ, милые мужья,—а изъ горячности сердца? Развѣ не будетъ онъ думать, что она притворяется по какому нибудь разсчету или ради дѣтей? развѣ онъ можетъ уважать ее?

— Настенька, если жена—ты, а мужъ—я, то можетъ.

Настенька въ волненіи проговорила:

— Еслибы я была мужемъ, я бы не могла...

— Твоя жестокость, вообще, безпримѣрна.

— Это не жестокость, а логика сердца,—возразила Настенька.—Я знаю, ты великодушенъ и добръ и, не смотря на все, я убѣдилась наконецъ, что ты любишь только меня. Однако твое великодушіе, которое въ состояніи простить мнѣ даже измѣну,—еслибъ я измѣнила тебѣ,—не способно удержать тебя отъ кокетничанья съ первой смазливой рожицей. Я была такъ невинна, что приняла твое безсодержательное чувство къ Мошезъ за серьезную любовь. Понадобилось два года, чтобы понять тебя. Ты не измѣнился — такой же, какъ и прежде. Но я измѣнилась. Ужь я не могла бы рѣшиться на то, на что рѣшилась два года тому назадъ. Душа у меня стала зрѣлѣе—я не дѣвочка, а женщина. Я, кажется, съумѣю различить теперь мелкое отъ глубокаго и малое отъ великаго. Господь съ тобой, Лавръ, но не обижай меня и не думай, что я опять бы сошлась съ тобой и приняла твое великодушное прощеніе, еслибъ была виновата такъ, какъ ты воображаешь. Конечно, я сама увѣрила тебя Богъ знаетъ въ чемъ. Но это былъ обманъ.

Лавръ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— Не пугай меня, Настенька: ты сумашедшая!—сказалъ онъ.—Какой обманъ? А эта... эта шляпа?—произнесъ онъ робко, съ лицомъ, искаженнымъ и радостью, и недоумѣніемъ, и недовѣріемъ.

Настенька стала весело хохотать и повисла у него на шеѣ. Глядя на шляпу, она сказала:

— Ты теперь гораздо больше походишь на сумашедшаго, чѣмъ я. Мой бѣдный Лавръ, прости меня. Ну, побей меня хорошенько. Я два года дурачила тебя и дурачу теперь. Ты хорошій, умный и добрый человѣкъ; — а я, злая идіотка, что̀ придумала? Какъ я сама терзалась, сколько пролила слезъ! Не знаю, какъ не разорвалось мое сердце! Только нѣтъ, не вѣрь мнѣ опять! Честное слово, клянусь тебѣ, что не изъ злости это было сдѣлано, а мнѣ хотѣлось, чтобъ ты былъ счастливъ съ другою. Меня оскорбляло, что ты деликатничаешь и лжешь. Я рѣшила отплатить тебѣ за ложь ложью, но только быть еще великодушнѣе тебя. Мнѣ казалось, что Мошезъ близка тебѣ по характеру и по взглядамъ, и она красивѣе меня. Но испытаніе кончено, ты вернулся, дорогой мой! Не бойся же этой шляпы. Въ ней буквально нѣтъ ничего страшнаго; это шляпа дяди Вадима. Онъ придетъ утромъ...

— Нѣтъ, Настенька.

— Да не обижай же меня, злой мужъ! Если ты такъ легко повѣрилъ, что я дрянь, такъ тебѣ легче повѣрить, что я совсѣмъ не дрянь.

— Во всякомъ случаѣ, я не хотѣлъ бы встрѣтить Элпатьева...

— Цыцъ, смѣшной! Ни словечка больше! Но успокойся: это вовсе не Элпатьевъ, и Элпатьева я не видала ни разу, съ тѣхъ поръ какъ онъ сбѣжалъ съ нашей дачи.

— Что ты говоришь, Настенька!—съ потемнѣвшимъ отъ тоски лицомъ, сказалъ Лавръ Петровичъ:—ты ѣхала съ нимъ изъ Петербурга; я самъ видѣлъ, какъ онъ высаживалъ тебя изъ вагона.

— Не правда, это былъ не Элпатьевъ, а какой-то актеръ. Онъ всю дорогу ухаживалъ за мной и, не зная, кто я, передалъ мнѣ обо мнѣ же такія подлости, что я изумилась. А ему все налгалъ Элпатьевъ, котораго душонка мнѣ вдругъ стала ясна до мерзости.

Настенька разсказала мужу, какъ Элпатьевъ написалъ ей записку и что̀ она сказала ему въ саду при свиданіи.

— *Но какая я была* дѣвчонка! — продолжала она.—Въ

душѣ я была тронута его любовью и, когда онъ заболѣлъ, мнѣ вообразилось, что онъ погибаетъ отъ моего равнодушія!

— Но Элпатьевъ родомъ изъ Мценска!

— Не знаю, Лавръ. Ты справлялся? Это просто совпаденіе. Завтра же я прикажу Вадиму хорошенько разузнать.

— Настенька, ты изумляешь меня! — воскликнулъ Лавръ Петровичъ, сжимая жену въ объятіяхъ.—Вѣдь не могу же я тебѣ не вѣрить... Но какая у тебя нелѣпая романтическая душа! Ты плачешь, Настенька?

— Я плачу отъ радости, что предъ тобой я чиста и ты ужъ больше не бросишь меня.

— Дитя мое, но ты меня сама бросила!

— Тогда я должна была это сдѣлать, — сказала Настенька.—Это было еще одно изъ доказательствъ, любишь ты меня или нѣтъ. Но я сдѣлала промахъ. Я такъ разсуждала, что если ты меня дѣйствительно любишь, то ни за что не отпустишь и не станешь высылать мнѣ денегъ. А когда ты отпустилъ меня и еще самъ проводилъ на вокзалъ, мнѣ показалось, что это ты меня бросилъ, а не я тебя.

— Ахъ, не плачь, Настенька! Значитъ, я не долженъ былъ высылать тебѣ денегъ?

— Не долженъ.

— Я поступилъ... безнравственно?—спросилъ Лавръ Петровичъ, вспомнивъ свой разговоръ съ баронессой.

— О, нѣтъ, Лавръ. Теперь я вижу, что руководило тобой. Но я не знаю, какъ бы я отвѣтила на этотъ вопросъ тогда.

— Вотъ онѣ, женщины!—началъ Лавръ Петровичъ, не то съ упрекомъ, не то съ болью отъ переживаемаго въ одно мгновенье воспоминанія.—Но скажи, кто же этотъ таинственный Вадимъ?

Настенька обвила руками шею мужа и горячими поцѣлуями заставила его замолчать. Вбѣжали дѣти, и Людмила Лавровна, остановившись посреди комнаты, лукаво сказала:

— А, цѣлуетесь? Мама, стыдно съ мальчиками цѣловаться!

Лавръ Петровичъ и Настенька разсмѣялись, а Людмила и Алеша съ тѣмъ веселымъ возбужденіемъ, которое охватываетъ дѣтей передъ вечеромъ, бросились къ нимъ съ крикомъ и хохотомъ. Людмила, скорчивъ преуморительную гримаску, рев-

ниво обнимала мать; Алешѣ хотѣлось подражать сестрѣ, и онъ обнималъ ногу отца. Когда Лавръ Петровичъ взялъ его на руки, онъ вздумалъ напугать отца и, сдѣлавъ страшные глаза, загадочно мычалъ и говорилъ: „буканъ, буканъ!“

— Нѣтъ, это не буканъ, а *темное!*—капризно пояснила Людмила Лавровна. — Оно сидитъ въ кустахъ и придетъ въ дѣтскую.

— Что за *темное?*—спросилъ Лавръ Петровичъ.

— Ахъ, видишь ли, Лавръ,—начала Настенька,—это ихъ миѳологія. Право, они философы и открыли, увѣряю тебя, сами, что все раздѣляется на свѣтлое и темное. Милочка обладаетъ болѣе отвлеченнымъ умомъ, а Алеша называетъ темное „буканомъ“. Когда они засыпаютъ, *темное* цѣлуетъ имъ глаза. Какой все это восторгъ, Лавръ, ты не повѣришь!

И она стала цѣловать Людмилу.

— Что жъ, „темное“ что нибудь говоритъ?—спросилъ Лавръ Петровичъ у Людмилы Лавровны.

Дѣвочка задумчиво посмотрѣла на отца и не безъ страха отвѣчала:

— Оно не говоритъ, оно думаетъ.

— О чемъ же?

— Обо всемъ.

— Помнишь, Настенька, Алексѣй Ѳедоровичъ тоже думалъ обо всемъ... А *свѣтлое* думаетъ?

— Нѣтъ, оно не думаетъ. Оно смѣется!—сказала Людмила и засмѣялась.

Лавръ Петровичъ, первый разъ въ своей жизни, почувствовалъ особый сладкій трепетъ сердца, испытываемый только отцами да матерями въ минуты общенія съ оригинальнымъ духовнымъ міромъ своихъ дѣтей. И всѣ его прежнія радости показались ему блѣдными и низменными въ сравненіи съ тѣмъ „свѣтлымъ“, которое и въ немъ засмѣялось, и все его существо наполнило счастьемъ. Онъ провозился съ дѣтьми до восьми часовъ, смотрѣлъ, какъ ихъ купаютъ, слушалъ, какъ они капризничаютъ и буянятъ.

Наконецъ, они успокоились, заснули, и весь домъ погрузился въ дремоту и тишину.

LII.

Лавръ Петровичъ съ Настенькой ходилъ по дорожкамъ сада. Благоуханіе цвѣтовъ струилось въ воздухѣ, и сонъ звѣздной ночи нарушался только пѣніемъ соловья. Лавръ Петровичъ былъ теперь въ томъ сладостномъ настроеніи, въ какомъ бываютъ моряки, которые много мѣсяцевъ плавали кругомъ свѣта, и истомились отъ одиночества; были на волоскъ отъ смерти, умирали отъ жажды и тропическаго затишья, не получали вѣстей изъ дому и все же достигли желаемой пристани. Вотъ они на твердой землѣ, на родинѣ, подъ домашнимъ кровомъ. Близкіе,—съ которыми имъ, повидимому, не суждено было встрѣтиться,—опять съ ними, и радость свиданія, словно волшебствомъ, прогнала далеко въ темноту прошлаго всѣ пережитые ими ужасы. Ихъ ожидаютъ теперь только миръ да отдыхъ, да ласки родныхъ. Ужь ничто не потревожитъ ихъ сладостнаго покоя. И, можетъ быть, съ сожалѣніемъ они думаютъ о томъ, зачѣмъ пустились когда-то въ свое опасное плаваніе. Отъ добра добра не ищутъ...

Звѣзды ярко горѣли въ темносинихъ небесахъ. Любовно дрожали онѣ надъ головами примирившихся супруговъ. Право, даже въ Волчикахъ не горѣли такъ хорошо эти вѣчныя задумчивыя звѣзды, какъ теперь. Настенька безъ умолку разсказывала мужу о всѣхъ мельчайшихъ событіяхъ своей тихой жизни въ Мценскѣ. Они были интересны для нея и еще интереснѣе для Лавра Петровича. Но мы не передадимъ ихъ читателю, которому они могутъ показаться немного скучными. Скажемъ только, что Настенька часто упоминала о Вадимѣ, и любопытство Лавра Петровича опять было возбуждено до высшей степени. Онъ не ревновалъ къ этому Вадиму, оказавшему Настенькѣ множество мелкихъ услугъ,—было ужь ясно, что это просто какой-то преданный и добрый малый, привязанный къ Настенькѣ чувствомъ, весьма похожимъ на родственное. Хорошенько помучивъ Лавра Петровича, Настенька предложила ему идти въ спальню. Тамъ она достала изъ комода послѣднее предсмертное письмо Марьи Васильевны и посмертную записку и, подавъ мужу, сказала:

— Пока я буду раздѣваться, прочитай это.

По блеску глазъ Настеньки, Лавръ Петровичъ заключилъ, что бумаги заключаютъ въ себѣ нѣчто важное. Онъ сѣлъ у лампы и развернулъ письмо.

Съ содержаніемъ перваго письма читатель уже знакомъ. Но вотъ посмертная записка Марьи Васильевны:

„Дорогая дочь моя, Настенька! При жизни Алексѣя Ѳедоровича и моей, ты никогда не узнала бы тайны, которую я нашла нужнымъ открыть тебѣ послѣ нашей смерти. Впрочемъ, еслибы Сержъ поступилъ съ тобой благородно и отдалъ бы тебѣ Волчики, что̀ ему легко было сдѣлать, благодаря его богатой, хотя и не одобряемой мною, женитьбѣ, тайну эту я унесла бы съ собою въ гробъ, а документъ, присемъ прилагаемый, бросила бы въ огонь. Прошлое родителей не должно быть предметомъ суда дѣтей. Всѣ люди грѣшны, и еслибы на ихъ совѣсти не было пятенъ и даже преступленій, они стали бы ангелами. Не обременяй же упреками памяти — моей и твоего несчастнаго отца. Двадцать пять лѣтъ назадъ, Алексѣй Ѳедоровичъ прижилъ съ моей горничной дѣвчонкой сына Вадима и тайно отъ меня записалъ на свое имя, о чемъ я узнала только по смерти его любовницы, которая жила въ Отрепномъ съ тѣхъ поръ какъ стала матерью. Протестовать противъ мужа и подводить его подъ уголовную отвѣтственность я не посмѣла, тѣмъ болѣе, что до своей болѣзни онъ былъ крутаго нрава и нерѣдко жестоко обращался со мной. Но я возненавидѣла этого ребенка и потребовала его удаленія изъ Волчиковъ, когда Алексѣй Ѳедоровичъ надумалъ взять его къ себѣ. Мальчикъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ пріютъ съ чужой метрикой. Затѣмъ Алексѣй Ѳедоровичъ, по причинѣ своей безпечности и начавшагося упадка здоровья, забылъ на время о мальчикѣ. Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, его стала мучить совѣсть и онъ, воспользовавшись тѣмъ, что надо было опредѣлять тебя въ институтъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ узналъ, что мальчикъ бѣжалъ изъ пріюта, попался въ кражѣ съ лотка у разнощика и приговоренъ мировымъ судьей къ содержанію въ земледѣльческой колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Алексѣй Ѳедоровичъ забралъ его изъ колоніи, о чемъ мнѣ стало извѣстно не скоро, такъ какъ онъ уже сталъ меня бояться, и опредѣлилъ его въ техническое училище. Средства наши были такъ ограничены, что я

не могла и не хотѣла обдѣлять своихъ законныхъ дѣтей и не выдавала мужу денегъ сверхъ того, что было необходимо для его личныхъ расходовъ. Мальчика исключили изъ училища, и онъ поступилъ въ рабочіе на желѣзную дорогу. Алексѣй Ѳедоровичъ постоянно воровалъ у меня деньги и вещи для Вадима, и это еще больше раздувало мою нелюбовь къ мальчику, который между тѣмъ сталъ молодымъ человѣкомъ. Вадимъ дурно себя велъ и попрошайничалъ. Но это уже началось послѣ того, какъ онъ нагрубилъ начальнику станціи, и его прогнали, обвинивъ,—быть можетъ, ложно, но, во всякомъ случаѣ, бездоказательно,—въ покушеніи на гибель поѣзда; нагрубилъ же онъ, какъ кажется, вслѣдствіе любви и ревности къ какой-то дѣвушкѣ. Въ это время ты поселилась въ Волчикахъ, окончивъ курсъ въ институтѣ. Не повѣришь, какъ меня страшила твоя врожденная проницательность. Какая нибудь встрѣча могла тебѣ открыть глаза на порочность твоего отца и на мою „безсердечность“. Да, ты непремѣнно назвала бы меня безсердечной и не захотѣла бы понять, что я должна была быть такой къ Вадиму, чтобы исполнить свой долгъ по отношенію къ Сержу и къ тебѣ. Но, не смотря на назойливость Вадима и слабость Алексѣя Ѳедоровича, этого, слава Богу, не случилось. Что касается до Вадима, то онъ не зналъ и не знаетъ, что имѣетъ право принадлежать къ нашему семейству. Мысль объ этомъ ужасала меня, но, собираясь предстать передъ вѣчнаго Судію и въ виду желанія оставить тебѣ хоть что нибудь изъ обѣщаннаго приданаго, примиряюсь съ нимъ. Въ петербургскомъ комерческомъ банкѣ лежитъ тысяча рублей—весь мой капиталъ, который ты возьми себѣ и, разыскавъ Вадима, проживающаго теперь въ Петербургѣ по свидѣтельству техническаго училища, подъ фамиліей Алексѣева, войди съ нимъ въ сдѣлку и объяви ему, что часть Волчиковъ есть его собственность. Можетъ быть, съ него довольно двухъ тысячъ, и пусть онъ за эту сумму продастъ тебѣ свое право. Сержъ начнетъ процессъ, но Вадимъ, подъ руководствомъ Лавра Петровича, навѣрно выиграетъ его. Прости меня, дитя мое, что я возлагаю на тебя эти хлопоты, но онѣ необходимы для твоего благополучія и—хочу вѣрить—для спасенія моей души. Аминь. Если есть жизнь за могилой, то вѣчно буду слѣдить за тобой, дабы оберегать твое супруже-

ство отъ невзгодъ и горя, котораго сама я слишкомъ много перенесла и которое преждевременно надломило мои силы. Цѣлую тебя и благословляю. Твоя мать, Марья Хлѣбоѣдова".

— Да, Настенька, мнѣ теперь все ясно,—сказалъ Лавръ Петровичъ.—Вотъ на какомъ фундаментѣ ты построила свой мучительный обманъ. Низкій я человѣкъ, что могъ вѣрить тебѣ и потомъ разнымъ негодяямъ, глупо и пошло клеветавшимъ на тебя. Теперь для меня становится яснымъ еще и другое обстоятельство. Какъ-то на балу я встрѣтился съ Сержемъ и подошелъ къ нему. Но онъ звѣрски посмотрѣлъ на меня и прошепталъ: „Это все ваши штуки"! Вадимъ, значитъ, оттягалъ у него Волчики?

— Онъ долженъ былъ покончить миромъ съ Вадимомъ и заплатилъ ему десять тысячъ. Но, знаешь, я не захотѣла ничего взять отъ Вадима. Онъ купилъ себѣ домикъ и торгуетъ··

— Табакомъ и телятами?

Настенька разсмѣялась.

— Какой странный товаръ! Откуда ты взялъ?

— Мнѣ говорили, что будто Элпатьевъ, смѣшивая его, разумѣется, съ Вадимомъ...

— Да нѣтъ же, онъ торгуетъ стальными вещами, которыя пріобрѣтаетъ отъ кустарей. Смотри: на туалетѣ всѣ тѣ ножницы, пилочки, подсвѣчники съ такой красивой насѣчкой— это все подарилъ Вадимъ, а я обѣщала ему за это обновить его шляпу. Ложись, Лавръ. Я открою тебѣ, что, должно быть, скоро, а именно послѣ Петровокъ, мы будемъ присутствовать на свадьбѣ Вадима. Я такъ рада, что онъ нашелъ хорошенькую невѣсту. Вотъ его тесть, дѣйствительно, торгуетъ телятами и возитъ ихъ въ Москву. Это—дѣвушка безъ особеннаго образованія, но она влюблена въ него и, кажется, добруха, какихъ свѣтъ не создавалъ. Ужь разумѣется, она не будетъ терзать Вадима, какъ я тебя терзала...

Супруги еще нѣкоторое время бесѣдовали въ темнотѣ, послѣ того какъ была потушена лампа. Ихъ бесѣда становилась все тише, тише и отрывистѣе. Нѣжный смѣхъ Настеньки прерывалъ ее. Если жарки были ихъ объятія вчера, то сегодня они еще жарче.

LIII.

Прошло около трехъ недѣль. Лавръ Петровичъ и Настенька порѣшили: конецъ іюля и начало августа провести въ Крыму и покупаться въ морѣ, а затѣмъ—прямо ѣхать въ Петербургъ, чтобъ никогда ужь больше не разставаться. Въ Мценскѣ они доживали послѣдніе дни, въ ожиданіи свадьбы Вадима.

Однажды, послѣ утренняго чаю, къ воротамъ дома подкатило два фаэтона,—одинъ для няни и дѣтей, а другой для супруговъ Скроботовыхъ. Вѣнчаніе Вадима Хлѣбоѣдова съ дочерью купца второй гильдіи, Александрою Толстовой, должно было состояться въ маленькой пригородной церкви, находившейся отъ дома въ двухъ или трехъ верстахъ. Вадимъ съ своимъ шаферомъ заѣхали къ Скроботовымъ на нѣсколько минутъ. Худое бѣлокурое лицо этого молодаго человѣка дышало счастіемъ и тревогой. Мозолистыя руки его выставлялись изъ рукавовъ фрака безъ особеннаго изящества, но крѣпко и дружески жали руки Лавру Петровичу и Настенькѣ.

— Долженъ сказать вамъ, господа,—торопливо проговорилъ онъ,—что, ежели я теперь живу, то кому же этимъ обязанъ, какъ не вамъ? Будучи ничтожнымъ червемъ и чуть не преступникомъ,—сталъ человѣкомъ! Подъ двумя планетами я родился, подъ несчастной и счастливой. Счастливой планетой моей были вы, Настасья Алексѣевна!

— Что вы, Вадимъ!—вскричала Настенька со смѣхомъ.— Я родилась гораздо позже васъ!

— Нѣтъ, добро родилось раньше меня, — возразилъ Вадимъ, — а зло вмѣстѣ со мною. Но добро побѣдило. Ахъ, Лавръ Петровичъ, я есмь счастливый смертный.

Онъ обнялъ Лавра Петровича, и тотъ сказалъ женѣ съ улыбкой, что, должно быть, Вадимъ, принимаетъ его за что-нибудь стальное, потому что чуть не сломалъ ему ребра.

— Бѣдненькая его невѣста!—сказала, покраснѣвъ, Настенька. — Смотрите, Вадимъ, берегите ребра вашей Сашеньки.

— Ахъ, да что ребра!—счастливый я есмь человѣкъ! — воскликнулъ Вадимъ, и, въ избыткѣ обуревавшей его радостной энергіи, не прочь былъ, кажется, поднять, какъ перышко

рояль. По крайней мѣрѣ, онъ съ апетитомъ посмотрѣлъ на него и опустилъ кулакъ.

Шаферъ изъ купчиковъ съ тоскою сказалъ, что пора бы ѣхать, а то какъ бы невѣста не прикатила раньше въ церковь. Вадимъ встрепенулся, схватилъ цилиндръ и перчатки, которыхъ не рѣшался надѣть изъ опасенія, что они разлѣзутся по швамъ, и помчался на извощикѣ въ церковь, предупредивъ, что церемонія не начнется до пріѣзда Лавра Петровича и Настеньки. Настенька была уже одѣта. Людмила Лавровна съ Алешей предвкушали прелесть прогулки и смотрѣли изъ окна на лошадей. Власьевна стояла позади нихъ въ своемъ золотомъ платкѣ. Но Лавръ Петровичъ еще возился, вставляя запонки въ манжеты. Взглянувъ въ окно, онъ сказалъ:

— Однако, Настенька, собирается дождь. Надвигается туча. Какъ бы намъ не пострадать!

— Экипажи крытые, Лавръ. Нельзя же не ѣхать!

— А если дѣти простудятся?

— Дѣтей можно прокатить, и затѣмъ они вернутся домой съ няней. Да если и будетъ дождь, то не скоро. Солнце свѣтитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Поскорѣе, Лавръ!

Они сѣли въ экипажъ. Дѣтей усадила няня, и лошади поскакали. Между тѣмъ, съ запада все ползла, еще не высоко надъ горизонтомъ, темно-синяя сплошная туча съ серебристыми краями. Было видно, какъ она клубится и словно наливается мутной влагой. По временамъ, она давала отъ себя отростки, которые, удлинняясь, шли на встрѣчу другъ къ другу и сливались между собою, какъ два звѣря въ смертельной схваткѣ. Началъ дуть вѣтерокъ, и по улицѣ стали крутиться вихри. Настенька остановила лошадей и крикнула нянѣ:

— Поѣзжайте домой!

— Не поднять ли верхъ?—спросилъ Лавръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Лавръ, мы, можетъ быть, благополучно доѣдемъ. Бѣдная Людмила Лавровна, кажется, очень огорчена! Ты не слышишь, это не она плачетъ?

— Настенька, это вѣтеръ завылъ.

— Какъ жалобно!

— Да, но теперь ужъ грозно. Смотри, какъ никнутъ деревья.

Пыль запорошила Настенькѣ глаза, и Лавръ Петровичъ долженъ былъ придерживать рукой свою шляпу. Туча все заволакивала лазурь. Уже день поблѣднѣлъ, и тѣнь трепещущимъ пологомъ бѣжала по землѣ. Съ обѣихъ сторонъ тучи вытянули два крыла и обнимали все тѣснѣе и тѣснѣе погасающее небо. Туча казалась теперь несокрушимой силой, чѣмъ-то безжалостнымъ и роковымъ. Смѣло шла она съ нѣмымъ сознаніемъ своего могущества противъ робкаго, блѣдно улыбающагося солнца, которое напрасно стягивало къ себѣ, на свою защиту, свѣтлыя облачка. Они робко толпились у трона своего испуганнаго владыки и таяли отъ ужаса. Или, вдругъ, черная измѣна проникала все ихъ существо и они растерянно бѣжали на встрѣчу побѣдоносной тучѣ, сливаясь съ нею. Когда же вокругъ самого солнца началась смута и свѣтлые тѣлохранители его ополчились на него и стали взбираться на ступени золотаго трона, туча двинулась на югъ и востокъ и въ ея мутной волнѣ стали гаснуть одинъ за другимъ солнечные лучи. Еще они боролись съ врагомъ, и тамъ и здѣсь длинными стрѣлами пронизывали его безформенную массу. Но раны, наносимыя ими, быстро затягивались; туча темнѣла, въ ея синемъ мракѣ стали вздрагивать зарницы съ зловѣщимъ рокотаньемъ. Солнце не выдержало борьбы и покорилось. Гдѣ за минуту передъ тѣмъ блестѣлъ его царственный тронъ, уже ползла передовая рать темной силы, рѣшившейся обложить все небо. Только далеко-далеко, тамъ, гдѣ утромъ восходило солнце, гдѣ зародился ясный день и гдѣ утромъ улыбалась заря,—чуть брезжила ясная полоска лазури.

— Настенька, непремѣнно надо поднять верхъ!—сказалъ Лавръ Петровичъ и хотѣлъ остановить кучера.

— Но дождя нѣтъ, Лавръ,—возразила Настенька.—Не поднимай верхъ — мнѣ будетъ душно.

Вѣтеръ дулъ съ такой силой, что слова, которыми обмѣнялись супруги, едва были слышны. Явственнѣе рокоталъ громъ и зарницы вспыхивали, какъ настоящія молніи.

— Мнѣ кажется, Лавръ, что эта туча просто лжетъ. Она много обѣщаетъ, но пройдетъ мимо и пощадитъ насъ.

— Не думаю, Настенька, — сказалъ Лавръ Петровичъ и глянулъ по сторонамъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, туча, сосредоточивъ весь свой гнѣвъ на свѣтлой полоскѣ, которая спокойно бѣлѣлась на востокѣ, очистила небо на западѣ. Должно быть, свѣтлая полоска, не смотря на всю свою невзрачность, была сильнѣе грозной тучи. Массы мрака кидала туча на востокъ и видимо слабѣла на западѣ. Вотъ ужь треть неба освободилась отъ ея ига. Громъ становился тише. Еще черезъ минуту туча стала быстро таять; изъ ея нѣдръ радостно выплыло солнце и направило на нее свой лучи. Изнемогая отъ тщетныхъ усилій удержать свою властъ надъ небесами, туча разбилась на множество отрядовъ, но они таяли еще скорѣе. Вѣтеръ,—герольдъ ея мимолетнаго могущества,—утихъ, пыль улеглась, и снова ясный день воцарился на землѣ, прогнавъ тревожный сумракъ.

— Я говорила!—съ торжествомъ сказала Настенька.

Между тѣмъ экипажъ подъѣзжалъ къ церкви.

Начался обрядъ вѣнчанія. Настенька стояла объ руку съ мужемъ. Она молилась о томъ, чтобъ счастливы были новобрачные, и къ этой молитвѣ за другихъ невольно присоединялась эгоистическая молитва за себя. Невзгода, смутившая душевный покой Настеньки и Лавра Петровича, пронеслась наконецъ мимо, какъ эта черная туча, которая грозила имъ на всемъ ихъ пути до самой церкви. Дай Богъ, чтобъ никогда больше не омрачалось солнце ихъ любви и счастья!

І. Ясинскій.

ЮНОСТЬ.

Нельзя не вспомнить мнѣ о ней,—
Объ этой юности мятежной,
Когда заря весны моей
Взошла на утрѣ чудныхъ дней,
Маня впередъ улыбкой нѣжной.

Нельзя не вспомнить мнѣ о немъ,—
Объ этомъ счастьѣ беззаботномъ,
Когда мы истиной живемъ,
Горя божественнымъ огнемъ
Въ порывѣ къ правдѣ мимолетномъ.

Тамъ ясно все, тамъ пятенъ нѣтъ
На яркомъ солнцѣ жизни нашей,
Безсиленъ мракъ, всесиленъ свѣтъ,
И силъ неопытныхъ расцвѣтъ
Пьянитъ блаженства полной чашей.

Такихъ минутъ не будетъ вновь,
Онѣ лишь разъ даны природой,
Но въ тѣ года, волнуя кровь,
Намъ повинуется любовь
Въ союзѣ съ честью и свободой.

Но въ тѣ года святой мечты
Нашъ вольный духъ любезенъ Богу,

И разсыпаетъ намъ цвѣты
Творецъ съ небесной высоты
На нашу честную дорогу.

Не зная лжи, чуждаясь зла,
Тогда мы стоимъ уваженья:
Въ насъ вѣра гордая смѣла,
Самоотверженны дѣла
И неподкупны убѣжденья.

За прелесть юности живой
Простить въ душѣ найдутся силы—
И трудной жизни путь пустой,
И мигъ рожденья роковой,
И ужасъ сумрачной могилы.

Л Медвѣдевъ.

LII.

Лавръ Петровичъ съ Настенькой ходилъ по дорожкамъ сада. Благоуханіе цвѣтовъ струилось въ воздухѣ, и сонъ звѣздной ночи нарушался только пѣніемъ соловья. Лавръ Петровичъ былъ теперь въ томъ сладостномъ настроеніи, въ какомъ бываютъ моряки, которые много мѣсяцевъ плавали кругомъ свѣта, и истомились отъ одиночества; были на волоскѣ отъ смерти, умирали отъ жажды и тропическаго затишья, не получали вѣстей изъ дому и все же достигли желаемой пристани. Вотъ они на твердой землѣ, на родинѣ, подъ домашнимъ кровомъ. Близкіе,—съ которыми имъ, повидимому, не суждено было встрѣтиться,—опять съ ними, и радость свиданія, словно волшебствомъ, прогнала далеко въ темноту прошлаго всѣ пережитые ими ужасы. Ихъ ожидаютъ теперь только миръ да отдыхъ, да ласки родныхъ. Ужь ничто не потревожитъ ихъ сладостнаго покоя. И, можетъ быть, съ сожалѣніемъ они думаютъ о томъ, зачѣмъ пустились когда-то въ свое опасное плаваніе. Отъ добра добра не ищутъ...

Звѣзды ярко горѣли въ темносинихъ небесахъ. Любовно дрожали онѣ надъ головами примирившихся супруговъ. Право, даже въ Волчикахъ не горѣли такъ хорошо эти вѣчныя задумчивыя звѣзды, какъ теперь. Настенька безъ умолку разсказывала мужу о всѣхъ мельчайшихъ событіяхъ своей тихой жизни въ Мценскѣ. Они были интересны для нея и еще интереснѣе для Лавра Петровича. Но мы не передадимъ ихъ читателю, которому они могутъ показаться немного скучными. Скажемъ только, что Настенька часто упоминала о Вадимѣ, и любопытство Лавра Петровича опять было возбуждено до высшей степени. Онъ не ревновалъ къ этому Вадиму, оказавшему Настенькѣ множество мелкихъ услугъ,—было ужь ясно, что это просто какой-то преданный и добрый малый, привязанный къ Настенькѣ чувствомъ, весьма похожимъ на родственное. Хорошенько помучивъ Лавра Петровича, Настенька предложила ему идти въ спальню. Тамъ она достала изъ комода послѣднее предсмертное письмо Марьи Васильевны и посмертную записку и, подавъ мужу, сказала:

— Пока я буду раздѣваться, прочитай это.

По блеску глазъ Настеньки, Лавръ Петровичъ заключилъ, что бумаги заключаютъ въ себѣ нѣчто важное. Онъ сѣлъ у лампы и развернулъ письмо.

Съ содержаніемъ перваго письма читатель уже знакомъ. Но вотъ посмертная записка Марьи Васильевны:

„Дорогая дочь моя, Настенька! При жизни Алексѣя Ѳедоровича и моей, ты никогда не узнала бы тайны, которую я нашла нужнымъ открыть тебѣ послѣ нашей смерти. Впрочемъ, еслибы Сержъ поступилъ съ тобой благородно и отдалъ бы тебѣ Волчики, что̀ ему легко было сдѣлать, благодаря его богатой, хотя и не одобряемой мною, женитьбѣ, тайну эту я унесла бы съ собою въ гробъ, а документъ, присемъ прилагаемый, бросила бы въ огонь. Прошлое родителей не должно быть предметомъ суда дѣтей. Всѣ люди грѣшны, и еслибы на ихъ совѣсти не было пятенъ и даже преступленій, они стали бы ангелами. Не обременяй же упреками памяти — моей и твоего несчастнаго отца. Двадцать пять лѣтъ назадъ, Алексѣй Ѳедоровичъ прижилъ съ моей горничной дѣвчонкой сына Вадима и тайно отъ меня записалъ на свое имя, о чемъ я узнала только по смерти его любовницы, которая жила въ Отрепномъ съ тѣхъ поръ какъ стала матерью. Протестовать противъ мужа и подводить его подъ уголовную отвѣтственность я не посмѣла, тѣмъ болѣе, что до своей болѣзни онъ былъ крутаго нрава и нерѣдко жестоко обращался со мной. Но я возненавидѣла этого ребенка и потребовала его удаленія изъ Волчиковъ, когда Алексѣй Ѳедоровичъ надумалъ взять его къ себѣ. Мальчикъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ пріютъ съ чужой метрикой. Затѣмъ Алексѣй Ѳедоровичъ, по причинѣ своей безпечности и начавшагося упадка здоровья, забылъ на время о мальчикѣ. Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, его стала мучить совѣсть и онъ, воспользовавшись тѣмъ, что надо было опредѣлять тебя въ институтъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ узналъ, что мальчикъ бѣжалъ изъ пріюта, попался въ кражѣ съ лотка у разнощика и приговоренъ мировымъ судьей къ содержанію въ земледѣльческой колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Алексѣй Ѳедоровичъ забралъ его изъ колоніи, о чемъ мнѣ стало извѣстно не скоро, такъ какъ онъ уже сталъ меня бояться, и опредѣлилъ его въ техническое училище. Средства наши были такъ ограничены, что я

не могла и не хотѣла обдѣлять своихъ законныхъ дѣтей и не выдавала мужу денегъ сверхъ того, что было необходимо для его личныхъ расходовъ. Мальчика исключили изъ училища, и онъ поступилъ въ рабочіе на желѣзную дорогу. Алексѣй Ѳедоровичъ постоянно воровалъ у меня деньги и вещи для Вадима, и это еще больше раздувало мою нелюбовь къ мальчику, который между тѣмъ сталъ молодымъ человѣкомъ. Вадимъ дурно себя велъ и попрошайничалъ. Но это уже началось послѣ того, какъ онъ нагрубилъ начальнику станціи, и его прогнали, обвинивъ,—быть можетъ, ложно, но, во всякомъ случаѣ, бездоказательно,—въ покушеніи на гибель поѣзда; нагрубилъ же онъ, какъ кажется, вслѣдствіе любви и ревности къ какой-то дѣвушкѣ. Въ это время ты поселилась въ Волчикахъ, окончивъ курсъ въ институтѣ. Не повѣришь, какъ меня страшила твоя врожденная проницательность. Какая нибудь встрѣча могла тебѣ открыть глаза на порочность твоего отца и на мою „безсердечность“. Да, ты непремѣнно назвала бы меня безсердечной и не захотѣла бы понять, что я должна была быть такой къ Вадиму, чтобы исполнить свой долгъ по отношенію къ Сержу и къ тебѣ. Но, не смотря на назойливость Вадима и слабость Алексѣя Ѳедоровича, этого, слава Богу, не случилось. Что касается до Вадима, то онъ не зналъ и не знаетъ, что имѣетъ право принадлежать къ нашему семейству. Мысль объ этомъ ужасала меня, но, собираясь предстать передъ вѣчнаго Судію и въ виду желанія оставить тебѣ хоть что нибудь изъ обѣщаннаго приданаго, примиряюсь съ нимъ. Въ петербургскомъ комерческомъ банкѣ лежитъ тысяча рублей—весь мой капиталъ, который ты возьми себѣ и, разыскавъ Вадима, проживающаго теперь въ Петербургѣ по свидѣтельству техническаго училища, подъ фамиліей Алексѣева, войди съ нимъ въ сдѣлку и объяви ему, что часть Волчиковъ есть его собственность. Можетъ быть, съ него довольно двухъ тысячъ, и пусть онъ за эту сумму продастъ тебѣ свое право. Сержъ начнетъ процессъ, но Вадимъ, подъ руководствомъ Лавра Петровича, навѣрно выиграетъ его. Прости меня, дитя мое, что я возлагаю на тебя эти хлопоты, но онѣ необходимы для твоего благополучія и—хочу вѣрить—для спасенія моей души. Аминь. Если есть жизнь за могилой, т вѣчно буду слѣдить за тобой, дабы оберегать твое супруже

ство отъ невзгодъ и горя, котораго сама я слишкомъ много перенесла и которое преждевременно надломило мои силы. Цѣлую тебя и благословляю. Твоя мать, Марья Хлѣбоѣдова".

— Да, Настенька, мнѣ теперь все ясно,—сказалъ Лавръ Петровичъ.—Вотъ на какомъ фундаментѣ ты построила свой мучительный обманъ. Низкій я человѣкъ, что могъ вѣрить тебѣ и потомъ разнымъ негодямъ, глупо и пошло клеветавшимъ на тебя. Теперь для меня становится яснымъ еще и другое обстоятельство. Какъ-то на балу я встрѣтился съ Сержемъ и подошелъ къ нему. Но онъ звѣрски посмотрѣлъ на меня и прошепталъ: „Это все ваши штуки"! Вадимъ, значитъ, оттягалъ у него Волчики?

— Онъ долженъ былъ покончить миромъ съ Вадимомъ и заплатилъ ему десять тысячъ. Но, знаешь, я не захотѣла ничего взять отъ Вадима. Онъ купилъ себѣ домикъ и торгуетъ...

— Табакомъ и телятами?

Настенька разсмѣялась.

— Какой странный товаръ! Откуда ты взялъ?

— Мнѣ говорили, что будто Элпатьевъ, смѣшивая его, разумѣется, съ Вадимомъ...

— Да нѣтъ же, онъ торгуетъ стальными вещами, которыя пріобрѣтаетъ отъ кустарей. Смотри: на туалетѣ всѣ тѣ ножницы, пилочки, подсвѣчники съ такой красивой насѣчкой— это все подарилъ Вадимъ, а я обѣщала ему за это обновить его шляпу. Ложись, Лавръ. Я открою тебѣ, что, должно быть, скоро, а именно послѣ Петровокъ, мы будемъ присутствовать на свадьбѣ Вадима. Я такъ рада, что онъ нашелъ хорошенькую невѣсту. Вотъ его тесть, дѣйствительно, торгуетъ телятами и возитъ ихъ въ Москву. Это—дѣвушка безъ особеннаго образованія, но она влюблена въ него и, кажется, добруха, какихъ свѣтъ не создавалъ. Ужь разумѣется, она не будетъ терзать Вадима, какъ я тебя терзала...

Супруги еще нѣкоторое время бесѣдовали въ темнотѣ, послѣ того какъ была потушена лампа. Ихъ бесѣда становилась все тише, тише и отрывистѣе. Нѣжный смѣхъ Настеньки прерывалъ ее. Если жарки были ихъ объятія вчера, то сегодня они еще жарче.

LIII.

Прошло около трехъ недѣль. Лавръ Петровичъ и Настенька порѣшили: конецъ іюля и начало августа провести въ Крыму и покупаться въ морѣ, а затѣмъ—прямо ѣхать въ Петербургъ, чтобъ никогда ужь больше не разставаться. Въ Мценскѣ они доживали послѣдніе дни, въ ожиданіи свадьбы Вадима.

Однажды, послѣ утренняго чаю, къ воротамъ дома подкатило два фаэтона,—одинъ для няни и дѣтей, а другой для супруговъ Скроботовыхъ. Вѣнчаніе Вадима Хлѣбоѣдова съ дочерью купца второй гильдіи, Александрою Толстовой, должно было состояться въ маленькой пригородной церкви, находившейся отъ дома въ двухъ или трехъ верстахъ. Вадимъ съ своимъ шафером заѣхали къ Скроботовымъ на нѣсколько минутъ. Худое бѣлокурое лицо этого молодаго человѣка дышало счастіемъ и тревогой. Мозолистыя руки его выставлялись изъ рукавовъ фрака безъ особеннаго изящества, но крѣпко и дружески жали руки Лавру Петровичу и Настенькѣ.

— Долженъ сказать вамъ, господа,—торопливо проговорилъ онъ,—что, ежели я теперь живу, то кому же этимъ обязанъ, какъ не вамъ? Будучи ничтожнымъ червемъ и чуть не преступникомъ,—сталъ человѣкомъ! Подъ двумя планетами я родился, подъ несчастной и счастливой. Счастливой планетой моей были вы, Настасья Алексѣевна!

— Что вы, Вадимъ!—вскричала Настенька со смѣхомъ.—Я родилась гораздо позже васъ!

— Нѣтъ, добро родилось раньше меня, — возразилъ Вадимъ, — а зло вмѣстѣ со мною. Но добро побѣдило. Ахъ, Лавръ Петровичъ, я есмь счастливый смертный.

Онъ обнялъ Лавра Петровича, и тотъ сказалъ женѣ съ улыбкой, что, должно быть, Вадимъ, принимаетъ его за что нибудь стальное, потому что чуть не сломалъ ему ребра.

— Бѣдненькая его невѣста!—сказала, покраснѣвъ, Настенька. — Смотрите, Вадимъ, берегите ребра вашей Саши!

— Ахъ, да что ребра!—счастливый я есмь человѣкъ!—воскликнулъ Вадимъ, и, въ избыткѣ обуревавшей его радостной энергіи, не прочь былъ, кажется, поднять, какъ перышко,

рояль. По крайней мѣрѣ, онъ съ апетитомъ посмотрѣлъ на него и опустилъ кулакъ.

Шаферъ изъ купчиковъ съ тоскою сказалъ, что пора бы ѣхать, а то какъ бы невѣста не прикатила раньше въ церковь. Вадимъ встрепенулся, схватилъ цилиндръ и перчатки, которыхъ не рѣшался надѣть изъ опасенія, что они разлѣзутся по швамъ, и помчался на извощикѣ въ церковь, предупредивъ, что церемонія не начнется до пріѣзда Лавра Петровича и Настеньки. Настенька была уже одѣта. Людмила Лавровна съ Алешей предвкушали прелесть прогулки и смотрѣли изъ окна на лошадей. Власьевна стояла позади нихъ въ своемъ золотомъ платкѣ. Но Лавръ Петровичъ еще возился, вставляя запонки въ манжеты. Взглянувъ въ окно, онъ сказалъ:

— Однако, Настенька, собирается дождь. Надвигается туча. Какъ бы намъ не пострадать!

— Экипажи крытые, Лавръ. Нельзя же не ѣхать!

— А если дѣти простудятся?

— Дѣтей можно прокатить, и затѣмъ они вернутся домой съ няней. Да если и будетъ дождь, то не скоро. Солнце свѣтитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Поскорѣе, Лавръ!

Они сѣли въ экипажъ. Дѣтей усадила няня, и лошади поскакали. Между тѣмъ, съ запада все ползла, еще не высоко надъ горизонтомъ, темно-синяя сплошная туча съ серебристыми краями. Было видно, какъ она клубится и словно наливается мутной влагой. По временамъ, она давала отъ себя отростки, которые, удлиняясь, шли на встрѣчу другъ къ другу и сливались между собою, какъ два звѣря въ смертельной схваткѣ. Началъ дуть вѣтерокъ, и по улицѣ стали крутиться вихри. Настенька остановила лошадей и крикнула нянѣ:

— Поѣзжайте домой!

— Не поднять ли верхъ?—спросилъ Лавръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Лавръ, мы, можетъ быть, благополучно доѣдемъ. Бѣдная Людмила Лавровна, кажется, очень огорчена! Ты не слышишь, это не она плачетъ?

— Настенька, это вѣтеръ завылъ.

— Какъ жалобно!

— Да, но теперь ужь грозно. Смотри, какъ никнутъ деревья.

Пыль запорошила Настенькѣ глаза, и Лавръ Петровичъ долженъ былъ придерживать рукой свою шляпу. Туча все заволакивала лазурь. Уже день поблѣднѣлъ, и тѣнь трепещущимъ пологомъ бѣжала по землѣ. Съ обѣихъ сторонъ тучи вытянули два крыла и обнимали все тѣснѣе и тѣснѣе погасающее небо. Туча казалась теперь несокрушимой силой, чѣмъ-то безжалостнымъ и роковымъ. Смѣло шла она съ нѣмымъ сознаніемъ своего могущества противъ робкаго, блѣдно улыбающагося солнца, которое напрасно стягивало къ себѣ, на свою защиту, свѣтлыя облачка. Они робко толпились у трона своего испуганнаго владыки и таяли отъ ужаса. Или, вдругъ, черная измѣна проникала все ихъ существо и они растерянно бѣжали на встрѣчу побѣдоносной тучѣ, сливаясь съ нею. Когда же вокругъ самого солнца началась смута и свѣтлые тѣлохранители его ополчились на него и стали взбираться на ступени золотаго трона, туча двинулась на югъ и востокъ и въ ея мутной волнѣ стали гаснуть одинъ за другимъ солнечные лучи. Еще они боролись съ врагомъ, и тамъ и здѣсь длинными стрѣлами пронизывали его безформенную массу. Но раны, наносимыя ими, быстро затягивались; туча темнѣла, въ ея синемъ мракѣ стали вздрагивать зарницы съ зловѣщимъ рокотаньемъ. Солнце не выдержало борьбы и покорилось. Гдѣ за минуту передъ тѣмъ блестѣлъ его царственный тронъ, уже ползла передовая рать темной силы, рѣшившейся обложить все небо. Только далеко-далеко, тамъ, гдѣ утромъ восходило солнце, гдѣ зародился ясный день и гдѣ утромъ улыбалась заря,—чуть брезжила ясная полоска лазури.

— Настенька, непремѣнно надо поднять верхъ!—сказалъ Лавръ Петровичъ и хотѣлъ остановить кучера.

— Но дождя нѣтъ, Лавръ,—возразила Настенька.—Не поднимай верхъ — мнѣ будетъ душно.

Вѣтеръ дулъ съ такой силой, что слова, которыми обмѣнялись супруги, едва были слышны. Явственнѣе рокоталъ громъ и зарницы вспыхивали, какъ настоящія молніи.

— Мнѣ кажется, Лавръ, что эта туча просто лжетъ. Она много обѣщаетъ, но пройдетъ мимо и пощадитъ насъ.

— Не думаю, Настенька, — сказалъ Лавръ Петровичъ и глянулъ по сторонамъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, туча, сосредоточивъ весь свой гнѣвъ на свѣтлой полоскѣ, которая спокойно бѣлѣлась на востокѣ, очистила небо на западѣ. Должно быть, свѣтлая полоска, не смотря на всю свою невзрачность, была сильнѣе грозной тучи. Массы мрака кидала туча на востокъ и видимо слабѣла на западѣ. Вотъ ужь треть неба освободилась отъ ея ига. Громъ становился тише. Еще черезъ минуту туча стала быстро таять; изъ ея нѣдръ радостно выплыло солнце и направило на нее свой лучи. Изнемогая отъ тщетныхъ усилій удержать свою власть надъ небесами, туча разбилась на множество отрядовъ, но они таяли еще скорѣе. Вѣтеръ,—герольдъ ея мимолетнаго могущества,—утихъ, пыль улеглась, и снова ясный день воцарился на землѣ, прогнавъ тревожный сумракъ.

— Я говорила!—съ торжествомъ сказала Настенька.

Между тѣмъ экипажъ подъѣзжалъ къ церкви.

Начался обрядъ вѣнчанія. Настенька стояла объ руку съ мужемъ. Она молилась о томъ, чтобъ счастливы были новобрачные, и къ этой молитвѣ за другихъ невольно присоединялась эгоистическая молитва за себя. Невзгода, смутившая душевный покой Настеньки и Лавра Петровича, пронеслась наконецъ мимо, какъ эта черная туча, которая грозила имъ на всемъ ихъ пути до самой церкви. Дай Богъ, чтобъ никогда больше не омрачалось солнце ихъ любви и счастья!

І. Ясинскій.

ЮНОСТЬ.

Нельзя не вспомнить мнѣ о ней,—
Объ этой юности мятежной,
Когда заря весны моей
Взошла на утрѣ чудныхъ дней,
Маня впередъ улыбкой нѣжной.

Нельзя не вспомнить мнѣ о немъ,—
Объ этомъ счастьѣ беззаботномъ,
Когда мы истиной живемъ,
Горя божественнымъ огнемъ
Въ порывѣ къ правдѣ мимолетномъ.

Тамъ ясно все, тамъ пятенъ нѣтъ
На яркомъ солнцѣ жизни нашей,
Безсиленъ мракъ, всесиленъ свѣтъ,
И силъ неопытныхъ расцвѣтъ
Пьянитъ блаженства полной чашей.

Такихъ минутъ не будетъ вновь,
Онѣ лишь разъ даны природой,
Но въ тѣ года, волнуя кровь,
Намъ повинуется любовь
Въ союзѣ съ честью и свободой.

Но въ тѣ года святой мечты
Нашъ вольный духъ любезенъ Богу,

И разсыпаетъ намъ цвѣты
Творецъ съ небесной высоты
На нашу честную дорогу.

Не зная лжи, чуждаясь зла,
Тогда мы стоимъ уваженья:
Въ насъ вѣра гордая смѣла,
Самоотверженны дѣла
И неподкупны убѣжденья.

За прелесть юности живой
Простить въ душѣ найдутся силы—
И трудной жизни путь пустой,
И мигъ рожденья роковой,
И ужасъ сумрачной могилы.

Л Медвѣдевъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЮРЕМНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

Общество наше относится къ тюрьмѣ довольно пассивно. Меньшинство, идеалистически настроенное, видитъ въ заключенныхъ «несчастненькихъ»; большинство, придерживаясь котошихинскаго воззрѣнія: «сколь любо есть сына своего настигати»,—относится къ нимъ съ совершенно иной точки зрѣнія и въ суровости наказаній ищетъ главнаго средства къ охраненію общественнаго порядка отъ направленныхъ на него посягательствъ. Между тѣмъ уголовное правосудіе нуждается въ общественной поддержкѣ, или, по крайней мѣрѣ, сочувствіи, въ бо́льшей мѣрѣ, нежели многія иныя отрасли государственной дѣятельности. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико можетъ быть значеніе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ улучшенія правосудія. Крупный переворотъ, совершившійся въ сферѣ уголовнаго процесса въ концѣ прошлаго столѣтія и выдвинувшій нынѣ существующую слѣдственно-состязательную форму его, взамѣнъ прежней чисто - слѣдственной, инквизиторской формы процесса,—служитъ прямымъ тому доказательствомъ. Прогрессивное движеніе, начавшись въ области философской мысли, передалось отсюда обществу, а чрезъ него, повліявъ на направленіе законодательной практики, содѣйствовало такимъ образомъ и улучшенію строя уголовныхъ судовъ. «Еслибы,—говоритъ Гнейстъ, — общественное мнѣніе не приняло участія въ совершеніи этого переворота, то мы до сихъ поръ оставались бы при средневѣковомъ порядкѣ вещей, и пытка едва ли бы отошла въ историческое прошлое». Совершенныя затѣмъ, болѣе частныя реформы уголовнаго процесса, какъ напр., введеніе суда присяжныхъ, примѣненіе къ уголовному процессу началъ устности и публичности, осуществились также, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, въ особенности послѣ 1848 года.

Еще болѣе нуждается въ содѣйствіи общества—тюрьма, и все что̀ сдѣлано крупнаго въ этой области въ текущемъ столѣтіи, было совершено подъ его вліяніемъ. Издавна проявлявшіяся попытки церкви и законодательной власти не въ состояніи были упорядочить тюрьмы. Съ VI столѣтія, со времени Никейскаго собора идетъ энергическій починъ церковной власти—улучшить матеріальное и нравственное состояніе заключенныхъ, а между тѣмъ то, что нашелъ въ тюрьмѣ Говардъ въ прошломъ столѣтіи, свидѣтельствует

о томъ, что филантропическое вліяніе церкви оказалось безрезультатнымъ. Требовалась энергическая дѣятельность этого великаго филантропа, столѣтіе смерти котораго будетъ чествовать нынѣ петербургскій международный тюремный конгрессъ; требовался также рядъ, предпринимавшихся съ цѣлью ознакомленія съ тюрьмами, путешествій частныхъ лицъ и правительственныхъ делегатовъ въ началѣ текущаго столѣтія, для того чтобы невозможныя условія тюремнаго заключенія, развращающія преступника и угрожающія общественной безопасности, выяснились во всей ихъ неприглядной дѣйствительности, и чтобы вопросъ о преобразованіи тюремъ поставленъ былъ на раціональную почву. Только со времени Говарда начинается крупный переломъ въ постановкѣ тюремнаго дѣла въ Европѣ, и если теперь мы видимъ несомнѣнные успѣхи въ этой области, то его почину мы больше всего обязаны этимъ. Глядя на громадные милліоны затратъ, дѣлаемыхъ для постройки современныхъ тюремъ, ни въ чемъ болѣе не напоминающихъ прототипа тюрьмы, — ямы или земляной тюрьмы, имѣвшей еще широкое примѣненіе у насъ въ XVII столѣтіи,—прислушиваясь къ сложнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ наукою тюрьмовѣдѣнія въ отношеніи тюремной дисциплины; знакомясь съ результатами дѣятельности международныхъ тюремныхъ конгрессовъ и съ другими крупными фактами тюремнаго дѣла,—нельзя не признать, что послѣднее столѣтіе сдѣлало для тюрьмы очень много. Но какъ ни велико сдѣланное, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что настоящему и будущему приходится сдѣлать еще больше. Статистика свидѣтельствуетъ о томъ, что тотъ обширный, сложный аппаратъ, которымъ отправляется правосудіе, дѣйствуетъ плохо; что результатъ его производства не соотвѣтствуетъ преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ и что интересы общественной безопасности, путемъ примѣненія уголовной кары, охраняются неудовлетворительно. Статистика обнаруживаетъ намъ цифровыя данныя, указывающія на громадное развитіе контингента рецидивистовъ, численность которыхъ всюду растетъ въ тревожномъ размѣрѣ, такъ что процентъ рецидивистовъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, доходитъ уже нынѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы до $^2/_3$ и даже до $^3/_4$ общаго числа заключенныхъ. О неудовлетворительномъ состояніи уголовнаго правосудія говорятъ также и свѣдущіе люди. Разсмотрѣніе тѣхъ записей, которыя на послѣднемъ римскомъ тюремномъ конгрессѣ занесены были многими изъ выдающихся членовъ его въ особый альбомъ записей, показываетъ, что сознаніе практической неудовлетворительности достигаемыхъ уголовнымъ правосудіемъ результатовъ—присуще большинству изъ нихъ. Сознаніе это приводитъ даже нѣкоторыхъ изъ нихъ къ скептическому заключенію, что современное государство не въ состояніи бороться со стихійнымъ движеніемъ преступной дѣятельности. Всѣ эти признаки свидѣтельствуютъ о чрезвычайно печальномъ положеніи правосудія.

Они естественно побудили въ наше время изыскивать новые способы къ улучшенію отправленія правосудія и, главнымъ образомъ, къ улучшенію тюремнаго заключенія, — этой кары, господствующей въ современной системѣ наказаній. Для того чтобы найти

эти новые пути, нужно прежде всего изучить существующее и въ немъ намѣтить отправныя точки для организаціи будущаго. Отсюда возникли періодически собираемые международные тюремные конгрессы. Конгрессы эти ведутъ свое начало съ середины нынѣшняго столѣтія. Въ 1846 году собрался конгрессъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; въ 1847 г. въ Брюсселѣ; въ 1857 г. опять во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Эта первая серія конгрессовъ носитъ на себѣ иной характеръ, чѣмъ конгрессы послѣдующаго времени; они не вмѣщали въ себѣ, какъ нынѣшніе, двойственнаго персонала, состоящаго изъ частныхъ лицъ и правительственныхъ делегатовъ. Одни только представители науки и тюремной практики составляли ихъ контингентъ; программа же ихъ дѣятельности была сравнительно ограничена вопросами спеціально техническими, преимущественно интересовавшими ихъ, причемъ вопросъ объ одиночномъ заключеніи игралъ первенствующую роль. Иной порядокъ вещей сложился въ послѣдующее время. Конгрессы: 1872 г. въ Лондонѣ, 1878 года— въ Стокгольмѣ и 1885 года — въ Римѣ, состояли изъ частныхъ лицъ и правительственныхъ делегатовъ, соединившихся для разрѣшенія вопросовъ, входящихъ въ гораздо болѣе обширную программу занятій. Затѣмъ, самое время собранія конгрессовъ поставлено внѣ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ. Закрывающійся конгрессъ оставляетъ за собою слѣдъ въ лицѣ пенитенціарной международной комисіи, продолжающей свое существованіе впредь до открытія засѣданій слѣдующаго конгресса. На обязанности этой комисіи лежитъ собираніе документовъ и вообще свѣдѣній, касающихся предупрежденія преступленій и ихъ преслѣдованія, равно какъ и тюремнаго строя. Она состоитъ изъ делегатовъ различныхъ государствъ, принимающихъ участіе въ конгрессѣ, и собирается обыкновенно разъ въ теченіе каждыхъ двухъ лѣтъ. Она печатаетъ бюллетени, въ которыхъ сосредоточиваетъ свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ законахъ и постановленіяхъ, относящихся до тюремъ; о проэктахъ новыхъ законовъ и относящемся къ нимъ матеріалѣ; о тѣхъ дополненіяхъ, которые,—по заранѣе составленной комисіею программѣ,— представляются на предстоящій конгрессъ; она же должна принимать мѣры къ организаціи международной пенитенціарной статистики. Между открытіемъ конгрессовъ опредѣленъ срокъ не менѣе какъ пятилѣтній, причемъ созданіе условій для открытія дѣйствій предстоящаго конгресса ложится на мѣстную организаціонную тюремную комисію, назначаемую правительствомъ того государства, въ которомъ должны открыться засѣданія будущаго международнаго тюремнаго конгресса.

Комисія, открывшая свои дѣйствія послѣ закрытія римскаго международнаго конгресса, собиралась въ Женевѣ подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія, М. Галкина-Врасскаго; въ составъ же организаціонной мѣстной комисіи, подъ его же предсѣдательствомъ, входили—какъ представители министерства внутреннихъ дѣлъ, чины главнаго тюремнаго управленія, такъ и петербургскій и московскій городскіе головы, и попечитель московскаго городскаго Рукавишниковскаго пріюта для

малолѣтнихъ. Въ настоящее время уже выяснилось, что болѣе 20 государствъ изъявили готовность принять участіе въ петербургскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, и что въ составъ его войдутъ выдающіеся представители какъ въ области теоріи, такъ и въ области практики по тюремному дѣлу.

Прежде чѣмъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ программы будущаго нашего конгресса, необходимо указать на общій характеръ дѣятельности тюремныхъ конгрессовъ послѣдняго времени, а онъ можетъ быть выясненъ только въ связи съ оцѣнкою общаго направленія науки уголовнаго права и науки тюрьмовѣдѣнія за послѣднее время. Въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить прежде всего, что господствовавшая нѣкогда въ наукѣ склонность къ апріорному направленію уступила въ наше время мѣсто изученію дѣйствительности, а сообразно этому перемѣнился и самый центръ научныхъ изслѣдованій. Грандіозныя ученія о наказаніи, построенныя на абсолютной идеѣ возмездія (ученіе Канта) или на идеѣ: «отрицаніе отрицанія права» (ученіе Гегеля), замѣнились ученіями, смотрящими на наказаніе, какъ на одно изъ находящихся въ распоряженіи государства средствъ борьбы съ преступленіемъ и охраненія правоваго порядка. Это перемѣщеніе научной мысли изъ области апріорныхъ идей въ область изученія реальныхъ фактовъ—замѣчается и въ сферѣ тюрьмовѣдѣнія. Еще въ шестидесятыхъ годахъ господствовало воззрѣніе на тюрьму, какъ на такой институтъ, правильная установка котораго находится въ прямой зависимости отъ послѣдовательнаго проведенія того принципа, который кладется въ основаніе тюремной дисциплины. Положительному же матеріалу, извлекаемому изъ дѣйствительнаго состоянія мѣстъ заключенія, придавалось относительно малое значеніе. Предполагалось, что существуетъ абсолютно худая система тюремныхъ организацій и что улучшеніе тюремнаго дѣла находится въ прямой, будто бы, зависимости отъ доброй воли законодательной власти. Наше время смотритъ на дѣло иначе и признаетъ несомнѣннымъ, что въ отношеніи тюрьмы,—какъ выражается Гольцендорфъ,—существуетъ только отрицательная истина и что законодатель нерѣдко бываетъ вынужденъ установлять, при существующихъ условіяхъ, болѣе или менѣе неудовлетворительное состояніе вещей. Вообще прежняя любовь къ изслѣдованію абстрактнаго понятія и юридической сущности, приведшая къ пренебреженію дѣйствительности, замѣнилась взглядомъ, что тюрьма есть лишь одно изъ средствъ борьбы съ соціальнымъ зломъ, или: что объемъ и условія примѣненія ея находятся въ прямой зависимости не отъ чистоты теоретическихъ принциповъ, полагаемыхъ въ основаніе тюремнаго преобразованія, а отъ условій дѣйствительности.

Особенно рѣзко выразилось это стремленіе къ непосредственному служенію интересамъ жизни въ видѣ позитивнаго направленія уголовнаго права, представителями котораго явились: марбургскій профессоръ Листъ, бельгійскій профессоръ Пренсъ, амстердамскій—Гомель, ліонскій—Гарро и др. Въ основанномъ первыми двумя, въ прошломъ году, международномъ союзѣ криминалистовъ, съ ясностью выразилась эта характеристическая черта но-

ваго направленія. Въ статутѣ этого союза прямо проводятся мысли, что назначеніе уголовнаго правосудія—бороться противъ преступности, понимаемой въ смыслѣ соціальнаго явленія; наука уголовнаго законодательства должна считаться съ результатами антропологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій; наказаніе есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ, прилагаемыхъ государствомъ противъ преступности; оно не единственное средство и не должно быть изолировано отъ другихъ соціальныхъ средствъ, въ частности отъ мѣръ предупредительныхъ; уголовный судъ и тюремная администрація стремятся къ одной цѣли; значеніе осужденія опредѣляется способомъ исполненія приговора, а существующее обособленіе въ современномъ уголовномъ правѣ между функціею суда и функціею тюрьмы представляется нераціональнымъ и вреднымъ. Союзъ обратитъ спеціальное вниманіе на все, что касается улучшенія тюрьмы и институтовъ, къ ней прикасающихся, причемъ признаётъ, что наказаніе лишеніемъ свободы занимаетъ первенствующее мѣсто въ системѣ наказаній. Таковы наиболѣе выдающіяся черты въ программѣ этого, знаменательнаго по своему назначенію, международнаго союза криминалистовъ. Будущее покажетъ, насколько это новое направленіе окажется плодотворнымъ, и выяснитъ, не суждено ли ему заглохнуть рядомъ съ другими многочисленными попытками научной мысли выйти изъ разъ установившейся колеи; но во всякомъ случаѣ нельзя не привѣтствовать этого направленія, какъ явленія радостнаго, выражающаго собою не революцію въ области уголовнаго правосудія, а только радикальную реформу его. Несомнѣнно одно, что съ какой бы стороны ни подходили научныя изслѣдованія къ дѣлу служенія интересамъ жизни, какими бы ближайшими цѣлями ни задавались они, какими бы методами ни дѣйствовали,—жизнь можетъ только выиграть отъ добросовѣстной и смѣлой попытки служить ей путемъ изслѣдованія ея нуждъ и изысканія новыхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Тюрьма, по близкой связи, существующей между ней и уголовнымъ судомъ, естественно испытываетъ на себѣ вліяніе того направленія, которое развивается въ сферѣ уголовно-матеріальнаго права. Между принципіальными началами, руководящими дѣятельностью законодателя, судьи и тюремнаго дѣятеля въ сферѣ уголовнаго правосудія, должно быть полное единеніе, сообразно тому какою цѣлью задается законодатель, опредѣляя объемъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію, и назначая опредѣленныя за нихъ наказанія. Примѣнительно къ тому, какая цѣль руководитъ дѣятельностью уголовнаго судьи при рѣшеніи вопроса о виновности и о наказаніи, должна сложиться и дѣятельность тюрьмы въ примѣненіи къ осужденному назначеннаго ему судомъ наказанія. Если уголовное законодательство и дѣятельность уголовнаго судьи будутъ развиваться подъ односторонними стремленіемъ карать въ интересахъ устрашенія, а тюрьма при этомъ задастся иною цѣлью, — цѣлью исправленія заключеннаго или же наоборотъ,—то естественно произойдетъ разладъ, который

самымъ пагубнымъ образомъ можетъ отразиться какъ на интересахъ осужденнаго, такъ и на задачахъ правосудія.

Въ наше время можно признать твердо установившимся положеніемъ, что въ основаніи постановленій закона о наказаніяхъ не лежитъ одинъ какой либо принципъ, а проявляютъ за разъ свое дѣйствіе нѣсколько принциповъ, причемъ интересы устрашенія, исправленія или изъятія преступника изъ общества, какъ опаснаго для него члена, одновременно оказываютъ свое несомнѣнное вліяніе на дѣло правосудія. Дѣло уголовной политики—показать, который изъ этихъ интересовъ, по какой категоріи преступныхъ дѣяній, въ отношеніи какихъ виновныхъ, въ какихъ тюрьмахъ и при какихъ условіяхъ, долженъ найти свое преимущественное примѣненіе. Уголовная политика учитъ, что мѣры карательнаго взысканія должны быть налагаемы съ возможно большею экономіею, ибо каждое наказаніе представляется ничѣмъ инымъ,—по выраженію Листа,—какъ мечемъ безъ рукоятки, причиняющимъ вредъ не только тому, на кого оно направляется, но и тому, кто имъ дѣйствуетъ. Уголовная политика учитъ также, что мѣры тюремнаго заключенія могутъ быть примѣняемы только тогда, когда иными мѣрами взысканія, не соединеннаго съ лишеніемъ свободы, нельзя достигнуть цѣлей, преслѣдуемыхъ карательною дѣятельностью государства. Она учитъ далѣе, что условія тюремнаго заключенія должны быть таковы, чтобы заключенному не причинялось безцѣльныхъ страданій и чтобы предстоящій затѣмъ переходъ его изъ тюрьмы на свободу былъ, по возможности, облегченъ мѣрами осуществившейся надъ нимъ тюремной дисциплины. Для того чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, на тюрьму возлагается сложная и трудная задача. Сообразно этой цѣли, на обязанности тюрьмы лежитъ развить тѣ элементы, изъ которыхъ слагается тюремное заключеніе, каковы—срокъ, производимыя ею работы, условія пользованія заработкомъ, способъ заключенія и т. д. Отсюда цѣлый рядъ сложныхъ техническихъ вопросовъ, касающихся тюрьмы, видоизмѣняющихся въ своемъ разрѣшеніи въ отношеніи отдѣльныхъ категорій тюремъ и осужденныхъ, а надо всѣми ими высится общій вопросъ о томъ, какія изъ условій тюремной дисциплины должны быть регламентированы законодателемъ и какія затѣмъ должны быть предоставлены усмотрѣнію самой тюрьмы.

Если, такимъ образомъ, оказывается, что между дѣятельностью уголовнаго суда и тюрьмы существуетъ несомнѣнная связь, порождаемая общностью преслѣдуемыхъ цѣлей, то естественно, что та китайская стѣна, которая при существующемъ порядкѣ вещей обособляетъ уголовный судъ отъ тюрьмы, не можетъ не возбуждать строгаго осужденія, и мы видимъ дѣйствительно, что въ послѣднее время выставляется требованіе, чтобы дѣятельность уголовнаго суда, присуждающаго виновныхъ къ наказанію, не выражалась съ такою абсолютностью, съ какою она выражается нынѣ въ уголовныхъ приговорахъ. Современный уголовный судья уподобляется доктору, который прописываетъ лѣкарство своему паціенту, не заботясь о томъ, какое дѣйствіе оно произведетъ на него. Разрѣшивъ вопросъ о виновности и примѣнивъ къ виновному соотвѣт-

ствующее наказаніе, современный уголовный судья прекращаетъ затѣмъ свою дѣятельность, а личность приговореннаго передается въ тюрьму, которая съ своей стороны обязывается исполнить приговоръ въ точности, не отступая отъ него ни на іоту. Таковъ господствующій типъ уголовныхъ приговоровъ, а между тѣмъ, если преступникъ присужденъ былъ къ исправительному наказанію, то спрашивается: во имя чего слѣдуетъ держать его въ тюрьмѣ, когда нравственное вліяніе постановленнаго приговора уже произвело на него надлежащее воздѣйствіе въ силу одного факта осужденія? Или: въ видахъ какихъ интересовъ слѣдуетъ держать въ тюрьмѣ осужденнаго, или освобождать изъ нея отбывшаго срокъ заключенія, какъ скоро вліяніе тюремной дисциплины не оказало того исправительнаго дѣйствія, въ виду достиженія котораго постановленъ былъ обвинительный приговоръ? Подъ вліяніемъ необходимости лишить постановляемые уголовнымъ судомъ приговоры ихъ неизмѣннаго значенія, зародились новые правовые институты—такъ называемые «условные обвинительные приговоры» и досрочное освобожденіе изъ тюрьмы осужденныхъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Понятно, что, при такой новой постановкѣ отношеній тюрьмы къ уголовному суду, расширилось значеніе дѣятельности тюремныхъ должностныхъ лицъ, и имъ наше время пытается дать такую долю участія въ отправленія правосудія, о которой прежде не могли и мечтать. Но для того, чтобы тюремное начальство могло развить такую дѣятельность, естественно, что оно должно стоять на высотѣ своего новаго призванія и что къ нему должны быть предъявляемы такія требованія, которымъ прежде оно не обязано было удовлетворять. Отъ современнаго, въ особенности отъ стоящаго во главѣ тюремъ должностнаго лица—тюрьмовѣда, требуется, чтобы онъ имѣлъ ясное понятіе о тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуются правосудіемъ и ради которыхъ онъ отправляетъ свою тюремную дѣятельность. Только лицо, знакомое съ уголовнымъ правомъ, съ духомъ дѣйствующаго законодательства, и притомъ обладающее необходимыми знаніями по тюрьмовѣдѣнію, въ состояніи исполнить свою задачу. Весьма вѣрно замѣчаетъ Гольцендорфъ въ своемъ извѣстномъ учебникѣ по тюрьмовѣдѣнію, что если уголовному судьѣ необходимо знать уголовную психологію, для того чтобы основательно выяснить вопросъ о виновности и установить правильную отвѣтственность лица, то не менѣе важно это знаніе для тюремнаго дѣятеля, на обязанности котораго лежитъ—слѣдить за дѣйствіями примѣняемаго наказанія и, сообразно имъ, видоизмѣнять условія его примѣненія.

Таково, въ общихъ чертахъ, идеальное стремленіе послѣдняго времени, выразившееся въ новомъ направленіи науки уголовнаго права и отрасли его, науки тюрьмовѣдѣнія,—стремленіе, направленное къ непосредственному служенію реальнымъ интересамъ жизни

II.

Если отъ этихъ общихъ соображеній мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію программы занятій предстоящаго международнаго конгресса, то увидимъ, что признаки отмѣченнаго направленія ясно отразились на ней. Программа эта дѣлится на три части, сообразно которымъ и самый конгрессъ дѣлится на три секціи. Первая часть программы посвящена чисто техническимъ вопросамъ, относящимся до матеріальной, правовой стороны тюремнаго заключенія, т. е. до вопросовъ, преимущественно касающихся уголовно-матеріальнаго законодательства. Второй отдѣлъ имѣетъ болѣе практическое значеніе и посвященъ организаціи тюремнаго режима; третій отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ вопросы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ области предупрежденія преступленій.

Первый вопросъ перваго отдѣленія—есть вопросъ техническій, о томъ, «какимъ способомъ и въ какой мѣрѣ можно было бы достигнуть установленія для разныхъ странъ одинаковаго опредѣленія преступнаго дѣянія, подлежащаго включенію въ акты и договоры о выдачѣ преступниковъ?» Каждый уголовный кодексъ, вмѣщая въ себѣ каталогъ преступныхъ дѣяній, отмѣчаетъ ихъ законными признаками, обособляющими отъ преступныхъ дѣяній того же рода, предусмотрѣнныхъ другими кодексами, вслѣдствіе чего преступленія, именуемыя одинаково и по природѣ своей кажущіяся тожественными, въ дѣйствительности описываются различными кодексами различно. Такъ напр., даже такое, повидимому, общее преступленіе, находящееся внѣ зависимости отъ національныхъ особенностей, какъ кража, имѣетъ по французскому и бельгійскому законодательствамъ иной объемъ, нежели по германскому и австрійскому законодательствамъ. Понятно отсюда, какъ велико должно быть затрудненіе, встрѣчаемое судебною практикой въ примѣненіи заключенныхъ между государствами договоровъ о выдачѣ преступниковъ. Попытки, дѣлавшіяся къ отстраненію этихъ затрудненій, чрезвычайно разнообразны. Такъ напр., дѣлалась попытка умалить встрѣчающееся препятствіе путемъ указанія въ кодексахъ кары, налагаемой за извѣстное преступленіе. Затѣмъ предполагали возможнымъ достигнуть желаемой цѣли посредствомъ уничтоженія техническихъ выраженій въ наименованіи преступныхъ дѣяній и замѣною ихъ общепонятными выраженіями, не имѣющими техначескаго значенія. Сдѣлано также предложеніе: обозначать въ договорахъ о выдачѣ преступниковъ тѣ преступленія, по которымъ должна быть допускаема выдача договаривающимися сторонами. Наконецъ, высказано и скептическое воззрѣніе на возможность разрѣшенія этихъ затрудненій, причемъ предложено оставить методъ перечисленія преступныхъ дѣяній, влекущихъ за собою выдачу, и прибѣгнуть къ противоположному методу исключенія дѣяній, не могущихъ влечь за собою выдачу. Будущему конгрессу придется попытаться разрѣшить эту, до сихъ поръ не разрѣшенную удовлетворительно, задачу, необходимость разрѣшенія которой предстан-

ляется желательною еще и потому, что въ наше время въ области уголовнаго правосудія усиливается и по другимъ процессуальнымъ вопросамъ помощь, оказываемая государствами другъ другу.

Второй вопросъ программы имѣетъ особенно важное значеніе для насъ, въ виду сильно развившагося пьянства — это вопросъ о томъ, какое значеніе пьянство можетъ имѣть въ уголовномъ законодательствѣ: а) какъ самостоятельное преступное дѣяніе и б) какъ обстоятельство, ослабляющее или усиливающее наказуемость преступнаго дѣянія. Всякій, слѣдившій за судебно-уголовною практикой, хорошо знаетъ, до какой степени пьянство является обстоятельствомъ, порождающимъ совершеніе преступленій или, по крайней мѣрѣ, сопутствующимъ ему. Можно смѣло сказать, что, будь у насъ болѣе ограничено это зло, наши статистическія таблицы по дѣятельности уголовнаго суда представляли бы совершенно иныя цифры преступности. Трудность разрѣшенія постановленнаго вопроса обусловливается тѣмъ, что пьянство, по воззрѣнію, энергично поддерживаемому въ послѣднее время представителями медицины, является болѣзнью, а между тѣмъ болѣзнь, какъ обстоятельство, устраняющее вмѣненіе, влечетъ за собою безотвѣтственность виновника. Примирить интересы правосудія съ такимъ взглядомъ представителей медицины на пьянство представляется крайне труднымъ. Съ другой стороны, затрудненіе въ квалификаціи уголовнаго значенія пьянства встрѣчается и въ томъ, что пьянство, будучи несомнѣнно дѣяніемъ безнравственнымъ, въ качествѣ таковаго, не можетъ еще подлежать уголовной карѣ, такъ какъ послѣдней подлежитъ только дѣяніе преступное. Законодательная постановка вопроса о пьянствѣ въ современныхъ законодательствахъ представляетъ значительныя уклоненія, въ отношеніи которыхъ придется высказаться нашему конгрессу.

Третій вопросъ программы заключается въ томъ: слѣдуетъ ли установить преподаваніе тюрьмовѣдѣнія, и какимъ образомъ можно было бы соединить съ этимъ преподаваніемъ практическій характеръ примѣненія наказанія, не нарушая порядка тюремной службы и не вредя администраціи тюрьмы. Вопросъ, слѣдовательно, вполнѣ педагогическій, значеніе котораго дѣлается понятнымъ послѣ сказаннаго выше относительно увеличенія объема тюремной задачи созданнаго нашимъ временемъ.

Четвертый вопросъ представляется вопросомъ, въ которомъ съ особенною ясностью проявило свое дѣйствіе новое направленіе науки уголовнаго права. Однимъ изъ самыхъ печальныхъ явленій въ современной дѣятельности тюрьмы представляются краткосрочные виды лишенія свободы, которыми, по общему признанію и литературы, и судебной практики, не достигается ни цѣли исправленія, ни цѣли устрашенія, ни цѣли удаленія вредныхъ лицъ изъ общества. Съ другой стороны, результаты, достигаемые этимъ видомъ тюремнаго заключенія, выражаются въ затрудненіи, которое встрѣчаютъ освобождаемые изъ тюрьмы въ пріобрѣтеніи заработка. Какъ ни долго человѣкъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, но онъ побывалъ въ ней, а потому трудно пріобрѣтаемыя вообще средства къ жизни нерѣдко представляются ему недосягаемыми. Такое положеніе ве-

щей естественно приводитъ къ усиленію рецидивовъ и создаетъ для представителей науки необходимость позаботиться объ устраненіи зла, путемъ изысканія средствъ къ замѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы иными мѣрами карательнаго воздѣйствія. Внушенія со стороны суда, общественныя работы, полицейскій надзоръ, условно-обвинительные приговоры, — таковы тѣ предполагаемыя мѣры, которыми надѣются замѣнить этотъ видъ заключенія. Послѣдняя мѣра представляется особенно интересною, и нужно полагать, что она имѣетъ серьезную будущность. Законодательная попытка ввести въ уголовную практику *условно-обвинительные приговоры* существуетъ въ Англіи, Америкѣ и на континентѣ — въ Бельгіи, которая приняла проэктъ условно обвинительныхъ приговоровъ, внесенный министромъ юстиціи Леженомъ въ 1888 году. Во Франціи, въ 1884 году, Беранжэ внесъ въ сенатъ предложеніе объ этихъ приговорахъ, которое, однако же, законодательной санкціи не получило. Сущность этихъ приговоровъ заключается въ томъ, что, постановляя обвинительные приговоры по дѣяніямъ извѣстной категоріи, по преимуществу менѣе важнымъ, судъ пріобрѣтаетъ право постановить, что приговоръ долженъ быть примѣненъ только въ томъ случаѣ, если въ теченіе извѣстнаго времени (максимальный срокъ котораго опредѣляется законодателемъ) осужденный совершитъ новое преступное дѣяніе. Если осужденный въ этотъ періодъ времени не совершилъ таковаго дѣянія, то приговоръ, надъ нимъ неисполненный, считается какъ бы не существующимъ; если же онъ впалъ въ рецидивъ, то прежде состоявшійся приговоръ присоединяется къ тому приговору, который долженъ быть постановленъ по вновь совершонному дѣянію, причемъ отбывается полностью. Такова, въ главныхъ чертахъ, идея «условно-обвинительныхъ приговоровъ». Приговоры эти представляются репрессивными, потому что ими созданъ сильный мотивъ къ несовершенію новаго преступленія. Если при этомъ принять въ соображеніе, что оставленный на свободѣ осужденный, при нестѣсняемой закономъ возможности заработка, будетъ увеличивать шансы на возмѣщеніе потерпѣвшему причиненнаго ему вреда и убытковъ, и что непримѣненіе къ нему краткосрочнаго тюремнаго заключенія чувствительно уменьшитъ расходъ государства на содержаніе тюремъ; если, съ другой стороны, для осужденнаго представится полная возможность поставить себя и свою семью въ нормальныя условія,— то намъ представится несомнѣнно яснымъ высокое уголовно-политическое значеніе этихъ, новаго рода, обвинительныхъ приговоровъ.

Пятый вопросъ программы имѣетъ своимъ предметомъ: какою властью должны быть опредѣляемы мѣры по отношенію къ порочнымъ и преступнымъ дѣтямъ, на какихъ данныхъ и принципахъ слѣдуетъ основывать рѣшеніе ихъ участи. Должно ли это рѣшеніе заключаться: а) въ приговорѣ на заключеніе въ карательномъ учрежденіи, въ собственномъ смыслѣ слова, б) или въ помѣщеніи въ спеціально-исправительное заведеніе, для порочныхъ дѣтей, в) или наконецъ, въ отдачѣ въ воспитательное заведеніе подъ опекою общественной власти. Можетъ ли, при этомъ, возрастъ

дѣтей приниматься, какъ единственное основаніе указаннаго распредѣленія, и при какихъ именно условіяхъ?

На этомъ вопросѣ, какъ и на предыдущемъ, рѣзко отражается вліяніе научнаго направленія послѣдняго времени. Дѣйствующее законодательство объ отвѣтственности выдвигаетъ уголовно-юридическій критерій вмѣняемости въ отношеніи этихъ субъектовъ, съ тѣмъ уклоненіемъ отъ постановленій его для совершеннолѣтнихъ, что, въ предѣлахъ опредѣленнаго закономъ возраста, обязательно ставится вопросъ о разумѣніи. Наше законодательство обязываетъ судъ, относительно дѣтей, не достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, ставить вопросъ о разумѣніи, а въ отношеніи дѣтей отъ 14 до 17-лѣтняго возраста—вопросъ о полномъ разумѣніи. Выставляя это требованіе, законодательство исходитъ изъ того соображенія, что возрастъ до 14 лѣтъ представляется такимъ, при которомъ легко, въ виду молодости субъекта, встрѣтиться съ такою малою степенью развитія, при которой присужденіе къ отвѣтственности представлялось бы невозможнымъ. Въ отношеніи второй категоріи малолѣтнихъ, законодательство предполагаетъ уже въ субъектѣ достаточную степень разумѣнія, для примѣненія соотвѣтствующей кары, однако допускаетъ возможность предположенія, что хотя малолѣтній и дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, но характеръ этого разумѣнія можетъ быть таковъ, что при немъ примѣненіе въ полной мѣрѣ опредѣленнаго закономъ наказанія представлялось бы несправедливымъ. Такимъ образомъ, наше законодательство, какъ и западно-европейскія, при обсужденіи вопроса о виновности малолѣтнихъ, задается исключительно оцѣнкою прошлаго, выразившагося въ фактѣ преступленія, и затѣмъ совершенно не интересуется тѣмъ будущимъ, въ которомъ можетъ проявиться склонность несовершеннолѣтняго къ совершенію преступныхъ посягательствъ. Для дѣтей, которыя признаны дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, законъ 1866 года создалъ у насъ земледѣльческія колоніи и исправительные пріюты съ принудительнымъ воспитаніемъ, но въ этихъ колоніяхъ и пріютахъ сосредоточиваются не одни только осужденныя, но также и оправданныя дѣти, равно какъ и дѣти заброшенныя, никакого еще преступленія не совершавшія. Такое смѣшеніе, въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, преступныхъ и порочныхъ дѣтей, усматривается и на западѣ. Такъ, германское законодательство предоставляетъ частью суду, а частью административнымъ органамъ—помѣщать въ такія заведенія дѣтей преступныхъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, и даже дѣтей, по закону не подлежащихъ уголовному преслѣдованію, если дѣяніе, ими учиненное, соотвѣтствовало, по внѣшнимъ своимъ признакамъ, преступленію или проступку. Въ Англіи, въ ремесленныя заведенія (Industrial School) точно также помѣщаются дѣти, не имѣющія крова, или отдаваемыя родителями, или поступающія туда по приговору суда, если они не достигли еще 12 лѣтъ. Точно также и во Франціи мы встрѣчаемся съ учрежденіями, воспитывающими дѣтей, какъ бездомныхъ или отданныхъ родителями для исправленія, такъ и оправданныхъ, равно какъ и осужденныхъ, при наличности указанныхъ въ законѣ условій. Особенно рѣшительно отодвинутъ на второй планъ уголовный критерій

ля дѣтей—въ Америкѣ. Такъ, въ штатѣ Массачузетсѣ существуютъ собыя лица, оповѣщаемыя о всякомъ уголовномъ процессѣ, возбудившемся о лицѣ, не достигшемъ 17-лѣтняго возраста. Агенты эти обязаны собирать свѣдѣнія объ условіяхъ жизни малолѣтнихъ, чтобы, въ случаѣ ихъ осужденія, имѣть возможность предложить суду тѣ мѣры, принятіе которыхъ въ отношеніи осужденнаго казались бы болѣе цѣлесообразными. По удостовѣренію Амрота, участіе этихъ лицъ проявляется обыкновенно въ стремленіи освободить осужденнаго отъ тюрьмы. Если преступное дѣло ничтожно по своему значенію, то лица эти предлагаютъ суду ограничиться внушеніемъ; при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, малолѣтніе присуждаются къ отдачѣ въ исправительные пріюты; въ большей же части случаевъ, малолѣтнихъ оставляютъ, на опредѣленный срокъ, на испытаніи и на свободѣ. Въ этихъ случаяхъ, малолѣтніе остаются подъ надзоромъ этихъ должностныхъ лицъ, которыя получаютъ право помѣстить ихъ въ воспитательное заведеніе, а при худомъ поведеніи вновь привлечь къ суду и просить — постановить приговоръ объ отдачѣ малолѣтняго въ исправительное заведеніе. Такимъ образомъ, въ воспитательномъ заведеніи стекаются какъ преступныя, такъ и не совершившія преступленія дѣти. Высказанная Песталоцци мысль, что не существуетъ дѣтей преступныхъ, а есть только дѣти несчастныя, въ наше время обратила на себя больше вниманія, чѣмъ прежде, и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли принимать мѣры принудительнаго воспитанія въ отношеніи дѣтей, независимо отъ признака преступности — пользуется особеннымъ расположеніемъ среди представителей новаго направленія въ наукѣ уголовнаго права. Эта мысль сдѣлалась въ настоящее время знаменемъ, подъ которымъ соединились видныя силы направленія, признающаго за объектъ уголовнаго суда не преступныя дѣйствія, а преступныя состоянія виновника преступленія. Разрѣшеніе изложенной выше группы вопросовъ о малолѣтнихъ находится въ прямой зависимости отъ того, какъ подойти къ ихъ разрѣшенію. Если исходить изъ точки зрѣнія, господствующей въ дѣйствующемъ правѣ относительно дѣтей преступныхъ и дѣтей порочныхъ, то властью, опредѣляющей мѣры въ отношеніи преступныхъ дѣтей, долженъ быть признанъ только уголовный судъ, разрѣшающій, какъ нынѣ, ихъ участь въ формѣ судебнаго приговора, причемъ виновныя дѣти должны быть отдаваемы только въ исправительное, а отнюдь не воспитательное заведеніе; возрастъ же ихъ долженъ имѣть значеніе руководящаго признака для приговора суда. Если, наоборотъ, исходить изъ взгляда, что дѣленіе дѣтей на преступныхъ и порочныхъ не имѣетъ раціональныхъ основаній, что обвиняемое въ преступленіи лицо, не развившее еще своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, подлежитъ принудительному воспитанію, также какъ и несовершеннолѣтній, преступленія не совершившій; что признаніе разумѣнія въ поступкахъ несовершеннолѣтняго не служитъ доказательствомъ преступности его; что вполнѣ мыслимы случаи, когда и при отсутствіи этого признака окажется необходимымъ принятіе репрессивныхъ мѣръ въ отношеніи ребенка; что не преступленіе, а преступное состояніе, выразившееся въ фактѣ преступленія, должно интересовать уголов-

ный судъ, — то разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ получится совершенно иное. Придется признать, что не одинъ судъ, но и опекунскія установленія должны заботиться объ участи преступныхъ и порочныхъ дѣтей, что какъ дѣленіе дѣтей на преступныхъ и порочныхъ—несостоятельно, такъ не выдерживаетъ критики и строгое обособленіе исправительныхъ и воспитательныхъ заведеній, въ которыя дѣти должны быть отдаваемы сообразно свойствамъ ихъ душевнаго состоянія, совершенно независимо отъ того, совершили ли они преступленіе, или нѣтъ. Преступленіе, по этому послѣднему воззрѣнію, получаетъ значеніе лишь процессуальнаго признака, открывающаго для уголовнаго суда возможность вступить въ конкуренцію съ опекунскимъ установленіемъ въ отношеніи опредѣленія участи одной категоріи дѣтей. Точно также возрастъ по мнѣнію представителей этого воззрѣнія, не можетъ, имѣть рѣшительнаго значенія при опредѣленіи того, въ какое заведеніе надлежитъ помѣстить несовершеннолѣтняго. Въ высшей степени любопытно: которая изъ этихъ отправныхъ точекъ зрѣнія послужитъ исходнымъ пунктомъ при обсужденіи конгрессомъ настоящаго вопроса?

Интересамъ несовершеннолѣтнихъ посвященъ также и *7 вопросъ* программы о томъ: «какимъ образомъ можно было бы устранить пагубное вліяніе родителей и воспитателей на дѣтей и воспитанниковъ въ теченіе условнаго освобожденія послѣднихъ, и вообще по истеченіи срока наказанія до времени ихъ совершеннолѣтія». Всякій, кому приходилось непосредственно прикасаться къ дѣятельности нашихъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе участи дѣтей, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, знаетъ, какое непреодолимое препятствіе нерѣдко встрѣчаетъ дѣятельность этихъ обществъ въ лицѣ многихъ родителей. Значительная, если не бо́льшая часть преступленій, совершонныхъ дѣтьми, представляется продуктомъ ихъ заброшенности и тѣхъ невозможныхъ, вытекающихъ отсюда, условій жизни, въ которыя они поставлены небрежностью родителей или невозможностью пещись объ ихъ участи. Нерѣдко уголовныя дѣла обнаруживаютъ, что небрежность и порочность родителей являются крупными факторами преступности этихъ несчастныхъ дѣтей; особенно въ городскихъ центрахъ обнаруживаются возмущающія душу подробности жизни разгульнаго родителя, пропивающаго послѣднюю копѣйку и смотрящаго на дѣтей своихъ только какъ на матеріалъ для эксплуатаціи, какъ на лицъ, пригодныхъ для сбора подаянія и для совершенія мелкихъ кражъ. Мы хорошо помнимъ, что въ годовыхъ отчетахъ этихъ обществъ отмѣчались факты, свидѣтельствовавшіе о той борьбѣ, которую приходится—далеко не всегда побѣдоносно—выдерживать патронату съ такими представителями родительской власти. Принятый въ заведеніе ребенокъ, снабженный платьемъ, а, можетъ быть, и заработавшій кое-что чрезъ посредство пріюта, является лицомъ соблазнительнымъ для такихъ родителей. Взятіе сына къ себѣ изъ пріюта, продажа его платья и оставленіе ребенка въ прежнихъ невозможныхъ условіяхъ существованія,—вотъ нерѣдкія явленія, съ которыми приходится встрѣчаться нашимъ патронатамъ. Противъ вреднаго вліянія порочныхъ родителей патронаты безсильны и не имѣютъ возможности

охранять интересы дѣтей, такъ какъ не располагаютъ для того надлежащими легальными средствами. Власть родителей, по закону, не можетъ быть ограничиваема никакими договорами, а поэтому взятіе, напримѣръ, пріютомъ письменнаго обязательства объ оставленіи ребенка въ заведеніи на опредѣленный срокъ — безцѣльно, ибо обязательство это не имѣетъ достаточной юридической силы для того, чтобы оградить пріютъ отъ самовольнаго обратнаго взятія ребенка. Потребность ограничить власть родителей, не исполняющихъ своихъ обязанностей въ отношеніи дѣтей, а тѣмъ болѣе злоупотребляющихъ ими, чувствуется не только у насъ, но и всюду, гдѣ дѣло патронатства поставлено на серьезную ногу. Такъ, на римскомъ конгрессѣ, послѣ выслушанія преній по вопросу о предѣлахъ отвѣтственности родителей за преступленія, совершаемыя ихъ дѣтьми, была принята резолюція, что соціальные интересы требуютъ законодательныхъ мѣръ для охраненія общества отъ печальныхъ послѣдствій безнравственнаго воспитанія, даваемаго родителями малолѣтнимъ дѣтямъ, и что однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли является предоставленіе судьямъ права ограничивать временно, въ полномъ объемѣ или отчасти, права родительской власти, если факты въ достаточной степени свидѣтельствуютъ о необходимости возбужденія вопроса объ ихъ отвѣтственности. Не смотря на оживленный обмѣнъ мыслей, который по этому поводу происходилъ на конгрессѣ, вопросъ остался невполнѣ исчерпаннымъ и въ измѣненномъ видѣ будетъ подлежать теперь обсужденію петербургскаго конгресса. Трудность разрѣшенія его коренится въ опасеніи, — возрастающемъ при всякой попыткѣ ограничить родительскую власть,—ослабить основы семейной жизни и создать искусственныя затрудненія къ осуществленію естественныхъ правъ и обязанностей родительской власти.

Шестой вопросъ заключается въ томъ: «какія средства могли бы быть употребляемы для дѣйствительной борьбы съ укрывательствомъ и укрывателями по ремеслу?» Въ виду разнообразныхъ формъ преступной дѣятельности, укрыватели занимаютъ видное мѣсто, и вопросъ о средствахъ борьбы съ этими капиталистами преступности, занимающими привилегированное положеніе и не участвующими непосредственно въ преступной дѣятельности по совершенію преступленій, а лишь только пользующимися плодами ихъ,— издавна занимаетъ криминалистовъ. Вопросъ этотъ занималъ уже лондонскій международный конгрессъ, значился и въ программѣ римскаго конгресса, но остался не разсмотрѣннымъ. Укрыватели—это язва общества, обусловливающая своимъ существованіемъ объемъ развитія преступной дѣятельности въ общественной средѣ, и не лишено доли истины мнѣніе, что не будь укрывателей, не существовало бы и многихъ преступленій. Любопытно заявленіе, сдѣланное на лондонскомъ конгрессѣ судьею Коксомъ, что онъ въ своей судебной практикѣ постоянно проводилъ правило, что укрыватели кражъ подлежатъ наказанію вдвое болѣе тяжкому, чѣмъ то, которое постановляется о лицѣ, непосредственно совершившемъ кражу, и что съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ непреклонностью сталъ проводить эту практику, случаи укрывательства сдѣлались, по его удостовѣренію, рѣд-

кими въ его судебномъ участкѣ. Но едва ли одно усиленіе уголовной кары представляется средствомъ, достаточнымъ для борьбы съ укрывательствомъ; оно недостаточно уже потому, что преслѣдованіе укрывателей обставлено обыкновенно большими затрудненіями. Не прикладывая руки къ непосредственному совершенію преступленія, укрыватель обставляетъ свою преступную дѣятельность тѣми условіями, которыя въ значительной степени гарантируютъ ему безопасность. Только этимъ обстоятельствомъ и можно себѣ объяснить относительную малочисленность преслѣдованій укрывателей. Законодательства послѣдняго времени конструировали понятія укрывательства такъ, что въ значительной степени отстранили препятствія, существовавшія для преслѣдованія въ старыхъ кодексахъ. Эти послѣдніе кодексы смотрѣли на укрывательство, какъ на видъ прикосновенности къ совершенію преступленія, а это воззрѣніе съ своей стороны требовало установки на судѣ связи между дѣйствіями укрывателей и главными виновниками преступленія. Новые кодексы (въ томъ числѣ проэктъ вырабатываемаго у насъ уложенія) отбросили требованіе этой внѣшней связи укрывателя съ виновниками преступленія и поставили укрывательство, какъ преступленіе самостоятельное (sui generis), караемое совершенно независимо отъ отношеній укрывателя къ главному виновнику. Но, какъ ни велико значеніе этой реформы, совершонной въ области уголовно-матеріальнаго законодательства относительно укрывателей, нельзя довольствоваться ею одною, а нужно изыскивать новыя, болѣе дѣйствительныя средства для борьбы съ ними, помимо уголовнаго суда, и можно полагать, что конгрессъ будетъ искать ихъ въ сферѣ дѣятельности власти по предупрежденію и пресѣченію преступленій.

Послѣднимъ, *8-мъ вопросомъ* этого отдѣла представляется вопросъ о томъ, «какими основаніями слѣдуетъ руководствоваться для разграниченія подсудности арестантовъ судебнымъ мѣстамъ съ ихъ дисциплинарною подсудностью за проступки обще-уголовнаго характера, совершонные ими во время содержанія подъ стражею? За какіе проступки этого рода они подлежатъ преданію суду и за какіе могутъ быть подвергнуты отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарномъ?» Вопросъ о дисциплинарныхъ мѣрахъ взысканія ставился уже на стокгольмскомъ конгрессѣ съ уголовно-матеріальной стороны, причемъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что въ систему взысканій дисциплинарныхъ предполагалось ввести выговоръ и лишеніе различныхъ льготъ по тюремному заключенію (льготы по работѣ, способу содержанія, чтеніе и т. д.). Предстоящему конгрессу придется выяснить уголовно-процессуальную сторону въ примѣненіи дисциплинарныхъ мѣръ взысканія. Что тюрьма, какъ установленіе, имѣющее свою организацію, свои спеціальныя цѣли и свою особую жизнь, нуждается въ мѣрахъ дисциплинарной отвѣтственности для охраненія этой жизни—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, равно какъ нѣтъ сомнѣній и въ томъ, что дисциплинарная власть должна быть осуществляема органами тюремной администраціи, на которой лежитъ отвѣтственность за порядокъ.

Но вопросъ объ основаніяхъ, по которымъ надлежитъ разграничить подсудность арестантовъ судебнымъ мѣстамъ и тюремному

начальству, значительно осложняется при ближайшемъ опредѣленіи: за какіе проступки надлежитъ примѣнять мѣры дисциплинарной отвѣтственности? Одна категорія этихъ поступковъ не возбуждаетъ особаго сомнѣнія, это — спеціальныя нарушенія тюремной дисциплины, выразившіяся въ формѣ ослушанія, неисполненія или нарушенія правилъ тюрьмы. Законодательство опредѣляетъ, за какія нарушенія и въ какомъ объемѣ должна проявиться карательная дѣятельность по этимъ нарушеніямъ со стороны тюремной администраціи. Но рядомъ съ этими нарушеніями стоитъ группа общихъ, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ, преступленій, предоставленіе которыхъ уголовному суду повлекло бы за собою чрезвычайный вредъ для тюремъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли допустить, чтобы случаи оскорбленія, наносимаго арестантами другъ другу, или поврежденіе тюремнаго имущества, или мелкія, случайныя присвоенія разсматривались не иначе, какъ путемъ уголовнаго суда? Признаніе этихъ проступковъ подсудными суду на общемъ основаніи — повлекло бы за собою невозможное положеніе вещей и несомнѣнно создало бы въ тюрьмѣ цѣлый рядъ такихъ преступленій, сужденіе которыхъ уголовнымъ судомъ было бы тягостно и для тюрьмы, и для суда. Очевидно, что существуетъ категорія общихъ преступленій, которая, въ уклоненіе отъ общихъ правилъ подсудности, должна быть предоставлена вѣдѣнію административнаго начальства. За возможность расширенія дисциплинарной власти этого начальства говоритъ также усиливающееся, какъ мы видѣли, за послѣднее время, значеніе тюрьмы и широкій объемъ преслѣдуемыхъ ею цѣлей, требующій соотвѣтственнаго расширенія власти тюремнаго начальства. Но по какимъ признакамъ отграничить эти преступленія отъ тѣхъ общихъ преступленій, которыя, какъ напр., важный случай посягательства на жизнь человѣка, не должны быть предоставлены разсмотрѣнію въ порядкѣ дисциплинарномъ? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу вопросовъ сложныхъ, при разрѣшеніи которыхъ нужно считаться не только съ общими условіями жизни тюрьмы, но и съ особенностью каждаго вида лишенія свободы, такъ какъ чѣмъ болѣе тяжко преступленіе, за которое заключенъ въ тюрьму виновный, тѣмъ суровѣе долженъ быть и тотъ дисциплинарный режимъ, при существованіи котораго ему придется отбывать наказаніе, а, слѣдовательно, и обширнѣе власть, предоставленная начальству. До сихъ поръ мало сдѣлано для выясненія тѣхъ принциповъ, по которымъ надлежитъ разграничить область вѣдѣнія уголовнаго и дисциплинарнаго суда въ отношеніи преступленій, совершонныхъ въ тюрьмѣ. Большинство постановленій закона ограничивается тѣмъ, что предоставляетъ вѣдѣнію тюремнаго начальства спеціальныя нарушенія правилъ тюрьмы и распоряженій тюремнаго начальства и мало удѣляетъ мѣста для выясненія того, при наличности какихъ условій и какія именно общія преступленія должны подлежать вѣдѣнію этого начальства. Нашъ «уставъ о ссыльныхъ» составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, но его постановленія, въ виду крайняго расширенія въ немъ власти начальства по примѣненію уголовной кары къ лицамъ, подвергающимся дѣйствію этого устава,—

не можетъ служить примѣромъ. По этому уставу, дисциплинарная власть распространяется не только на дисциплинарные проступки, но и на обще-уголовныя преступленія, влекущія за собою наказаніе ниже прежняго рабочаго дома, причемъ высшее дисциплинарное наказаніе отличается своею суровостью. Такъ, ссыльно-каторжный и ссыльно-поселенецъ, въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, могутъ быть подвергнуты продолженію срока заключенія противъ опредѣленнаго судомъ приговора, наказанію плетьми до 100 ударовъ и прикованію къ тачкѣ. Тяжки и мѣры дисциплинарнаго наказанія, налагаемыя по уставу о содержащихся подъ стражею. Содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, за важный проступокъ въ порядкѣ дисциплинарномъ, подвергаются наказанію розгами до ста ударовъ, бритью половины головы, заковыванію на время въ кандалы, а, при рецидивѣ, и продолженію срока заключенія до шести мѣсяцевъ. Что̀ разумѣть подъ «важнымъ проступкомъ»—законъ не опредѣляетъ, но одна уже тяжесть мѣръ взысканія даетъ право предполагать, что они примѣнимы не только къ случаямъ нарушеній, но могутъ быть налагаемы и за обще-уголовныя преступленія.

III.

Второй отдѣлъ программы заключаетъ въ себѣ вопросы, посвященные непосредственно тюрьмѣ и ея внутренней организаціи. По этому отдѣлу, пренія на римскомъ конгрессѣ были весьма оживленны и въ нихъ принимало участіе наибольшее количество пенитенціаристовъ, и притомъ наиболѣе выдающихся по своей авторитетности.

Вопросъ первый заключается въ томъ: «хозяйственный способъ производства работъ въ тюремномъ учрежденіи можетъ ли быть предпочитаемъ подрядному»? Вопросъ этотъ достался предстоящему конгрессу по наслѣдству отъ римскаго и имѣетъ непосредственную связь со *слѣдующимъ* (вторымъ) *вопросомъ* этого отдѣла о томъ, «въ какой мѣрѣ тюремный трудъ наноситъ ущербъ свободной промышленности, ка́къ слѣдовало бы организовать трудъ заключенныхъ, съ тѣмъ чтобы избѣжать, насколько возможно, невыгодъ конкуренціи»? Работѣ арестантской посвященъ и 8 вопросъ этого отдѣла, предложенный японскимъ правительствомъ въ слѣдующемъ изложеніи: «желая доставить освобожденнымъ изъ заключенія, по отбытіи наказанія, средства къ существованію, было бы необходимо ввести въ тюрьмѣ возможно бо̀льшее разнообразіе работъ, чтобы такимъ образомъ возможно было обучить заключенныхъ работѣ, которая всего болѣе отвѣчала бы ихъ способностямъ. Но при этомъ, независимо отъ сложности организаціи и дороговизны содержанія подобнаго своеобразнаго тюремно-промышленнаго заведенія, возникаетъ вопросъ: — не будетъ ли работа, своею легкостью и простотой, препятствовать успѣху уголовной репрессіи? Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ ли, не ограничивая числа видовъ работы, до-

ставлять каждому заключенному трудъ, соотвѣтствующій его способностямъ»? Работа заключенныхъ имѣетъ значеніе важнаго элемента наказанія, если она обязательно введена въ тюрьмѣ и, какъ таковая, оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на характеръ отбываемаго наказанія, но совершенно независимо отъ своего карательнаго значенія. Работа арестанта является могучимъ средствомъ его исправленія, не только въ смыслѣ нравственнаго возрожденія, но и въ качествѣ мѣры, могущей облегчить пріуроченіе заключеннаго къ условіямъ его будущаго существованія внѣ стѣнъ тюрьмы. Понятно поэтому, что вопросъ объ организаціи работъ въ тюрьмѣ всегда особенно интересовалъ пенитенціаристовъ и что въ тюремномъ законодательствѣ и тюремной практикѣ онъ имѣетъ свою обширную исторію. Въ тюрьмахъ, въ лицѣ заключенныхъ, сосредоточивается громадная мускульная сила, способная, какъ факторъ, оказать серьезное вліяніе на производительность, и мысль воспользоваться ею для цѣлей государства, въ интересахъ фискальныхъ, привела въ прежнее время ко взгляду на работу арестованныхъ, какъ на такую дѣятельность, чрезъ посредство которой государство можетъ не только восполнить дѣлаемыя траты по заключенію арестованныхъ, но также пріобрѣсти и немалую выгоду. Съ временемъ господства этого фискальнаго взгляда на тюремныя работы совпадаютъ попытки возведенія крупныхъ земляныхъ и архитектурныхъ сооруженій, а также попытки примѣнить мускульную силу арестантовъ въ качествѣ двигателя на галерахъ. Затѣмъ одержалъ верхъ иной взглядъ на эту работу, а именно, какъ на карательный элементъ, могущій содѣйствовать устрашительному характеру тяжкихъ видовъ наказаній, причемъ производительное свойство этого труда не только отошло на второй планъ, но даже совершенно игнорировалось, что̀ видно, между прочимъ, изъ созданія въ тюрьмахъ непроизводительныхъ работъ въ формѣ, напр., обязательнаго переноса арестантами тяжестей съ одного мѣста на другое. Наконецъ, выдвинулось впередъ третье воззрѣніе на арестантскій трудъ, какъ на такую дѣятельность, при помощи которой возможно наилучшимъ образомъ достигнуть цѣли исправленія. Этотъ взглядъ на исправительное значеніе арестантскихъ работъ—представляется взглядомъ, господствующимъ въ настоящее время, не смотря на оппозицію представителей антропологической школы, признающихъ за трудомъ арестованныхъ только значеніе средствъ къ возмѣщенію убытковъ, понесенныхъ отъ преступленія. Особенно велико значеніе арестантскаго труда при одиночной системѣ заключенія. Преступникъ, отбывающій наказаніе въ одиночной камерѣ, находится въ непривычномъ для него общеніи исключительно съ самимъ собою; тяжесть этого одиночества получаетъ, съ теченіемъ времени, мучительное для него значеніе, работа же, по крайней мѣрѣ, для большинства заключенныхъ этой категоріи, представляется не тяжестью, а наоборотъ—средствомъ къ облегченію тяжести наказанія. Если къ этому прибавить обыкновенное желаніе заключенн го заработать себѣ денегъ, къ моменту выхода изъ тюрьмы тоа получится столь сильный стимулъ къ работѣ, который въ состояніи будетъ развивать въ заключенномъ недостававшую ему прежде привычку

къ труду. Какъ ни важна для этой формы заключенія правильная организація тюремной работы, нельзя не отмѣтить, что именно въ одиночныхъ тюрьмахъ эта организація встрѣчаетъ чрезвычайное затрудненіе, заключающееся въ условіяхъ тюремнаго заключенія, дѣлающихъ невозможнымъ такой надзоръ за работою, какой существуетъ при системѣ общаго заключенія. Затруднительно, напр., давать въ одиночную камеру такое орудіе производства, при помощи котораго заключенный могъ бы легко, улучивъ моментъ, покуситься на свою жизнь или сдѣлать другое злоупотребленіе. Независимо отъ одиночнаго заключенія, нужно сказать, что вообще постановка во всѣхъ тюрьмахъ арестантскихъ работъ представляется дѣломъ очень сложнымъ не только въ виду условій внутренней жизни тюрьмы, но также и условій, внѣ тюрьмы лежащихъ. Къ числу условій этой послѣдней категоріи нужно указать на конкуренцію, производимую арестантскимъ трудомъ труду свободному. Заключенный, не платящій за квартиру и находящійся на казенномъ иждивеніи, можетъ такъ дешево цѣнить свой трудъ, какъ не въ состояніи этого сдѣлать свободный работникъ, а это обстоятельство, въ особенности въ случаѣ переполненія рынка, возбуждаетъ весьма серьезное экономическое затрудненіе для широкаго развитія арестантской работы. Какъ на оригинальную попытку умалить значеніе этой опасной конкуренціи, укажемъ на то, что въ Бельгіи при обсужденіи бюджета министра юстиціи въ 1887 году, возникъ вопросъ объ организаціи арестантскаго труда, причемъ высказана была мысль, что во избѣжаніе конкуренціи желательно, чтобы въ тюрьмахъ производились вещи, привозимыя изъ-за границы, а не вырабатываемыя въ своемъ государствѣ. Не отрицая теоретической вѣрности такого взгляда на постановку тюремной работы, должно опасаться, чтобы при практическомъ ея примѣненіи не встрѣтилось затрудненій. То, что не производится въ данной странѣ сегодня, а только привозится изъ-за границы, можетъ сдѣлаться завтра предметомъ домашняго производства, т. е. предметомъ, не подлежащимъ производству въ тюрьмѣ. Наконецъ, не лишены значенія трудности организаціи работъ, заключающіяся въ обстоятельствахъ, формулированныхъ японскимъ правительствомъ въ 8 вопросѣ. Если, задаваясь исключительно интересами производительности, упустить изъ виду пенитенціарную сторону работы, то интересы уголовной репрессіи въ той тюрьмѣ, въ которой работа является элементомъ, усиливающимъ наказаніе, — могутъ отъ этого пострадать.

Третій вопросъ этого отдѣла имѣетъ также близкое соприкосновеніе съ организаціею тюремной работы. «Какія, — спрашивается,—поощренія могутъ быть дѣлаемы заключеннымъ въ интересахъ хорошей тюремной дисциплины? въ частности: въ какой мѣрѣ заключенный можетъ свободно распоряжаться своимъ заработкомъ?» Разъ признается, что работа преслѣдуетъ исправительную цѣль, то несомнѣнно, что предоставленіе арестантамъ части заработка является мотивомъ, поддерживающимъ въ нихъ интересъ къ работѣ,—и вотъ во всѣхъ законодательствахъ мы видимъ, что часть заработка предоставляется въ пользу арестанта-работ—

ника, причемъ различно устанавливаются только размѣры этой части. Размѣры эти колеблятся сообразно тому, къ какой изъ категорій тюрьмы принадлежитъ та тюрьма, въ которой произведена работа. Но заработокъ — только одно изъ средствъ поощренія для заключеннаго, и существуетъ много иныхъ пріемовъ, при содѣйствіи которыхъ оказывается возможнымъ вліять на арестанта въ желаемомъ направленіи. Вся жизнь арестованнаго слагается, какъ мы сказали, изъ мелочныхъ интересовъ дня и, предоставляя или отнимая отъ него весьма малое, можно причинить ему много страданій и лишеній. Даже такой, кажущійся пустымъ, вопросъ, какъ вопросъ о томъ, носить ли, или не носить заключенному арестантское платье, дозволить или не дозволить ему отпустить бороду, на сколько времени увольнять его на прогулку — все это вопросы серьезной важности для арестованнаго, и, ради благопріятнаго разрѣшенія ихъ, онъ съ своей стороны готовъ обыкновенно сдѣлать многое.

Слѣдующій, *четвертый вопросъ* посвященъ организаціи тяжкаго вида лишенія свободы. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о ссылкѣ въ колоніи, спрашивается: какой можетъ быть способъ примѣненія наказанія лишеніемъ свободы,—безъ срока или же на продолжительное время, т. е. на срокъ, превышающій 5 лѣтъ, или, смотря по законодательствамъ, на срокъ свыше 10 лѣтъ? каковы должны быть организація и внутренній порядокъ учрежденій, предназначенныхъ для содержанія заключенныхъ каждой изъ названныхъ категорій? Разрѣшеніе этого вопроса находится, прежде всего, въ зависимости отъ разрѣшенія общаго вопроса, какъ смотрѣть на цѣль, преслѣдуемую тяжкимъ видомъ тюремнаго заключенія? Если смотрѣть на приговариваемыхъ къ этимъ видамъ лишенія свободы, какъ смотритъ новѣйшая антропологическая школа, а именно, какъ *на лицъ ненормальныхъ, не поддающихся дѣйствію исправленія*, то естественно, что назначеніе этого вида тюрьмы должно заключаться въ томъ, чтобы при помощи его, въ теченіе срока заключенія осужденнаго, сдѣлать его безвреднымъ для общественныхъ интересовъ, лишивъ физической возможности къ совершенію новыхъ преступныхъ посягательствъ. Отсюда — необходимость строгой тюремной дисциплины. Работа, организуемая въ интересахъ этой дисциплины, а также фиска — вотъ на какихъ устояхъ должно покоиться это заключеніе, при такомъ взглядѣ на приговоренныхъ къ нему. Наоборотъ, если признать, что продолжительное заключеніе имѣетъ ту же цѣль, что̀ средне-срочное, т. е. цѣль исправленія, то организація, въ общихъ чертахъ, должна остаться та же: работа должна быть ведена сообразно цѣлямъ исправленія, причемъ,—въ виду важнаго значенія ея, въ особенности при этомъ видѣ лишенія свободы,—наружныя работы получатъ особое значеніе. Нынѣ проводится даже мысль о новой формѣ переносныхъ тюремъ, при помощи которыхъ оказалась бы возможною перекочевка заключенныхъ на тѣ пункты территоріи, гдѣ предстоятъ эти наружныя, крупныя по своимъ размѣрамъ, работы. Опыты примѣненія этихъ тюремъ дѣлаются въ настоящее время и на нашей родной почвѣ Изъ обзора десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управ-

ленія видно, что арестанты житомирской тюрьмы работаютъ на шоссе и что, по мѣрѣ передвиженія центра работъ, передвигаются и тѣ досчатые бараки (а лѣтомъ солдатскія палатки) въ которыхъ они проводятъ время сна и отдохновенія. Мѣры дисциплинарнаго взысканія могутъ быть строже, нежели въ тюрьмахъ среднесрочнаго заключенія, но, тѣмъ не менѣе, онѣ должны быть примѣняемы не столько въ виду угнетенія заключеннаго, сколько въ интересахъ перевоспитанія его, насколько таковое окажется, по личности субъекта, возможнымъ. Дѣйствительность показываетъ намъ большое разнообразіе въ устройствѣ мѣстъ заключенія этой категоріи, а голландское уложеніе 1871 года признало возможнымъ обойтись совершенно безъ особыхъ тюремъ, предназначенныхъ для тяжкихъ видовъ заключенія, основавъ систему наказанія на двухъ видахъ заключенія: арестѣ и тюрьмѣ (*пожизненной* и *срочной*). Въ настоящее время, и въ германской литературѣ раздаются голоса, требующіе уничтоженія Zuchthaus'a (соотвѣтствующаго нашимъ каторжнымъ работамъ).

Разсматриваемый вопросъ имѣетъ непосредственную связь съ *вопросомъ 6-мъ* этого отдѣла, о томъ: «существуетъ ли типъ неисправимыхъ преступниковъ». О продолжительныхъ видахъ заключенія и порядкѣ содержанія арестованныхъ говорится также въ *вопросахъ 9 и 10*, причемъ послѣдній имѣетъ въ виду организацію тюремъ, обставленную условіями земледѣльческой жизни тюрьмы, возведенной съ цѣлью разработки непочатой земли, или съ цѣлью колонизаціи (вопросъ предложенъ точно также японскимъ правительствомъ).

«На какихъ основаніяхъ и какими способами можно было бы всего выгоднѣе обезпечить пополненіе состава служащихъ въ тюремныхъ учрежденіяхъ (докторовъ, инспекторовъ, экономовъ и т. д.?)» Таковъ *5 вопросъ* втораго отдѣла. Дѣло тюрьмы—дѣло спеціальное, имѣющее свою технику, свои исключительныя особенности, свою искусственно развивающуюся жизнь. Для вѣрнаго направленія этой жизни, согласно требованію закона, требуется поддержаніе внутренней дисциплины, а поэтому штатъ служащихъ въ тюрьмѣ (по крайней мѣрѣ, на низшихъ ступеняхъ тюремной іерархіи) пополняется обыкновенно изъ контингента отставныхъ военныхъ какъ лицъ, выработавшихъ въ себѣ способность подчиняться и проводить требованія дисциплины. Съ другой стороны, объемъ задачъ, преслѣдуемыхъ современною тюрьмою,—какъ мы видимъ,—громадный. Отъ лицъ, стоящихъ во главѣ тюремныхъ учрежденій требуется большой запасъ спеціальныхъ знаній. Отсюда вытекаетъ естественная необходимость особаго подготовленія тюремнаго персонала, особый искусъ, проходимый имъ до занятія должности, и особыхъ кадровъ служащихъ, которые выставляютъ изъ своей среды лицъ, удовлетворяющихъ специфическимъ требованіямъ тюремной службы. Но такъ какъ, кромѣ опытныхъ свѣдѣній, требуются еще и свѣдѣнія теоретическія для должностныхъ лицъ, занимающихъ высшіе посты въ тюрьмѣ, то желательно существованіе спеціальныхъ школъ, подготовляющихъ людей къ тюремной дѣятельности. Дѣйствительность показываетъ однако, что это по

слѣднее требованіе удовлетворяется въ настоящее время (насколько намъ извѣстно) въ одномъ только Римѣ, имѣющемъ такую особую школу для подготовки тюремныхъ надзирателей.

Крупной важности предметъ встрѣчаемъ мы въ *вопросѣ 6-мъ*, которымъ предлагается на обсужденіе конгресса: «можно ли допустить, чтобы нѣкоторыя лица, виновныя въ преступленіяхъ или проступкахъ, были признаваемы неисправимыми и, въ утвердительномъ случаѣ, какія средства могли бы быть употребляемы, чтобы оградить общество отъ этой категоріи осужденныхъ?» Современная антропологическая итальянская школа признаетъ, что существуетъ классъ неисправимыхъ преступниковъ. Изучая позитивнымъ методомъ сомматическія и психическія особенности закоренѣлыхъ преступниковъ, представители этого направленія пришли къ заключенію, что между лицами, совершающими случайныя преступленія и преступленія по привычкѣ, существуетъ классъ людей, представляющихъ собою экземпляры *ненормальныхъ, выродившихся субъектовъ*, въ отношеніи которыхъ всѣ попытки соціальнаго воздѣйствія мѣрами исправленія или устрашенія представляются тщетными, и которые должны быть удалены изъ общества, лишены возможности проявлять свое преступное состояніе. Взглядъ этотъ, повидимому, находитъ подтвержденіе и въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что существуютъ рецидивисты, не поддающіеся вліянію пенитенціарныхъ мѣръ, и что такія лица оставляютъ тюрьму только на время, для того чтобы опять въ нее возвратиться. Многочисленныя свидѣтельства пенитенціаристовъ-практиковъ подкрѣпляютъ эти выводы опытами, лично добытыми. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ откликъ и въ законодательныхъ сферахъ. Такъ, французское законодательство рѣшительно отнеслось къ рецидивистамъ, и закономъ 27 мая 1885 года о релегаціи рецидивистовъ установлено, что релегація введена для рецидивистовъ по уголовнымъ и нѣкоторымъ исправительнымъ наказаніямъ, находящихся въ возрастѣ отъ 21—60 лѣтъ, и что релегація эта, замѣняя собою полицейскій надзоръ, опредѣляется въ качествѣ послѣдствій наказанія, назначаемаго судомъ, и заключается въ обязательной ссылкѣ рецидивистовъ, подпавшихъ подъ ея дѣйствіе, за предѣлы отечества. Ссыльный можетъ, съ разрѣшенія администраціи, пользоваться въ колоніи всѣми или частью утраченныхъ имъ по суду правъ, а по отбытіи 5 лѣтъ хорошей жизни въ колоніи имѣетъ право обратиться къ судебной власти съ ходатайствомъ объ освобожденіи его отъ релегаціи. Опытъ еще невполнѣ выяснилъ достоинства и недостатки этого закона, въ литературѣ же раздаются голоса, возражающіе противъ правильности принятыхъ имъ основаній. Вопросъ о томъ, существуютъ ли неисправимые преступники, могъ бы быть, — полагаемъ мы, — разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ только въ томъ случаѣ, еслибы мѣры, принимаемыя къ исправленію осужденныхъ, обладали надлежащею степенью развитія и еслибы въ частности патронатъ исполнялъ свое назначеніе— оказывать поддержку освобожденнымъ изъ тюрьмы—въ той мѣрѣ, въ какой это желательно въ интересахъ предупрежденія рециди-

вовъ. Несомнѣнно, что прежняя судимость обвиняемаго составляетъ важный фактъ для оцѣнки характера преступности, но несомнѣнно также, что при существованіи ненормальности условій, ожидающихъ осужденнаго по выходѣ его изъ тюрьмы на свободу, на эту судимость можетъ съ полнымъ правомъ ссылаться не только прокуроръ, доказывающій недостаточность испытанныхъ осужденнымъ карательныхъ мѣръ, но также и защитникъ, приводя предъ судомъ это обстоятельство въ пользу обвиняемаго и въ подтвержденіе того, что преступленіе, вновь имъ совершонное, было преступленіемъ вынужденнымъ, благодаря полному отсутствію средствъ и всякой поддержки со стороны общества или правительственной власти. Для того чтобы рѣшить, имѣетъ ли судимость значеніе признака, доказывающаго неисправимость рецидивиста, нужно было бы индивидуализировать оцѣнку ея по обстоятельствамъ дѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а между тѣмъ, на судахъ уголовныхъ, такая оцѣнка судимости не производится. Судится отдѣльное преступное дѣйствіе лица, а не обсуждается вопросъ о преступномъ состояніи этого лица, и справка о прежней судимости обвиняемаго принимается, какъ фактъ, не подлежащій ближайшему обсужденію. Ничего не можетъ быть опаснѣе на уголовномъ судѣ, какъ предвзятое положеніе, основанное нерѣдко на соображеніяхъ, не оправдывающихся обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая. Эта первая часть настоящаго вопроса представляетъ высокій интересъ и имѣетъ чрезвычайную важность для отправленія уголовнаго правосудія. Что касается второй части вопроса: «какія средства могутъ быть употребляемы, чтобы оградить общество отъ этой категоріи осужденныхъ», — то она получаетъ уже второстепенное значеніе, причемъ разрѣшеніе ея не можетъ представить особыхъ затрудненій, разъ установлены будутъ принципіальныя стороны первой части вопроса.

Значеніе *7-го вопроса* о томъ: «въ чемъ должно состоять отличіе порядка заключенія осужденнаго до судебнаго приговора отъ порядка содержанія заключеннаго по его осужденіи»,—опредѣляется тѣмъ, что онъ имѣетъ предметомъ своимъ не только интересы лицъ, совершившихъ преступленіе, но и лицъ невиновныхъ, а также не изобличенныхъ въ совершеніи преступленій, равно какъ и тѣхъ, дѣла о которыхъ или закончены оправдательнымъ приговоромъ, или прекращены за встрѣченными юридическими или фактическими препятствіями къ движенію уголовнаго преслѣдованія (чаще всего, по недостатку уликъ и доказательствъ). Въ этомъ вопросѣ, въ противоположность предъидущему, постановка принципіальной стороны не возбуждаетъ сомнѣнія, и вся трудность его сводится къ установкѣ частностей, относящихся до предварительнаго заключенія. Съ принципіальной стороны, можетъ считаться общепринятымъ взглядъ, что предварительное заключеніе не должно имѣть ничего общаго съ заключеніемъ, по которому осужденный отбываетъ назначенное ему судомъ наказаніе, что предварительное заключеніе является мѣрою, вызываемою практическою и грустною необходимостью предупредить побѣгъ заподозрѣннаго или затруднить ему уничтоженіе слѣдовъ преступленія до

момента изслѣдованія ихъ представителями слѣдственной власти, и что поэтому предварительное заключеніе должно быть поставлено такъ, чтобы оно, по возможности, менѣе ограничивало свободу лица, подвергнутаго этому заключенію, и чтобы жизнь его въ этомъ заключеніи, по возможности, менѣе отличалась отъ той жизни, которую прежде вело это лицо на свободѣ. Таковъ идеалъ предварительнаго заключенія, къ осуществленію котораго дѣлались и дѣлаются различными законодательствами болѣе или менѣе рѣшительныя попытки. Укажемъ, напр., въ этомъ отношеніи на условія существованія «дома предварительнаго заключенія» у насъ, въ Петербургѣ. При постройкѣ его,—какъ свидѣтельствуетъ внѣшній видъ этого зданія,—имѣлось въ виду по возможности приблизить его къ характеру частнаго дома, такъ чтобы ни одинъ, бросающійся въ глаза, внѣшній признакъ его не напоминалъ собою тюрьмы. Отсутствіе военнаго караула, замѣняемаго системою сложныхъ замковъ при относительно льготныхъ условіяхъ содержанія, предусмотрѣнныхъ уставомъ тюрьмы, — служитъ тому доказательствомъ. Но такой взглядъ на значеніе предварительнаго заключенія встрѣчаетъ на практикѣ много препятствій на пути своего осуществленія; тюрьма, хотя и именуемая домомъ предварительнаго заключенія, остается все таки тюрьмою, т. е. насильственнымъ лишеніемъ свободы и какъ бы ни старались законодатель и представитель административной тюремной власти позолотить пилюлю, жизнь заключеннаго въ этомъ домѣ представляется жизнью арестанта, ощущающаго въ каждой мелочи своей обстановки тяжесть заключенія. Само законодательство, обставляя болѣе или менѣе льготно жизнь заключенныхъ этой категоріи, признаетъ въ концѣ концовъ, что предварительное заключеніе имѣетъ много общаго съ заключеніемъ лицъ, подвергшихся лишенію свободы въ наказаніе, такъ какъ нѣкоторые кодексы предоставляютъ суду право зачета времени, проведеннаго осужденнымъ въ предварительномъ заключеніи, въ срокъ того заключенія въ тюрьмѣ, къ которому онъ присужденъ судомъ. Такое законодательное постановленіе, колеблющее силу судебнаго приговора въ отношеніи времени заключенія, не имѣло бы никакого смысла, еслибы предварительное заключеніе было въ дѣйствительности таково, какимъ оно должно бы быть по теоріи.

Заканчивается этотъ 2-ой отдѣлъ программы *вопросомъ 11-мъ:* «полезно ли составленіе международной пенитенціарной статистики, возможно ли оно, и если возможно, то въ какихъ предѣлахъ надлежало бы ее вести и по какой системѣ она должна быть составляема?» Значеніе статистики настолько вошло въ общее сознаніе, что доказывать важность ея было бы излишне. Дѣло организаціи тюремной статистики обставляется нѣкоторыми спеціальными требованіями, порождающими особую трудность ея веденія, но указаніе на нихъ, какъ на трудность вполнѣ техническаго свойства, не могло бы представить общаго интереса, и поэтому мы не останавливаемся на немъ.

IV.

Третье отдѣленіе программы посвящено вопросамъ, касающимся преимущественно различныхъ сторонъ дѣятельности патронатствъ. Значеніе патроната, заключающееся въ томъ, чтобы заботиться объ участи лицъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ, и помогать имъ въ созданіи условій своей новой жизни на свободѣ, — чрезвычайно велико. Какъ бы правильно ни была опредѣлена задача тюрьмы, какъ бы счастливо ни разрѣшалась она въ дѣйствительности, но если испытавшій на себѣ хорошія стороны пенитенціарнаго воздѣйствія выпускается изъ тюрьмы на улицу и предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, то всѣ заботы тюрьмы по исправленію заключеннаго могутъ погибнуть при первомъ соприкосновеніи съ нищетою и подозрительнымъ отношеніемъ общества къ его личности. Въ ряду тяжелыхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣятельность патронатствъ, немалое значеніе имѣетъ изолированность каждаго изъ нихъ. Совмѣстная ихъ дѣятельность, въ дѣлѣ преслѣдованія общихъ цѣлей, могла бы значительно облегчить ихъ работу и содѣйствовать развитію ихъ силъ. Нельзя также въ этомъ отношеніи упускать изъ виду, что только путемъ ближайшаго общенія патронатствъ другъ съ другомъ, они могутъ воспользоваться указаніями взаимнаго опыта; вмѣстѣ съ тѣмъ, только этимъ путемъ дѣло изученія пріемовъ ихъ дѣятельности можетъ быть поставлено на надлежащую почву.

Въ *первомъ вопросѣ* предлагается на разрѣшеніе конгресса: «какимъ образомъ могли бы учрежденія и общества патроната различныхъ странъ, съ пользою для осуществленія ихъ задачъ, войти въ сношенія другъ съ другомъ, съ тѣмъ чтобы пользоваться общимъ опытомъ и средствами къ дѣйствію, обоюдно признанными наилучшими, слѣдить за освобожденными изъ-подъ стражи лицами различныхъ національностей до ихъ возвращенія къ домашнимъ очагамъ и вступленія въ честную и трудовую жизнь, чтобы облегчить возвращеніе ихъ въ отечество, и обмѣниваться особыми справками о лицахъ, принятыхъ подъ ихъ попеченіе и т. д. Какимъ образомъ эти сношенія между учрежденіями и обществами патроната различныхъ странъ могли бы быть установлены и какимъ образомъ можно было бы достигнуть наилучшихъ результатовъ»?

На послѣднемъ римскомъ конгрессѣ много говорилось о патронатствахъ и о тѣхъ дѣйствіяхъ, при помощи которыхъ они могли бы исполнять свою филантропическую дѣятельность, но въ такой широкой постановкѣ, въ которой ставится настоящій вопросъ, онъ впервые предлагается на обсужденіе нынѣшняго конгресса. Едва ли въ настоящее время окажется возможнымъ конгрессу сдѣлать что-либо жизненное въ этой попыткѣ установленія взаимныхъ отношеній обществъ въ формѣ международной. Для дѣйствительнаго исполненія идеи международнаго общенія, было бы прежде всего необходимо, чтобы завершился предварительно процессъ объединенія *дѣятельности* патронатствъ въ предѣлахъ данныхъ государствъ.

такъ какъ немыслимо допустить, чтобы отдѣльныя патронатства непосредственно отъ себя могли входить въ сношенія съ патронатствами другихъ государствъ, не считаясь съ существующими организаціями общенія государствъ другъ съ другомъ путемъ дипломатическихъ сношеній. А между тѣмъ этотъ процессъ находится въ состояніи зачаточномъ. Дѣлается попытка такой централизаціи дѣятельности патронатствъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи, но она сложилась въ опредѣленную и законченную форму только въ одной Англіи. Тамъ образованъ центральный комитетъ для попеченія объ освобожденныхъ, который служитъ соединительнымъ звеномъ между всѣми, въ разныхъ мѣстахъ существующими, обществами. Комитетъ этотъ находится подъ покровительствомъ принца Уэльскаго и подъ предсѣдательствомъ лорда—недавно Шефтесбюри, а теперь Обердана. Благодаря поддержкѣ его, при каждой тюрьмѣ состоитъ особое общество патроната, такъ что ни одинъ освобожденный изъ заключенія не предоставляется въ Англіи собственнымъ своимъ силамъ, и въ случаѣ впаденія въ новое преступленіе не можетъ ссылаться на то, что совершилъ его вслѣдствіе невозможности пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Но для успѣшной дѣятельности патронатствъ требуется не одно только соединеніе силъ путемъ централизаціи, а нужно также, чтобы ихъ дѣятельность была согласована съ дѣятельностью другихъ органовъ правительственной или общественной власти.

Второй вопросъ третьяго отдѣла посвященъ именно этой сторонѣ ихъ дѣятельности. Спрашивается: «не существуетъ ли такихъ общихъ интересовъ и вопросовъ, которые побуждали бы, въ мѣрѣ возможности, установить обмѣнъ свѣдѣній и взглядовъ и согласовать образъ дѣйствій административныхъ органовъ, завѣдывающихъ тюремною частью, со связанными съ нею учрежденіями, вѣдающими: общественную благотворительность, гигіену и больничное дѣло, полицію и общественную безопасность, пресѣченіе нищенства и бродяжничества, организацію контроля за рабочими домами, помѣщеніями, пріютами, убѣжищами и т. д.? Какимъ образомъ могли бы быть установлены отвѣтственность, обмѣнъ свѣдѣній и взглядовъ и согласованіе образа дѣйствій безъ ущерба для независимости, порядка и правильнаго отправленія отдѣльныхъ отраслей службъ»?

Особенно велико значеніе связи, соединяющей дѣятельность патронатствъ съ дѣятельностью полиціи. На обязанность послѣдней правительство возлагаетъ значительную часть заботъ объ участи освобожденныхъ; она должна предупреждать и пресѣкать преступленія, ей приходится заботиться объ условіяхъ благоустройства; она отправляетъ полицейскій надзоръ въ смыслѣ дополнительнаго наказанія, а также въ качествѣ мѣры предупредительной. Достаточно указать, въ видѣ примѣра, на ту дѣятельность, которая развивается органами полицейской власти въ отношеніи лицъ, предающихся нищенству, для того чтобы явственно уразумѣть, какъ велико соприкосновеніе ея съ филантропическою дѣятельностью патронатствъ. По французскому законодательству, профессіональный нищій, заканчивающій срокъ своего заключенія, препровождается *въ полицейскую префектуру* и такимъ образомъ предостав-

ляется въ распоряженіе административной власти, которая отсылаетъ его въ нищенскій комитетъ. Въ Германіи, тотъ же классъ осужденныхъ, равно какъ и лица, отбывшія наказаніе по обвиненію въ нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяніяхъ низшей категоріи, точно также препровождаются въ распоряженіе полиціи, которая въ теченіе двухъ лѣтъ можетъ заставить ихъ работать въ рабочемъ домѣ или въ иныхъ мѣстахъ, занимаемыхъ общественными работами. Слабая сторона существующаго порядка вещей въ отношеніи патронатствъ заключается въ томъ, что усилія его разобщены отъ дѣятельности полицейской власти, и на долю конгресса выпадаетъ важная задача попытаться связать эту дѣятельность на почвѣ общности преслѣдуемой ими задачи.

Патронатства важны для всѣхъ категорій лицъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ, въ особенности же важны они для несовершеннолѣтнихъ, для которыхъ программа посвящаетъ *третій вопросъ* третьяго отдѣла, заключающійся въ томъ: «помѣщеніе въ частныя семейства несовершеннолѣтнихъ дѣтей, находящихся по какой либо причинѣ подъ опекою или надзоромъ общественной власти, представляетъ ли должныя условія для обезпеченія воспитанія, труда и будущности этихъ дѣтей? въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ эта система могла бы замѣнить отдачу малолѣтнихъ въ заведенія общественнаго призрѣнія, или же могла бы быть взаимно согласована и дополняема этимъ послѣднимъ способомъ»?

Вопросъ этотъ имѣетъ цѣлью выяснить: не могутъ ли быть расширены для этихъ лицъ средства патроната и даже расширено самое понятіе его путемъ распространенія его дѣйствій на такіе случаи, которые до сихъ поръ влекли за собою тюремное заключеніе въ качествѣ наказанія. Стокгольмскій конгрессъ пришелъ уже къ заключенію, что лучшее воспитаніе для преступныхъ дѣтей можетъ быть дано только въ средѣ честной семьи и что только при отсутствіи семьи, представляющей желательныя гарантіи, надлежитъ прибѣгать къ публичнымъ и частнымъ воспитательнымъ заведеніямъ. Вѣрность этого положенія стоитъ, повидимому, внѣ спора. Несомнѣнно, что тюрьма, въ дѣлѣ воспитанія, не можетъ конкурировать съ семьею и весь вопросъ сводится къ тому, въ какую семью приходится помѣщать несовершеннолѣтняго? Возможность эксплуатаціи воспитанника велика, и исторія французскаго общества патроната для несовершеннолѣтнихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что попытки пользоваться корыстно трудомъ несовершеннолѣтнихъ могутъ достигнуть весьма крупныхъ и опасныхъ по своему значенію размѣровъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что ребенокъ, отданный въ семью на воспитаніе, выходитъ изъ подъ дѣйствительнаго контроля общественной власти и что поэтому только семья, въ дѣйствительности хорошая, можетъ оказать желаемое воздѣйствіе на отданнаго ей ребенка; злоупотребленія же съ ея стороны могутъ выражаться только въ относительно рѣдкихъ случаяхъ. Въ виду этого, едва ли на семью, какъ установленіе, могущее замѣнить собою общую тюрьму, можно смотрѣть иначе, какъ на дополнительное къ патронату установленіе.

Затѣмъ, далѣе по 4 вопросу ставится на разрѣшеніе вопросъ:

«для исполненія задачи во всемъ ея объемѣ, не слѣдуетъ ли учрежденіямъ и обществамъ патроната принимать на себя заботы объ устройствѣ положенія и о нуждахъ семьи арестованнаго, — до полученія послѣднимъ свободы,—съ цѣлью или поддержать семейную привязанность, или прійти на помощь семьѣ и оградить ее отъ послѣдствій осужденія того или другаго изъ его членовъ? Какимъ образомъ эта спеціальная задача патронатства, по отношенію къ семействамъ, могла бы быть исполнена, не затрогивая ничьего самолюбія и служа, притомъ, средствомъ къ возбужденію раскаянія въ заключенномъ и возвращенію его къ честной и трудовой жизни?»

Вопросъ этотъ былъ бы празднымъ и подлежалъ бы несомнѣнно утвердительному разрѣшенію, еслибы существующія патронатства способны были удовлетворять предъявляемой къ нимъ потребности освобождаемыхъ изъ заключенія лицъ. Наказаніе должно быть личное, и поэтому страданія и лишенія семьи, порождаемыя самымъ фактомъ заключенія ея главы или иного члена семьи,— являются не элементомъ наказанія, а грустнымъ его послѣдствіемъ, и кому же вліять на возможное ограниченіе этого зла, какъ не органамъ той формы филантропической дѣятельности, которая соприкасается съ тюрьмою и способна служить связью между заключеннымъ и его семьею? Но, къ сожалѣнію, дѣятельность патронатствъ повсюду развита очень слабо и предъявляемыя къ нимъ требованія далеко не всегда получаютъ надлежащее удовлетвореніе. Поэтому необходимо, соблюдая экономію силъ, сосредоточить дѣятельность патроната на главнѣйшихъ задачахъ, имъ преслѣдуемыхъ, а отсюда возникаетъ вопросъ: надлежитъ ли къ категоріи послѣднихъ отнести заботы патроната о нуждахъ семействъ заключенныхъ? И съ этой послѣдней точки зрѣнія, повидимому, существуетъ серьезное основаніе къ утвердительному разрѣшенію поставленнаго вопроса. Наказаніе должно быть равномѣрно, а между тѣмъ всякій, знакомый съ тюремнымъ населеніемъ, знаетъ, какія душевныя страданія причиняются нерѣдко заключенному сознаніемъ, что семья его находится въ нищетѣ и крайности и что, погубивъ свою свободу, онъ погубилъ и неповинную въ его преступленіи семью. Эти душевныя мученія присущи однимъ только людямъ семейнымъ и ставятъ ихъ въ положеніе несравненно болѣе тяжелое, чѣмъ безсемейнаго арестанта, а потому и несправедливое. Если прибавить къ этому, что семья, брошенная на произволъ судьбы, представляется, въ свою очередь, опаснымъ элементомъ для общества,—такъ какъ нищета является однимъ изъ главныхъ источниковъ преступности,—то сдѣлается понятнымъ, до какой степени желательно, въ интересахъ общества, чтобы дѣятельность патронатствъ не ограничивалась только оказаніемъ помощи заключенному, но также простиралась, по мѣрѣ надобности, и на его семью.

По пятому вопросу, предлагается на обсужденіе конгресса: «какимъ образомъ дѣятельность учрежденій и обществъ патроната могла бы всего лучше согласоваться съ дѣятельностью полиціи, съ цѣлью *предотвращенія* освобожденныхъ изъ заключенія отъ совер-

шенія новыхъ преступныхъ дѣяній, самыя же общества отъ новыхъ убытковъ, избѣгая при этомъ огласки положенія лицъ, освобожденныхъ изъ подъ стражи, и не вторгаясь въ ихъ жизнь на свободѣ? Слѣдуетъ разсмотрѣть спеціально этотъ вопросъ, насколько онъ касается условно-освобожденныхъ и находящихся въ завѣдываніи административной власти до наступленія срока окончательнаго освобожденія, принимая въ соображеніе важные интересы и потребности общественной безопасности, а также предосторожности и заботливость, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду по отношенію къ положенію освобожденнаго?»

Вопросъ очень обширенъ, и хотя это обстоятельство затруднитъ опредѣленность вызываемаго имъ отвѣта, но, тѣмъ не менѣе, оно дѣлаетъ интереснымъ обмѣнъ воззрѣній свѣдущихъ людей, изъ которыхъ составится будущій конгрессъ. Что соглашеніе необходимо и что преслѣдованіе каждымъ вѣдомствомъ своихъ цѣлей, не обращая вниманія на цѣли, преслѣдуемыя другими вѣдомствами, можетъ повредить дѣлу—видно уже въ частности по тому значенію, которое имѣетъ для осужденнаго въ будущемъ фактъ отбытой имъ судимости. Съ точки зрѣнія предупрежденія и пресѣченія преступленій, полицейской власти можетъ быть крайне желательно имѣть всегда надлежащія свѣдѣнія о томъ, кто судился, а съ этою цѣлью могло бы казаться цѣлесообразнымъ и занесеніе судимости лица въ его паспортъ, равно какъ оглашеніе свѣдѣній объ этой судимости. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что свѣдѣнія о судимости, достигающія до слуха тѣхъ лицъ, къ которымъ обратится освобожденный для пріобрѣтенія заработка, въ большей части случаевъ побуждаютъ этихъ лицъ отказывать освобожденнымъ изъ тюрьмы въ работѣ, чтобы избавить себя отъ опасности рецидива. Поэтому, въ видахъ облегченія осужденному средствъ пріурочить свое существованіе къ нормальнымъ условіямъ жизни въ обществѣ, желательно, чтобы свѣдѣнія о судимости не выходили изъ сферы канцелярій и не преслѣдовали освобожденнаго по его пятамъ. Уголовная лѣтопись знаетъ случаи, въ которыхъ освобожденный изъ тюрьмы человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣстно работавшій на занимаемомъ имъ мѣстѣ, былъ выбрасываемъ на улицу вслѣдствіе неожиданно дошедшихъ до его хозяина свѣдѣній о томъ, что онъ—освобожденный изъ тюрьмы. Очевидно, что если такимъ образомъ интересы полицейскіе, въ узкомъ смыслѣ понимаемые, невполнѣ совпадаютъ съ тѣми интересами, которые служатъ патронату, — взаимное соглашеніе между этими органами необходимо. *Послѣдній вопросъ* этого отдѣленія заключается въ томъ: «какими средствами и какимъ образомъ общество могло бы быть всего полнѣе и успѣшнѣе ознакомляемо съ истиннымъ смысломъ и важностью, даже для него самого, вопросовъ уголовнаго права и тюрьмовѣдѣнія, а также съ преобразованіями и усовершенствованіями, подготовляемыми или осуществляемыми, — съ ихъ значеніемъ для безопасности общества и для огражденія частныхъ интересовъ, для исправленія виновныхъ и для огражденія общества отъ зла?» Вопросъ этотъ сосредоточиваетъ вниманіе конгресса только на *средствахъ, при помощи* которыхъ можно было бы наиболѣе полно и

успѣшно содѣйствовать распространенію въ обществѣ свѣдѣній объ уголовномъ правѣ и тюрьмовѣдѣніи. Онъ оставляетъ безъ обсужденія вопросъ о томъ, нужно ли пытаться распространять эти свѣдѣнія, признавая его, очевидно, стоящимъ внѣ спора. И въ самомъ дѣлѣ, въ наше время всякія сомнѣнія по этому послѣднему предмету были бы невозможны. Не одни только требованія состраданія къ заключенному, предписываемыя гуманнымъ и религіознымъ чувствомъ, должны побуждать общество интересоваться участью лицъ, лишенныхъ свободы, но и интересъ общественной безопасности. Только зная прошлое и настоящее, а также всматриваясь въ будущее лица, совершившаго преступленіе, можно уразумѣть истинное значеніе выразившейся въ его дѣйствіяхъ преступности и принять соотвѣтствующія мѣры къ борьбѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ преступныхъ посягательствъ вообще и въ частности — къ предупрежденію новыхъ преступленій со стороны заключеннаго. Господствовавшій прежде индиферентизмъ къ тюрьмѣ оказался вполнѣ несостоятельнымъ, и мысль, что выгоднѣе помочь заключенному и пріурочить его къ условіямъ будущаго свободнаго существованія, нежели относиться къ нему безучастно,—получила уже въ обществѣ широкое распространеніе. Необходимо содѣйствовать возможно большему развитію ея, а это можетъ быть наилучшимъ образомъ достигнуто тогда, когда общество будетъ поставлено, по возможности, въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми преобразованіями и улучшеніями, которыя совершаются или предполагаются къ осуществленію въ этой сферѣ. Печатное слово, каѳедра и дѣятельность патронатствъ представляются для этого наилучшими орудіями дѣйствія, и на нихъ, по всей вѣроятности, обратитъ свое вниманіе предстоящій конгрессъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, значеніе ожидаемаго конгресса и его программы занятій. Программа эта обширна и даже можетъ вызвать упрекъ въ слишкомъ широкой постановкѣ ея рамокъ. Но такой упрекъ былъ бы неоснователенъ. Кто-то весьма мѣтко сравнилъ заключенныхъ за преступленія съ плѣнными непріятельской арміи. Дѣйствительно, если сопоставить число заключенныхъ съ числомъ тѣхъ виновныхъ, которые скрылись или не были обнаружены за недостаткомъ уликъ и доказательствъ, или преступленія которыхъ не были вовсе обнаружены, — то осужденные окажутся не болѣе какъ плѣнными, заключеніе которыхъ за запорами не парализируетъ силу тѣхъ, которые, находясь внѣ тюрьмы, продолжаютъ свою преступную дѣятельность. Отсюда необходимость для уголовной политики, озабочиваясь по возможности обезвреженіемъ осужденныхъ, не забывать одновременно о необходимости борьбы съ дѣйствующею «арміею преступности». Понятно, поэтому, что международные тюремные конгрессы не могутъ и не должны ограничивать свои заботы интересами тюрьмы, а должны также распространять свои изслѣдованія за ея предѣлы и останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ общихъ вопросовъ, которые вошли въ программу занятій петербургскаго конгресса.

Вл. Случевскій.

ЧЕРТЫ ВИЗАНТІЙСКИХЪ НРАВОВЪ И КУЛЬТУРЫ.

VIII.

На одной изъ площадей современнаго Стамбула стоятъ два обелиска; это остатки древняго гипподрома, находившагося на этомъ мѣстѣ болѣе тысячи лѣтъ. Гипподромъ представлялъ арену въ 370 метровъ длиною, и шириною въ 70 метровъ; одна изъ ея сторонъ заканчивалась полукружіемъ. На этомъ полукружіи, а также на длинныхъ сторонахъ, были устроены возвышавшіяся амфитеатромъ ступени изъ бѣлаго мрамора, гдѣ сидѣла публика. На сторонѣ противоположной полукружію помѣщались мѣста для почетныхъ лицъ и особыя отдѣленія, гдѣ стояли колесницы въ ожиданіи сигнала.

На этой аренѣ устраивались отъ времени до времени бѣга,— любимое зрѣлище византійцевъ. Состязались обыкновенно двѣ партіи: «зеленые» и «голубые», эти хорошо извѣстныя изъ учебниковъ партіи цирка. Такихъ партій было собственно четыре: бѣлые, красные, зеленые и голубые; но такъ какъ бѣлые примыкали къ голубымъ, а красные къ зеленымъ, то говорятъ обыкновенно только о двухъ партіяхъ. Зеленые и голубые представляли своего рода общества, клубы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ и имѣвшіе цѣлью содержать лошадей, кучеровъ, колесницы и состязательными бѣгами увеселять народъ. Эти товарищества получили названіе партій, потому что они постоянно конкурировали другъ съ другомъ; народъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ состязаніи и по своимъ симпатіямъ дѣлился на двѣ группы. Поэтому, когда говорятъ о зеленыхъ и голубыхъ, надо имѣть въ виду три элемента: 1) членовъ клуба, записанныхъ въ особые списки, дѣлавшихъ ежегодные взносы и избиравшихъ своихъ должностныхъ лицъ; 2) кучеровъ, являвшихся на бѣгахъ представителями партіи; *3) массу византійскихъ* гражданъ, не внесенныхъ въ официальные

иски, не дѣлавшихъ взносовъ, но симпатизировавшихъ тѣмъ или ругимъ, а потому садившихся на бѣгахъ на опредѣленную сто-ону, такъ какъ одна сторона гипподрома предназначалась для риверженцевъ зеленыхъ, другая—для партіи голубыхъ.

«Нерѣдко думали,—говоритъ извѣстный историкъ Рамбо,—что артіи цирка были политическими партіями. Но позволительно со-нѣваться въ этомъ. Народъ мало интересовался внѣшней и вну-ренней политикой; лишь бы правительство не позволяло прода-ать слишкомъ дорого хлѣбъ, вино и оливковое масло; до остальаго народу не было дѣла. Самымъ важнымъ пунктомъ былъ циркъ; ародъ гораздо больше безпокоился о томъ, кто одержитъ верхъ на редстоящихъ бѣгахъ: зеленый кучеръ или голубой, чѣмъ о томъ, обѣдила или побѣждена византійская армія на Евфратѣ или на унаѣ. Когда мы читаемъ въ исторіи, что одна изъ партій воз-таетъ противъ императора, мы можемъ быть увѣрены, что она не отѣла выразить своего неудовольствія арабской политикой, невы-однымъ миромъ съ венграми, безпричинной войной съ Болгаріей ли какой нибудь внутренней реформой; тутъ сказывается недо-ольство совсѣмъ другаго рода, недовольство тѣмъ, что императоръ ыказалъ свои симпатіи противной партіи. Императоры всегда рисутствовали на бѣгахъ. Когда новый царь являлся туда въ ервый разъ, народъ ждалъ въ волненіи, кому онъ отдастъ пред-очтеніе. Если онъ появлялся со значкомъ голубыхъ, это предо-редѣляло отношеніе къ нему народа; голубые были съ этого мо-ента до фанатизма преданы царю, зеленые же питали къ нему лухую ненависть. Удивительно, что императоры, подвергавшіеся ерьезной опасности при всякомъ бунтѣ зеленыхъ или голубыхъ, е скрывали, которой изъ партій цирка они симпатизируютъ, но ни и на тронѣ продолжали быть истыми византійцами» [1]).

А для византійцевъ бѣга были однимъ изъ важнѣйшихъ инте-есовъ жизни. Они не держали пари, не играли на тотализаторѣ, о, тѣмъ не менѣе, очень страстно относились къ этому зрѣлищу. Если отъ успѣха той или иной лошади не страдалъ ихъ карманъ, ато страдало самолюбіе. Разъ константинопольскій житель сѣлъ а опредѣленную сторону гипподрома, разъ онъ надѣлъ зеленый ушакъ, пораженіе голубыхъ было для него торжествомъ, ихъ по-ѣда страшнымъ огорченіемъ. Когда его партія оказывалась сла-ѣе, его кучеръ падалъ съ колесницы, онъ чувствовалъ себя уни-женнымъ, оскорбленнымъ. Ему совѣстно было вернуться домой, айти къ знакомому; онъ зналъ, что вездѣ будутъ смѣяться надъ

[1]) A. Rambaud. „*Le monde byzantin*, le sport et l'hyppodrome à Constantinople".

нимъ. Раньше чѣмъ присоединиться къ какой нибудь партіи, византіецъ старался подробно разузнать, у кого лошади лучше, кучера искуснѣе, на чьей сторонѣ симпатіи императора; только послѣ этого онъ рѣшался надѣть зеленый или голубой кушакъ. Понятно, что численность партій постоянно мѣнялась. Такъ напр., въ офиціальныхъ спискахъ VII вѣка значилось 1,500 зеленыхъ и всего 900 голубыхъ. Принимая во вниманіе, что всѣ присутствовавшіе на бѣгахъ привязывали свое самолюбіе къ побѣдѣ одной изъ партій, легко представить себѣ, какую оживленную картину представляла въ такихъ случаяхъ византійская публика. На противоположныхъ сторонахъ гипподрома сидѣли зрители противныхъ партій. Наклонившись впередъ, съ прерывающимся дыханіемъ слѣдили они самымъ внимательнымъ образомъ за всѣми случайностями бѣга, постоянно переходя отъ страха къ надеждѣ. Какъ это всегда бываетъ, чувства отдѣльныхъ лицъ усиливались тѣмъ, что ихъ поддерживала цѣлая толпа сторонниковъ, а съ другой стороны они видѣли толпу противниковъ. Каждый отдѣльно чувствовалъ радость, разочарованіе, а толпа доходила до бѣшенства, ярости, дикаго отчаянія. Противныя партіи не могли смотрѣть другъ на друга равнодушно; они начинали перебранку, смѣялись другъ надъ другомъ и страсти разгорались до того, что по окончаніи бѣговъ народъ вступалъ въ рукопашную, вынималъ оружіе, и побѣдители на аренѣ дорого платились за свою побѣду. Разсказываютъ объ одномъ случаѣ, когда съ гипподрома было унесено 40 тысячъ труповъ.

Бѣга были большимъ торжествомъ въ Константинополѣ. Наканунѣ чиновникъ, называвшійся тессераріемъ, отправлялся на гипподромъ и приказывалъ поднять флагъ надъ императорскимъ мѣстомъ. Увидя это, весь городъ приходилъ въ волненіе. Народъ шумнымъ крикомъ привѣтствуетъ приближеніе праздника. Изъ конюшенъ выводятъ лошадей, осматриваютъ колесницу, посыпаютъ арену желтымъ пескомъ, готовятъ цвѣты, чтобы усыпать ими на другой день мѣсто бѣга. Къ этому дню собираются въ столицу провинціалы и даже иностранцы. Громадная толпа покрываетъ всѣ мѣста на гипподромѣ; лавки и ремесленныя заведенія закрыты, никто не работаетъ въ такіе дни. Циркъ представляетъ пеструю и нарядную толпу. Тутъ можно видѣть пословъ германскаго императора и калифа багдадскаго, венгерцевъ, арабовъ, хазаръ, армянъ, русскихъ, важнѣйшихъ сановниковъ, мужичка-славянина изъ Ѳракіи и горца изъ Родопскихъ горъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ начала. Вотъ замѣчается особенное движеніе у императорскаго мѣста; появляется царь въ *вѣнцѣ и со скипетромъ*; его встрѣчаютъ восторженные клики. Онъ

)даетъ сигналъ и бѣга начинаются. Снимаютъ барьеръ, за ко-рымъ стоятъ состязующіеся, и на аренѣ появляются четыре ко-сницы, запряженныя каждая четверкою рысаковъ. Кучера одѣты ь зеленое, голубое, бѣлое и красное платье; они правятъ стоя, iегка наклонившись къ лошадямъ, понукая ихъ криками, ста-аясь придать бодрости ихъ ногамъ. Сто тысячъ человѣкъ зады-аются отъ волненія, и когда колесницы подходятъ къ концу ги-одрома и имъ приходится повернуть назадъ по другой сторонѣ, сѣ замираютъ, наступаетъ такая тишина, что слышенъ стукъ опытъ. Дѣло въ томъ, что тутъ, на поворотѣ, съ кучеромъ южетъ приключиться несчастіе; тутъ стоятъ колонны, ко-орыя надо обогнуть, промежутокъ между колоннами и стѣной ипподрома такъ узокъ, что нужна большая ловкость, чтобы не за-цѣпить за препятствіе и не разбить колесницы, несущейся на полной ыси. Но южная кровь не позволяетъ сидѣть долго въ безмолвіи. Народъ начинаетъ поощрять кучеровъ криками и призывать силы ебесныя. Слышатся крики: «Боже, прими подъ свою защиту Олим-ія, Анателлона (имена кучеровъ). Богородица, дай имъ побѣду. Да побѣдятъ голубые! Когда сила на ихъ сторонѣ, тогда побѣж-аетъ и царь, тогда благосостояніе растетъ въ странѣ» и т. п. По окончаніи бѣга, объявляли имя побѣдителя, сглаживали пе-окъ на аренѣ и бѣга возобновлялись послѣ этого еще три раза. Когда только окончательно провозглашали имя взявшаго призъ, и въ видѣ приза выдавали ему изъ императорской казны три олотыхъ (около 12 рублей) и надѣвали на голову мѣдный позо-оченный вѣнецъ. Такъ было, начиная съ X вѣка; раньше импе-аторы были щедрѣе и давали побѣдителю большія суммы. Го-раздо цѣннѣе приза считались громкія овацiи, которыя народъ страивалъ побѣдителю. Кучеръ — такъ называемый эніохъ—счи-ался въ Византіи почетнымъ лицомъ; занять это мѣсто можно ыло только послѣ ряда испытаній и съ согласія императора. Царь авалъ эніоху особый, собственноручно имъ подписанный, дипломъ. Это были привилегированныя лица, освобожденныя отъ нѣкоторыхъ одатей и отъ тѣлеснаго наказанія. Толпа воздавала имъ всякія очести; бюсты побѣдившихъ автомедоновъ ставились на гиппо-ромѣ и на площадяхъ, и подъ ними вырѣзывались стихи, сочи-енные въ ихъ честь. Бѣга были самымъ любимымъ увеселеніемъ и замѣняли театръ, такъ какъ въ Византіи театра, въ современ-омъ смыслѣ этого слова, не было. Но существовали все таки странствующіе актеры, скоморохи, акробаты, вожаки медвѣдей и другіе потѣшники.

Въ Римѣ *было обыкновеніе* давать послѣ представленія какой

нибудь серьезной драмы или комедіи—фарсъ, точно также какъ у насъ представленіе оканчивается водевилемъ. Фарсы разыгрывались особенными актерами, которые назывались мимами. Это была правильно организованная труппа, съ директоромъ архимимомъ во главѣ. Мимы задавались единственною цѣлью смѣшить публику, поэтому они позволяли себѣ непристойныя сцены и грубыя шутки. Главными типами, являвшимися въ первоначальномъ фарсѣ, были: скупой влюбленный дѣдушка, котораго всѣ надуваютъ; горбунъ-резонеръ, излагающій нравственныя поученія; болтунъ, разсказывающій разныя глупости, и дурачокъ. Христіанская Византія унаслѣдовала отъ Рима и древней Греціи языческій фарсъ и институтъ мимовъ. Такія театральныя представленія, какія давались въ Римѣ, были невозможны въ Константинополѣ, потому что церковь считала подобныя зрѣлища невозможными и нельзя было официально разрѣшать ихъ. Но мы знаемъ, что на свадьбахъ и пирахъ, на народныхъ празднествахъ появляются мимы, представлявшіе разнаго рода скандальныя сцены, являясь въ женскомъ платьѣ, съ литаврами и кимвалами въ рукѣ, и изображая собою продажныхъ женщинъ, сводниковъ и пьяницъ. Отцы церкви постоянно возставали противъ мимическихъ представленій не только потому, что это было остаткомъ язычества, но и потому, что они отличались крайнимъ цинизмомъ. Мимы считали дозволеннымъ не только говорить все, что̀ взбредетъ въ голову, но и представлять тѣлодвиженіями самыя тайныя супружескія отношенія. Несомнѣнно, нашъ балаганный дѣдушка—прямой потомокъ византійскаго мима. Этимъ объясняется, почему и государство сошлось въ своихъ взглядахъ съ церковью, и мимъ былъ обездоленнымъ человѣкомъ, неполноправнымъ гражданиномъ; онъ не имѣлъ права наслѣдства и права быть свидѣтелемъ на судѣ. На византійскомъ языкѣ, мимъ, актриса и публичная женщина были синонимами. Дѣло въ томъ, что актеръ старался смѣшить публику, актриса же—всячески возбуждать чувственность мужчинъ; поэтому она являлась въ соотвѣтствующемъ, часто весьма легкомъ костюмѣ, а по требованію публики совлекала одежду и являлась въ костюмѣ Евы.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія представленія могли задавать византійскіе мимы, я позволю себѣ привести одинъ римскій фарсъ, такъ какъ византійскихъ мы не знаемъ. Вотъ этотъ фарсъ. Молодая женщина влюбляется въ нѣкоего Галана. Одинъ рабъ играетъ роль сводника и приводитъ Галана въ домъ молодой женщины, гдѣ ему удается достичь желанной цѣли. Но вотъ появляется постороннее лицо; Галанъ вынужденъ сѣсть въ *ящикъ, чтобы* связь его не обнаружилась. Постороннее лицо остается

тутъ очень долго. Галанъ задыхается и вынужденъ выйти изъ ящика, и такимъ образомъ мужъ узнаётъ о невѣрности своей жены. Господинъ этотъ оказывается ревнивымъ, не смотря на свою глупость; онъ дѣлаетъ сцену женѣ. Но послѣдняя ласкается къ нему, разсказываетъ всякія небылицы, убѣждаетъ его, что ничего подобнаго не было. Дѣло кончается тѣмъ, что глупый мужъ вѣритъ женѣ и примиряется съ Галаномъ.

Кромѣ странствующихъ актеровъ, разыгрывавшихъ фарсы, были фигляры, смѣшившіе публику, напр., тѣмъ, что мазали себѣ лицо сажей; акробаты, удивлявшіе византійцевъ своими гимнастическими упражненіями, и вожаки медвѣдей. Ученыхъ медвѣдей водятъ до сихъ поръ въ Греціи и заставляютъ ихъ продѣлывать такія циническія штуки, что я не берусь пересказывать ихъ. Акробаты и ученые медвѣди появлялись на гипподромѣ, въ антрактахъ между бѣгами, и содержались на свой счетъ партіями цирка.

Одинъ византійскій писатель (Никифоръ Григора) описалъ слѣдующимъ образомъ упражненія странствующихъ акробатовъ: «Въ это время, въ Константинополь по пути зашли люди, которые знали какое-то чудное искусство. Ихъ было не менѣе 20 человѣкъ. Они вышли первоначально изъ Египта и сдѣлали какъ бы нѣкій кругъ, прошедши къ востоку и сѣверу Халдею, Аравію, Персію, Мидію и Ассирію, а къ западу—Иверію, лежащую у Кавказа, Колхиду, Арменію и другія государства, идущія до самой Византіи, и во всѣхъ странахъ и городахъ показывали свое искусство. Все, что они дѣлали, было необычайно и чудесно; впрочемъ это не было дьявольскимъ навожденіемъ, а было дѣломъ естественнымъ, плодомъ долговременнаго упражненія въ этомъ искусствѣ. Не распространяясь слишкомъ, мы разскажемъ, изъ числа многихъ, о нѣкоторыхъ изъ ихъ дѣйствій. Напримѣръ, взявъ двѣ или три корабельныхъ мачты и вертикально поставивъ въ землѣ, (акробаты) укрѣпляли ихъ нетолстыми канатами, такъ чтобы онѣ не могли наклоняться ни на ту, ни на другую сторону. Потомъ, отъ вершины одной мачты натягивали веревку до вершины другой. Послѣ того, брали веревку и ею обвивали одну изъ мачтъ съ низу до верху, чрезъ что образовывали нѣкотораго рода вьющіяся ступеньки, по которымъ можно было всходить. Всходя по нимъ, одинъ становился на самой вершинѣ мачты то на одной ногѣ, то на другой, то поднималъ обѣ ноги вверхъ, а головой упирался въ вершину мачты; потомъ, сдѣлавъ неожиданный прыжокъ, одной рукой крѣпко хватался за веревку и уцѣплялся за нее, послѣ чего быстро и безостановочно начиналъ вертѣться и кружиться колесомъ. Затѣмъ, вмѣсто рукъ, уцѣпившись за веревку *голенью и повисши* головою внизъ, снова начиналъ

вертѣться и кружиться. Потомъ, ставъ прямо на серединѣ веревки и взявъ лукъ и стрѣлы, стрѣлялъ въ цѣль, поставленную очень далеко, и стрѣлялъ такъ мѣтко, какъ не могъ бы другой, стоя на землѣ. Потомъ, зажмуривъ глаза и взявъ на плечи мальчика, онъ совершалъ по веревкѣ воздушное путешествіе отъ одной мачты до другой. Вотъ что дѣлалъ одинъ. А другой, поднявшись на лошадь, погонялъ ее, и на всемъ бѣгу стоялъ прямо то на спинѣ, то на гривѣ, постоянно и смѣло перебирая ногами и принимая видъ летящей птицы. Иногда онъ вдругъ соскакивалъ съ бѣгущей лошади, хватался за ея хвостъ и неожиданно появлялся опять на сѣдлѣ. Или еще: опускался съ одной стороны сѣдла и, обогнувъ брюхо лошади, легко поднимался на нее уже съ другой стороны и снова ѣхалъ. Занимаясь такими фокусами, онъ не забывалъ въ то же время подгонять коня бичемъ. Такія чудеса дѣлалъ второй. Третій, поставивъ на голову палку длиною въ локоть, а на верхній конецъ ея — полный сосудъ воды, ходилъ такъ, что сосудъ долго оставался неподвижнымъ. Иной ставилъ на голову свою длинное копье, не меньше трехъ сажень, снизу до верху обвитое веревкой, образовавшей выступы, за которые мальчикъ ухватывался руками и ногами и, поочередно передвигая ихъ, въ короткое время достигалъ самой верхушки копья, съ которой и спускался внизъ. Въ то же самое время, имѣвшій на головѣ копье безостановочно прохаживался взадъ и впередъ. Другой бросалъ вверхъ стеклянный шаръ, и потомъ ловилъ его или мизинцами, или локтями, или другимъ какимъ способомъ. Я уже не говорю о различныхъ видахъ скачекъ и разныхъ фокусахъ, какіе они выдѣлывали передъ нами. Притомъ, каждый изъ нихъ зналъ не одно что нибудь, но каждый зналъ все, и не только то, на что я указалъ, но и многое множество другаго. Впрочемъ такіе фокусы не всегда сходили съ рукъ счастливо и безъ вредныхъ послѣдствій: нерѣдко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Изъ отечества ихъ отправилось больше сорока человѣкъ, а достигло Византіи въ добромъ здоровьѣ меньше двадцати. Мы сами видѣли, какъ одинъ упалъ съ мачты и тутъ же умеръ. Не смотря однако жъ на это, собирая съ зрителей большія деньги, они продолжали ходить всюду, какъ для прибыли, такъ и для того, чтобы показать свое искусство. Оставивъ Византію, они черезъ Ѳракію и Македонію достигли до Гадиръ, и такимъ образомъ почти всю вселенную сдѣлали зрительницей своего искусства».

Вотъ гдѣ надо искать начала современнаго цирка.

IX.

Византійская интеллигенція развлекалась не только подобными зрѣлищами. Она находила нѣкоторое удовольствіе въ чтеніи. Ученыя сочиненія были, конечно, доступны меньшинству, но житія святыхъ и романы представляли любимое чтеніе. Желая познакомить читателя съ византійской беллетристикой, я начну съ романа Лонга: «Дафнисъ и Хлоя», и прежде всего перескажу его содержаніе.

На островѣ Лесбосѣ, близъ города Митилены, пастухъ Ламонъ нашелъ однажды младенца, котораго кормила коза. Подъ кустомъ, на мягкой травкѣ лежалъ ребенокъ. Туда часто прибѣгала коза, покидая для этого своего козла. Вотъ это-то замѣтилъ Ламонъ и, жалѣя о козлѣ, рѣшилъ прослѣдить за козой. Тутъ-то онъ и замѣтилъ, что младенецъ сосетъ вымя козы, какъ будто бы это была его мать. Крайне удивившись, онъ подошелъ ближе и увидѣлъ маленькаго мальчика, красиваго и стройнаго, въ богатомъ костюмѣ. На немъ было пурпуровое платьице съ золотыми застежками; рядомъ съ нимъ лежалъ маленькій ножикъ изъ слоновой кости. Ламонъ взялъ ребенка, принесъ его своей женѣ Мирталѣ и уговорилъ признать младенца своимъ. Взяли они къ себѣ и козу, продолжавшую кормить мальчика, которому дали пастушеское имя Дафнисъ. Черезъ два года, другой пастухъ, Дріасъ, подобнымъ же образомъ нашелъ маленькую дѣвочку, которую кормила овца; возлѣ нея лежали золотыя туфли и чулочки, сотканныя изъ золота. Дріасъ и жена его Напэ признали ребенка своимъ и назвали Хлоей. Эти дѣти выросли; Дафнису было уже 15 лѣтъ, Хлоѣ 13. Родители научили ихъ всему, чему можно научить въ деревнѣ, то есть чтенію и правиламъ нравственности. Дафнисъ пасъ козъ, потому что коза сохранила ему жизнь; Хлоя пасла овецъ, потому что ее вскормила овца. Наступала весна; всюду выростали цвѣты; въ лѣсахъ, на лугахъ, на горахъ; повсюду слышалось жужжанье пчелъ, гармоничное пѣніе птицъ, блеяніе новорожденныхъ ягнятъ. Козлята прыгали по холмамъ, пчелы жужжали на лугахъ, птицы пѣли на кустахъ. Въ то время какъ вся природа предавалась радости, Дафнисъ и Хлоя подражали тому, что̀ видѣли и слышали: слыша, какъ поютъ птицы, и они пѣли; видя, какъ прыгаютъ козлята, они тоже прыгали; на подобіе пчелъ, они рвали цвѣты и плели изъ нихъ вѣнки. Они пасли стада другъ возлѣ друга и все у нихъ было общее. Дафнисъ бѣгалъ за заблудившимися овцами Хлои, а Хлоя присматривала за козами Дафниса. Они дѣлили другъ съ другомъ

вино, молоко и обѣдъ, который приносили изъ дому; играли въ разныя дѣтскія игры. Дафнисъ устроилъ свирѣль изъ тростника и потѣшалъ Хлою своей музыкой. Они забавлялись, какъ дѣти, но Амуръ собирался уже пустить въ нихъ свою стрѣлу. Однажды Дафнисъ пошелъ съ Хлоей въ святилище нимфъ и, раздѣвшись, отдалъ ей подержать платье, а самъ сталъ мыться у источника. У него были густые черные волосы, а тѣло его загорѣло отъ солнца. Хлоя смотрѣла на него и Дафнисъ казался ей красивымъ, какимъ не казался раньше, и она подумала, что красота его происходитъ отъ купанья. Она сама вымыла ему плечи, и рука ея ощутила нѣжную, мягкую кожу. Солнце было близко къ закату, имъ надо было загнать стада домой; но съ этой минуты у Хлои была одна мысль, одно желаніе: увидѣть, какъ купается Дафнисъ. На слѣдующій день она попросила его выкупаться, увидѣла, какъ онъ купается, увидѣла его голое тѣло, прикасалась къ нему и хвалила его красоту; эта похвала была началомъ любви. Бѣдная дѣвушка, воспитанная въ простотѣ деревенскихъ нравовъ, не знала, что́ она испытываетъ, такъ какъ никогда не слыхала слова любви. Но она перестала ѣсть, не спала по ночамъ, небрежно относилась къ своему стаду, то плакала, то смѣялась. Иногда она говорила себѣ: «Я больна, но я не знаю, что́ у меня за болѣзнь. Я страдаю, а у меня нѣтъ раны; я грустна, но я не потеряла ни одной изъ своихъ овецъ. Я вся горю, хотя сижу въ прохладной тѣни. Сколько разъ я рвала себѣ руки о колючіе кусты и не плакала; сколько разъ меня жалили пчелы, но у меня не пропадалъ отъ этого апетитъ. Значитъ, боль, грызущая мнѣ сердце, хуже всего этого. Дафнисъ красивъ, но цвѣты тоже красивы; его свирѣль испускаетъ нѣжные звуки, но и соловьи тоже; отчего же мнѣ дня нѣтъ до цвѣтовъ и соловья»? Дорканъ, пасшій быковъ, началъ ухаживать за Хлоей, и вотъ однажды они оба съ Дафнисомъ предложили ей поцѣловать одного изъ нихъ. Хлоя бросилась къ Дафнису и поцѣловала его; она дала ему простой безъискусственный поцѣлуй, но такой, который способенъ воспламенить душу. Дафнисъ имѣлъ видъ, точно его укусили. Онъ сталъ грустнымъ и задумчивымъ; онъ вздыхалъ отъ времени до времени; сердце его билось съ особенной силой, и онъ не могъ справиться съ своимъ волненіемъ; ему хотѣлось смотрѣть на Хлою, но, глядя на нее, онъ краснѣлъ. Тутъ въ первый разъ онъ замѣтилъ съ восторгомъ, что у нея свѣтлые волосы, большіе глаза и что она бѣлѣе козьяго молока. Дафнисъ ѣлъ и пилъ очень мало, сталъ молчаливъ, хотя до этого много болталъ. Онъ поблѣднѣлъ и иногда, оставаясь одинъ, говорилъ, какъ бы въ бреду: «Что сдѣлалъ со мной поцѣлуй

лои? Ея губы нѣжнѣе розы, ея ротъ слаще меда, ея поцѣлуй гучѣе, чѣмъ жало пчелы. Я не разъ цѣловалъ своихъ козъ, не ізъ обнималъ только что родившихся ягнятъ. Но этотъ поцѣлуй— акая-то совсѣмъ новая вещь; дыханіе у меня спирается, сердце ьется, душа сгораетъ, но, тѣмъ не менѣе, я желаю цѣловать ее це. О, странное зло, имени котораго я даже не знаю! Развѣ Хлоя спробовала какого нибудь отравленнаго напитка раньше, чѣмъ поѣловала меня? Какъ же она не умерла отъ отравы»? Такъ муился бѣднякъ Дафнисъ, какъ новичокъ, первый разъ испытывающій любовь. Дафнисъ и Хлоя страдали, они хотѣли чего-то и сами е знали, чего именно. Они знали только одно, что причина ихъ траданія: для нея—купанье, для него—поцѣлуй.

Время года усиливало ихъ пылъ. Начиналось лѣто, все дышало юдростью и силой. Фрукты зрѣли на деревьяхъ, хлѣбъ въ полѣ. Особенныя чувства охватывали ихъ въ полдень; въ это время Дафнисъ купался; Хлоя любовалась имъ и находила, что красивѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ; Дафнису она казалась нимфой. Но во тъ однажды явились на Лесбосъ пираты; они увели стада Даркон а, а его самого убили. Дафнисъ съ Хлоей похоронили Даркона, и имъ необходимо было обмыться послѣ этого. Хлоя повела Дафниса въ гротъ нимфъ и вымыла его; тутъ она сама раздѣлась въ первый разъ, въ присутствіи Дафниса, и онъ увидѣлъ ея бѣлое красивое тѣло. Познавъ эту скрытую до тѣхъ поръ красоту, Дафнисъ сталъ еще грустнѣе; точно какой-то ядъ разъѣдалъ его сердце. Встрѣтились они какъ-то со старцемъ Филетой, который разсказалъ имъ любовную исторію и до нѣкоторой степени просвѣтилъ томившихся влюбленныхъ. Онъ закончилъ свой разсказъ словами: «Противъ любви нѣтъ никакого средства, ей можно удовлетворить только поцѣлуями, объятіями и если лечь вмѣстѣ безъ платья». Оставшись одни, они начали сравнивать свое состояніе съ тѣмъ, что слышали. Влюбленные страдаютъ, и мы тоже страдаемъ, влюбленные не думаютъ о ѣдѣ, и у насъ тоже нѣтъ апетита; они не спятъ, какъ мы; какъ насъ, ихъ пожираетъ внутренній огонь; они страстно желаютъ видѣть другъ друга, и мы тоже не можемъ дождаться дня. Значитъ, это любовь; мы любимъ другъ друга, сами того не зная. Попробуемъ же тѣ средства, о которыхъ говорилъ Филета. Такъ размышляли они ночью, и на слѣдующее же утро, встрѣтившись въ лѣсу, начали обнимать другъ друга, чего прежде не дѣлали. Они цѣловались, крѣпко прижимаясь другъ къ другу, но на третье средство они не рѣшались.

Это казалось слишкомъ дерзкимъ не только дѣвушкѣ, но даже пастуху. На *слѣдующую ночь* они опять не спали, размышляя о

томъ, что сдѣлали, и сожалѣя о томъ, чего не сдѣлали. «Мы вали другъ друга, но это ни къ чему не ведетъ; мы прижим другъ къ другу, но это не дало намъ никакого облегченія. читъ, единственное средство—лечь рядомъ; надо попробовать должно быть, въ этомъ заключается что-то лучше поцѣлуя». встали, еще болѣе влюбленные другъ въ друга. Только что в тившись, они бросились другъ къ другу въ объятія; но т средство все еще не было испробовано. Дафнисъ не смѣлъ пр жить его, а Хлоя не хотѣла начинать; наконецъ случай по имъ и это сдѣлалось само собой. Сидя подъ дубомъ, они пре лись поцѣлуямъ; страсть охватывала ихъ, но они никакъ не удовлетворить ее. Въ увлеченіи Дафнисъ притянулъ къ себѣ слишкомъ сильно; она повисла на немъ, и такъ какъ Дафни желалъ оторвать своихъ губъ отъ ея губъ, то скоро о лось, что онъ лежитъ рядомъ съ нею, и долго лежали они та образомъ. Но такъ какъ они не знали ничего другаго и ду что это и есть верхъ наслажденія, то и провели бо́льшую дня въ такомъ лежаніи.

Тѣмъ временемъ, меѳимнцы объявили войну Лесбосу; они шли въ Митилену, схватили и увезли съ собою Хлою; но, б даря покровительству бога Пана, она скоро была освобожден радостяхъ свиданія, они усѣлись подъ дубомъ, начали цѣлова обниматься, наконецъ легли на землю, не дѣлая ничего дру Вставъ, имъ захотѣлось ѣсть, и они напились вмѣстѣ вина с локомъ. Все это возбудило ихъ и сдѣлало болѣе смѣлыми; тогд стали признаваться другъ другу въ любви и поклялись въ ности Паномъ и нимфами. Наступила зима, земледѣльцы и па по неволѣ должны были сидѣть дома. Большинство изъ нихъ этимъ довольны, потому что отдыхали отъ работы и могли спать. Но Дафнисъ и Хлоя, сидя въ разныхъ домахъ, не видѣться; поэтому они вспоминали съ сожалѣніемъ о прež времяпровожденіи, о поцѣлуяхъ, объятіяхъ и общемъ обѣдѣ. ливо проводили они ночи, страдая безсонницей; они съ нет ніемъ ждали возвращенія весны, которая для нихъ должна быть возвращеніемъ къ жизни. Дафнисъ придумалъ наконецъ рость, чтобы видѣться съ Хлоей. Передъ домомъ Дріаса росли мирта, обвитые плющемъ; на этихъ деревьяхъ слеталось множ разныхъ птицъ. Подъ предлогомъ охоты, онъ усѣлся противъ возлюбленной, разставилъ здѣсь палочки, намазанныя клее ждалъ, чтобы прилетѣли птицы, а главное, не выйдетъ ли Птицы прилетали и ловились на его палочки, но изъ дому *не выходилъ*. Дафнисъ не зналъ, что бы придумать, и проклн

свою несчастную звѣзду. Онъ собирался уже открыть дверь и подыскивалъ какой нибудь подходящій предлогъ.—Я пришелъ просить огня,—скажу я. «Но вѣдь у тебя есть сосѣди болѣе близкіе». —Я пришелъ за хлѣбомъ;—но скажутъ мнѣ: «твой мѣшокъ полонъ съѣстныхъ припасовъ».—Мнѣ нужно вина; но—«вѣдь ты только что собралъ виноградъ».—За мной гнался волкъ...—но «гдѣ же слѣды волка»?—Я хочу видѣть Хлою;—но... развѣ можно сознаться въ этомъ родителямъ дѣвушки? Нѣтъ, все это никуда не годится,—думалъ онъ:— лучше сидѣть и молчать. Весною я увижу Хлою, а зимою, должно быть, не судьба.—Онъ собирался уже уходить, но Амуръ сжалился надъ нимъ. Дріасъ сидѣлъ за столомъ со всѣмъ своимъ семействомъ; мясо было раздѣлено на части, хлѣбъ поданъ, приготовлена чаша съ виномъ и водой, какъ вдругъ собака схватила со стола кусокъ мяса и бросилась бѣжать. Дріасъ, взбѣшенный, потому что дерзкое животное унесло его часть, беретъ палку и пускается въ догонку за собакой. Онъ выбѣгаетъ изъ дому и вдругъ у миртовъ замѣчаетъ Дафниса. Забывъ мясо и собаку, онъ радостно восклицаетъ: «здравствуй, сынъ мой», обнимаетъ его и ведетъ къ себѣ въ домъ. Увидѣвъ другъ друга, Дафнисъ и Хлоя отъ радости съ трудомъ удержались на ногахъ. Они поцѣловались, и нашли въ этомъ поцѣлуѣ нѣкоторое утѣшеніе. Дафнисъ, послѣ этого, нашелъ еще другіе предлоги приходить къ Дріасу, и въ теченіе зимы они видѣлись все таки нѣсколько разъ.

Вновь наступила весна, овцы блеяли, ягнята прыгали. Бараны преслѣдовали овецъ, еще не родившихъ; козлы съ еще бо́льшимъ ожесточеніемъ бѣгали вокругъ козъ и оспаривали ихъ другъ у друга. Каждый самецъ имѣлъ свою самку и защищалъ ее отъ постороннихъ посягателей. При подобномъ зрѣлищѣ, даже въ старикахъ запылалъ бы вновь огонь Венеры; понятно, что̀ чувствовали Дафнисъ и Хлоя, молодые, томимые желаніями, давно ищущіе любви; конечно и имъ хотѣлось чего-то побольше, чѣмъ поцѣлуи и объятія. Дафнисъ съ яростью цѣловалъ Хлою, прижималъ ее къ себѣ и становился болѣе предпріимчивымъ. Онъ умолялъ Хлою испробовать третье средство Филеты; но, не смотря на то, что бралъ примѣръ съ животныхъ, ему ничего не удалось, такъ какъ онъ совсѣмъ не зналъ, что̀ надо дѣлать. Послѣ ряда попытокъ, онъ сѣлъ на землю и горько заплакалъ. По сосѣдству жилъ пожилой земледѣлецъ Хромисъ; у него была молоденькая и хорошенькая жена Ликенія. По утрамъ она постоянно видѣла, какъ Дафнисъ выгоняетъ стада; по вечерамъ, какъ загоняетъ ихъ домой. И вотъ она влюбилась въ пастуха и пожелала привлечь его къ себѣ подарками; по*дарила ему флейту, лиру* и разныя другія вещи, но говоритъ о

своей любви не рѣшалась, потому что подозрѣвала, что онъ неравнодушенъ къ Хлоѣ. Чтобы убѣдиться, правда ли это, она сказала мужу, что пойдетъ къ сосѣдкѣ, собирающейся родить, а сама, отправившись вслѣдъ за Дафнисомъ и его возлюбленной, спряталась за кустами и подслушала все, что̀ они говорили. Она сжалилась надъ бѣдными дѣтями и сообразила, что можетъ въ одно и то же время помочь ихъ бѣдѣ и удовлетворить своему желанію. Поэтому она прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ. На слѣдующій день, сказавъ опять мужу, что идетъ къ сосѣдкѣ, она подбѣжала къ дубу, гдѣ сидѣли Дафнисъ съ Хлоей, и закричала: «Дафнисъ, помоги мнѣ, я погибла; у меня всего двадцать гусей, а орелъ утащилъ моего лучшаго гуся. Но такъ какъ его жертва очень тяжела, онъ не могъ долетѣть съ ней на скалу, свое обиталище, а опустился вотъ въ этомъ лѣсу. Во имя нимфъ, во имя Пана, пойдемъ со мной въ лѣсъ, одной мнѣ страшно; спаси моего гуся. Хлоя посмотритъ за твоимъ стадомъ». Дафнисъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ сейчасъ же съ Ликеніей. Она увела его очень далеко отъ Хлои и, когда они забрались въ самую чащу, попросила его сѣсть.—«Дафнисъ,—сказала она ему,—ты любишь Хлою. Нимфы открыли мнѣ это сегодня ночью; онѣ приказали мнѣ помочь твоей бѣдѣ и научить тебя любви, а потому, если ты желаешь выйти изъ тягостнаго положенія и испытать наслажденіе, котораго ты ищешь, отдайся мнѣ; изъ уваженія къ нимфамъ я научу тебя всему». Дафнисъ очень обрадовался этому, онъ бросился къ ногамъ Ликеніи и умолялъ научить его этому искусству. Ликенія тутъ же преподала ему первый урокъ, который, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній, окончился чрезвычайно удачно. Дафнисъ хотѣлъ сейчасъ же бѣжать къ Хлоѣ и повторить съ ней то, чему только что научился, чтобы какъ нибудь не позабыть этого. Но Ликенія остановила его и сказала: «Тебѣ надо знать, что съ Хлоей это будетъ происходить нѣсколько иначе; она будетъ плакать и страдать». Тогда у Дафниса остылъ его первоначальный пылъ и, вернувшись къ Хлоѣ, онъ только цѣловалъ ее, потому что не хотѣлъ причинять ей страданій.

Среди лѣта, они стали опять предаваться своимъ любимымъ развлеченіямъ. Они вмѣстѣ купались въ рѣкѣ, онъ игралъ на флейтѣ, она пѣла, они рвали цвѣты и собирали только что поспѣвшіе фрукты. Они ложились спать рядомъ, прикрываясь одной козьей шкурой. Дафнисъ боялся однако, что не совладаетъ съ собой, и просилъ Хлою не раздѣваться. Хлоя удивлялась, но не рѣшалась спросить о причинѣ такой просьбы. Въ теченіе этого лѣта, множество претендентовъ явилось къ Дріасу и просило руки Хлои. *Его жена Напэ совѣтовала* выдать замужъ дѣвушку, а то, чего

добраго, она можетъ не соблюсти невинности, или за букетъ розъ выйдетъ замужъ за какого-нибудь пастуха. Дріасъ поддавался на эти аргументы, но откладывалъ дѣло, выискивая жениха получше и тѣмъ временемъ принимая подарки отъ всѣхъ претендентовъ. Это очень огорчало Хлою, и сначала она скрывала все отъ Дафниса, но наконецъ разсказала, что за нее сватаются богатые люди и что отецъ откладываетъ свадьбу до осени. Это извѣстіе привело Дафниса въ совершенное отчаяніе; онъ началъ плакать и сказалъ, что умретъ, если Хлоя не будетъ больше приходить въ поле; умрутъ и овцы ея, если у нихъ будетъ другая пастушка. Подумавъ, онъ рѣшился просить руки Хлои, но отецъ его Ламонъ былъ не богатъ, и онъ боялся, что ему откажутъ. Нимфы помогли ему: они указали мѣсто, гдѣ онъ нашелъ кошелекъ съ 3,000 драхмъ. Считая себя самымъ богатымъ въ мірѣ человѣкомъ, онъ побѣжалъ къ Дріасу, отдалъ ему кошелекъ и попросилъ за это руки Хлои. Дріасъ согласился съ удовольствіемъ и спросилъ мнѣнія Ламона. Послѣдній отвѣтилъ, что онъ долженъ отложить свадьбу до осени, потому что онъ рабъ и не имѣетъ права согласиться на бракъ безъ разрѣшенія своего господина. Тѣмъ временемъ, господинъ его присылаетъ къ нему изъ города раба объявить, что явится скоро и желаетъ осмотрѣть, не причинило ли нападеніе меѳимнцевъ какого нибудь вреда его помѣстью. При этомъ извѣстіи, Ламонъ началъ приводить все въ порядокъ; съ особенною тщательностью отдѣлывалъ онъ любимый садъ своего господина, красивѣйшій садъ, гдѣ росли всякіе цвѣты и всякія деревья: груши, яблони, гранаты, оливки, виноградъ, мирты, кипарисы. Дафнисъ также старался придать своему стаду самый лучшій видъ и даже натиралъ масломъ рога у козъ и вычесывалъ ихъ. По сосѣдству жилъ пастухъ Лампись, который тоже просилъ руки Хлои; но, чувствуя, что на ней женится Дафнисъ, если только согласится его господинъ, онъ постарался возбудить какъ нибудь послѣдняго противъ Дафниса. Зная, что господинъ больше всего любитъ свой садъ, Лампись рѣшилъ разорить его; забравшись туда ночью, онъ произвелъ порядочное опустошеніе, вырвавъ съ корнемъ множество цвѣтовъ. Когда это замѣтилъ Ламонъ, то пришелъ въ совершенное отчаяніе, не потому что погибли цвѣты, а потому что онъ боялся своего господина.

Въ это время приходитъ изъ города посланный и объявляетъ, что черезъ три дня придетъ господинъ, а на слѣдующій день явится сынъ его Астилъ. Когда пришелъ Астилъ, Ламонъ разсказалъ ему, что случилось съ садомъ, не смотря на всѣ его старанія, и молодой *человѣкъ обѣщалъ* заступиться предъ отцомъ. Вмѣстѣ съ Асти-

ломъ пришелъ нѣкій паразитъ Гнаѳонъ, развратникъ, умѣвшій только ѣсть и пить. Онъ прельстился красотой Дафниса, и когда его уговоры не подѣйствовали, попробовалъ даже употребить насиліе, но пастушокъ далъ ему должный отпоръ. Гнаѳонъ вынужденъ былъ прекратить свои преслѣдованія, потому что пришелъ господинъ Діонисофанъ съ женой своей Клеаристой. Онъ нашелъ все въ порядкѣ и остался очень доволенъ Ламономъ и Дафнисомъ; Астилъ объяснилъ, что онъ виноватъ въ безпорядкѣ, случившемся въ саду. Дафнисъ съ Хлоей радовались и были увѣрены, что господинъ согласится на ихъ бракъ. Но Гнаѳонъ не оставлялъ своихъ злыхъ умысловъ; онъ обратился къ Астилу съ просьбой помочь ему и послѣдній обѣщалъ выпросить у отца, чтобы Дафнисъ былъ подаренъ ему; тогда онъ можетъ увести Дафниса въ городъ и дѣлать съ нимъ, что́ хочетъ. Дѣло это было устроено: Діонисофанъ объявилъ Ламону, что Дафнисъ слишкомъ хорошъ, чтобы быть пастухомъ, и что поэтому онъ будетъ уведенъ въ городъ. Тогда Ламонъ рѣшился объявить своему господину всю правду. «Господинъ,—сказалъ онъ,—выслушай правду изъ устъ старика; клянусь Паномъ и нимфами, что ни въ чемъ не солгу. Я не отецъ Дафниса, и Миртала никогда не была матерью. Я нашелъ его брошеннымъ въ полѣ и подобралъ его; при немъ были цѣнныя вещи, указывающія на его высокое происхожденіе. Пусть онъ будетъ твоимъ рабомъ, но я не могу согласиться, чтобы онъ попалъ въ руки Гнаѳона». Діонисофанъ несовсѣмъ повѣрилъ и потребовалъ, чтобы ему принесены были вещи, найденныя съ младенцемъ. Но какъ только принесли Діонисофану пурпуровое платьице и ножикъ изъ слоновой кости, онъ воскликнулъ: «Всемогущій Зевесъ! вѣдь это вещи, которыя мы положили съ нашимъ ребенкомъ; не можетъ быть сомнѣнія: Дафнисъ мой сынъ, и онъ пасъ стада своего отца»! Дафниса одѣли въ богатое платье, отецъ посадилъ его рядомъ съ собой и объявилъ всѣмъ присутствующимъ: «Я женился очень рано; у меня было трое дѣтей. Когда родился четвертый, я нашелъ, что мое семейство и такъ довольно велико, и приказалъ положить въ поле вотъ этого младенца, а вмѣстѣ съ нимъ эти цѣнныя вещи. Но боги наказали меня: двое старшихъ дѣтей умерли. Итакъ, прости меня, Дафнисъ, и знай, что богатое наслѣдство, которое я оставлю будетъ подѣлено между тобой и Астиломъ».

Между тѣмъ Хлоя думала: «Дафнисъ забылъ меня, онъ думаетъ теперь о богатой невѣстѣ; пусть онъ будетъ счастливъ, но я не могу жить безъ него». Узнавъ объ этихъ событіяхъ, явился Ламписъ съ нѣсколькими поселянами и похитилъ Хлою, увѣренный, *что теперь уже* Дафнисъ не женится на ней. Дафнису разсказали

о похищеніи, и онъ началъ громко стонать. Желая какъ нибудь подслужиться къ Дафнису, Гнаѳонъ разыскалъ Хлою и вырвалъ ее изъ рукъ Ламписа. Дафнисъ не рѣшался просить у отца позволенія жениться на Хлоѣ, потому что боялся, что тотъ не согласится на его бракъ съ пастушкой, но Дріасъ отправился къ Діонисофану и разсказалъ ему, что Хлоя вовсе не его дочь и что драгоцѣнныя вещи, найденныя при ней, указываютъ на ея знатное происхожденіе. Тогда бракъ былъ рѣшенъ и устроили рядъ сельскихъ праздниковъ. Послѣ этого, всѣ отправились въ городъ—разыскивать родителей Хлои. Во время пира Діонисофанъ разсказалъ исторію Хлои, и вотъ одинъ знатный старецъ Мигаклъ сознался, что Хлоя его дочь, что онъ былъ разоренъ и потому рѣшился отдѣлаться отъ ребенка. Тогда вернулись въ деревню и здѣсь отпраздновали свадьбу Дафниса и Хлои. При пѣніи гименея, отвели ихъ въ спальню; они не спали всю ночь. Дафнисъ приложилъ на практикѣ урокъ, данный ему Ликеніею, и тутъ только Хлоя поняла, что все, что они дѣлали раньше, было однимъ ребячествомъ.

«Дафнисъ и Хлоя» — греческій романъ особеннаго типа. Это пастушечья повѣсть, развившаяся изъ древней идилліи и содержащая въ то же время сказочный элементъ. Герои ея—такіе же невинные пастушки, какъ дѣйствующія лица въ буколической поэзіи. Но, съ другой стороны, они оказываются брошенными дѣтьми знатныхъ людей; это обыкновенный фантастическій мотивъ, такъ часто повторяющійся въ сказкахъ. Сравнительно съ другими болѣе поздними греческими произведеніями, романъ Лонга отличается своею реальностью. Положимъ, такихъ пастушковъ, какъ Дафнисъ и Хлоя никогда не было и быть не могло,—наивность ихъ доведена до невѣроятныхъ предѣловъ,—но развратникъ Гнаѳонъ прямо выхваченъ изъ жизни. Дѣйствіе происходитъ на островѣ Лесбосѣ, дѣйствительно существовавшемъ; описанія природы реальны; обѣдъ Дріаса, охота Дафниса за птицами—все это жизненныя черты, которыми можетъ воспользоваться историкъ. Наряду съ этимъ есть, конечно, немало фантастическихъ подробностей. Роману Лонга особенно посчастливилось въ новое время: съ 1598 г. до конца XVIII вѣка онъ былъ напечатанъ 11 разъ на греческомъ языкѣ; кромѣ того былъ переведенъ 14 разъ на разные европейскіе языки и не только переводился, но и передѣлывался. Этотъ романъ въ переводѣ Аміо представлялъ любимое чтеніе въ прошломъ вѣкѣ, и оказалъ вліяніе на пасторальные европейскіе романы; читала его, между прочимъ, и Екатерина Великая. Если Лонгъ нравился тогда, когда существовала уже богатая литература,—Шекспиръ, Мольеръ, Расинъ, *Корнель,—то это,* конечно, благодаря своимъ циническимъ

подробностямъ. Я вынужденъ былъ при своемъ пересказѣ выпустить много деталей, представляющихся намъ черезчуръ рѣзкими. Но если романъ «Дафнисъ и Хлоя» казался въ прошломъ столѣтіи произведеніемъ порнографическимъ, нельзя винить за это автора; его цинизмъ совершенно наивный и не преднамѣренный.

Собственно, этотъ романъ и не можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ слова византійскимъ онъ написанъ язычникомъ, притомъ не позже V вѣка, т. е. въ то время, когда восточно-римская имперія не превратилась еще въ византійскую со всѣми ея типическими особенностями. Примѣромъ чисто византійскаго романа можетъ служить «Исторія Исмины и Исминія», написанная въ XII вѣкѣ нѣкіимъ Евмаѳіемъ. Разсказъ ведется отъ лица героя, Исминія. Сказавъ о славѣ и благочестіи своего роднаго города Эврикома, онъ переходитъ къ изложенію событій. Во время зевсовыхъ праздненствъ, изъ Эврикома посылали вѣстниковъ по другимъ мѣстностямъ, и въ этотъ годъ вѣстникомъ въ городъ Авликомъ былъ назначенъ Исминій. Когда онъ прибылъ къ мѣсту назначенія, всѣ знатнѣйшіе граждане города наперерывъ старались затащить его къ себѣ; но всѣхъ соперниковъ въ этомъ отношеніи побѣдилъ Сосѳенъ, и Исминій остановился у него. Домъ и садъ при домѣ отличались великолѣпіемъ. Въ концѣ дня, во время ужина, дочь хозяина, Исмина, разноситъ вино и всякій разъ, когда очередь доходитъ до Исминія, она старается дать ему замѣтить, что онъ ей нравится: то шепнетъ ему что нибудь, то надавитъ ногу своей ногой; поднося ему вино въ третій разъ, она не выпускаетъ изъ рукъ кубка. Исминій громко спрашиваетъ; что это значитъ? Отецъ и мать покосились на нее. Когда Исминій и его товарищъ пошли въ спальню, и Исмина по обычаю мыла ноги вѣстнику Зевеса, она прижимала ихъ, цѣловала потихоньку и щекотала; Исминій засмѣялся. Когда онъ, по уходѣ Исмины, разсказалъ все это своему другу, тотъ назвалъ его счастливцемъ, такъ какъ онъ возбудилъ любовь въ такой прелестной дѣвушкѣ; но Исминій не находитъ въ этомъ ничего хорошаго; онъ не понимаетъ, что̀ такое значитъ любить. На другое утро, Исминій и его другъ отправляются въ садъ и разсматриваютъ картины, нарисованныя на стѣнахъ. На одной изображены четыре дѣвы, представляющія благоразуміе, умѣренность, добродѣтель и правосудіе: друзья объясняютъ себѣ ихъ атрибуты. На другой картинѣ изображенъ Эротъ, которому повинуется все живущее на землѣ. «О, еслибы я никогда не узналъ его!» восклицаетъ Исминій. За ужиномъ въ этотъ день Исмина оказываетъ любезности герою. Въ ту же ночь Исминій видитъ *сонъ: ему является* Эротъ, окруженный своими многочисленными

подданными, и требуетъ его къ себѣ на судъ, такъ какъ онъ пренебрегаетъ его силой и оскорбляетъ достойную любви Исмину. «Пощади, царь!» говоритъ герой, падая къ его ногамъ. Исмина присоединяетъ къ его мольбамъ свои, обѣщаясь Эроту покорить его со временемъ. Исминій просыпается испуганный и объявляетъ своему другу, что въ его сердцѣ Эротъ побѣдилъ Зевеса, вѣстникомъ котораго онъ явился въ этотъ городъ. Послѣ этого, Исминій долго не можетъ заснуть и торопитъ день, чтобы отплатить Исминѣ за ея любезности; наконецъ онъ засыпаетъ съ трудомъ и во снѣ цѣлуется съ Исминой. Проснувшись окончательно, онъ вмѣстѣ съ Кратисѳеномъ (такъ назывался его другъ) опять отправляется въ садъ и молится изображенію Эрота, который сталъ его господиномъ. Теперь Кратисѳенъ уговариваетъ его умѣрить свою любовь и напоминаетъ ему о родителяхъ. За ужиномъ Исминій не можетъ оторвать глазъ своихъ отъ Исмины и мыслей отъ Эрота. Теперь Исминій, принимая кубокъ отъ Исмины, оказываетъ ей тѣ же любезности, какія она ему оказывала, потихоньку пожимая ей руку и ногу. Сосфенъ, прощаясь съ нимъ, объявляетъ что завтра они отправятся въ Эврикомъ; Исминію это далеко не по сердцу. Въ саду онъ встрѣчаетъ Исмину. «Здравствуй», говоритъ онъ, и привлекаетъ ее къ себѣ, взявъ за платье. Она молчитъ. Но когда онъ хочетъ поцѣловать ее, «что тебѣ за удовольствіе цѣловать меня?»—говоритъ она.—Въ поцѣлуѣ есть особая прелесть,—отвѣчаетъ онъ.«Вчера,—говоритъ она, улыбаясь,—ты напускалъ на себя дѣвическую стыдливость, а теперь просишь любви». Ничего не говоря, онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и заплакалъ. «Отчего ты плачешь?»—спрашиваетъ дѣвушка.—Твой отецъ Сосѳенъ приказалъ мнѣ завтра отправляться въ Эврикомъ.—«И мнѣ также», говоритъ Исмина и убѣгаетъ съ этими словами. Исминій и Кратисѳенъ разсматриваютъ въ саду изображенія 12 мѣсяцевъ, начиная съ марта, потомъ возвращаются къ себѣ въ комнату, но едва они успѣли лечь въ постель, какъ Исминій услыхалъ въ саду шумъ. Онъ бросился въ садъ и видитъ тутъ, у источника, Исмину. Отбросивъ всякую стыдливость, онъ обнимаетъ дѣвушку, прижимаетъ къ себѣ, цѣлуетъ всѣ части ея тѣла, обвиваетъ ее, какъ плющъ кипарисъ. Она также цѣлуетъ его, и по нечаянности укусила ему губу.—«Тебѣ больно теперь,—говоритъ она,—также больно было и мнѣ, когда ты не хотѣлъ замѣтить моей любви». Началась борьба между стыдливостью и любовью; герой былъ близокъ къ побѣдѣ, и стыдливость уже одолѣвала любовь. Но вдругъ, когда все должно было совершиться, кто-то вышелъ изъ дому и сталъ звать Исмину. *Влюбленные* испугались и поспѣшили разойтись. Эту ночь

герой спалъ плохо: онъ боялся, что родители Исмины обратили вниманіе на его поведеніе, и всю ночь видѣлъ сны, то пріятные, то страшные. Поутру къ нему вошелъ Сосѳенъ и объявилъ, что народъ намѣренъ проводить съ честью вѣстника Зевеса. Послѣ проводовъ и недолгаго путешествія, Исминій торжественно вступаетъ въ родной городъ, ведя за собой гостей: Сосѳена, его жену и дочь. Его отецъ, которому онъ разсказалъ о гостепріимствѣ Сосѳенова, пригласилъ авликомцевъ къ себѣ въ домъ. Во время пира, Исминію пришлось возлежать противъ Исмины; принимая отъ нея кубокъ, онъ всякій разъ цѣловалъ тотъ край, до котораго касались ея губы.

Около третьей стражи ночи, родители Исминія съ гостями изъ Авликома пошли въ храмъ приносить жертву Зевесу, такъ что дома осталась одна Исмина. Исминій тотчасъ же пробрался въ спальню дѣвицы и нашелъ ее спящей. Онъ поцѣловалъ ее, она проснулась и закричала: о, ужасъ!—Не бойся,—сказалъ герой,—это я, Исминій,—и вторично поцѣловалъ ее. Она освѣдомилась, гдѣ родители?—Они пошли приносить жертву Зевесу,—отвѣтилъ онъ,—почему бы и намъ не принести въ жертву Эроту нашу стыдливость и насъ самихъ? При этомъ, онъ началъ страстно цѣловать ее прямо въ губы. Она, какъ подобаетъ дѣвицѣ, старалась уклоняться отъ поцѣлуевъ и возвращала ихъ украдкой. Исминій крѣпко держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и нажималъ губами незрѣлый виноградъ. Послѣ множества поцѣлуевъ онъ захотѣлъ наконецъ воспользоваться всѣмъ, что можетъ дать любовь. Но тутъ дѣвица воспротивилась и со слезами сказала: «Исминій, пощади мою дѣвственность, не срѣзай колоса раньше времени, не срывай незрѣлаго винограда, чтобы вмѣсто нектара тебѣ не попалъ въ ротъ уксусъ. Ты срѣжешь колосъ, но тогда, когда онъ поспѣетъ; ты сорвешь виноградъ, но когда онъ созрѣетъ. Я всегда буду любить тебя. Но какая тебѣ прибыль отъ того, что ты лишишь меня невинности? Я пришла въ Эврикомъ дѣвицей; что тебѣ за выгода, если я вернусь въ Авликомъ не дѣвицей. Я люблю тебя и любви своей не скрываю, но я не могу отдать тебѣ то, что́ у меня самое лучшее, для тебя же я хочу сохранить свою невинность».—Ради тебя,—отвѣтилъ Исминій,—я промѣнялъ служеніе Зевесу на Эрота; ты сдѣлала меня изъ свободнаго рабомъ. Для меня теперь ничто и отецъ, и отечество, и мать, и отцовское богатство; съ тобой хочу умереть.—Исмина нѣсколько успокоилась и, цѣлуя своего возлюбленнаго въ глаза сказала ему: «Я даю тебѣ послѣдній поцѣлуй; черезъ три дня я вернусь съ родителями въ Авликомъ, ты же останешься въ своемъ *отечествѣ Эврикомѣ* и отецъ сосватаетъ тебѣ другую дѣвицу. Ты

женишься и забудешь свою милую Исмину; я же никогда не забуду тебя и сохраню незапятнанной свою невинность; твоимъ поцѣлуямъ я не предпочту даже поцѣлуевъ Зевеса».—Исмина, свѣтъ очей моихъ,—отвѣтилъ Исминій,—я люблю тебя, я твой рабъ; я тоже сохраню чистоту, и никто не заставитъ меня жениться на другой.—На другой день, во время завтрака, Сосѳенъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ въ гости на предстоящую свадьбу дочери. Услышавъ это, Исминій лишился употребленія языка, а Исмина, побѣлѣвшая какъ полотно, ушла въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Что говорили потомъ за этимъ завтракомъ, Исминій не помнитъ. Ночью, когда старики опять ушли въ храмъ, Исминій пробрался въ комнату Исмины и говоритъ ей, что, если она дѣйствительно сдѣлается женою другаго, онъ не перенесетъ этого; въ заключеніе онъ предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ. Исмина не задумалась ни на минуту и сейчасъ же вскочила съ постели; онъ насилу уговорилъ ее успокоиться, сказавъ, что еще ничего не готово для побѣга. Между тѣмъ Сосѳенъ и жена его Панглія приносили жертву за счастливый бракъ своей дочери. Вдругъ съ неба спустился огромный орелъ и похитилъ жертвенное мясо; старики пришли въ неописанный ужасъ, полагая, что дочери ихъ угрожаетъ смерть. Кратисѳенъ объясняетъ влюбленнымъ, что этотъ орелъ долженъ обозначать Исминія, которому Зевесъ положилъ похитить Исмину, и обѣщаетъ имъ свою дѣятельную помощь. Исмина старается убѣдить мать, что Зевесъ очевидно не желаетъ ея брака. Между тѣмъ Кратисѳенъ извѣщаетъ влюбленныхъ, что все готово для ихъ бѣгства: готовъ корабль, отправляющійся въ эту ночь въ Сирію; въ Сиріи живетъ у него пріятель, и самъ онъ готовъ имъ сопутствовать. Исминій, заснувъ на короткое время, видитъ Эрота, который ему изъ рукъ въ руки передаетъ Исмину. Въ эту же ночь, всѣ трое бѣжали на корабль; къ утру подымается противный вѣтеръ, который вскорѣ превращается въ бурю. Исмина проклинаетъ свое бѣгство, но утѣшается тѣмъ, что умретъ вмѣстѣ съ Исминіемъ. Кормчій предлагаетъ по морскимъ законамъ бросить жребій, чтобы человѣческою жертвою усмирить Посейдона; жребій выпалъ на Исмину; не смотря на сопротивленіе героя, ее раздѣли и кинули въ море; вслѣдъ затѣмъ, сейчасъ же наступила тишина; корабельщики веселятся, но Исминій горюетъ такъ громко, что его высадили на пустынный берегъ. Онъ жалуется на обманувшаго его Эрота и, утомленный слезами и жалобами, засыпаетъ; во снѣ богъ любви снова обѣщаетъ ему свою помощь. Проснувшись, Исминій видитъ, что его окружили эѳіопы—морскіе *разбойники; они силою* посадили его за весла и поѣхали

грабить; разграбивъ одинъ городъ, они снова выѣхали въ море и стали дѣлить добычу; молодыхъ плѣнниковъ они заставляли работать веслами, стэрыхъ убивали, женщинъ насиловали, только не трогали дѣвушекъ. Эѳіопы пріѣхали къ городу Артикомису и тамъ распродавали своихъ военноплѣнныхъ. Въ этомъ городѣ былъ источникъ Артемиды, передъ которымъ стояла статуя богини съ натянутымъ лукомъ; тамъ испытывали цѣломудріе дѣвушекъ такимъ образомъ: называвшую себя дѣвою, съ вѣнкомъ на головѣ, кидали въ этотъ источникъ; если она говорила правду, то плавала спокойно, если же нѣтъ, то ей казалось, что Артемида готовится пустить въ нее стрѣлу; чтобы спастись, она ныряла и вѣнокъ уплывалъ. Когда варвары, упившись виномъ, заснули—греческіе плѣнники разсуждали о томъ, какъ имъ избавиться отъ рабства; но они не успѣли привести своихъ плановъ въ исполненіе, такъ какъ явилось греческое войско и овладѣло кораблями эѳіоповъ. Плѣнные, сдѣлавшись теперь товарищами своихъ бывшихъ господъ, были распроданы, какъ военная добыча; Исминій былъ купленъ однимъ грекомъ въ городѣ Дафниполисѣ. Его хозяйка влюбилась въ него и старалась прельстить но онъ не отвѣчалъ ея чувствамъ, помня Исмину. Во время праздника Дафны, его господинъ былъ выбранъ священнымъ вѣстникомъ въ городъ Артикомъ; такъ какъ онъ зналъ, что его новый рабъ исполнялъ когда-то должность вѣстника празднества, то и взялъ его съ собой.

Они приходятъ въ назначенный городъ; ихъ тамъ встрѣчаютъ съ такимъ же почетомъ, какъ когда-то встрѣчали Исминія; каждый считалъ для себя честью угощать вѣстника, но Состратъ побѣдилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Празднество происходитъ въ томъ же порядкѣ, какъ зевесовъ праздникъ, описанный въ началѣ романа, и это сопоставленіе прошлаго съ печальнымъ настоящимъ особенно заставляетъ страдать героя. Гостямъ служитъ дочь хозяина, Родопа, не лишенная красоты, но обезьяна въ сравненіи съ Исминой. Когда она послѣ ужина, въ сопровожденіи служанокъ, пошла обмывать гостю ноги, Исминій между ея спутницами замѣтилъ одну, которая показалась ему похожею на Исмину. Всю ночь онъ не спалъ и думалъ: можетъ ли быть, чтобы это дѣйствительно была Исмина. На другой день за обѣдомъ, онъ опять увидѣлъ эту служанку и опять ему показалось, что это она; онъ замѣтилъ, что она пристально смотритъ на него и что на глазахъ у нея навертываются слезы. Исминій сѣлъ подъ тѣнистый лавръ и началъ оплакивать свою судьбу. Тутъ подошла къ нему одна служанка и сказала: «Исминій, вотъ тебѣ письмо отъ дѣвушки, которую ты любишь». *Герой поспѣшно* раскрылъ письмо и прочелъ слѣдующее: «Дѣвица

мина шлетъ привѣтъ возлюбленному Исминію. Исминій, сынъ листа, знай, что твою Исмину спасъ дельфинъ и что, по испыіи въ источникѣ Артемиды, она оказалась дѣвой. Не забывай ня, понесшую изъ-за тебя столько печалей и ставшую теперь быней. Будь здоровъ и храни свою дѣвственность».

Когда на другой день его хозяинъ ушелъ въ храмъ Артемиды, сминій лежалъ въ саду и плакалъ. Къ нему подошла Родопа, просила о причинѣ его горя, и когда онъ началъ разсказывать ою біографію, то упалъ въ обморокъ. Его сейчасъ же подняли ужанки Родопы и положили на кровать хозяина. Родопа ла къ нему на кровать и начала всячески выказывать ему свое жалѣніе. Наконецъ, отпустивъ всѣхъ служанокъ, кромѣ Исмины, а начинаетъ цѣловать его. Исмина же стояла въ сторонѣ и пла-ла. Замѣтивъ это, Родопа спросила ее: — Что съ тобой приклюлось?—Этотъ юноша—братъ мой,—отвѣтила Исмина и бросилась ловать своего возлюбленнаго. Исминій отвѣчалъ ей тѣмъ же, говаривая: «сестра Исмина!» Родопа обняла его со словами: «ты ѣ особенно дорогъ за нѣжную любовь, какую питаешь къ сеѣ». Въ это время объявили, что Состратъ возвращается домой, и допа поспѣшно убѣжала въ садъ. Во время ужина господъ, сминію удалось поговорить со своей возлюбленной.—Тебя любитъ спожа моя, Родопа,—сказала Исмина,—но ты, стремясь къ сводѣ, не становись рабомъ Родопы; желая освободиться отъ рабва тѣлеснаго, не впадай въ рабство душевное. Не отвергай обви твоей Исмины; если отъ несчастія лицо мое стало менѣе расиво, зато сохранилась красота невинности.—Исмина,—отвѣтилъ сминій, — я предпочитаю быть рабомъ съ тобой, чѣмъ свободмъ, но связаннымъ навѣки съ Родопой. Исмина, цѣлуя его, казала:—Это я даю тебѣ не свои поцѣлуи, а госпожи моей, Роопы, которая приказала мнѣ поцѣловать тебя.—Ты Исмина,—воззилъ онъ,—и какъ бы ты меня ни цѣловала, я охотно принимаю вои поцѣлуи. — Хоть ты ее и не любишь, — сказала дѣвушка, — о дѣлай видъ, что любишь; представься, что влюбленъ въ нее. усть это будетъ только игрой, но игра эта можетъ быть намъ позной; мы же будемъ открыто цѣловаться, потому что насъ принимаютъ за брата и сестру.

Послѣ ужина, Исмина принесла герою письмо отъ Родопы, гдѣ предлагала ему свободу и свою руку, даже съ условіемъ переиться въ его родной городъ.—Отвѣчай ей, какъ сама знаешь и редавай ей мои поцѣлуи,—говоритъ Исминій, обнимая свою возбленную. На другой день, его господинъ возвращается къ себѣ городъ; *его провожаетъ Состратъ* со всѣмъ семействомъ и ра-

бынями. Едва Исминій успѣлъ войти въ домъ, какъ хозяйка
ключила его въ свои объятія; онъ освободился отъ нихъ, к
пришелъ его господинъ. За ужиномъ, онъ и Исмина разносили в
причемъ хозяйка дѣлала ему любезности, онъ—Исминѣ, а та о
чала ему, съ согласія и будто отъ имени Родопы. Ночью гос
отправляются въ храмъ Аполлона приносить жертву. Герои со
вождаютъ ихъ въ качествѣ любимыхъ слугъ; тамъ, къ вящ
своему удивленію, они видятъ своихъ родителей, которые въ
рести прибѣгли къ помощи бога и громко умоляютъ его возвра
имъ дѣтей. Въ отвѣтъ опечаленнымъ родителямъ, оракулъ пр
зываетъ дѣтямъ броситься въ ихъ объятія; всѣ удивлены; Исм
и Исмина выходятъ изъ толпы и кидаются къ ногамъ мате
отцы отъ радости пляшутъ вокругъ жертвенника, герои надѣва
на головы вѣнки. Но изъ толпы выходятъ ихъ хозяева, срыва
эти вѣнки и тащатъ ихъ къ себѣ, какъ купленныхъ военноп
ныхъ. За героевъ вступился жрецъ, объявившій, что грекъ не
жетъ имѣть рабомъ грека, и именемъ бога приказалъ нар
вступиться за несчастныхъ. Угрожаемые толпой, хозяева геро
возвращаютъ имъ свободу. Освобожденныхъ героевъ и ихъ ро
телей жрецъ пригласилъ къ себѣ на пиръ и отъ имени орак
поздравилъ героевъ женихомъ и невѣстой. На другой день п
должается празднество въ храмѣ. По усиленной просьбѣ жре
сперва Исминій разсказываетъ свои приключенія, тщательно
раясь скрыть все, что могло бы бросить тѣнь на Исмину; пот
разсказъ его дополняетъ Исмина. Ее спасъ дельфинъ, съ хре
котораго свелъ ее на землю крылатый мальчикъ; потомъ ее вз
къ себѣ проѣзжавшіе мимо корабельщики, скоро попавшіе въ р
морскихъ разбойниковъ; послѣдніе продали ее Родопѣ. По ок
чаніи веселья, всѣ отправились въ Артикомъ, гдѣ Исмина, въ п
сутствіи народа, еще разъ была подвергнута испытанію цѣлому
въ источникѣ и, ко всеобщей радости, выдержала его со слав
Въ Авликомѣ, въ домѣ Сосѳена была отпразднована свадьба.
манъ кончается благодарностью всѣмъ, кто помогалъ богамъ, и у
щаніемъ къ читателямъ—порадоваться вмѣстѣ съ героями [1]).

«На мой взглядъ,—говоритъ проф. Кирпичниковъ,—Исмин
живая, наивная, но дурно воспитанная дѣвушка; это типъ, вы
ченный прямо изъ мѣщанской жизни, типъ, который при бл
пріятныхъ условіяхъ можетъ возвыситься до гётевской Гретхен

[1]) Я воспользовался пересказомъ этого романа, сдѣланнымъ п
Кирпичниковымъ, дополнивъ его по оригиналу. См. А. И. Кирпичник
„Греческіе романы въ новой литературѣ". Харьковъ, 1876.

при неблагопріятныхъ снизойти до Варвары въ «Грозѣ» Островскаго. Родители Исмины единственнымъ орудіемъ воспитанія считали строгость; единственная цѣль его — привить приличныя, съ точки зрѣнія ихъ кружка, манеры, а потомъ, не спрашивая согласія дочери, сбыть ее поскорѣе съ рукъ, какъ непрочный товаръ. Дѣвушка покорялась силѣ и при публикѣ была образцомъ скромности, но за напускную скромность вознаграждала себя, какъ только начальство отводило глаза въ сторону. Авторъ не имѣлъ намѣренія сдѣлать изъ нея идеалъ; виноватъ ли онъ, что жизнь одичавшей Греціи не представляла болѣе высокаго типа?»

Конечно, нельзя называть Исмину развратной, какъ это часто дѣлали; но, если судить о ней съ художественной точки зрѣнія, надо сказать, что характеръ ея очерченъ очень блѣдно и не можетъ заинтересовать читателя. Исмина написана по извѣстному шаблону, она очень похожа на героинь другихъ старинныхъ романовъ, которымъ подражалъ далеко не талантливый Евмаѳій. Вообще, его романъ не выдерживаетъ не только строгой, но и снисходительной критики. «Планъ романа, — справедливо замѣчаетъ проф. Кирпичниковъ, — составленъ очень небрежно; въ первыхъ трехъ книгахъ (всего 10 книгъ или частей), нѣтъ никакого внѣшняго движенія; дѣйствующія лица, вставши, войдутъ въ садъ и потомъ идутъ ужинать. Послѣ обычнаго бѣгства и плѣненія, авторъ, не долго задумываясь, повторяетъ всю первую часть романа: путешествіе праздничнаго вѣстника въ чужой городъ. Больше другихъ романистовъ Евмаѳій любитъ описанія. Детальность его описаній превосходитъ всякую мѣру: три главы заняты описаніемъ Сосѳенова сада; половина восьмой главы первой книги описываетъ, какъ наливали воду».

Не смотря на всѣ недостатки, романъ Евмаѳія читался съ удовольствіемъ въ XVI и XVII вѣкахъ, когда онъ былъ переведенъ на языки итальянскій, французскій и нѣмецкій. Въ 1769 году появился русскій переводъ, сдѣланный съ французскаго, подъ заглавіемъ: «Любовь Исмены и Исменіаса».

Изложенные романы написаны прозою, но писали ихъ и ямбическими стихами. Образцомъ такого стихотворнаго романа можетъ служить «Дросилла и Хариклъ», произведеніе Никиты Евгеніана, писателя конца XII или XIII вѣка. Содержаніе этого романа передано проф. Кирпичниковымъ слѣдующимъ образомъ. На восходѣ солнца, во время праздника Діониса, пареяне приблизились къ городу Барзѣ съ намѣреніемъ захватить тѣхъ, кого найдутъ за воротами. Ихъ планъ вполнѣ удался; между плѣнниками они захватили *Харикла и Дросиллу*, и отвели ихъ къ себѣ. Дросилла дѣ-

лается рабой Хрисиллы, жены начальника парѳянъ, а Хариклъ томится въ тюрьмѣ; тамъ знакомится онъ съ товарищемъ по бѣдствію, Клеандромъ, который разсказываетъ ему свою исторію: онъ былъ влюбленъ въ Каллигону, переписывался съ нею и уговорилъ бѣжать съ нимъ; въ Барзѣ попались они въ руки парѳянамъ, но Каллигона успѣла скрыться въ миртовую рощу. Хариклъ разсказываетъ ему свою исторію: онъ родился во Фтіи; во время праздника Діониса увидалъ Дросиллу и влюбился въ нее; узнавъ, что ее хотятъ выдать за другаго, онъ уговорилъ ее бѣжать; по дорогѣ они попались въ руки пиратовъ, но счастливо освободились отъ нихъ и спаслись въ Барзу. Начальникъ парѳянъ, Кратилъ, подарилъ Харикла своему сыну Клинію. Мать Клинія, Хрисилла, влюбилась въ Харикла, а Клиній въ Дросиллу, которую считалъ сестрою своего раба; такимъ образомъ, герои попадаютъ въ запутанную интригу. Кратилъ умеръ, отравленный женою, и герои поставлены въ необходимость удовлетворить страсти Хрисиллы и Клинія; но ихъ спасаетъ война. Арабскій царь Хагъ нападаетъ на столицу парѳянъ; Клиній убитъ при взятіи города; Хрисилла закололась. Герои и Клеандръ попадаютъ въ плѣнъ къ арабамъ. На пути, вѣтвь вяза сорвала Дросиллу съ повозки и (невѣроятная подробность) бросила въ море, такъ что всѣ считали ее погибшею. Хариклъ громко выражаетъ свое отчаяніе; сжалившись надъ его горемъ, арабскій царь отпустилъ его вмѣстѣ съ Клеандромъ на волю. Странствуя, они пришли случайно въ ту же деревню, гдѣ скрывалась, спасшись отъ потопленія, Дросилла; тамъ ее преслѣдовалъ своею любовью и длинными рѣчами нѣкто Каллидемъ. Вѣщіе сны обѣщаютъ героямъ скорое свиданіе; наконецъ они встрѣтились въ домѣ доброй старухи, пріютившей Харикла, и отправились въ Барзу, гдѣ ихъ нашелъ отецъ. По пріѣздѣ домой, они повѣнчались; Клеандръ же умеръ съ горя, узнавъ о смерти Каллигоны. «Никита Евгеніанъ,—говоритъ проф. Кирпичниковъ,—жалкій подражатель древнихъ романистовъ: у него та же стереотипная интрига, та же попытка придать историческій характеръ роману и тѣ же или еще большіе анахронизмы. Избравъ стихотворную форму, онъ пренебрегаетъ не только вѣроятностью, но и ясностью. Полнѣйшее отсутствіе вкуса заводитъ его въ дебри нелѣпости. «Много на свѣтѣ прекрасныхъ вещей,—думаетъ герой,—но нѣтъ ничего прекраснѣе дѣвушки, когда она просыпается въ полдень, покрытая каплями пота». Комическая фигура старухи—верхъ грубости и безобразія». Эта старуха, впрочемъ, единственное реальное лицо во всемъ романѣ: она напивается, пляшетъ непри*стойную пляску* и этимъ потѣшаетъ присутствующихъ.

Византійскій романъ происходитъ въ фантастическихъ странахъ; Авликомъ, наприм., и Эврикомъ—это города, никогда не существовавшіе. Еще удивительнѣе, что дѣйствуютъ язычники, и въ романахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ христіанства. Происходитъ это отъ того, что византійцы слѣпо подражали древнему языческому роману, и у нихъ не хватало таланта внести въ романъ что нибудь оригинальное.

«Византійцы, въ родѣ Евмаѳія, Ѳедора Продрома и Никиты Евгеніана,—говоритъ лучшій знатокъ средневѣковой литературы, академикъ А. Н. Веселовскій,—поняли своихъ предшественниковъ съ наименѣе существенной ихъ стороны, со стороны fiction. Они въ сотый разъ пересказывали ихъ сюжеты, разнообразя ихъ новыми именами и сочиненіями излюбленныхъ положеній. Новаго въ пониманіи жизни,—что̀ именно составляетъ вкладъ старо-греческаго романа въ общее развитіе,—они ничего не внесли: то же изображеніе, непониманіе любви, обставленное той же, нѣсколько загрубѣвшей риторикой; тотъ же общественный и религіозный кружокъ, который христіанскіе писатели воспроизводили, какъ нѣчто присталое къ ихъ сюжету, къ литературному роду, замиравшему въ ихъ подражаніяхъ. Нѣкоторое движеніе впередъ замѣчается и среди этихъ эпигоновъ романа, но оно не лежало въ сознаніи авторовъ и, можетъ быть, случайно не имѣло будущности. Я разумѣю бо̀льшій реализмъ въ изображеніи жизни, нерѣдко граничащій съ грубостью: припомнимъ у Продрома кривлянья и фокусы безстыжаго скомороха, у Евгеніана—пляску подгулявшей старухи. Для византійскихъ романистовъ, существеннымъ въ ихъ жанрѣ былъ именно внѣшній элементъ фикціи, баснословія, въ формы котораго укладывались старые полупонятые идеалы. Иначе было на западѣ: тамъ является рыцарскій романъ, romans d' aventures и бретонскаго цикла, съ сюжетами народныхъ сказокъ и преданій, но съ идеальнымъ содержаніемъ, тогда же назрѣвшимъ въ общественномъ и личномъ развитіи. Старыя сказочныя схемы одухотворились новыми вѣяніями; оттуда—жизненность этого литературнаго рода, и далѣе промѣняющагося къ движеніямъ исторіи: отъ бретонскаго цикла къ Амадисамъ и даже къ героическимъ романамъ XVII вѣка. Византійскій романъ захирѣлъ именно вслѣдствіе архаичности своего идеальнаго содержанія, которому въ жизни отвѣчало лишь немногое. Не спасла его и стихотворная форма, въ которую онъ начинаетъ облекаться, въ противоположность прозѣ древняго романа».

Въ Византіи захирѣлъ не только романъ,—захирѣло искусство,

захирѣла наука, захирѣло само общество. Повсюду преобладала форма, шаблонъ; содержаніе было отодвинуто на послѣдній планъ. Изящный церемоніалъ замѣнилъ изящество чувствъ; думали только о внѣшности; идеалъ, нравственность, честность, справедливость были пустыми и забытыми словами.

П. Безобразовъ.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Блѣднѣетъ ночь, рѣдѣетъ сумракъ синій,
И меркнетъ звѣздъ лучистая игра...
Проснись, мой другъ! не долго до утра!
Ужь скоро тучки бѣлыя, какъ иней,
Озолотитъ багряная заря.
И вспыхнетъ даль въ сіяніи румяномъ,
И сонный лѣсъ, окутанный туманомъ,
Подернется огливомъ янтаря.

Очнись, мой другъ, отъ грёзъ и сновидѣній!
Смотри, ужь день и солнца яркій свѣтъ!
Душистый садъ весь въ золото одѣтъ...
И на цвѣтахъ, на зелени растеній,
Дрожитъ роса, какъ жемчугъ свѣтлыхъ слезъ...
Еще вокругъ объято все покоемъ,
Лишь мотыльки порхаютъ пестрымъ роемъ
И слышенъ звонъ сверкающихъ стрекозъ.

Проснись, мой другъ, и выйди въ благовонный,
Тѣнистый садъ, подъ сѣнь его вѣтвей,—
Тамъ плещется серебряный ручей,
И вѣтерокъ лепечетъ, какъ влюбленный,
И струйки водъ, какъ раннею весной,
Журчатъ въ тиши задумчивыя сказки...
И незабудокъ смотрятъ томно глазки
Изъ муравы, сверкая бирюзой...

Леонидъ Афанасьевъ.

КРЕССИ.

Романъ **Бретъ-Гарта.**

IV.

Обратный пріѣздъ миссъ Кресси Макъ-Кинстри въ Инд
энъ-Спрингъ и ея вторичное поступленіе въ училище был
событіями не для одной только школы. Разрывъ Кресси с
Девисомъ произвелъ даже меньше эффекта сравнительно с
ея превращеніемъ въ простую школьницу. Среди молодеж
женскаго пола нашлись злоязычныя существа, съ которы
Макъ-Кинстри, конечно, не могъ раздѣлаться своимъ ружьем
онѣ утверждали, будто бы женская семинарія въ Са крамен
отказала такой легкомысленной дѣвушкѣ, но большинст
объясняло ея возвращеніе тѣмъ, что преподаваніе въ мѣс
номъ училищѣ было поставлено какъ нельзя лучше и школ
мистера Форда ни въ чемъ не уступала учебнымъ заведеніям
большихъ городовъ.

„Звѣзда“, органъ Тьюолёмнскаго графства, широковѣща
тельно и съ трогательнымъ краснорѣчіемъ, не соотвѣтствова
шимъ жалкому объему этой газеты, а также качеству е
шрифта и бумаги, провозглашала, что въ Индіэнъ-Спринг
выросла истинная роща Академуса, подъ густыми вѣтвям
которой въ настоящее время предаются глубокомы сленным
размышленіямъ будущіе мудрецы и государственные люди. Та
кая грубая лесть возмутила учителя Форда. Въ продолжен
нѣсколькихъ дней, дорога между рэнчемъ Макъ-К инстри
школой служила мѣстомъ прогулки для многи хъ юношей; дл
нихъ миссъ Кресси, избавленная теперь отъ стѣснительно

леки отставнаго жениха и родителей, представляла предметъ естолюбиваго поклоненія. Сама молодая дѣвушка, не смотря а выговоры учителя, какъ будто вмѣнила себѣ въ обязанность наряжаться въ щегольскія платья, накупленныя ею въ Сакраменто, точно хотѣла ослѣпить новыми туалетами своихъ поклонниковъ. Но все таки она не позволяла имъ провожать себя до самой школы. Учитель былъ нѣсколько удивленъ, что жителей Индіэнъ-Спринга, повидимому, нисколько не безпокоитъ его привилегированное положеніе относительно деревенской очаровательницы. Никто изъ молодежи, очевидно, не думалъ ревновать его; ни одна мать семейства не находила ничего неприличнаго въ томъ, что дѣвушка такихъ лѣтъ, какъ Кресси, и притомъ съ ея прошлымъ, находится подъ руководствомъ молодаго человѣка немного старше себя. Хотя мистеръ Фордъ относился къ ней всегда серьезно, но такой комплиментъ его предполагаемымъ монашескимъ наклонностямъ подѣйствовалъ на юнаго педагога также непріятно, какъ и чрезмѣрныя похвалы „Звѣзды“. Ему пришлось вспомнить кое-какіе грѣшки собственной молодости, чтобы его перестали считать отъявленнымъ аскетомъ.

Согласно обѣщанію, данному Макъ-Кинстри, онъ досталъ нѣсколько элементарныхъ учебниковъ для старшаго возраста. Кресси начала заниматься по этимъ книгамъ, хотя учитель поставилъ ее въ младшемъ отдѣленіи и требовалъ, чтобы она подчинялась дисциплинѣ наравнѣ съ другими. Нѣсколько недѣль спустя, онъ имѣлъ возможность повысить ее до званія „монитора“ (старшей) надъ младшими дѣвочками, причемъ ей приходилось раздѣлять нѣкоторыя обязанности съ Рупертомъ Вильджи, отношеніе котораго къ лукавому и слабому полу отличалось бо́льшей придирчивостью, чѣмъ требовалось. Кресси принимала на себя новыя обязанности, какъ принимала новыя занятія, назначаемыя учителемъ, съ добродушной небрежностью, а иногда и съ явнымъ непониманіемъ ихъ отвлеченнаго или моральнаго смысла, что̀ не разъ сбивало съ толку наставника. „Что пользы въ этомъ“? спрашивала она скучающимъ тономъ, поднимая на мистера Форда открытый, ясный взглядъ. Озадаченный педагогъ обыкновенно обрывалъ ее какимъ нибудь суровымъ практическимъ отвѣтомъ, между тѣмъ какъ *глаза ученицы только* искали случая лишній разъ обра-

титься на него. Впрочемъ, когда новый предметъ обуч
приходился ей не по вкусу, она умѣла отъ него отдѣлат
Однажды въ школѣ обнаружилось мимолетное пристрастіе
ботанике. Учителю пришло въ голову, что это занятіе н
нельзя болѣе подходить молодой дѣвушкѣ, и онъ предлож
его Кресси. „Къ чему это?“ небрежно спросила она.

— Предположимъ, что кто нибудь анонимно пришл
вамъ цвѣты,—коварно замѣтилъ Фордъ.

— Обожатель!—неожиданно брякнулъ Джонни Фильд

Не обративъ вниманія на его слова и на подзатыльни
полученный мальчикомъ отъ старшаго брата, учитель про
жалъ:

— Конечно, получивъ ихъ, вы захотите угадать, кѣмъ
посланы. Но для этого вамъ нужно, по крайней мѣрѣ, оп
дѣлить, что̀ это за цвѣты и гдѣ они растутъ.

— Если они здѣшніе, мы тотчасъ скажемъ Кресси,
ихъ найти,—раздался хоръ дѣтскихъ голосковъ.

Мистеръ Фордъ сталъ втупикъ, отлично сознавая, что
попалъ на скользкую почву. Его окружали зоркіе глазен
умѣющіе такъ хорошо прозрѣвать тайны природы: для ни
легко находить самые ранніе цвѣты. Дѣтскіе пальчики, к
никогда не перевертывавшіе страницъ учебника, уже отли
умѣютъ отгребать прошлогодніе листья, подъ которыми п
чется первый анемонъ. Маленькія руки не побоятся разр
груду валежника, чтобы достать цвѣтокъ шиповника, добр
шись до куста, который притаился въ чащѣ лѣса. Отъ дѣ
не укроется ни нарядная мериноза на южныхъ склонахъ го
ни ирисъ на топкомъ берегу рѣчки. Понимая, что онъ
можетъ побить ихъ на этомъ пунктѣ, учитель постыдно ук
нился отъ возраженій.

— Предположимъ,—началъ онъ опять, обращаясь къ
ной Кресси,—что нѣкоторые изъ присланныхъ вамъ цвѣт
будутъ не похожи на остальные; что ихъ стебли и лист
вмѣсто того, чтобы быть зелеными и сочными, будутъ бѣ
и пушисты, какъ фланель, точно въ защиту отъ холода. Н
ужели вамъ не было бы пріятно, еслибъ вы могли съ т
ностью опредѣлить, что они росли въ снѣгу и что за ни
пришлось подняться на вершины горъ, выше снѣговой лин

Услыша о новомъ цвѣткѣ, дѣти смущенно молчали, у

ченные въ недостаточномъ знаніи мѣстной флоры. Кресси, также молча, примирилась съ ботаникой, въ виду представленной учителемъ возможности. Недѣлю спустя, она положила на его каѳедру вялое растеніе со стеблемъ, какъ будто покрытымъ густою шерстью.

— Ну, что въ немъ хорошаго?—сказала она.—Я могла бы вырѣзать ножницами что нибудь получше этого изъ моей бѣлой суконной кофточки!

— Неужели вы нашли его здѣсь?—спросилъ удивленный учитель.

— Я велѣла Мастерсу поискать такихъ цвѣтовъ, когда онъ отправлялся въ горы. Я подробно описала, какого они вида, но не думала, что ему удастся ихъ найти. Однако, Джо оказался, какъ видите, молодцомъ.

Съ тѣхъ поръ, хотя ботаника изучалась плохо, но Кресси постоянно щеголяла свѣжими букетами. Друзья и знакомые дѣвушки понемногу также заинтересовались невинной наукой; впрочемъ къ ботаникѣ скоро примѣшалась горткультура. Въ городѣ развели одинъ или два фруктовыхъ сада и ботаника въ такомъ видѣ привилась въ училищѣ, потому что, благодаря ей, дѣтей снабжали ягодами, яблоками и орѣхами. Въ письмѣ и чтеніи: Кресси обнаружила большіе успѣхи, она стала выражаться правильнѣе, хотя не отвыкла отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей языка и сохранила свой медленный юго-западный выговоръ съ довольно музыкальной интонаціей. Ея томная рѣчь особенно выигрывала при чтеніи вслухъ, придавая ему своеобразную прелесть, тогда какъ въ обыкновенномъ разговорѣ это качество совершенно пропадало. Кресси выразительно читала отрывки изъ англійскихъ классиковъ въ школьной христоматіи. Здѣсь она спокойно преодолѣвала трудности произношенія, инстинктивно угадывая законы благозвучія. Учитель слушалъ ее, закрывъ глаза, и едва узнавалъ свою ученицу. Понимаетъ ли она прочитанное, онъ не рѣшался спросить; вѣроятно, такъ, потому что и къ другимъ занятіямъ она относилась сознательно. Руперть Фильджи, обладавшій симпатичной, хотя и неправильной дикціей, только одинъ не признавалъ таланта Кресси. Онъ насмѣшливо улыбался, пока она читала въ классѣ, тогда какъ маленькая *Октавія, разрываясь* между безнадежной привязан-

ностью къ красивому, но неприступному мальчику и нѣжной дружбой къ Кресси, напряженно слѣдила въ эти минуты за выраженіемъ лица учителя. Само собою разумѣется, что Гирамъ Макъ-Кинстри, въ промежутокъ между своими дѣловыми поѣздками, также съ удовольствіемъ слѣдилъ за успѣхами дочери. Онъ даже сказалъ по секрету учителю, что ея чтеніе вслухъ доставляетъ ему дома то душевное спокойствіе, котораго онъ жаждалъ. Распространилась даже молва, будто бы въ одинъ вечеръ молодая дѣвушка удержала отца отъ новой стычки съ Гаррисонами, читая ему вслухъ „Размышленія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ“, Аддисона, и „Обвиненіе Варрена Гастингса“, Бёрка.

Учитель Фордъ раздѣлялъ славу Кресси въ общественномъ мнѣніи. Между тѣмъ онъ нежданно-негаданно нажилъ себѣ врага въ лицѣ миссисъ Макъ-Кинстри. Хотя она по прежнему относилась къ нему ласково, но онъ видѣлъ, что мать Кресси смотритъ косо на занятія дочери и сердится на мужа, который такъ интересуется ими. Она боялась, что отъ этого пострадаетъ домашнее благоустройство. Когда же Макъ-Кинстри сдѣлался попечителемъ школы и, вслѣдствіе этого, ему приходилось засѣдать въ училищномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми восточными поселенцами, она окончательно усомнилась въ здравомъ разсудкѣ Гирама, повидимому, забывшаго вѣковую вражду южанъ къ ненавистнымъ „янки“.

— Старикъ такъ замучился работой, что начинаетъ выживать изъ ума,—говорила про мужа миссисъ Макъ-Кинстри.

Въ тѣ вечера, когда онъ отправлялся въ совѣтъ, она искала утѣшенія въ церкви баптистовъ, куда не имѣли доступа ни сѣверяне, ни восточные сосѣди, деликатно именовавшіеся здѣсь служителями Ваала и Астарты. Тѣмъ временемъ, дядя Бенъ продолжалъ понемножку учиться, и если не достигъ такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ Кресси, то все же подвигался впередъ. Не обладая ни живымъ воображеніемъ, ни энтузіазмомъ, онъ бралъ усидчивостью. Когда Рупертъ Фильджи терялъ съ нимъ всякое терпѣніе, учитель Фордъ, видя, какъ дядя Бенъ обливается потомъ и морщитъ лобъ, стараясь уразумѣть самыя простыя вещи, нерѣдко принимался самъ объяснять ему урокъ, заготовляя прописи для неповоротливыхъ *пальцевъ рудокопа* и даже водя его рукою, какъ будто этотъ

гантъ былъ настоящимъ ребенкомъ. Иногда явная неспособность Бена къ ученію напоминала Форду слова Руперта, ивлявшагося, зачѣмъ дядя Бенъ взялся за ученіе. Неужели ъ дѣйствительно поступалъ такъ только изъ чистой жажды анія? Это не вязалось съ тѣмъ, что было извѣстно въ ндіэнъ-Спрингѣ о его прошлой жизни и теперешнихъ занятіяхъ; онъ былъ простой рудокопъ безъ научной или технической подготовки; всѣ его познанія ограничивались умѣньемъ кое-какъ свести счетъ и нацарапать свое имя. Между ѣмъ Добней особенно старался надъ своею подписью. Однажды учителю пришло въ голову замѣтить ему, что это совершенно лишнее.

— Старайтесь лучше правильнѣе писать буквы съ прописи, это будетъ вамъ несравненно полезнѣе. Ваша подпись ерь достаточно хороша,—сказалъ онъ.

— Такъ-то такъ, мистеръ Фордъ,—возразилъ дядя Бенъ, ъ сокрушеніемъ смотря въ тетрадку: — только, видите, тутъ е все правильно.

— Ну, вотъ еще! Положимъ, вы пишете несовсѣмъ ровно, днако всѣ буквы здѣсь на лицо.

— Нѣтъ, мистеръ Фордъ, тутъ должны быть еще другія. Я сталъ писать „Добней“, жалѣя времени и чернилъ, а слѣдуетъ читать по настоящему „Добиньи“,—сказалъ рудокопъ, съ трудомъ произнося мудреную фамилію.

— Тогда нужно писать „д“ отдѣльно.

— Такъ оно и есть.

— И это ваша фамилія?

— Какъ же.

Учитель съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на дядю Бена. Пожалуй, это была новая выдумка, въ родѣ того, что онъ изучалъ ариѳметику по Добелю.

— Значитъ, вашъ отецъ былъ французъ?—спросилъ наконецъ Фордъ.

Дядя Бенъ молчалъ, какъ будто припоминая такое пустячное обстоятельство, какъ національность роднаго отца.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— А дѣдъ?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, я не могу этого доказать.

— Но вашъ отецъ или дѣдъ былъ, пожалуй, путешественникомъ или трапперомъ, или канадцемъ?

— Они жили въ графствѣ Пайкъ, „Миссоори".

Учитель опять взглянулъ на страннаго ученика съ прежнимъ сомнѣніемъ.

— Но вѣдь васъ зовутъ Добней. Съ чего же вамъ пришло въ голову, что ваше настоящее имя д'Обиньи?

— Потому что мнѣ такъ адресовали письма изъ штатовъ. Да вотъ постойте. Я сейчасъ вамъ покажу.

Онъ сталъ ощупывать карманы, вытащилъ старый кошелекъ, нашелъ въ немъ измятый конвертъ, тщательно разгладилъ его и сравнилъ со своею подписью.

— Видите, здѣсь написано д'Обиньи.

Однако учитель все еще не вѣрилъ. Впрочемъ, онъ встрѣчалъ немало случаевъ страннаго искаженія фамилій между калифорнійскими эмигрантами. Тѣмъ не менѣе, Фордъ сказалъ

— Вѣрно, вамъ больше нравится имя д'Обиньи, чѣмъ Добней?

— А какъ вы думаете, что̀ лучше?

— Это надо спросить у дамъ. Пожалуй, вашей женѣ будетъ пріятнѣе называться миссисъ д'Обиньи.

Рудокопъ неожиданно вспыхнулъ до ушей.

— Я совсѣмъ не думалъ объ этомъ,—торопливо сказалъ онъ.—У меня была другая идея. Я подумалъ, что, владѣя собственностью и обращая ее въ деньги, лучше писать свое имя правильно. Какъ вы думаете? Напримѣръ, еслибъ мнѣ вздумалось взять акціи на пріиски,—я по закону долженъ подписаться полнымъ именемъ.

Мистеръ Фордъ слушалъ Бена съ ироніей и досадой. Со стороны рудокопа было уже достаточной нелѣпостью хвастаться своимъ небывалымъ образованіемъ, но выставлять себя капиталистомъ ради ребяческаго тщеславія было еще глупѣе. Безъ сомнѣнія, онъ лгалъ съ начала до конца. Однако, по примѣру большинства логичныхъ резонеровъ, учитель забывалъ, что человѣкъ можетъ быть нелогичнымъ и непослѣдовательнымъ, не будучи лицемѣромъ. Онъ молча отошелъ прочь, дѣлая видъ, что не желаетъ слушать болѣе.

— На этихъ дняхъ я сообщу вамъ кое-что, — замѣтилъ *Бенъ съ мрачной* настойчивостью.

— Совѣтую вамъ бросить это и приняться за уроки.

— Что правда, то правда,—торопливо отвѣчалъ Добней, стараясь скрыть свое замѣшательство. Онъ снова взялъ перо и склонился надъ тетрадкой. Однако, нѣсколько минутъ спустя, стало ясно, что онъ не можетъ заниматься. Добней обнаруживалъ признаки нетерпѣнія, быть можетъ, озабоченный чѣмъ нибудь или сконфуженный обращеніемъ учителя. Онъ то вытиралъ перо, то подходилъ къ окну, потихоньку насвистывая съ напускной безпечностью. Дядя Бенъ принялся даже напѣвать себѣ подъ носъ какую-то школьную пѣсенку, искоса поглядывая на Форда, который не обращалъ на него вниманія, продолжая заниматься у своей каѳедры. Наконецъ, рудокопъ акуратно сложилъ свои книги, составивъ изъ нихъ симметрическую пирамиду возлѣ неподвижнаго локтя учителя, и направился къ вѣшалкѣ, высоко подымая ноги и осторожно ступая толстыми подошвами сапогъ. Дядя Бенъ былъ уже готовъ облачиться въ пальто, но вдругъ ему показалось это непристойнымъ въ стѣнахъ школы; онъ взялъ свою одежду подъ мышку и пошелъ къ двери. Остановившись у порога, Добней сказалъ:

— Я совсѣмъ забылъ, что мнѣ нужно повидать сегодня одного человѣка. Итакъ, до завтра.

Съ этими словами онъ исчезъ, тихо насвистывая. Въ школѣ опять водворилась тишина. Учитель почувствовалъ легкія угрызенія совѣсти. Впрочемъ, онъ вспомнилъ, что дядя Бенъ не сердился и принималъ за шутку еще болѣе безцеремонное обращеніе съ нимъ со стороны Руперта Фильджи; кромѣ того, самъ Фордъ дѣйствовалъ по внушенію долга. Однако и сознаніе исполненной обязанности не приноситъ отрады человѣку, если ему при этомъ пришлось огорчить ближняго. Юный педагогъ почувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо и принялся внутренно обвинять того же дядю Бена. Стоило ли глупому малому обижаться изъ-за того, что онъ не повѣрилъ его нелѣпымъ выдумкамъ? Его надо было оборвать съ перваго же раза, чтобы онъ не смѣлъ больше дурачить людей. Тѣмъ не менѣе, Фордъ поднялся и вышелъ на крыльцо. Фигура Добнея мелькала вдали между древесныхъ вѣтвей; по движенію его плечъ можно было догадаться, что онъ ко

прежнему ступаетъ осторожно, точно боясь провалиться въ какую нибудь пропасть.

Среди невозмутимой тишины, учитель принялся механически осматривать пюпитры, отыскивая забытыя учениками вещи и приводя въ порядокъ ихъ книги и тетрадки. Букетикъ полевыхъ цвѣтовъ, тщательно перевязанный черной ниткой, валялся на полу. Это Октавія Дикъ, неизмѣнная поклонница Руперта Фильджи, каждый день украшала цвѣтами отверстіе для чернильницы въ его столѣ, причемъ своенравный Адонисъ также регулярно швырялъ прочь этотъ даръ любви. Поднявъ изъ подъ скамейки чью-то аспидную доску, мистеръ Фордъ обратилъ вниманіе на красовавшійся на ней рисунокъ и тотчасъ догадался, что это было произведеніе юнаго, но знаменитаго карикатуриста Джонни Фильджи. Широта размаха, смѣлость сюжета, легкость въ деталяхъ характеризовали манеру художника. Его грифель представилъ дядю Бена, лежащаго на полу съ книгой въ рукѣ; Руперть стоялъ надъ нимъ въ угрожающей позѣ, а противъ Руперта—изображенная въ профиль, Кресси Макъ-Кинстри. Чтобы никто не усомнился въ подлинности портретовъ, Джонни прибѣгнулъ къ самому реальному пріему: онъ написалъ имя каждаго лица между ногъ, неестественно растопыренныхъ съ этою цѣлью. Не менѣе остроумно былъ переданъ краткій, но драматическій діалогъ между заинтересованными сторонами: изо рта каждаго выходилъ объемистый пузырь, на которомъ была написана соотвѣтствующая фраза. Дядя Бенъ по адресу Кресси: „Я люблю васъ!“ Кресси: „Ахъ, ахъ!“ Руперть: „Постойте, я вамъ задамъ!“

Учитель на минуту былъ ошеломленъ этимъ непредвидѣннымъ графическимъ доказательствомъ того факта, что визиты дяди Бена въ школу не только не укрылись отъ дѣтей, но и давали пищу разнымъ толкамъ. Ихъ острые глазенки оказались проницательнѣе его собственныхъ. Онъ опять былъ одураченъ, не смотря на принятыя предосторожности. Любовь, хотя и въ карикатурной формѣ, облеченная въ несоразмѣрно короткую юбку въ видѣ колокола, проникла таки въ мирныя стѣны училища, и непріятныя осложненія слѣдовали за нею по пятамъ.

V.

Въ то время, когда спокойное буколическое существованіе, сосредоточенное вокругъ школы на лѣсной прогалинѣ, нарушилось случайнымъ пистолетнымъ выстрѣломъ „для острастки“ со стороны владѣній Макъ-Кинстри, дѣловое населеніе Индіэнъ-Спринга было охвачено лихорадкой предпріимчивости, свойственной всѣмъ мѣстечкамъ Калифорніи, возникшимъ возлѣ золотыхъ пріисковъ. Открытіе розсыпей „Эврика“ и прямаго сообщенія посредствомъ дилижансовъ съ городкомъ Бигъ-Блёфъ представляли немаловажныя событія текущей жизни и были отпразднозаны въ одинъ и тотъ же день. Это двойное торжество поставило втупикъ даже издателя „Звѣзды“ съ его бойкимъ перомъ. Принявшись воспѣвать новую эру, наступившую для Индіэнъ-Спринга, почтенный журналистъ запутался въ смѣлыхъ метафорахъ и кончилъ тѣмъ, что взялъ на себя только статью о новыхъ пріискахъ, предоставивъ почетную обязанность повѣдать читателямъ объ открытіи почтоваго сообщенія съ Бигъ-Блёфомъ—Абнеру Дину, члену собранія изъ Энджельса. Мистеръ Динъ лишился праваго глаза во время давнишнихъ піонерскихъ перепалокъ, что̀ не мѣшало ему однако провидѣть очень многое въ туманномъ грядущемъ единственнымъ лѣвымъ окомъ; при такой прозорливости онъ безъ труда наполнилъ цѣлыхъ три газетныхъ столбца. „Можно сказать безъ предисловія,—писалъ съ очаровательной развязностью мистеръ Динъ,—что Индіэнъ-Спрингъ, по своей великолѣпно организованной системѣ внутреннихъ путей, благодаря сліянію рѣки Норсъ-Форка съ рѣкою Сакраменто, впадающей въ безпредѣльный Тихій океанъ, поставленъ въ прямое сообщеніе не только съ отдаленными пунктами Америки, но даже и съ торговыми рынками другаго полушарія. Житель Индіэнъ-Спринга, сѣвъ въ піонерскій дилижансъ въ девять часовъ утра, прибудетъ въ Бигъ-Блёфъ въ два часа сорокъ минутъ пополудни и можетъ въ тотъ же вечеръ прибыть съ экспрессомъ въ городъ Сакраменто, а оттуда на пароходѣ доѣхать до Санъ-Франциско и отправиться моремъ до Іокагамы на другой же день, въ три часа тридцать минутъ пополудни“. *И хотя ни одинъ житель* Индіэнъ-Спринга, повидимому, не

обнаруживалъ желанія воспользоваться такими завидными преимуществами и мало было шансовъ, чтобы кто нибудь воспользовался ими, но каждый смутно чувствовалъ, что уже въ одномъ этомъ предположеніи заключается для него какое-то неоцѣнимое благо; даже самъ школьный учитель, заставляя Руперта Фильджи въ классѣ читать передовую статью газеты ради навыка въ произношеніи пятисложныхъ словъ, отчасти увлекся краснорѣчіемъ Абнера Дина. Джонни Фильджи и Джимми Снайдеръ сейчасъ вообразили, что при новомъ способѣ сообщенія ничего не значитъ попасть на пустынные острова, и сидѣли за своими партами, выпучивъ глаза отъ пріятнаго изумленія. Но когда учитель сказалъ, что великое событіе будетъ ознаменовано отпускомъ изъ училища послѣ утреннихъ занятій, оно получило въ стѣнахъ деревенской школы такую же важность, какъ и въ раззолоченныхъ комнатахъ лучшей гостинницы города.

Наконецъ наступилъ знаменательный день. Прежде всего, изъ Бигъ-Блёфа прибыло два новенькихъ дилижанса, а въ нихъ—спеціально приглашенные ораторы; этихъ людей обыкновенно повсюду приглашали на подобныя торжества, но, по ихъ словамъ, они никогда еще не проникались до такой степени сознаніемъ „крайней важности момента“, какъ въ настоящемъ случаѣ. Тутъ послѣдовали выстрѣлы въ честь начинающагося праздника, заигралъ хоръ музыки на духовыхъ инструментахъ и былъ поднятъ новый флагъ на шестѣ, гдѣ развѣвалось знамя свободной республики. Немного позднѣе происходила церемонія открытія пріисковъ, причемъ знаменитый ораторъ въ высочайшей шляпѣ, черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, напоминавшій могильщика на парадномъ погребеніи, взялъ лопату изъ рукъ веселаго малаго, какъ бы церемоніймейстера похоронъ, и поднялъ ею первыя глыбы земли на новыхъ пріискахъ. Опять затрещали выстрѣлы, заиграли трубы и въ гостинницѣ начался пиръ. Но повсюду, торжествуя надъ самыми взбалмошными спекуляціями и даже надъ насмѣшками, вызванными неудачей, въ воздухѣ носился духъ неукротимаго юношескаго задора и неутомимой предпріимчивости. Этотъ духъ сдѣлалъ Калифорнію возможной; онъ разсѣялъ тысячи такихъ случайныхъ поселеній въ этой дикой

нѣ и поддерживалъ бодрость въ сѣтеляхъ среди жесто

кихъ неудачъ, когда ихъ жатвы были опустошены; никакіе удары судьбы не могли сломить этихъ энергичныхъ людей; они не знали страха и вѣчно обращали свои смѣлые взоры въ загадочную даль, въ непоколебимой надеждѣ найти новыя богатства въ нѣдрахъ земли. Что за бѣда, если въ Индіэнъ-Спрингѣ повсюду виднѣлись слѣды заброшенныхъ раскопокъ прежнихъ піонеровъ? Краснорѣчивый ораторъ, восхвалявшій пріиски „Эврика“, нисколько не смущался тѣмъ, что пять лѣтъ тому назадъ онъ также щедро росточалъ широковѣщательныя похвалы и сыпалъ свои доллары на безполезный заброшенный туннель, смотрѣвшій на него теперь съ противоположнаго берега рѣки. Счастливая забывчивость юности не хотѣла знать этихъ предостереженій или обращала ихъ въ шутку. Школьный учитель, сохранившій душевную свѣжесть въ общеніи съ дѣтьми и вмѣстѣ съ тѣмъ преждевременно созрѣвшій среди своихъ педагогическихъ трудовъ, почувствовалъ нѣчто въ родѣ зависти, прохаживаясь въ толпѣ энтузіастовъ немногимъ старше его. Но особенно памятенъ былъ этотъ знаменательный день для Джонни Фильджи, не изъ-за оглушительной музыки духоваго оркестра, къ которому онъ присоединился, протискавшись между тромбономъ и турецкимъ барабаномъ, не потому только, что его заставляли восхитительно вздрагивать взрывы петардъ, а запахъ пороха пріятно кружилъ ему голову. Нѣтъ, онъ сдѣлался свидѣтелемъ странныхъ и необъяснимыхъ вещей, подстрекнувшихъ его ребяческое любопытство. Постыдно покинутый всѣми на верандѣ отеля „Эврика“, пока его братъ Рупертъ робко ухаживалъ за хорошенькой трактирщицей, помогая ей по хозяйству, Джонни безъ помѣхи предался своимъ наблюденіямъ. Сколько невиданныхъ предметовъ давало пищу его уму! Розетки на шестеркѣ лошадей, запряженныхъ въ почтовую карету, новая сбруя, длиннѣйшій кнутъ въ рукахъ кучера, его громадныя перчатки изъ оленьей кожи и манера держать возжи; пріятный запахъ блестящаго лака на экипажѣ, золотой набалдашникъ трости у почтеннаго Абнера Дина,—все это запечатлѣлось въ памяти Джонни Фильджи, распредѣлившись тамъ, какъ собираемыя имъ по пути брошенныя бездѣлушки распредѣлялись въ тайникахъ его помѣстительныхъ кармановъ. Но когда изъ *втораго „настоящаго“* дилижанса, съ „настоящими“ пас-

сажирами, выскочилъ молодой человѣкъ и вошелъ съ небрежной миной на веранду, не замѣчая новизны и торжественности обстановки, Джонни захлебнулся восторгомъ, воображая, что увидалъ передъ собою принца. Великолѣпно одѣтый въ бѣлую парусинную пару, съ брилліантовымъ перстнемъ на пальцѣ и золотой цѣпочкой, висѣвшей изъ жилетнаго кармана, въ шляпѣ „панама“ съ широкой черной лентой, красиво сидѣвшей на завитыхъ, надушенныхъ волосахъ, этотъ незнакомецъ поразилъ воображеніе впечатлительнаго Джонни. Никогда еще мальчикъ не видалъ ничего подобнаго! Пріѣзжій былъ гораздо интереснѣе Юбы Билля, важнѣе почтеннаго и невозможнаго Абнера Дина, краснорѣчивѣе школьнаго учителя и несравненно красивѣе всѣхъ раскрашенныхъ картинокъ, когда либо видѣнныхъ юнымъ Джонни Фильджи. Еслибъ онъ задѣлъ его, проходя мимо, Джонни почувствовалъ бы священный трепетъ; еслибъ онъ заговорилъ съ нимъ, ребенокъ не нашелся бы, что ему отвѣтить. Можно себѣ представить, до какой степени былъ пораженъ маленькій философъ, когда къ этому воплощенію всѣхъ совершенствъ приблизился — правда, съ нѣкоторою робостью—никто иной, какъ дядя Бенъ; они обмѣнялись нѣсколькими словами, которыхъ мальчикъ не разслышалъ, и направились вмѣстѣ къ выходу. Не мудрено, что Джонни забылъ и брата Руперта, и нарядныхъ лошадей, и даже возможность поживиться остатками угощенья, чтобы немедленно послѣдовать за ними.

Мужчины повернули въ боковую улицу, которая черезъ нѣсколько сотъ ярдовъ выходила на открытое поле, изрытое прежними золотопромышленниками и представлявшее покинутый пріискъ. Джонни ловко скрывался за этими неровностями почвы, продолжая идти по слѣдамъ рудокопа и пріѣзжаго незнакомца; когда же ему приходилось попадаться имъ на глаза, онъ колесилъ туда и сюда, дѣлая видъ, будто бы идетъ въ совершенно другую сторону или ищетъ чего-то на землѣ, не обращая на нихъ вниманія. Такимъ образомъ, если они и замѣчали его, то имъ не могло прійти въ голову, что маленькій шпіонъ подсматриваетъ за ними. Наконецъ, Бенъ подвелъ своего спутника прямо къ опушкѣ лѣса, гдѣ за ними было легче слѣдить. Обманутые эволюціями Джонни, они не стѣснялись *присутствіемъ* мальчугана, который даже раза два не-

ресѣкъ имъ дорогу съ видомъ притворной застѣнчивости. Между ними происходилъ оживленный разговоръ. Изъ него можно было разобрать только слова: „промыселъ“ и „участки“. Джонни достаточно наслушался ихъ въ теченіе дня и не интересовался ими, но его поражало то, что дядя Бенъ выспрашиваетъ о чемъ-то блестящаго джентельмена, выказывая передъ нимъ безграничную покорность и смиреніе. Мальчикъ удивился еще больше, когда они оба, побродивъ сначала по лѣсу, направились къ спорному участку на границѣ владѣній Гаррисоновъ и Макъ-Кинстри. Такъ какъ Джонни было строжайше запрещено ходить на это мѣсто, то онъ, само собою разумѣется, зналъ его вдоль и поперекъ. Но зачѣмъ сюда идетъ интересный незнакомецъ? Пожалуй дядя Бенъ привелъ его съ цѣлью пристыдить враждующихъ сосѣдей, которыхъ онъ долженъ ослѣпить своими совершенствами? Можетъ быть, это юный шерифъ, молодой судья, а не то и родной сынъ губернатора Калифорніи? Или ужь не сбился ли съ толку самъ дядя Бенъ и забрелъ туда по ошибкѣ? Отличный случай для Джонни отрекомендоваться важному лицу, чтобы представить ему въ самыхъ яркихъ краскахъ опасность прогулки по этому пустырю и въ то же время похвастаться своимъ безстрашіемъ, доказавъ, что ему, Джонни Фильджи, отлично знакомъ здѣсь каждый уголокъ! Но, къ несчастью, пока онъ, спрятавшись за дверью, собирался съ духомъ для такого подвига, незнакомецъ обернулся и замѣтилъ небрежнымъ тономъ, который такъ шелъ къ нему:

— Знаете что? Я не далъ бы и одного доллара за акръ во всемъ этомъ рэнчѣ. Но вы вздумали предложить за него сумашедшую цѣну, и это ваше дѣло.

Дядя Бенъ почтительно согласился съ этимъ замѣчаніемъ, что, по мнѣнію Джонни, было совершенно въ порядкѣ вещей, но все таки осмѣлился возразить; однако мальчикъ даже не вслушался въ его слова: до того они показались ему неумѣстными. Не выступить ли ему впередъ и не сказать ли этому воплощенію совершенства, что онъ понапрасну теряетъ время съ человѣкомъ, который не умѣетъ прочесть по складамъ самаго простаго слова и учится азбукѣ у старшаго брата Джонни?

Между тѣмъ пріѣзжій продолжалъ:

— Конечно, вы отлично понимаете, что покупка вами этой земли еще не сдѣлаетъ васъ ея владѣльцемъ. Вамъ придется воевать съ этими скваттерами и мошенниками. Только теперь будетъ уже не двѣ, а три враждующихъ стороны, вотъ и все.

Дурацкій отвѣтъ дяди Бена былъ опять пропущенъ маленькимъ Джонни мимо ушей. Онъ жадно ловилъ рѣчи одного пріѣзжаго франта, казавшагося ему недосягаемо умнымъ. Это свѣтило ума изрекло прежнимъ холоднымъ тономъ:

— Теперь пойдемте взглянуть на ваши пріиски. Время у меня дорого; я ожидаю нѣкоторыхъ лицъ, желающихъ также переговорить со мною, а вы, кажется, хотите держать свое дѣло въ тайнѣ? Впрочемъ не знаю, какъ это вамъ удастся. Ваши владѣнія близко отсюда? Помнится, вы говорили, что тамъ и живете.

Хотя Джонни занимался только незнакомцемъ, но его все таки крайне удивило, что дядя Бенъ обладаетъ участкомъ земли, достойнымъ посѣщенія важнаго гостя; не понимая хорошенько смысла ихъ бесѣды, онъ однако послѣдовалъ за ними до самой лачуги рудокопа.

Это была хижина, кое-какъ выстроенная изъ дикихъ камней и грубо сколоченныхъ досокъ, наполовину скрытая за одной изъ высокихъ насыпей, образовавшихся на мѣстѣ прежняго золотоноснаго пріиска Индіэнъ-Спринга отъ различныхъ отбросовъ на промыслѣ. Дядя Бенъ занимался промывкою этихъ остатковъ на досугѣ—низкое ремесло, за которое берутся въ Калифорніи одни презрѣнные китайцы. Честь настоящаго золотоискателя допускаетъ, чтобъ онъ довольствовался малымъ только въ надеждѣ на крупную находку, способную разомъ обогатить его, но люди, ограничивающіеся скромнымъ, хотя и вѣрнымъ барышемъ, не мечтая о чемъ нибудь баснословномъ, подвергаются здѣсь общему остракизму. Подозрѣвая Бена въ такомъ низкомъ занятіи, сосѣди сторонились отъ него, и онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, отрѣзанный отъ остальнаго міра глубокими рытвинами и насыпями. Остановившись изъ предосторожности на опушкѣ лѣса, Джонни увидалъ, какъ очаровавшій его сказочный принцъ преспокойно взошелъ въ лачугу рудокопа, точно какой ни-

будь простой смертный. Мальчикъ усѣлся на древесный пень, выжидая его возвращенія, и ему такъ страстно хотѣлось, чтобъ незнакомецъ вышелъ одинъ. Однако, полчаса спустя, его терпѣніе истощилось; онъ вздумалъ осмотрѣть кусты черники и вернулся на свой обсерваціонный постъ послѣ короткой экскурсіи по лѣсу. Въ лачугѣ все было тихо. Еще минутъ черезъ десять дверь отворилась и, къ величайшей досадѣ Джонни, дядя Бенъ вышелъ оттуда одинъ, неторопливо направляясь въ его сторону. Ребенокъ не выдержалъ. Движимый жгучимъ любопытствомъ, онъ бросился къ рудокопу, но тутъ съ нимъ произошелъ внезапный переворотъ, какіе случаются только съ дѣтьми. Едва сѣрые глазки дяди Бена обратились къ нему съ полувопросительнымъ, полуудивленнымъ видомъ, мальчикомъ овладѣла ребяческая скрытность. Теперь ничто въ мірѣ не могло бы вырвать у Джонни вопроса, который сію минуту былъ у него на языкѣ.

— Эй, Джонни! Что ты тутъ дѣлаешь?—добродушно спросилъ Бенджаменъ Добней.

— Ничего... Искалъ черники...—прибавилъ послѣ нѣкоторой паузы маленькій хитрецъ, обходя вокругъ рудокопа и посматривая снизу на его высокую фигуру, точно на какой нибудь монументъ.

— Почему же ты не на праздникѣ?

— Рупертъ тамъ,—поспѣшилъ отозваться Джонни, находя, что такое замѣстительство въ лицѣ старшаго брата служитъ достаточнымъ извиненіемъ его отсутствія въ отелѣ Эврика.

Потомъ онъ перепрыгнулъ черезъ пень, на которомъ сидѣлъ; мальчикъ прибѣгнулъ къ этому маневру во избѣжаніе дальнѣйшихъ разспросовъ. Но дядя Бенъ, повидимому, вполнѣ удовлетворенный его отвѣтомъ, дружески кивнулъ ему головой и пошелъ своей дорогой. Когда онъ скрылся между деревьями, Джонни осторожно приблизился къ лачугѣ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, онъ поднялъ камень съ земли и швырнулъ имъ въ досчатую дверь, послѣ чего стрѣлой бросился обратно въ кусты. Видя, что никто не показывается изъ хижины, мальчикъ продѣлалъ то же самое еще два-три раза, выбирая камни покрупнѣе и швыряя ими на болѣе близкомъ разстояніи. Потомъ онъ смѣло приблизился къ одинокому жилищу и пошелъ по дорожкѣ возлѣ него. Въ нѣ-

сколькихъ сотняхъ ярдовъ онъ набрелъ на заброшенную шахту, прикрытую старыми досками, какъ будто для того, чтобы кто нибудь не провалился туда нечаянно. Тутъ на Джонни напалъ безпричинный, необъяснимый страхъ и онъ убѣжалъ безъ оглядки. Вернувшись къ отелю, мальчикъ прежде всего увидалъ своего сказочнаго принца, по прежнему облеченнаго всѣмъ своимъ великолѣпіемъ; блестящій гость отправлялся куда-то въ экипажѣ съ новымъ спутникомъ.

Тѣмъ временемъ мистеръ Фордъ, хотя и принимавшій къ сердцу значеніе настоящаго торжества, почувствовалъ, что оно начинаетъ ему отчасти надоѣдать. Въ его комнату, въ отелѣ Эврика, то и дѣло доносилась оглушительная музыка мѣдныхъ инструментовъ со двора, громкія рѣчи ораторовъ изъ нижней залы, запахъ пороха и шампанскаго, которое лилось рѣкой; онъ рѣшилъ вернуться въ школу, отдохнуть въ тишинѣ лѣса и, собравшись съ мыслями, написать нѣсколько писемъ. Эта перемѣна блистательно подѣйствовала на него; отдаленный шумъ праздника долеталъ изъ города въ уединенный уголокъ, какъ шелестъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Смолистый запахъ сосны наполнялъ своимъ чистымъ благоуханіемъ классную комнату, заставляя забывать обо всѣхъ человѣческихъ притязаніяхъ, причемъ далекіе отголоски народнаго гулянья въ Индіэнъ-Спрингѣ казались чѣмъ-то недѣйствительнымъ, похожимъ на сновидѣніе. Настоящая дѣйствительность жизни Джона Форда была здѣсь. Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ одно, сильно потертое, которое, вѣроятно, перечитывалось многое множество разъ. Учитель опять сталъ пробѣгать знакомыя строки, какъ будто хотѣлъ открыть въ нихъ что-то новое, найти вдохновеніе, однако вдохновеніе не спѣшило осѣнить его въ тотъ вечеръ. Въ другое время, завѣтное письмо вызвало бы въ немъ порывъ юношескаго энтузіазма, который обыкновенно преображалъ его серьезное, строгое не по лѣтамъ лицо. Но сегодня такой метаморфозы не случилось. Молодой педагог положилъ исписанный листокъ на мѣсто съ легкимъ вздохомъ, но тотчасъ устыдился своего малодушія и не могъ удержать смущенной улыбки. Послѣ того, онъ съ серьезной миной усѣлся къ столу, собираясь писать. И все таки перо замерло у него въ рукѣ; учитель невольно отдался сладкой задумчивости. А

между тѣмъ пріятное чувство, охватившее Форда, не имѣло ничего общаго ни съ содержаніемъ начатаго имъ письма, ни съ его предшествовавшими размышленіями. Это было отчасти физическое ощущеніе довольства, навѣянное извнѣ и вызванное, вѣроятно, здоровымъ воздухомъ лѣса. Ему представилось даже, будто бы онъ не разъ испытывалъ то же самое передъ закатомъ солнца, когда лѣсные ароматы становятся сильнѣе. Вокругъ него дѣйствительно носился какой-то пріятный запахъ. Учитель поднялъ глаза и увидалъ на каѳедрѣ, противъ себя, незамѣченный имъ букетикъ калифорнской мирты съ бутономъ розы посрединѣ.

Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Дѣти имѣли привычку ни съ того, ни съ сего приподносить ему цвѣты. Очень можетъ быть, что онъ не замѣтилъ ихъ приношенія сегодня во время утреннихъ занятій. Ему стало жаль растеній, начинавшихъ вянуть безъ воды, и молодой человѣкъ вспомнилъ, что мирта считалась у школьниковъ эмблемой привязанности, пожалуй, по старинному преданію, связывавшему ее съ Венерой. Кажется, онъ даже объяснялъ имъ однажды происхожденіе этой эмблемы. Фордъ продолжалъ держать букетикъ въ рукахъ, какъ вдругъ почувствовалъ подъ своими пальцами что-то шелковистое, мягкое, и отъ этого прикосновенія у него пробѣжала по тѣлу легкая дрожь, точно отъ дѣйствія магнетическаго тока. Всмотрѣвшись ближе, учитель замѣтилъ, что стебельки были перевязаны не ниткой и не ленточкой, а длинной прядью тонкихъ темнорусыхъ волосъ. Онъ вытащилъ одинъ волосокъ и сталъ разсматривать противъ свѣта. Его длина, цвѣтъ, необыкновенная нѣжность, а еще болѣе какой-то необъяснимый внутренній инстинктъ подсказали Форду, что то былъ волосъ Кресси Макъ-Кинстри. Онъ тотчасъ положилъ его обратно, невольно смутившись, какъ отъ близкаго прикосновенія къ самой обладательницѣ каштановыхъ кудрей. Учителю удалось дописать письмо, но онъ снова заглядѣлся на мирту и задумался о ней. Букетикъ, положенный на каѳедру, несомнѣнно предназначался ему; затѣя перевязать его волосами не была вызвана необходимостью; она являлась преднамѣреннымъ поступкомъ, потому что у дѣвочекъ въ школѣ всегда были подъ рукой обрывки нитокъ и ленточекъ. Кромѣ того, еслибъ школьники ввели эту новую моду, учитель

зналъ бы о томъ раньше. Такая навязчивость смутно волновала его. Онъ вспоминалъ волосы Кресси; они были безспорно прекрасны, не смотря на нелѣпыя прически. Однажды вечеромъ дѣвушка бѣгала со своей подругой Октавіей; ея кудри растрепались и упали тяжелой волной на плечи; Джонъ Фордъ невольно залюбовался ею, когда она старалась поправить ихъ на крыльцѣ: Кресси, дѣйствительно, представляла собою красивую картину, поднявъ надъ головой хорошенькія полныя руки и откинувъ назадъ стройный дѣвическій станъ съ пышными формами; лицо у нея пылало яркимъ румянцемъ и она придерживала бѣлыми зубами прядь этихъ самыхъ блестящихъ волосъ!

Юноша принялся писать второе письмо. Когда оно было окончено, тѣнь сосновой вѣтви передъ окномъ, падавшая при низкомъ стояніи солнца прямо на работу Форда, понемногу придвинулась теперь къ противоположной стѣнѣ. Онъ убралъ свои бумаги, постоялъ съ минуту въ нерѣшительности надъ миртовымъ букетикомъ, и наконецъ заперъ его въ ящикъ, внутренно давая себѣ слово не допускать на будущее время подобныхъ выходокъ со стороны Кресси. Потомъ, сообразивъ, что дядя Бенъ, видѣнный имъ въ городѣ, вѣроятно не придетъ сегодня на урокъ по случаю народнаго праздника, мистеръ Фордъ рѣшилъ вернуться въ свой отель. Однако мысли учителя не остановились на рудокопѣ по поводу найденныхъ цвѣтовъ; послѣ того какъ онъ нашелъ карикатуру Джонни Фильджи, ему не удалось открыть ничего такого, что подтверждало бы сатиру карикатуриста, и мистеръ Фордъ совершенно выбросилъ изъ головы свои прежнія догадки. Войдя въ свою комнату въ отелѣ, онъ увидалъ Руперта Фильджи, стоявшаго у окна, между тѣмъ какъ Джонни, утомленный множествомъ новыхъ впечатлѣній, крѣпко спалъ на единственномъ креслѣ. Присутствіе мальчиковъ не удивило педагога; онъ относился съ большимъ участіемъ къ одинокимъ сиротамъ и нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ читать книги и просматривать иллюстрированныя изданія.

— Ну, что?—весело спросилъ Фордъ.

Рупертъ не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста. Вглядѣвшись въ его пристальнѣе, учитель замѣтилъ знакомый гнѣвный блескъ

въ красивыхъ глазахъ своего любимца, слегка отуманенныхъ слезою. Онъ ласково потрепалъ его по плечу и повторилъ:

— Что съ вами, Рупертъ?

— Ничего,—съ досадой произнесъ мальчикъ, не поворачивая головы.

— Можетъ быть... миссисъ Триппъ (хорошенькая трактирщица) обидѣла васъ?—осторожно продолжалъ Фордъ.

Опять никакого отвѣта.

— Видите, Рупертъ, она должна быть сдержанна съ вами при постороннихъ, чтобъ не подавать повода къ пересудамъ.

Рупертъ по прежнему хранилъ негодующее молчаніе. Только ямочка у него на щекѣ (чего онъ стыдился, какъ признака женственности) образовалась рѣзче. Но это было на одну минуту; темные глаза юноши опять омрачились.

— Ахъ, я хотѣлъ бы умереть, мистеръ Фордъ!

— Ну, вотъ еще!

— Или... заняться чѣмъ нибудь.

— Это другое дѣло. Что же вы намѣрены предпринять?

— Извѣстно—работать, пріобрѣтать свой хлѣбъ... Что я теперь такое? Мнѣ приходится дома рубить дрова, носить воду, стряпать, стелить постели, точно я паршивый китаецъ,—прости Господи! А маленькія сестренки, братья? Вѣдь я, какъ дѣвчонка, только и знаю, что няньчить ихъ, одѣвать, раздѣвать... Вотъ, полюбуйтесь на это сокровище, — продолжалъ онъ, указывая на сладко спавшаго Джонни, — понимаете ли вы, что̀ это значитъ? Это значитъ, что я долженъ нести его соннаго на край города, а потомъ развести огонь, сварить ему ужинъ, умыть на ночь, раздѣть, прочитать съ нимъ вечернюю молитву и уложить спать. А нашъ отецъ, тѣмъ временемъ, бродитъ по улицамъ съ другими идіотами и болтаетъ вздоръ насчетъ „прогресса“ да „будущности Индіэнъ-Спринга“. Лучше позаботился бы о своемъ домѣ, подумалъ бы, какая будущность ожидаетъ его дѣтей! Да, мистеръ Фордъ, нечего мнѣ ждать хорошаго отъ такого батюшки!

Учитель, слышавшій не разъ эти справедливыя жалобы, улыбнулся, хотя его глаза хранили серьезное выраженіе, и утѣшилъ Руперта, какъ дѣлалъ и раньше. Однако ему хотѣлось вывѣдать отъ мальчика причину его сегодняшней досады

и узнать поближе, въ какихъ отношеніяхъ находится красавецъ Фильджи къ плѣнительной миссисъ Триппъ.

— Мы, кажется, еще недавно толковали о вашей будущности, Рупъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вы можете смѣло выйти изъ школы и я уговорю вашего отца пристроить васъ къ какому нибудь дѣлу; такимъ образомъ, мало по малу, вы и выберетесь на настоящую дорогу. Терпѣніе, мой милый! У васъ хорошіе задатки и способности; такіе люди не пропадаютъ. Вотъ хоть бы ваши занятія съ дядей Беномъ.

— Ну да! Вотъ еще взрослый младенецъ, съ которымъ мнѣ приходится няньчиться въ школѣ, когда я свободенъ отъ своихъ обязанностей дома!

— Но я не вижу, чѣмъ другимъ, кромѣ уроковъ, могли бы вы заняться, живя въ Индіэнъ-Спрингѣ.

— Разумѣется,—мрачно замѣтилъ мальчикъ,—но я могъ бы отправиться въ Сакраменто. Юба Билль говоритъ, что мальчиковъ не старше меня принимаютъ на службу въ конторы и банки, а черезъ годъ, черезъ два, они выходятъ въ люди и получаютъ приличное жалованье. Да вотъ сюда пріѣзжалъ одинъ молодецъ вашихъ лѣтъ, мистеръ Фордъ, и на половину не такой ученый, какъ вы; а между тѣмъ онъ весь обвѣшанъ золотомъ, брилліантами, и каждый спѣшилъ отдать ему честь; всѣ лѣзли къ этому щеголю, забѣгали ему въ глаза. Просто, тошно было смотрѣть!

Мистеръ Фордъ поднялъ брови.

— А! вы говорите о молодомъ человѣкѣ, агентѣ фирмы Бенгамъ и К°, который разговаривалъ съ миссисъ Триппъ?

Лицо Руперта загорѣлось краской гнѣва.

— Можетъ быть. Это одинъ изъ счастливчиковъ.

— И вы желали бы походить на него?—спросилъ учитель.

— Вы хорошо понимаете, что̀ я хочу сказать, мистеръ Фордъ. Зачѣмъ мнѣ подражать ему? Вы сами нисколько не хуже его,—наивно продолжалъ мальчикъ.—Но если ужь такая глупая сорока умѣетъ наживать деньги, почему же мнѣ это не удастся?

Тутъ школьный учитель, разумѣется, нашелъ нужнымъ доказать Руперту нелогичность его вывода, упомянувъ о пользѣ терпѣнія и прилежанія, какъ подобало благоразумному педагогу въ назидательной бесѣдѣ съ ученикомъ; но онъ припра-

лъ свои наставническія сентенціи выраженіями дружеской мпатіи и анекдотами изъ собственной жизни въ годы ранней ности, причемъ на щекахъ Руперта опять заиграли ямочки. ерезъ какихъ нибудь полчаса, мальчикъ уже успокоился и, бравшись домой, подошелъ къ спящему братишкѣ почти съ моотверженіемъ. Между тѣмъ, разоспавшійся Джонни расисъ, какъ кисель. Только соединенными усиліями учителя и уперта удалось поднять его съ кресла. Онъ уцѣпился ронкой за шею старшаго брата и, прильнувъ къ его груди, пять сладко заснулъ; его щоки отекли, вѣки отяжелѣли, а емныя кудри торчали спутанные надъ влажнымъ лбомъ. Митеръ Фордъ пожелалъ Руперту спокойной ночи и вернулся къ ебѣ въ комнату, пока тотъ осторожно спускался съ лѣстницы о своей неудобной ношей. Но здѣсь судьба, вопреки интереамъ людской нравственности, вознаградила Руперта, согласно го неразумнымъ желаніямъ. Миссисъ Триппъ стояла внизу а крыльцѣ и видѣла юношу, медленно спускавшагося по ступенямъ. Эта встрѣча заставила его мучительно покраснѣть и ъ то же время растрогала миловидную хозяйку отеля. Можетъ быть, молчаливое обожаніе Руперта не было тайной для окетки и, пожалуй, пріятно льстило ея самолюбію. Такъ или наче, но она сказала ему ласковымъ тономъ, отозвавшимся ъ сердцѣ мальчика:

— Рупертъ! Зачѣмъ же вы уходите такъ рано?

— Мнѣ нельзя... изъ-за Джонни, — смущенно пролепеталъ тотъ.

— Ну вотъ, что за важность! Дайте, я возьму его къ ебѣ въ комнаты; онъ отлично выспится тамъ до утра.

Искушеніе было велико, однако Рупертъ нашелъ въ себѣ остаточно силы, чтобъ отказаться, хотя при этомъ надвинулъ пляпу на глаза и опустилъ рѣсницы.

— Бѣдняжка, до чего онъ усталъ!

Молодая женщина приблизила свое, все еще свѣжее и иловидное лицо къ лицу Руперта и поцѣловала Джонни въ еку, а потомъ, вскинувъ смѣлые глаза на старшаго брата, двинула немного его старенькую поношенную шляпу съ шелковистыхъ кудрей и поцѣловала юношу въ лобъ.

— Доброй ночи, мой милый.

Рупертъ въ первую минуту остолбенѣлъ, однако, тотчасъ

опомнившись, поспѣшилъ скрыться въ темнотѣ. Между тѣмъ, какая-то врожденная деликатность заставила его повернуть съ главной улицы на болѣе пустынную, чтобъ избѣжать вульгарныхъ взглядовъ гулякъ. Дорога къ дому была тяжела и утомительна, ночь темна, а спящій Джонни оттягивалъ ему руки, точно тяжелый чурбанъ. Но мальчикъ бодро шелъ впередъ; первый поцѣлуй женщины заставилъ биться гордостью его сердце, и Руперту казалось, что онъ блеститъ на его лбу и освѣщаетъ ему дорогу, какъ путеводная звѣзда.

VI.

Когда за Рупертомъ затворилась дверь, учитель опустилъ штору, зажегъ лампу и хотѣлъ успокоиться за чтеніемъ. На открытомъ воздухѣ „великій день для Индіэнъ-Спринга“ потихоньку испарялся въ блѣдномъ туманѣ, поднимавшемся съ рѣки, а самое торжество разрѣшалось тамъ и сямъ судорожнымъ полетомъ римскихъ свѣчей и громко хлопавшихъ ракетъ. Случайный взрывъ веселья посреди пирующихъ въ нижней залѣ трактира, спотыкающіеся шаги гулякъ по досчатому тротуару передъ отелемъ только рельефнѣе оттѣняли глубокую тишину на улицахъ городка. Будущее процвѣтаніе Индіэнъ-Спринга было на самомъ дѣлѣ еще такимъ отдаленнымъ событіемъ,—что природа незамѣтно вступала въ свои права при малѣйшемъ ослабленіи цивическаго вліянія, и мистеръ Фордъ, поднявъ голову отъ столбцовъ „Звѣзды“ съ пламенными статьями, услыхалъ близкій вой шакала на противоположномъ берегу.

Молодой человѣкъ погрузился въ неопредѣленную сладкую задумчивость, вызванную Богъ знаетъ чѣмъ; его мысли капризно блуждали, и онъ не могъ остановить ихъ ни на одномъ предметѣ, даже на воспоминаніи о миртовомъ букетѣ, найденномъ на каѳедрѣ. Фордъ старался чѣмъ нибудь заняться, но никакое дѣло не шло ему на умъ. Вдругъ онъ съ раскаяніемъ вспомнилъ о томъ, что недостаточно тепло отнесся къ любовнымъ неудачамъ бѣдняги Руперта. На половину патетическая, на половину забавная фигура мальчика, изнемогающаго подъ двойнымъ бременемъ соннаго братишки и несчаст-

ій любви, предстала передъ его глазами. Ну что, если Ру-
ртъ, въ порывѣ неразумнаго юношескаго увлеченія, броситъ
конни посреди дороги и убѣжитъ отъ своего поруганнаго
ѣства куда нибудь подальше, чтобъ зарабатывать себѣ хлѣбъ,
всегда покинувъ родную кровлю? При этой мысли, учитель
хватилъ шляпу съ намѣреніемъ отыскать своего ученика...
ли разсѣяться немного на улицѣ. Мистеръ Фордъ былъ че-
овѣкъ минуты и, зная свою крайнюю впечатлительность,
гарался не поддаваться ей. Въ коридорѣ онъ наткнулся на
иссисъ Триппъ съ капюшономъ на головѣ и въ бѣломъ баль-
омъ костюмѣ, который, на его взглядъ, гораздо меньше шелъ
ъ ней, чѣмъ обыкновенное домашнее платье. Молодой чело-
ѣкъ поклонился хозяйкѣ мимоходомъ, причемъ она самодо-
ольно спросила его:

— А развѣ вы не будете сегодня на балу?

Онъ вспомнилъ, что въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на-
наченъ „общедоступный балъ", вошедшій въ программу празд-
ика, и замѣтилъ, улыбаясь:

— Нѣтъ, я не собираюсь туда, но какъ жаль, что Руперть
е видалъ васъ въ этомъ очаровательномъ туалетѣ!

— Руперть! — возразила леди съ легкимъ кокетливымъ
мѣхомъ.—Изъ-за васъ онъ сдѣлался такимъ же ненавистни-
омъ женщинъ, какъ вы сами. Я пригласила его въ нашу
омпанію, а онъ убѣжалъ къ вамъ.

Хозяйка помолчала; потомъ, окинувъ учителя изподтишка
ритическимъ взглядомъ, прибавила съ дружеской развязностью:

— А почему бы вамъ не пойти въ собранье? Повѣрьте,
амъ никто васъ не обидитъ.

— Ну, я несовсѣмъ увѣренъ въ этомъ,—любезно отвѣчалъ
Фордъ.—Печальный примѣръ Руперта у меня передъ глазами.

Миссисъ Триппъ поправила прическу и спустилась на одну
тупеньку съ лѣстницы.

— Право, лучше отправляйтесь на балъ,—повторила она,
глядывая вверхъ черезъ перила.—По крайней мѣрѣ, посмо-
рите на танцующихъ, если сами не умѣете танцовать.

Между тѣмъ Фордъ былъ танцоромъ, и даже замѣчательно
орошимъ. Слова хозяйки задѣли его самолюбіе, и онъ постоялъ
минуту въ нерѣшительности на площадкѣ, когда она ушла.
очему бы не пойти въ самомъ дѣлѣ на это собраніе? Правда,

учитель примирился съ тѣмъ, что жители Индіэнъ-Спринга относились къ нему немного свысока, и самъ не заискивалъ въ нихъ, не принимая участія ни въ какихъ общественныхъ развлеченіяхъ, но сегодня молодой человѣкъ не имѣлъ причины стѣсняться. Стоило только перемѣнить туалетъ и отправиться въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ свободно оставаться зрителемъ чужаго веселья.

Черный сюртукъ и бѣлая манишка составляли достаточно приличный парадный костюмъ для такого захолустья. Мистеръ Фордъ прибавилъ къ нему даже излишній аксесуаръ элегантности, въ видѣ бѣлаго жилета, давно лежавшаго у него безъ употребленія. Когда онъ вышелъ изъ отеля, пробило девять часовъ, но зданіе суда уже горѣло огнями на пустынномъ берегу рѣки, точно корабль, выброшенный на мель. Дорогой, учитель не разъ хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и колебался войти уже у самаго подъѣзда. Однако боязнь показаться смѣшнымъ передъ публикой, толпившейся у входа, причемъ нѣкоторые изъ посѣтителей также робѣли, не рѣшаясь входить, заставила его преодолѣть всякія колебанія.

Канцелярія и судейская камера въ нижнемъ этажѣ были обращены въ гардеробную и буфетъ, а неотстроенная пока верхняя зала суда была предоставлена танцующимъ. Флаги, лавровые вѣнки и подобающія случаю надписи изъ цвѣточныхъ гирляндъ прикрывали голыя стѣны, между тѣмъ какъ гербъ штата Калифорніи, уже возвышавшійся надъ судейской эстрадой, съ его безбрежнымъ золотымъ закатомъ солнца и торжествующей богиней, лучше всякихъ надписей указывалъ смыслъ настоящаго торжества. Зала была биткомъ набита публикой. Колеблющееся пламя свѣчей въ тонкихъ стѣнныхъ канделябрахъ и спускавшихся съ потолка самодѣльныхъ люстрахъ изъ обручей съ бочонковъ освѣщало самую удивительную смѣсь дамскихъ туалетовъ, когда либо видѣнную учителемъ: старомодныя платья, измятыя въ чемоданахъ и поношенныя; наряды, оставшіеся отъ давнишнихъ баловъ и подновленные модными прибавленіями; костюмы по сезону и не по сезону: опушенная мѣхомъ кофточка на тюлевой рубашкѣ; бархатная юбка и казакинъ изъ пикэ; свѣжая дамская наколка и перезрѣлыя прелести подъ бѣлымъ дѣвическимъ одѣяніемъ. Въ

бсное пространство, очищенное для танцевъ, то и дѣло вторлись зрители, стоявшіе у стѣнъ тремя плотными рядами.

Когда учителю удалось проникнуть въ залу, молодая дѣушка, стоявшая въ парѣ во время кадрили, съ легкостью имфы неожиданно бросилась въ сторону и спряталась въ олпѣ. Хотя мистеръ Фордъ не успѣлъ разсмотрѣть ни ея ица, ни фигуры, но по одному порывистому быстрому двиенію онъ узналъ въ ней Кресси. Учитель не безъ смущенія очувствовалъ въ ту же минуту, что она видѣла его и что онъ, неизвѣстно почему, былъ причиной ея внезапнаго исчезовенія. Но это продолжалось недолго. Пока мистеръ Фордъ азсѣянно осматривался вокругъ, Кресси опять появилась и гала рядомъ со своимъ изумленнымъ кавалеромъ, тѣмъ самымъ обворожительнымъ незнакомцемъ, который внушилъ такой благоговѣйный восторгъ Джонни Фильджи и горькую заисть Руперту. Дочь Гирама Кинстри была блѣдна; учитель икогда еще не видалъ ея такой очаровательной. Все, что ему азалось въ ней пошлымъ и неумѣстнымъ, отступало на задній планъ передъ ея красотой въ этотъ моментъ, при этомъ освѣщеніи, въ атмосферѣ этого страннаго сборища. Ея длинное латье изъ розоваго газа было такъ дѣвически просто, прекрасныя бѣлыя плечи выступали изъ пышнаго корсажа, точно зъ облака, разрумяненнаго лучами вечерней зари; юношеская гибкость членовъ и торса придавали Кресси отпечаокъ благородства и благовоспитанности. Отсутствіе румянца а ея обыкновенно свѣжемъ лицѣ замѣнялось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, освѣщавшимъ милыя черты. Учитель не огъ оторвать отъ нея глазъ, не могъ повѣрить тому, что идѣлъ передъ собою. А между тѣмъ это, дѣйствительно, была Кресси Макъ-Кинстри, его ученица! Неужели онъ зналъ ее аньше? Да и теперь знакома ли она ему? Не удивительно, то всѣ взгляды были устремлены на эту дѣвушку, и вокругъ Форда слышался сдержанный шопотъ восхищенія, смѣнявшійся ще болѣе краснорѣчивымъ молчаніемъ очарованной толпы. Молодой человѣкъ торопливо оглянулся на присутствующихъ и почувствовалъ странную неловкость, замѣтивъ, какой фуоръ производила Кресси.

Она танцовала съ тою же сдержанностью и серьезнымъ авнодушіемъ, которыя такъ сильно подѣйствовали на него во

время ихъ перваго столкновенія. Она даже не смотрѣла въ его сторону, но онъ отлично видѣлъ, что Кресси знаетъ о его присутствіи въ залѣ. Ему хотѣлось встрѣтиться съ ней глазами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся этого, какъ будто при одномъ взглядѣ дивная иллюзія могла моментально разсѣяться или получить роковую силу неодолимыхъ чаръ. Онъ заставилъ себя по окончаніи танца уйти прочь, отчасти съ цѣлью избѣжать встрѣчи съ нѣкоторыми знакомыми дамами, появившимися по близости, которыхъ изъ вѣжливости ему пришлось бы пригласить танцовать, отчасти же изъ желанія собраться съ мыслями. Мистеръ Фордъ рѣшилъ обойти всѣ комнаты и преспокойно вернуться домой. Лица, узнавшія школьнаго учителя, давали ему дорогу съ пассивнымъ любопытствомъ; болѣе пожилые привѣтливо раскланивались съ нимъ, какъ съ равнымъ, что окончательно взбѣсило его. Одну минуту Форду непремѣнно захотѣлось найти миссисъ Триппъ и ангажировать ее, чтобъ она могла убѣдиться, какой онъ ловкій танцоръ.

Онъ обошелъ почти всю комнату, какъ вдругъ его застигли врасплохъ первые такты вальса. Вальсъ не былъ особенно распространенъ въ Индіэнъ-Спрингѣ. Солидная часть населенія, усердно посѣщавшая церковь, сомнѣвалась, чтобы скачки царя Давида передъ ковчегомъ оправдывали „легкіе танцы", тогда какъ мѣстная молодежь не научилась пока справляться съ ихъ трудностями. Поддавшись снова искушенію взглянуть на танцующихъ, Фордъ замѣтилъ, что только три-четыре пары отважились пуститься вальсировать. Въ числѣ ихъ была и Кресси Макъ-Кинстри со своимъ прежнимъ кавалеромъ. При настоящемъ экзальтированномъ состояніи духа, учитель нисколько не удивился, что она вальсируетъ довольно хорошо, вѣроятно научившись этому искусству въ свою послѣднюю поѣздку въ Сакраменто. Дѣвушка танцовала подъ тактъ, и ея движенія были полны спокойной граціи. Однако ея кавалеръ далеко уступалъ ей въ ловкости, такъ что послѣ нѣсколькихъ оборотовъ она остановилась и съ улыбкой освободила свою талію отъ руки танцора. Подавшись назадъ. Кресси инстинктивно повернула именно въ ту сторону, гдѣ стоялъ учитель, и послала ему взглядъ мимо сотни лицъ, восторженно смотрѣвшихъ на нее. Ихъ глаза встрѣтились безъ помѣхи; точно молодые люди были совершенно одни. Ихъ влекло другъ къ

другу неодолимой силой, и это влеченіе было тѣмъ опаснѣе, что не выражалось ничѣмъ опредѣленнымъ; то былъ союзъ сердецъ, безъ предварительныхъ обѣтовъ, даже безъ намѣренія; любовь, которая не требовала прелюдій.

Фордъ приблизился къ Кресси спокойнѣе и хладнокровнѣе, чѣмъ ожидалъ отъ себя.

— Позвольте мнѣ попытаться сдѣлать съ вами туръ? — произнесъ онъ.

Она взглянула ему въ лицо и замѣтила такимъ тономъ, какъ будто не слыхала его вопроса, а слѣдила за ходомъ собственныхъ мыслей:

— Я знала, что вы придете; я видѣла васъ, когда вы только что вошли.

И, не сказавъ ни слова болѣе, дѣвушка положила свою руку въ его руку; все ея существо стремилось къ нему. Выставивъ стройную ножку, она тотчасъ попала въ темпъ вальса, и черезъ секунду большая зала съ толпою зрителей стала уплывать ритмическимъ вращательнымъ движеніемъ куда-то вдаль передъ глазами танцующей пары. Все это произошло такъ быстро,—съ того момента какъ учитель приблизился къ ученицѣ, до перваго граціознаго взмаха ея легкаго платья, когда они закружились подъ музыку,—что этотъ вальсъ показался Форду объятіями влюбленныхъ при встрѣчѣ. Ему случалось быть и раньше также близко къ ней; онъ стоялъ возлѣ ея скамейки въ классѣ и даже наклонялся надъ ея работой, но всегда съ инстинктивной сдержанностью, которая дѣйствовала и на Кресси, и теперь онъ хорошо понималъ это чувство. Въ настоящую минуту, когда ея оживленное, но блѣдное личико почти касалось его лица, когда онъ чувствовалъ тонкій ароматъ ея волосъ и она, на половину томно, на половину сдержанно, опиралась рукою на его плечо, все перемѣнилось. Молодой человѣкъ не смѣлъ сознаться себѣ, что съ этихъ поръ онъ не будетъ въ состояніи равнодушно приблизиться къ Кресси. Онъ не смѣлъ ни о чемъ думать, поддаваясь обаянію, охватившему его съ той минуты, когда онъ нашелъ въ уединеніи классной комнаты букетикъ мирты, перевязанный волосами дѣвушки, и почувствовалъ, будто бы она сама бросается ему въ объятія. Они кружились такъ ритмически-размѣренно подъ быстрый темпъ вальса, что почти не

замѣчали своего движенія. Одну минуту, когда юная пара приблизилась въ своемъ плавномъ полетѣ къ открытому окну, передъ Джекомъ Фордомъ мелькнулъ полный мѣсяцъ, всходившій надъ величавыми возвышенностями противоположнаго берега, и онъ почувствовалъ у себя на щекѣ пріятную прохладу, вѣявшую съ горныхъ высотъ и рѣки, между тѣмъ какъ тонкія пряди волосъ Кресси Макъ-Кинстри слегка скользили въ вихрѣ вальса по его лицу, перемѣшиваясь съ его собственными кудрями. Картина лѣтней ночи и это сладкое ощущеніе заставили учителя забыть вульгарность и пестроту обстановки „общедоступнаго бала“; оплывшія свѣчи въ жалкихъ канделябрахъ, странныя фигуры гостей, пошлыя лица—все это какъ будто вертѣлось вокругъ него, отступая дальше и дальше. Фордъ и Кресси были одни, наединѣ съ природой, отдыхавшей въ ночной тиши; они точно стояли на мѣстѣ, а все остальное кружилось, стушевываясь въ туманной дали суровой дѣйствительности, чуждой имъ обоимъ.

Лейтесь еще и еще, тающіе звуки страусовскаго вальса! Кружитесь, въ плавномъ танцѣ, юность и любовь! Какъ бы ни былъ смѣлъ вашъ полетъ, окружающій міръ скоро-скоро вернется къ вамъ обратно, обступитъ васъ со всѣхъ сторонъ и парализуетъ ваши движенія. Наигрывай быстрѣе, надтреснутый кларнетъ! Громче, громче, беззастѣнчивый фаготъ! Отступи дальше все суровое земное, пока учитель и ученица блаженствуютъ въ области радужныхъ, несбыточныхъ сновъ! Имъ кажется, будто бы они теперь одни на берегу рѣки; полная луна свѣтитъ надъ ними, а ихъ колеблющіяся тѣни отражаются въ волнахъ. Ихъ объятія становятся все тѣснѣе; рука дѣвушки обнимаетъ шею Форда; ея глаза блестятъ, заглядывая въ его глаза; они все ближе, ближе другъ къ другу и вотъ наконецъ, при сладкомъ замираніи сердца, ихъ губы сливаются въ первый поцѣлуй. Скользи быстрѣй, стройная ножка! Летай свѣтлымъ облачкомъ розовое газовое платье, заставляя разступаться толпу!.. Вотъ они опять одни; судейская эстрада, съ гербомъ штата Калифорніи надъ нею, мелькая въ безумномъ вихрѣ передъ глазами, обратилась въ алтарь, смутно видимый сквозь дымку подвѣнечнаго вуаля на свѣтлыхъ волосахъ Кресси. Слышится невнятный говоръ, соединяющій двѣ жизни воедино. Теперь новобрачные выходятъ изъ храма, по-

двигаясь гордою поступью между двумя рядами свадебныхъ гостей. Но, ахъ! кружокъ зрителей становится тѣснѣе. Чтобы раздвинуть его опять, еще одинъ быстрый туръ летучаго газоваго платьица, воздушной ножки! Нѣтъ, поздно! Музыка умолкаетъ. Пестрыя стѣны залы опять смыкаются вокругъ Кресси и Форда. Волшебный міръ грёзъ стушевался; со всѣхъ сторонъ ихъ обступила прежняя вульгарная толпа, и они оба стоятъ, блѣдные, спокойные, въ центрѣ сотни любопытныхъ лицъ, восхищенныхъ, испуганныхъ или негодующихъ. Всѣ невольно притаили дыханіе. Руки дѣвушки безсильно падаютъ, точно усталыя крылья. Упоительный вальсъ конченъ.

Хоръ женскихъ голосовъ осыпаетъ Кресси похвалами; тамъ и сямъ въ немъ раздаются рѣзкія завистливыя нотки; около дюжины беззастѣнчивыхъ кавалеровъ, прельщенныхъ граціей и красотою дочери Гирама, приглашаютъ ее на слѣдующій вальсъ. Она отвѣчаетъ не имъ, а Форду: „Я не стану больше танцовать“ и вмѣшивается въ толпу съ несвойственной ей прежде застѣнчивостью, которая, изо всѣхъ неожиданныхъ превращеній этого удивительнаго существа, кажется самымъ очаровательнымъ. Хотя Кресси и учитель отлично сознаютъ свою взаимную любовь, однако удаляются другъ отъ друга, какъ будто новое близкое свиданіе было уже дѣломъ рѣшеннымъ между ними. Нѣкоторые изъ знакомыхъ хвалятъ ловкость мистера Форда. Предметъ поклоненія Джонни съ любопытствомъ смотритъ ему вслѣдъ; кое-кто изъ пожилыхъ людей жметъ учителю руку, впрочемъ не безъ тайнаго смущенія, точно такое легкомысленное занятіе, какъ танцы, несовмѣстимо съ профессіей преподавателя. Онъ замѣчаетъ смутное недовольство знакомыхъ и говоритъ, смѣясь, что позволилъ себѣ этотъ вальсъ, какъ единственное отступленіе отъ принятыхъ правилъ. Только одинъ человѣкъ смотрѣлъ на него изъ толпы съ нескрываемой ненавистью и злобой: то былъ Сэтъ Девисъ. Мистеръ Фордъ не видалъ его, съ тѣхъ поръ какъ юношу исключили изъ школы; онъ даже забылъ о его существованіи и теперь ему пришло въ голову, что покинутый женихъ ревнуетъ Кресси къ Джо Мастерсу. Учитель съ любопытствомъ оглядѣлся кругомъ, ожидая увидать молодую дѣвушку рядомъ со своимъ новымъ обожателемъ. Только дойдя до дверей, онъ сообразилъ, что ненависть Сэта относится къ нему, и эта до-

гадка вызвала въ немъ необъяснимый порывъ негодованія. „Почему бы глупцу Девису не ревновать Кресси къ Мастерсу, такъ явно компрометирующему ее“? подумалъ Фордъ. Онъ повернулъ обратно, въ тайной надеждѣ провѣрить свои предположенія, но Сэтъ исчезъ. Вмѣсто него учитель наткнулся на дядю Бена и Гирама Макъ-Кинстри, стоявшихъ у порога въ числѣ прочихъ зрителей. Пожалуй, Добней также ревнуетъ, а отецъ Кресси находитъ его поведеніе неприличнымъ, какъ и другіе? Однако оба они единодушно осыпали Форда похвалами, не смотря на то, что богатый владѣлецъ фермы обыкновенно относился къ рудокопу съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, въ сущности вовсе незаслуженнымъ.

— Когда я увидѣлъ, что вы собираетесь танцовать, — глубокомысленно и по обыкновенію несвязно началъ дядя Бенъ,—я сейчасъ сказалъ: „Ну, ребята, смотрите въ оба и вы увидите, что̀ значатъ хорошія манеры“. Вотъ вы и пустились кружиться, а я и говорю опять: „вотъ это настоящая французская выдержка самаго высшаго тона, отъ самыхъ отличныхъ учителей... и изъ самыхъ хорошихъ книжекъ“. „А почему“? спрашиваю ихъ. „Потому что г-нъ учитель танцуетъ, какъ пишетъ: ровно, гладко—нигдѣ ни сучка, ни задоринки! Ишь какіе росчерки выдѣлываетъ онъ ногами. Также точно и стихи онъ читаетъ отлично. Вотъ, смотрите, что̀ значитъ хорошее-то воспитаніе“!

— Мистеръ Фордъ!—серьезно замѣтилъ въ свою очередь Макъ-Кинстри, размахивая лайковой перчаткой цвѣта лаванды, напяленной имъ съ цѣлью скрыть свою изуродованную руку съ отстрѣленнымъ пальцемъ, а также по случаю высокоторжественнаго дня,—я долженъ благодарить васъ за то, что вы выручили мою дочурку: она великолѣпно протанцовала подъ вашимъ руководствомъ. Самъ я не танцую, въ особенности такихъ танцевъ, которые мнѣ кажутся чѣмъ-то въ родѣ прыжковъ и лошадинаго галопа, да и мало вижу танцующихъ со своими хлопотами на промыслѣ, но когда я увидалъ, какъ вы оба принялись отплясывать, мнѣ до того сдѣлалось хорошо, что, кажется, еще никогда у меня не было на душѣ такъ спокойно.

Кровь бросилась въ лицо учителю отъ стыда за свою *сознательную вину*.

— Помилуйте,—уклончиво пробормоталъ онъ,—ваша дочь ама превосходно танцуетъ. Сейчасъ видно, что у нея была рактика.

— Это само по себѣ, — возразилъ Макъ-Кинстри, кладя уку въ перчаткѣ на плечо Форда, причемъ пустой лайковый изинецъ уморительно загнулся назадъ, — но мнѣ хотѣлось асъ поблагодарить за то, что вы такъ просто, мило, по родственному обошлись съ моей Кресси; вотъ это именно и трогало меня. Къ концу вальса вы почти подняли ее на воздухъ, она опустила голову къ вамъ на плечо, будто собиралась аснуть; тутъ я живо припомнилъ, какъ моя дочь была еще алюткой, а я няньчилъ ее на рукахъ и укачивалъ, идя за ашей переселенческой повозкой по берегу Ла-Платы. Мнѣ росто стало досадно, что моя старуха не могла видѣть этой артины.

По прежнему пылая румянцемъ смущенія, учитель украдкой взглянулъ на багровое бородатое лицо Гирама, но въ его флегматичныхъ чертахъ выражалось одно удовольствіе и не было ни слѣда ироніи, которой опасался Джекъ Фордъ, чувствуя себя виноватымъ.

— Такъ вашей супруги здѣсь нѣтъ? — отрывисто произнесъ онъ.

— Она отправилась въ церковь, въ надеждѣ, что я пригляжу за Кресси. У нея теперь, такъ сказать, не то на умѣ... А не пройтись ли намъ съ вами немножко? Мнѣ надо кое-что вамъ сообщить.

Съ этими словами, онъ продѣлъ свою искалѣченную руку подъ руку молодаго человѣка, какъ дѣлывалъ прежде, и отвелъ его въ сторону,

— Вы видѣли здѣсь Сэта Девиса?

— Кажется, видѣлъ съ минуту назадъ,—отвѣчалъ Фордъ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

— А не сдѣлалъ онъ вамъ никакой непріятности?

— Разумѣется, нѣтъ,—надменно возразилъ учитель.—Развѣ онъ смѣетъ позволить себѣ что нибудь подобное?

— Ну, конечно,—задумчиво продолжалъ Макъ-Кинстри,—однако вамъ лучше не связываться съ нимъ, помните мои слова. Предоставьте мнѣ раздѣлаться съ нимъ или съ его отцомъ, что одно и то же. Не вмѣшивайтесь сами въ мою

ссору съ Девисами. Это будетъ совершенно некстати. Ужь и то у меня лежитъ на душѣ ваша неосторожность: помните, когда вы принесли мнѣ ружье на границу владѣній Гаррисоновъ? Старухѣ не слѣдовало поручать этого ни вамъ, ни Кресси. Послушайтесь меня, мистеръ Фордъ: я стану между вами и Девисами, пока перемелется все, что было раньше. Совѣтую вамъ однако поздороваться съ Сэтомъ, если вы встрѣтитесь опять.

— Премного вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Фордъ, ни съ того, ни съ сего потерявшій хладнокровіе,—но я считаю лишнимъ измѣнять свои привычки для какого-то молокососа, который былъ выключенъ мной изъ училища!

Щоки учителя снова запылали въ припадкѣ глупаго мальчишескаго гнѣва.

Макъ-Кинстри смотрѣлъ на него своими тусклыми, красными, сонными глазами.

— Эй, мистеръ Фордъ, не теряйте своей лучшей опоры, своего спокойствія. Оставайтесь такимъ же тихимъ, какъ были прежде, тогда вы хорошо обживетесь въ Индіэнъ-Спрингѣ. Я ужь такой и есть завзятый буянъ,—продолжалъ отецъ Кресси, понизивъ голосъ и говоря съ увлеченіемъ:—одной стычкой больше или меньше для меня ничего не значитъ, а вы не должны затѣвать ссоръ.

Онъ замолчалъ, отступилъ шагъ назадъ и, глядя на учителя въ упоръ, показалъ на него движеніемъ руки вдоль всего корпуса, какъ будто на немъ были какія нибудь, присвоенныя ему лично, регаліи, послѣ чего многозначительно прибавилъ:

— Хладнокровіе идетъ къ вамъ больше всего!

Тутъ Гирамъ кивнулъ головой и прошелъ опять въ большую залу. Чувствуя себя несовсѣмъ ловко, мистеръ Фордъ протолкался по лѣстницѣ, запруженной народомъ, и вышелъ на улицу. Его неосновательный гнѣвъ и не менѣе странныя угрызенія совѣсти въ присутствіи Макъ-Кинстри, казалось, испарились подъ обаяніемъ теплой ясной ночи. Передъ нимъ разстилался берегъ и волнистая поверхность рѣки, серебрившаяся при свѣтѣ луны сквозь дымку тумана, какъ они съ

есси видѣли ее изъ окна во время вальса. Учитель даже

рнулся къ освѣщенному зданію, точно ожидая, не выгля-

нетъ ли оттуда милая дѣвушка. Этого, конечно, не случилось, однако его утѣшила мысль о завтрашнемъ свиданіи въ школѣ. Безумная радость волновала сердце учителя; торопливо отогнавъ отъ себя всѣ доводы, подсказанные осторожностью, всякую заботу о будущемъ и провѣрку собственнаго поведенія, онъ направился домой въ самомъ упоительномъ экстазѣ. Руперть Фильджи, позабытый имъ теперь и спокойно спавшій рядомъ съ маленькимъ братишкой, ушелъ изъ отеля Эврика послѣ поцѣлуя миссисъ Триппъ, пожалуй, въ менѣе восторженномъ и опасномъ настроеніи, чѣмъ его солидный наставникъ съ „общедоступнаго бала“.

Вернувшись въ гостинницу, онъ немало удивился, что было всего одиннадцать часовъ. Въ домѣ не оказалось ни души, кромѣ буфетчика и горничной; они любезничали между собою и встрѣтили жильца съ большимъ удивленіемъ. Молодой человѣкъ пожалѣлъ о сдѣланной глупости: онъ могъ преспокойно остаться на балу, потанцовать съ миссисъ Триппъ или хотя посмотрѣть подольше на танцующихъ. Пробормотавъ въ оправданіе, будто бы ему нужно приготовить письма къ утренней почтѣ, жилецъ взялъ свѣчу и тихонько поднялся по лѣстницѣ. У себя въ комнатѣ онъ оглядѣлся кругомъ съ какимъ-то непонятнымъ недоумѣніемъ, точно все здѣсь было ему чуждо. Бѣдный юноша пережилъ такъ много въ теченіе двухъ часовъ и даже находилъ какой-то аномаліей, что окружающіе предметы остались въ прежнемъ видѣ. Вотъ его письменный столъ, книги, постель; на креслѣ валяется обгрызокъ пряника, выпавшій изъ кармана Джонни... Еслибъ его любовь къ Кресси успѣла развиться, онъ умѣлъ бы населять мыслью о ней каждый уголокъ, но теперь любимой дѣвушкѣ пока еще не было мѣста въ этихъ стѣнахъ. Онъ почти не могъ думать о ней здѣсь, а между тѣмъ ему *необходимо* обдумать случившееся, хотя бы даже для этого пришлось уйти куда нибудь. У него вдругъ явился капризъ бродить по улицамъ до тѣхъ поръ, пока не отрезвится отъ опасныхъ грёзъ; однако, при всемъ своемъ безуміи, учитель понялъ нелѣпую сантиментальность такой затѣи, достойной развѣ лунатика. Но вотъ что: не пойти ли въ школу? Дѣйствительно, прогулка туда освѣжитъ его; ночь такъ прекрасна, и онъ, по крайней мѣрѣ, принесетъ домой миртовый букетикъ, за-

учитель примирился съ тѣмъ, что жители Индіэнъ-Спринга относились къ нему немного свысока, и самъ не заискивалъ въ нихъ, не принимая участія ни въ какихъ общественныхъ развлеченіяхъ, но сегодня молодой человѣкъ не имѣлъ причины стѣсняться. Стоило только перемѣнить туалетъ и отправиться въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ свободно оставаться зрителемъ чужаго веселья.

Черный сюртукъ и бѣлая манишка составляли достаточно приличный парадный костюмъ для такого захолустья. Мистеръ Фордъ прибавилъ къ нему даже излишній аксесуаръ элегантности, въ видѣ бѣлаго жилета, давно лежавшаго у него безъ употребленія. Когда онъ вышелъ изъ отеля, пробило девять часовъ, но зданіе суда уже горѣло огнями на пустынномъ берегу рѣки, точно корабль, выброшенный на мель. Дорогой, учитель не разъ хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и колебался войти уже у самаго подъѣзда. Однако боязнь показаться смѣшнымъ передъ публикой, толпившейся у входа, причемъ нѣкоторые изъ посѣтителей также робѣли, не рѣшаясь входить, заставила его преодолѣть всякія колебанія.

Канцелярія и судейская камера въ нижнемъ этажѣ были обращены въ гардеробную и буфетъ, а неотстроенная пока верхняя зала суда была предоставлена танцующимъ. Флаги, лавровые вѣнки и подобающія случаю надписи изъ цвѣточныхъ гирляндъ прикрывали голыя стѣны, между тѣмъ какъ гербъ штата Калифорніи, уже возвышавшійся надъ судейской эстрадой, съ его безбрежнымъ золотымъ закатомъ солнца и торжествующей богиней, лучше всякихъ надписей указывалъ смыслъ настоящаго торжества. Зала была биткомъ набита публикой. Колеблющееся пламя свѣчей въ тонкихъ стѣнныхъ канделябрахъ и спускавшихся съ потолка самодѣльныхъ люстрахъ изъ обручей съ бочонковъ освѣщало самую удивительную смѣсь дамскихъ туалетовъ, когда либо видѣнную учителемъ: старомодныя платья, измятыя въ чемоданахъ и поношенныя; наряды, оставшіеся отъ давнишнихъ баловъ и подновленные модными прибавленіями; костюмы по сезону и не по сезону: опушенная мѣхомъ кофточка на тюлевой рубашкѣ; бархатная юбка и казакинъ изъ пикэ; свѣжая дамская наколка и перезрѣлыя прелести подъ бѣлымъ дѣвическимъ одѣяніемъ. Въ

ѣсное пространство, очищенное для танцевъ, то и дѣло вторались зрители, стоявшіе у стѣнъ тремя плотными рядами.

Когда учителю удалось проникнуть въ залу, молодая дѣушка, стоявшая въ парѣ во время кадрили, съ легкостью имфы неожиданно бросилась въ сторону и спряталась въ олпѣ. Хотя мистеръ Фордъ не успѣлъ разсмотрѣть ни ея ица, ни фигуры, но по одному порывистому быстрому двиенію онъ узналъ въ ней Кресси. Учитель не безъ смущенія очувствовалъ въ ту же минуту, что она видѣла его и что онъ, неизвѣстно почему, былъ причиной ея внезапнаго исчезовенія. Но это продолжалось недолго. Пока мистеръ Фордъ азсѣянно осматривался вокругъ, Кресси опять появилась и гала рядомъ со своимъ изумленнымъ кавалеромъ, тѣмъ самымъ обворожительнымъ незнакомцемъ, который внушилъ такой благоговѣйный восторгъ Джонни Фильджи и горькую зависть Руперту. Дочь Гирама Кинстри была блѣдна; учитель икогда еще не видалъ ея такой очаровательной. Все, что ему азалось въ ней пошлымъ и неумѣстнымъ, отступало на задній планъ передъ ея красотой въ этотъ моментъ, при этомъ освѣщеніи, въ атмосферѣ этого страннаго сборища. Ея длинное латье изъ розоваго газа было такъ дѣвически просто, прекрасныя бѣлыя плечи выступали изъ пышнаго корсажа, точно зъ облака, разрумяненнаго лучами вечерней зари; юношеская гибкость членовъ и торса придавали Кресси отпечаокъ благородства и благовоспитанности. Отсутствіе румянца а ея обыкновенно свѣжемъ лицѣ замѣнялось какимъ-то внуреннимъ свѣтомъ, освѣщавшимъ милыя черты. Учитель не огъ оторвать отъ нея глазъ, не могъ повѣрить тому, что идѣлъ передъ собою. А между тѣмъ это, дѣйствительно, была ресси Макъ-Кинстри, его ученица! Неужели онъ зналъ ее аньше? Да и теперь знакома ли она ему? Не удивительно, то всѣ взгляды были устремлены на эту дѣвушку, и вокругъ орда слышался сдержанный шопотъ восхищенія, смѣнявшійся ще болѣе краснорѣчивымъ молчаніемъ очарованной толпы. Молодой человѣкъ торопливо оглянулся на присутствующихъ и почувствовалъ странную неловкость, замѣтивъ, какой фуоръ производила Кресси.

Она танцовала съ тою же сдержанностью и серьезнымъ авнодушіемъ, которыя такъ сильно подѣйствовали на него во

время ихъ перваго столкновенія. Она даже не смотрѣла въ его сторону, но онъ отлично видѣлъ, что Кресси знаетъ о его присутствіи въ залѣ. Ему хотѣлось встрѣтиться съ ней глазами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся этого, какъ будто при одномъ взглядѣ дивная иллюзія могла моментально разсѣяться или получить роковую силу неодолимыхъ чаръ. Онъ заставилъ себя по окончаніи танца уйти прочь, отчасти съ цѣлью избѣжать встрѣчи съ нѣкоторыми знакомыми дамами, появившимися по близости, которыхъ изъ вѣжливости ему пришлось бы пригласить танцовать, отчасти же изъ желанія собраться съ мыслями. Мистеръ Фордъ рѣшилъ обойти всѣ комнаты и преспокойно вернуться домой. Лица, узнавшія школьнаго учителя, давали ему дорогу съ пассивнымъ любопытствомъ; болѣе пожилые привѣтливо раскланивались съ нимъ, какъ съ равнымъ, что окончательно взбѣсило его. Одну минуту Форду непремѣнно захотѣлось найти миссисъ Триппъ и ангажировать ее, чтобъ она могла убѣдиться, какой онъ ловкій танцоръ.

Онъ обошелъ почти всю комнату, какъ вдругъ его застигли врасплохъ первые такты вальса. Вальсъ не былъ особенно распространенъ въ Индіэнъ-Спрингѣ. Солидная часть населенія, усердно посѣщавшая церковь, сомнѣвалась, чтобы скачки царя Давида передъ ковчегомъ оправдывали „легкіе танцы", тогда какъ мѣстная молодежь не научилась пока справляться съ ихъ трудностями. Поддавшись снова искушенію взглянуть на танцующихъ, Фордъ замѣтилъ, что только три-четыре пары отважились пуститься вальсировать. Въ числѣ ихъ была и Кресси Макъ-Кинстри со своимъ прежнимъ кавалеромъ. При настоящемъ экзальтированномъ состояніи духа, учитель нисколько не удивился, что она вальсируетъ довольно хорошо, вѣроятно научившись этому искусству въ свою послѣднюю поѣздку въ Сакраменто. Дѣвушка танцовала подъ тактъ, и ея движенія были полны спокойной граціи. Однако ея кавалеръ далеко уступалъ ей въ ловкости, такъ что послѣ нѣсколькихъ оборотовъ она остановилась и съ улыбкой освободила свою талію отъ руки танцора. Подавшись назадъ, Кресси инстинктивно повернула именно въ ту сторону, гдѣ стоялъ учитель, и послала ему взглядъ мимо сотни лицъ, восторженно смотрѣвшихъ на нее. Ихъ глаза встрѣтились безъ помѣхи; точно *молодые* люди были совершенно одни. Ихъ влекло другъ къ

другу неодолимой силой, и это влеченіе было тѣмъ опаснѣе, что не выражалось ничѣмъ опредѣленнымъ; то былъ союзъ сердецъ, безъ предварительныхъ обѣтовъ, даже безъ намѣренія; любовь, которая не требовала прелюдій.

Фордъ приблизился къ Кресси спокойнѣе и хладнокровнѣе, чѣмъ ожидалъ отъ себя.

— Позвольте мнѣ попытаться сдѣлать съ вами туръ? — произнесъ онъ.

Она взглянула ему въ лицо и замѣтила такимъ тономъ, какъ будто не слыхала его вопроса, а слѣдила за ходомъ собственныхъ мыслей:

— Я знала, что вы придете; я видѣла васъ, когда вы только что вошли.

И, не сказавъ ни слова болѣе, дѣвушка положила свою руку въ его руку; все ея существо стремилось къ нему. Выставивъ стройную ножку, она тотчасъ попала въ темпъ вальса, и черезъ секунду большая зала съ толпою зрителей стала уплывать ритмическимъ вращательнымъ движеніемъ куда-то вдаль передъ глазами танцующей пары. Все это произошло такъ быстро,—съ того момента какъ учитель приблизился къ ученицѣ, до перваго граціознаго взмаха ея легкаго платья, когда они закружились подъ музыку,—что этотъ вальсъ показался Форду объятіями влюбленныхъ при встрѣчѣ. Ему случалось быть и раньше также близко къ ней; онъ стоялъ возлѣ ея скамейки въ классѣ и даже наклонялся надъ ея работой, но всегда съ инстинктивной сдержанностью, которая дѣйствовала и на Кресси, и теперь онъ хорошо понималъ это чувство. Въ настоящую минуту, когда ея оживленное, но блѣдное личико почти касалось его лица, когда онъ чувствовалъ тонкій ароматъ ея волосъ и она, на половину томно, на половину сдержанно, опиралась рукою на его плечо, все перемѣнилось. Молодой человѣкъ не смѣлъ сознаться себѣ, что съ этихъ поръ онъ не будетъ въ состояніи равнодушно приблизиться къ Кресси. Онъ не смѣлъ ни о чемъ думать, поддаваясь обаянію, охватившему его съ той минуты, когда онъ нашелъ въ уединеніи классной комнаты букетикъ мирты, перевязанный волосами дѣвушки, и почувствовалъ, будто бы она сама бросается ему въ объятія. Они кружились такъ ритмически-*размѣренно подъ* быстрый темпъ вальса, что почти не

замѣчали своего движенія. Одну минуту, когда юная пара приблизилась въ своемъ плавномъ полетѣ къ открытому окну, передъ Джекомъ Фордомъ мелькнулъ полный мѣсяцъ, всходившій надъ величавыми возвышенностями противоположнаго берега, и онъ почувствовалъ у себя на щекѣ пріятную прохладу, вѣявшую съ горныхъ высотъ и рѣки, между тѣмъ какъ тонкія пряди волосъ Кресси Макъ-Кинстри слегка скользили въ вихрѣ вальса по его лицу, перемѣшиваясь съ его собственными кудрями. Картина лѣтней ночи и это сладкое ощущеніе заставили учителя забыть вульгарность и пестроту обстановки „общедоступнаго бала“; оплывшія свѣчи въ жалкихъ канделябрахъ, странныя фигуры гостей, пошлыя лица—все это какъ будто вертѣлось вокругъ него, отступая дальше и дальше. Фордъ и Кресси были одни, наединѣ съ природой, отдыхавшей въ ночной тиши; они точно стояли на мѣстѣ, а все остальное кружилось, стушевываясь въ туманной дали суровой дѣйствительности, чуждой имъ обоимъ.

Лейтесь еще и еще, тающіе звуки страусовскаго вальса! Кружитесь, въ плавномъ танцѣ, юность и любовь! Какъ бы ни былъ смѣлъ вашъ полетъ, окружающій міръ скоро-скоро вернется къ вамъ обратно, обступитъ васъ со всѣхъ сторонъ и парализуетъ ваши движенія. Наигрывай быстрѣе, надтреснутый кларнетъ! Громче, громче, беззастѣнчивый фаготъ! Отступи дальше все суровое земное, пока учитель и ученица блаженствуютъ въ области радужныхъ, несбыточныхъ сновъ! Имъ кажется, будто бы они теперь одни на берегу рѣки; полная луна свѣтитъ надъ ними, а ихъ колеблющіяся тѣни отражаются въ волнахъ. Ихъ объятія становятся все тѣснѣе; рука дѣвушки обнимаетъ шею Форда; ея глаза блестятъ, заглядывая въ его глаза; они все ближе, ближе другъ къ другу и вотъ наконецъ, при сладкомъ замираніи сердца, ихъ губы сливаются въ первый поцѣлуй. Скользи быстрѣй, стройная ножка! Летай свѣтлымъ облачкомъ розовое газовое платье, заставляя разступаться толпу!.. Вотъ они опять одни; судейская эстрада, съ гербомъ штата Калифорніи надъ нею, мелькая въ безумномъ вихрѣ передъ глазами, обратилась въ алтарь, смутно видимый сквозь дымку подвѣнечнаго вуаля на свѣтлыхъ волосахъ Кресси. Слышится невнятный говоръ, соединяющій двѣ *жизни воедино*. Теперь новобрачные выходятъ изъ храма, по-

игаясь гордою поступью между двумя рядами свадебныхъ стей. Но, ахъ! кружокъ зрителей становится тѣснѣе. Что-л раздвинуть его опять, еще одинъ быстрый туръ летучаго зоваго платьица, воздушной ножки! Нѣтъ, поздно! Музыка олкаетъ. Пестрыя стѣны залы опять смыкаются вокругъ ресси и Форда. Волшебный міръ грёзъ стушевался; со всѣхъ оронъ ихъ обступила прежняя вульгарная толпа, и они оба оятъ, блѣдные, спокойные, въ центрѣ сотни любопытныхъ ицъ, восхищенныхъ, испуганныхъ или негодующихъ. Всѣ вольно притаили дыханіе. Руки дѣвушки безсильно падаютъ, чно усталыя крылья. Упоительный вальсъ конченъ.

Хоръ женскихъ голосовъ осыпаетъ Кресси похвалами; тамъ симъ въ немъ раздаются рѣзкія завистливыя нотки; около ожины беззастѣнчивыхъ кавалеровъ, прельщенныхъ граціей красотою дочери Гирама, приглашаютъ ее на слѣдующій альсъ. Она отвѣчаетъ не имъ, а Форду: „Я не стану больше анцовать“ и вмѣшивается въ толпу съ несвойственной ей режде застѣнчивостью, которая, изо всѣхъ неожиданныхъ ревращеній этого удивительнаго существа, кажется самымъ ларовательнымъ. Хотя Кресси и учитель отлично сознаютъ зою взаимную любовь, однако удаляются другъ отъ друга, акъ будто новое близкое свиданіе было уже дѣломъ рѣше-ымъ между ними. Нѣкоторые изъ знакомыхъ хвалятъ лов-ость мистера Форда. Предметъ поклоненія Джонни съ любо-ытствомъ смотритъ ему вслѣдъ; кое-кто изъ пожилыхъ людей метъ учителю руку, впрочемъ не безъ тайнаго смущенія, точно акое легкомысленное занятіе, какъ танцы, несовмѣстимо съ рофессіей преподавателя. Онъ замѣчаетъ смутное недоволь-тво знакомыхъ и говоритъ, смѣясь, что позволилъ себѣ этотъ альсъ, какъ единственное отступленіе отъ принятыхъ пра-илъ. Только одинъ человѣкъ смотрѣлъ на него изъ толпы съ нескрываемой ненавистью и злобой: то былъ Сэтъ Девисъ. Мистеръ Фордъ не видалъ его, съ тѣхъ поръ какъ юношу исключили изъ школы; онъ даже забылъ о его существованіи и теперь ему пришло въ голову, что покинутый женихъ рев-нуетъ Кресси къ Джо Мастерсу. Учитель съ любопытствомъ оглядѣлся кругомъ, ожидая увидать молодую дѣвушку рядомъ со своимъ новымъ обожателемъ. Только дойдя до дверей, онъ *сообразилъ, что ненависть* Сэта относится къ нему, и эта до-

гадка вызвала въ немъ необъяснимый порывъ негодованія. „Почему бы глупцу Девису не ревновать Кресси къ Мастерсу, такъ явно компрометирующему ее“? подумалъ Фордъ. Онъ повернулъ обратно, въ тайной надеждѣ провѣрить свои предположенія, но Сэтъ исчезъ. Вмѣсто него учитель наткнулся на дядю Бена и Гирама Макъ-Кинстри, стоявшихъ у порога въ числѣ прочихъ зрителей. Пожалуй, Добней также ревнуетъ, а отецъ Кресси находитъ его поведеніе неприличнымъ, какъ и другіе? Однако оба они единодушно осыпали Форда похвалами, не смотря на то, что богатый владѣлецъ фермы обыкновенно относился къ рудокопу съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, въ сущности вовсе незаслуженнымъ.

— Когда я увидѣлъ, что вы собираетесь танцовать, — глубокомысленно и по обыкновенію несвязно началъ дядя Бенъ,—я сейчасъ сказалъ: „Ну, ребята, смотрите въ оба и вы увидите, что̀ значатъ хорошія манеры“. Вотъ вы и пустились кружиться, а я и говорю опять: „вотъ это настоящая французская выдержка самаго высшаго тона, отъ самыхъ отличныхъ учителей... и изъ самыхъ хорошихъ книжекъ“. „А почему“? спрашиваю ихъ. „Потому что г-нъ учитель танцуетъ, какъ пишетъ: ровно, гладко—нигдѣ ни сучка, ни задоринки! Ишь какіе росчерки выдѣлываетъ онъ ногами. Также точно и стихи онъ читаетъ отлично. Вотъ, смотрите, что̀ значитъ хорошее-то воспитаніе“!

— Мистеръ Фордъ!—серьезно замѣтилъ въ свою очередь Макъ-Кинстри, размахивая лайковой перчаткой цвѣта лаванды, напяленной имъ съ цѣлью скрыть свою изуродованную руку съ отстрѣленнымъ пальцемъ, а также по случаю высокоторжественнаго дня,—я долженъ благодарить васъ за то, что вы выручили мою дочурку: она великолѣпно протанцовала подъ вашимъ руководствомъ. Самъ я не танцую, въ особенности такихъ танцевъ, которые мнѣ кажутся чѣмъ-то въ родѣ прыжковъ и лошадинаго галопа, да и мало вижу танцующихъ со своими хлопотами на промыслѣ, но когда я увидалъ, какъ вы оба принялись отплясывать, мнѣ до того сдѣлалось хорошо, что, кажется, еще никогда у меня не было на душѣ такъ спокойно.

Кровь бросилась въ лицо учителю отъ стыда за свою *сознательную вину*.

— Помилуйте,—уклончиво пробормоталъ онъ,—ваша дочь сама превосходно танцуетъ. Сейчасъ видно, что у нея была практика.

— Это само по себѣ, — возразилъ Макъ-Кинстри, кладя руку въ перчаткѣ на плечо Форда, причемъ пустой лайковый мизинецъ уморительно загнулся назадъ, — но мнѣ хотѣлось васъ поблагодарить за то, что вы такъ просто, мило, по родственному обошлись съ моей Кресси; вотъ это именно и тронуло меня. Къ концу вальса вы почти подняли ее на воздухъ, а она опустила голову къ вамъ на плечо, будто собиралась заснуть; тутъ я живо припомнилъ, какъ моя дочь была еще малюткой, а я няньчилъ ее на рукахъ и укачивалъ, идя за нашей переселенческой повозкой по берегу Ла-Платы. Мнѣ просто стало досадно, что моя старуха не могла видѣть этой картины.

По прежнему пылая румянцемъ смущенія, учитель украдкой взглянулъ на багровое бородатое лицо Гирама, но въ его флегматичныхъ чертахъ выражалось одно удовольствіе и не было ни слѣда ироніи, которой опасался Джекъ Фордъ, чувствуя себя виноватымъ.

— Такъ вашей супруги здѣсь нѣтъ? — отрывисто произнесъ онъ.

— Она отправилась въ церковь, въ надеждѣ, что я приляжу за Кресси. У нея теперь, такъ сказать, не то на умѣ... не пройтись ли намъ съ вами немножко? Мнѣ надо кое-что вамъ сообщить.

Съ этими словами, онъ продѣлъ свою искалѣченную руку подъ руку молодаго человѣка, какъ дѣлывалъ прежде, и отвелъ его въ сторону,

— Вы видѣли здѣсь Сэта Девиса?

— Кажется, видѣлъ съ минуту назадъ,—отвѣчалъ Фордъ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

— А не сдѣлалъ онъ вамъ никакой непріятности?

— Разумѣется, нѣтъ,—надменно возразилъ учитель.—Развѣ онъ смѣетъ позволить себѣ что нибудь подобное?

— Ну, конечно,—задумчиво продолжалъ Макъ-Кинстри,—однако вамъ лучше не связываться съ нимъ, помните мои слова. Предоставьте мнѣ раздѣлаться съ нимъ или съ его *отцомъ, что одно и то же.* Не вмѣшивайтесь сами въ мою

ссору съ Девисами. Это будетъ совершенно некстати. Ужь и то у меня лежитъ на душѣ ваша неосторожность: помните, когда вы принесли мнѣ ружье на границу владѣній Гаррисоновъ? Старухѣ не слѣдовало поручать этого ни вамъ, ни Кресси. Послушайтесь меня, мистеръ Фордъ: я стану между вами и Девисами, пока перемелется все, что было раньше. Совѣтую вамъ однако поздороваться съ Сэтомъ, если вы встрѣтитесь опять.

— Премного вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Фордъ, ни съ того, ни съ сего потерявшій хладнокровіе,—но я считаю лишнимъ измѣнять свои привычки для какого-то молокососа, который былъ выключенъ мной изъ училища!

Щоки учителя снова запылали въ припадкѣ глупаго мальчишескаго гнѣва.

Макъ-Кинстри смотрѣлъ на него своими тусклыми, красными, сонными глазами.

— Эй, мистеръ Фордъ, не теряйте своей лучшей опоры, своего спокойствія. Оставайтесь такимъ же тихимъ, какъ были прежде, тогда вы хорошо обживетесь въ Индіэнъ-Спрингѣ. Я ужь такой и есть завзятый буянъ, —продолжалъ отецъ Кресси, понизивъ голосъ и говоря съ увлеченіемъ:—одной стычкой больше или меньше для меня ничего не значитъ, а вы не должны затѣвать ссоръ.

Онъ замолчалъ, отступилъ шагъ назадъ и, глядя на учителя въ упоръ, показалъ на него движеніемъ руки вдоль всего корпуса, какъ будто на немъ были какія нибудь, присвоенныя ему лично, регаліи, послѣ чего многозначительно прибавилъ:

— Хладнокровіе идетъ къ вамъ больше всего!

Тутъ Гирамъ кивнулъ головой и прошелъ опять въ большую залу. Чувствуя себя несовсѣмъ ловко, мистеръ Фордъ проголкался по лѣстницѣ, запруженной народомъ, и вышелъ на улицу. Его неосновательный гнѣвъ и не менѣе странныя угрызенія совѣсти въ присутствіи Макъ-Кинстри, казалось, испарились подъ обаяніемъ теплой ясной ночи. Передъ нимъ разстилался берегъ и волнистая поверхность рѣки, серебрившаяся при свѣтѣ луны сквозь дымку тумана, какъ они с *Кресси видѣли* ее изъ окна во время вальса. Учитель даже *обернулся къ освѣщенному* зданію, точно ожидая, не выгля-

нетъ ли оттуда милая дѣвушка. Этого, конечно, не случилось, однако его утѣшила мысль о завтрашнемъ свиданіи въ школѣ. Безумная радость волновала сердце учителя; торопливо отогнавъ отъ себя всѣ доводы, подсказанные осторожностью, всякую заботу о будущемъ и провѣрку собственнаго поведенія, онъ направился домой въ самомъ упоительномъ экстазѣ. Руперть Фильджи, позабытый имъ теперь и спокойно спавшій рядомъ съ маленькимъ братишкой, ушелъ изъ отеля Эврика послѣ поцѣлуя миссисъ Триппъ, пожалуй, въ менѣе восторженномъ и опасномъ настроеніи, чѣмъ его солидный наставникъ съ „общедоступнаго бала“.

Вернувшись въ гостинницу, онъ немало удивился, что было всего одиннадцать часовъ. Въ домѣ не оказалось ни души, кромѣ буфетчика и горничной; они любезничали между собою и встрѣтили жильца съ большимъ удивленіемъ. Молодой человѣкъ пожалѣлъ о сдѣланной глупости: онъ могъ преспокойно остаться на балу, потанцовать съ миссисъ Триппъ или хотя посмотрѣть подольше на танцующихъ. Пробормотавъ въ оправданіе, будто бы ему нужно приготовить письма къ утренней почтѣ, жилецъ взялъ свѣчу и тихонько поднялся по лѣстницѣ. У себя въ комнатѣ онъ оглядѣлся кругомъ съ какимъ-то непонятнымъ недоумѣніемъ, точно все здѣсь было ему чуждо. Бѣдный юноша пережилъ такъ много въ теченіе двухъ часовъ и даже находилъ какой-то аномаліей, что окружающіе предметы остались въ прежнемъ видѣ. Вотъ его письменный столъ, книги, постель; на креслѣ валяется обгрызокъ пряника, выпавшій изъ кармана Джонни... Еслибъ его любовь къ Кресси успѣла развиться, онъ умѣлъ бы населять мыслью о ней каждый уголокъ, но теперь любимой дѣвушкѣ пока еще не было мѣста въ этихъ стѣнахъ. Онъ почти не могъ думать о ней здѣсь, а между тѣмъ ему *необходимо* обдумать случившееся, хотя бы даже для этого пришлось уйти куда нибудь. У него вдругъ явился капризъ бродить по улицамъ до тѣхъ поръ, пока не отрезвится отъ опасныхъ грёзъ; однако, при всемъ своемъ безуміи, учитель понялъ нелѣпую сантиментальность такой затѣи, достойной развѣ лунатика. Но вотъ что: не пойти ли въ школу? Дѣйствительно, прогулка туда освѣжитъ его; ночь такъ прекрасна, и онъ, по *крайней мѣрѣ*, принесетъ домой миртовый букетикъ, за-

пертый въ ящикѣ учительской каѳедры. Теперь эти цвѣты имѣютъ слишкомъ много значенія, чтобъ оставлять ихъ тамъ, еслибъ даже они и не были ему особенно дороги. Пожалуй, онъ недостаточно внимательно разглядѣлъ ихъ и то мѣсто, гдѣ они лежали; можетъ быть, тамъ было еще что нибудь: эмблематическій знакъ, слово или намекъ, которыхъ онъ могъ не замѣтить. Эта мысль заставляла его вздрагивать даже тогда, когда онъ спокойно доказывалъ себѣ, что въ данномъ случаѣ имъ руководитъ одна благоразумная осторожность. Въ воздухѣ было теплѣе и тише обыкновеннаго, хотя сухія ясныя ночи безъ росы представляютъ отличительную черту мѣстнаго климата. Трава еще не остыла послѣ дневнаго зноя, и въ сосновомъ лѣсу, окружавшемъ училище, почти не чувствовалось ночной прохлады. Мѣсяцъ, высоко стоявшій на небѣ, бросалъ таинственный свѣтъ въ тѣнистыя аллеи, гдѣ такъ хорошо мечталось среди торжественнаго безмолвія. Скоро наступитъ и завтрашній день, а тогда Форду будетъ не трудно увести Кресси подъ сѣнь зеленыхъ вѣтвей, чтобы наговориться съ ней до-сыта. Онъ не спрашивалъ себя, о чемъ они будутъ говорить и зачѣмъ пойдутъ искать уединенія. Ему не приходило въ голову, что онъ прочиталъ нѣмые обѣты любви только въ глазахъ Кресси, въ ея довѣрчивомъ отношеніи къ нему, въ краснорѣчивомъ молчаніи и въ тѣхъ брошенныхъ вскользь словахъ, когда она замѣтила на балу, что поджидала его. Онъ не думалъ, что все это не вязалось съ прежнимъ поведеніемъ Кресси, ея характеромъ и привычками. Самая непослѣдовательность дѣвушки очаровывала его и подтверждала радужныя надежды краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ. Человѣку свойственно увлекаться такими капризами страсти. Мы можемъ усомниться въ дѣйствительности любви другаго человѣка въ первую минуту, но едва она сообщится намъ, мы готовы слѣпо вѣрить ей.

Мистеръ Фордъ подошелъ къ училищу и, отворивъ дверь ключемъ, заперъ ее опять, не изъ боязни чьего нибудь непрошеннаго прихода, а въ защиту отъ вторженія летучихъ мышей и векшъ. Мѣсяцъ, близкій къ зениту, ярко освѣщалъ площадку, служившую для дѣтскихъ игръ, и просѣки между деревьями, но въ классной комнатѣ было темно; она освѣщалась только отблескомъ на потолкѣ отъ бѣлаго песку, покры-

завшаго прогалину. Частью изъ предосторожности, частью потому, что онъ слишкомъ хорошо зналъ расположеніе учебныхъ скамеекъ, учитель не зажегъ свѣчи, а добрался въ потемкахъ до каѳедры, пододвинулъ себѣ стулъ, открылъ ящикъ и отыскалъ въ немъ ощупью миртовый букетикъ. Прикосновеніе къ шелковистымъ волосамъ, которыми были перевязаны стебельки, вызвало въ немъ опять сладкое содроганіе. Подъ прикрытіемъ темноты, мистеръ Фордъ поднесъ къ губамъ символическій даръ.

Чтобы опростать въ грудномъ карманѣ мѣсто для цвѣтовъ Кресси, ему пришлось вынуть оттуда старыя письма и въ числѣ ихъ то самое, стертое и помятое, которое онъ старался прочесть въ тотъ день послѣ обѣда. Небрежно бросивъ его въ пустой ящикъ, молодой человѣкъ съ удовольствіемъ, но также не безъ упрековъ совѣсти, почувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ листкомъ бумаги многое отошло въ область прошлаго. Письмо упало, слабо стукнувшись о дерево въ пустомъ пространствѣ ящика, точно это былъ прахъ, возвращавшійся въ прахъ.

Но вдругъ мистеръ Фордъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

На прогалинѣ раздались шаги по песку, сдержанный смѣхъ; двѣ или три тѣни мелькнули на потолкѣ комнаты; наконецъ, послышались голоса: мужской, дѣтскій и голосъ Кресси. Возможно ли это? Не ошибся ли онъ? Нѣтъ! Мужской голосъ принадлежалъ Мастерсу, дѣтскій—Октавіи, а женскій—ей! Учитель притаился въ тѣни. Училище стояло невдалекѣ отъ проселочной дороги, по которой Кресси приходилось возвращаться съ бала домой. Но зачѣмъ она свернула сюда? Неужели кто нибудь выслѣдилъ его или видѣлъ случайно по дорогѣ въ школу? Однако онъ убѣдился въ противномъ, услыхавъ слова Кресси и замѣтивъ, что незапертая на задвижку рама окна была поднята къ верху чьей-то рукою.

— Ну, вотъ и ладно! Теперь можете отойти подальше.— Тавъ (уменьшительное имя Октавіи), отведи его вонъ къ тому забору и не пускай, покуда я вернусь обратно. Мнѣ не нужно, вѣрь, ничьей помощи. Я и раньше дѣлывала это. Мнѣ не впервой... Не такъ ли, Октавія, вѣдь я ужь лазила въ это окно?

Сердце учителя замерло отъ волненія. Раздался смѣхъ; голоса удалялись; потомъ въ окнѣ сдѣлалось темно, мелькнулъ подолъ свѣтлаго платья, тонкая щиколодка стройной ножки, и Кресси Макъ-Кинстри очутилась на подоконникѣ, а потомъ легко спрыгнула на полъ. Она быстро приблизилась къ освѣщенному луною проходу между скамейками и вдругъ приросла къ мѣсту. Въ ту же минуту учитель подался впередъ, дѣлая знакъ рукою, чтобъ она не крикнула отъ испуга. Но онъ не зналъ крѣпости нервъ молодой дѣвушки, стоявшей передъ нимъ. Она и не думала кричать. Фордъ разсмотрѣлъ въ полутьмѣ, что у нея было то же привѣтливое и слегка лукавое выраженіе въ чертахъ, какъ и въ бальной залѣ. Губы Кресси слегка раскрылись отъ радостнаго изумленія. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ; ихъ руки встрѣтились; она выразительно пожала его руку и опять отскочила къ окну.

— Эй, Тэвъ!—томно крикнула дѣвушка, подзывая маленькую пріятельницу.

— Ну, что тамъ?

— Ступайте вы лучше оба на край дороги, да смотрите, чтобъ кто нибудь не забрелъ сюда некстати. Слышишь? За меня не бойтесь. Я приду къ вамъ сейчасъ.

Кресси стояла съ поднятой рукой, пока двѣ фигуры удалялись по направленію къ ближнему проселку. Потомъ она обернулась къ Форду, подходившему къ ней; лучи мѣсяца отражались въ ея блестящихъ глазахъ, а на лицѣ было напряженное ожиданіе. Множество вопросовъ просилось на языкъ учителя; множество готовыхъ отвѣтовъ было на губахъ Кресси. Но молодые люди не произнесли ни слова; опустивъ вѣки съ пушистыми рѣсницами, дѣвушка подалась впередъ,—и попала въ объятія Форда. Онъ осыпалъ ее поцѣлуями. Кресси опомилась первая; сжавъ ладонями щоки юноши, она повернула къ свѣту его лицо, а сама осталась въ тѣни.

— Послушайте,—раздался ея страстный шопотъ,—эти двое воображаютъ, что я пришла за одной вещью, забытой въ моемъ столѣ. Имъ обоимъ показалось ужасно забавнымъ прійти сюда со мною въ полночь. Но мнѣ нужно было отыскать коечто не въ своемъ ящикѣ, а въ вашемъ.

— Пожалуй, вотъ это? — прошепталъ онъ чуть слышно, *вынимая* изъ груднаго кармана миртовый букетикъ.

Кресси съ легкимъ возгласомъ схватила цвѣты и поднесла къ сначала къ своимъ, потомъ къ его губамъ. Затѣмъ, ять взявъ его щоки въ свои мягкія ладони, она повернула орда къ окну и сказала:

— Смотрите на нихъ, а не на меня!

Онъ повиновался, слѣдя глазами за двумя фигурами, тихо родившими по дорогѣ. Крѣпко прижимая къ себѣ Кресси, ноша считалъ грѣхомъ задать ей вопросъ, просившійся у его на языкъ.

— Это еще не все,—продолжала она, то приближая, то тдаляя его лицо отъ своихъ губъ, какъ будто хотѣла вдох-уть въ Джека свою душу. — Когда мы подошли къ лѣсу, я почувствовала, что вы непремѣнно тутъ.

— И зная это, вы привели съ собой его?—спросилъ Джекъ, отступая назадъ.

— Ну, такъ что же?—небрежно замѣтила она. — Еслибъ даже Мастерсъ увидалъ васъ, я съумѣла бы такъ устроить, чтобы вы проводили меня домой.

— Неужели вы думаете, что это хорошо? Какъ еще ему понравится вашъ поступокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—насмѣшливо произнесла дѣвушка.

— Кресси,—началъ серьезнымъ тономъ молодой человѣкъ, пытливо заглядывая ей въ лицо, остававшееся въ тѣни.— Дали ли вы ему право вмѣшиваться въ ваши дѣла? Конечно, вы меня понимаете?

Она задумалась.

— Не хотите ли, я его позову?—спокойно спросила наконецъ она, однако безъ малѣйшей насмѣшливости или кокетства.—Войти ли ему сюда, или мы выйдемъ къ нему? Я скажу, что столкнулась съ вами нечаянно, при выходѣ изъ училища.

Что оставалось отвѣчать Джеку Форду?

— Кресси,—отрывисто промолвилъ онъ,—любите ли вы меня?

Еслибы это была правда, подобный вопросъ звучалъ бы нелѣпостью со стороны человѣка, державшаго ее въ объятіяхъ; въ противномъ случаѣ, онъ былъ дерзокъ.

— Мнѣ кажется, я полюбила васъ съ первой встрѣчи,— тихо прошептала Кресси. — Вотъ почему я сдѣлалась невѣстой Девиса,—*наивно прибавила* она.—Я знала, что любимо

васъ, и думала о васъ одномъ, когда была въ Сакраме
я вернулась обратно, потому что любила васъ. Я любила і
и въ тотъ день, когда вы приходили къ моей „ма“, і
мнѣ казалось тогда, что вы собираетесь нажаловаться ей
меня изъ-за Мастерса и не желаете, чтобъ я опять посѣп
школу.

— А вы не спрашиваете, люблю ли я васъ?

— Да вѣдь вы любите меня и не можете не любить, і
бы и не хотѣли этого,— самоувѣренно отвѣчала дѣвушка.

Что было ему сказать на такой аргументъ? Съ полн
отсутствіемъ здравой логики, онъ только крѣпче обнялъ
легкій ознобъ пробѣжалъ у него по тѣлу, точно въ око
потянуло предразсвѣтнымъ холодкомъ. Она, пожалуй, по
ствовала то же самое, потому что сказала:

— Ну, поцѣлуйте меня еще разокъ и я уйду.

— Но намъ необходимо подольше поговорить между
бою, моя голубка... когда... когда... никого не будетъ по б
зости.

— Вы знаете ригу на краю нашего участка? — спрос
она.

— Знаю.

— Я часто прихожу туда съ книгами по вечерамъ... М
хотѣлось... мнѣ все хотѣлось... быть поближе къ вамъ.
„па“ распорядился, чтобъ меня никто не смѣлъ тамъ бе
коить. Приходите туда завтра передъ самымъ закатомъ сол

Тутъ послѣдовали продолжительныя объятія, во время
торыхъ они какъ будто сказали все, что хотѣли и не мо
высказать своими дрожащими, воспаленными губами. Пот
влюбленные разстались. Онъ тихо отворилъ передъ нею дв
Она схватила мимоходомъ первую попавшуюся книгу и
скользнула на крыльцо, мелькнувъ, какъ розовая тѣнь, въ
чахъ блѣднѣющаго мѣсяца. Минуту спустя, раздался ея ти
голосъ, окликавшій товарищей, и въ немъ не было замѣ
ни малѣйшихъ слѣдовъ волненія.

VII.

Разговоръ между дядей Беномъ и пріѣзжимъ незнак
цемъ, подслушанный Джонни Фильджи, но не понятый

ребяческимъ разумомъ, имѣлъ довольно большое значеніе для взрослыхъ обитателей Индіэнъ-Спринга. Самый городъ,—какъ большинство поселеній внутри страны,—былъ сначала лагеремъ золотопромышленниковъ, почему его основатели и позднѣйшіе пришельцы владѣли землею въ силу закона о золотыхъ пріискахъ и такимъ образомъ являлись самыми первыми, коренными собственниками различныхъ надѣловъ. Но хотя ихъ право на полученные участки оставалось дѣйствительнымъ и послѣ того, какъ они бросали свой первоначальный промыселъ, строя рядомъ съ покинутыми пріисками лавки, конторы, гостинницы, жилые дома, однако предмѣстья и загородные участки были заняты поселенцами, какъ общественное достояніе, гдѣ позволялось селиться всѣмъ желающимъ. Немногіе изъ этихъ „скваттеровъ“ позаботились выхлопотать себѣ документы на право пользованія своимъ участкомъ; большинство обходилось безъ этого, рискуя только подвергнуться нашествію дерзкихъ искателей приключеній, которые безнаказанно захватывали у нихъ владѣнія тамъ, гдѣ земля не была обнесена заборомъ или не защищалась вооруженной силой. Нѣтъ ничего удивительнаго, если городокъ былъ взволнованъ извѣстіемъ объ уступкѣ правительствомъ одному мексиканскому товариществу участка земли въ три квадратныхъ лига [1]), что составляло протяженіе всего округа. Само собою разумѣется, что земли, занятыя городомъ на основаніи законовъ о золотыхъ пріискахъ, не подлежали отчужденію, но смежные съ Индіэнъ-Спрингомъ участки позднѣйшихъ поселенцевъ,—какъ Девиса, Мастерса, Макъ-Кинстри, Фильджи, и узурпаторовъ чужой собственности, какъ Гарриссоны,—должны были отойти отъ прежнихъ владѣльцевъ, которымъ приходилось теперь или выкупать ихъ, или заводить разорительный безконечный процессъ. Новые владѣльцы — крупные капиталисты Санъ-Франциско—предлагали теперешнимъ собственникамъ войти съ ними въ сдѣлку, и выгодами этой сдѣлки предстояло воспользоваться также безсовѣстнымъ людямъ, захватившимъ нахрапомъ чужое добро. Такимъ образомъ тотъ, кто не сѣялъ, не жалъ, а просто вытѣснилъ сват-

[1]) Лигъ—три географическихъ мили.

тера изъ его владѣній, могъ преспокойно нажиться на чужой счетъ.

При такомъ крупномъ событіи, мнѣнія, конечно, раздѣлились. Коренные жители стояли за прежнее право владѣнія землею, пріобрѣтавшееся безо всякихъ хлопотъ, и относились недовѣрчиво къ новымъ правамъ, сомнѣваясь, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ справедливости послѣднихъ; между тѣмъ позднѣйшіе пришельцы держали сторону прочнаго владѣнія, по документамъ, какъ представляющаго бо́льшую гарантію для капитала и для успѣховъ обработки земли. Вскорѣ образовалась все увеличивавшаяся вліятельная партія восточныхъ жителей и сѣверянъ; они въ сущности были рады новому поводу къ ссорамъ и кровопролитіямъ. Непримиримая вражда между Макъ-Кинстри и Гаррисонами за участокъ, на который ни то, ни другое семейство не имѣло легальныхъ правъ, обѣщала привести ихъ въ столкновеніе съ властями и подвергнуть отвѣтственности за противозаконный захватъ. Съ другой стороны, Макъ-Кинстри и Гаррисонъ могли каждый отъ себя заключить сдѣлку съ новыми владѣльцами, или же уступить имъ „настоящее владѣніе“ за что имъ вздумается. Опасались даже, что сба врага, въ качествѣ людей, не признававшихъ закона, соединятся между собою, съ цѣлью затѣять безконечный процессъ, во время котораго они будутъ безнаказанно пользоваться своей собственностью или вынудятъ для себя выгодную концессію. Но волненіе въ Индіэнъ-Спрингѣ возрасло еще больше, когда стало извѣстно, что часть земли уже продана мексиканцами, что въ этотъ участокъ какъ разъ вошли спорныя владѣнія двухъ враждебныхъ сосѣдей и что новый землевладѣлецъ вскорѣ вступитъ въ свои права. Скептики между городскими жителями даже ликовали по поводу такого сюрприза, поднесеннаго Гаррисону и Макъ-Кинстри, которые были теперь поражены въ самое слабое мѣсто. Никто не зналъ однако, кому пришла такая геніальная мысль, потому что условія о продажѣ совершались отъ имени одного банкира въ Санъ-Франциско. Но читатель, конечно, догадался при описаніи подвиговъ Джонни Фильджи во время торжественнаго праздника въ Индіэнъ-Спрингѣ, что героемъ громкаго событія былъ никто иной, какъ дядя Бенъ. Пускай онъ и объяснитъ собственными словами не только свои намѣр

я, но и средства, которыми онъ достигъ своей цѣли. Однажды черомъ, къ концу урока, рудокопъ и учитель поджидали прида Руперта. Въ послѣднее время, дядя Бенъ, благодаря неомимому прилежанію, сдѣлалъ кое-какіе успѣхи въ ученьѣ. еникъ только что окончилъ, по образцамъ въ учебникѣ, исьмо къ товарополучателю", въ которомъ увѣдомлялъ поѣдняго, что онъ, дядя Бенъ, отправилъ ему морскимъ путемъ центнера слоновой кости, 80 кулей рису и 400 бочекъ свиины изъ Индіэнъ-Спринга. Второе письмо, адресованное къ илостивой государынѣ", содержало въ себѣ прискорбное извѣстіе о „печальной кончинѣ" ея супруга, умершаго отъ елтой лихорадки на Золотомъ берегу. Это сообщеніе было лечено въ самыя вычурныя, удивительныя фразы. Дядя энъ самодовольно пробѣжалъ исписанный имъ листокъ, между имъ какъ учитель съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ а часы.

Рудокопъ поднялъ голову.

— Мнѣ слѣдовало сказать вамъ, что Рупъ не собирался егодня прійти.

— Вотъ какъ! Почему же это?

— Полагаю потому, что я не велѣлъ ему приходить. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ вами наединѣ, мистеръ ордъ, если вы ничего не имѣете противъ этого.

Лицо мистера Форда не выразило особеннаго удовольствія.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ онъ,—только помните, что мнѣ ужно идти сегодня вечеромъ по дѣлу.

— Я не задержу васъ долго,—спокойно отвѣчалъ Бенъ.— Вы еще поспѣете туда къ закату солнца.

Учитель бросилъ бѣглый взглядъ на ученика, и его щоки евольно вспыхнули.

— Почемъ вы знаете, къ какому часу меня ожидаютъ?— овольно рѣзко замѣтилъ онъ.

— Я ничего не знаю,—простодушно возразилъ тотъ,—но ь послѣднее время я нѣсколько дней къ ряду бродилъ вокругъ отеля, въ надеждѣ повидаться съ вами около четырехъяти часовъ, но васъ постоянно не было дома. Тутъ я собразилъ, что вы ежедневно уходите куда-то въ эту пору.

Тонъ его отвѣта отзывался полнѣйшей искренностью;

вѣроятно, дядя Бенъ попалъ учителю не въ бровь, а прямо въ глазъ, единственно по своей феноменальной наивности, и только былъ немного смущенъ предстоящимъ разговоромъ, не замышляя никакого коварства.

— Мнѣ пришло въ голову написать вамъ письмо,—началъ рудокопъ, — знаете, для практики и чтобы сообщить кое-что важное. Я захватилъ его сюда съ собою, но такъ какъ въ немъ много необыкновеннаго, то лучше я прочитаю вслухъ написанное и кстати объясню, что̀ вы найдете непонятнымъ. Согласны?

Учитель кивнулъ головой; дядя Бенъ вытащилъ изъ своего ящика грубый портфель, сдѣланный изъ переплета стараго атласа, и вынулъ оттуда листъ клякс-папира, до того испачканный чернилами, что онъ походилъ по цвѣту и твердости на аспидную доску. Тутъ же лежало нѣсколько листиковъ, вырванныхъ изъ тетради и исписанныхъ рукою Добнея. По первому взгляду, ихъ можно было принять за ноты необычайно трудной музыкальной пьесы, испещренной діэзами и бемолями. Съ гордостью поглядывая на нихъ, рудокопъ вмѣстѣ съ тѣмъ смущался, сомнѣваясь въ своемъ правописаніи, но въ его глазахъ выражалось также робкое довольство литератора-любителя. Проводя по каждой строкѣ указательнымъ пальцемъ, выпачканнымъ чернилами до втораго сустава, онъ медленно прочелъ вслухъ слѣдующее:

„Мистеру Форду, учителю. Дорогой сэръ, письмо ваше отъ 12-го числа получилъ и содержаніе онаго записалъ. (Я не получилъ отъ васъ никакого письма,—замѣтилъ въ скобкахъ дядя Бенъ, — но мнѣ казалось, что я могу помѣстить эти слова вначалѣ, потому что я составлялъ письмо по формѣ, для практики. Остальное все написано ужь прямо отъ себя). Принимая во вниманіе, что я имѣю большія деньги, — продолжалъ читать рудокопъ, водя пальцемъ по бумагѣ, — и въ состояніи пріобрѣсти золотоносный пріискъ и купить землю..."

— Постойте,—прервалъ его мистеръ Фордъ, — лучше бы вы оставили свои письменныя упражненія и прямо приступили къ дѣлу.

— Да вѣдь я и говорю вамъ о дѣлѣ; теперь все это сущая правда. Подождите немножко, вы увидите.—И онъ съ торжествующимъ видомъ опять приступилъ къ чтенію:

„Когда всѣ воображаютъ, будто бы у меня нѣтъ за душой мѣднаго цента, я желаю прежде всего, мистеръ Фордъ, открыть вамъ свою тайну. Здѣсь изложено, какъ было дѣло. По пріѣздѣ въ Индіэнъ-Спрингъ, я поселился на мѣстѣ заброшеннаго пріиска Пальметто, возлѣ кучи отбросовъ. Зная, что разработывать ихъ было бы противъ правилъ и прилично только несчастному китайцу, я скрывалъ ото всѣхъ мою работу; она состояла въ томъ, что я переворачивалъ нѣкоторыя глыбы, отыскивая въ нихъ признаки золотоноснаго песку. При этомъ, мнѣ случилось наткнуться на чистое золото, которое или не попалось на глаза прежнимъ работникамъ, или было нарочно спрятано ими въ землю, потихоньку отъ начальства. Работая въ свободные часы, иногда до солнечнаго восхода, иногда послѣ заката, и въ то же время справляя для виду ежедневную работу на своей землѣ, чтобъ отвести людямъ глаза, я пріобрѣлъ въ два года честнымъ трудомъ пятьдесятъ тысячъ долларовъ и пріобрѣту еще. Однако недовѣрчивый читатель спроситъ, какимъ образомъ въ Индіэнъ-Спрингѣ ничего не узнали объ этомъ и куда я дѣвалъ добытое золото. Мистеръ Фордъ, вотъ вамъ отвѣтъ: два раза въ мѣсяцъ я отвозилъ его верхомъ на лошади въ Ла-Портъ, а оттуда отсылалъ съ экспрессомъ въ банкъ въ Сакраменто, гдѣ его помѣщали на имя Добиньи; а въ Ла-Портѣ ни одна душа не знала, что это моя фамилія. Пріискъ и земля были пріобрѣтены также на это имя, пока все дѣло оставалось въ секретѣ...“

— Постойте минутку, — прервалъ самъ себя рудокопъ, видя, что учитель готовъ возразить въ припадкѣ нетерпѣнія,— я сейчасъ дойду до конца.

И, понизивъ голосъ до взволнованнаго шопота, онъ продолжалъ:

„Такимъ образомъ мы видимъ, что терпѣливое усердіе награждено вопреки правиламъ золотопромышленниковъ и постановленіямъ. Трудолюбіе восторжествовало надъ предразсудками, разсѣявъ ихъ, какъ дымъ. Человѣкъ можетъ считаться ничего незначущимъ и пріобрѣсти большое состояніе. Въ надеждѣ на продолженіе вашей благосклонности, остаюсь готовый къ услугамъ *Бенджаменъ Добиньи*.

Дядя Бенъ, нахмуривъ брови, сосредоточенно и самодовольно смотрѣлъ на свою рукопись. Его самодовольство рав-

нялось важности признанія. Но все это лишь подтверждало сомнѣнія учителя.

— Послушайте, — началъ онъ, машинально взявъ бумагу изъ рукъ дяди Бена, — скажите по совѣсти, насколько это ваша выдумка, заодно съ Рупомъ, и насколько истинная правда? Неужели вы серьезно полагаете...

— Мистеръ Фордъ!—перебилъ въ свою очередь Добней, принимаясь рыться въ грудномъ карманѣ своей красной блузы,— я не забылъ, какъ вы отдѣлали меня, когда я первый разъ заговорилъ съ вами о томъ же. Поэтому сегодня я захватилъ съ собой доказательства.

Бережно вынувъ изъ кармана объемистый конвертъ, рудокопъ вытащилъ оттуда двѣ или три банковыхъ расписки.

— Вотъ тутъ сто акцій на имя Бенджамена Добиньи. Я принесъ бы вамъ бумаги и на владѣніе землею, только ужь очень мудрено ихъ читать, такъ я и оставилъ ихъ у себя въ избушкѣ, чтобъ напрактиковаться по нимъ въ чтеніи въ свободные часы. Не угодно ли вамъ будетъ заглянуть ко мнѣ? Тогда я покажу вамъ ихъ.

Учитель, помня нелѣпое хвастовство дяди Бена, все еще колебался дать вѣру его словамъ. Банковыя расписки, очевидно, были не подложныя и выданы на имя „Добиньи“. Однако учитель никакъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что таинственный Добиньи и простоватый рудокопъ Добней одно и то же лицо. Исторія, разсказанная дядей Беномъ, казалась ему положительно невѣроятной. Онъ взглянулъ на своего ученика, покраснѣвшаго отъ волненія, а, пожалуй, и отъ сознанія своей виновности.

— Говорили ли вы кому нибудь о вашемъ богатствѣ, напримѣръ, хоть Рупу?—серьезно спросилъ онъ.

— Конечно нѣтъ,—возразилъ дядя Бенъ, слегка обидѣвшись.—Объ этомъ знаете только вы, мистеръ Фордъ, и агентъ банка, Стэси, которому нужно было все открыть. Собственно я хотѣлъ обратиться къ вамъ, чтобы вы переговорили съ нимъ насчетъ покупки той земли...

Недовѣріе Форда было, наконецъ, побѣждено. Банковый агентъ не могъ же находиться въ стачкѣ съ рудокопомъ, чтобъ дурачить людей.

Подумавъ немного, учитель протянулъ руку дядѣ Бену.

— Позвольте поздравить васъ, — сказалъ онъ искренимъ тономъ:—не сердитесь, если ваши рѣчи показались мнѣ начала невѣроятными, и позвольте поразспросить васъ кое чемъ. Имѣли ли вы другую причину скрывать свою тайну, кромѣ той, что вами были нарушены нѣкоторыя нелѣпыя правила золотопромышленниковъ, основанныя только на ложной гордости? По крайней мѣрѣ, вашъ успѣхъ доказалъ ихъ полную непригодность.

— Нѣтъ, у меня *была* къ тому другая причина, мистеръ Фордъ, — отвѣчалъ рудокопъ, утирая оборотомъ руки свои губы, на которыхъ появилась смущенная улыбка.—Потому-то я и пришелъ посовѣтоваться съ вами и потолковать обо всемъ откровенно. Разумѣется, я вовсе не хочу, чтобы Макъ-Кинстри, а тѣмъ болѣе Гаррисонъ узнали о покупкѣ мною спорнаго участка земли,—торопливо прибавилъ онъ.

— Понимаю,—замѣтилъ учитель, кивнувъ головой. Я тоже не сдѣлалъ бы этого на вашемъ мѣстѣ.

— А почему?—быстро спросилъ рудокопъ.

— Что же за удовольствіе затѣять ссору съ двумя такими запальчивыми людьми?

Рудокопъ измѣнился въ лицѣ. Не отнимая руки отъ губъ, онъ опять улыбнулся, но какъ будто для того, чтобъ вторично стереть свою улыбку.

— Скажите лучше: съ однимъ запальчивымъ человѣкомъ, мистеръ Фордъ.

— Ну, съ однимъ, если хотите,—весело согласился учитель.—Но это не дѣлаетъ большой разницы. Можете ли вы сказать мнѣ, къ чему вообще понадобилось вамъ покупать во владѣніе землю? Тотъ участокъ представляетъ мало интереса для кого бы то ни было, кромѣ Макъ-Кинстри и Гаррисона.

— Положимъ,—тихо заговорилъ дядя Бенъ, принимаясь съ преувеличеннымъ усердіемъ вытирать слюной свою грифельную доску, закапанную чернилами,—положимъ, что мнѣ надоѣли вѣчныя ссоры и драки между Макъ-Кинстри и Гаррисономъ за ихъ пограничную черту. Положимъ, что я нашелъ это неудобнымъ для заселенія мѣстности новыми жителями и захотѣлъ положить конецъ пререканіямъ, пріобрѣтя законное право на владѣніе этой землей? Можетъ быть, я желаю устроить здѣсь все по своему...

— Въ такомъ случаѣ, ваше намѣреніе очень похвально,— произнесъ Фордъ, съ любопытствомъ разглядывая рудокопа,— кромѣ того, изъ вашихъ словъ о томъ, что вы будете имѣть дѣло только съ однимъ запальчивымъ человѣкомъ, я вывожу другое благопріятное заключеніе. Значитъ, вы уже рѣшили, въ чью пользу дѣйствовать. Надѣюсь, что ваша гражданская доблесть будетъ оцѣнена всѣмъ Индіэнъ-Спрингомъ, если двое враждующихъ сосѣдей и не поладятъ съ вами.

— Увидимъ послѣ,—сказалъ рудокопъ, и его голосъ звучалъ надеждой, хотя въ чертахъ и движеніяхъ сказывалась озабоченность.—Однако, вы еще не сейчасъ уходите, мистеръ Фордъ?—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что учитель задумчиво посматриваетъ на часы.—Теперь всего половина пятаго. Правда, что мнѣ больше нечего разсказывать вамъ, — чистосердечно продолжалъ Добней, — но я думалъ, что вы сильнѣе заинтересуетесь моими новостями и разспросите меня о томъ, о семъ, пошутите насчетъ того, что̀ я намѣренъ дѣлать со своими деньгами. Впрочемъ, пожалуй, все это не кажется вамъ удивительнымъ. Право, потолкуемте-ка по душѣ! — закончилъ Бенъ съ унынiемъ.—Я что-то самъ ничему не радъ!

— Любезный другъ!—сказалъ Фордъ, схвативъ обѣ его руки въ порывѣ раскаянія за свое эгоистическое равнодушіе,— я ужасно радъ вашему счастью. Болѣе того: могу по совѣсти сказать, что найденное золото попало въ достойныя руки; по крайней мѣрѣ, ничье обогащеніе не доставило бы мнѣ столько удовольствія, какъ ваше. Съ моей стороны, было глупо не вѣрить вамъ, но все случившееся такъ необыкновенно, такъ похоже на волшебную сказку о награжденной добродѣтели, какъ будто бы вы—Сандрильона мужскаго пола, милѣйшій Добней!

Говоря такимъ образомъ, Джекъ Фордъ не думалъ лгать и не сознавалъ своей лжи; ему, просто, было совѣстно за свое прежнее недовѣріе къ доброму малому. Въ порывѣ искренности учитель даже повеселѣлъ и разлегся во всю длину на одной изъ школьныхъ скамеекъ, приглашая жестомъ дядю Бена—также не стѣсняться.

— Ну, разскажите же мнѣ, милый человѣкъ, что нибудь о своихъ планахъ,—началъ онъ съ юношескимъ задоромъ.— *Во-первыхъ*, съ кѣмъ подѣлитесь вы своимъ счастьемъ? Вѣрно,

у васъ есть дома старики-родители, братья, пожалуй, сестры?

Учитель остановился, бросивъ любопытный взглядъ на рудокопа и невольно улыбнувшись при мысли, что могутъ быть существа женскаго пола одной породы съ такимъ верзилой.

Дядя Бенъ, постоянно сдерживавшій движенія своихъ несуразныхъ членовъ въ стѣнахъ школы, частью изъ почтительной робости, частью изъ осторожности, тихонько перекинулъ одну ногу черезъ скамейку; онъ усѣлся на нее верхомъ, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ, опираясь на локти и положивъ подбородокъ между ладонями.

— Что касается стариковъ-родителей, мистеръ Фордъ, то вѣдь я въ родѣ сироты.

— Въ родѣ сироты?—переспросилъ тотъ.

— Да,—произнесъ дядя Бенъ, до того сильно напирая подбородкомъ на руки, что движеніе его челюстей при разговорѣ заставляло слегка подпрыгивать голову; при этомъ онъ смотрѣлъ внизъ, какъ будто повѣряя свои секреты скамейкѣ, а не учителю.—Да,—повторилъ рудокопъ,—то есть насчетъ отца-то у меня все правильно: онъ дѣйствительно умеръ на возвратномъ пути въ „Миссоори“; что же касается матери, она, можетъ быть, жива, а, можетъ быть, и нѣтъ. И такъ, и сякъ можно полагать. Она, — видите ли, мистеръ Фордъ,—сбѣжала съ однимъ молодчикомъ изъ городскихъ— онъ мнѣ совсѣмъ незнакомый человѣкъ;—отецъ былъ еще въ живыхъ и изъ-за этого мнѣ пришлось бросить школьное ученье. Теперь ее трудно отыскать. Богъ знаетъ, куда она заѣхала. Сквайръ Томпкинсъ говорилъ — а онъ былъ нотаріусомъ—что отецъ могъ добиться развода, и тогда я былъ бы круглый сирота и могъ бы выхлопотать себѣ нужный документъ. Ну, такимъ-то манеромъ, стариковъ у меня больше нѣтъ; единственный мой братъ утонулъ въ Норсъ-Платѣ, а сестеръ у насъ никогда и не было. Не правда ли, мнѣ не для кого строить планы на будущее?

— Вамъ слѣдуетъ самому обзавестись семьей, — посовѣтовалъ учитель, задумчиво поглядывая на чудака, — теперь вы разбогатѣли и, вѣроятно, захотите жениться?

Дядя Бенъ немного измѣнилъ свою позу, послѣ чего сталъ

собирать и класть въ ротъ хлѣбныя крошки, оставшіяся на скамьѣ послѣ завтрака школьниковъ. Погрузившись въ это занятіе и не подымая глазъ на учителя, онъ тихонько произнесъ:

— Долженъ вамъ сказать, что я уже въ родѣ какъ бы женатъ.

Джекъ Фордъ, валявшійся на скамейкѣ, быстро вскочилъ и сѣлъ.

— Какъ! Вы женаты... теперь?

— Ну, положимъ, это еще вопросъ. Это также не доказано и не вѣрно, какъ и то, что я круглый сирота.—Онъ примолкъ, стараясь достать крошку на самомъ краю скамейки. Наконецъ, когда это ему удалось, рудокопъ продолжалъ:—Я женился, когда былъ моложе вашихъ лѣтъ, да и жена моя была тоже не стара. Только знала она гораздо больше меня. Насчетъ чтенія, письма, — такъ скажу вамъ, что она постоянно этимъ занималась. Вы просто ахнули бы, мистеръ Фордъ, еслибъ увидали ее.

Онъ замолчалъ, какъ будто исчерпавъ этотъ вопросъ. Тогда учитель спросилъ тономъ нетерпѣнія:

— Ну, и что жъ, гдѣ теперь ваша жена?

Рудокопъ медленно покачалъ головой.

— Я не видалъ ея съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Миссоори пять лѣтъ назадъ.

— Да почему же? Какая тому причина? — допытывался Фордъ.

— Дѣло въ томъ, что я... сбѣжалъ оттуда. Не *она*, а *я* улизнулъ, понимаете ли?

— Но зачѣмъ же?—спросилъ учитель, глядя на Добнея съ возраставшимъ изумленіемъ.—Вѣроятно, произошло же что нибудь между вами. Что же именно? Развѣ она...

— Она была очень ученая женщина,—серьезно замѣтилъ рудокопъ,—и всѣ уважали ее. Ростомъ моя жена вотъ такая, — продолжалъ онъ, показывая рукой высоту средняго женскаго роста:—лицо у нея смуглое, сама субтильненькая...

— Но имѣли же вы, наконецъ, какой нибудь поводъ бросить ее?

— Порой мнѣ приходитъ въ голову,—уклончиво отвѣчалъ *дядя Бенъ*,—что у нѣкоторыхъ семействъ это уже въ крови.

Вѣдь вотъ хоть бы моя мать: взяла да убѣжала съ чужимъ человѣкомъ, а я опять убѣжалъ совсѣмъ одинъ. Но въ чемъ еще болѣе сходства между нами, такъ это въ томъ, что какъ мой отецъ имѣлъ право искать развода съ матерью, такъ и моя жена могла искать развода со мною, еслибъ хотѣла. Но мы не разведены, какъ и мои родители, и потому я нахожусь въ неизвѣстности насчетъ себя: круглый ли я сирота и могу ли считаться женатымъ.

— И вамъ пріятно оставаться въ этомъ сомнѣніи? Или вы намѣрены навести справки о женѣ теперь, когда ваши средства позволяютъ вамъ это?

— Да, я собирался разузнать о ней кое-что, — простодушно отвѣчалъ дядя Бенъ.

— И вернетесь къ женѣ, если отыщете ее?

— Я не сказалъ этого, мистеръ Фордъ.

— Но если она не разведена съ вами, вамъ непремѣнно слѣдуетъ поступить такимъ образомъ; это вашъ священный долгъ, насколько я понялъ случившееся, судя по вашимъ разсказамъ. Нельзя представить себѣ болѣе неосновательнаго, безсердечнаго и непростительнаго поступка, какъ ваше бѣгство отъ жены.

— Вы полагаете?—наивно спросилъ дядя Бенъ.

— Полагаю ли я! — съ негодованіемъ воскликнулъ учитель.—Да всякій порядочный человѣкъ выскажетъ вамъ то же. Иначе и быть не можетъ. Вѣдь вы говорите, что покинули жену безъ всякаго повода съ ея стороны?

— Дѣйствительно такъ, — торопливо подтвердилъ Добней.—А говорилъ ли я вамъ, мистеръ Фордъ, что она умѣла играть на фортепіано и пѣть?

— Нѣтъ, — лаконически отвѣчалъ Джекъ, нетерпѣливо поднявшись съ мѣста и начиная прохаживаться по классной комнатѣ.

Онъ былъ на половину убѣжденъ, что рудокопъ дурачилъ его. Этотъ человѣкъ или былъ отвратительнымъ эгоистомъ, безсердечнымъ хитрецомъ подъ маской напускной простоватости, или выдумывалъ глупѣйшую ложь.

— Весьма сожалѣю, что не могу ни поздравить васъ, ни сочувствовать тому, о чемъ вы мнѣ передали сію минуту. По *моему, вы поступаете* неблагородно, откладывая поиски за

женою. Вамъ слѣдуетъ приступить къ нимъ немедленно и постараться вознаградить оскорбленную женщину за всѣ ея обиды. Если хотите знать мое мнѣніе, это было бы гораздо честнѣе съ вашей стороны, чѣмъ вмѣшиваться въ ссоры между своими сосѣдями, жертвуя для ихъ примиренія большими деньгами. Однако становится поздно. Намъ нужно отложить дальнѣйшую бесѣду до другаго случая. Надѣюсь, вы поразмыслите о моихъ словахъ, пока мы увидимся снова. Тогда, можетъ быть, вы посмотрите на вещи иначе.

Тѣмъ не менѣе, когда рудокопъ и учитель вышли вдвоемъ изъ школы, мистеръ Фордъ мѣшкалъ, запирая дверь. Ему все казалось, что дядя Бенъ выскажется откровеннѣе. Между тѣмъ новый капиталистъ Индіэнъ-Спринга смотрѣлъ на него съ обычной, не то печальной, не то смущенной улыбкой и ограничился только тѣмъ, что сказалъ:

— Помните, мистеръ Фордъ: мои слова нужно держать въ секретѣ.

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ тотъ, плохо скрывая невольную досаду.

— И насчетъ того, что я въ родѣ женатаго, вы также не обмолвитесь никому?

— Не бойтесь, — сухо возразилъ учитель, — я не заведу сплетенъ.

Они разстались. Дядя Бенъ пошелъ къ своему жилью, болѣе обыкновеннаго недоумѣвая насчетъ обстоятельствъ собственной жизни, казавшихся ему столь запутанными. Мистеръ Фордъ подождалъ, пока онъ скрылся изъ виду, и потомъ, съ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, углубился въ густую заросль, окаймлявшую владѣнія Макъ-Кинстри.

VIII.

Религіозное ханжество миссисъ Макъ-Кинстри, въ которое она ударилась въ послѣднее время, служило нѣмымъ протестомъ противъ влеченія ея мужа къ свѣтской суетности и было отчасти навѣяно мстительнымъ чувствомъ. Эта женщина твердыхъ, честныхъ правилъ, забывшая свой полъ ради суроваго *служенія* долгу, вернулась къ отвергнутой ею женственности,

съ тѣхъ поръ какъ ей стало казаться, будто бы Гирамъ не цѣнитъ больше ея заслугъ. Здѣсь она начала обнаруживать всѣ женскія слабости, хваталась за всѣ обычныя средства и уловки женскаго лукавства. Въ ней вспыхнула странная ревность къ дочери, такъ сильно повліявшей на характеръ отца и измѣнившей порядки ихъ домашней жизни. Мать Кресси черезчуръ пренебрегала красотою внѣшности, не игравшей никакой роли въ ея собственномъ супружескомъ счастьѣ. Поэтому попытки мужа устранить изъ ихъ семейной обстановки дикую суровость прежняго быта она приписывала его непростительной слабости къ пустому внѣшнему блеску. Въ ея глазахъ все это было одно тщеславіе, котораго она не знала во время жизненной борьбы за существованіе въ пограничныхъ полудикихъ странахъ. Наряды, прически, побрякушки не приносили имъ помощи въ трудныя минуты; они не умѣряли ихъ усталости среди скитаній по безбрежнымъ равнинамъ, не могли замѣнить зоркихъ глазъ, чуткихъ ушей, сильныхъ рукъ и выносливости; они не приносили пользы при уходѣ за больными, при перевязкѣ раненыхъ. Когда зависть и ревность заполонятъ сердце пожилой женщины, она способна отравить жизнь близкому человѣку, тогда какъ въ женщинѣ молодой ревнивые капризы чередуются съ кокетливостью, порывами страсти или невинной нѣжности, что̀ сравнительно и примиряетъ съ ними мужчину. Между тѣмъ, въ зрѣлые годы всякое соперничество становится для женщины немыслимымъ, всякое подражаніе невозможнымъ. Изъ своей забытой женственности миссисъ Макъ-Кинстри воскресила въ себѣ только способность мелочно страдать и мучить своею мелочностью другихъ. Въ разрушенномъ замкѣ ея молодости, такъ сказать, обвалились и зала пиршества, и жилые покои, но подземная темница и комната пытокъ уцѣлѣли, или,—какъ метафорически выражалась она сама, раздражительно жалуясь на свою участь пастору: — „по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, ей приходилось быть изсохшей смоковницей, переносящей поруганія“. Ея пріемы немногимъ разнились отъ пріемовъ большинства женщинъ среди подобныхъ испытаній. Несчастный Гирамъ, измученный своими дѣлами, находилъ мало утѣшенія дома, ежеминутно слыша отъ жены, что онъ самъ виноватъ въ своихъ неудачахъ и стычкахъ съ Гаррисонами. Когда онъ узналъ о

продажѣ неизвѣстному лицу спорнаго участка земли, его тревога не уменьшилась отъ ѣдкаго замѣчанія супруги, что все это плоды мошеннической цивилизаціи проклятыхъ янки, которымъ онъ имѣетъ малодушіе подражать. Миссисъ Макъ-Кинстри, бывшая хотя суровой, но зато преданной сидѣлкой у постели больныхъ, сама пришла теперь въ такое состояніе, что нуждалась въ заботливости близкихъ. Всякая малость раздражала ее: присутствіе Гирама съ дочерью на „дурацкомъ балу“ вызвало у нея крапивную лихорадку; покупка отцомъ для Кресси медальона причинила матери какую-то сыпь; однажды она принялась жаловаться даже на симптомы паралича и избавилась отъ нихъ только на томъ условіи, что дочь отмѣнитъ назначенный ею званый вечеръ. Прежній бродяжническій инстинктъ, болѣзненно возбужденный постояннымъ недовольствомъ и враждебностью ко всему окружающему, заставлялъ жену Гирама придумывать искусные планы новой эмиграціи. Она клялась, будто бы заразилась злокачественной лихорадкой отъ близости рѣки; сообщала таинственныя извѣстія о лучшихъ мѣстностяхъ для скотоводства въ горахъ. Ея рѣчь была постоянно пересыпана именами родныхъ, умершихъ въ Миссури, которыхъ она сравнивала съ оставшимися въ живыхъ не въ пользу послѣднихъ. Съ той же цѣлью озлобленная женщина припоминала событія, относившіяся къ первому времени ея замужства. Покупка нѣсколькихъ парадныхъ туалетовъ для дочери щедрымъ отцомъ подала ей поводъ напомнить, что она вѣнчалась съ нимъ въ простенькомъ ситцѣ; она нарочно принялась одѣваться въ старые обноски, на зло дочери и мужу, какъ бы съ цѣлью поддержать традиціи прошлаго.

Относительно Кресси старуха дѣйствовала бы гораздо рѣшительнѣе, еслибъ имѣла малѣйшее вліяніе на дочь или съумѣла бы привязать ее къ себѣ материнской лаской. Однажды она стала громко сожалѣть о разрывѣ дѣвушки съ Сэтомъ Девисомъ; его семья держалась, по крайней мѣрѣ, правилъ и привычекъ, которыя были дороги сердцу миссисъ Макъ-Кинстри. Но мужъ тотчасъ осадилъ ее, сказавъ, что между нимъ и отцомъ Девиса произошла крупная ссора и что теперь они скорѣе дойдутъ до кровопролитія, чѣмъ помирятся, *въ силу* тѣхъ же старыхъ традицій. Удерживалъ ли

е отъ попытки къ примиренію недостатокъ такта, или къ гому не представлялось пока удобнаго случая, но дѣло оста алось въ прежнемъ положеніи. Въ настоящее время, мать ресси покровительствовала ухаживанью Мастерса за дочерью ъ смутной надеждѣ, что свиданія молодыхъ людей отвлекутъ ѣвушку отъ ученья, а это будетъ непріятно отцу и помѣ аетъ его планамъ. Ей не приходило въ голову ни малѣй аго подозрѣнія насчетъ мистера Форда, хотя она и питала ь нему не безсознательную антипатію, какъ къ невольному иновнику ея горестей. Не видя никого и нарочно не желая ышать о тріумфахъ Кресси въ обществѣ, миссисъ Макъ инстри не знала даже о достопамятномъ вальсѣ на балу, ызвавшемъ всеобщій восторгъ.

Поутру въ тотъ день, когда дядя Бенъ открылъ учителю ой геніальный планъ положить конецъ спорамъ за погра ичную линію, лай желтой собаки, сторожившей домъ Макъ инстри, возвѣстилъ о приближеніи къ рэнчу незнакомаго ица. Нежданнымъ посѣтителемъ оказался мистеръ Стэси; нъ былъ также франтовски одѣтъ, какъ и въ первый свой изитъ въ Индіэнъ-Спрингъ, когда поразилъ своимъ велико ѣпіемъ младенческое воображеніе Джонни Фильджи; но те ерь, сохраняя дѣловой видъ, онъ въ то же время посматри алъ по сторонамъ, въ надеждѣ увидать хорошенькую дѣ ушку, съ которой познакомился на „общедоступномъ балу". ріѣзжій агентъ не видалъ ея уже цѣлый мѣсяцъ, и ему ришла счастливая мысль представиться въ домѣ богатаго кваттера одновременно въ качествѣ торжествующаго Мерку ія и соблазнительнаго Аполлона. Хозяина только что по вали по дѣлу въ сосѣдніе луга, и Кресси взяла на себя пріят ую обязанность занимать гостя. Это было для нея вовсе не рудно. Одно изъ ея неотразимыхъ очарованій заключалось ъ томъ, что она никогда не выказывала передъ мужчинами настоящей или напускной наивности, свойственной дѣвушкамъ ея класса, но всегда съ игривымъ лукавствомъ давала понять своимъ поклонникамъ (пожалуй, исключая одного Джека Форда), что она отлично замѣчаетъ ихъ восхищеніе. Она по имала ихъ страсть, если и не могла принять ее. Сначала акой пріемъ ободрялъ робкихъ провинціаловъ, но они ошиба ись, *считая отсутствіе* жеманности въ дѣвушкѣ залогомъ

успѣха. Смѣло обнаруживъ ихъ наступательныя дѣйствія, она дѣлала то, что самое легкое отступленіе могло обратиться для нихъ въ полное пораженіе. Прислонившись спиной къ косяку двери и заслонивъ рукой свои блестящіе глаза отъ яркихъ лучей солнца, обливавшихъ красивыя очертанія ея стана, Кресси ожидала атаки.

— Какъ давно мы не видались, миссъ Кресси! — началъ гость.—Съ того вечера, когда я имѣлъ удовольствіе съ вами танцовать, прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ.

— Удивительно!—лукаво возразила дѣвушка,—а какъ же вы вчера два раза проходили мимо нашего дома по лужайкѣ?

— Такъ вы меня видѣли?—спросилъ Стэси, принужденно засмѣявшись послѣ такого отпора.

— Ну, конечно! Васъ увидала собака и, кажется, замѣтили Дэо Мастерсъ и нашъ работникъ. А когда вы повернули обратно, и собака, и Мастерсъ, и работникъ, и „ма“ пошли за вами слѣдомъ, а „па“ шелъ позади всѣхъ съ ружьемъ. Это заняло цѣлыхъ полчаса.

Дѣвушка отняла руку отъ глазъ, провела граціознымъ жестомъ по воздуху, какъ бы указывая на эту нѣсколько фантастическую процессію, и засмѣялась.

— Однако васъ отлично стерегутъ, — сказалъ банковый агентъ, нѣсколько сбитый съ толку.—Впрочемъ я и не удивляюсь этому,—прибавилъ онъ уже смѣлѣе.

— Да, разумѣется, вблизи границы владѣній „па“ я хорошо ограждена отъ сквоттеровъ и проходимцевъ.

Рѣзкость и прямота ея рѣчи сглаживалась нѣжностью интонаціи, а изящныя черты хорошенькаго личика заставляли прощать ей всѣ безцеремонные намеки. Манеры Кресси, при всей своей безъискусственности, подкупали въ ея пользу, какъ и живописныя позы. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Стэси и это ободрило его къ дальнѣйшему ухаживанью.

— Такъ какъ сегодня я явился къ вашему отцу, миссъ Кресси, съ предложеніемъ уступить его право на пограничную землю, то, можетъ быть, вы пожелаете принять мои услуги, какъ посредника, въ вашихъ собственныхъ дѣлахъ?

— Значитъ, вы прикладываете ко мнѣ ту же мѣрку, какъ и къ моему отцу, и повторите опять: „вы сами нарушаете

раво пограничной собственности"? Очень вамъ благодарна, эръ!

Съ этими словами, Кресси быстро повернулась на каблучахъ и низко присѣла передъ гостемъ, причемъ ея платье раздулось, какъ воздушный шаръ, и изъ подъ него мелькнули хорошенькія туфельки. Стэси былъ окончательно очарованъ плутовкой.

— Это, въ сущности, очень пріятная уступка! — началъ онъ снова, и засмѣялся.

— Что же или кого же мнѣ вамъ уступить?

Агентъ подумалъ, что дѣвушка, пожалуй, перещеголяла его въ остроуміи.

— Кого уступить? — Миссъ Кресси это извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ.

Молодая дѣвушка опять прислонилась къ дверному косяку съ небрежной позѣ, очевидно заинтересованная пикантнымъ разговоромъ, и резонно замѣтила, что, напротивъ, это дѣло посредника.

— Ну, положимъ, что мы начнемъ уступки съ Сэта Девиса, согласны? Не правда ли, я имѣю довольно основательныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ?

— Вы меня пугаете,—вкрадчиво замѣтила Кресси,—но, кажется, Сэтъ Девисъ уже уступленъ.

— Онъ былъ самъ не свой тогда на балу, и просто не помнилъ себя отъ злости, когда я танцовалъ съ вами; кажется, онъ такъ бы и съѣлъ меня.

— Бѣдняжка Сэтъ! Обыкновенно онъ былъ очень разборчивъ въ пищѣ.

Мистера Стэси передернуло.

— Но, кромѣ Девиса, есть еще мистеръ Добней — дядя Генъ,—продолжалъ онъ.—Что вы скажете о немъ? Тихій человѣкъ, но себѣ на умѣ. Неказистый малый, правда. Онъ дѣлаетъ видъ, будто бы беретъ уроки въ школѣ, а самъ ходитъ въ училище только для того, чтобъ быть поближе къ одной особѣ. Ему хочется обратиться въ мальчика, потому что та особа, пока, еще дѣвочка.

— Я ужасно боялась бы васъ, еслибъ вы жили здѣсь постоянно,—возразила Кресси съ обворожительной наивностью,—, пожалуй, *тогда вы не* знали бы такъ много.

Стэси принялъ эти слова за комплиментъ.

— Кромѣ Девиса и Добнея, есть еще Мастерсъ,—многозначительно прибавилъ онъ.

— Конечно, не Джо? — спросила съ тихимъ смѣхомъ Кресси, отворачиваясь къ двери.

— Именно Джо,—отвѣчалъ гость и по его лицу мелькнула принужденная улыбка.—А! я вижу, что вамъ не хочется его уступать! Да не тутъ ли онъ?—прибавилъ агентъ, слѣдя за направленіемъ взгляда прелестной собесѣдницы.

Но дѣвушка, по прежнему, стояла отвернувшись.

— И это все?—спросила она послѣ нѣкоторой паузы.

— Нѣтъ, остается еще торжествующій школьный учитель, который прервалъ вашъ вальсъ со мною,—этотъ мистеръ Фордъ.

Еслибъ онъ былъ хладнокровнымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ, то замѣтилъ бы даже въ профиль, какъ дрогнули вѣки дѣвушки и всѣ черты застыли въ неподвижности; то же самое произошло съ ней и на балу, когда она неожиданно увидѣла входящаго Джека. Но мистеръ Стэси былъ слишкомъ увлеченъ бесѣдой, чтобъ дѣлать тонкія наблюденія. Минуту спустя, Кресси оправилась. На ея лицѣ снова заиграла краска, и оно приняло обычную подвижность. Дѣвушка медленно повернула голову къ говорившему.

— Вотъ детъ „па“. Я полагаю, что вы позволите мнѣ полюбоваться вашимъ умѣньемъ вести переговоры, прежде чѣмъ я рѣшусь избрать васъ своимъ посредникомъ?

— О, разумѣется,—поспѣшилъ отвѣтить Стэси, которому пріятно улыбалась перспектива развернуть свои дипломатическія способности передъ такой хорошенькой и понятливой свидѣтельницей.—Пожалуйста, не уходите. Мнѣ нечего говорить такого, чего не поняла бы миссъ Кресси, и на что она не съумѣла бы отвѣтить.

Звяканье шпоръ и тѣнь мистера Макъ-Кинстри съ ружьемъ, упавшая въ эту минуту между гостемъ и дѣвушкой, избавили ее отъ необходимости продолжать разговоръ. Хозяинъ съ досадой окинулъ глазами комнату, но, не видя жены, повеселѣлъ. Сегодня поутру у него случилась непріятность: палъ породистый быкъ въ его стадѣ, и эта потеря нагнала *мрачное облако* на мѣднокрасное лицо Гирама. Но теперь

черты хозяина прояснились. Онъ осторожно поставилъ ружье въ уголъ, снялъ съ головы мягкую войлочную шляпу, сложилъ ее и спряталъ въ одинъ изъ помѣстительныхъ кармановъ своей куртки. Послѣ того, Макъ-Кинстри обратился къ дочери и, ласково положивъ ей на плечо руку съ отстрѣленнымъ мизинцемъ, спросилъ серьезнымъ тономъ, поглядывая на агента:

— Что нужно здѣсь этому незнакомцу, Кресси?

— Кажется, я самъ могу обстоятельнѣе отвѣтить вамъ,— замѣтилъ Стэси.—Я уполномоченный фирмы Бенгамъ и К° изъ Санъ-Франциско, купившей у испанцевъ право на владѣніе нѣкоторой частью вашей собственности. Мнѣ поручено...

— Довольно!—сказалъ Макъ-Кинстри не громко, но внушительно.

Онъ вынулъ шляпу изъ кармана, нахлобучилъ ее на лобъ, взялъ изъ угла ружье, взглянулъ на агента свирѣпымъ взглядомъ, какъ будто пожирая глазами всю его тонкую фигуру, потомъ опять поставилъ ружье на мѣсто съ презрительной миной и, махнувъ рукой по направленію къ двери, произнесъ:

— Мы покончимъ дѣло на открытомъ воздухѣ, а ты, Кресси, оставайся здѣсь; тебѣ нечего слушать разговоры между мужчинами.

— Но, милый „па“,—сказала дѣвушка, томно положивъ руку на плечо отца, причемъ ея лицо оставалось такимъ же веселымъ и румянымъ, какъ за минуту передъ тѣмъ, — вѣдь этотъ джентльменъ пришелъ предложить тебѣ компромиссъ.

— Что такое?—спросилъ Макъ-Кинстри, насмѣшливо выглядывая за дверь, точно въ надеждѣ увидать на дворѣ мустанга рѣдкой породы, которая, пожалуй, обозначалась этимъ непонятнымъ ему словомъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ выгодную сдѣлку,—пояснилъ агентъ,—и согласенъ потолковать съ вами на открытомъ воздухѣ, хотя, мнѣ кажется, мы можемъ вести наши переговоры съ неменьшимъ удобствомъ и въ комнатѣ.

Франтовская внѣшность не сдѣлала мистера Стэси трусомъ; впрочемъ сердце у него забилось нѣсколько быстрѣе при мысли о вспыльчивомъ, безшабашномъ нравѣ Гиpама.

— *Ну, говорите,*—произнесъ тотъ.

— Дѣло очень просто и заключается въ слѣдующемъ, — продолжалъ посѣтитель, нѣсколько ободрившись. — Мы продали участокъ земли, за который у васъ идетъ споръ съ Гаррисонами, и обязаны ввести во владѣніе нашего покупателя. Чтобъ не терять времени на судебныя разбирательства, наша фирма желаетъ откупиться деньгами отъ лицъ, имѣющихъ притязаніе на эту поземельную собственность. Мнѣ указали на васъ, какъ на владѣльца.

— Если взять во вниманіе, что въ послѣдніе четыре года я день и ночь воевалъ съ мошенниками Гаррисонами за этотъ участокъ, значитъ, вамъ сказали неправду,—осторожно возразилъ скваттеръ.—Исключая прогалины на сѣверной сторонѣ, гдѣ я поставилъ ригу, тамъ нѣтъ ни одного акра, который бы не переходилъ отъ меня къ сосѣдямъ и обратно. Едва я успѣвалъ поставить пограничные столбы и заборы, какъ Гаррисоны тотчасъ ломали ихъ. На этой землѣ я безспорно владѣю всего какими нибудь пятьюдесятью акрами, да и отъ тѣхъ я бы отказался, еслибъ не рига, постройка которой стоила мнѣ одной человѣческой жизни, двухъ лошадей и мизинца на правой рукѣ, какъ вы видите.

— Въ такомъ случаѣ, уступите намъ хоть эти пятьдесятъ акровъ, а тогда мы уже сами постараемся пріобрѣсти остальное и выжить отсюда Гаррисоновъ, — любезно предложилъ Стэси. — Вы понимаете, что съ того момента, когда намъ удастся занять мирнымъ путемъ лишь бы одну пядь земли съ вашей стороны, Гаррисоны сдѣлаются нарушителями закона, если станутъ долѣе оспаривать пограничную межу. Тогда уже дѣло шерифа справиться съ ними.

— Вотъ какъ?—задумчиво спросилъ Гирамъ.

— Да, мистеръ Макъ-Кинстри,—подтвердилъ агентъ, самодовольно улыбаясь по адресу Кресси.—И мы нисколько не желаемъ причинять вамъ непріятности, а, напротивъ, готовы платить за всѣ убытки. Вы получите хорошую сумму за единственное право, которое можете намъ уступить — за право дѣйствительнаго пользованія; тогда мы поддержимъ вашу сторону въ давней распрѣ съ безпокойными сосѣдями. Они не только будутъ удалены, но даже вы получите отъ насъ плату за землю, захваченную ими.

Мистеръ Макъ-Кинстри провелъ тремя уцѣлѣвшими паль-

цами правой руки по лбу, какъ будто стараясь унять мучительную головную боль.

— Значитъ, вы не намѣрены вступать ни въ какія разсужденія съ этими людьми?

— Мы не допустимъ даже ни малѣйшаго вмѣшательства съ ихъ стороны въ свое дѣло,—отвѣчалъ Стэси.

— И не дадите имъ ничего?

— Ни единаго цента! Такимъ образомъ, мистеръ Макъ-Кинстри,— продолжалъ онъ покровительственнымъ тономъ и съ лукавой усмѣшкой въ сторону Кресси, — вы убѣдились, что дружескіе переговоры между нами вовсе не требовали удаленія изъ дому на открытый воздухъ.

— Вы полагаете?—произнесъ Гирамъ глухимъ, сдержаннымъ тономъ, вторично поднимая на агента свои налитые кровью глаза; въ нихъ была мрачная скрытность, точно въ глазахъ дикаго быка.—Видите ли, я не могу быть достаточно хладнокровнымъ въ комнатѣ. — И онъ указалъ рукой на дверь.—Пожалуйста, выйдемте отсюда на одну минутку.

Стэси поднялся съ мѣста, пожалъ плечами и нѣсколько недовѣрчиво перешагнулъ черезъ порогъ. Кресси, по прежнему оживленная и нисколько не смущаясь, медленно послѣдовала за нимъ къ двери.

— А что̀,—заговорилъ хозяинъ, пристально всматриваясь въ агента, — что̀, если я откажусь? Если я заявлю, что не позволю ни единому человѣку, никакому банку и никакому „компромиссу“ ввязываться въ мои споры? Гаррисоны—негодяи, мошенники, но они не такъ низки, подлы, лукавы, какъ предложенный вами компромиссъ. Что̀, если я скажу, что не согласенъ на такое свинство, которое законъ и „снивелизація“ предлагаютъ мнѣ ради водворенія мира и спокойствія; что я предпочитаю драки и буйство, а шерифа и всю его челядь, всѣ его поганыя услуги посылаю къ чорту? Что̀, если я отвѣчу вамъ такимъ образомъ?

— Тогда я сочту своей обязанностью только повторить ваши слова тому, кто меня уполномочилъ для переговоровъ съ вами, — съ притворной беззаботностью возразилъ Стэси, хотя ему не удалось скрыть ни своего удивленія, ни досады.—Остальное до меня не касается,—заключилъ онъ.

— *Въ томъ случаѣ,*—подхватила Кресси, занявшая свой

прежній постъ у притолоки двери,—если вы не примѣшаете сюда своего посредничества въ другихъ дѣлахъ, про которыя мы съ вами говорили давеча.

И дѣвушка опустила глаза, шаркая кончикомъ туфли по истертой медвѣжьей шкурѣ, служившей вмѣсто половика въ сѣняхъ.

— Какое тамъ еще посредничество?—торопливо спросилъ отецъ, угрюмо сверкнувъ глазами.

Стэси въ свою очередь бросилъ быстрый негодующій взглядъ на молодую дѣвушку, но она встрѣтила его, сложивъ руки за спиною, покорно наклонивъ красивую головку, и тихо, продолжительно засмѣялась.

— О, это пустяки, дорогой „па“. Просто маленькая шутка съ глазу на глазъ между мной и этимъ джентльменомъ. Ахъ, еслибъ вы слышали его въ частномъ разговорѣ, когда онъ толкуетъ не о дѣлахъ! Это гораздо занимательнѣе и веселѣе.

Тѣмъ не менѣе, когда молодой человѣкъ пробормоталъ: „мое почтенье“ и повернулся, чтобъ уходить, Кресси спокойно проскользнула мимо отца и пошла за гостемъ, по прежнему держа руки за спиною съ видомъ кающейся грѣшницы и повернувъ наружу розовыя ладони. Такъ она проводила его до воротъ. Длинная коса, падавшая вдоль спины чуть не до подола платья, придавала ей еще больше смиренія. У воротъ, Кресси сдѣлала щитокъ надъ глазами отъ солнца и взглянула вверхъ.

— Сегодня, кажется, неудачный день для посредничества. Пожалуй вы немножко рано принялись за дѣло, не такъ ли?

— Прощайте, миссъ Макъ-Кинстри!

Она протянула руку. Стэси взялъ ее съ напускной развязностью, но довольно осторожно, точно то была бархатная лапка молодой пантеры, которая могла его оцарапать. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ Кресси не была дѣтенышемъ дикаго звѣря, Гирама Макъ-Кинстри? Хорошо, что онъ убрался отъ нихъ по добру, по здорову. Стэси не сердился, но дѣло остается дѣломъ, и онъ предложилъ несговорчивымъ людямъ все, что могъ.

Когда его фигура исчезла за кустами на равнинѣ, Кресси взглянула на солнце, клонившееся къ закату. Она вернулась *въ домъ* и прошла прямо къ себѣ въ комнату. Дѣвушка уви-

дала отца изъ окна; Гирамъ уже вскочилъ на лошадь и несся во всю прыть къ своимъ стадамъ, какъ будто стремясь къ тому желанному спокойствію, котораго такъ добивался этотъ измученный жизнью человѣкъ. Визитъ агента, очевидно, взволновалъ ему горячую кровь. По лугамъ двигалось нѣсколько пестрыхъ точекъ; то были дѣти, возвращавшіяся изъ школы. Кресси торопливо завязала подъ подбородкомъ коленкоровую шляпку въ защиту отъ солнца и, проскользнувъ во дворъ черезъ боковую дверь, какъ легкая тѣнь, прокралась вдоль забора; наконецъ, ея воздушная фигурка точно растаяла въ тѣни лѣсовъ, окаймлявшихъ сѣверную границу рэнча.

IX.

Не зная ничего о внезапномъ возвращеніи мужа къ старымъ принципамъ и о визитѣ агента, вызвавшемъ такую перемѣну, миссисъ Макъ-Кинстри плелась отъ пастора, съ которымъ опять отводила душу жалобами на мужа и дочь. Когда она пересѣкла безплодную равнину и дошла до лѣсистыхъ холмовъ на полдорогѣ между школой и рэнчемъ, то увидала передъ собой знакомую фигуру Сэта Девиса на проселкѣ. По своей обычной честности, она не хотѣла заговаривать съ врагомъ Гирама и уже собиралась молча пройти мимо, не смотря на свои недавнія сожалѣнія о его разрывѣ съ Кресси. Однако Сэтъ пошелъ ей на встрѣчу своей неуклюжей походкой. Онъ узналъ еще издали высокую, сухопарую фигуру въ длинной шали и голландскомъ чепцѣ, подвигавшуюся къ нему съ такимъ рѣшительнымъ видомъ.

Увидавъ его намѣреніе заговорить съ нею, мать Кресси остановилась и протянула впередъ правую руку, удерживая Девиса этимъ жестомъ отъ напрасной попытки. Не смотря на клѣтчатую шаль и коленкоровую шляпку, пережитыя страданія придали суровую величавость ея позѣ.

— Между вами и моимъ мужемъ произошла ссора, Сэтъ Девисъ, — торопливо произнесла старуха. — Поэтому прошу васъ: дайте мнѣ дорогу.

— Но мы съ вами вѣдь не думали ссориться, тетя Рэчель, — *вкрадчиво* возразилъ тотъ, называя миссисъ Макъ-

Кинстри дружескимъ именемъ, какъ привыкъ въ дѣтствѣ.—Я ничего не имѣю противъ васъ и докажу сію минуту, что желаю вамъ добра. Я хлопочу не о себѣ,—продолжалъ Девисъ злорадным тономъ:—въ цѣлой Калифорніи не хватитъ золота на обручальное кольцо, которое могло бы соединить меня съ Кресси. Мнѣ, просто, жаль смотрѣть, какъ васъ дурачатъ, тетя Рэчель, какъ стараются вамъ отвести глаза и обмануть медовыми рѣчами. Пока вы сокрушаетесь о грѣхахъ на молитвенныхъ собраніяхъ, пока Гирамъ ссорится съ моимъ отцомъ, а Джо Мастерсъ ходитъ кругомъ и около, выжидая, чтобъ ему бросили ласковое слово, какъ собакѣ кость, этотъ прохвостъ янки, шалопай и проходимецъ, старается увлечь къ погибели вашу дочь.

— Замолчите, Сэтъ Девисъ,—строго перебила его миссисъ Макъ-Кинстри,—или имѣйте настолько мужества, чтобы сказать о томъ отцу Кресси. Это дѣло касается Гирама.

— А что, если онъ уже знаетъ и потворствуетъ такой гадости? Что, если вашъ мужъ души не чаетъ въ проклятомъ янки?—произнесъ Сэтъ, подзадоривая старуху.

Мать Кресси задрожала въ безсильной ярости. Но ее бѣсило отступничество Гирама, ревнивое опасеніе, какъ бы онъ совсѣмъ не отшатнулся отъ прежнихъ принциповъ, а не страхъ за дочь, близкую къ паденію. Однако она сказала съ отчаяньемъ въ голосѣ:

— Вы лжете, Сэтъ. Гдѣ у васъ доказательства?

— Доказательства? — повторилъ тотъ. — А кто шмыгаетъ вокругъ школы, выжидая случая пошушукаться съ учителемъ, и позволяетъ ему увиваться вокругъ дочери на глазахъ у добрыхъ людей? Вашъ мужъ. Кто каждый вечеръ прогуливается съ этой собакой, Фордомъ? Ваша дочь. Какая парочка бродитъ по лѣсамъ и прячется подъ заборами, чтобъ нѣжничать сколько душѣ угодно? Ваша дочь съ учителемъ. Вы требуете доказательствъ? Да спросите кого угодно! Спросите здѣшнихъ ребятишекъ. Вотъ хоть сейчасъ... Эй, Джонни, поди-ка сюда!

Этотъ возгласъ Сэта Девиса былъ обращенъ къ кусту черники близъ проселка; курчавая головенка младшаго Фильджи только что выглянула оттуда. Этотъ младенецъ, безмятежно возвращавшійся восвояси, съ трудомъ вылѣзъ изъ чащи кустарника съ грифельной доской, книгами и корзиночкой изъ

провизіи, до половины наполненной ягодами, такими же
ѣлыми, какъ онъ самъ. Ребенокъ нехотя подошелъ къ
ившимъ.
— Вотъ тебѣ, Джонни, цѣлый даймъ [1]) на гостинцы, —
лъ Сэтъ, стараясь вызвать улыбку на свое искаженное
ой лицо.
ыпачканная въ ягодахъ, ручонка Джонни Фильджи тот-
же схватила подачку.
— Ну, смотри, не лги. Гдѣ теперь Кресси?
— Цѣлуется со своимъ кавалеромъ.
— Ай, да молодецъ! Кто жъ ея кавалеръ?
Джонни колебался. Онъ видѣлъ однажды Кресси со сво-
учителемъ, и школьники давно перешептывались между
ю на ихъ счетъ. Но, взглянувъ на Сэта Девиса и мис-
Макъ-Кинстри, мальчуганъ однако сообразилъ, что ему
лѣдуетъ этого говорить; честный по своему и изобрѣта-
ный, онъ рѣшилъ поразить ихъ извѣстіемъ, достойнымъ
ченной награды.
— Ну, что же, Джонни? Не бойся, скажи.
Джонни не боялся, а только придумывалъ. Наконецъ, у
блеснула геніальная идея: онъ вспомнилъ, что незадолго
дъ тѣмъ видѣлъ предметъ своего восторга, великолѣпнаго
ера Стэси, когда тотъ выходилъ изъ пограничнаго лѣса.
можетъ быть поэтичнѣе и умнѣе, какъ приписать ему
ническія похожденія съ Кресси? И ребенокъ быстро от-
лъ:
— Она гуляетъ съ „мистеромъ Тати“. Онъ подарилъ ей
и кольцо чистаго золота. Они скоро обвѣнчаются въ
краменто“.
— Ахъ ты, проклятый лгунъ!—воскликнулъ Сэтъ, грубо
ая Джонни.
Но миссисъ Макъ-Кинстри вступилась за мальчика.
— Пустите эту дрянь,—сказала она, и ея глаза разгорѣ-
ь.—Мнѣ надо поговорить съ вами.
— Это мошенникъ Фордъ подучилъ его врать,—въ бѣшен-
произнесъ Дэвисъ, выпуская свою жертву.

---

[1]) *Даймъ*—десять центовъ, самая мелкая монета, находящаяся въ обра-
и въ Калифорніи.

Джонни стрѣлой пустился въ кусты и, засѣвши въ нихъ, какъ въ траншею, вздумалъ вторично поразить своихъ слушателей, на этотъ разъ уже неоспоримыми фактами.

— Я знаю больше того!—крикнулъ онъ.

— А, ну тебя, паршивый щенокъ!—съ яростью отозвался Девисъ.

— Я знаю „терифа Бригта“; онъ поскакалъ къ пограничной межѣ и съ нимъ много-много народу на лошадяхъ,—залпомъ выпалилъ Джонни, какъ умѣлъ выпаливать только онъ одинъ, изъ опасенія, чтобъ его не прервали.—Я самъ видѣлъ ихъ. „Гарритоны“ хотятъ отнять землю у старика Макъ-Кинстри. Урра!

Жена Гирама рѣзко повернула къ Сэту свое смуглое лицо.

— Что онъ такое говоритъ?

— Пустяки! Дѣтская болтовня,—возразилъ тотъ, избѣгая ея взгляда, съ лукавой и въ то же время недовѣрчивой миной.—Да еслибъ шерифъ и явился на пограничную межу, то это принесло бы только пользу вашему мужу.

Она положила руку на плечо юноши; въ ея взглядѣ выражалась теперь подозрительность.

— Прочь съ дороги, Сэтъ Девисъ!—крикнула вдругъ Рэчель Макъ-Кинстри, отталкивая его.—Если это ваши подвохи, то вы заплатите мнѣ за все.

Она бросилась къ Джонни, но мальчикъ обратился въ бѣгство, испугавшись высокой старухи съ горящими, какъ уголья, глазами. Та колебалась съ минуту; махнула было рукой Сэту, но потомъ рѣшительно повернула къ пограничному лѣсу и быстро зашагала впередъ. Она несовсѣмъ вѣрила разсказнямъ Джонни, но поступки Девиса показались ей слишкомъ подозрительными. Если Кресси затѣяла какую нибудь глупость, Сэтъ, убѣдившись въ ея невѣрности и потерявъ надежду на вмѣшательство родителей, постарается разузнать все основательно. А глупому Гираму хоть колъ на головѣ теши: онъ бредитъ наяву своей проклятой цивилизаціей и отъ него не добьешься толку. Кромѣ того, теперь онъ вмѣстѣ съ братьями былъ на пастбищѣ у своихъ стадъ. Ей необходимо убѣдиться въ истинѣ собственными глазами.

Она пошла по зарослямъ хлопчатника и сикоморъ; черезъ *нѣсколько* сотъ ярдовъ, передъ ней открылся отлогій скатъ,

бращенный къ югу и постепенно переходившій въ обширную уговину на спорномъ участкѣ. Вопреки нелестному мнѣнію гента Стэси насчетъ его стоимости, эта арена жестокихъ ычекъ, грубаго произвола и кровопролитія, по какой-то роніи судьбы, представляла самый мирный буколическій ланд-афтъ. Покатый косогоръ, разстилавшійся передъ глазами иссисъ Макъ-Кинстри, былъ усѣянъ въ весеннюю пору лу-инусами, а позднѣе пестрѣлъ меринозами. Широкая лугоина пересѣкалась наискосокъ извилистой линіей ольховыхъ устовъ, обозначавшихъ русло мелкой рѣчки, которая въ еріоды засухи обращалась въ лужу, отражавшую безоблач-ое небо. Этотъ участокъ земли оставался необработаннымъ; икій овесъ, горчица, густая трава обратили его въ волную-цееся море, переливавшее всѣми красками и способное по-лотить въ своихъ волнахъ и лошадь, и всадника. Даже лѣды человѣческой распри:—опрокинутые столбы, заборы, густыя ямы были постоянно скрыты подъ роскошной расти-ельностью. Посреди поля, ближе къ рѣчкѣ, возвышалась ига Макъ-Кинстри, — неуклюжее строеніе, неровныя стѣны оторагo и крыша съ ласточкиными гнѣздами подъ стрѣхой, ткуда торчало сѣно, дѣлали его похожимъ также на какое-то еобыкновенное произрастеніе плодородной почвы. Миссисъ Макъ-Кинстри съ тревогой смотрѣла туда. Однако, ни въ ригѣ, ни вокругъ нея не было замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ кизни; рига стояла, какъ всегда, одиноко возвышаясь среди устыря. Между тѣмъ, взглянувъ направо, по ту сторону рѣчки, жена Гирама замѣтила равномѣрное колебаніе травя-аго моря, а на его поверхности виднѣлось до полдюжины пляпъ съ широкими, отогнутыми къ низу, полями. Теперь не оставалось больше никакихъ сомнѣній: къ пограничной межѣ подъѣзжалъ отрядъ всадниковъ. Громкій крикъ и быстрый лошадиный топотъ, раздавшійся позади, вызвалъ у миссисъ Макъ-Кинстри вздохъ облегченія. Она едва успѣла отскочить въ сторону, какъ ея мужъ со своими спутниками промчался мимо нея подъ гору. Тутъ, и безъ яростнаго крика Гирама: „Гаррисоны насъ продали“, она догадалась, что кризисъ на-ступилъ.

Она притаила дыханіе, когда кавалькада понеслась въ боевомъ *порядкѣ къ* берегу ручья. Въ густой травѣ, по ту

сторону, гдѣ виднѣлись шляпы всадниковъ, произошло замѣтное смятеніе и замѣшательство. Миссисъ Макъ-Кинстри вспомнила о ригѣ. При отступленіи, она послужитъ сборнымъ пунктомъ для своихъ, или крѣпостью, гдѣ можно выдержать осаду. На всякій случай, тамъ было спрятано оружіе. Нужно немедленно бѣжать туда и приготовить баррикаду за дверями. Старуха осторожно побѣжала, согнувшись и выбирая мѣста, гдѣ трава была выше, прячась за выступами холмовъ, чтобъ ее не увидали съ низменной луговины, пока она не спустится къ ригѣ. Она сбросила съ себя мѣшавшую ей шаль; ея коричневая коленкоровая шляпа свалилась съ головы и держалась на однихъ завязкахъ; жосткіе спутанные волосы съ просѣдью падали на спину точно грива; лицо и руки были исцарапаны въ кровь иглами терновника и побѣлѣли отъ пыли. Но она спѣшила впередъ, какъ звѣрь, преслѣдуемый охотникомъ, пока не добѣжала до спуска подъ гору. Здѣсь, удерживаясь только руками за длинные стебли травы, миссисъ Макъ-Кинстри скорѣе скатилась, чѣмъ сбѣжала внизъ, и остановилась у самой риги, едва переводя духъ, совершенно выбившись изъ силъ.

Но какой контрастъ ожидалъ ее здѣсь. Одну минуту ей почти не вѣрилось, что она сейчасъ слышала яростный возгласъ мужа и видѣла кавалькаду, бѣшено мчавшуюся на дикихъ коняхъ. Пограничная луговина окаймлялась рядами грандіозныхъ ивъ, и толпа воинственныхъ наѣздниковъ какъ будто навсегда исчезла за ихъ зеленой чащей. Ничто не нарушало теперь мирной красоты этого уголка, спрятаннаго въ лощинѣ, простиравшейся до отдаленныхъ пустынныхъ холмовъ. Щетинистая рига на заднемъ планѣ, съ набросанными до верху снопами, висѣвшими бахромой изъ подъ стрѣхъ и высовывавшимися изъ оконъ и дверей, утратила свою безобразную массивность подъ этимъ золотымъ дождемъ колосьевъ съ ихъ перистыми очертаніями. Ласточки и сойки нѣжно шелестили крыльями и тихо щебетали подъ открытыми стропилами; по землѣ мелькали тѣни воронъ, кружившихся въ воздухѣ; пчелы гудѣли въ дикой горчицѣ, до половину скрывавшей стѣны риги своими желтыми цвѣтами; невдалекѣ журчала вода въ одномъ изъ первобытныхъ источниковъ, въ которыхъ запасались *водою* кочующія индѣйскія племена. Отсюда и произо-

шло названіе городка: „Индіэнъ-Спрингъ“—индѣйскій источникъ. Суровая Рэчель Макъ-Кинстри почувствовала вдругъ всю прелесть этой мирной картины. Ея сердце было неожиданно охвачено умиленіемъ, котораго она не знала съ молодыхъ дѣвическихъ лѣтъ. Она позавидовала возможности наслаждаться этой торжественной тишиной, этимъ праздникомъ природы, но тутъ же съ горечью поняла, что ей некогда думать о невинныхъ радостяхъ, и кровь у нея снова закипѣла жаждой мести. Сначала она прислушалась къ тому, что происходитъ на лугу за ивами; но оттуда не доносилось ни одного выстрѣла; тѣмъ не менѣе, нужно было спѣшить укрѣпленіемъ риги. Жена Гирама подбѣжала къ передней части строенія и схватилась рукою за скобку полуотворенной двери. Въ эту минуту, до ея слуха донесся изнутри подавленный женскій возгласъ, легкій смѣхъ, быстрый шелестъ платья и, когда дверь распахнулась, чья-то легкая тѣнь мелькнула въ верхнемъ окнѣ. Солнечный свѣтъ, падавшій оттуда въ полутемное пространство между грудами зерноваго хлѣба и сѣна, освѣтилъ только одну человѣческую фигуру; миссисъ Макъ-Кинстри увидала передъ собою школьнаго учителя, Джека Форда. Смущеніе, залившее краской его щоки, смѣнилось испугомъ при видѣ окровавленнаго лица и растрепанной головы хозяйки рэнча. Она замѣтила испуганный взглядъ молодаго человѣка и перетолковала его по своему. Не говоря ни слова, миссисъ Макъ-Кинстри захлопнула дверь, задвинула тяжелый засовъ и повернулась къ Форду, стирая пыль съ лица и рукъ измятой шляпкой изъ коричневаго коленкора. Ея жестъ напомнилъ учителю ихъ первую встрѣчу въ домѣ Гирама.

— Это Кресси была здѣсь съ вами?—спросила мать.

Онъ колебался, продолжая смотрѣть на нее съ удивленіемъ.

— Не лгите.

Фордъ вздрогнулъ и заговорилъ:

— Я и не думаю лгать. Это случилось...

— Я не спрашиваю васъ, давно ли вы затѣяли такія штуки,—перебила Рэчель Макъ-Кинстри, указывая на шляпку Кресси, ея книги и разсыпавшійся букетъ полевыхъ цвѣтовъ, въ безпорядкѣ *валявшихся* на сѣнѣ:—мнѣ вовсе не до того.

Черезъ пять минутъ, сюда прискачетъ или Гирамъ со „своими", или собаки—Гаррисоны, которые продали его и хотятъ захватить нашу землю. Если вотъ это,—она презрительно указала на вещи дочери,—означаетъ, что вы готовы дѣлить съ нами и горе, и радость, то поднимите сѣно тамъ въ углу, выньте оттуда ружье и приготовьтесь къ защитѣ. Но если у васъ, Фордъ, было другое на умѣ, заройтесь въ сѣно, пока явится Гирамъ на выручку своего пріятеля.

— А если я не сдѣлаю ни того, ни другаго?—надменно спросилъ учитель.

Она взглянула на него съ насмѣшкой и презрѣніемъ.

— Такъ вотъ окно. Вылѣзайте оттуда, пока я не заложила его. Если увидите Гирама, скажите ему, что вы оставили старуху защищать мѣсто, гдѣ только что прятались съ его дочерью.

Ея слова были прерваны отдаленнымъ ружейнымъ залпомъ; за первыми выстрѣлами тотчасъ послѣдовали вторые. Учитель съ досадой подошелъ къ окну, обернулся къ миссисъ Макъ-Кинстри, взглянулъ на нее, заперъ наглухо отверстіе желѣзнымъ болтомъ и вернулся обратно.

— Гдѣ ружья?—спросилъ Фордъ почти грубо.

Старуха отгребла сѣно и указала продолговатый ящикъ въ видѣ жолоба, прикрытый просмоленной парусиной. Тамъ лежали порохъ, пули и два ружья. Юноша взялъ одно изъ нихъ.

— Полагаю, мнѣ можно узнать, за что я поднимаю оружіе?—сухо спросилъ онъ.

— Вы должны думать о Кресси и можете отвѣтить, что деретесь ради нея, если васъ спросятъ,—съ неменьшимъ достоинствомъ отвѣчала миссисъ Макъ-Кинстри.—Теперь же вамъ нужно влѣзть на сѣновалъ наверху и смотрѣть оттуда, что происходитъ съ нашими.

Фордъ безпрекословно забрался на вышку, очень довольный тѣмъ, что можетъ избавиться отъ общества женщины, которую почти возненавидѣлъ. Въ своей безразсудной любви къ Кресси онъ избѣгалъ думать объ ея родныхъ и окружающихъ. Теперешнее столкновеніе съ матерью угрожало охладить въ немъ пылкую страсть; онъ бѣсился за свою опрометчивость и не зналъ, какъ выйти изъ глупаго, невозможнаго

ложенія, въ которое попалъ такъ неожиданно. Его не лько не пугала возможность быть убитымъ, но онъ даже ечталъ о шальной пулѣ, которая положила бы конецъ его езумію и избавила отъ тяжелой отвѣтственности. Запертый ь ригѣ съ разъяренной старухой, вынужденный къ проти-озаконной защитѣ сомнительныхъ правъ... что̀ могло быть елѣпѣе этого положенія? Безсильное бѣшенство Джека Форда ще возрастало при мысли, что онъ запутался въ непріятную сторію изъ-за не менѣе сомнительной любви, и притомъ— его добраго? — пожалуй, свѣдома самой Кресси. Только мерть представлялась ему возможнымъ исходомъ изъ такой утаницы. Что̀ онъ скажетъ въ свое оправданіе, когда у него отребуютъ отчета въ подобномъ безразсудствѣ? И тутъ же Форду приходило въ голову, что вѣтряная дѣвушка не оцѣнитъ его жертвы, что она теперь, пожалуй, злорадствуетъ и смѣется надъ нимъ. Эти размышленія были прерваны новымъ ружейнымъ залпомъ и топотомъ конскихъ копытъ. Стѣны сѣновала были плотно обнесены досками, чтобы сѣно лучше охло и не слеживалось; поэтому Фордъ могъ видѣть происходившее вокругъ на всей равнинѣ между ригой и зарослью ивняка. Когда онъ выглянулъ изъ своей засады, то увидалъ ятерыхъ всадниковъ, мчавшихся къ нему. Макъ-Кинстри со своими спутниками также выскочилъ изъ кустовъ на открытое мѣсто съ другой стороны и поскакалъ наперерѣзъ первой кавалькадѣ. Однако Гаррисоны подскакали къ ригѣ первые, но олжны были съ удивленіемъ остановиться у запертыхъ дверей обыкновенно никѣмъ не охраняемаго зданія. Отрядъ Гиама не меньше ихъ удивился такой неожиданности и тотасъ поднялъ противниковъ на смѣхъ. Это еще увеличило хъ ожесточеніе.

Въ этотъ короткій моментъ, учитель успѣлъ однако узнать ъ предводителѣ Гаррисоновъ хорошо знакомаго ему тьюолёмнкаго шерифа Бригса. Теперь онъ окончательно пропалъ. му приходилось по неволѣ не только принимать участіе въ ротивозаконной борьбѣ съ одинаково противозаконной силой, о возстать противъ властей. Положеніе было безусловно кверное и, конечно, всю эту кашу заварилъ по какому нибудь глупѣйшему недоразумѣнію никто другой, какъ дядя Бекъ. Враждующія стороны держали ружья наготовѣ, хотя рига все

еще служила прикрытіемъ для нихъ обѣихъ. Между тѣмъ, одинъ ловкій фланговой изъ партіи Макъ-Кинстри, пробравшись ползкомъ сквозь высокіе кусты горчицы, успѣлъ обойти Гаррисоновъ сбоку, когда они хотѣли вломиться въ дверь. Громкій крикъ со стороны партизановъ, засѣвшихъ въ густой травѣ, заставилъ нападающихъ торопливо отскочить къ заднему фасаду зданія. Тутъ наступила пауза, а потомъ обычная гомерическая потѣха: взаимное поддразниванье, съ тою разницей, что здѣсь, у западныхъ жителей, оно имѣло цѣлью заставить противниковъ открыть огонь.

— Ну, что жъ вы отскочили отъ дверей риги? Ахъ вы... (послѣдовало крѣпкое словцо). Вѣдь дверь васъ не укуситъ.

— Гаррисонъ боится, что болтъ отскочитъ самъ собой!

Хохотъ со стороны людей Макъ-Кинстри.

— А вамъ бы слѣдовало вылѣзти изъ высокой травы да показать свои черныя морды! Что, наѣлись грязи, эѳіопы окаянные!

— Гдѣ имъ вылѣзти! Они всю свою крупу разсыпали, да теперь и подбираютъ.

Новые раскаты хохота между защитниками Гаррисона. Всѣ напряженно ждали перваго выстрѣла, который подалъ бы сигналъ къ нападенію. Въ этихъ людяхъ, не признававшихъ закона, все таки говорилъ грубый инстинктъ честнаго поединка. Шерифъ сознавалъ необходимость отстоять законное право, но ему не хотѣлось жертвовать ни однимъ изъ своихъ людей при аттакѣ риги, за которой непремѣнно послѣдовалъ бы ружейный залпъ сторонниковъ Макъ-Кинстри. Личная храбрость подсказывала ему, чтобъ онъ рискнулъ собою, но осторожность удерживала отъ такой безумной попытки. Шерифъ понималъ, что набранные имъ на скорую руку понятые были сами партизанами; если его уложатъ на мѣстѣ, исторія кончится партизанской схваткой и на полѣ битвы не будетъ ни одного безпристрастнаго свидѣтеля, который могъ бы оправдать его поведеніе передъ властями. Учитель Фордъ также отлично понималъ это; иначе онъ выступилъ бы посредникомъ между враждующими сторонами. Теперь оставалась только одна надежда на сдержанность миссисъ Макъ-Кинстри и снисходительность шерифа. Однако, въ слѣдующую минуту и то, и *другое подверглось* сильному испытанію.

— Ну, что же, долго ли вы будете трусить?—насмѣшливо крикнулъ Дикъ Макъ-Кинстри.—Какъ вы полагаете, кто спрятанъ въ нашей ригѣ?

— Я скажу вамъ, кто!—раздался хриплый, дрожащій отъ злобы, голосъ со стороны холма.—Это Кресси Макъ-Кинстри съ учителемъ зарылись въ сѣно.

Обѣ партіи быстро обернулись къ человѣку, незамѣтно подкравшемуся къ нимъ. Но его рѣчь была прервана еще болѣе гнѣвнымъ возгласомъ жены Гирама, донесшимся изъ запертой риги.

— Вы лжете, Сэтъ Девисъ!—прогремѣла она.

Судьба, очевидно, была противъ шерифа. Онъ только что обрадовался вмѣшательству посторонняго лица, какъ неожиданно обнаружилось присутствіе въ ригѣ миссисъ Макъ-Кинстри. Въ партизанскую схватку, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, замѣшалась женщина. Бѣлая женщина, надъ которой предстояло употребить насиліе по буквѣ закона! Но во всемъ неписанномъ кодексѣ юго-западнаго рыцарства не существовало параграфа, который предусматривалъ бы подобный случай.

— Назадъ!—скомандовалъ шерифъ своимъ людямъ, съ явной досадой и пренебреженіемъ.—Не трогать этой проклятой риги! Что же касается васъ, Гирамъ Макъ-Кинстри, то я даю вамъ пять минутъ сроку, чтобъ вылѣзти изъ подъ защиты юбокъ своей жены и убраться отсюда по добру, по здорову.

Шерифъ былъ не на шутку взбѣшенъ, считая себя одураченнымъ. Рѣшительный моментъ снова наступилъ и опять былъ отсроченъ. Гирамъ Макъ-Кинстри, съ ружьемъ въ рукѣ, гремя шпорами, вышелъ изъ-за риги и сталъ лицомъ къ лицу со своими противниками.

— Что касается моего ухода черезъ пять минутъ,—началъ онъ небрежнымъ и мрачнымъ тономъ,—то это мы еще посмотримъ. Прежде нужно рѣшить споръ между моей женою и Сэтомъ Девисомъ. Онъ обязанъ взять назадъ свои слова. Моя жена назвала его лжецомъ, то же самое повторяю я, и готовъ доказать это съ оружіемъ въ рукахъ.

Право немедленной мести за личную обиду слишкомъ глубоко вкоренилось въ обычаи пограничныхъ жителей, чтобы можно было оспаривать его въ настоящую минуту. Обѣ партіи *отступили назадъ*, и всѣ взгляды обратились къ тому

мѣсту, гдѣ стоялъ Сэтъ Девисъ. Но онъ исчезъ, точно провалился сквозь землю.

Съ нимъ произошло слѣдующее.

Когда миссисъ Макъ-Кинстри во всеуслышаніе назвала его лгуномъ, Девисъ поспѣшилъ воспользоваться моментомъ общаго замѣшательства и полѣзъ наверхъ по наружной стѣнѣ риги. Учитель, пораженный тѣмъ, что слышитъ его голосъ пробирался въ ту минуту къ заднему фасаду зданія, черезъ груды сноповъ, какъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ противникомъ, когда тотъ скорѣе свалился, чѣмъ вспрыгнулъ на сѣновалъ сквозь широкое отверстіе между досками, откуда высовывалась наружу большая охапка сѣна. Ихъ глаза, метавшіе молніи гнѣва, встрѣтились, но, прежде чѣмъ Девисъ успѣлъ крикнуть, мистеръ Фордъ бросилъ ружье, ухватилъ непріятеля за шею и засунулъ ему въ ротъ большой пучокъ мягкаго сѣна. Завязалась ожесточенная, но нѣмая борьба; скользкое сѣно, на которое они упали оба, заглушало всякій звукъ и скрыло ихъ отъ глазъ свидѣтелей; оно разваливалось все больше и больше отъ ихъ толчковъ и стало сыпаться цѣлыми грудами сквозь отверстіе сѣновала на землю. Учитель, подмявшій Сэта подъ себя, чувствовалъ, что они оба скользятъ туда же; онъ старался только вытолкнуть противника первымъ. Разъяренный миссуріецъ, угадавъ его намѣреніе, сдѣлалъ отчаянную попытку освободиться, и ему удалось упереться колѣномъ въ грудь Джека Форда. Тотъ, въ свою очередь, схватилъ его за приподнятое колѣно и этимъ далъ ему возможность выхватить складной ножъ изъ-за голенища сапога. Онъ увидалъ свой промахъ, когда Сэтъ быстро освободилъ правую руку и занесъ ее для удара. Острая сталь, какъ лезвее серпа, прорѣзала сѣно; услышавъ этотъ звукъ, учитель отчаяннымъ усиліемъ бросился на врага, съ цѣлью обезоружить его. Это движеніе спасло Форда. Туловище Сэта быстро проскользнуло въ отверстіе, повисло на секунду на краю сѣновала,—пока Фордъ не выпустилъ руки противника, все еще державшей ножъ,—и потомъ рухнуло внизъ. Девисъ упалъ на сѣно, соскользнувши на землю раньше его, и остался бы невредимъ, еслибъ не стукнулся головою о земледѣльческія орудія, прислоненныя къ стѣнѣ риги. Ударъ былъ *настолько* силенъ, что Девисъ, не успѣвши крикнуть, лишился

знанія. Все это произошло до того быстро и безшумно, что страдавшій не только не слышалъ вызова Гирама,—такъ къ потерялъ уже въ ту минуту сознаніе,—но даже былъ квально засыпанъ сѣномъ, которое продолжало скользить ерху, пока учитель барахтался на сѣновалѣ, стараясь под-ться на ноги. Обѣ враждующія партіи напрасно искали азами миссурійца; передъ ними возвышалась только высо-я груда сѣна, и сама защитница риги, миссисъ Макъ-Кин-ри, не догадывалась объ отчаянной борьбѣ на смерть, про-шедшей между молодыми людьми надъ ея головой.

Наконецъ, Форду удалось подняться на ноги; онъ зады-лся отъ изнеможенія; глаза у него были засыпаны пылью, вискахъ стучало, но сознаніе побѣды поддерживало бод-ость духа. Не зная того, что случилось съ Сэтомъ, учитель днялъ ружье и осмотрѣлъ зарядъ, готовясь къ новому на-денію. „Девисъ старался убить меня и убилъ бы; мнѣ нужно бить его, если онъ вернется!“ —думалъ про себя этотъ до-ихъ поръ безобидный человѣкъ. Ему даже не приходило на ъ, какъ мало гармонировало такое рѣшеніе съ его преж-ми намѣреніями и всѣмъ складомъ характера. Но самое миролюбивое существо, послѣ покушенія на его изнь, по какому-то странному противорѣчію, начинаетъ еньше дорожить ею и хладнокровнѣе относиться къ мысли бить другаго. Между тѣмъ, вокругъ все было тихо. Это на-яженное ожиданіе опасности раздражало Форда; теперь онъ ке не боялся, а желалъ перваго выстрѣла, который послу-илъ бы сигналомъ къ дракѣ. Что такое дѣлалось внизу? По-алуй, Гаррисоны готовились къ новому нападенію подъ редводительствомъ Сэта? Прислушавшись хорошенько, онъ ловилъ какіе-то отдаленные крики и конскій топотъ. Въ ту е минуту его охватили гнѣвъ и опасеніе, что партія Макъ-инстри, пожалуй, была побита и обращена въ бѣгство. ордъ уже началъ сознательно сочувствовать ей. Въ своемъ олненіи онъ быстро пробрался къ спуску съ сѣновала. Но опотъ копытъ все приближался, и наконецъ послышался голосъ:

— Остановитесь, шерифъ!

Это крикнулъ агентъ Стэси.

Наступила пауза. До учителя долетѣлъ смущенный ропотъ зъ партизанскихъ рядовъ. Вслѣдъ затѣмъ, предостереженіе

Стэси было подтверждено командой другаго голоса, нетвердаго, нисколько не героическаго и хорошо знакомаго:

— Приказываю вамъ немедленно остановиться!

Эти слова были встрѣчены взрывомъ презрительнаго хохота. И немудрено: повелительный окрикъ былъ сдѣланъ дядей Беномъ.

— Убирайтесь прочь! Здѣсь не мѣсто для глупыхъ шутокъ,—сурово оборвалъ его шерифъ.

— Онъ правъ, шерифъ Бригсъ! — торопливо вступился Стэси.—Вѣдь вы дѣйствуете въ *его* интересахъ. Онъ—владѣлецъ этой земли.

— Какъ? Этотъ Бенъ Добней?

— Да; онъ и есть Добиньи, пріобрѣвшій себѣ въ собственность старый участокъ.

Всѣ примолкли, а потомъ стали потихоньку переговариваться.

— Видите, въ чемъ дѣло, господа!—снова возвысилъ голосъ дядя Бенъ.—Вотъ этотъ молодой человѣкъ, агентъ банка изъ Санъ-Франциско, поступилъ неладно, хотя и безъ всякаго дурнаго намѣренія. Ему не слѣдовало обращаться къ властямъ, не уладивши дѣла полюбовно. Но со мной, ребята, вы не будете судиться. Мы обойдемся безъ казенныхъ бумагъ, безъ ружейныхъ выстрѣловъ и всякаго безпокойства. Наши дѣла лучше всего обдѣлаются по-сосѣдски, чинно и благородно, за стаканомъ вина. Если кому нибудь нанесенъ вредъ, если случилось что нибудь дурное, я уговорю шерифа, и все улажу. Вы знаете меня, ребята. Вотъ вамъ честное слово Добнея, или Добиньи, что̀ одно и то же: все обойдется, какъ не надо лучше.

Однако возбужденныя страсти далеко не улеглись среди наступившаго молчанія. Оно было прервано саркастическимъ возгласомъ Дика Макъ-Кинстри:

— Если Гаррисоны не станутъ требовать возмѣщенія своихъ убытковъ, послѣ того какъ при видѣ троихъ полицейскихъ у нихъ ушла душа въ пятки...

— Шерифъ былъ уполномоченъ поступить такимъ образомъ,—торопливо перебилъ рудокопъ.

— Если Дикъ Макъ-Кинстри не пострадалъ, прячась въ высокой травѣ отъ нашихъ пуль...—отпарировалъ Джо Гаррисонъ.

— Я все улажу, ребята!—весело воскликнулъ дядя Бенъ.

— Ну, а кто уладитъ вотъ это? — раздался голосъ стараго Гаррисона съ другой стороны риги.

Онъ споткнулся, пробираясь черезъ груду упавшаго сѣна.

— Вонъ Сэтъ Девисъ валяется тутъ съ пробитымъ темемъ. Кто отвѣтитъ за него?

Всѣ сбѣжались на голосъ фермера и подняли крикъ.

— Чья это работа? — спросилъ шерифъ съ офиціальной строгостью.

Учитель вскрикнулъ въ недоумѣніи, поспѣшно спустился съ сѣновала въ ригу и бросился къ дверямъ, чтобъ признаться во всемъ. Но миссисъ Макъ-Кинстри, прочитавъ рѣшимость на его лицѣ, загородила ему дорогу и повелительнымъ жестомъ заставила молчать.

Вслѣдъ затѣмъ, изъ риги раздался ея зычный голосъ:

— Если вы говорите про собаку, старавшуюся насильно прорваться сюда, то знайте, что расправилась съ нимъ *я!*

X.

На другой день, въ Индіэнъ-Спрингѣ только и было толковъ о происшествіи на спорномъ пограничномъ участкѣ скваттера Макъ-Кинстри. Всѣ были того мнѣнія, что дѣло не обошлось бы такъ благополучно безъ драматическаго появленія на сцену, въ самый рѣшительный моментъ, Бена Добнея, который выступилъ не только въ качествѣ примирителя враждующихъ сторонъ, но и въ качествѣ законнаго владѣльца земли. Много смѣху возбудила геройская защита риги „старухой Макъ-Кинстри“. Про нее толковали различно. Одни говорили, что она защищалась навозными вилами, другіе — старой метлой; третьи — что у нея подъ рукою былъ только ушатъ грязной воды. Такъ или иначе, но жена Гирама отстояла укрѣпленный пунктъ противъ Гаррисона, его партіи и цѣлой свиты шерифа Пьюолёмнскаго графства, причемъ пострадалъ только Сэтъ Девисъ, свалившійся съ сѣновала, откуда его столкнула метлой доблестная защитница крѣпости. Обыватели городка даже ликовали по поводу того, что владѣніе проданной землею перешло въ руки *одного* изъ гражданъ Индіэнъ-Спринга, заня-

мавшаго до сихъ поръ самое скромное положеніе, а не досталось иностранцу. Между тѣмъ, никто не зналъ не только объ активномъ участіи школьнаго учителя въ партизанской стычкѣ, но даже о его присутствіи на этомъ мѣстѣ. По настоянію миссисъ Макъ-Кинстри, мистеръ Фордъ остался, незамѣченный никѣмъ, на сѣновалѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ участники происшествія не удалились прочь, захвативъ съ собою и безчувственнаго Сэта. На замѣчаніе учителя, что Девисъ не станетъ молчать о случившемся, когда придетъ въ себя, мать Кресси язвительно улыбнулась.

— Когда онъ узнаетъ, что я была вмѣстѣ съ вами все время, то не посмѣетъ ничего разглашать. Разумѣется, Сэтъ не пощадитъ васъ и, пожалуй, станетъ къ вамъ придираться, но все же не скажетъ почему. Впрочемъ, — прибавила она еще болѣе язвительнымъ тономъ, — если вы находите нужнымъ открыть всю истину и доказать, что Сэтъ въ сущности не лгалъ, понося васъ и мою дочь, я не стану опровергать вашихъ словъ.

Форду оставалось только прикусить языкъ. Дѣйствительно, прошло дня два и не обнаружилось ничего такого, что обличало бы нескромность Сета. Тѣмъ не менѣе, учитель не могъ забыть непріятной случайности. Его отношенія къ Кресси стали извѣстны матери, и хотя она не намекала на нихъ больше, но сообщила, вѣроятно, о своемъ открытіи мужу. Однако Фордъ не могъ не замѣтить, къ своему немалому облегченію, что старуха презрительно игнорируетъ это щекотливое обстоятельство, не смотря на то, что постаралась въ первую минуту извлечь изъ него практическую пользу, принудивъ поклонника дочери дѣйствовать съ нею заодно. Но молодой человѣкъ едва ли могъ разсчитывать на подобное же снисхожденіе со стороны отца, слѣпо боготворившаго Кресси. Ему казалось однако, что Гирамъ не прочь назвать его своимъ зятемъ. Теперь онъ по неволѣ раздумывалъ о послѣдствіяхъ своей близости къ странной дѣвушкѣ, которой увлекся, не думая о будущемъ. Отдаваясь беззавѣтной, неблагоразумной любви — впрочемъ совершенно невинной, — Фордъ ни разу не заговорилъ о женитьбѣ, и въ настоящее время, со смѣшаннымъ чувствомъ облегченія и нѣкоторой досады, вспомнилъ, *что Кресси*, въ свою очередь, никогда не намекала о ней.

Можетъ быть, неудачная помолвка съ Девисомъ отбила у нея охоту къ замужству или она боялась опредѣлить свои отношенія къ любимому человѣку, чтобъ не отнять у нихъ прелести запретнаго плода, но только молодые люди не думали обмѣниваться стереотипными клятвами вѣрности до гроба. Пожалуй, покажется страннымъ, что во время восхитительныхъ тайныхъ свиданій влюбленные не строили плановъ на будущее, съ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ молодымъ годамъ и невѣдѣнію отрицательныхъ сторонъ жизни. Они жили исключительно счастливымъ настоящимъ, причемъ ихъ мечты не простирались дальше слѣдующаго свиданія. Въ этомъ таинственномъ и внезапномъ союзѣ сердецъ они забыли не только прошедшее, но и то, что̀ предстояло имъ впереди.

Тревожныя мысли волновали Форда подъ вечеръ, на другой день послѣ знаменательнаго приключенія, когда онъ сидѣлъ одинъ въ опустѣвшей классной комнатѣ, тишина и уединеніе которой такъ нравились Гираму Кинстри и дядѣ Бену. Добней не пришелъ на урокъ, пожалуй, изъ боязни, что занятія въ школѣ сдѣлаются достояніемъ молвы; теперь, ставъ богатымъ человѣкомъ, онъ, конечно, служилъ предметомъ общаго любопытства. Такимъ образомъ, школьный учитель оставался въ одиночествѣ, если не считать случайнаго вторженія въ храмъ науки суетливой вороны, прилетѣвшей клевать крошки, разсыпанныя школьниками. Фордъ искренно сожалѣлъ объ отсутствіи рудокопа; дядя Бенъ могъ бы сообщить ему интересныя подробности о вчерашней стычкѣ и о своихъ планахъ насчетъ пріобрѣтенной земли. Послѣ того какъ учитель потихоньку слѣзъ съ сѣновала и вернулся къ себѣ въ гостинницу подъ покровомъ ночной темноты, до него доходили только смутные слухи о происшедшемъ, но онъ не отваживался на прямые разспросы. Отсутствіе Кресси въ школѣ сегодня поутру, конечно, показалось ему вполнѣ понятнымъ; встрѣча съ ней была бы даже тягостна и стѣснительна при настоящемъ положеніи дѣлъ, но Форду все таки было непріятно, что, вслѣдъ за ея внезапнымъ бѣгствомъ съ мѣста свиданія, она не дала о себѣ ни малѣйшей вѣсти, не поинтересовалась даже узнать, какъ онъ выпутался изъ критическаго положенія. Что̀ она думала о его разговорѣ съ матерью? Ожидала ли дѣвушка, что миссисъ Макъ-Кинстри приметъ ея сторону

и обойдется миролюбиво съ человѣкомъ, имѣвшимъ притязанія на благосклонность дочери? Не потому ли она вчера такъ легко отнеслась къ неожиданному появленію матери, что Фордъ уже успѣлъ прослыть женихомъ въ ихъ домѣ? Разсчитывала ли она вообще на замужство съ нимъ? При этой мысли, щоки юноши вспыхнули отъ гнѣва на нее и отъ стыда за свою собственную безсовѣстность.

Открывъ свой столъ, онъ принялся машинально приводить въ порядокъ лежавшія тамъ бумаги и замѣтилъ съ легкой досадой, что букетъ Кресси, теперь изсохшій и облетѣвшій, попалъ въ одно и то же отдѣленіе ящика съ таинственными письмами, которыя такъ часто перечитывались имъ въ былое время. Учитель положилъ ихъ отдѣльно, и горькая улыбка скользнула у него по лицу. Потомъ, послѣ минутнаго колебанія, ему вздумалось вспомнить прошлое и онъ принялся было пробѣгать ихъ въ тысячный разъ, но даже это занятіе не могло отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей и не помѣшало замѣтить одно странное явленіе. Какъ всегда въ позднюю пору дня, вечернее солнце отбрасывало узорчатыя тѣни сосновыхъ вѣтвей на боковую стѣну комнаты. Онѣ тянулись причудливой, красивой гирляндой, и учитель любилъ присматриваться къ нимъ. Вдругъ ему показалось, что тѣнь на бѣлой штукатуркѣ сдѣлалась больше и гуще. Онъ быстро повернулъ голову къ окну, ожидая увидѣть въ немъ чье нибудь лицо, однако за окномъ никого не оказалось. Мистеръ Фордъ вышелъ на крыльцо и осмотрѣлся кругомъ. Лѣсная прогалина была пуста; въ ближней чащѣ лавровыхъ деревьевъ слышался легкій шорохъ, но нигдѣ по близости — ни малѣйшаго признака человѣческаго присутствія. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ какъ отецъ Кресси признался Форду въ своемъ подглядываньѣ, молодой человѣкъ не могъ уже наслаждаться сознаніемъ безопасности и полнаго уединенія въ стѣнахъ училища. Слегка разсерженный мыслью, что здѣсь онъ ни на минуту не избавленъ отъ нескромныхъ взглядовъ, учитель захлопнулъ крышку стола, заперъ его на ключъ и рѣшилъ отправиться домой. Его путь лежалъ по опушкѣ лѣса къ равнинѣ, гдѣ находились заброшенные пріиски, но ему почему-то захотѣлось повернуть къ цѣпи холмовъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать *сотни шаговъ*, какъ увидалъ Руперта, стоявшаго на проселоч-

ной дорогѣ, а немного подальше — его брата, Джонни. При видѣ своихъ любимцевъ, Фордъ почувствовалъ упреки совѣсти; въ послѣднее время онъ мало обращалъ вниманія на мальчиковъ, пожалуй, изъ-за того, что насмѣшки старшаго надъ „глупымъ“ женскимъ поломъ приходились теперь ему не по душѣ, а невинное любопытство младшаго было подчасъ стѣснительно. Однако учитель ускорилъ шаги и, подойдя къ Руперту, положилъ ему руку на плечо, по старой привычкѣ. Между тѣмъ ученикъ не особенно искренно принялъ эту ласку, подозрительно покосившись въ сторону Джонни.

— Ты не заглядывалъ сію минуту въ классную комнату?— спросилъ Фордъ, которому пришло въ голову подтвердить свои подозрѣнія.

— Нѣтъ, сэръ.

— Пожалуй, тебѣ вздумалось заглянуть въ окно, чтобъ узнать, не тутъ ли я?—продолжалъ учитель.

— Нѣтъ, сэръ.

Тотъ пристально посмотрѣлъ на мальчика. Правдивость была отличительною чертою его пылкаго характера, хотя, — какъ говорилъ съ горечью Рупертъ, — это приносило ему много вреда.

— Значитъ, мнѣ просто померещилось,—сказалъ Фордъ, тономъ убѣжденія.—Я былъ увѣренъ однако, что кто-то заглянулъ въ окно или прошелъ мимо.

Джонни, слышавшій этотъ разговоръ, подскочилъ къ нимъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, принялся тузить Руперта по ногамъ, перебраниваясь съ нимъ за что-то. Старшій братъ, даже не взглянувъ на забіяку, невозмутимо замѣтилъ:

— Перестань, Джонни, я ужь сказалъ тебѣ, что этого нельзя...—И онъ автоматическимъ движеніемъ освободился отъ братишки, какъ отъ назойливаго щенка.

— Въ чемъ дѣло, Джонни?—спросилъ Фордъ, привыкшій къ его дикимъ выходкамъ.

Джонни отвѣчалъ только новымъ нападеніемъ на ни въ чемъ неповинные панталоны Руперта.

— Видите, сэръ, — началъ тотъ, стараясь оправиться,— Джонни хочетъ, чтобъ я сказалъ вамъ одну вещь. Еслибъ онъ не былъ самымъ безсовѣстнымъ выдумщикомъ, безбожнымъ лгуномъ въ цѣломъ Индіанъ-Спрингѣ, я давно послу-

шался бы его. Но этотъ мальчишка даже по утрамъ, еще лежа въ постели, придумываетъ, что бы такое соврать ему въ теченіе дня. Впрочемъ, если вы сами спрашиваете меня и если вамъ показалось, будто бы кто-то подсматриваетъ за вами, я готовъ отвѣчать. Джонни увѣряетъ, что Сэтъ Девисъ постоянно шпіонитъ вокругъ школы. Онъ притащилъ меня сюда нарочно, чтобъ подстеречь его, и говоритъ, будто бы Девисъ сію минуту былъ тутъ.

— Съ ножемъ и пистолетомъ, — прибавилъ Джонни, необузданное воображеніе котораго не могло ограничиться дѣйствительными фактами.

Мистеръ Фордъ пристально посмотрѣлъ сначала на одного, потомъ на другаго мальчика; открытіе Джонни не особенно подѣйствовало на учителя, но ему хотѣлось знать, извѣстно ли ребятишкамъ его участіе во вчерашнемъ происшествіи.

— А что ты самъ думаешь объ этомъ, Рупертъ? — спросилъ онъ небрежнымъ тономъ.

— Если Джонни не вретъ, то, можетъ быть, Сэтъ Девисъ слѣдитъ за Кресси, которая вѣчно гоняется за вами, сэръ,— отвѣчалъ старшій Фильджи и покраснѣлъ, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей фатальной откровенности. Желая деликатнымъ образомъ выпутаться изъ бѣды, онъ торопливо прибавилъ:—Пожалуй, Девисъ ревнуетъ дѣвчонку къ дядѣ Бену, воображая, что тотъ станетъ ухаживать за ней теперь, когда сдѣлался богачемъ. Вѣрно, Сетъ узналъ про вечернія занятія Добнея въ школѣ и, пожалуй...

— Совсѣмъ не то! — нетерпѣливо перебилъ Джонни. — Тѣхъ обоихъ давно и слѣдъ простылъ. Кресси Макъ-Кинстри лакомится сливочнымъ мороженымъ въ кондитерской, и дядя Бенъ угощаетъ ее.

— Ну, хорошо, положимъ такъ, да вѣдь Сэтъ не знаетъ этого, дуракъ ты эдакій!—рѣзко возразилъ Рупертъ. Потомъ, обращаясь къ учителю, онъ прибавилъ вѣжливымъ тономъ:— Дѣйствительно, Девисъ замѣтилъ, какъ Добней ухаживаетъ за Кресси, и боится, что онъ сманитъ ее. Теперь вы понимаете, въ чемъ дѣло?

Однако учитель понялъ только одно. Молодая дѣвушка, безпечно убѣжавшая съ мѣста свиданія два дня тому назадъ, *предоставивъ ему* объясняться, какъ онъ хочетъ, съ разсер-

женною матерью, преспокойно лакомилась теперь мороженымъ, въ обществѣ совсѣмъ неподходящаго обожателя! Очевидно, она не сознавала того, что Фордъ ради нея рисковалъ своимъ положеніемъ и репутаціей, неожиданно впутавшись въ стычку непокорныхъ поселенцевъ съ представителями власти. Конечно, лакомиться мороженымъ — небольшое преступленіе, однако этотъ ничтожный фактъ достаточно освѣщалъ характеръ дочери Гирама при настоящихъ обстоятельствахъ. Учителю казалось, что онъ читаетъ ту же мысль не только въ прекрасныхъ глазахъ Руперта, но даже въ любопытныхъ взглядахъ Джонни. Оба мальчика смотрѣли на него, какъ будто въ замѣшательствѣ и въ то же время съ затаеннымъ участіемъ.

— Я полагаю, Джонни вѣритъ въ то, что̀ говоритъ; не такъ ли, Джонни? — И учитель улыбнулся ему съ безпечной веселостью. — Однако, лучше оставить Сэта въ покоѣ. Онъ нисколько не страшенъ. Разскажи мнѣ лучше про себя, Рупъ. Надѣюсь, дядя Бенъ не захочетъ разстаться съ своимъ юнымъ наставникомъ, не смотря на полученное богатство?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ Рупертъ, и его лицо просіяло отъ радости, — Добней обѣщалъ взять меня съ собой въ Сакраменто, какъ домашняго секретаря, если... если только...— и мальчикъ прибавилъ съ недѣтской осмотрительностью: — если дѣла пойдутъ, какъ онъ разсчитываетъ.—Онъ запнулся и его каріе глаза омрачились. — Мистеръ Фордъ, а ну какъ дядя Бенъ обманываетъ и меня, и себя?

Рупертъ впился въ учителя испытующимъ взглядомъ.

— Право, я самъ немного знаю объ этомъ, — уклончиво отвѣтилъ тотъ, вспоминая, какъ рудокопъ восторжествовалъ надъ его собственнымъ недовѣріемъ.—Судя по всему, Добней не заявилъ себя сумашедшимъ или хвастуномъ до такой степени, чтобъ его словамъ никто не могъ повѣрить. Мнѣ кажется, судьба улыбнется тебѣ, Рупертъ, и я отъ души желаю, чтобъ ты могъ воспользоваться счастливой случайностью, милый мальчикъ.

Онъ запустилъ пальцы въ шелковистыя кудри Руперта, какъ дѣлывалъ прежде въ минуты ласки. Ему хотѣлось даже нѣжнѣе обыкновеннаго приголубить мальчика, въ карихъ глазахъ котораго виднѣлись признаки грозы и бури.

— Ну, ступайте съ Богомъ домой, — мягко прибавилъ Фордъ.—Вамъ нечего безпокоиться обо мнѣ.

Онъ повернулся и пошелъ, но не успѣлъ сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ почувствовалъ, что его тянутъ за сюртукъ.

Это былъ опять таки неугомонный Джонни.

— Они пойдутъ домой по этой дорогѣ, — таинственнымъ шопотомъ сообщилъ мальчуганъ, поднимаясь на цыпочки.

— Кто?

— Кресси съ дядей Беномъ.

И, прежде чѣмъ учитель нашелся что нибудь отвѣтить, ребенокъ былъ уже далеко. Оба мальчика издали дѣлали ему знаки рукою, выражая свое сочувствіе; смущенный Фордъ не зналъ: смѣяться ли ему, или нахмуриться. Потомъ онъ пошелъ своей дорогой, но, не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться, направился къ городу въ обходъ, пустынной лѣсной тропинкой.

Солнце, склонявшееся къ закату, пронизывало лѣсъ своими красноватыми лучами, обливая золотомъ и пурпуромъ колонады стройныхъ сосновыхъ стволовъ, тогда какъ густыя вѣтви, переплетавшіяся между собою футовъ на пятьдесятъ отъ земли, оставались въ полумракѣ. Подвигаясь впередъ въ этомъ янтарномъ полусвѣтѣ, мистеръ Фордъ не слышалъ шума собственныхъ шаговъ; они замирали на скользкомъ коврѣ сосновыхъ иглъ, въ которомъ утопала нога, и учителю казалось, будто бы онъ странствуетъ въ какой-то области сновъ. Торжественное безмолвіе, царившее вокругъ, нарушалось только мѣрнымъ меланхолическимъ стукомъ птичьяго клюва о древесную кору. Это дроздъ долбилъ дерево. Другія птицы спѣшили на покой; здѣсь не было никакихъ признаковъ человѣческой близости, какъ будто городъ находился на цѣлыя мили разстоянія. Бѣдный Фордъ чуть не вообразилъ себя во власти лукаваго лѣснаго духа, когда услыхалъ, что его тихонько окликаютъ по имени. Торопливо оглянувшись, онъ увидѣлъ Кресси, бѣжавшую за нимъ. Даже въ эту минуту, въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ обнаженной головой и граціозной шейкой, вытянутой впередъ, съ развѣвавшимися косами, безъ шляпы, которая мѣшала ей при быстромъ бѣгѣ, молодая дѣвушка до такой степени напоминала вакханку, что Фордъ невольно вздрогнулъ. *Онъ остановился*: она подбѣжала и съ тихимъ смѣхомъ бро-

силась ему на грудь, обвивъ руками его шею. Потомъ, немного отдышавшись, Кресси воскликнула:

— Я гналась за тобой съ быстротою краснокожаго отъ самаго перекрестка и ты успѣлъ бы отъ меня десять разъ уйти, пока я отдѣлывалась всѣми правдами и неправдами отъ любезностей дяди Бена.

Она замолчала, вглядываясь въ разстроенное лицо Форда, а потомъ взяла его за щоки обѣими руками и, глядя своими влажными синими глазами прямо въ глаза учителя, лукаво замѣтила:

— Ты даже и не цѣлуешь меня. Что съ тобою?

— Не мнѣ ли слѣдуетъ задать тебѣ этотъ вопросъ? Вотъ ужь три дня, какъ мы не видались, послѣ того какъ ты оставила меня въ самомъ глупомъ положеніи, съ глазу на глазъ съ твоею матерью,—холодно отвѣтилъ онъ.

Это нравоученіе было придумано имъ раньше, но теперь оно звучало какъ-то малодушно и неубѣдительно.

— Да, да! — воскликнула Кресси, откровенно разсмѣявшись и прижимаясь лицомъ къ жилету Форда.—Видишь ли, мой маленькій дэнди, — дѣвушка всегда называла такъ учителя,—послѣ всего случившагося, я находила нужнымъ вести себя поосторожнѣй. Ну, разскажи мнѣ однако, какъ ты выпутался, — продолжала она, принимаясь перевязывать ему галстукъ.

— Неужели ты хочешь провести меня, дѣлая видъ, будто бы ничего не слыхала отъ своей матери!—воскликнулъ Фордъ уже съ негодованіемъ.

— Съ чего же она стала бы говорить объ этомъ! — небрежно возразила Кресси. — Моя мать никогда не касается подобныхъ вещей въ разговорѣ со мною, милый Джекъ.

— И ты рѣшительно ничего не знаешь?

Кресси отрицательно покачала головой, потомъ обвила одною изъ своихъ косъ шею Форда и хотѣла засунуть одну прядь ему въ ротъ, но когда онъ мрачно уклонился отъ этого, она сама взяла ее между зубовъ. Однако невѣдѣніе дѣвушки насчетъ случившагося все таки не оправдывало въ глазахъ учителя обиднаго равнодушія, выказаннаго ею въ послѣдніе дни. Сознавая, что онъ нѣсколько смѣшенъ въ данную ми-

нуту, молодой человѣкъ все таки замѣтилъ саркастическимъ тономъ:

— Можно спросить тебя, какъ по твоему должно было окончиться мое неожиданное столкновеніе съ миссисъ Макъ-Кинстри?

— Я думала, дружокъ, что ты съумѣешь ловко соврать, какъ сдѣлалъ бы всякій мужчина на твоемъ мѣстѣ, — откровенно заявила Кресси.—При твоемъ умѣ, развѣ трудно было выдумать какую нибудь отговорку? Опасаясь разспросовъ отца, я ужь устроила кое-что. Хвастунишка Мастерсъ обѣщалъ мнѣ поклясться всѣми богами, что это онъ былъ со мною въ ригѣ. Потомъ я хотѣла сказать отцу, будто бы ты случайно зашелъ ко мнѣ, какъ разъ передъ приходомъ матери и что я вылѣзла изъ окошка, желая догнать Мастерса. Конечно, — поспѣшно прибавила Кресси, туже стягивая косу вокругъ шеи учителя, когда тотъ сдѣлалъ внезапную попытку освободиться, — я не сказала Мастерсу, зачѣмъ мнѣ нужна его клятва, и онъ не знаетъ, что ты былъ въ ригѣ.

— Кресси,—воскликнулъ окончательно взбѣшенный Фордъ,— или ты сошла съ ума, или считаешь меня дуракомъ!

Она измѣнилась въ лицѣ, взглянула на него испуганно и съ недоумѣніемъ, а потомъ обвела глазами вокругъ. Въ лѣсу начинало темнѣть.

— Если ты хочешь со мною ссориться, Джекъ,—взволнованно произнесла дѣвушка,—то, ради Бога, не дѣлай этого на виду у людей.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Объяснись, пожалуйста,— съ негодованіемъ промолвилъ Фордъ, слѣдя за направленіемъ ея взгляда.

— Я хочу сказать, что если ты, мой дорогой... Однимъ словомъ, если у насъ пойдетъ все такъ, какъ у другихъ, то лучше намъ беречь про себя свою тайну.

Онъ взглянулъ на нее съ горькимъ недоумѣніемъ. Неужели дѣвушку больше пугала огласка ихъ ссоры, чѣмъ ихъ близости?

— Послушай, — нѣжно заговорила Кресси, по прежнему съ тревогой оглядываясь по сторонамъ,—пойдемъ лучше въ ложбину. Тамъ мы будемъ въ безопасности. Вѣдь это близко: *всего нѣсколько* шаговъ.

Продолжая держать его за шею своей косой, она почти потащила Форда за собою. Вправо отъ дороги было углубленіе въ землѣ, происшедшее отъ пониженія почвы, подмытой подземными ключами, или отъ корчеванія пней вѣковыхъ деревьевъ. Тутъ Кресси заставила учителя спуститься въ овражекъ, посадила его на мшистый пень и, отряхнувъ свое платье, усѣлась къ нему на колѣни, съ видомъ избалованнаго ребенка; это вышло кокетливо и мило. Ея руки охватили его шею въ помощь косѣ, обмотанной вокругъ воротника учителя.

— Ну, теперь слушай меня и не кричи такъ громко,— начала она, поворачивая къ себѣ его лицо.—Почему ты сталъ другимъ, мой негритенокъ?

Надо замѣтить, что всѣ ласкательныя имена, которыя употребляла Кресси, принадлежали къ діалекту негровъ, такъ какъ, во время краткаго періода ея младенчества, за дѣвочкой ходила черная невольница и у дочери Гирама Макъ-Кинстри не было другихъ товарищей игръ, кромѣ негритянскихъ дѣтей. Нисколько не думая смягчаться, мистеръ Фордъ холодно повторилъ, что его крайне удивляетъ странное равнодушіе Кресси къ происшедшему скандалу и еще болѣе странныя попытки поправить бѣду. Онъ разсказалъ о своей стычкѣ съ миссисъ Макъ-Кинстри, о своемъ вынужденномъ вмѣшательствѣ въ ссору съ Гаррисонами, о нахальствѣ Сэта и нѣмой, отчаянной борьбѣ между ними на сѣновалѣ. Но если цивилизованный житель сѣверныхъ штатовъ воображалъ, что дочь югозападнаго піонера придетъ въ восторгъ отъ его участія въ партизанской дракѣ и оцѣнитъ его самоотверженіе, то горько ошибся. Кресси по доброй волѣ освободила Форда отъ своихъ объятій, размотала косу съ его шеи и, стиснувъ хорошенькія ручки между колѣнъ, положила ногу на ногу, задумчиво любуясь картиной заката.

— Мамѣ не слѣдовало поступать такъ глупо, а съ твоей стороны было бы лучше всего выскочить въ окно вслѣдъ за мною,—замѣтила она съ равнодушнымъ вздохомъ. — Драться тебѣ не пристало — это занятіе прилично только здѣшнимъ буянамъ. Что же касается Сэта, то онъ, вѣроятно, не оставитъ тебя въ покоѣ.

— Я могу защитить самъ себя, — надменно возразилъ Фордъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ находился подъ гнетущимъ сознаніемъ, что его легкая и граціозная ноша замышляетъ какой нибудь геройскій поступокъ въ его пользу.

— Сэтъ можетъ надѣлать тебѣ много зла, дитя мое,— наивно сказала она. — Потомъ, когда учитель сдѣлалъ попытку встать, Кресси продолжала.—Нѣтъ, подожди немного. Я знаю, ты скорѣе допустишь, чтобы они убили тебя, чѣмъ уступить имъ. Но вѣдь они не могутъ жить безъ драки: это ихъ ремесло! Кромѣ этого, они ничего не умѣютъ дѣлать. И вотъ почему ты не похожъ на нихъ, почему тебя нельзя сравнивать съ ихъ подлымъ родомъ! Вотъ почему ты—*мой* мальчикъ и я тебя люблю.

Кресси налегла всей своей тяжестью на плечо Форда, пока не заставила его опять сѣсть на прежнее мѣсто. Потомъ, снова обнявъ его за шею, она стала пристально вглядываться ему въ лицо. Живой румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ, глаза сдѣлались какъ будто больше и черты приняли то выраженіе сосредоточенности, которое такъ преобразило дѣвушку во время памятнаго „общедоступнаго“ бала. Ея губы слегка раскрылись и она заговорила какъ будто про себя:

— Что намъ за дѣло до всѣхъ этихъ людей! Пускай себѣ Сэтъ ревнуетъ на здоровье, дядя Бенъ съ Мастерсомъ сходятъ съ ума, отецъ и мать перебраниваются между собою? Стоитъ ли тревожиться тѣмъ, что они думаютъ о насъ, какіе строятъ замыслы, чего добиваются, что ихъ сердитъ? Мы любимъ другъ друга и принадлежимъ взаимно, безъ ихъ вѣдома и вмѣшательства. Съ нашей первой встрѣчи, ни отецъ, ни мать, ни Сэтъ, ни Мастерсъ, ни ты, ни я не могли противиться этому. Любовь не спрашивала нашего согласія, а просто овладѣла нами, наперекоръ безсильной злобѣ Девиса, нелѣпому ухаживанью дяди Бена и глупой гордости Мастерса. Зная это, я не мѣшала Сэту бѣситься, дядѣ Бену—строить изъ себя дурака, а Мастерсу шутить со мною. А зачѣмъ? Чтобы они оставили меня въ покоѣ съ моимъ мальчикомъ. И эти люди остались при своемъ, а мы были счастливы.

Туманная и непослѣдовательная теорія Кресси, тѣмъ не *менѣе, подѣйствовала* на Форда силой убѣжденія.

— Но къ какому концу мы придемъ, дорогая Кресси?— страстно воскликнулъ онъ.

Она очнулась отъ своей задумчивости, нѣжный румянецъ снова заигралъ на ея подвижномъ лицѣ.

— Къ какому концу, мой ненаглядный?—безпечно повторила она.—Да вѣдь ты не собираешься жениться на мнѣ, не такъ ли?

Онъ покраснѣлъ, смутился и пробормоталъ:

— Конечно, собираюсь.

Однако его прежнія колебанія и теперешнее недовѣріе къ ней сквозили въ тонѣ этихъ словъ, а щоки Форда подозрительно пылали.

— Нѣтъ, милый,—спокойно произнесла она, наклонившись впередъ, и, развязавъ башмачокъ, принялась вытряхивать изъ него пыль и сосновыя иглы. Нѣтъ! Я не настолько образована, чтобъ быть настоящей хозяйкой для твоего дома, и ты хорошо понимаешь это. Кромѣ того, еслибъ дѣло дошло до свадьбы, то всѣмъ стало бы извѣстно про нашу любовь, а тогда прощай таинственныя свиданія! Помолвка между нами слишкомъ напоминала бы мнѣ глупую исторію съ Сэтомъ. Видишь, я читаю въ твоей душѣ, мой прелестный дэнди, и не ошибаюсь, потому что ты въ самомъ дѣлѣ дэнди и тебѣ не къ лицу жениться на дѣвушкѣ изъ южныхъ лѣсовъ, у которой нѣтъ теперь, послѣ войны, ни единаго чернаго невольника, чтобъ доставлять ей средства къ жизни. Какая ужъ тутъ женитьба!—продолжала Кресси, быстро вскинувъ своей гордой головкой.

Мистеръ Фордъ, опомнившійся отъ смущенія, отлично понялъ въ эту минуту, для чего понадобилось Кресси вытряхивать свой башмачокъ.

— Да, такъ-то, милый!—продолжала дѣвушка. — Будемъ жить, пока живется. А теперь, моя радость, мнѣ скоро нужно уходить. Скажи мнѣ что нибудь хорошее на прощанье. Повтори, что ты меня любишь, какъ говаривалъ прежде, разскажи, что съ тобой происходило на балу, когда ты понялъ, что мы полюбили другъ друга. Впрочемъ, нѣтъ, постой, поцѣлуй меня прежде, еще, еще... Вѣдь я заслужила это!

(Окончаніе будетъ).

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

Ночь.

Откуда-то неслись чарующіе звуки... Луна высоко плыла въ небѣ, покрытая свѣтлой дымкой перистыхъ облаковъ. Серебристый лучъ ея ложился бликами на листвѣ лавровъ, столпившихся у моря на садовой скамьѣ, по тихой водѣ... Изъ окутавшаго природу мрака, изъ прозрачной тѣни вырывалъ онъ то уголъ ступеньки, то край старой, искрошенной временемъ, каменной вазы на высокомъ пьедесталѣ, украшавшей запущенный паркъ. Воздухъ, напоенный сладкимъ запахомъ бѣлой акаціи и кипарисовъ, былъ неподвиженъ... Въ сладострастномъ томленіи, подъ покровомъ южной страстной ночи, послѣ знойнаго дня, природа дремала, полная томной нѣги... А звуки росли, все росли, широкой волной врываясь въ эту чудную ночь... Гдѣ-то, неподалеку, журчала вода.

Ахъ, что за ночь!

На широкой каменной скамьѣ, въ задумчивой позѣ, машинально чертя что-то на землѣ зонтикомъ, сидѣла молодая и красивая женщина. Широкія поля соломенной шляпы бросали прозрачную тѣнь на ея блѣдное лицо. Думы осаждали ее; онѣ не успѣли еще выясниться, не успѣли осѣсть въ ея головѣ, кристаллизоваться въ опредѣленныя формы, и притомъ ихъ было такъ много, что она не съумѣла бы въ нихъ скоро разобраться. Какія-то отдѣльныя фразы; гдѣ-то, когда-то слышанные, любимые мотивы, стихи,—очень много стиховъ;—имена и воспоминанья, все это мѣшалось въ ея головѣ, смѣняя другъ друга въ туманныхъ образахъ, въ безформенныхъ представленіяхъ, въ смутныхъ грёзахъ

— Ахъ, что за чудная ночь,—мелькало у нея:—«И ночь, и любовь, и луна...» «Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива, въ лохмотья яркія пестро наряжена, жизнь только издали намъ кажется красива и только издали влечетъ къ себѣ она»—вспомнила она стихи жившаго и умершаго здѣсь въ Крыму молодаго

эта.—Не правда же, не правда!—прерывала эти, промелькнувшіе ея сознаніи, стихи новая мысль:—развѣ это не жизнь? И развѣ а не дѣйствительно нарядна и красива? Тысячу разъ: да!.. А а пѣсня, эти милые звуки... но что же это, однако? Что-то очень, ень знакомое... какіе нѣжные, манящіе звуки!.. А-а! да вѣдь о—серенада Мошковскаго! ну... такъ, такъ и есть... и сколько ши въ исполненіи... Да, «нарядна и красива...» И я *тогда*... ла нарядна и красива.

Счастливая улыбка осѣнила ея лицо при э мъ воспоминаніи.

— Я ушла отъ него, чтобы предаться м амъ; неужели онъ перь, въ эту ночь, спитъ?! Это невозможно... Какъ хороша се-нада! Я особенно люблю эту вещь. Непостижимо-красиво... Гдѣ ѣжитъ ручеекъ? должно быть, очень ужь близко за скамейкой. акъ волшебно-хороши эти мирты и кедры, и скалы надъ водой; хорошо пахнетъ акація, бѣлая акація... есть духи такіе...

Сквозь этотъ хаосъ разнообразныхъ настроеній — ибо это не ли мысли—смутно и незамѣтно пробивало себѣ дорогу что-то устное и унылое, безцеремонно расталкивая громоздившіяся угъ на друга представленія; что-то ноющее и больное, не да-вшее возможности предаться вполнѣ свѣтлому настроенію, выби-лось наружу, напоминая о себѣ, какъ пріѣвшійся непріятный тивъ, какъ давно надоѣвшая неотвязная фраза.

— «И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья, полномъ жизни, явится вдругъ выраженье тупаго терпѣнья и безсмысленный, чный испугъ... И схоронять въ сырую могилу, какъ пройдешь тяжелый свой путь, безполезно угасшую силу и ничѣмъ несо-ѣтую грудь». Въ такую ночь и вдругъ лѣзетъ же этакое въ го-ву,—думала она.—Хоть убей, не припомню, откуда это... что-то хожее на Некрасова, только что же именно, и его ли?

Вдали на колокольнѣ били часы.

Она машинально считала ихъ удары, и въ то же время новые ихи замѣнили только что промелькнувшіе; пока они явились, ia успѣла подумать: «вотъ стихотворное настроеніе!» — «Пора-ена потерей невозвратной...» Что я знаю еще изъ Некрасова? «Я осѣтилъ твое кладбище...» что же это все грустное такое? Да, ще: «Я не люблю ироніи твоей: оставь ее отжившимъ и нежив-шимъ, а намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ, еще остатокъ увства сохранившимъ,—намъ рано предаваться ей!..»

И вдругъ отчетливо и ярко выбилась наружу назойливая мысль, рокинувъ разомъ свѣтлое настроеніе, овладѣвшее было мечта-льницей.

Это его л ле стихи... Не его, не его, котораго она только

шался бы его. Но этотъ мальчишка даже по утрамъ, еще лежа въ постели, придумываетъ, что бы такое соврать ему въ теченіе дня. Впрочемъ, если вы сами спрашиваете меня и если вамъ показалось, будто бы кто-то подсматриваетъ за вами, я готовъ отвѣчать. Джонни увѣряетъ, что Сэтъ Девисъ постоянно шпіонитъ вокругъ школы. Онъ притащилъ меня сюда нарочно, чтобъ подстеречь его, и говоритъ, будто бы Девисъ сію минуту былъ тутъ.

— Съ ножемъ и пистолетомъ, — прибавилъ Джонни, необузданное воображеніе котораго не могло ограничиться дѣйствительными фактами.

Мистеръ Фордъ пристально посмотрѣлъ сначала на одного, потомъ на другаго мальчика; открытіе Джонни не особенно подѣйствовало на учителя, но ему хотѣлось знать, извѣстно ли ребятишкамъ его участіе во вчерашнемъ происшествіи.

— А что ты самъ думаешь объ этомъ, Рупертъ? — спросилъ онъ небрежнымъ тономъ.

— Если Джонни не вретъ, то, можетъ быть, Сэтъ Девисъ слѣдитъ за Кресси, которая вѣчно гоняется за вами, сэръ,— отвѣчалъ старшій Фильджи и покраснѣлъ, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей фатальной откровенности. Желая деликатнымъ образомъ выпутаться изъ бѣды, онъ торопливо прибавилъ:—Пожалуй, Девисъ ревнуетъ дѣвчонку къ дядѣ Бену, воображая, что тотъ станетъ ухаживать за ней теперь, когда сдѣлался богачемъ. Вѣрно, Сетъ узналъ про вечернія занятія Добнея въ школѣ и, пожалуй...

— Совсѣмъ не то! — нетерпѣливо перебилъ Джонни. — Тѣхъ обоихъ давно и слѣдъ простылъ. Кресси Макъ-Кинстри лакомится сливочнымъ мороженымъ въ кондитерской, и дядя Бенъ угощаетъ ее.

— Ну, хорошо, положимъ такъ, да вѣдь Сэтъ не знаетъ этого, дуракъ ты эдакій!—рѣзко возразилъ Рупертъ. Потомъ, обращаясь къ учителю, онъ прибавилъ вѣжливымъ тономъ:— Дѣйствительно, Девисъ замѣтилъ, какъ Добней ухаживаетъ за Кресси, и боится, что онъ сманитъ ее. Теперь вы понимаете, въ чемъ дѣло?

Однако учитель понялъ только одно. Молодая дѣвушка, безпечно убѣжавшая съ мѣста свиданія два дня тому назадъ, *предоставивъ ему* объясняться, какъ онъ хочетъ, съ разсер-

женною матерью, преспокойно лакомилась теперь мороженымъ, въ обществѣ совсѣмъ неподходящаго обожателя! Очевидно, она не сознавала того, что Фордъ ради нея рисковалъ своимъ положеніемъ и репутаціей, неожиданно впутавшись въ стычку непокорныхъ поселенцевъ съ представителями власти. Конечно, лакомиться мороженымъ — небольшое преступленіе, однако этотъ ничтожный фактъ достаточно освѣщалъ характеръ дочери Гирама при настоящихъ обстоятельствахъ. Учителю казалось, что онъ читаетъ ту же мысль не только въ прекрасныхъ глазахъ Руперта, но даже въ любопытныхъ взглядахъ Джонни. Оба мальчика смотрѣли на него, какъ будто въ замѣшательствѣ и въ то же время съ затаеннымъ участіемъ.

— Я полагаю, Джонни вѣритъ въ то, что̀ говоритъ; не такъ ли, Джонни? — И учитель улыбнулся ему съ безпечной веселостью. — Однако, лучше оставить Сэта въ покоѣ. Онъ нисколько не страшенъ. Разскажи мнѣ лучше про себя, Рупъ. Надѣюсь, дядя Бенъ не захочетъ разстаться съ своимъ юнымъ наставникомъ, не смотря на полученное богатство?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ Рупертъ, и его лицо просіяло отъ радости, — Добней обѣщалъ взять меня съ собой въ Сакраменто, какъ домашняго секретаря, если... если только...— и мальчикъ прибавилъ съ недѣтской осмотрительностью: — если дѣла пойдутъ, какъ онъ разсчитываетъ.—Онъ запнулся и его каріе глаза омрачились. — Мистеръ Фордъ, а ну какъ дядя Бенъ обманываетъ и меня, и себя?

Рупертъ впился въ учителя испытующимъ взглядомъ.

— Право, я самъ немного знаю объ этомъ, — уклончиво отвѣтилъ тотъ, вспоминая, какъ рудокопъ восторжествовалъ надъ его собственнымъ недовѣріемъ.—Судя по всему, Добней не заявилъ себя сумашедшимъ или хвастуномъ до такой степени, чтобъ его словамъ никто не могъ повѣрить. Мнѣ кажется, судьба улыбнется тебѣ, Рупертъ, и я отъ души желаю, чтобъ ты могъ воспользоваться счастливой случайностью, милый мальчикъ.

Онъ запустилъ пальцы въ шелковистыя кудри Руперта, какъ дѣлывалъ прежде въ минуты ласки. Ему хотѣлось даже нѣжнѣе обыкновеннаго приголубить мальчика, въ карихъ глазахъ котораго виднѣлись признаки грозы и бури.

— Ну, ступайте съ Богомъ домой, — мягко прибавилъ Фордъ.—Вамъ нечего безпокоиться обо мнѣ.

Онъ повернулся и пошелъ, но не успѣлъ сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ почувствовалъ, что его тянутъ за сюртукъ.

Это былъ опять таки неугомонный Джонни.

— Они пойдутъ домой по этой дорогѣ, — таинственнымъ шопотомъ сообщилъ мальчуганъ, поднимаясь на цыпочки.

— Кто?

— Кресси съ дядей Беномъ.

И, прежде чѣмъ учитель нашелся что нибудь отвѣтить, ребенокъ былъ уже далеко. Оба мальчика издали дѣлали ему знаки рукою, выражая свое сочувствіе: смущенный Фордъ не зналъ: смѣяться ли ему, или нахмуриться. Потомъ онъ пошелъ своей дорогой, но, не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться, направился къ городу въ обходъ, пустынной лѣсной тропинкой.

Солнце, склонявшееся къ закату, пронизывало лѣсъ своими красноватыми лучами, обливая золотомъ и пурпуромъ колоннады стройныхъ сосновыхъ стволовъ, тогда какъ густыя вѣтви, переплетавшіяся между собою футовъ на пятьдесятъ отъ земли, оставались въ полумракѣ. Подвигаясь впередъ въ этомъ янтарномъ полусвѣтѣ, мистеръ Фордъ не слышалъ шума собственныхъ шаговъ; они замирали на скользкомъ коврѣ сосновыхъ иглъ, въ которомъ утопала нога, и учителю казалось, будто бы онъ странствуетъ въ какой-то области сновъ. Торжественное безмолвіе, царившее вокругъ, нарушалось только мѣрнымъ меланхолическимъ стукомъ птичьяго клюва о древесную кору. Это дроздъ долбилъ дерево. Другія птицы спѣшили на покой; здѣсь не было никакихъ признаковъ человѣческой близости, какъ будто городъ находился на цѣлыя мили разстоянія. Бѣдный Фордъ чуть не вообразилъ себя во власти лукаваго лѣснаго духа, когда услыхалъ, что его тихонько окликаютъ по имени. Торопливо оглянувшись, онъ увидѣлъ Кресси, бѣжавшую за нимъ. Даже въ эту минуту, въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ обнаженной головой и граціозной шейкой, вытянутой впередъ, съ развѣвавшимися косами, безъ шляпы, которая мѣшала ей при быстромъ бѣгѣ, молодая дѣвушка до такой степени напоминала вакханку, что Фордъ невольно вздрогнулъ. *нъ остановился*: она подбѣжала и съ тихимъ смѣхомъ бро-

силась ему на грудь, обвивъ руками его шею. Потомъ, немного отдышавшись, Кресси воскликнула:

— Я гналась за тобой съ быстротою краснокожаго отъ самаго перекрестка и ты успѣлъ бы отъ меня десять разъ уйти, пока я отдѣлывалась всѣми правдами и неправдами отъ любезностей дяди Бена.

Она замолчала, вглядываясь въ разстроенное лицо Форда, а потомъ взяла его за щоки обѣими руками и, глядя своими влажными синими глазами прямо въ глаза учителя, лукаво замѣтила:

— Ты даже и не цѣлуешь меня. Что съ тобою?

— Не мнѣ ли слѣдуетъ задать тебѣ этотъ вопросъ? Вотъ ужь три дня, какъ мы не видались, послѣ того какъ ты оставила меня въ самомъ глупомъ положеніи, съ глазу на глазъ съ твоею матерью,—холодно отвѣтилъ онъ.

Это нравоученіе было придумано имъ раньше, но теперь оно звучало какъ-то малодушно и неубѣдительно.

— Да, да! — воскликнула Кресси, откровенно разсмѣявшись и прижимаясь лицомъ къ жилету Форда.—Видишь ли, мой маленькій дэнди, — дѣвушка всегда называла такъ учителя,—послѣ всего случившагося, я находила нужнымъ вести себя поосторожнѣй. Ну, разскажи мнѣ однако, какъ ты выпутался, — продолжала она, принимаясь перевязывать ему галстукъ.

— Неужели ты хочешь провести меня, дѣлая видъ, будто бы ничего не слыхала отъ своей матери!—воскликнулъ Фордъ уже съ негодованіемъ.

— Съ чего же она стала бы говорить объ этомъ! — небрежно возразила Кресси. — Моя мать никогда не касается подобныхъ вещей въ разговорѣ со мною, милый Джекъ.

— И ты рѣшительно ничего не знаешь?

Кресси отрицательно покачала головой, потомъ обвила одною изъ своихъ косъ шею Форда и хотѣла засунуть одну прядь ему въ ротъ, но когда онъ мрачно уклонился отъ этого, она сама взяла ее между зубовъ. Однако невѣдѣніе дѣвушки насчетъ случившагося все таки не оправдывало въ глазахъ учителя обиднаго равнодушія, выказаннаго ею въ послѣдніе дни. Сознавая, что онъ нѣсколько смѣшенъ въ данную мо-

нуту, молодой человѣкъ все таки замѣтилъ саркастическимъ тономъ:

— Можно спросить тебя, какъ по твоему должно было окончиться мое неожиданное столкновеніе съ миссисъ Макъ-Кинстри?

— Я думала, дружокъ, что ты съумѣешь ловко соврать, какъ сдѣлалъ бы всякій мужчина на твоемъ мѣстѣ, — откровенно заявила Кресси.—При твоемъ умѣ, развѣ трудно было выдумать какую нибудь отговорку? Опасаясь разспросовъ отца, я ужь устроила кое-что. Хвастунишка Мастерсъ обѣщалъ мнѣ поклясться всѣми богами, что это онъ былъ со мною въ ригѣ. Потомъ я хотѣла сказать отцу, будто бы ты случайно зашелъ ко мнѣ, какъ разъ передъ приходомъ матери и что я вылѣзла изъ окошка, желая догнать Мастерса. Конечно, — поспѣшно прибавила Кресси, туже стягивая косу вокругъ шеи учителя, когда тотъ сдѣлалъ внезапную попытку освободиться, — я не сказала Мастерсу, зачѣмъ мнѣ нужна его клятва, и онъ не знаетъ, что ты былъ въ ригѣ.

— Кресси,—воскликнулъ окончательно взбѣшенный Фордъ,— или ты сошла съ ума, или считаешь меня дуракомъ!

Она измѣнилась въ лицѣ, взглянула на него испуганно и съ недоумѣніемъ, а потомъ обвела глазами вокругъ. Въ лѣсу начинало темнѣть.

— Если ты хочешь со мною ссориться, Джекъ,—взволнованно произнесла дѣвушка,—то, ради Бога, не дѣлай этого на виду у людей.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Объяснись, пожалуйста,— съ негодованіемъ промолвилъ Фордъ, слѣдя за направленіемъ ея взгляда.

— Я хочу сказать, что если ты, мой дорогой... Однимъ словомъ, если у насъ пойдетъ все такъ, какъ у другихъ, то лучше намъ беречь про себя свою тайну.

Онъ взглянулъ на нее съ горькимъ недоумѣніемъ. Неужели дѣвушку больше пугала огласка ихъ ссоры, чѣмъ ихъ близости?

— Послушай, — нѣжно заговорила Кресси, по прежнему съ тревогой оглядываясь по сторонамъ,—пойдемъ лучше въ *ложбину*. Тамъ мы будемъ въ безопасности. Вѣдь это близко: *всего нѣсколько* шаговъ.

Продолжая держать его за шею своей косой, она почти потащила Форда за собою. Вправо отъ дороги было углубленіе въ землѣ, происшедшее отъ пониженія почвы, подмытой подземными ключами, или отъ корчеванія пней вѣковыхъ деревьевъ. Тутъ Кресси заставила учителя спуститься въ овражекъ, посадила его на мшистый пень и, отряхнувъ свое платье, усѣлась къ нему на колѣни, съ видомъ избалованнаго ребенка; это вышло кокетливо и мило. Ея руки охватили его шею въ помощь косѣ, обмотанной вокругъ воротника учителя.

— Ну, теперь слушай меня и не кричи такъ громко,— начала она, поворачивая къ себѣ его лицо.—Почему ты сталъ другимъ, мой негритенокъ?

Надо замѣтить, что всѣ ласкательныя имена, которыя употребляла Кресси, принадлежали къ діалекту негровъ, такъ какъ, во время краткаго періода ея младенчества, за дѣвочкой ходила черная невольница и у дочери Гирама Макъ-Кинстри не было другихъ товарищей игръ, кромѣ негритянскихъ дѣтей. Нисколько не думая смягчаться, мистеръ Фордъ холодно повторилъ, что его крайне удивляетъ странное равнодушіе Кресси къ происшедшему скандалу и еще болѣе странныя попытки поправить бѣду. Онъ разсказалъ о своей стычкѣ съ миссисъ Макъ-Кинстри, о своемъ вынужденномъ вмѣшательствѣ въ ссору съ Гаррисонами, о нахальствѣ Сэта и нѣмой, отчаянной борьбѣ между ними на сѣновалѣ. Но если цивилизованный житель сѣверныхъ штатовъ воображалъ, что дочь югозападнаго піонера придетъ въ восторгъ отъ его участія въ партизанской дракѣ и оцѣнитъ его самоотверженіе, то горько ошибся. Кресси по доброй волѣ освободила Форда отъ своихъ объятій, размотала косу съ его шеи и, стиснувъ хорошенькія ручки между колѣнъ, положила ногу на ногу, задумчиво любуясь картиной заката.

— Мамѣ не слѣдовало поступать такъ глупо, а съ твоей стороны было бы лучше всего выскочить въ окно вслѣдъ за мною,—замѣтила она съ равнодушнымъ вздохомъ. — Драться тебѣ не пристало — это занятіе прилично только здѣшнимъ буянамъ. Что же касается Сэта, то онъ, вѣроятно, не оставитъ тебя въ покоѣ.

— Я могу защитить самъ себя, — надменно возразилъ Фордъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ находился подъ гнетущимъ сознаніемъ, что его легкая и граціозная ноша замышляетъ какой нибудь геройскій поступокъ въ его пользу.

— Сэтъ можетъ надѣлать тебѣ много зла, дитя мое,— наивно сказала она. — Потомъ, когда учитель сдѣлалъ попытку встать, Кресси продолжала.—Нѣтъ, подожди немного. Я знаю, ты скорѣе допустишь, чтобы они убили тебя, чѣмъ уступить имъ. Но вѣдь они не могутъ жить безъ драки: это ихъ ремесло! Кромѣ этого, они ничего не умѣютъ дѣлать. И вотъ почему ты не похожъ на нихъ, почему тебя нельзя сравнивать съ ихъ подлымъ родомъ! Вотъ почему ты—*мой* мальчикъ и я тебя люблю.

Кресси налегла всей своей тяжестью на плечо Форда, пока не заставила его опять сѣсть на прежнее мѣсто. Потомъ, снова обнявъ его за шею, она стала пристально вглядываться ему въ лицо. Живой румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ, глаза сдѣлались какъ будто больше и черты приняли то выраженіе сосредоточенности, которое такъ преобразило дѣвушку во время памятнаго „общедоступнаго“ бала. Ея губы слегка раскрылись и она заговорила какъ будто про себя:

— Что намъ за дѣло до всѣхъ этихъ людей! Пускай себѣ Сэтъ ревнуетъ на здоровье, дядя Бенъ съ Мастерсомъ сходятъ съ ума, отецъ и мать перебраниваются между собою? Стоитъ ли тревожиться тѣмъ, что они думаютъ о насъ, какіе строятъ замыслы, чего добиваются, что ихъ сердитъ? Мы любимъ другъ друга и принадлежимъ взаимно, безъ ихъ вѣдома и вмѣшательства. Съ нашей первой встрѣчи, ни отецъ, ни мать, ни Сэтъ, ни Мастерсъ, ни ты, ни я не могли противиться этому. Любовь не спрашивала нашего согласія, а просто овладѣла нами, наперекоръ безсильной злобѣ Девиса, нелѣпому ухаживанью дяди Бена и глупой гордости Мастерса. Зная это, я не мѣшала Сэту бѣситься, дядѣ Бену—строить изъ себя дурака, а Мастерсу шутить со мною. А зачѣмъ? Чтобы они оставили меня въ покоѣ съ моимъ мальчикомъ. И эти люди остались при своемъ, а мы были счастливы.

Туманная и непослѣдовательная теорія Кресси, тѣмъ не *менѣе, подѣйствовала* на Форда силой убѣжденія.

— Но къ какому концу мы придемъ, дорогая Кресси?— страстно воскликнулъ онъ.

Она очнулась отъ своей задумчивости, нѣжный румянецъ снова заигралъ на ея подвижномъ лицѣ.

— Къ какому концу, мой ненаглядный?—безпечно повторила она.—Да вѣдь ты не собираешься жениться на мнѣ, не такъ ли?

Онъ покраснѣлъ, смутился и пробормоталъ:

— Конечно, собираюсь.

Однако его прежнія колебанія и теперешнее недовѣріе къ ней сквозили въ тонѣ этихъ словъ, а щоки Форда подозрительно пылали.

— Нѣтъ, милый,—спокойно произнесла она, наклонившись впередъ, и, развязавъ башмачокъ, принялась вытряхивать изъ него пыль и сосновыя иглы. Нѣтъ! Я не настолько образована, чтобъ быть настоящей хозяйкой для твоего дома, и ты хорошо понимаешь это. Кромѣ того, еслибъ дѣло дошло до свадьбы, то всѣмъ стало бы извѣстно про нашу любовь, а тогда прощай таинственныя свиданія! Помолвка между нами слишкомъ напоминала бы мнѣ глупую исторію съ Сэтомъ. Видишь, я читаю въ твоей душѣ, мой прелестный дэнди, и не ошибаюсь, потому что ты въ самомъ дѣлѣ дэнди и тебѣ не къ лицу жениться на дѣвушкѣ изъ южныхъ лѣсовъ, у которой нѣтъ теперь, послѣ войны, ни единаго чернаго невольника, чтобъ доставлять ей средства къ жизни. Какая ужъ тутъ женитьба!—продолжала Кресси, быстро вскинувъ своей гордой головкой.

Мистеръ Фордъ, опомнившійся отъ смущенія, отлично понялъ въ эту минуту, для чего понадобилось Кресси вытряхивать свой башмачокъ.

— Да, такъ-то, милый!—продолжала дѣвушка. — Будемъ жить, пока живется. А теперь, моя радость, мнѣ скоро нужно уходить. Скажи мнѣ что нибудь хорошее на прощанье. Повтори, что ты меня любишь, какъ говаривалъ прежде, разскажи, что съ тобой происходило на балу, когда ты понялъ, что мы полюбили другъ друга. Впрочемъ, нѣтъ, постой, поцѣлуй меня прежде, еще, еще... Вѣдь я заслужила это!

(Окончаніе будетъ).

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

Ночь.

Откуда-то неслись чарующіе звуки... Луна высоко плыла въ небѣ, покрытая свѣтлой дымкой перистыхъ облаковъ. Серебристый лучъ ея ложился бликами на листвѣ лавровъ, столпившихся у моря на садовой скамьѣ, по тихой водѣ... Изъ окутавшаго природу мрака, изъ прозрачной тѣни вырывалъ онъ то уголъ ступеньки, то край старой, искрошенной временемъ, каменной вазы на высокомъ пьедесталѣ, украшавшей запущенный паркъ. Воздухъ, напоенный сладкимъ запахомъ бѣлой акаціи и кипарисовъ, былъ неподвиженъ... Въ сладострастномъ томленіи, подъ покровомъ южной страстной ночи, послѣ знойнаго дня, природа дремала, полная томной нѣги... А звуки росли, все росли, широкой волной врываясь въ эту чудную ночь... Гдѣ-то, неподалеку, журчала вода.

Ахъ, что за ночь!

На широкой каменной скамьѣ, въ задумчивой позѣ, машинально чертя что-то на землѣ зонтикомъ, сидѣла молодая и красивая женщина. Широкія поля соломенной шляпы бросали прозрачную тѣнь на ея блѣдное лицо. Думы осаждали ее; онѣ не успѣли еще выясниться, не успѣли осѣсть въ ея головѣ, кристаллизоваться въ опредѣленныя формы, и притомъ ихъ было такъ много, что она не съумѣла бы въ нихъ скоро разобраться. Какія-то отдѣльныя фразы; гдѣ-то, когда-то слышанные, любимые мотивы, стихи,—очень много стиховъ;—имена и воспоминанья, все это мѣшалось въ ея головѣ, смѣняя другъ друга въ туманныхъ образахъ, въ безформенныхъ представленіяхъ, въ смутныхъ грёзахъ

— Ахъ, что за чудная ночь,—мелькало у нея:—«И ночь, и любовь, и луна...» «Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива, въ лохмотья яркія пестро наряжена, жизнь только издали намъ кажется красива и только издали влечетъ къ себѣ она»—вспомнилъ *наля она стихи* жившаго и умершаго здѣсь въ Кр[illegible] молодаг-

поэта.—Не правда же, не правда!—прерывала эти, промелькнувшіе въ ея сознаніи, стихи новая мысль:—развѣ это не жизнь? И развѣ она не дѣйствительно нарядна и красива? Тысячу разъ: да!.. А эта пѣсня, эти милые звуки... но что же это, однако? Что-то очень, очень знакомое... какіе нѣжные, манящіе звуки!.. А-а! да вѣдь это—серенада Мошковскаго! ну... такъ, такъ и есть... и сколько души въ исполненіи... Да, «нарядна и красива...» И я *тогда*... была нарядна и красива.

Счастливая улыбка осѣнила ея лицо при э[illegible]мъ воспоминаніи.

— Я ушла отъ него, чтобы предаться [illegible]амъ; неужели онъ теперь, въ эту ночь, спитъ?! Это невозможно... Какъ хороша серенада! Я особенно люблю эту вещь. Непостижимо-красиво... Гдѣ бѣжитъ ручеекъ? должно быть, очень ужь близко за скамейкой. Какъ волшебно-хороши эти мирты и кедры, и скалы надъ водой; и хорошо пахнетъ акація, бѣлая акація... есть духи такіе...

Сквозь этотъ хаосъ разнообразныхъ настроеній — ибо это не были мысли—смутно и незамѣтно пробивало себѣ дорогу что-то грустное и унылое, безцеремонно расталкивая громоздившіяся другъ на друга представленія; что-то ноющее и больное, не дававшее возможности предаться вполнѣ свѣтлому настроенію, выбивалось наружу, напоминая о себѣ, какъ пріѣвшійся непріятный мотивъ, какъ давно надоѣвшая неотвязная фраза.

— «И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья, полномъ жизни, появится вдругъ выраженье тупаго терпѣнья и безсмысленный, вѣчный испугъ... И схоронятъ въ сырую могилу, какъ пройдешь ты тяжелый свой путь, безполезно угасшую силу и ничѣмъ несогрѣтую грудь». Въ такую ночь и вдругъ лѣзетъ же этакое въ голову,—думала она.—Хоть убей, не припомню, откуда это... что-то похожее на Некрасова, только что же именно, и его ли?

Вдали на колокольнѣ били часы.

Она машинально считала ихъ удары, и въ то же время новые стихи замѣнили только что промелькнувшіе; пока они явились, она успѣла подумать: «вотъ стихотворное настроеніе!» — «Поражена потерей невозвратной...» Что я знаю еще изъ Некрасова? «Я посѣтилъ твое кладбище...» что же это все грустное такое? Да, еще: «Я не люблю ироніи твоей: оставь ее отжившимъ и нежившимъ, а намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ, еще остатокъ чувства сохранившимъ,—намъ рано предаваться ей!..»

И вдругъ отчетливо и ярко выбилась наружу назойливая мысль, опрокинувъ разомъ свѣтлое настроеніе, овладѣвшее было мечтательницей.

Это его л[illegible]ие стихи... Не его, не его, котораго она только

что отъ себя отослала, чтобы наединѣ предаться сладкимъ грезамъ, а того, другаго, мысль о которомъ подавляла порой всѣ прочія мысли и жила, настойчиво заявляя свое право на жизнь въ ея сердцѣ и головѣ, отравляя ея радужное настроеніе. И вдругъ луна стала тусклѣе свѣтить, серенада замолкла. Вдали отвратительно затрещали лягушки... Набѣжавшее облако закрыло луну; тѣнь на лицѣ размечтавшейся женщины сгустилась, и, досадливо сжавъ брови, она встала и пошла въ глухую аллею. И еще разъ ей вспомнились стихи: «Не плачь, не плачь, мое дитя! Не стоитъ онъ безумной муки. Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя, вѣрь—онъ любилъ тебя отъ скуки...» Но эти стихи не были уже случайнымъ мотивомъ, забредшимъ неизвѣстно какъ и почему въ голову, а имѣли нѣкоторое отношеніе къ тому непріятному чувству, которое властно вселилось въ ея душу и вызвало рядъ воспоминаній. «Нѣтъ, вовсе не шутя, любилъ онъ меня», подумала она. Теперь уже отрывочныя мысли, ничѣмъ не вызванныя, навѣянныя лунной ночью, разсѣялись, какъ дымъ, уступивъ свое мѣсто опредѣленнымъ воспоминаніямъ. Не будучи въ силахъ въ эту ночь совладать съ собой, она, медленно идя по темной аллеѣ, поддаваясь непріятному чувству отъ сгустившагося мрака, отдалась вся воспоминаніямъ и снова пережила, и снова перечувствовала ту темную страницу жизни, которую считала вырванною и уничтоженною, и которая съ нѣкоторыхъ поръ стала чаще и чаще ей припоминаться и не давать покоя.

— Да... «жизнь только издали нарядна и красива...»—съ горькой усмѣшкой прошептала она:—«но чуть вглядишься ты...» Да, это вѣрно; а пять минутъ только тому назадъ, я не хотѣла этому вѣрить... Зачѣмъ ты мучишь меня, что тебѣ отъ меня, наконецъ, нужно?—шептала она, сжимая до боли свои руки.—Вѣдь это же не выносимо... Ну, мы разстались, и все, казалось бы, кончено... Ахъ, хоть бы, дѣйствительно, уже кончилось...

Она поймала себя на дурной мысли: да, еслибы... онъ умеръ, все бы дѣйствительно кончилось. Густая краска залила ей лицо. «Ахъ, какъ нехорошо, какъ все это гадко, подло и гнусно...»

— Я здѣсь, Инезилья!.. Ты спишь ли? Гитарой тебя разбужу!.. —громко пропѣлъ чей-то голосъ совсѣмъ близко отъ нея.

Она сильно вздрогнула и даже вскрикнула.

— Ради Бога, Лёля, дорогая, не пугайся, прости, вѣдь это я!—проговорилъ тотъ же голосъ, стараясь ее успокоить. Молодой человѣкъ взялъ ее за руки, увлекъ и усадилъ ее на скамейку. Она не могла произнести ни слова. Все тѣло ея дрожало, грудь

высоко и часто подымалась, и нервныя слезы выступали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ.

— Успокойся, родная, хорошая, не хотѣлъ я пугать тебя. Я не могъ спать, когда ты меня прогнала; я бродилъ по парку, видѣлъ тебя у берега моря, а когда ты встала, пошелъ тебѣ на встрѣчу... Ну, прости, моя радость... ну, полно же, полно, не дрожи такъ... Экій я сумашедшій... Ну, чтожъ теперь дѣлать?.. вотъ, вѣдь, осѣлъ!..—говорилъ онъ, растерянно и испуганно озираясь по сторонамъ. Онъ пошарилъ въ карманахъ, вынулъ для чего-то спички, какъ будто онѣ однѣ могли помочь ему, и хотѣлъ зажечь ихъ.

Луна вышла изъ облаковъ и, пробравшись сквозь сѣтку вѣтвей, скользнувъ по стволу, узкой полосой легла на дорогу, захвативъ ихъ обоихъ въ эту полосу.

— Не надо, Гриша,—наконецъ проговорила она, останавливая его руку. Онъ бросилъ спичку и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Прости же меня, Лёля...—началъ онъ робко.

— Полно, дорогой, перестань; я очень испугалась, и только. Я была грустно настроена, замечталась... и вдругъ...

— Опять грустно настроена! Бѣдная Лёлька! Но почему же? Право, меня это глубоко, глубоко огорчаетъ. Я не знаю, чего бы я не далъ, чего бы не сдѣлалъ, чтобы только вернуть тебѣ прежнее настроеніе...

— Спасибо, мой хорошій; я вѣрю, понимаю, цѣню твою любовь, твою ласку; ты такъ нѣженъ со мной, такъ добръ, такъ снисходителенъ...

Онъ наморщился.

— Эхъ, все не то, Лёлька! Полно глупости... ну, что тамъ — «добръ, нѣженъ, ласковъ»...

Оба замолчали; оба погрузились въ думы.

Они долго сидѣли. Мало по малу они разговорились; вспомнили свою встрѣчу, исторію завязавшейся любви... Онъ вспоминалъ съ восторгомъ, любовно глядя на нее и пожимая ея холодныя руки; она—съ болью въ душѣ, съ сознаніемъ, что этой «незаконной» любовью нанесена обида другому существу, ее любившему. Она приноминала всю ту сѣть мелкихъ хитросплетеній и обмановъ, которые должна была пустить въ ходъ, чтобы заглушить угрызенія совѣсти, чтобы оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Она вспомнила, сколько борьбы стоило ей это рѣшеніе—отдаться во власть охватившему ее новому чувству, и жутко стало опять, и опять она загрустила.

— Разойдемся на эту ночь, Гриша,—сказала она ему тихо,—

на меня сегодня все облака какія-то находятъ, все мрачныя мысли лѣзутъ въ голову...

— Эхъ, Лёля, Лёля! охота тебѣ, право, отравлять себѣ существованіе...

— Не могу... я и сама не рада; такъ, настроеніе какое-то..

— Ну, я провожу тебя въ такомъ случаѣ.

— Ахъ, нѣтъ, только не провожай! Я именно хочу одна, совершенно *одна* дойти до дому,

Онъ привыкъ покоряться всѣмъ ея желаніямъ, всѣмъ капризамъ, и уступилъ, проговоривъ на всякій случай:

— Но вѣдь далеко, Лёля, идти тебѣ... въ паркѣ темно...

— Ничего. Спокойной ночи, мой дорогой. Дай мнѣ слово, что ты не будешь слѣдовать за мной.

— Нѣтъ, я пойду верхней аллеей и спущусь на шоссе.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ, въ густые, вьющіееся, темные волосы.

Она улыбнулась.

— Прощай, моя милая Лёля,—сказалъ онъ грустно.

Она вздрогнула.

— Какъ *прощай*? Ты знаешь, Гриша, я не люблю этого слова. Что мы развѣ въ послѣдній разъ видимся?..

— А вдругъ въ послѣдній,—пошутилъ онъ.

Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ.

— Не шути такъ, Гриша! Умоляю тебя, не шути... И такъ ужь...

Онъ нагнулся къ ней и ласково заглянулъ въ глаза.

— Ну, не буду, не буду... Странная ты, моя дѣвочка! Чего же намъ бояться?

Она ничего не отвѣтила.

Пока она шла, въ головѣ ея бродили мысли, властно завладѣвшія ею теперь. «Почему такъ скверно складывается жизнь?»—думала она: «почему счастье жизни одного должно покупаться цѣной несчастія другаго?» Она вспомнила своего мужа, не стараго еще, но сухаго педанта, вѣчно занятаго учеными изслѣдованіями по своей спеціальности, насыщеннаго самомнѣніемъ, съ холодной моралью на устахъ, съ готовыми книжными афоризмами на всѣ случаи жизни, во всемъ умѣреннаго, все разсчитавшаго, все давно взвѣсившаго... У него никогда не было порывовъ, никогда не было вспышекъ, и жизнь его текла спокойно и безцвѣтно, отлившись въ заранѣе обдуманныя, строго опредѣленныя формы... А рядомъ съ нимъ, объ руку, шла подруга его жизни, «взбалмошная Лёлька»,—какъ ее называли дома еще до замужства,—нервная и чуткая *натура*, нѣсколько невоздержная и неуравновѣшенная, съ при-

чудливо больной фантазіей, съ порывами и стремленіями рѣзко противоположными стремленіямъ мужа. Однако, не смотря на эту наружную взбалмошность, путемъ ли наслѣдственной эволюціи, путемъ ли воспитанія—въ ней очень живуче было твердо заложенное въ ея натурѣ чувство долга, сознанія своихъ обязанностей. Она была фанатическая мученица этого чувства. Оно же отравляло ей и сладкіе часы увлеченья, которое овладѣло ею нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда она, будучи не въ силахъ бороться, прямо и открыто объявила мужу, что полюбила другаго, что жить съ нимъ не хочетъ и не можетъ, что они *должны* разойтись. Но это прямодушное и открытое заявленіе она считала и не особенно честнымъ, и ничуть не геройскимъ. Что же тутъ честнаго и геройскаго сказать то, чего скрыть нельзя; вѣдь обманывать — вотъ ужь чего она рѣшительно не въ состояніи сдѣлать! И для нея этотъ разрывъ былъ тяжелымъ компромиссомъ, сдѣлкой съ совѣстью. «Еслибъ еще онъ не былъ боленъ!» Но она ясно слышала за нѣсколько дней до разставанья, какъ докторъ, выходя изъ кабинета мужа, говорилъ ему: «вамъ нужно очень, очень беречься; пока ничего особеннаго нѣтъ, но волненія всякаго рода—для васъ ядъ. У васъ сердце не въ полномъ порядкѣ; считаю нужнымъ предупредить васъ объ этомъ». Какъ бы она чувствовала себя легко, еслибы не слыхала этихъ словъ! Они не давали ей жить покойно. Онъ боленъ, очень боленъ; она припоминала его сердечныя тупыя боли, на которыя онъ давно уже ей жаловался, его припадки удушья; и въ такую минуту жизни бросить человѣка, какъ бы онъ ни былъ ей антипатиченъ, на произволъ судьбы, оставить безъ присмотра и участья,—ей казалось непозволительнымъ эгоизмомъ. Вотъ это-то и вливало ядъ въ ея существованіе. «Я нечестно съ нимъ поступила»,—говорила она себѣ въ самыя радостныя минуты расцвѣтавшей въ ней новой страсти. «Мнѣ кажется, еслибъ я его когда нибудь увидѣла, еслибы онъ, потребовалъ моего ухода за нимъ, я бы все бросила и стала снова жить съ нимъ»... Больно-щемящее чувство прошло у нея по душѣ отъ этой мысли. «А Гриша? Да чѣмъ же онъ, бѣдный, виноватъ»?.. И этотъ разладъ, это раздвоенье, это постоянно живущее въ ней, постоянно кричащее чувство долга, обязанности къ ближнему—было истиннымъ трагизмомъ ея жизни. Эта борьба измучила ее, истерзала и безъ того некрѣпкіе нервы. Никогда еще не прошелъ у нея ни одинъ порывъ, ни одна страстная вспышка, чтобы она не чувствовала вслѣдъ за этимъ горечи, сомнѣнія и тревоги.

Она шла темной аллеей; гдѣ-то вдали колотилъ въ доску сторожъ; шорохъ какой-то прошелъ по парку,—это, наконецъ, подулъ съ моря вѣтерокъ, и вѣтви деревьевъ, наклоняясь другъ къ другу, шурша надъ нею своими листьями, будто перешептывались между собою. Гдѣ-то верещалъ сверчокъ или кузнечикъ; вѣтерокъ донесъ до нея звуки визгливой зурны, нѣсколько заглушенной разстояніемъ и шумомъ волнъ, катившихся внизу за большими деревьями аллеи; унылые звуки восточной мелодіи, монотонной и скучной, возбуждали въ ней особо тревожное чувство... Мимо нея, черезъ аллею, проскакала лягушка и испугала ее.

Она ускорила шагъ. Мысль ея работала. А еслибы, дѣйствительно, это могло случиться, еслибы онъ вздумалъ пріѣхать?... Вѣдь она знала, что онъ любилъ ее, и очень любилъ, только, конечно, по своему... Холодное, какъ прикосновеніе стали, чувство овладѣло ею; она сознавала, что не могла бы отказать *ему* въ своемъ участьѣ, какъ не могла бы отголкнуть нищаго, ударить собаку, убить лягушку, ее испугавшую. Она остановила себя на этомъ сравненіи. «Что за параллели!» подумала она.—«Вѣдь онъ же человѣкъ, а я черню его для своего оправданья, видя въ немъ не болѣе, какъ заслуживающее жалости больное существо, случайно ставшее на моей дорогѣ. Какъ мерзко созданъ человѣкъ! Вѣчный разладъ, вѣчное недовольство, вѣчныя угрызенія совѣсти». Ей гадко стало; но это чувство скоро прошло. Она вернулась къ прежней думѣ: «Я не хочу уклоняться отъ прямаго отвѣта», думала она, и этотъ отвѣтъ смѣло сложился въ ея головѣ, быть можетъ, потому, что осуществленіе его казалось ей черезчуръ далекимъ, проблематичнымъ. Этотъ отвѣтъ гласилъ: «да, я стала бы снова съ нимъ жить... А Гриша, бѣдный мой, хорошій Гриша!...» И опять черныя думы обступили ее.

Деревья порѣдѣли и стало немного свѣтлѣе; на минуту это ее успокоило. Она уже вышла изъ парка. Тучки сгущались; полная луна, часто выбѣгая изъ-за нихъ, ярко освѣщала длинную кипарисовую аллею, окружныя высоты, бѣлые домики съ плоскими крышами, и вершину Ай-Петри, зубцы которой тяжелыми пятнами вырѣзывались на фонѣ прозрачнаго неба и производили впечатлѣніе какихъ-то фантастическихъ гробницъ, вознесенныхъ къ самому небу. На улицахъ никого уже не было. Сторожъ, при выходѣ изъ парка, дремалъ, сидя на скамейкѣ; собака у его ногъ проворчала что-то при ея приближеніи. Громадныя массы дворца, тускло освѣщенныя зашедшею за облака луною, были погружены въ полутьму; море одно шумѣло и бурлило, нарушая общую дрему. Запоздалые *шаги одинокой* мечтательницы гулко раздавались по каменнымъ

плитамъ дворцовой лѣстницы. Смутное чувство какой-то неясной тревоги овладѣвало ею; она сама не знала, что̀ съ нею, но сердце какъ-то сжималось, въ головѣ бродили самыя безотрадныя, самыя странныя, причудливыя мысли. «Хоть бы скорѣе спать!» — подумала она.

Она спустилась въ кипарисовую рощу; луна еще разъ выбѣжала изъ-за тучъ и, ярко освѣтивъ длинный рядъ высокихъ и стройныхъ деревьевъ, бросила на аллею рѣзко отграниченныя черныя тѣни, по которымъ ступала она, поминутно попадая въ свѣтлые промежутки. Ей еще разъ припомнился сегодняшній вечеръ у моря, ея мечты, ея испугъ, овладѣвшее ею безотчетно-грустное настроеніе... Незамѣтно дошла она до конца аллеи. У подъѣзда дома, въ которомъ она жила, замѣчалось въ это время необычайное оживленіе. Стояла плетеная соломенная коляска, запряженная тройкой лошадей; извощикъ топтался около нихъ, поправляя сбрую на одной изъ лошадей, понуро повѣсившей голову, и раскуривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ трубку. Подъѣздъ былъ слабо освѣщенъ; въ полутемномъ отверстіи двери ей мелькнулъ свѣтлый головной платокъ горничной Маши.

Она поджидала барыню. Не давая ей перейти шоссе, Маша подошла къ ней и взволнованнымъ голосомъ сказала:

— Барыня, баринъ пріѣхалъ.

Она не сразу поняла.

— Какъ баринъ?...

— Да, баринъ, мужъ вашъ...

— А-ахъ!.. что ты говоришь?.—простонала она.

— Съ полчаса времени будетъ, какъ пріѣхали.

Эти слова, давно знакомыя ей, давно постылыя: «мужъ, баринъ», этотъ фаэтонъ—несомнѣнное подтвержденіе наличности этихъ словъ—произвели на нее удручающее впечатлѣніе. Что-то оборвалось въ ней, сердце сильно забилось, кровь отлила отъ лица, и она пошатнулась. «Прощайте, мечты! Гриша, дорогой!» безъ словъ простонало въ ней что-то. «Теперь все, все рушилось; все сразу, вдругъ кончилось! За что же это, за что, Господи?..» Держась за перила, она поднялась къ себѣ. Сильно дрожа всѣмъ тѣломъ, не попадая пальцами на холодную ручку двери, она наконецъ отворила ее, и отъ волненія, тутъ же, у самой двери, опустилась на стулъ.

Довольно большая зала была освѣщена одной свѣчей, поставленной на подоконникъ передъ закрытой ставней; другое окно было открыто, и въ него глядѣла луна. Прямо передъ ней, съ лицомъ,

погруженнымъ въ тѣнь, спиною къ свѣчкѣ, вытянулась при ея входѣ у стола длинная, худая фигура.

«Но это не онъ!» подумала она: «невозможно *такъ* измѣниться въ семь мѣсяцевъ». Голосъ, заговорившій съ нею, вывелъ ее изъ сомнѣнія: это былъ все тотъ же холодно-безстрастный, уныломонотонный, только сильно упавшій, сильно ослабшій голосъ. Да, это онъ,—сомнѣній болѣе не оставалось никакихъ; но какъ онъ ужасно измѣнился! Изъ глубины залы раздавался надтреснутый, задыхающійся голосъ.

— Простите... я пріѣхалъ... по необходимости. Я далекъ былъ отъ мысли нарушить ваше уединеніе... вновь навязать вамъ свою особу. У меня причины гораздо серьезнѣе... Впрочемъ, если ужь очень... если вы не хотите.

Она сдѣлала движеніе, которое ясно говорило: «не могу же я выгнать тебя теперь, въ *такомъ* положеніи, на улицу».

Онъ понялъ это и продолжалъ:

— Гораздо серьезнѣе... Видите ли: я пріѣхалъ умирать...

Кривая усмѣшка исказила его лицо.

— О, это не рисовка, Елена!

Онъ никогда не называлъ ея уменьшительнымъ именемъ; теперь же, менѣе чѣмъ когда либо, онъ могъ бы позволить себѣ это, и ей вдругъ пришла въ голову совершенно неподходящая мысль: «часъ тому назадъ меня называли — Лёлька», и она сама себѣ, чуть замѣтно, улыбнулась. Онъ не замѣтилъ этой улыбки и продолжалъ:

— У меня былъ въ Петербургѣ консиліумъ. Я слышалъ ясно приговоръ докторовъ: «у него разстройство компенсаціи въ послѣдней степени». Ну, видишь... видите, — быстро поправился онъ,—теперь весь вопросъ во времени, не бойтесь... въ очень короткомъ промежуткѣ времени... Да стоитъ только на меня взглянуть, чтобы убѣдиться въ этомъ. Я знаю... мнѣ вредно жить въ Крыму... не то, впрочемъ... я сяду.

Онъ въ изнеможеніи почти упалъ на стулъ. Она еще разъ сдѣлала движеніе, на этотъ разъ желая помочь ему, но онъ поспѣшилъ отстранить ея помощь, махнувъ рукой. Она осталась на мѣстѣ.

— Я зналъ, что вы здѣсь... Вы, конечно, Елена, пользуетесь здѣсь... *добрымъ именемъ?*—неожиданно и съ усиліемъ надъ собою прибавилъ онъ, глядя на нее въ упоръ большими безжизненными глазами, окруженными глубокой синевой.

Ей почудилась въ этомъ взглядѣ ревность, страстная мольба *услышать* утвердительный отвѣтъ. Краска прилила ей къ лицу.

— Я не понимаю васъ, — рѣзко начала она, но сдержалась, взглянувъ на эту изстрадавшуюся фигуру.

— Я не хотѣлъ компрометировать вашего добраго имени, останавливаясь отдѣльно отъ васъ...

«И здѣсь, у порога гроба»—не могла не подумать она, глядя на него съ состраданьемъ и жгучимъ любопытствомъ,—«и здѣсь формализмъ и соблюденіе внѣшнихъ приличій»!

— Это не значитъ,—медленно продолжалъ онъ, — что я буду стѣснять васъ въ какомъ либо отношеніи; прошу васъ, не бойтесь этого... Я не имѣлъ понятія въ медицинѣ, но *послѣ того* я запасся книгами, и знаю, что декомпенсація въ послѣдней степени, это... это недолго... Три раза возвращалась водянка... Передъ вами открывается жизнь безъ компромиссовъ, обмановъ и прочей гадости... У васъ хорошая, прямая, честная натура; я это знаю, и жить безо всего этого — истинное счастье для васъ... А я... меня скоро... не станетъ, я не буду стоять поперекъ вашей дороги.

Она чувствовала настоятельную потребность прекратить эту тяжелую сцену. Но необдуманно, неосторожно, она сказала:

— Я все таки не понимаю...

Зато онъ понялъ ея замѣшательство и продолжилъ ея фразу

— Зачѣмъ я пріѣхалъ? Сейчасъ. Усталъ немного...

Онъ помолчалъ, собираясь съ силами.

— Видите ли, когда человѣкъ приговоренъ къ смерти... да, да, не старайтесь меня утѣшить... какъ бы это сказать? вы не поймете; это трудно понять человѣку, не приговоренному къ смерти...

Она его остановила.

— Не волнуйтесь же такъ...

Онъ быстро овладѣлъ собой.

— Такъ я говорю, что въ такомъ случаѣ является настоятельная, непобѣдимая, гнетущая потребность исповѣдаться передъ близкими людьми (извините меня, Елена, но вы мнѣ, не смотря ни на что, близки), заслужить хотя бы формальное прощенье... Знаю... знаю... вы прощаете,—кинулъ онъ ей въ отвѣтъ на ея движеніе, не понявъ его, ибо она хотѣла сказать, что ей не въ чемъ прощать его, что, напротивъ, она передъ нимъ виновата.—Знаю,—продолжалъ онъ,—но, кромѣ того, повидать еще разъ... повидать тебя, Елена...

Это «тебя» онъ произнесъ, вѣрнѣе прошепталъ, еле слышно. Голова безпомощно и безсильно свѣсилась на грудь, и Елена въ первый разъ въ своей жизни увидѣла, какъ у него закапали изъ глазъ тяжелыя, обильныя слезы. Она не выдержала: глухое рыданіе вырвалось изъ ея измученной груди. Онъ приподнялъ голову, изум-

ленно взглянулъ на нее и, схватившись лѣвою рукою за грудь, вытянувъ къ ней правую, сказалъ, почти задыхаясь:

— Какъ, Елена, ты... плачешь? Неужели же?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Хоть немного, немного ты меня...

Она не дала ему кончить. Она такъ испугалась готоваго сорваться съ его языка слова любви, которое даже въ эту минуту сильно оскорбило бы ея чувство къ другому, дѣйствительно любимому человѣку, что, торопясь, отрицательно покачала головой. Ложь, хотя на одну минуту, даже изъ необходимости, рѣшительно не мирилась съ ея натурой.

— Ну, все равно!—усмѣхнулся онъ, вынувъ платокъ и вытирая имъ слезы и смоченный потомъ лобъ.—Не сантиментальничать пріѣхалъ я сюда.—Тонъ его сдѣлался опять сухъ и формаленъ.

— Мнѣ васъ очень, очень, до глубины души жалко, Алексѣй Егоровичъ!—вдругъ вырвался у нея неудержимый крикъ.

Онъ пристально, какъ бы не понявъ, посмотрѣлъ на нее. Въ этомъ потухающемъ взглядѣ свѣтилось теперь что-то очень серьезное, какая-то мысль, будто ему одному извѣстная, предвидѣнье чего-то властнаго, неизбѣжнаго, неумолимаго. Она взглянула на него, и суевѣрный ужасъ овладѣлъ ею.

— Ахъ, это все равно, все равно, — проговорилъ онъ на ея восклицаніе.—Да и не въ этомъ вовсе дѣло теперь. Я пріѣхалъ собственно и по другимъ, болѣе существеннымъ дѣламъ... по дѣламъ имѣнья. Нельзя же не оформить, какъ слѣдуетъ... Торопиться надо... но я не могу больше сегодня... усталъ... Я лягу, если позволите, здѣсь, въ залѣ...

Она ему ничего не отвѣтила.

Машинально, очень внимательно прислушивалась она къ тому, какъ фаэтонщикъ говорилъ подъ окномъ съ лошадьми и сторожемъ, какъ онъ оправлялъ сбрую, какъ не рѣшался—ѣхать ли ему обратно, или ночевать «на постояломъ», какъ онъ усаживался и какъ, наконецъ, колеса его экипажа застучали по шоссе. Мысли ея были далеко. Мучительно-больно сжималось ея сердце, кровь стучала въ вискахъ, а сознаніе было полуподавлено. Что это все? Тяжкій сонъ, нелѣпый кошмаръ, страшное видѣнье? Но нѣтъ, это онъ, онъ съ его голосомъ, съ его манерой говорить—«цѣдить» фразы. Онъ повернулъ въ это время лицо къ незакрытому окну, и луна освѣтила это глубоко измѣнившееся лицо, эту кожу, натянутую на кости, эти глубоко впавшіе глаза, ввалившіеся виски, этотъ острый, вытянувшійся носъ, запекшіяся тонкія губы. Свѣтъ луны придавалъ ему видъ настоящаго мертвеца. Зачѣмъ, зачѣмъ *онъ пріѣхалъ* мучить ее, когда, казалось бы, все, все навсегда уже

кончено! Что это—дикая месть или дѣйствительно безотчетное, неудержимое желаніе умирающаго, противостоять которому у него не хватило человѣческихъ силъ? «Я готова съ нимъ жить,—думала она,—не выгнать же мнѣ его... и потомъ, мнѣ такъ жалко, такъ больно на него смотрѣть... но Гриша, Гриша!.. И долго ли все это продлится?» Дрожь пробѣжала по ней отъ этой скверной мысли. Нѣтъ, не то... какъ же хоронить его... если это здѣсь случится? Боже! что за мысли лѣзутъ мнѣ въ голову.

— Если позволите, я лягу здѣсь... а не то я могу...

— Ахъ да, да,—спохватилась она, уловивъ сквозь сонмъ одолѣвавшихъ ее думъ эту уныло звучавшую фразу.—Да, конечно, впрочемъ нѣтъ... вы лягте въ моей комнатѣ... тамъ удобнѣе. Я перейду сюда; здѣсь такъ неуютно,—проговорила она скороговоркой и встала съ своего мѣста. Онъ тоже всталъ. — Я позвоню Машу, она васъ устроитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я останусь здѣсь, не надо Маши,—проговорилъ онъ.—Я лягу здѣсь, на див...

— Ты развѣ не спишь еще, Лёлька?, раздался съ улицы сдержанный, пониженный, но очень отчетливый голосъ.

Мелькомъ взглянувъ на нее совсѣмъ помутившимся взглядомъ, онъ схватился за край стола, у котораго стоялъ, и, вцѣпившись руками въ скатерть, потащилъ ее за собою, вмѣстѣ съ лампой. Вслѣдъ за этимъ, длинное и худое тѣло его рухнуло наземь, безжизненно, во всю длину, причемъ лицо ударилось объ полъ. Крикъ безумнаго ужаса вырвался изъ груди несчастной женщины.

— Помогите, ради всего святаго помогите!..

Торопливые шаги раздались на улицѣ и по лѣстницѣ дома. Въ одно мгновеніе ока, произнесшій роковую фразу человѣкъ стоялъ посреди комнаты, не давая себѣ отчета въ представившейся его глазамъ ужасной картинѣ.

— Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали! — дрожащимъ и неподдававшимся управленію голосомъ говорила она ему, вся блѣдная, стуча зубами отъ нервной лихорадки, съ безумно-блуждающимъ взглядомъ, ломая свои красивыя руки...

Встревоженныя собаки подняли озлобленный лай по всей улицѣ; сторожъ у мостика на шоссе, проснувшись, неистово заколотилъ въ доску. На колокольнѣ пробило четыре часа утра. Ночь кончилась; скоро займется заря...

Плющъ.

I.

Послѣ жизни, исполненной тревогъ, лишеній и всяческихъ испытаній, онъ удалился наконецъ съ холоднаго и туманнаго сѣвера на горячій, роскошный югъ. Какъ онъ себя хорошо чувствовалъ! То, что̀ наполняло его существо, онъ не съумѣлъ бы выразить ясно; но онъ весь внутренно трепеталъ, когда увидѣлъ блещущее горячими красками море, розово-фіолетовыя скалы съ прозрачными темно-голубыми тѣнями, синее прозрачное небо... Какъ ему чудно дышалось, какимъ легкимъ казался этотъ свѣжій морской вѣтерокъ... А она? Она вся расцвѣла, ожила, вдвое полюбила.

Когда вечеромъ онъ въ первый разъ вышелъ прогуляться и помечтать въ сказочно-прекрасномъ Воронцовскомъ саду, когда его окружили лавры съ ихъ лакированной листвой, огромныя магноліи, стройные черные кипарисы, мирты, дикій виноградъ и гранатовыя деревья, когда они обвѣяли его своимъ таинственнымъ перешептываніемъ, напоили его своими благоуханіями—ему показалось, что теперь, и только теперь онъ началъ жить; онъ понялъ, что̀ собственно въ жизни есть прекраснаго. Все, что̀ было раньше, то была не жизнь,—все, что угодно, но не жизнь. И онъ вспомнилъ своихъ знакомыхъ, близкихъ и друзей, оставленныхъ имъ тамъ, на «вонючемъ сѣверномъ болотѣ», и ему стало жаль ихъ. Онъ представилъ себѣ, что̀ они теперь дѣлаютъ въ эту ночь, когда онъ сидитъ въ волшебномъ саду, вдыхаетъ ароматъ магноліи, кипарисовъ и розъ, прислушивается къ плеску моря, волнующагося внизу, подъ его ногами, смотритъ въ это глубокое, бездонное, прозрачное небо, любуется на выхваченный прямо изъ «Тысячи и одной ночи» алупкинскій дворецъ съ его шестью мраморными львами. Что̀ *они* теперь дѣлаютъ *тамъ*, на болотѣ? Одинъ одѣвается и спѣшитъ въ какую нибудь «Аркадію» или «Зоологію»; другой бѣжитъ фланировать по Невскому, въ чаяніи натолкнуться на какое нибудь приключеньице, третій собирается поиграть въ винтъ. Онъ самъ это дѣлалъ, самъ находилъ удовольствіе во всемъ этомъ; но теперь... теперь онъ всей душой сожалѣлъ тѣхъ ***несчастныхъ***, принужденныхъ любоваться аркадійскими «горизонталками», дышать петербургскимъ воздухомъ или въ душной комнатѣ сидѣть за зеленымъ столомъ, горячиться, кричать и ругаться изъ-за *какой нибудь «непоказанной* дамы» или «проиграннаго шлема». Не-

пріятное чувство прошло по его душѣ, какой-то дикій и нелѣпый диссонансъ рѣзнулъ его по уху. Эти слова и мысли: о винтѣ, объ Аркадіи и о прочемъ,—оставленномъ тамъ, *гдѣ-то*,—въ виду торжественной ночи, такъ болѣзненно проходили черезъ его сознаніе, погруженное въ созерцанье разстилавшихся передъ нимъ красотъ, что онъ поспѣшилъ поскорѣй отъ нихъ отрѣшиться, забыть ихъ. «Богъ съ ними!—подумалъ онъ.—Ни о чемъ не хочу думать, ничего вспоминать! Вся жизнь не стоитъ одной этой ночи».

Съ моря потянулъ свѣжій вѣтерокъ. Кипарисы покачивали остроконечными верхушками, какъ бы соглашаясь съ нимъ; фиговыя деревья шелестѣли своей вырѣзной листвой, плющъ обвивалъ своими цѣпкими вѣтками чуть не каждый стволъ дерева, какъ бы защищая его грудью и поклявшись никогда не оставлять его, ни въ какую минуту; на темномъ фонѣ зелени, погруженной въ тихую дрему лѣтней ночи, тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты розъ и магнолій, кусты лагерстремій, обильно усѣянныхъ розовато-лиловыми мелкими цвѣточками. Кое-гдѣ въ этотъ темно-зеленый фонъ врывался обломокъ сѣрой скалы, заросшей зеленой порослью, мохомъ или плющемъ. Плющъ вездѣ—на деревьяхъ, на скалахъ, на стѣнахъ: стѣны замка изъ темносѣраго песчаника сплошь затканы темнозеленымъ блестящимъ плющемъ. Видъ этого плюща производилъ на него странное фантастическое впечатлѣніе: онъ не казался паразитомъ, вытягивающимъ соки изъ дерева и живущимъ на его счетъ, а, напротивъ, вѣрнымъ другомъ, привязавшимся на всю жизнь... И когда онъ смотрѣлъ на темносѣрый замокъ, на море, плещущееся у скалистаго берега, на отвѣсную грамаду Ай-Петри, на «каменное море» обломковъ, на черную кипарисовую рощу, на причудливые, красно-голые стволы арбутуса, на ливанскіе кедры; когда онъ вдругъ натыкался на лежащіе по дорожкѣ толстые, извившіеся въ клубокъ, какъ змѣи, стволы дикаго винограда,—ему положительно казалось, что онъ перенесенъ силою волшебства въ нездѣшній міръ, что деревья говорятъ между собою, что дуновенье вѣтерка хочетъ нашептать ему какое нибудь древнее сказаніе, сагу давно минувшихъ лѣтъ...

И вдругъ его рѣшеніе созрѣло: онъ останется здѣсь навсегда. Да, навсегда. Что ему нужно? Онъ уже почти отжилъ свое. Еще десятокъ, полтора лѣтъ, а тамъ медленно и незамѣтно подползетъ старость—и конецъ всѣмъ утѣхамъ и радостямъ жизни! Нѣтъ, ужь довольно! Въ Петербургъ онъ болѣе никогда не вернется. Онъ счастливъ, онъ обезпеченъ, имѣетъ хорошую, сердечную молодую жену, которая искренно его любитъ, привязана къ нему и согласится навсегда поселиться съ нимъ въ этомъ уголку. Онъ отъ-

щетъ себѣ гдѣ нибудь мѣстечко на морскомъ берегу, построитъ домъ, и будетъ жить здѣсь, окруженный грезами, съ любимой молодой женой. Онъ имѣетъ право на отдыхъ; онъ достаточно пожилъ и потрудился на своемъ вѣку, чтобы имѣть право десятокъ лѣтъ пожить для себя. Развѣ это не полная чарующей прелести идиллія—жить вдвоемъ на южномъ морскомъ берегу и постараться забыть «вонючее болото», съ его блѣдными, разслабляющими, немощными ногами, съ его жестокими зимами, съ его лѣтомъ—«карикатурой южныхъ зимъ»... Развѣ это не счастье?..

II.

Много разъ восходило и заходило солнце; много разъ огненный шаръ луны рождался изъ самаго моря, подымался въ вышину неба, бѣлѣя серебромъ по дорогѣ и сіялъ, заливая своимъ сіяньемъ небо, море, скалы и садъ, а потомъ, подымаясь все выше и выше, становясь все блѣднѣе и блѣднѣе, исчезалъ и сливался съ синевою неба, чтобы уступить свое мѣсто раскаленному ядру горячаго солнца... Много разъ зажигались и потухали страстныя южныя звѣзды... Много разъ шумѣло море, рождая пѣнящіяся волны. Много думъ пронеслось въ душѣ очарованнаго мечтателя, рѣшившагося навсегда поселиться на морскомъ берегу...

Переходъ отъ лѣта къ осени и зимѣ совершился постепенно; сначала пошли дожди, утра и вечера стали холодными, волненія на морѣ становились чаще. Потомъ вдругъ, неожиданно, небо затянулось густыми тучами, пошелъ снѣгъ и засыпалъ собою когда-то цвѣтущій садъ; цвѣтовъ уже не было, но деревья красовались, одѣтыя въ свою зеленую листву. Голыя вѣтки арбутуса стали покрываться тонкой красной корой; но кипарисы, лавры и плющъ стояли неизмѣнно въ своей зеленой одеждѣ, какъ бы желая сказать этимъ, что красота ихъ вѣчна, и что не нужно отчаиваться въ будущемъ. Какой-то странный эффектъ, необыкновенный контрастъ, производилъ видъ этой медленно падающей, какъ занавѣсъ, бѣлой пелены снѣга рядомъ съ этой вѣчно зеленой листвой. И, казалось, плющъ, плотно охватившій деревья, старался согрѣть ихъ, защитить отъ зимней погоды, ненастья и холода. Море не замерзало даже у береговъ и казалось только нахмурившимся и мрачнымъ. Что-то досадливое слышалось въ его тяжелыхъ раскатахъ, видѣлось въ черномъ цвѣтѣ его волнъ. На горизонтѣ показывались очень рѣдко корабли и пароходы, и медленно исчезали въ облачной дали. Птицы съ рѣзкимъ крикомъ проносились надъ моремъ.

Пусто стало въ Алупкѣ. Огромное большинство разъѣхалось на зиму. Не слышно было татарской пѣсни, топота скачущей лошади, рожка дилижанса, веселаго смѣха и говора праздной и блестящей публики, наводнявшей Крымъ лѣтомъ. Населеніе позаперлось въ свои сакли съ плоскими крышами, изъ трубъ которыхъ уныло поднимался къ небу дымокъ...

Но *ему* было весело; онъ все также ходилъ мечтать на берегъ моря. И когда онъ видѣлъ вдали проходящій мимо корабль или пароходъ, исчезавшій на горизонтѣ, ему не было грустно. «Иди, иди, — думалъ онъ, — уноси съ собой тѣхъ, кому лучше живется тамъ, далеко отъ прекраснаго юга. И если *они* не въ состояніи понять всей здѣшней прелести, то имъ здѣсь и не мѣсто; уноси ихъ съ собою»...

Онъ долго засиживался на берегу, и часто пронзительный, за душу хватающій, крикъ муэззина съ высокаго минарета алупкинской мечети будилъ его отъ мечтаній и возвращалъ къ дѣйствительной жизни, отвлекая отъ грезъ къ настоящему. Этотъ крикъ, унылый и страстный, всегда больно хваталъ его за сердце и будилъ въ немъ то, что онъ хотѣлъ отъ себя скрыть: онъ уже давно сталъ замѣчать, что жена его заскучала. Съ самого того времени когда публика стала замѣтно рѣдѣть и разъѣзжаться, она стала хандрить, и—прежде веселая, живая и бодрая—какъ-то сразу ушла въ себя, нахмурилась и захандрила. Ее повлекло въ Петербургъ. Сначала и она восхищалась Крымомъ; потомъ у нея завелись знакомые, она ѣздила верхомъ, на лодкѣ, въ экипажѣ; совершила массу поѣздокъ—въ Ялту, Байдаръ, Гурзуфъ и другія окрестности; сдѣлала два восхожденія на Ай-Петри, побывала на Ай-Тодорскомъ маякѣ, слушала музыку, купалась... Онъ не сопутствовалъ ей, а сидѣлъ одиноко на берегу или въ кущахъ садовъ, предаваясь золотымъ мечтамъ. Она не мѣшала ему; но когда всѣ удовольствія были исчерпаны, когда знакомые стали убывать и, наконецъ, въ Алупкѣ стало совсѣмъ пусто, ей неудержимо захотѣлось покинуть югъ, переселиться на сѣверъ, пройтись по Невскому, побывать въ оперѣ, на балахъ. Онъ не понималъ ея или, вѣрнѣе, пересталъ понимать; и сначала такъ дружно жившіе, такъ сходившіеся между собою люди—теперь рѣзко разошлись... Это подготовлялось давно, но случилось,—для него, по крайней мѣрѣ,—совершенно неожиданно. Когда онъ возвращался вечеромъ домой съ берега моря, полный образовъ и мечтаній, онъ просилъ ее сыграть ему «Близъ южнаго берега Крыма»—прелестную музыкальную картинку Мусоргскаго. Это была его любимая пьеса. И когда она садилась за рояль и раздавались медленные, тягучіе звуки одно-

образно-унылаго мотива, безконечно повторявшагося и переходившаго потомъ въ веселые и полные нѣги звуки,—у него такъ хорошо становилось на душѣ; онъ такъ радостно и счастливо благодарилъ ее...

Но однажды, когда, придя домой, онъ обратился къ ней съ той же просьбой, она рѣзко ему отказала:

— Ахъ, надоѣлъ ты мнѣ съ своимъ «Берегомъ Крыма».

Онъ съ недоумѣвающимъ видомъ взглянулъ на нее. Онъ не замѣтилъ, какъ долго подготовлялась въ ней эта вспышка, въ теченіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ; для него это было неожиданностью.

— Ну да,—продолжала она,—надоѣлъ, конечно, надоѣлъ; все одно и то же. Хоть кого выведетъ изъ себя! И что съ тобой сдѣлалось? Разслабъ, раскисъ со своимъ южнымъ берегомъ Крыма! Нельзя же вѣчно на немъ жить и вѣчно слушать этого Мусоргскаго...

— Аня!..

— Ну да, ну да!

— Но вѣдь ты же сама согласилась со мной, чтобы я купилъ здѣсь клочокъ земли и поселились бы мы тутъ навсегда.

— Мнѣ казалось, что это возможно. Но вѣдь скука же, скучища какая?!. Вотъ ужь два мѣсяца—всѣ разъѣхались... И потомъ, ты какой-то странный... Не то ты разлюбилъ меня и полюбилъ Крымъ, не то...

Онъ ее заключилъ въ объятія.

— Тебя разлюбить? Аня, что ты? Развѣ это возможно?.. Мнѣ тебя разлюбить?!.

Но она холодно отстранила его. Она не хотѣла себѣ сознаться, что это *она его*, а не онъ ее разлюбилъ. Скука, овладѣвшая ею, подкопала ея любовь. Яркія краски юга возбудили въ ней жажду новыхъ ощущеній, чего нибудь столь же яркаго, сильнаго, могучаго; это ровное и тихое чувство было теперь не по ней, и она стала скучать и скучать, не замѣчая, какъ послѣдовало сначала охлажденіе, потомъ равнодушіе, потомъ враждебное чувство къ мужу... Она его больше не любила. И его влеченіе къ морю, къ Крыму, его мечты, его восторги—все показалось ей теперь смѣшнымъ, неестественнымъ и противнымъ. «Это хорошо юношѣ,—думала она,—а не ему, всегда такому солидному и положительному». Это хорошо было бы и шло бы къ Викторову (она вспомнила молодаго человѣка, начинающаго художника, который часто бывалъ у нихъ и катался съ ней лѣтомъ, а теперь уже уѣхалъ *въ Петербургъ*), но никакъ не къ *нему*.

III.

Начиналась снова весна. Снѣгъ, и безъ того не лежавшій подолгу и быстро таявшій на зеленыхъ листьяхъ воронцовскаго сада, окончательно исчезъ. Небо прояснилось, тучи расходились; въ воздухѣ запѣли птицы. Потянуло весной; цвѣты зацвѣли; солнце ярче свѣтило... Какихъ ароматовъ полонъ былъ лѣсъ! Какое смутное неопредѣленное чувство наполнило душу Ани! Какъ ей захотѣлось въ даль, куда нибудь, все равно куда, только бы не оставаться здѣсь, въ этомъ опостылѣвшемъ Крыму. Именно теперь, когда Крымъ опять долженъ былъ оживиться, наполниться пріѣзжими, больными и туристами, ей неудержимо захотѣлось вонъ отсюда. Мужа она почти возненавидѣла. И онъ, кажется, начиналъ это видѣть и сознавать. Онъ уже почти окончательно рѣшилъ слѣдующею осенью покинуть Крымъ въ угоду женѣ, и эта мысль наполняла его душу страданьемъ и болью; но онъ не хотѣлъ и не могъ принести въ жертву Крыму свою любовь къ женѣ, ея любовь къ нему. Онъ съ тоскою думалъ о томъ времени, когда ему придется покинуть «край богатыхъ грёзъ»...

Снова ночь, лунная ночь на берегу моря, снова мечты,—золотыя или, лучше, *серебряныя* мечты, — такія же, какъ вся крымская ночная серебряная природа. Снова яркая зелень, благоуханіе, тепло, сказочный замокъ. Снова вѣтерокъ и купы деревьевъ нашептываютъ ему волшебныя сказки... Плющъ вьется у его ногъ, задрапировывая скалу. Ахъ, этотъ плющъ! Онъ какъ будто говоритъ ему: «Вотъ ты собираешься насъ покинуть... покинуть это серебряное море, эти скалы, замокъ, цвѣты и деревья, чтобы поселиться на гнусномъ болотѣ? Не безуміе ли это? У насъ такъ привольно, такъ тепло и прекрасно, а ты хочешь все это бросить и промѣнять на что же? На пыльный и знойный каменный Петербургъ? Благоуханіе нашего сада — на зловоніе Петербурга? Шумъ нашего моря на фальшивую шансонетку?.. Нѣтъ! вотъ я не таковъ! Я какъ привязался къ этой скалѣ, какъ прилегъ къ ней на грудь, такъ и останусь, такъ и умру. Что мнѣ искать, чего желать? Я останусь и умру здѣсь... Ты знаешь мой девизъ, девизъ плюща? Нѣтъ? Вотъ онъ: «je meure où je m'attache». Да, я умру здѣсь, на этой скалѣ, на этомъ деревѣ, но я не разстанусь съ ними... А ты—уѣзжай!..»

Было поздно — онъ вернулся домой. «Почему это темно въ окнахъ у Ани?—подумалъ онъ:—въ это время она не ложится еще...» Онъ шелъ домой грустный: необходимость оставить Крымъ убивала его; но онъ шелъ пока съ твердымъ рѣшеніемъ сказать своей женѣ, своей любимой Анѣ, что они уѣдутъ, даже не дожидаясь осени. Это необходимо,—думалось ему,—чтобы вернуть ея расположеніе. Когда онъ вошелъ къ себѣ, все было тихо. Ни звука.

— Аня!—окликнулъ онъ. Но отклика не послѣдовало. Онъ безпокойно пошарилъ спичку и зажегъ ее. Въ комнатахъ никого не было. Все было пусто. Вдругъ въ глаза ему мелькнулъ листикъ почтовой бумаги. Онъ трепетно взялъ его и прочелъ:

«Я уѣзжаю, и уѣзжаю отъ тебя навсегда. Не пытайся меня отыскивать... Положимъ, разыскать меня будетъ нетрудно, но это напрасно... Прости меня, Александръ Ивановичъ («Прежде она называла меня—*Саша*», — промелькнуло у него), но я не люблю тебя больше. Ты самъ виноватъ въ этомъ, ибо самъ меня бросилъ и забылъ, съ тѣхъ поръ какъ мы переѣхали на югъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Я не люблю тебя, я даже питаю къ тебѣ враждебное чувство. Прощай и забудь меня — тебѣ это будетъ легко: посиди на берегу моря, помечтай при лунѣ—это очень идетъ къ твоей сѣдѣющей головѣ и проглядывающей лысинѣ... *Анна*».

Онъ былъ убитъ. За что? За что этотъ злорадный тонъ, эта злая насмѣшка? Онъ кинулся къ хозяину-татарину. По разстроенной его физіономіи, по дрожащимъ рукамъ, по блуждающему взору, тотъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я думаль, ты зналь, что сударыня уѣхаль! — сказалъ онъ, покачивая головой и причмокивая губами.

— Когда, куда, съ кѣмъ она уѣхала?—дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ.

— Передъ вечеромъ уѣхаль! Передъ вечеромъ собирался и уѣхаль! Одинъ уѣхаль! Ахметъ увезъ—у него взяль экипажъ. Ахметъ-ярамазъ, джинабетъ! [1])—вдругъ ни съ того, ни съ сего добавилъ онъ, вѣроятно, потому, что не у него взяли лошадей, или же онъ думалъ утѣшить этимъ ошеломленнаго мужа. — Я бы не даль лошадь,—продолжалъ онъ,—я у тебя спросить... Ахметъ-джинабетъ!...

Тяжелое отчаяніе овладѣло Александромъ Ивановичемъ. Онъ не могъ думать, не могъ ничего сообразить. Какой-то кошмаръ овладѣлъ имъ, и кошмаръ этотъ смѣнялся столбнякомъ. Онъ безнадежно махнулъ рукой и повернулъ обратно въ садъ. Онъ шелъ

---

[1]) *Дуракъ, сволочь.*

теперь по темнымъ аллеямъ, осѣненнымъ кипарисами, обвѣяннымъ благоуханіями, но въ немъ не было болѣе жизнерадостнаго чувства. «Если такъ,—все кончено, кончено, кончено»!—машинально шепталъ онъ, поддаваясь внутреннему *чему-то*, что̀ толкало его теперь къ морю. Онъ перескакивалъ со скалы на скалу, съ камня на камень. Волны уже чуть не лизали его ногъ, въ головѣ былъ сумбуръ, сердце замирало. «Еще одинъ шагъ,—думалъ онъ,—еще одна послѣдняя рѣшительная минута... и прощай, Аня, навсегда! Будь счастлива, живи, радуйся и прости мнѣ, если я, дѣйствительно, передъ тобою виноватъ»...

Что это? Откуда это льются звуки, знакомые звуки... Неслась унылая, мечтательная татарская пѣсня. Звуки джіанури сопровождали ее... Въ ней слышалась тема любимой пьесы Александра Ивановича. Ему слышался мотивъ «Близь южнаго берега Крыма». Да, да, это тотъ же мотивъ, только онъ весь унылый и томный, въ этомъ своемъ первоначальномъ и необработанномъ видѣ... «Конецъ, конецъ... ну, и мнѣ пора кончить съ собою»,—думалось ему, и въ то время, когда онъ, перекрестившись, заносилъ уже ногу надъ моремъ, стоя на крутомъ обрывистомъ камнѣ, въ головѣ его неожиданно пробѣжала мысль: «je meure où je m'attache»..... Эмблема плюща, вѣчно-зеленаго, вѣрнаго, дорогаго друга пришла ему въ голову, и онъ остановился... Вдали послышалась снова его любимая пѣсня; по саду пробѣжалъ вѣтеръ, пронесся шопотъ. На полумѣсяцѣ минарета заблестѣлъ лунный лучъ. Звѣзды мерцали, и прихлынувшая къ самымъ ногамъ его волна далеко отбѣжала прочь, какъ бы отказываясь принять его... Все его манило къ жизни, къ жизни въ этомъ раю. И его горе, великое горе, показалось ему жалкимъ и мелкимъ, и его фигура на этомъ камнѣ передъ необъятнымъ моремъ, маленькая и затерянная, показалась ему ничтожною. И не рѣшился онъ осквернить своей насильственной смертью этой торжествующей природы, и не рѣшился нарушить гармонію этого гимна своимъ послѣднимъ, ничтожнымъ человѣческимъ крикамъ... Жить на лонѣ этой природы и умереть на груди у нея—вотъ настоящее счастье....

Между двумя нависшими надъ моремъ скалами, въ неглубокой лощинѣ на южномъ берегу Крыма, весь потонувшій въ зелени благоухающаго сада, окруженный высокими кипарисами, стоитъ маленькій, но роскошно выстроенный домикъ. Сѣрыя стѣны его снизу и до самой крыши затканы зеленымъ вьющимся плющемъ. Онъ выстроенъ въ восточномъ вкусѣ, съ минаретами, съ полукруглыми сводами, съ балконами. Широкая терраса спускается къ самому морю. И весь онъ затянутъ плющемъ, а на фронтонѣ его,

у входа въ среднія двери, золотыми буквами по бѣлому фону изображена эмблема плюща: «je meure où je m'attache...»

Въ этомъ домикѣ, который прозвали «плющевымъ домикомъ», живетъ одиноко Александръ Ивановичъ, который, какъ плющъ къ дереву, привязался къ дивной природѣ южнаго берега Крыма.

«Послѣднее прости».

Послѣдняя лодочка съ провожавшей публикой отчалила отъ парохода, темная масса котораго колыхалась далеко отъ набережной Ялты, на бурныхъ водахъ Чернаго моря. Вѣтеръ крѣпчалъ; темныя волны бились о бортъ парохода, и онъ, поддаваясь ихъ стихійной силѣ, качался и накренялся подъ вѣтромъ. Съ другаго его борта слышались крики и возгласы татаръ-рабочихъ, выгружавшихъ, при помощи пароваго подъемнаго рычага, послѣдній грузъ изъ большаго баркаса, стоявшаго подъ высокой стѣной парохода. Изъ трубы его валилъ густой черный дымъ, вылетали искры, и желѣзный остовъ его какъ будто вздрагивалъ, готовясь въ путь. Прозвучалъ второй звонокъ. Пассажиры, всѣ уже прибывшіе на бортъ, суетливо предъявляли свои билеты пароходной прислугѣ, выбирали себѣ койки въ каютахъ, спѣшили занять мѣста своимъ багажемъ и устроиться въ этихъ узенькихъ и маленькихъ клѣточкахъ на нѣсколько дней.

Въ Ялтѣ засверкали огоньки, и она только что стала оживать послѣ знойнаго дня. Устроившись, пассажиры всѣ почти вышли на палубу,—кто любоваться видомъ бушующаго моря, звѣзднаго неба, кто знакомиться съ капитаномъ и спутниками, кто помечтать, разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, вспомнить о покинутомъ городѣ. Только одна пассажирка не выходила изъ каюты. Она машинально сложила свои вещи на кровать, и сама сѣла, безпомощно опустивъ руки, безцѣльно глядя передъ собою. Качавшаяся въ подсвѣчникѣ свѣча тускло освѣщала маленькую каюту, въ которой, по счастливой случайности, никого больше не помѣстили. Сквозь небольшое круглое отверстіе, замѣнявшее собою окно, она близко передъ собою видѣла то ялтинскіе огни, то клочокъ неба,—когда пароходъ, качаясь, подымался къ верху,—то бѣлую пѣну разъяренной волны. Но, казалось, она не замѣчала ничего этого. Ея взглядъ, какъ будто загипнотизированный чѣмъ-то, ничего не выражалъ; но въ лицѣ ея, въ крѣпко сжатыхъ рукахъ, во всей фигурѣ *видѣлось, чувствовалось*, познавалось горе.

Въ каютъ-компаніи пароходные офиціанты въ синихъ курткахъ накрывали длинные столы и приготовляли ихъ къ чаю. Посуда качалась и прыгала, и они должны были положить на столы особыя рамки съ отверстіями для стакановъ и тарелокъ. Ихъ и самихъ кидало изъ стороны въ сторону; но, давно привычные къ качкѣ, они умѣли ходить и во-время удержаться на ногахъ. Пароходная горничная два раза приходила въ каюту съ заявленіемъ, что чай готовъ.

— Ежели пропустите время,—говорила она, — потомъ не получите.

Но дама, къ которой относилось это обращеніе, не слушала его. Тогда горничная осторожно тронула ее за плечо и попросила выйти изъ каюты.

— Вы пойдите, барыня, чай кушать, пока я тутъ приготовлю вамъ все: будьте безъ сомнѣнія, все будетъ цѣло.

Она ее проводила до двери, и пассажирка все также машинально, врядъ ли даже что слыша, поднялась мимо каютъ-компаніи на палубу. На палубѣ никого не было. Качка уже начала оказывать свое дѣйствіе: многіе ушли,—либо чай пить, либо просто улечься въ каютѣ, съ ужасомъ думая о длинномъ пути и о томъ, какъ перенести это путешествіе. Свѣжій ли воздухъ, ревущія ли волны, обдававшія мелкой водяной пылью палубу, или слабо доносившіеся до палубы съ берега звуки мечтательнаго вальса подѣйствовали на даму, но она очнулась. Столбнякъ ея прошелъ. Она усѣлась у борта на боковую скамейку и устремила въ темноту свой взглядъ, полный глубокаго горя. Еще разъ раздался звонокъ; внутри парохода что-то заклокотало, задрожало; дымъ повалилъ изъ трубы еще гуще и чернѣе прежняго, и судно медленно колыхнулось и плавно сдвинулось съ мѣста. Что-то подступило вдругъ къ самому горлу сидѣвшей на палубѣ дамы, сердце ея мучительно сжалось, и слезы показались на глазахъ. Она стиснула свои пальцы такъ, что они хрустнули, и впилась глазами въ ялтинскіе огни.

Теперь пароходъ стало качать еще сильнѣе прежняго; волны вздымались у бортовъ, пѣнились, и изрѣдка какая нибудь особенно сильная волна кидалась на самую палубу и обдавала ее своею бѣлой бѣшеной пѣной. Качка была двойная—и боковая, и килевая, но на пассажирку это не дѣйствовало. Она продолжала плакать. Уже потонули очертанія домовъ Ялты, все слилось въ одну бѣлесоватую массу, узкой полосой виднѣвшуюся на горизонтѣ; уже только одни огни свидѣтельствовали о томъ, гдѣ стоитъ городъ, но и огни стушевывались все больше и больше, опускались все ниже и ниже и, наконецъ, почти слились съ моремъ. Нужно было

Плющъ.

I.

Послѣ жизни, исполненной тревогъ, лишеній и всяческихъ испытаній, онъ удалился наконецъ съ холоднаго и туманнаго сѣвера на горячій, роскошный югъ. Какъ онъ себя хорошо чувствовалъ! То, что̀ наполняло его существо, онъ не съумѣлъ бы выразить ясно; но онъ весь внутренно трепеталъ, когда увидѣлъ блещущее горячими красками море, розово-фіолетовыя скалы съ прозрачными темно-голубыми тѣнями, синее прозрачное небо... Какъ ему чудно дышалось, какимъ легкимъ казался этотъ свѣжій морской вѣтерокъ... А она? Она вся расцвѣла, ожила, вдвое полюбила.

Когда вечеромъ онъ въ первый разъ вышелъ прогуляться и помечтать въ сказочно-прекрасномъ Воронцовскомъ саду, когда его окружили лавры съ ихъ лакированной листвой, огромныя магноліи, стройные черные кипарисы, мирты, дикій виноградъ и гранатовыя деревья, когда они обвѣяли его своимъ таинственнымъ перешептываніемъ, напоили его своими благоуханіями—ему показалось, что теперь, и только теперь онъ началъ жить; онъ понялъ, что̀ собственно въ жизни есть прекраснаго. Все, что̀ было раньше, то была не жизнь,—все, что угодно, но не жизнь. И онъ вспомнилъ своихъ знакомыхъ, близкихъ и друзей, оставленныхъ имъ тамъ, на «вонючемъ сѣверномъ болотѣ», и ему стало жаль ихъ. Онъ представилъ себѣ, что̀ они теперь дѣлаютъ въ эту ночь, когда онъ сидитъ въ волшебномъ саду, вдыхаетъ ароматъ магнолій, кипарисовъ и розъ, прислушивается къ плеску моря, волнующагося внизу, подъ его ногами, смотритъ въ это глубокое, бездонное, прозрачное небо, любуется на выхваченный прямо изъ «Тысячи и одной ночи» алупкинскій дворецъ съ его шестью мраморными львами. Что̀ *они* теперь дѣлаютъ *тамъ*, на болотѣ? Одинъ одѣвается и спѣшитъ въ какую нибудь «Аркадію» или «Зоологію»; другой бѣжитъ фланировать по Невскому, въ чаяніи натолкнуться на какое нибудь приключеньице, третій собирается поиграть въ винтъ. Онъ самъ это дѣлалъ, самъ находилъ удовольствіе во всемъ этомъ; но теперь... теперь онъ всей душой сожалѣлъ тѣхъ ***несчастныхъ***, принужденныхъ любоваться аркадійскими «горизонталками», дышать петербургскимъ воздухомъ или въ душной комнатѣ сидѣть за зеленымъ столомъ, горячиться, кричать и ругаться изъ-за *какой нибудь «непоказанной* дамы» или «проиграннаго шлема». Не-

пріятное чувство прошло по его душѣ, какой-то дикій и нелѣпый диссонансъ рѣзнулъ его по уху. Эти слова и мысли: о винтѣ, объ Аркадіи и о прочемъ,—оставленномъ тамъ, *гдѣ-то*,—въ виду торжественной ночи, такъ болѣзненно проходили черезъ его сознаніе, погруженное въ созерцанье разстилавшихся передъ нимъ красотъ, что онъ поспѣшилъ поскорѣй отъ нихъ отрѣшиться, забыть ихъ. «Богъ съ ними!—подумалъ онъ.—Ни о чемъ не хочу думать, ничего вспоминать! Вся жизнь не стоитъ одной этой ночи».

Съ моря потянулъ свѣжій вѣтерокъ. Кипарисы покачивали остроконечными верхушками, какъ бы соглашаясь съ нимъ; фиговыя деревья шелестѣли своей вырѣзной листвой, плющъ обвивалъ своими цѣпкими вѣтками чуть не каждый стволъ дерева, какъ бы защищая его грудью и поклявшись никогда не оставлять его, ни въ какую минуту; на темномъ фонѣ зелени, погруженной въ тихую дрему лѣтней ночи, тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты розъ и магнолій, кусты лагерстремій, обильно усѣянныхъ розовато-лиловыми мелкими цвѣточками. Кое-гдѣ въ этотъ темно-зеленый фонъ врывался обломокъ сѣрой скалы, заросшей зеленой порослью, мохомъ или плющемъ. Плющъ вездѣ—на деревьяхъ, на скалахъ, на стѣнахъ: стѣны замка изъ темносѣраго песчаника сплошь затканы темнозеленымъ блестящимъ плющемъ. Видъ этого плюща производилъ на него странное фантастическое впечатлѣніе: онъ не казался паразитомъ, вытягивающимъ соки изъ дерева и живущимъ на его счетъ, а, напротивъ, вѣрнымъ другомъ, привязавшимся на всю жизнь... И когда онъ смотрѣлъ на темносѣрый замокъ, на море, плещущееся у скалистаго берега, на отвѣсную грамаду Ай-Петри, на «каменное море» обломковъ, на черную кипарисовую рощу, на причудливые, красно-голые стволы арбутуса, на ливанскіе кедры; когда онъ вдругъ натыкался на лежащіе по дорожкѣ толстые, извившіеся въ клубокъ, какъ змѣи, стволы дикаго винограда,—ему положительно казалось, что онъ перенесенъ силою волшебства въ нездѣшній міръ, что деревья говорятъ между собою, что дуновенье вѣтерка хочетъ нашептать ему какое нибудь древнее сказаніе, сагу давно минувшихъ лѣтъ...

И вдругъ его рѣшеніе созрѣло: онъ останется здѣсь навсегда. Да, навсегда. Что ему нужно? Онъ уже почти отжилъ свое. Еще десятокъ, полтора лѣтъ, а тамъ медленно и незамѣтно подползетъ старость—и конецъ всѣмъ утѣхамъ и радостямъ жизни! Нѣтъ, ужь довольно! Въ Петербургъ онъ болѣе никогда не вернется. Онъ счастливъ, онъ обезпеченъ, имѣетъ хорошую, сердечную молодую жену, которая искренно его любитъ, привязана къ нему и согласится навсегда поселиться съ нимъ въ этомъ уголкѣ. Онъ отъ-

щетъ себѣ гдѣ нибудь мѣстечко на морскомъ берегу, построитъ домъ, и будетъ жить здѣсь, окруженный грезами, съ любимой молодой женой. Онъ имѣетъ право на отдыхъ; онъ достаточно пожилъ и потрудился на своемъ вѣку, чтобы имѣть право десятокъ лѣтъ пожить для себя. Развѣ это не полная чарующей прелести идиллія—жить вдвоемъ на южномъ морскомъ берегу и постараться забыть «вонючее болото», съ его блѣдными, разслабляющими, немощными ночами, съ его жестокими зимами, съ его лѣтомъ—«карикатурой южныхъ зимъ»... Развѣ это не счастье?..

II.

Много разъ восходило и заходило солнце; много разъ огненный шаръ луны рождался изъ самаго моря, подымался въ вышину неба, бѣлѣя серебромъ по дорогѣ и сіялъ, заливая своимъ сіяньемъ небо, море, скалы и садъ, а потомъ, подымаясь все выше и выше, становясь все блѣднѣе и блѣднѣе, исчезалъ и сливался съ синевою неба, чтобы уступить свое мѣсто раскаленному ядру горячаго солнца... Много разъ зажигались и потухали страстныя южныя звѣзды... Много разъ шумѣло море, рождая пѣнящіяся волны. Много думъ пронеслось въ душѣ очарованнаго мечтателя, рѣшившагося навсегда поселиться на морскомъ берегу...

Переходъ отъ лѣта къ осени и зимѣ совершился постепенно; сначала пошли дожди, утра и вечера стали холодными, волненія на морѣ становились чаще. Потомъ вдругъ, неожиданно, небо затянулось густыми тучами, пошелъ снѣгъ и засыпалъ собою когда-то цвѣтущій садъ; цвѣтовъ уже не было, но деревья красовались, одѣтыя въ свою зеленую листву. Голыя вѣтки арбутуса стали покрываться тонкой красной корой; но кипарисы, лавры и плющъ стояли неизмѣнно въ своей зеленой одеждѣ, какъ бы желая сказать этимъ, что красота ихъ вѣчна, и что не нужно отчаиваться въ будущемъ. Какой-то странный эффектъ, необыкновенный контрастъ, производилъ видъ этой медленно падающей, какъ занавѣсъ, бѣлой пелены снѣга рядомъ съ этой вѣчно зеленой листвой. И, казалось, плющъ, плотно охватившій деревья, старался согрѣть ихъ, защитить отъ зимней погоды, ненастья и холода. Море не замерзало даже у береговъ и казалось только нахмурившимся и мрачнымъ. Что-то досадливое слышалось въ его тяжелыхъ раскатахъ, видѣлось въ черномъ цвѣтѣ его волнъ. На горизонтѣ показывались очень рѣдко корабли и пароходы, и медленно исчезали въ облачной дали. Птицы съ рѣзкимъ крикомъ проносились надъ моремъ.

Пусто стало въ Алупкѣ. Огромное большинство разъѣхалось на зиму. Не слышно было татарской пѣсни, топота скачущей лошади, рожка дилижанса, веселаго смѣха и говора праздной и блестящей публики, наводнявшей Крымъ лѣтомъ. Населеніе позаперлось въ свои сакли съ плоскими крышами, изъ трубъ которыхъ уныло поднимался къ небу дымокъ...

Но *ему* было весело; онъ все также ходилъ мечтать на берегъ моря. И когда онъ видѣлъ вдали проходящій мимо корабль или пароходъ, исчезавшій на горизонтѣ, ему не было грустно. «Иди, иди, — думалъ онъ, — уноси съ собой тѣхъ, кому лучше живется тамъ, далеко отъ прекраснаго юга. И если *они* не въ состояніи понять всей здѣшней прелести, то имъ здѣсь и не мѣсто; уноси ихъ съ собою»...

Онъ долго засиживался на берегу, и часто пронзительный, за душу хватающій, крикъ муэззина съ высокаго минарета алупкинской мечети будилъ его отъ мечтаній и возвращалъ къ дѣйствительной жизни, отвлекая отъ грезъ къ настоящему. Этотъ крикъ, унылый и страстный, всегда больно хваталъ его за сердце и будилъ въ немъ то, что онъ хотѣлъ отъ себя скрыть: онъ уже давно сталъ замѣчать, что жена его заскучала. Съ самого того времени когда публика стала замѣтно рѣдѣть и разъѣзжаться, она стала хандрить, и—прежде веселая, живая и бодрая—какъ-то сразу ушла въ себя, нахмурилась и захандрила. Ее повлекло въ Петербургъ. Сначала и она восхищалась Крымомъ; потомъ у нея завелись знакомые, она ѣздила верхомъ, на лодкѣ, въ экипажѣ; совершила массу поѣздокъ—въ Ялту, Байдаръ, Гурзуфъ и другія окрестности; сдѣлала два восхожденія на Ай-Петри, побывала на Ай-Тодорскомъ маякѣ, слушала музыку, купалась... Онъ не сопутствовалъ ей, а сидѣлъ одиноко на берегу или въ кущахъ садовъ, предаваясь золотымъ мечтамъ. Она не мѣшала ему; но когда всѣ удовольствія были исчерпаны, когда знакомые стали убывать и, наконецъ, въ Алупкѣ стало совсѣмъ пусто, ей неудержимо захотѣлось покинуть югъ, переселиться на сѣверъ, пройтись по Невскому, побывать въ оперѣ, на балахъ. Онъ не понималъ ея или, вѣрнѣе, пересталъ понимать; и сначала такъ дружно жившіе, такъ сходившіеся между собою люди—теперь рѣзко разошлись... Это подготовлялось давно, но случилось,—для него, по крайней мѣрѣ,—совершенно неожиданно. Когда онъ возвращался вечеромъ домой съ берега моря, полный образовъ и мечтаній, онъ просилъ ее сыграть ему «Близь южнаго берега Крыма»—прелестную музыкальную картинку Мусоргскаго. Это была его любимая пьеса. И когда она садилась за рояль и раздавались медленные, тягучіе звуки одно-

образно-унылаго мотива, безконечно повторявшагося и переходившаго потомъ въ веселые и полные нѣги звуки,—у него такъ хорошо становилось на душѣ; онъ такъ радостно и счастливо благодарилъ ее...

Но однажды, когда, придя домой, онъ обратился къ ней съ той же просьбой, она рѣзко ему отказала:

— Ахъ, надоѣлъ ты мнѣ съ своимъ «Берегомъ Крыма».

Онъ съ недоумѣвающимъ видомъ взглянулъ на нее. Онъ не замѣтилъ, какъ долго подготовлялась въ ней эта вспышка, въ теченіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ; для него это было неожиданностью.

— Ну да,—продолжала она,—надоѣлъ, конечно, надоѣлъ; все одно и то же. Хоть кого выведетъ изъ себя! И что съ тобой сдѣлалось? Разслабъ, раскисъ со своимъ южнымъ берегомъ Крыма! Нельзя же вѣчно на немъ жить и вѣчно слушать этого Мусоргскаго...

— Аня!..

— Ну да, ну да!

— Но вѣдь ты же сама согласилась со мной, чтобы я купилъ здѣсь клочокъ земли и поселились бы мы тутъ навсегда.

— Мнѣ казалось, что это возможно. Но вѣдь скука же, скучища какая?!. Вотъ ужь два мѣсяца—всѣ разъѣхались... И потомъ, ты какой-то странный... Не то ты разлюбилъ меня и полюбилъ Крымъ, не то...

Онъ ее заключилъ въ объятія.

— Тебя разлюбить? Аня, что ты? Развѣ это возможно?.. Мнѣ тебя разлюбить?!.

Но она холодно отстранила его. Она не хотѣла себѣ сознаться, что это *она его*, а не онъ ее разлюбилъ. Скука, овладѣвшая ею, подкопала ея любовь. Яркія краски юга возбудили въ ней жажду новыхъ ощущеній, чего нибудь столь же яркаго, сильнаго, могучаго; это ровное и тихое чувство было теперь не по ней, и она стала скучать и скучать, не замѣчая, какъ послѣдовало сначала охлажденіе, потомъ равнодушіе, потомъ враждебное чувство къ мужу... Она его больше не любила. И его влеченіе къ морю, къ Крыму, его мечты, его восторги—все показалось ей теперь смѣшнымъ, неестественнымъ и противнымъ. «Это хорошо юношѣ,—думала она,—а не ему, всегда такому солидному и положительному». Это хорошо было бы и шло бы къ Викторову (она вспомнила молодаго человѣка, начинающаго художника, который часто бывалъ у нихъ и катался съ ней лѣтомъ, а теперь уже уѣхалъ *въ Петербургъ*), но никакъ не къ *нему*.

III.

Начиналась снова весна. Снѣгъ, и безъ того не лежавшій подолгу и быстро таявшій на зеленыхъ листьяхъ воронцовскаго сада, окончательно исчезъ. Небо прояснилось, тучи расходились; въ воздухѣ запѣли птицы. Потянуло весной; цвѣты зацвѣли; солнце ярче свѣтило... Какихъ ароматовъ полонъ былъ лѣсъ! Какое смутное неопредѣленное чувство наполнило душу Ани! Какъ ей захотѣлось въ даль, куда нибудь, все равно куда, только бы не оставаться здѣсь, въ этомъ опостылѣвшемъ Крыму. Именно теперь, когда Крымъ опять долженъ былъ оживиться, наполниться пріѣзжими, больными и туристами, ей неудержимо захотѣлось вонъ отсюда. Мужа она почти возненавидѣла. И онъ, кажется, начиналъ это видѣть и сознавать. Онъ уже почти окончательно рѣшилъ слѣдующею осенью покинуть Крымъ въ угоду женѣ, и эта мысль наполняла его душу страданьемъ и болью; но онъ не хотѣлъ и не могъ принести въ жертву Крыму свою любовь къ женѣ, ея любовь къ нему. Онъ съ тоскою думалъ о томъ времени, когда ему придется покинуть «край богатыхъ грёзъ»...

Снова ночь, лунная ночь на берегу моря, снова мечты,—золотыя или, лучше, *серебряныя* мечты, — такія же, какъ вся крымская ночная серебряная природа. Снова яркая зелень, благоуханіе, тепло, сказочный замокъ. Снова вѣтерокъ и купы деревьевъ нашептываютъ ему волшебныя сказки... Плющъ вьется у его ногъ, задрапировывая скалу. Ахъ, этотъ плющъ! Онъ какъ будто говоритъ ему: «Вотъ ты собираешься насъ покинуть... покинуть это серебряное море, эти скалы, замокъ, цвѣты и деревья, чтобы поселиться на гнусномъ болотѣ? Не безуміе ли это? У насъ такъ привольно, такъ тепло и прекрасно, а ты хочешь все это бросить и промѣнять на что же? На пыльный и знойный каменный Петербургъ? Благоуханіе нашего сада — на зловоніе Петербурга? Шумъ нашего моря на фальшивую шансонетку?.. Нѣтъ! вотъ я не таковъ! Я какъ привязался къ этой скалѣ, какъ прилегъ къ ней на грудь, такъ и останусь, такъ и умру. Что мнѣ искать, чего желать? Я останусь и умру здѣсь... Ты знаешь мой девизъ, девизъ плюща? Нѣтъ? Вотъ онъ: «je meure où je m'attache». Да, я умру здѣсь, на этой скалѣ, на этомъ деревѣ, но я не разстанусь съ ними... А ты—уѣзжай!..»

Было поздно — онъ вернулся домой. «Почему это темно въ окнахъ у Ани?—подумалъ онъ:—въ это время она не ложится еще...» Онъ шелъ домой грустный: необходимость оставить Крымъ убивала его; но онъ шелъ пока съ твердымъ рѣшеніемъ сказать своей женѣ, своей любимой Анѣ, что они уѣдутъ, даже не дожидаясь осени. Это необходимо,—думалось ему,—чтобы вернуть ея расположеніе. Когда онъ вошелъ къ себѣ, все было тихо. Ни звука.

— Аня!—окликнулъ онъ. Но отклика не послѣдовало. Онъ безпокойно пошарилъ спичку и зажегъ ее. Въ комнатахъ никого не было. Все было пусто. Вдругъ въ глаза ему мелькнулъ листикъ почтовой бумаги. Онъ трепетно взялъ его и прочелъ:

«Я уѣзжаю, и уѣзжаю отъ тебя навсегда. Не пытайся меня отыскивать... Положимъ, разыскать меня будетъ нетрудно, но это напрасно... Прости меня, Александръ Ивановичъ («Прежде она называла меня—*Саша*», — промелькнуло у него), но я не люблю тебя больше. Ты самъ виноватъ въ этомъ, ибо самъ меня бросилъ и забылъ, съ тѣхъ поръ какъ мы переѣхали на югъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Я не люблю тебя, я даже питаю къ тебѣ враждебное чувство. Прощай и забудь меня — тебѣ это будетъ легко: посиди на берегу моря, помечтай при лунѣ—это очень идетъ къ твоей сѣдѣющей головѣ и проглядывающей лысинѣ... *Анна*».

Онъ былъ убитъ. За что? За что этотъ злорадный тонъ, эта злая насмѣшка? Онъ кинулся къ хозяину-татарину. По разстроенной его физіономіи, по дрожащимъ рукамъ, по блуждающему взору, тотъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я думаль, ты зналь, что сударыня уѣхаль! — сказалъ онъ, покачивая головой и причмокивая губами.

— Когда, куда, съ кѣмъ она уѣхала?—дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ.

— Передъ вечеромъ уѣхаль! Передъ вечеромъ собирался и уѣхаль! Одинъ уѣхаль! Ахметъ увезъ—у него взяль экипажъ. Ахметъ-ярамазъ, джинабетъ! [1])—вдругъ ни съ того, ни съ сего добавилъ онъ, вѣроятно, потому, что не у него взяли лошадей, или же онъ думалъ утѣшить этимъ ошеломленнаго мужа. — Я бы не даль лошадь,—продолжалъ онъ,—я у тебя спросить... Ахметъ-джинабетъ!...

Тяжелое отчаяніе овладѣло Александромъ Ивановичемъ. Онъ не могъ думать, не могъ ничего сообразить. Какой-то кошмаръ овладѣлъ имъ, и кошмаръ этотъ смѣнялся столбнякомъ. Онъ безнадежно махнулъ рукой и повернулъ обратно въ садъ. Онъ шелъ

---

[1]) *Дуракъ, сволочь.*

теперь по темнымъ аллеямъ, осѣненнымъ кипарисами, обвѣяннымъ благоуханіями, но въ немъ не было болѣе жизнерадостнаго чувства. «Если такъ,—все кончено, кончено, кончено»!—машинально шепталъ онъ, поддаваясь внутреннему *чему-то*, что̀ толкало его теперь къ морю. Онъ перескакивалъ со скалы на скалу, съ камня на камень. Волны уже чуть не лизали его ногъ, въ головѣ былъ сумбуръ, сердце замирало. «Еще одинъ шагъ,—думалъ онъ,—еще одна послѣдняя рѣшительная минута... и прощай, Аня, навсегда! Будь счастлива, живи, радуйся и прости мнѣ, если я, дѣйствительно, передъ тобою виноватъ»...

Что это? Откуда это льются звуки, знакомые звуки... Неслась унылая, мечтательная татарская пѣсня. Звуки джіанури сопровождали ее... Въ ней слышалась тема любимой пьесы Александра Ивановича. Ему слышался мотивъ «Близь южнаго берега Крыма». Да, да, это тотъ же мотивъ, только онъ весь унылый и томный, въ этомъ своемъ первоначальномъ и необработанномъ видѣ... «Конецъ, конецъ... ну, и мнѣ пора кончить съ собою»,—думалось ему, и въ то время, когда онъ, перекрестившись, заносилъ уже ногу надъ моремъ, стоя на крутомъ обрывистомъ камнѣ, въ головѣ его неожиданно пробѣжала мысль: «je meure où je m'attache»..... Эмблема плюща, вѣчно-зеленаго, вѣрнаго, дорогаго друга пришла ему въ голову, и онъ остановился... Вдали послышалась снова его любимая пѣсня; по саду пробѣжалъ вѣтеръ, пронесся шопотъ. На полумѣсяцѣ минарета заблестѣлъ лунный лучъ. Звѣзды мерцали, и прихлынувшая къ самымъ ногамъ его волна далеко отбѣжала прочь, какъ бы отказываясь принять его... Все его манило къ жизни, къ жизни въ этомъ раю. И его горе, великое горе, показалось ему жалкимъ и мелкимъ, и его фигура на этомъ камнѣ передъ необъятнымъ моремъ, маленькая и затерянная, показалась ему ничтожною. И не рѣшился онъ осквернить своей насильственной смертью этой торжествующей природы, и не рѣшился нарушить гармонію этого гимна своимъ послѣднимъ, ничтожнымъ человѣческимъ крикамъ... Жить на лонѣ этой природы и умереть на груди у нея—вотъ настоящее счастье....

Между двумя нависшими надъ моремъ скалами, въ неглубокой лощинѣ на южномъ берегу Крыма, весь потонувшій въ зелени благоухающаго сада, окруженный высокими кипарисами, стоитъ маленькій, но роскошно выстроенный домикъ. Сѣрыя стѣны его снизу и до самой крыши затканы зеленымъ вьющимся плющемъ. Онъ выстроенъ въ восточномъ вкусѣ, съ минаретами, съ полукруглыми сводами, съ балконами. Широкая терраса спускается къ самому морю. И весь онъ затянутъ плющемъ, а на фронтонѣ его,

у входа въ среднія двери, золотыми буквами по бѣлому фону изображена эмблема плюща: «je meure où je m'attache...»

Въ этомъ домикѣ, который прозвали «плющевымъ домикомъ», живетъ одиноко Александръ Ивановичъ, который, какъ плющъ къ дереву, привязался къ дивной природѣ южнаго берега Крыма.

«Послѣднее прости».

Послѣдняя лодочка съ провожавшей публикой отчалила отъ парохода, темная масса котораго колыхалась далеко отъ набережной Ялты, на бурныхъ водахъ Чернаго моря. Вѣтеръ крѣпчалъ; темныя волны бились о бортъ парохода, и онъ, поддаваясь ихъ стихійной силѣ, качался и накренялся подъ вѣтромъ. Съ другаго его борта слышались крики и возгласы татаръ-рабочихъ, выгружавшихъ, при помощи пароваго подъемнаго рычага, послѣдній грузъ изъ большаго баркаса, стоявшаго подъ высокой стѣной парохода. Изъ трубы его валилъ густой черный дымъ, вылетали искры, и желѣзный остовъ его какъ будто вздрагивалъ, готовясь въ путь. Прозвучалъ второй звонокъ. Пассажиры, всѣ уже прибывшіе на бортъ, суетливо предъявляли свои билеты пароходной прислугѣ, выбирали себѣ койки въ каютахъ, спѣшили занять мѣста своимъ багажемъ и устроиться въ этихъ узенькихъ и маленькихъ клѣточкахъ на нѣсколько дней.

Въ Ялтѣ засверкали огоньки, и она только что стала оживать послѣ знойнаго дня. Устроившись, пассажиры всѣ почти вышли на палубу,—кто любоваться видомъ бушующаго моря, звѣзднаго неба, кто знакомиться съ капитаномъ и спутниками, кто помечтать, разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, вспомнить о покинутомъ городѣ. Только одна пассажирка не выходила изъ каюты. Она машинально сложила свои вещи на кровать, и сама сѣла, безпомощно опустивъ руки, безцѣльно глядя передъ собою. Качавшаяся въ подсвѣчникѣ свѣча тускло освѣщала маленькую каюту, въ которой, по счастливой случайности, никого больше не помѣстили. Сквозь небольшое круглое отверстіе, замѣнявшее собою окно, она близко передъ собою видѣла то ялтинскіе огни, то клочокъ неба,—когда пароходъ, качаясь, подымался къ верху,—то бѣлую пѣну разъяренной волны. Но, казалось, она не замѣчала ничего этого. Ея взглядъ, какъ будто загипнотизированный чѣмъ-то, ничего не выражалъ; но въ лицѣ ея, въ крѣпко сжатыхъ рукахъ, во всей фигурѣ *видѣлось, чувствовалось*, познавалось горе.

Въ каютъ-компаніи пароходные офиціанты въ синихъ куртках накрывали длинные столы и приготовляли ихъ къ чаю. Посуда качалась и прыгала, и они должны были положить на столы особыя рамки съ отверстіями для стакановъ и тарелокъ. Ихъ и самихъ кидало изъ стороны въ сторону; но, давно привычные къ качкѣ, они умѣли ходить и во-время удержаться на ногахъ. Пароходная горничная два раза приходила въ каюту съ заявленіемъ, что чай готовъ.

— Ежели пропустите время,—говорила она, — потомъ не получите.

Но дама, къ которой относилось это обращеніе, не слушала его. Тогда горничная осторожно тронула ее за плечо и попросила выйти изъ каюты.

— Вы пойдите, барыня, чай кушать, пока я тутъ приготовлю вамъ все: будьте безъ сомнѣнія, все будетъ цѣло.

Она ее проводила до двери, и пассажирка все также машинально, врядъ ли даже что слыша, поднялась мимо каютъ-компаніи на палубу. На палубѣ никого не было. Качка уже начала оказывать свое дѣйствіе: многіе ушли,—либо чай пить, либо просто улечься въ каютѣ, съ ужасомъ думая о длинномъ пути и о томъ, какъ перенести это путешествіе. Свѣжій ли воздухъ, ревущія ли волны, обдававшія мелкой водяной пылью палубу, или слабо доносившіеся до палубы съ берега звуки мечтательнаго вальса подѣйствовали на даму, но она очнулась. Столбнякъ ея прошелъ. Она усѣлась у борта на боковую скамейку и устремила въ темноту свой взглядъ, полный глубокаго горя. Еще разъ раздался звонокъ; внутри парохода что-то заклокотало, задрожало; дымъ повалилъ изъ трубы еще гуще и чернѣе прежняго, и судно медленно колыхнулось и плавно сдвинулось съ мѣста. Что-то подступило вдругъ къ самому горлу сидѣвшей на палубѣ дамы, сердце ея мучительно сжалось, и слезы показались на глазахъ. Она стиснула свои пальцы такъ, что они хрустнули, и впилась глазами въ ялтинскіе огни.

Теперь пароходъ стало качать еще сильнѣе прежняго; волны вздымались у бортовъ, пѣнились, и изрѣдка какая нибудь особенно сильная волна кидалась на самую палубу и обдавала ее своею бѣлой бѣшеной пѣной. Качка была двойная—и боковая, и килевая, но на пассажирку это не дѣйствовало. Она продолжала плакать. Уже потонули очертанія домовъ Ялты, все слилось въ одну бѣлесоватую массу, узкой полосой виднѣвшуюся на горизонтѣ; уже только одни огни свидѣтельствовали о томъ, гдѣ стоитъ городъ, но и огни стушевывались все больше и больше, опускались все ниже и ниже и, наконецъ, почти слились съ моремъ. Нужно было

особое напряженіе глазъ, чтобы различить эти блѣдныя и рѣдкія точки. Только красные фонари маяка отчетливо и какъ-то грустно виднѣлись на фонѣ неба.

— Прощай, моя малютка!—прошептала дама на палубѣ:—прощай, моя милая дѣвочка! спи спокойно... врядъ ли когда я пріѣду опять сюда поплакать на твоей одинокой могилкѣ.—И порывистымъ движеніемъ она протянула руки по направленію къ умиравшимъ огнямъ и, вперивъ взглядъ свой въ мрачное море, дрожащими руками перекрестила передъ собою темное пространство, посылая вдаль, къ покинутому берегу, свои сердечныя благословенія. Тяжелыя слезы закапали у нея изъ глазъ, и море отвѣтило ей глухимъ рыданіемъ, и бурнымъ потокомъ разлилась волна почти у самыхъ ея ногъ на палубѣ.

— Бѣдная, бѣдная малютка!—шептала дама.—Спи, моя крошка спи... право, тебѣ лучше, чѣмъ мнѣ...

И она вспомнила послѣднія минуты своей единственной любимой дочурки. Худенькая и блѣдная, со впалыми щеками, съ глубокой синевой подъ глазами, лежала она въ креслѣ, вытянувшись во всю длину своего маленькаго исхудавшаго тѣльца. Жестокій кашель хрипло вырывался у нея изъ горла, вздымалъ разбитую, усталую грудь и, порой,—когда она подносила къ запекшимся губамъ свой платочекъ,—на немъ оставались зловѣщія, яркія, красныя пятна.

Соня умирала. Вокругъ нея расцвѣтала жизнь, все оживало, все радостно веселилось на солнцѣ, которое, прогулявшись по морю, горамъ и садамъ, врывалось и въ ея полутемную комнату. Въ садикѣ, передъ ея домикомъ на морскомъ берегу, цвѣты разливали вокругъ ароматы; миндальныя деревья были покрыты словно густымъ пухомъ; стрекотали кузнечики, порхали бабочки... но она... умирала. На лицѣ ея, всегда такомъ веселомъ и радостномъ, легла печать серьезности и совсѣмъ не дѣтскаго горя. Ее привезли изъ душнаго города сюда, на берегъ моря, въ роскошный садъ; ее окружили попеченіями и самымъ заботливымъ, нѣжнымъ уходомъ; осыпали цвѣтами и ласками; надъ ней сіялъ куполъ прозрачнаго южнаго неба, передъ глазами плескалось необъятное синее море, высились кипарисы, летали бабочки, пѣли птички... Все манило, звало къ жизни, но она — умирала... тяжело умирала. Медленно и безжалостно-рано подтачивалась ея жизнь. Недугъ захватилъ въ свои страшныя, цѣпкія лапы это маленькое и хорошенькое тѣльце. Какъ паукъ, какъ вампиръ, высасывалъ онъ ея кровь, капля по каплѣ, какъ бы издѣваясь надъ ея жизнью, надъ ея молодостью, надъ страданіями матери. Бѣдная бабочка попала въ

паутину и не было у нея силъ выбиться оттуда, и безсильна была мать, безсильна ея любовь, безсильны доктора, лѣкарства, южный климатъ—въ борьбѣ съ неминуемой гибелью.

У нея на колѣняхъ лежала любимая кукла и не менѣе любимые цвѣты. Слабой исхудавшей рукой перебирала она цвѣты миндаля и украшала ими свою куклу. Въ теплые, яркіе дни, мать выводила ее въ тѣнистый и роскошный Гурзуфскій садъ. Фонтаны били, музыка играла, публика весело расхаживала по парку — всѣмъ, казалось, было весело; но на лицѣ дѣвочки лежало унынie, которое такъ не шло къ ея дѣтскому личику.

Разъ, вечеромъ, когда паркъ утонулъ въ голубомъ сіяніи электрическихъ фонарей, свѣтъ которыхъ такъ любила маленькая Соня, мать сидѣла рядомъ съ ней на скамейкѣ, глубоко задумавшись. Съ веранды, гдѣ игралъ оркестръ, неслись торжественные и полные грусти густые звуки шубертовскаго *Am-Meer*, страннымъ фантастическимъ образомъ сливавшіеся съ гуломъ дѣйствительныхъ волнъ, набѣгавшихъ на берегъ. Эти двойные звуки неслись въ душу несчастной матери, наполняли ее грустью, тоской и тревогой. Соня задремала; пора было уводить ее домой; ей вредно было оставаться на воздухѣ съ закатомъ солнца, но нельзя было хоть изрѣдка не исполнить ея желанія—увидѣть электрическій свѣтъ и послушать музыку. Когда мать разбудила дѣвочку, лицо бѣдной женщины было залито слезами. Звуки неслись въ ея душу и наполняли ее скорбью; она горько плакала. Соня проснулась.

— Развѣ пора ужь, мама? — спросила она. — Ахъ, посидимъ еще, еще немного, ну, чуточку. Мнѣ такой снился сонъ!.. Меня уносило куда-то далеко-далеко, высоко-высоко, и вокругъ все были фонари,—вотъ какъ эти. И музыка играла! И кукла Лиза была со мною... А тебя, мама, не было... Ты плачешь?.. Не плачь, мама; милая, не плачь!..

— Милая, безцѣнная Софочка, не говори; здѣсь сыро, тебѣ вредно,—сквозь рыданія, еле сдерживаясь, говорила мать.

— Не плачь же, мама!—настойчиво продолжала дѣиочка. — Ахъ, еслибы еще такъ высоко подняться! А мы долго здѣсь пробудемъ? Не скоро въ городъ вернемся?..

Черезъ нѣсколько дней, Сони не стало. Она таяла, какъ воскъ; кашель становился злѣе, и съ каждымъ днемъ продолжительнѣе; она ужь почти ничего не ѣла; конечности были холодны; ночной потъ не прекращался... Долгія безсонныя ночи, которыя мать проводила у кровати больной, надломили и ея силы; и вотъ, тогда она однажды подъ утро задремала, не въ силахъ бороться съ усталостью, *духъ Сони отлетѣлъ* отъ нея, и маленькое исхудавшее

тѣльце вытянулось во всю длину на постелькѣ. Глаза ея были еще полуоткрыты, но выраженья въ нихъ не было или, вѣрнѣе, оно было, но какое-то странное, нечеловѣческое; ея взоръ былъ устремленъ куда-то далеко, далеко, въ безграничное пространство, и на лицѣ играла спокойная, радостная улыбка, какъ будто она видѣла во снѣ чудный, прекрасный сонъ... На запекшихся губахъ ея виднѣлись еще слѣды засохшей крови. Кукла Лиза лежала рядомъ и покоилась у нея на правомъ плечикѣ, а цвѣты, которые мать приносила ей и безъ которыхъ она не могла заснуть, сиротливо скатились къ ея ногамъ...

Панихиду надъ ней служили вечеромъ. Маленькій гробикъ благоухалъ, весь засыпанный цвѣтами, и какъ жалки были блѣдные, желтые огни восковыхъ свѣчей у гроба передъ огнями теплой ночи, окружавшей скромный домикъ. Ставни были закрыты, и любимый Сонею электрическій блескъ высоко взошедшей на небо луны, какъ бы старавшейся заглянуть въ маленькій гробикъ, и сіяніе яркихъ южныхъ звѣздъ не могли осѣнить въ послѣдній разъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ маленькой Сони. А когда наступило утро, взошло солнце и залило своимъ жгучимъ огнемъ золотой глазетовый гробикъ,—поразительная худоба и блѣдность малютки выступили еще рельефнѣе, еще мучительнѣе ударили въ истерзанное больное сердце матери. Глубокія впадины казались чернѣе и глубже, и выраженіе лица, казалось ей, стало теперь какое-то торжественное и печальное...

Чуть не всѣ обитатели Гурзуфа провожали маленькій гробикъ. Всѣ несли на него цвѣты и вѣнки, всѣ спѣшили принести что нибудь въ даръ своей любимицѣ Сонѣ. И когда послѣдній комъ земли былъ брошенъ на ея холмикъ, онъ сразу превратился въ гору цвѣтовъ... Небо, опрокинувшись надъ ея могилкой, сыпало на нее лучи своихъ звѣздъ, море посылало ей свои пѣсни... Уныло покачивали верхушками черные кипарисы, какъ бы одѣтые въ трауръ; цвѣты благоухали; электрическіе фонари облекали даль голубымъ пламенемъ, и издали неслись къ ней звуки оркестра.

Много мучительныхъ, ужасныхъ часовъ пережила одинокая мать... И вотъ теперь, когда пароходъ далеко и навсегда уноситъ ее отъ поэтической могилы незабвенной маленькой Сони, когда грозныя волны высоко вздымались передъ ея глазами и разсыпались бѣлой пѣной,—воспоминанія завладѣли ея душою и вырывали изъ груди безсильныя, горькія, обидныя рыданія...

А пароходъ все несся и несся, а волны все шумѣли и шумѣли, и въ шумѣ ихъ она слышала отзвукъ рыданій... «Прости, прости навѣки!»...—рыдала она.

Забытый крестъ.

Яркое солнце на синемъ небѣ залило золотымъ пламенемъ балаклавскую бухточку. Изъ-синя зеленое море было спокойно, и черезъ входныя скалы виднѣлось на горизонтѣ нѣсколько кораблей и пароходовъ, исчезавшихъ въ голубой дали. Розоватыя горы и фіолетовыя скалы глядѣли, опрокинувшись, въ воду; на небѣ ни облачка,—тихо такъ, спокойно и весело. Кое-гдѣ, по прозрачной зеркальной поверхности бухты, мчались ялики, и съ нихъ доносились веселые возгласы дамъ и мужчинъ, предпринимавшихъ прогулки къ открытому морю. Рыбы—макрель, кефаль и салтанка—цѣлыми стаями быстро плыли въ прозрачной водѣ. Дикіе бѣлые голуби пролетали надъ катающимися; рыбаки вынимали изъ бочекъ съ разсоломъ кефальную икру и сушили ее на длинныхъ узкихъ доскахъ, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ. Въ сардиночной фабрикѣ шла работа; изъ проволочныхъ подносовъ укладывали поджаренную макрель въ жестяныя коробки и заливали масломъ. Оттуда шелъ оживленный говоръ и смѣхъ дюжины молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, занимавшихся этой незамысловатой работой. Порою, у самаго борта ялика всплывали бѣлыя слизистыя медузы, и катающіеся ловили ихъ, сжимали въ рукахъ и снова бросали въ воду... У входа въ море подулъ вѣтерокъ, но тихій, теплый, пріятный; въ мелкихъ волнахъ, въ легкой морской зыби кувыркались и прыгали толстые черномордые дельфины. Все дышало миромъ и благополучіемъ. Въ яликѣ, подъ громкимъ названіемъ «Пушкинъ», сидѣла молодая женщина съ красивымъ блондиномъ. У него въ рукахъ былъ ящикъ и большая картонная папка. Въ ящикѣ онъ везъ краски, въ картонѣ—эскизы. Это былъ художникъ съ своей молодой женой; они пріѣхали въ Крымъ весело провести свой медовый мѣсяцъ, и скрылись въ Балаклаву, какъ въ самый уединенный, самый укромный, какъ бы притаившійся уголокъ, весь въ скалахъ, съ прехорошенькой бухтой и въ двухъ шагахъ у открытаго моря. Какъ имъ хорошо и весело жилось на свѣтѣ! Гдѣ та духота, пыль, стукотня отъ починки мостовыхъ, или подчасъ дождь, слякоть, промзглая мерзкая погода? Все это осталось на туманномъ холодномъ сѣверѣ, далеко-далеко, — такъ далеко, что имъ уже стало казаться, что никогда оно не вернется къ нимъ, что никогда они не разстанутся съ этимъ чуднымъ «уголкомъ рая».

— Ты замѣтила, сколько здѣсь стариковъ въ городѣ?—сказалъ художникъ женѣ, оторвавшись наконецъ отъ созерцанія моря

— Не мудрено,—отвѣтила она, обращая къ нему свое радостно улыбавшееся личико.—Вѣдь здѣсь такъ хорошо жить!

— Да,—вздохнулъ онъ,—вотъ ужь гдѣ навѣрное неизвѣстны случаи самоубійства... (при этомъ лицо его вдругъ омрачилось), не то что у насъ, тамъ, на сѣверѣ.

— Здѣсь это и въ голову не можетъ прійти!—наивно воскликнула она.—Или это было бы ужь явнымъ святотатствомъ.

Въ это время яликъ поровнялся съ высокой скалой, покрытой кустарникомъ.

— Посмотри, какъ красива эта скала!—произнесъ художникъ; но въ то время, какъ онъ поднялъ голову, чтобы вдоволь насладиться созерцаніемъ ея, вдругъ словно тѣнь пробѣжала по его лицу, и онъ задумался.

— Что съ тобой?—спросила его жена, замѣтившая эту рѣзкую перемѣну въ лицѣ мужа.

— Посмотри,—видишь этотъ крестъ изъ кирпичей... Мнѣ сдается..

— Здѣсь одну даму похоронили въ прошломъ году,—проговорилъ лодочникъ.—Недолго пожила у насъ. На третій день пріѣзда ушла въ горы, да со скалы и кинулась въ море.

— Ахъ, это ужасно!—вскрикнула дама и прижалась къ своему мужу.—Ну, и что же?—съ жаднымъ любопытствомъ спрашивала она.

— На третій день ее нашли. Она разбилась въ дребезги о скалы: ее всю изуродовало, а такъ какъ она пролежала три дня, и погода была жаркая, то тѣло начало разлагаться. Ее привязали къ лодкѣ, дотащили сюда и похоронили.

— Почему же она это съ собой сдѣлала? — безпокойно спросила дама.

Лодочникъ не могъ удовлетворить ея любопытству. Но художникъ во время этого разсказа страшно поблѣднѣлъ и чувствовалъ, какъ у него неудержимо-сильно бьется сердце. Онъ не выдержалъ и схватился за грудь. Ему припомнилась страшная исторія. Припомнилось ему, какъ онъ однажды, придя вечеромъ къ любимой имъ женщинѣ, съ которой прожилъ уже немало лѣтъ, въ полномъ согласіи и дружбѣ, объявилъ ей, что собирается жениться. Онъ не помнилъ, какъ сказалъ это, въ какихъ выраженіяхъ, что испытывалъ—ничего этого онъ не помнилъ, а помнилъ только отлично то, что произошло. Онъ ожидалъ сцены, слезъ, по крайней мѣрѣ, жалобъ; ничего, ничего этого не было. Она его выслушала спокойно, даже какъ будто черезчуръ спокойно; только ея красивыя губы поблѣднѣли и слегка дрогнули. Она встала, подошла къ нему, обвила его шею руками и просто сказала:

— Будь счастливъ, Петя; дай Богъ тебѣ счастья!

Правда, слова не сразу сошли съ ея поблѣднѣвшихъ губъ, и первые звуки были произнесены какимъ-то хриплымъ, надорваннымъ голосомъ. Но затѣмъ она стала вдругъ такъ спокойна, какъ будто не произошло ничего необыкновеннаго. Помнится, это такъ его удивило, что онъ ничего не могъ ей сказать, какъ только:

— А ты, Лёля, какъ же?

Она ему улыбнулась.

— Ну, что какъ же? Такъ вотъ, какъ и теперь... Что жъ? Не весь же вѣкъ съ тобой жила! Жила и безъ тебя...

Шутка у нея не выходила, и улыбка перешла въ судорогу, но, въ общемъ, она была спокойна. Онъ никакъ не могъ освоиться съ своимъ положеніемъ и вдругъ сказалъ нелѣпость и безтактность:

— Значитъ, не любила ты меня, Лёля.

И эта фраза, жестокая и безсердечная, сорвавшаяся съ его устъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, больно пала на-сердце несчастной женщинѣ. Это былъ рѣзкій, грубый, до боли жестокій ударъ.

— Петя! Что ты говоришь?—могла она только воскликнуть, и горячія, обильныя, безпомощныя слезы хлынули цѣлымъ потокомъ изъ ея глазъ.

— Петя, Петя, что ты сказалъ!—Но она быстро оправилась.

— Я вѣдь давно ожидала этого, — тихо проговорила она.— Давно! Я уже видѣла, что идетъ къ тому.

«Какъ она видѣла?» — недоумѣвалъ онъ про себя и искренно удивлялся, потому что самъ до послѣдней минуты не сознавалъ и не предвидѣлъ этого.

— Какъ ты могла видѣть, когда я самъ ничего не зналъ?— вслухъ спросилъ онъ.

— Издали-то всегда виднѣе, чѣмъ вблизи, — отвѣтила она:—а еще—художникъ!... И вотъ, Петя, чтобы тебя совершенно успокоить, освободить, я рѣшила уѣхать подальше куда нибудь, отдохнуть, оправиться... Да и тебѣ нужно привыкнуть къ одиночеству; не можешь же ты такъ прямо *отсюда* перейти *туда*. Надо, чтобы ты совершенно забылъ меня.

И она уѣхала, и онъ забылъ ее. Слышалъ онъ потомъ, что она уѣхала въ Крымъ, но куда именно—не зналъ, да и не доискивался. Промелькнуло потомъ, какъ темное облачко, извѣстіе о томъ, что она умерла въ Крыму,—кто говорилъ: застрѣлилась, кто заболѣла. Прочелъ онъ какъ-то въ газетахъ, что въ какомъ-то городѣ Крыма,—гдѣ именно, онъ опять таки не помнилъ,—окончила жизнь самоубійствомъ г-жа К. Но кто такая эта К., и мало ли фамилій начинается съ этой буквы? Потомъ началась зима, затя-

нувшая его въ вихрь петербургской жизни, потомъ онъ сталъ много работать; далѣе подоспѣла выставка, на которой онъ имѣлъ огромный успѣхъ; наконецъ, онъ женился. Мало по малу воспоминіе о прошломъ изглаживалось изъ его памяти, теряло свои рѣзкіе, угловатые контуры, и испарилось изъ головы и сердца. Когда изрѣдка приходили еще воспоминанія о «Лёлѣ», о прошломъ, о томъ, какъ онъ ее покинулъ, и что съ ней сдѣлалось, — онъ старался гнать ихъ отъ себя, говорилъ себѣ: «она жива, это не можетъ быть, мало ли кто на букву К»... и спѣшилъ въ объятіяхъ молодой жены забыться и заснуть...

И вдругъ—эта могила! Унылая и грустная могила на голой скалѣ, на берегу открытаго моря! Вокругъ все такъ отрадно: такими яркими красками блещетъ природа, такъ прозрачно небо и море, такъ весело прыгаютъ дельфины, такъ роскошно сіяетъ солнце. А она! Въ этихъ скалахъ... обезображенная, искалѣченная. Сердце громко стучало. Въ виски била кровь; къ горлу—что-то подступало, что-то давило, душило его, и онъ чувствовалъ, что еще мгновеніе—и онъ разрыдается.

— Что съ тобой, Петя?—испуганно спросила его жена, замѣтивъ вдругъ эту перемѣну.—Петя, голубчикъ!..

Но было поздно. Слезы подступили къ самому горлу, и онъ разрыдался глухо, неудержимо.

— Къ берегу, вези къ берегу...—успѣлъ проговорить онъ.

Лодочникъ причалилъ къ скалѣ. Отъ самаго моря, узкой лентой, вилась по ней тропинка, покрытая обвалившимся со скалъ гравіемъ. Лодочникъ и жена помогли ему выйти на берегъ. Онъ немного оправился и сказалъ женѣ:

— Вели ему пріѣхать черезъ часъ.

Когда лодочникъ удалился, молодая женщина, безпокойно заглядывая ему въ глаза, проговорила:

— Петя, родной, голубчикъ...

— Все, все разскажу. Присядемъ.

И онъ повторилъ ей всю свою скорбную повѣсть. Онъ сказалъ, что потому не признавался ей до сихъ поръ, что не считалъ ея способной понять всѣ явленія жизни, всю печальную ея сторону... она была еще барышней, молодой и неопытной; могла не понять, оскорбить какъ нибудь, необдуманнымъ словомъ или изъ ревности, ту, память которой онъ чтилъ... Онъ глубоко виноватъ передъ *той* женщиной, и глубокое чувство благодарности, уваженія къ ея памяти—живетъ въ немъ. Этого онъ не хочетъ и не можетъ скрывать долѣе. Онъ любитъ свою молодую жену, любитъ, *какъ только* человѣкъ можетъ любить; но ту, погибшую ради его

ластія, такъ беззавѣтно принесшую себя въ жертву, онъ не долженъ, невправѣ забыть. Онъ говорилъ долго, не глядя на жену, не видя—какое впечатлѣніе производятъ его слова, да и не заботясь объ этомъ впечатлѣніи. Жена слушала его съ поникшей головой, въ глубокомъ молчаніи, и трудно было по лицу ея угадать, какъ отнеслась она къ этому разсказу, что̀ чувствовала при этомъ. Но это его не заботило. Ему неудержимо нужно было высказаться, излить свою душу, излить свои страданья, свою вину.

— Взгляни къ верху, Паша,—сказалъ онъ:—ты видишь этотъ крестъ? Это—*она*...

— Петя, неужели?..—вырвалось у его жены.

— Я увѣренъ... Понимаешь, увѣренъ, меня влечетъ къ этому кресту, мнѣ страшно хочется ему поклониться... Я пойду туда.

Онъ взобрался вверхъ по тропинкѣ и подошелъ къ могилѣ. Безпорядочными комьями былъ набросанъ холмикъ земли, и почти палъ уже, почти сравнялся съ землей. На холмѣ старались, вѣрно, изобразить изъ кирпичей плиту, и надъ ней сдѣланъ былъ тоже кирпичный крестъ. Нѣсколько камней изъ него уже вывалилось. Но на среднемъ камнѣ отчетливой рукой было выгравировано двѣ буквы: *Е. К.* и годъ смерти.

— Я не ошибся!—прошепталъ онъ:—Это ты, моя незабвенная Еля! Оставленная, заброшенная! О, прости, прости, если можешь... Ты—святая, ты можешь все простить...

И вдругъ онъ въ рукѣ своей ощутилъ чью-то руку... Это была рука жены. Она стояла подлѣ него съ лицомъ, залитымъ слезами, и тихо, тихо проговорила:

— Станемъ, Петя, на колѣни, помолимся вмѣстѣ о ней.

Художникъ упалъ ницъ. Жена его, стоя возлѣ на колѣняхъ, молилась. И ни малѣйшаго чувства злобы, ревности, обиды или оскорбленія не ощущала она въ себѣ. Все было въ душѣ ея спокойно и свѣтло, какъ спокоенъ и свѣтелъ былъ этотъ день. И образъ погибшей отъ любви женщины нашелъ пріютъ въ ея любящемъ сердцѣ...

Когда они встали и обернулись, чтобы уйти съ высокой скалы имъ блеснуло въ глаза расплавленное море золота. Солнце зажгло его и осыпало мильонами самоцвѣтныхъ камней... Кое-гдѣ на горизонтѣ мелькалъ бѣлый парусъ, внизу плыла рыбачья лодка или баркасъ. Въ небѣ рѣяли птицы, бѣлые голуби, которые иногда низко-низко опускались къ самой водѣ и быстро поднимались отъ нея къ верху, неся въ клювѣ добычу,—какую нибудь рыбку, блиставшую на солнцѣ, какъ серебро. Они шли оба успокоенные, умиротворенные, бережно неся въ себѣ какое-то особо нѣжное чув-

ство, которое затеплилось въ нихъ у этой одинокой печальной могилы ровнымъ и тихимъ пламенемъ.

Внизу ихъ ожидалъ уже лодочникъ. Они поплыли въ бухту. Вода была до того прозрачна, что можно было разглядѣть мельчайшія жилки на плавающихъ довольно глубоко водорослях, и, если не было видно дна, то только потому, что до него было около двадцати саженъ. На берегу шла работа: цѣлыми массами выкидывали изъ баркасовъ кефаль, сортировали ее и укладывали въ корзины. Немногочисленное населеніе высыпало на единственную улицу — набережную; на крошечной пристани игралъ военный оркестръ. Солнце садилось. Его шаръ, все массивнѣе и краснѣе, скрывался за горы, а на противоположномъ, быстро темнѣвшемъ, концѣ неба взошла уже блѣдная-блѣдная луна, и засвѣтилась одна тусклая звѣздочка. Море стало вдругъ терять свою прозрачность и покрываться голубоватой дымкой.

Когда художникъ съ женой вышли изъ ялика и направились по набережной къ морю, она прижалась къ нему и, наклонившись, тихо проговорила:

— Петя, сдѣлай это, пожалуйста: нарисуй памятникъ, закажи и поставь его надъ... могилой.

— Спасибо тебѣ, моя добрая, хорошая...

Онъ остановился и поцѣловалъ ее въ лобъ. И не было въ душѣ его прежней горечи и тоски,—и снова и сильно онъ полюбилъ эту хорошую молодую женщину съ такимъ теплымъ и участливымъ сердцемъ.

Декорація перемѣнилась. Горы покрылись фіолетовымъ флёромъ. Высокія, стройныя раины чернѣли на небѣ. Водоросли фосфорически свѣтились въ бухтѣ. По горамъ зажглись огоньки;—воздухъ былъ напитанъ благоуханіемъ...

В. Свѣтловъ.

ВАРІАНТЪ.

Хочешь видѣть лѣто—
На себя взгляни ты:
Блещетъ взоръ, какъ солнце,
И горятъ ланиты.

Если хочешь видѣть
Осень, а не лѣто,—
Загляни, ребенокъ,
Только въ сердце мнѣ ты:

И увидишь тучи,
Небо безъ лазури,
И услышишь стоны,
Перекаты бури!

Но когда мнѣ нѣжно
Взоръ твой—„да“—отвѣтитъ,
Небо прояснится,
Солнышко засвѣтитъ,

Осени не станетъ
Въ сердцѣ у поэта,
Осени не станетъ—
И наступитъ лѣто!

А. Кругловъ.

ВЛІЯНІЕ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА КУСТАРНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

До насажденія въ Россіи фабрикъ, всѣ нужды населенія удовлетворялись домашними издѣліями селъ и городовъ. Патріархальная простота жизни довольствовалась мѣстнымъ производствомъ. Бездорожье, разбои въ лѣсахъ и на рѣкахъ, заставы, поборы и мыты мѣшали торговлѣ, а безъ нея туго шли и промыслы. Общая бѣдность, частыя голодовки и невзыскательныя требованія состоятельныхъ людей задерживали развитіе денежнаго хозяйства, и каждый старался обходиться своимъ. Писцовыя книги 1621 года не богаты списками рукодѣлій; по нимъ видно, что производство удовлетворяло преимущественно мѣстнымъ базарамъ; но уцѣлѣвшія отъ того времени вещи обнаруживаютъ навыкъ въ ихъ дѣлѣ, что свидѣтельствуетъ о давности промысловъ и наслѣдственности занятій.

Съ воцареніемъ Петра I, въ Россіи уже были домашніе сельскіе промыслы по всѣмъ царствамъ природы. Но ему пришлось торговать и воевать съ Европой; чувствовалась во всемъ отсталость, и надо было улучшать и насаждать. Его именные указы представляютъ самый живой интересъ. Продавалъ онъ за море икру, клей, поташъ, смолу, юфть, пеньку, щетину и пр.; посылалъ за море учиться рудному дѣлу, инженерному искусству; самъ учился кораблестроенію, навигаціи, и въ это же время создавалъ въ Россіи флотъ, войско и фабрики для ихъ потребностей. Понадобилось сукно, и Петръ I пишетъ: «Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ чтобъ въ пять лѣтъ не покупать мундиру заморскаго, а именно: чтобъ не въ одномъ мѣстѣ завесть; и, заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно со льготою, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было»... (1715 г. 2876, изд. арх. сен.).

Понадобилось Петру полотно—онъ пишетъ: «Всего Россійскаго государства въ городахъ и уѣздахъ льняныя и пеньковыя, тонкія и толстыя, всякихъ рукъ и цѣнъ полотна дѣлать широкія, какія за великія цѣны въ Россійское государство вывозятся, а именно: въ полтора аршина и съ четвертью въ аршинъ; а уже того вновь отнюдь не дѣлать, для того что другія государства отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое народное пополненіе...» (1715 г. окт. 21). Черезъ

ва мѣсяца (15 дек.) онъ указалъ: «Во всѣхъ губерніяхъ размножить льняные и пеньковые промыслы; а гдѣ тому необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ для всенародной пользы и имъ поживленія». Въ это же время онъ повелѣваетъ: «не вывозить льняное и конопляное сѣмя къ заморскимъ пристанямъ, а масло».

Окрѣпшіе въ Москвѣ полотняные заводы онъ приказалъ: «вмѣстѣ съ призванными къ тому дѣлу изъ-за моря мастерами иноземцами по договорамъ ихъ, и русскихъ людей, обучившихся тому дѣлу, отдать купецкимъ людямъ». Причемъ за умноженіе завода обѣщана царская милость, а за умаленіе — штрафъ въ 1,000 руб. съ каждаго. Между тѣмъ иностранцы обходились не дешево и насажденіе промысловъ въ народѣ тяжело ложилось на казну: такъ, дьякъ Артемій Навроцкій донесъ, что суконнаго дѣла мастеръ изъ Амстердама, Губертъ,—окладъ ему 307 р. въ годъ,—урочное время выжилъ, и что дѣло его парсовое можетъ исправляться русскими людьми за малую плату. Тотъ же Навроцкій донесъ: «Мельничный мастеръ Николаусъ Дегуда, окладъ ему 199 руб. въ годъ, вывезенъ для дѣла сукновальной мельницы, которая уже сдѣлана; а ежели та мельница попортится или сгоритъ, то таковую построить и починить могутъ и русскіе, а именно: мельничныхъ дѣлъ мастеръ Филатъ Зуевъ у суконнаго дѣла далъ сказку, за рукою, что то мельничное дѣло надзирательствомъ своимъ исправлять онъ можетъ безо всякой остановы и худобы, а за то бъ давать ему по 10 руб. въ годъ, а буде онъ того дѣла не исправитъ, то повиненъ онъ смертной казни». Понятно, такое донесеніе было утверждено.

Развалились у солдатъ сапоги, царь пишетъ именной указъ: «Понеже юфть, которую употребляютъ на обуви, весьма негодна есть въ ношеніи, ибо дѣлается съ дегтемъ и, когда хватитъ морозы, расползается и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ: чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла; для чего повелѣвается всѣмъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго городу ѣхали и обучались. Сей указъ о такой юфти, которая дѣлается для обувей, а не для обитія и оклеиванія». (1715, ноября 4).

Слесарное дѣло царь насаждалъ съ настойчивостью; чтобы за «фузеями» не было остановки, онъ повелѣлъ: «выбрать изъ кузнецовъ и столяровъ молодыхъ робятъ, которые кузнечному и столярному дѣлу заобычны, и учить ствольному и ложному дѣлу фузей и пистолетовъ, а именно: въ Московской губерніи 72, въ Санктпетербургской 60, въ Кіевской 24, Смоленской 21, Архангелогородской 39, Казанской 54, въ Азовской губерніи 24 и въ Сибири 21 человѣкъ въ Тульскомъ оружейномъ заводѣ. Также сѣдельному дѣлу по усмотрѣнію губернаторовъ, чтобы на свои полки сѣдла дѣлали». (1713 г. № 1009).

Для науки черепичнаго и кафельнаго дѣла Петръ I послалъ 50 человѣкъ рекрутъ на петербургскіе черепичные заводы. А для наученія въ Петербургѣ стекольному и полировальному дѣлу, онъ отправилъ изъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ учениковъ Бѣляева и

Колосова. Съ такой же заботой Петръ I относился и къ сбереженію матеріаловъ для работъ, какъ напримѣръ, въ указѣ 1712 г., чтобы дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карагачъ и лиственницу рубить только на сани, телѣги, оси и подѣлки. Всѣхъ отдѣльныхъ распоряженій въ царствованіе Петра Великаго не перечесть. Кромѣ науки, на промыслы повліяли пути къ морямъ, уничтоженіе и уменьшеніе разбоевъ, торговля и общее оживленіе сношеній. Весь духъ законодательства былъ проникнутъ поднятіемъ торговли и промысловъ, и, дѣйствительно, поднялъ ихъ такъ, что въ послѣдующія 60 лѣтъ промыслы шли по инерціи. Увеличеніе войска, развитіе внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній, накопленіе капиталовъ развили роскошь и вызвали новыя потребности. Не смотря на то, что сельскіе и городскіе домашніе промыслы были предоставлены самимъ себѣ, и они совершенствовались съ государственнымъ развитіемъ.

Постепенно начали возникать враждебныя отношенія между крупными и мелкими производствами. Оперившіеся фабриканты стали гнать сельскихъ промышленниковъ съ городскихъ базаровъ, но помѣщики заступились за своихъ крѣпостныхъ, и по ихъ ходатайству вышли *указы Екатерины II*, по которымъ: «всѣ роды промышленности, свойственные крестьянскому быту, свободны отъ всякаго сбора и платежа, безъ всякаго ограниченія или стѣсненія». И «этими произведеніями крестьяне могутъ торговать, какъ въ своихъ городахъ, такъ и повсемѣстно». (*1785 г.*) Это распоряженіе дало купцамъ средство избавляться отъ платежа пошлинъ за торговлю: они стали снабжать крестьянъ фабричными товарами, которыми крестьяне торговали, какъ бы своими. Уменьшеніе доходовъ отъ пошлинъ заставило уничтожить льготу крестьянъ по торговлѣ. Однако, крестьяне работали въ своихъ избахъ, своими семьями, на своихъ хлѣбахъ, въ свободные часы, а часто изъ своего дерева, желѣза, льна, пеньки, сала или шерсти, и, ничего не платя въ казну, сталкивались на базарахъ и ярмаркахъ съ крупными производителями и мѣшали имъ установлять цѣны. Купцы взмолились объ избавленіи ихъ отъ соперничества крестьянскихъ рукодѣлій, и явились указы къ невыгодѣ сельскихъ домашнихъ промысловъ. Между этими указами нѣкоторые отличались неясностью и порождали произвольное толкованіе. Такъ, напримѣръ: «По опыту извѣстно, что крестьяне отъ имени купцовъ и помѣщиковъ производятъ торги безъ пошлинъ, что правительство предписываетъ слѣдить за недопущеніемъ сего» (1797 г.) При этомъ добавляется: «само собой впрочемъ разумѣется, что купля и продажа помѣщичьихъ и крестьянскихъ произведеній, запасовъ и промысловъ на торгахъ, рынкахъ и рѣчныхъ судахъ, въ городахъ и селеніяхъ, остается на прежнемъ положеніи и отправляется безпошлинно и безъ малѣйшаго стѣсненія».

Въ томъ же году (1797) были попытки къ изданію правилъ, какъ отличать *добывающую* промышленность отъ *обрабатывающей*. Было дано также наставленіе о томъ, что «волостные головы и сельскіе выборные обязаны дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія, что къ общей пользѣ ихъ мѣстъ покажется нужнымъ и представлять о томъ, куда слѣдуетъ; притомъ объяснять и внушать посе-

янамъ заключающіяся въ ономъ ихъ выгоды и стараться о раз-
ноженіи всякаго рода рукодѣлій и фабрикъ, и пріохочивать ихъ
ъ онымъ» (1797, авг. 7). Не смотря однако на эту первую ре-
ламентацію, дѣло домашнихъ ремеслъ шло успѣшно; и, разумѣется,
е пріохочиваніе сельскихъ выборныхъ размножало рукодѣлье, а
зобиліе лѣсовъ и земель, уничтоженіе мытовъ, улучшеніе путей
ообщенія, развитіе ярмарокъ, подъемъ общаго благосостоянія и,
аконецъ, мода, которая прокралась и въ крестьянскій обиходъ.

Къ Макарью, въ Сибирь, Курскъ, Кіевъ, на Донъ и во всѣ
ѣста тянулись обозы на милліоны рублей. Одежда, посуда, утварь,
бруя и все, что̀ нужно для населенія, вступило въ мѣну съ од-
ого конца Россіи до другаго. Въ это время производились уже
ень высокаго достоинства парчи, позументы, платки, кокошники,
одъемныя скатерти, фаянсовая посуда и т. п. Къ этому же вре-
ени, какъ кажется, надо отнести и слово *кустарь*. Прежде *ку-
тарями* назывались только гжельскіе рисовальщики на чашкахъ,
искахъ и другихъ произведеніяхъ изъ гжельской глины, на кото-
ыхъ изображали кустики розъ и другихъ цвѣточковъ, подобно
ому, какъ *личника́ми* называютъ тотъ сортъ богомазовъ, ко-
орые рисуютъ лики на образахъ. *Кустарямъ* счастливилось въ это
ремя: ихъ приглашали рисовать на клеенкахъ, на подносахъ, та-
акеркахъ, на изразцахъ и даже на мебели. Свой промыселъ, вмѣ-
тѣ съ названіемъ, они оставляли переимчивымъ селамъ, и какъ
еперь говорятъ: «кричать на всю Ивановскую», гдѣ никакой Ива-
овской площади нѣтъ, такъ и «кустарями» называютъ тѣхъ, ко-
орые ничего общаго съ кустарями не имѣютъ. Впрочемъ, это во-
росъ темный; можно только замѣтить, что крестьяне-ремесленники
ами себя кустарями не называютъ, и во многихъ губерніяхъ это
лово неизвѣстно. Но оно привилось въ литературѣ, войдетъ въ
изнь, а со временемъ займетъ почетное мѣсто и въ алфавитѣ къ
ашему своду законовъ, гдѣ оно теперь отсутствуетъ.

Итакъ, сельскія домашнія ремесла, или *кустарныя производ-
тва*, настолько процвѣтали, что мѣшали и купцамъ, и городамъ.
Промыслы развивались, переходили изъ села въ село, перенима-
ись охотно, конкурировали между собой въ достоинствѣ и деше-
изнѣ, и насаждались даже тамъ, гдѣ не доставало рукъ на земле-
дѣліе. Длинная зима, даровая квартира, домашніе свѣтъ и тепло,
дѣйствительно, одерживали побѣду надъ городскими ремеслами и
ануфактурами. Жалобы же на дороговизну жизни въ городахъ
и на лишеніе заработковъ горожанъ вызвали правительство на
овую регламентацію промысловъ, и явилось новое стѣсненіе кус-
арей.

1799 г., ноября 12, высочайше утвержденъ уставъ цеховъ, въ
оторомъ § 5 гласитъ: «Хотя мастерская ремесленниковъ, по про-
изводству работъ ихъ, и имѣетъ видъ фабрики въ малой степени,
но промыслъ ремесла отъ промысла фабрики и заводовъ различе-
твуетъ въ томъ:

1) что фабрика имѣетъ право дѣлать изъ своихъ матеріаловъ
ещи, въ которыхъ матеріалъ многократно сто̀итъ дороже, нежели
абота, чего ремесленнику не дозволяется. 2) Фабрика имѣетъ

право возить всюду вещи своего дѣла и торговать оными, а ремесленникъ только въ городѣ, гдѣ работаетъ. 3) Фабрика имѣетъ огромныя заведенія и машины; ремесленники же, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ, ничего другаго не имѣютъ».

Рядомъ съ этимъ указомъ, вышли обширныя регламентаціи цеховаго устройства, и почувствовалось полное отсутствіе защиты сельской обрабатывающей промышленности. Города и фабрики оградили себя отъ конкуренціи кустарей, которыхъ прогоняли съ городскихъ базаровъ, а весь судъ надъ ремеслами отданъ былъ въ руки думъ и полиціи. Все производство ремеслъ въ селеніяхъ зависѣло отъ личныхъ усмотрѣній часто смѣнявшихся чиновниковъ и отъ вліятельныхъ купцовъ города, хотя статья закона, гласящая, что «упражненія въ работахъ и ремеслахъ крестьянъ не подлежатъ никакому ограниченію», оставалась въ силѣ. И дѣйствительно, съ помѣщичьихъ крестьянъ за производство ничего не брали, но они терпѣли отъ того, что безъ купеческихъ свидѣтельствъ не могли развозить свой товаръ. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого, пришелъ чередъ и крестьянамъ платить за ихъ домашнія ремесла. Манифестомъ 11-го февраля 1812 г. учреждено особое установленіе подъ именемъ «Государственной комисіи погашенія долговъ». Всѣ долги должны были вѣдаться въ комисіи; капиталы составлялись: 1) изъ недвижимыхъ имуществъ, манифестомъ 27 мая 1810 г. опредѣленныхъ, и 2) изъ разныхъ временныхъ податей и пошлинъ, нынѣ опредѣляемыхъ. Для ускоренія уплаты государственныхъ долговъ и для утвержденія и возвышенія государственнаго кредита, прибавили къ 2 рублямъ податей еще 1 рубль; введены также новыя пошлины и прибавки къ пошлинамъ,—съ чая, съ пива, съ гербовой бумаги, паспортовъ, подорожныхъ,—почтовые сборы съ писемъ и посылокъ, съ горныхъ заводовъ и съ *крестьянъ, пользующихся купеческою торговлею*. Въ манифестѣ говорилось, что всѣ эти сборы назначаются «единственно на уплатудолговъ, и на текущіе доходы не могутъ быть употребляемы, и по мѣрѣ уплаты долговъ будутъ слагаемы».

Время на Руси было горячее: сверху налегали на полицію, а она налегала на тѣхъ, съ кого легче взыскать; состоятельные кустари взяли свидѣтельства, а бѣднота прекратила свое дѣло и пошла въ работники, или продолжала торговать тайно, безъ патентовъ. По доносамъ и жалобамъ производились розыски и повѣрки на базарахъ, ярмаркахъ, въ дорогахъ и на переправахъ; и стѣснили торговлю такъ, что правительство должно было издать запрещеніе приступать къ повѣркѣ или разысканіямъ на установленныхъ торгахъ (1814 г., мая 19-го).

Такъ какъ большинство сельскихъ промысловъ группировалось въ сѣверной полосѣ, гдѣ крестьяне были, большею частью, на оброкѣ, который безъ промысловъ и платить были не въ силахъ, то, по ходатайству помѣщиковъ, законы вновь направились на защиту крестьянъ. Дозволялось заниматься ремеслами и промыслами «съ платежемъ пошлины по обширности торга» (1815 г., 24 мая), и «крестьянамъ дозволено торговать въ другихъ губерніяхъ» (1821 г., *ноября 24*). «Въ селеніяхъ, исключая при фабрикахъ и заводахъ,

запрещалось имѣть постоянное жительство ремесленникамъ изъ городскихъ жителей, кромѣ кузнецовъ, телѣжниковъ, колесниковъ, бондарей и обручниковъ» (1824 г.). Наблюденіе за торгомъ въ городахъ возлагалось на городскія думы, а въ селеніяхъ — на земскую и сельскую полицію. Должность торговыхъ депутатовъ обязаны принимать на себя купцы всѣхъ гильдій (1824 г., ноября 14). Затѣмъ, черезъ два года, крестьянамъ предоставлено имѣть домашнія заведенія и малыя фабрики, дѣйствующія наемными работниками не болѣе 16-ти человѣкъ; если болѣе—то брали свидѣтельство 3-го разряда. Эти законы дѣйствовали сорокъ лѣтъ, и подъ ихъ покровительствомъ кустарное производство безъ потрясеній пережило: четыре войны, три холеры, двѣ голодовки, распространеніе пара, силу капитала и сильное вздорожаніе топлива. Въ этотъ сорокалѣтній періодъ возникло и развилось у крестьянъ хлопчатобумажное ткачество. На домахъ и въ общественныхъ свѣтелкахъ завелись самолеты, Жокардовы станы, сновальныя, шпульныя; появились клепльщики, бердовщики. Всѣ эти промыслы давали домашнюю работу и дѣтямъ отъ 8-милѣтняго возраста, и старикамъ до 70 лѣтъ. Рядомъ шли красильщики, набивщики, отдѣлыватели плиса и пр. Такое же развитіе получили кустарные промыслы по обработкѣ металловъ, глины и фарфора, стекла и бусъ, поташа, извести, алебастра, красокъ и др. Хорошія цѣны на хлѣбъ, а также заселеніе степей Заволжья и Кубани и легкій сбытъ товара разлили деньги въ народѣ, вызвали новыя потребности и подняли запросъ массы на всѣ производства. Дешевизна и вѣрность перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ дали возможность запасать сырьё издалека, а продукты высылать еще дальше. Отъ паровыхъ сообщеній пострадали только шорники да производители дугъ, клещей, телѣгъ, колесъ и саней. На ихъ же бѣду, паровая сила подняла цѣну на лѣса, и эти промыслы обречены на вымираніе или на приспособленіе къ современному строю жизни.

Если находили работу и сбытъ кустари, то въ это же время еще больше работали, богатѣли и сбывали свой товаръ фабрики и заводы. Фабрики росли, капиталы увеличивались, конкурировали между собой и съ кустарями; перебивали другъ у друга сырьё, топили другъ друга въ сбытѣ, удешевляли товаръ до нельзя и по неволѣ обратились къ научной техникѣ. Приглашали ученыхъ директоровъ, химиковъ и механиковъ; завели усовершенствованные котлы, машины, автоматическіе аппараты и ввели строгое раздѣленіе занятій. Въ борьбѣ кустарей и фабрикантовъ замѣчается извѣстное равновѣсіе: одни производства отошли къ фабрикантамъ и сдѣлались для нихъ подсобными отраслями, другіе же кустари продолжали вести дѣло самостоятельно. Года были урожайные, занятія кустарей окупались, и сбытъ былъ безъ остановокъ. Надзоръ за кустарями основывался только на четырехъ статьяхъ раздѣла III свода постановленій ремесленныхъ, отъ 206 до 209, *о производствѣ ремеслъ въ селеніяхъ*. Статьи эти—вполнѣ безобидныя, по нимъ сельскіе обыватели могли безъ помѣхи заниматься ремеслами въ селеніяхъ и свободно привозить свои издѣлія для продажи въ города.

Освобожденіе крестьянъ дало толчокъ къ еще бо́льшему разви-

тію кустарныхъ промысловъ. Сокращена была барщина; оброкъ сдѣлался опредѣленнымъ; крестьяне получили право имѣть собственность и перестали таить свои деньги. Сельское и волостное начальство вело свои распорядки подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ, а волостныя правленія и писаря еще не превращались въ канцеляріи.

Въ 1865 году введено повсемѣстно въ Россіи высочайше утвержденное, 4 января 1863 г., *положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ*. Положеніе заключаетъ въ себѣ 143 статьи, кромѣ особыхъ правилъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ положеніи перечислено, какимъ родомъ, гдѣ и чѣмъ *дозволено* торговать безъ свидѣтельствъ и со свидѣтельствами. Уже тогда практики доказывали, что неудобно въ законахъ перечислять, *что дозволено:* легче было бы узаконить, *что запрещено,* а затѣмъ, что не запрещено закономъ, то признавать дозволеннымъ. Но, среди такихъ государственныхъ преобразованій, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, введеніе земства и гласнаго суда, положеніе о пошлинахъ осталось мало замѣтнымъ, хотя такія, напр., статьи, какъ 98, по которой наблюденіе за торговлей и промыслами возлагалось на волостныя правленія, заставляли сомнѣваться въ успѣхѣ, а ст. 125, по которой взысканія за нарушеніе правилъ производились административнымъ порядкомъ, вовсе не вязалась съ общимъ духомъ законодательства, отдѣляющаго администрацію отъ суда. Отъ этого смѣшенія ожидали неурядицъ и потрясеній въ торговлѣ и промыслахъ; знали по опыту, что *при административномъ разборѣ сложныхъ юридическихъ вопросовъ* нельзя найти истины, но за крупными реформами прошлаго царствованія все шло пока незамѣтно. Каждый чувствовалъ, что дѣлалъ государственное дѣло, и мелочи стушевывались, тѣмъ болѣе что волостныя правленія не выходили изъ подъ надзора мировыхъ посредниковъ, и сельскія ремесла не ощущали надъ собой волостнаго писаря.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, мировые посредники и ихъ съѣзды замѣнились уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями; волостныя правленія превратились въ канцеляріи съ волостнымъ писаремъ во главѣ, и съ этого времени сельскіе кустарные промыслы стали испытывать неудобства невѣжественнаго надзора. Къ этому же времени опубликовано высочайше утвержденное, 17 апр. 1874 г., мнѣніе государственнаго совѣта *о гербовомъ сборѣ*; на волостныхъ писарей падала отвѣтственность за поблажку въ этомъ сборѣ. Казенныя и контрольныя палаты, налегая на этотъ сборъ, указывали писарямъ на ст. 4 устава, по которой давность не распространяется на взиманіе гербоваго сбора. Писаря поняли, что за ошибки и пропуски къ невыгодѣ казны они будутъ отвѣчать до могилы, а за излишній сборъ они не отвѣчаютъ, ибо каждый можетъ жаловаться и съ него сложатъ сборъ: примѣры, впрочемъ, не слыханные. Между тѣмъ, гербовыми марками оплачиваются сношенія съ желѣзными дорогами, съ пароходами, накладныя изъ волости, задаточныя расписки, счеты, квитанціи страхованія и т. д. По ст. 105, должностныя лица, виновныя въ принятіи къ производству прошеній и приложеній къ онымъ,

съ нарушеніемъ правилъ о гербовомъ сборѣ, а также въ выдачѣ бумагъ, вовсе не оплаченныхъ гербовымъ сборомъ, или невполнѣ имъ оплаченныхъ, исключая лишь тѣ случаи, въ которыхъ это именно допускается правилами устава, обязаны возмѣстить причиненный казнѣ таковыми ихъ дѣйствіями убытокъ и, сверхъ того, подвергаются: въ первый разъ замѣчанію; во второй — строгому замѣчанію, въ третій — выговору, а въ четвертый разъ удаленію отъ должности. По статьѣ же 107, назначенъ штрафъ въ десять разъ противъ разности между уплаченной суммою и установленнымъ окладомъ.

Со введенія этого сбора прошло уже 15 лѣтъ, а примѣнять его не умѣютъ даже опытные чиновники, какъ же могли понимать его писаря? Уставъ подвергался измѣненіямъ, вызывалъ общія и частныя разъясненія: правительствующаго сената, гербовой комисіи и различныхъ министерствъ. Даже отыскать нельзя всѣ эти разрозненныя распоряженія; 350 журналовъ гербовой комисіи и разъясненій министерства финансовъ не опубликованы и доступны только лицамъ, стоящимъ у дѣла толкованія гербоваго устава. Одна и та же статья различно примѣняется: гербовой комисіей, 1-мъ, 4-мъ, кассаціоннымъ департаментомъ и общимъ собраніемъ правительствующаго сената; разно толкуется циркулярами и частными разъясненіями министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и главноуправленій. (См. Уставъ о герб. сборѣ, сост. съ разрѣшенія д-та неокладн. сборовъ Ю. В. Реймеромъ). А между тѣмъ каждый шагъ торговаго и промышленнаго крестьянина, въ получкѣ заказа, покупкѣ сырья и по сдачѣ товара, идетъ черезъ писаря, который толкуетъ непонятный гербовый уставъ, и, конечно, бережетъ себя, а не кустаря.

Волостные писаря, напуганные уставомъ о гербовомъ сборѣ, съ такою же осторожностью за свой карманъ относятся и къ толкованію положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Со времени введенія этого положенія прошло 25 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ министерствомъ финансовъ и правительствующимъ сенатомъ даваемы были указанія относительно примѣненія статей на практикѣ. Нѣкоторыя изъ указаній были опубликованы, а другія сообщались только тѣмъ мѣстамъ, отъ которыхъ поступали вопросы, и остаются совершенно неизвѣстными для лицъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ правилъ о производствѣ торговли и промысловъ; и за 25 лѣтъ накопилось столько отдѣльныхъ распоряженій, что и невозможно ихъ знать. (См. М. Папковъ. Положеніе о пошл. за право торг. и др. пром.). Какъ самое положеніе, такъ и послѣдующія разъясненія статей его весьма часто понимаются различно даже записными юристами, а на практикѣ ихъ должны толковать и примѣнять волостные писаря, потому что, по ст. 98, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ, установленныхъ для производства торговли и промысловъ въ селеніяхъ, возлагается на волостныя правленія и соотвѣтственныя имъ сельскія управленія. По ст. 116, кто будетъ производить промыселъ или торговлю *не того рода*, или же *не тѣми товарами*, или *не тѣмъ порядкомъ* (напр., оптомъ, а не въ розницу), или *не въ той мѣст*

ности, которая ему предоставлена... тотъ подвергается денежному взысканію и, сверхъ того, долженъ выправить свидѣтельство. Ст. 125 гласитъ: «Дѣла по нарушенію правилъ производятся порядкомъ административнымъ».—Штрафъ до 30 руб. считается окончательнымъ, т. е. обжалованію не подлежитъ; стоимость свидѣтельства къ штрафу не причитается. Къ статьямъ 4, 5 и 40 были приложены росписи товаровъ, которые можно продавать: 1) безъ свидѣтельствъ: въ разносъ, на столахъ, ларяхъ и лоткахъ, по рынкамъ и улицамъ, въ городахъ и пригородныхъ мѣстахъ. 2) Тоже безъ свидѣтельствъ: на базарахъ, рынкахъ и пристаняхъ, въ городахъ и селеніяхъ, съ возовъ, судовъ, лавокъ, а также подвижныхъ ларей, столовъ и лотковъ.

По этимъ двумъ росписямъ, опытные волостные писаря могли каждаго промышленника подвести подъ штрафъ и къ взятію свидѣтельства. Такъ напр., въ росписи 1-й (А) дозволено торговать рыбой по рынкамъ и улицамъ; въ росписи 2-й (Б) рыбы не значится, слѣдовательно съ судовъ на рѣкахъ и пристаняхъ ею торговать нельзя; а нитками и шапками можно торговать съ судовъ, но нельзя по улицамъ. Эту неясность росписей всегда можно было подвести къ ст. 116 и найти нарушеніе въ *родѣ товара*, въ *порядкѣ* продажи и въ неуказанной *мѣстности*. Такъ, по роду товаровъ, дозволено торговать *простыми* ножами, а что называть *простыми*, того нигдѣ не опредѣлено, и тѣ ножи, которые въ Златоустѣ писарь назоветъ простыми, въ Оренбургѣ это будетъ предметомъ протокола и штрафа. Такое же личное воззрѣніе писаря и чиновника встрѣчается въ опредѣленіи словъ: *оптомъ* и *въ розницу*, *базаръ* и *улица*, *простонародныя* и *не простонародныя* лакомства и т. д.

Въ росписяхъ оговорено, что, по представленію высшаго мѣстнаго начальства, онѣ могутъ быть, съ утвержденія министра финансовъ, измѣняемы и дополняемы другими предметами. Однако, эти дополненія доказываютъ, что не такъ-то легко доходить обывателямъ до высшаго *мѣстнаго* начальства, а этому послѣднему до министра. Достаточно выписать роспись Б, по которой дозволяется сельскимъ обывателямъ продавать на базарахъ: 1) Нитки всякаго ручнаго пряденія, веревки и свѣти плетеныя. 2) Мочала, мочальныя веревки, рогожки, цыновки и лапти. 3) Холстъ мѣшечный, рубашечный и салфеточный, мѣшки, полотенца. 4) Пестрядь льняная и пеньковая. 5) Сукно сермяжное и онучное. 6) Вязаный товаръ: нитяный и шерстяной. 7) Валеный товаръ: рукавицы, обувь, шапки и т. п. изъ грубой шерсти и волоса. 8) Корзины изъ драни, прутьевъ и камыша. 9) Посуда и всякая утварь деревянная. 10) Колеса, спицы, ступицы, оглобли, полозья и другія принадлежности телѣгъ и саней. 11) Деготь и смола. 12) Другія тому подобныя крестьянскія домашнія издѣлія, продажа конхъ, по представленію высшаго мѣстнаго начальства, будетъ разрѣшена министромъ финансовъ.

Этими 12-ю пунктами составители положенія хотѣли обнять всю крестьянскую торгово-промышленную дѣятельность на всѣхъ базарахъ Россійской имперіи отъ Колы до Ленкорани по широтѣ, и отъ Ченстохова до Владивостока по меридіанамъ. Какъ мирилась

Россія и какъ она втискивала себя въ эти 12 пунктовъ, легко понять всякому, кто хоть разъ видѣлъ пріѣздъ чиновника на базаръ для генеральной повѣрки. Слухъ о повѣркѣ искрой разлетается по всей площади; паника на всѣхъ — какъ на галокъ отъ ястреба; укладка въ возы, запряжка лошадей, и моментальныя скачка и бѣгство, какъ отъ непріятельскаго разгрома. Потеря товара, ломка телѣгъ, ушибы людей и лошадей тутъ ужь не считаются, благо ускакалъ отъ штрафа. Пишущій эти строки видалъ эту панику и, бывши мировымъ судьей, получалъ жалобы на ложную тревогу о повѣркѣ. Надо при этомъ замѣтить, что ст. 298 т. XI запрещаетъ приступать къ повѣркѣ и разысканіямъ о торговыхъ свидѣтельствахъ во время ярмарокъ и установленныхъ торговъ. Но счастливому бѣгству всѣ рады, и сами обыватели, и сельское начальство въ особенности, потому что, по ст. 94 полож., его также привлекаютъ къ отвѣту *за послабленіе надзора*. Роспись Б въ 25 лѣтъ не подвергалась измѣненію, ибо высшее мѣстное начальство не находило другихъ крестьянскихъ издѣлій, которыя бы стоило вносить въ эту роспись.

Другія росписи были нѣсколько счастливѣе; такъ, роспись Е, по которой торгуютъ съ билетами на мелочной торгъ и въ которой перечислены 22 рода товаровъ на всю Россію, пополнена, и съ разрѣшенія министра финансовъ дозволено торговать: *дробью* во всей оренбургской губерніи, *простымъ ситцемъ* въ губерніяхъ: пензенской, тверской, владимірской и нижегородской, а равно въ городахъ тульской губерніи, кромѣ Каширы. Чѣмъ Кашира провинилась—неизвѣстно. *Суровая и крашеная бумажная пряжа* разрѣшена для всѣхъ поселеній владимірской губерніи. *Чугунныя горшки и вьюшки*—для всей вологодской губерніи. *Резиновая и шагреневая обувь* дозволена въ тверской губерніи, но при условіи продажи съ другими товарами. *Горячій чай* дозволено продавать въ псковской, вятской, харьковской и еще въ 19-ти губерніяхъ. *Сливки*, *масло*, *хлѣбъ*, *баранки* и *лимоны* разрѣшаются къ продажѣ не иначе, какъ въ видѣ принадлежностей къ горячему чаю, и безъ соединенія такой продажи съ торговлею другими товарами, но только въ 22-хъ губерніяхъ, а не вездѣ.

По этимъ отдѣльнымъ разрѣшеніямъ совершенно невозможно уловить какую либо систему, а торговцу и промышленнику немыслимо знать всѣ отдѣльныя распоряженія. Онъ знаетъ только, что волостной писарь всегда и за все можетъ его подвести подъ штрафъ и къ потерѣ права на торговлю своимъ рукодѣльемъ. Мѣстный надзоръ часто усложняется еще родствомъ и связями писарей съ конкурентами и съ торговыми депутатами. Надзоръ этотъ сильно мѣшаетъ кустарямъ въ сбытѣ произведеній, и неясность закона обходится имъ очень дорого. Въ примѣръ неясности, можно указать на иконописцевъ. Ст. 103 т. XIV устава о предупр. и пресѣч. преступл. повелѣваетъ: «вообще наблюдать, чтобы ни въ церквяхъ, ни въ продажѣ, и нигдѣ не было иконъ, неискусно писанныхъ, и тѣмъ болѣе писанныхъ въ странномъ и соблазнительномъ видѣ. Гдѣ иконы таковыя усмотрѣны будутъ, духовныя лица, при содѣйствіи мѣстной полиціи, немедленно оныя отбираютъ».

Тутъ не опредѣлено въ чемъ должно заключаться искусство писанія, и какія духовныя лица уполномочены отбирать иконы. Та же неясность закона чувствуется и по найму въ работу нѣкоторыхъ сектантовъ къ православнымъ.

Изъ предписаній министерства финансовъ казеннымъ палатамъ видно, что нѣкоторыя учрежденія входили въ министерство съ вопросами по росписи Е. Напримѣръ, предписаніе 1877 г., № 5268, разъясняетъ, что *желѣзныя ведра* относятся къ кузнечнымъ издѣліямъ, а *пилы* — къ ножевому товару. Потомъ разъяснено, что всякое сортовое желѣзо, если изъ него ничего не сдѣлано, составляетъ *желѣзо не въ дѣлѣ*. Въ роспись Ж, по распоряженію министерства финансовъ, включенъ *красный медь*, которымъ дозволено торговать въ костромской губерніи. Почему лишены этого права другія сосѣднія губерніи, — не выяснено. Роспись Ж дозволяетъ торговать изъ мелочныхъ лавочекъ, *содержимыхъ подъ домами*, и внѣ гостинныхъ дворовъ и тому подобныхъ рядовъ. Повидимому, составитель росписи за образецъ бралъ Невскій проспектъ и Бол. Морскую и упустилъ изъ вида Чухлому, Аксай, Ардатовъ и почти всю Россію, гдѣ подъ домами вообще не торгуютъ.

Итакъ, сельская ремесленная промышленность переживаетъ съ одной стороны неясность и неполноту закона, съ другой стороны ее ограждаетъ основная статья, гласящая, что законы примѣняются *буквально*, отнюдь не допуская самопроизвольныхъ толкованій. Потомъ—штрафы за свидѣтельства, штрафы за гербовыя марки, административное вершеніе дѣла и, наконецъ, гнетъ волостнаго писаря, котораго понукаютъ «непослабленіемъ надзора». Вотъ періодъ, въ которомъ стоитъ вся наша кустарная промышленность подъ покровительствомъ существующихъ законоположеній. Если въ послѣднее время и введенъ надзоръ податныхъ инспекторовъ (инструкція министерства финансовъ 1885 г. апр. 30), то этотъ надзоръ все таки односторонненъ въ пользу казны.—Страхъ писарей за недопущенія *давности* въ гербовомъ сборѣ хотя и отмѣненъ изданіемъ закона 1886 года, но и десять лѣтъ *отвѣтственности*—хорошій срокъ за неизбѣжные промахи.

Съ прошлаго года правительство обратило вниманіе на кустарей и отпустило для нихъ 35 т. руб., но этой суммой дѣла не поправить и кустарей не поднять. Въ рукахъ правительства есть болѣе могучее средство, именно *законодательство*; часто отмѣна или прибавка одной статьи скорѣе поможетъ дѣлу, чѣмъ ассигнованіе денегъ. Неясность и неполнота дѣйствующихъ законоположеній ставитъ какъ кустарную промышленность, такъ и торговлю сырьемъ и обработаннымъ товаромъ въ такое неустойчивое положеніе, что каждый опасается развивать свое дѣло, смотритъ на него, какъ на временное и почти какъ на запрещенное. Поэтому ясный, опредѣленный законъ, не допускающій самопроизвольныхъ толкованій, необходимъ для кустарей, какъ основное ихъ право. Затѣмъ, охраненіе этого права, всѣ дѣла по нарушенію его, а также всѣ неправильныя дѣйствія кустарей противъ казны, обществъ и частныхъ лицъ должны вѣдаться не административнымъ *порядкомъ*, а судебнымъ. Точно также наложеніе штрафовъ, при-

нудительное взятіе свидѣтельствъ и лишеніе права на производство промысловъ должны исходить отъ судебной власти, съ правомъ обжалованія апеляціоннымъ и кассаціоннымъ порядкомъ на общемъ основаніи.

Надзоръ за промыслами и торговлею, безъ судебнаго опредѣленія, не долженъ имѣть исполнительной власти, а за всякое неправильное дѣйствіе надзора должно вознаграждать матеріальные убытки потерпѣвшаго, подобно тому, какъ это предусматриваетъ ст. 136 полож. о пошл. за право торговли и другихъ промысловъ.

Для выполненія этихъ пожеланій кустарей, полезно было бы при департаментѣ мануфактуръ и торговли учредить такую же комисію, какая нынѣ учреждена подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве для изысканія мѣръ къ поднятію земледѣльческой промышленности.

Въ этой комисіи могли бы сосредоточиваться матеріалы, которые теперь разрознены и съ каждымъ днемъ накопляются болѣе и болѣе. На кустарей обратили вниманіе правительство, земство и печать. Свѣдѣнія собираются губернскими статистическими комитетами, хозяйственными обществами и частными лицами. Весь этотъ матеріалъ безъ центра, гдѣ бы онъ могъ быть обработанъ, будетъ забытъ и не принесетъ практической пользы, тогда какъ въ комисіи, получивъ обобщеніе, и онъ послужилъ бы къ законодательнымъ соображеніямъ. Что уставъ о производствѣ ремеслъ въ селеніяхъ не можетъ обнять всѣхъ нуждъ кустарей по всей Россіи своими четырьмя статьями (отъ 206 до 209 уст. ремесл.) — это сознается всѣми практиками. Дополняющее эти статьи (*по прод. 1863 г.*) положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ имѣетъ только фискальную цѣль и самихъ ремесленныхъ заведеній почти не касается. Между тѣмъ, эти заведенія имѣютъ соприкосновеніе съ уставомъ строительнымъ и пожарнымъ; вліяютъ на воздухъ и воду, отражаются на здоровьѣ жителей и въ этихъ отношеніяхъ подчинены крайне неопредѣленному надзору урядниковъ. Всѣ крестьянскія хозяйственныя единицы ежедневно сталкиваются съ институтомъ писарей и урядниковъ, и никакой опредѣленной опоры въ статьяхъ закона за себя не имѣютъ. Каждый отдѣльный кустарь встрѣчаетъ затрудненія и препятствія на каждомъ шагу, какъ въ своей работѣ, такъ и въ продажѣ издѣлій. Понятно, что и вся масса кустарныхъ ремеслъ пріостанавливается въ своемъ движеніи; и если прежде сельскія производства шли въ уровень съ государственнымъ развитіемъ, то теперь эти производства отстали. Кустари и ихъ защитники просятъ оградить ихъ льготами отъ фабрикъ и заводовъ, и пошлинами—отъ заграничной конкуренціи. Съ другой стороны, потребители вопіютъ о дороговизнѣ, гниломъ товарѣ и о фальсификаціи. Отдѣльными мѣрами общаго хода дѣла нельзя исправить, а общая и радикальная мѣра можетъ быть только въ пересмотрѣ *свода ремесленныхъ постановленій*, начиная съ первой статьи.

Статья 1-я гласитъ: «Подъ именемъ ремеслъ разумѣются занятія, имѣющія предметомъ обработаніе вещей, посредствомъ *ручной работы*». Въ вѣкъ пара, электричества и развитія техники, не

стоять на ручной работѣ, когда сосѣди наши къ ремесламъ прикладываютъ газомоторы, акумуляторы, передачу работы на разстоянія, пневматическія трубы и всѣ научные результаты всѣхъ механическихъ силъ природы.

Такого же кореннаго пересмотра ждетъ и положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Невѣжественный и произвольный надзоръ писарей и урядниковъ долженъ быть замѣненъ болѣе современнымъ и опредѣленнымъ. Особенно же необходимо, чтобы нарушеніе правилъ положенія вѣдалось не административнымъ порядкомъ, а судебнымъ.

Н. Крыловъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

„Кровь показалася“!.. Фраза короткая...
Только два слова всего, но ужасною
Правдой звучатъ они: смерть полновластная
Дерзко кладетъ на твои, моя кроткая,
Очи,—какъ небо, лазурно-прекрасныя,—
Руку съ усмѣшкой холодной, безстрастною...

Два только слова! Ни стона, ни жалобы:
Точно такъ нужно, чтобъ это случилося,
Будто вся жизнь для тебя прокатилася,
Словно, сама ты продлить не желала бы
Дней молодыхъ, чтобы сердце забилося...
Страстью сильнѣй, чтобъ полнѣе любилося.

Что жъ это?!... Силѣ покорность безсильная,
Горечь ли жгучая?!. Тяжесть страданія,
Ужасъ ли страшнаго самосознанія?!.. —
Мнѣ не понять!.. Только слезы обильныя
Градомъ катятся изъ глазъ, и рыданія
Рвутся невольно, туманя сознаніе...

II.

Вечеромъ душистымъ, теплою весною,
Въ часъ—когда зарею небо расцвѣтилось,
Въ часъ—когда алмазной, чистою росою,
Какъ слезами, роза подъ окномъ покрылась,—
Тихо угасала на своей постели
Ты, моя родная, мой ребенокъ бѣдный,—
Тихо, какъ ребенокъ, спящій въ колыбели,
Безъ борьбы, безъ стона. Лишь, какъ призракъ блѣдный
Райскаго блаженства,— кроткая улыбка
На устахъ мелькнула: словно ты встрѣчала
Гостя дорогаго, словно сознавала,
Что въ живыхъ остаться было бы ошибкой...
Бѣдный мой ребенокъ! Въ жизни ты узнала
Столько лжи, обмана, столько зла и горя,
Что конецъ встрѣчаешь ты, за жизнь не споря,
Словно, въ немъ ты видишь лучшее начало...
Да къ чему и спорить было бы съ судьбою?
Развѣ не забота матери прилежной—
Если смерть приходитъ ясною весною,
Въ часъ, когда темнѣетъ неба сводъ безбрежный,
Въ часъ, когда кропится садъ живой росою?!..

Ап. Коринфскій.

САЛЬВАТОРЪ.

(КАРТИНЫ НЕАПОЛИТАНСКОЙ ЖИЗНИ).

Эрнста Экштейна.

IV.

Вечеромъ, около половины девятаго, Эммануэль покинулъ вою квартиру и пошелъ въ улицу Толедо, но затѣмъ поверулъ въ другую сторону и разными переулками, похожими а вены главнаго кровеноснаго сосуда, началъ пробираться ъ палаццо Реале. Ночь была очень свѣтлая, звѣздная, пола весенней теплоты. Передъ всѣми кофейнями сидѣли поребители морожéнаго, заполонившіе почти всѣ тротуары. Изъ открытыхъ оконъ неслись звуки музыки; шоссейныя дооги были наполнены весело болтающей публикой, такъ что уры съ трудомъ могли на нихъ подвигаться. Поворачивая въ Страда-дель-Планте, Эммануэль увидалъ человѣка средняго юста, довольно полнаго, выходившаго изъ виннаго погреба; они вскорѣ встрѣтились по дорогѣ въ Санта-Лучію.

Это былъ Марзусси. Эммануэль хотѣлъ пройти мимо него, не желая вспоминать о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя постигли его въ послѣднее время. Но сыщикъ замѣтилъ его. Со страннымъ смѣхомъ онъ остановился и подождалъ, пока Эммануэль подойдетъ ближе. Уже издали, онъ привѣтливо окликнулъ его, крича: „Felice sera!“ Ласковый окликъ сыщика не имѣлъ ничего общаго съ обычнымъ тономъ этого человѣка.

— Куда?—спросилъ онъ Накосту, когда тотъ подошелъ къ нему.—На какую нибудь работу? Ну что, какъ дѣла?

— Насчетъ работы придется еще подождать, — отвѣчалъ Накоста, немного сухо.—А еслибъ даже и нашлась, то ужь вы-то, вѣроятно, меньше всѣхъ обрадовались бы этому.

— Вы такъ думаете?—спросилъ Марзусси, весело разсмѣявшись и прищуривая лѣвый глазъ.—Однако, я все таки вижу теперь ясно, какъ вы разочаровались насчетъ карьеры сыщика. Не подумываете ли бросить это званіе? Но что это? вы развѣ не въ Санта-Лучію?

Эммануэль инстинктивно отодвинулся отъ Марзусси и медленно пошелъ по направленію къ темному, безлюдному переулку.

— О, да у васъ есть кое-что на умѣ? — воскликнулъ Марзусси.

— Я только хотѣлъ отойти подальше отъ городскаго шума,—возразилъ Накоста.

— Да? съ которыхъ это поръ люди нашего полета стали такъ нервны? Ну, радуюсь за васъ. Жаль, что мы въ послѣднее время немного повздорили. Иначе я могъ бы васъ поставить на свое мѣсто.

— На какое мѣсто?

— На то, которое я покинулъ.

— Вы покинули его? Когда?

— Третьяго дня.

— Какимъ образомъ это случилось?

— О, мнѣ надоѣли эти дѣла и тѣ непріятности, на которыя я вамъ уже жаловался. Это не служба, Накоста, а каторга. Вѣдь ни днемъ, ни ночью не знаешь покоя. И вѣчно за спиной видишь этихъ начальниковъ, которые пристаютъ съ ножемъ къ горлу. Затѣмъ, какое-то нищенское жалованье! Нѣтъ, благодарю покорно! Въ началѣ службы я былъ такой же, какъ и вы, все думалъ: вотъ пройду первую степень до полицейскаго агента, затѣмъ два, три ловко обдѣланныхъ дѣльца, и моя карьера готова! Не тутъ то было! я увидалъ, что мы—лисицы, которыя воруютъ куръ для другихъ, и, въ крайнемъ случаѣ, имъ бросаютъ только обглодки и шкуру. Да, Накоста, я сытъ по горло этой службой!

— Но что же вы будете дѣлать? Ужь не получили ли вы наслѣдства?

— Ну нѣтъ, а все таки...

— Продолжайте, продолжайте! Да что это вы строите акую таинственную мину?

— О! тутъ нѣтъ никакой тайны. Правда, это васъ сильно дивитъ, но, наконецъ, вѣдь всякій жить хочетъ, а нашего рата-сыщика не очень-то уважаютъ. Еще самая вѣжливая амъ кличка, когда про насъ выражаются: „шпіоны“.

— Вы меня интригуете,—сказалъ Накоста.

— Я по прежнему числюсь въ полиціи, — продолжалъ Марзусси, пока Накоста окидывалъ его насмѣшливымъ взглядомъ,—только съ той разницей, что теперь я на лучшей дорогѣ, по крайней мѣрѣ, относительно жалованья. Что же касается до исполнительности, то—вы знаете—я человѣкъ безъ предразсудковъ и скажу безъ обиняковъ, что не намѣренъ надрываться надъ работой. Я обладаю теперь титуломъ, который звучитъ довольно трагически; при произнесеніи его иные приходятъ въ особенное волненіе, и гораздо больше боятся его, чѣмъ титула его эминенціи, самого кардинала. Какое впечатлѣніе произведутъ на васъ, Накоста, слова: „второй помощникъ палача его могущественнаго величества, короля Неаполя и Сициліи“.

— Вы шутите?—вскричалъ Накоста, въ страхѣ отступая назадъ.

Въ немъ проснулось закоренѣлое чувство итальянца, питающаго суевѣрный ужасъ передъ всѣмъ, что находится въ какой бы то ни было связи съ палачемъ и висѣлицей. Этотъ человѣкъ, такой энергичный, что не задумывался ни передъ чѣмъ, ради достиженія своихъ цѣлей, услыхавъ магическое слово „палачъ“, точно приросъ къ мѣсту и какимъ-то оцѣпенѣлымъ взглядомъ глядѣлъ на Марзусси.

— Не будьте же пугливы, точно ребенокъ, Накоста!—сказалъ тотъ.—Всякое дѣло затѣмъ и существуетъ, чтобы кто нибудь имъ кормился. Теперь я свободенъ отъ всякихъ хлопотъ. Что же касается до людскихъ толковъ, то плевать я хочу на нихъ! Пусть говорятъ, что хотятъ, тѣ дураки, которые открещиваются отъ всякаго мимо проходящаго „пролятаго“, какъ они насъ называютъ. Вѣдь если я пропущу удобный случай заработать денежки и ради ихъ удовольствія буду продолжать честно голодать, то они первые не дадутъ мнѣ за это ни гроша. Сношеній съ этими людьми мнѣ все

равно имѣть не придется, а когда я въ воскресенье обойду цѣлый рядъ трактировъ, ни одна изъ хорошенькихъ служанокъ не станетъ меня допрашивать, какимъ ремесломъ я занимаюсь. Тѣ два года молодости, которые остались на мою долю, я проживу въ свое удовольствіе, и, если для доставленія себѣ этого удовольствія нельзя идти по прямой дорогѣ, то что жъ дѣлать, пойдемъ и по окольной. Подумайте только: вѣдь вчера казначей отсыпалъ мнѣ въ видѣ задатка сорокъ золотыхъ монетъ, подъ строгимъ обязательствомъ, что съ будущаго же мѣсяца я поступлю на новую должность. Ну, скажите, гдѣ въ цѣломъ свѣтѣ найдете вы подобную щедрость? Конечно, я и постараюсь ею воспользоваться. Недаромъ буду слыть я пугаломъ среди старыхъ бабъ въ Неаполѣ. Впрочемъ, за это меня—надѣюсь—вознаградятъ молодыя женщины, да еще славное вино съ Везувія. Васъ какъ будто удивляютъ мои послѣднія слова? Я вамъ сейчасъ ихъ разъясню. Какъ вамъ небезъизвѣстно, вашъ покорный слуга — уроженецъ Рима, а потому, по выговору, я кажусь здѣшнимъ жителямъ какъ бы иностранцемъ. И вотъ я обыгрываю разныхъ знатныхъ баръ, въ особенности англичанокъ, которыя пріѣзжаютъ сюда порыскать по окрестностямъ на цѣлую недѣлю, даже на двѣ, и не очень-то любятъ завязывать какія бы то ни было сношенія съ туземными жителями. Я все это взялъ въ разсчетъ. Мы, римляне, все таки элегантные кавалеры, сравнительно со здѣшнимъ сбродомъ; римскій нищій умѣетъ и рваную куртку носить съ достоинствомъ и кокетствомъ, какъ настоящій аристократъ.

Накоста отлично замѣтилъ, что Марзусси порядочно пьянъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него возникла мысль, что прежній сыщикъ какъ разъ и есть тотъ человѣкъ, котораго онъ ищетъ, чтобъ разыграть роль кардинала въ задуманной имъ трагедіи.

Пробило девять. Онъ долженъ былъ поспѣшить на условленное мѣсто. Разговоръ съ апулійцемъ займетъ, вѣроятно, немного времени, а въ три четверти десятаго Эммануэль успѣетъ вернуться, и къ этому времени ночная свѣжесть, вѣроятно, успѣетъ поохладить разгоряченную винными парами голову Марзусси, и онъ будетъ уже въ состояніи понять предложенія Накосты. Ненависть Эммануэля къ Марзусси вдруг

исчезла, уступивъ мѣсто чувству радости при встрѣчѣ, случившейся такъ кстати.

— Вы правы, Марзусси,—сказалъ онъ съ живымъ сочувствіемъ:—отзывы дураковъ, которые становятся намъ поперекъ дороги, не стоютъ того, чтобъ изъ-за нихъ жертвовать хоть однимъ паоло. Вы должны подробнѣе разсказать мнѣ, какъ вы устроили свои дѣла. Садитесь къ столу и выпейте лимонаду, только не вина, а если ничего не хотите, то все таки посидите здѣсь и дождитесь меня. Скажу по секрету:—есть кое-что очень серьезное, о чемъ мнѣ необходимо побесѣдовать съ вами и спросить совѣта. Такъ какъ теперь вамъ нечего завидовать лукавому Накостѣ,—да, да, не отнѣкивайтесь, вы были завистливы!—то можете говорить со мной на чистоту. Теперь мы можемъ быть друзьями. Меньше чѣмъ черезъ часъ я сюда вернусь. Мнѣ предстоитъ сдѣлать важный шагъ, и онъ находится въ прямой связи съ тѣмъ, о чемъ я съ вами буду бесѣдовать. Это очень серьезное дѣло, Марзусси, и за него можно получить много денегъ.

Пока Марзусси усаживался передъ ближайшей кофейной Накоста быстрыми шагами пошелъ на условленное свиданіе, къ Санта-Лучіи. На южномъ концѣ гранитной набережной, которая подъ тупымъ угломъ образуетъ выступъ въ заливъ, стояла, облокотившись о перила, высокая темная фигура, неподвижная, какъ будто вылитая изъ бронзы. Не смотря на скудное освѣщеніе,—такъ какъ городъ довольствовался очень экономными лампочками, наполненными деревяннымъ масломъ,—Эммануэль легко узналъ апулійца: между матросами не было ни одного такого высокаго роста, да они и неохотно посѣщали это уединенное мѣсто, развѣ только ради любовныхъ похожденій.

— Наконецъ-то!—пробормоталъ Сальваторъ, выходя изъ своей неподвижности.

По особенной вибраціи, свойственной его голосу, можно было догадаться, что онъ неохотно подчинялся этому насильственному отдыху, стоя у перилъ, точно пригвожденный. Но Эммануэль убѣдился, что пылъ молодаго человѣка не охладѣлъ. Криспина была права, когда, услыхавъ желаніе апулійца видѣть лично кардинала, объяснила это требованіе крайней осторожностью. Она угадала вѣрно, что тутъ не кроется ни-

какой хитрости, что это не замаскированный предлогъ для того, чтобы отступить отъ принятаго рѣшенія, и не безпокойное чувство недовѣрія, а только стремленіе—хорошенько изслѣдовать почву, и затѣмъ уже безъ оглядки перепрыгнуть черезъ пропасть.

— Я не могъ прійти раньше,—сказалъ сыщикъ, протягивая руку апулійцу. — Пріятели задержали меня, да и слишкомъ большая поспѣшность могла бы возбудить подозрѣніе. Къ тому же, девизъ нашего союза: „осторожность—мать премудрости“! Еслибъ чортъ принесъ съ той стороны дороги молодаго человѣка съ рысьими глазами, онъ, вѣроятно, замѣтилъ бы живописный контрастъ, который мы съ вами представляемъ. Вы, Сальваторъ, поразительный красавецъ; я же со своей костлявой худобой — отталкивающій уродъ. Да, вы представить себѣ не можете, какъ много воспріимчивыхъ людей и какъ долго хранятъ они память о подобныхъ впечатлѣніяхъ. Я бы могъ вамъ разсказать случай, какъ одинъ мошенникъ узналъ меня, видя раньше всего только одинъ разъ; конечно, онъ узналъ меня на очень близкомъ разстояніи. Но не будемъ много говорить объ этомъ. Такая опытность хоть кого проучитъ.

Съ этими словами, онъ вытащилъ изъ кармана искусственную бороду, которую ловко прицѣпилъ къ подбородку.

— Вотъ такъ! теперь меня не узнаетъ самъ родной отецъ. Ну, пойдемъ; мы можемъ смѣло прогуливаться вдоль по набережной. Берегъ этотъ мало насселенъ, а между двумя, отвѣсно вздымающимися, замками лежитъ символическая дорога, по которой мы и будемъ прогуливаться. Настроеніе, мой другъ, важная вещь: отъ настроенія все зависитъ. Вы должны свыкнуться съ мыслью, что въ скоромъ времени будете квартировать, въ качествѣ злоумышленника, въ стѣнахъ тюрьмы, и что если дѣло продлится три или четыре мѣсяца, то монсиньоръ де-Фабрисъ доставитъ вамъ облегченіе. Но и въ такомъ случаѣ, едва ли вы останетесь довольны своимъ карантиномъ. Главное: подумайте хорошенько о той роли, которую вамъ придется играть и которая должна быть сыграна, какъ слѣдуетъ! Если же въ васъ есть хоть малѣйшее сомнѣніе въ вашей ловкости, то его эминенція, конечно, не будетъ виноватъ, если пьеса, благодаря слабой игрѣ главнаго актера, провалится.

— Не безпокойтесь, разъ я взялся за дѣло, то сдѣлаю все, какъ слѣдуетъ,—проговорилъ Сальваторъ. — Но прежде всего спрошу о моемъ письмѣ; вы, вѣроятно, въ немъ прочли...

— Прочелъ, и нахожу, что вы отлично придумали. Я вижу, вы страдаете излишней осторожностью; вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые хотятъ имѣть полное удостовѣреніе. Но все равно. У меня почти не было времени передать его эминенціи о вашемъ желаніи. Кардиналъ вѣдь такой общедоступный человѣкъ... я ни одной секунды не сомнѣваюсь въ его согласіи удовлетворить вашему требованію.

Сальваторъ съ облегченіемъ вздохнулъ, не столько отъ чувства полнѣйшаго удовлетворенія, что все шло по его желанію, сколько изъ польщеннаго самолюбія, что онъ будетъ бесѣдовать съ первымъ лицомъ въ королевствѣ, и вмѣстѣ съ нимъ устроитъ дѣло, на которое смотрѣлъ глазами фанатика-патріота, проникнутаго важностью великой миссіи.

— Вѣрите ли вы въ серьезность этого дѣла? — спросилъ онъ робко.

— Могу прозакладывать въ томъ свою голову. Конечно, я не могу достовѣрно сказать, что синьоръ де-Фабрисъ дастъ вамъ аудіенцію на слѣдующій же день, потому что онъ заваленъ въ настоящее время множествомъ дѣлъ. Завтра, рано утромъ, я понавѣдаюсь въ его секретаріатъ съ нашей просьбой. О, я имѣю кое-какое вліяніе на генеральскаго секретаря, а затѣмъ его эминенція узнаетъ, въ чемъ дѣло. И это будетъ сдѣлано вовсе не ради того, что прошеніе исходитъ отъ перваго чиновника, всегда имѣющаго къ нему доступъ; нѣтъ, его эминенція настолько же милостивъ и благосклоненъ ко всякому незнакомому, ничтожному человѣку.

— Да, вѣрно,—шепталъ апуліецъ. — Всѣ прославляютъ его доброту и снисходительность. Я еще въ дѣтствѣ видѣлъ собственными глазами...—Эммануэль даже весь похолодѣлъ.

— Что вы видѣли?—перебилъ его сыщикъ.

— Его эминенцію или, иначе сказать, свиту его эминенціи, такъ какъ самъ кардиналъ сидѣлъ въ закрытой каретѣ. Два лакея стояли сзади на подножкѣ экипажа, и все время, пока поѣздъ подвигался по улицѣ, они бросали въ народъ деньги, такъ что лаззарони въ давкѣ катились за экипажемъ

точно клубки и, не смотря на толчки и драку, все время орали: „да здравствуетъ его эми- ненція!“

— Я знаю объ этомъ,—возразилъ Накоста.—Его эминенція опустилъ во время этой овація стекло кареты, благодарилъ народъ и, поднявъ правую руку, благословлялъ его. Вы, я думаю, удивились доброму, ласковому выраженію его лица, темныхъ глазъ подъ густыми бровями и, вѣроятно, замѣтили, что лицо кардинала подъ оболочкой мягкости выражаетъ нѣчто энергичное, даже—вѣрнѣе—воинственное?

Сальваторъ не соглашался съ послѣднимъ замѣчаніемъ.

— Я довольно близко прижался къ кортежу,—продолжалъ онъ,—но все таки монсиньоръ былъ невидимъ, а одинъ торговецъ раковинами, стоявшій рядомъ со мной, объяснилъ мнѣ, что таковъ обычай.

Накоста предвидѣлъ такой отвѣтъ и въ эту минуту былъ больше занятъ физіономіей Марзусси, сравнивая его лицо съ лицомъ кардинала. Очевидно, въ головѣ его появилось новое соображеніе. Пока онъ сопоставлялъ мысленно обѣ головы, то подумалъ, что при искусствѣ гримировки не трудно будетъ придать Марзусси еще бо́льшее сходство съ его эминенціей. Круглое, полное лицо Марзусси имѣло, во время хорошаго настроенія духа, довольно пріятное и доброе выраженіе. Говоря же о воинственности, выражавшейся въ глазахъ и густыхъ бровяхъ кардинала, Накоста имѣлъ въ виду физіономію Марзусси, къ которой хотѣлъ подготовить апулійца; и теперь, если бывшій начальникъ его согласится, то всякое затрудненіе будетъ устранено.

Затѣмъ оба они отправились къ виллѣ Реале и подошли къ морскому берегу, по которому гуляла многочисленная публика.

— Я пришелъ, — началъ Накоста, — не затѣмъ только, чтобы сказать вамъ, что дѣло устроилось, но затѣмъ, чтобы еще разъ уяснить вамъ, до чего трудна цѣль, къ которой вы стремитесь. Конечно, сумма, которую обѣщалъ намъ монсиньоръ, громадная, а стремленіе оказать услугу своему отечеству очень заманчиво, но—повторяю вамъ еще разъ—остановитесь, пока есть время, и подумайте, что это очень тяжелый заработокъ! Не стану распространяться о тѣхъ лише*ніяхъ, которы*мъ вы себя подвергаете, объ арестѣ, и довольно

продолжительномъ, въ стѣнахъ тюрьмы, о дурныхъ толкахъ людей, которые васъ будутъ обвинять и оскорблять. При перечисленіи этихъ бѣдствій, въ моей душѣ зарождается невольное сомнѣніе: выдержите ли вы все это? Достанетъ ли у васъ самообладанія, чтобы перенести хладнокровно всѣ фазисы процесса, выслушивать стократные вопросы, не смѣть отвѣчать на нихъ такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, и вслѣдъ затѣмъ—приговоръ, находящійся въ прямой связи съ допросомъ, который зависитъ только отъ самого судьи; наконецъ—прогулка на позорную площадь, гдѣ производится казнь, вплоть до послѣдняго момента, когда послѣдуетъ помилованіе?.. Взвѣсили ли вы хладнокровно эти обстоятельства?

Апуліецъ молчалъ, задумчиво глядя на бушующія волны. Накоста отлично разсчиталъ, что при томъ настроеніи, въ которомъ находится Сальваторъ, не было лучшаго средства заставить его повиноваться и не отступать отъ принятаго рѣшенія, какъ представляться самому испуганнымъ и готовымъ отступить.

— Синьоръ,—возразилъ молодой человѣкъ,—какъ только я получу несомнѣнное доказательство, что кардиналъ не имѣетъ ничего противъ нашего плана, то—клянусь вамъ—я готовъ на все, лишь бы достигнуть цѣли. Что же касается до прогулки на мѣсто казни, то, какъ ни готовъ я пожертвовать многимъ, а отъ этого попрошу меня уволить. Такого, рода зрѣлища не скоро забываются, не смотря на помилованіе и позднѣйшее вознагражденіе.

— Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ. Если не ошибаюсь, его эминенціи угодно показать народу эту сцену, для пущаго вразумленія и эффекта. Подумайте только, Сальваторъ,—помилованіе въ послѣднюю минуту! Король откажетъ, но кардиналъ, не желая казни, будетъ умолять объ отмѣнѣ ея, умолять для своего смертельнаго врага; король явится жестокимъ, неумолимымъ, кардиналъ же выкажетъ отеческую доброту и побѣдитъ строгость монарха. Вѣроятно, кардиналъ будетъ носить въ своемъ карманѣ помилованіе, прежде чѣмъ будетъ назначенъ день казни.

Сальваторъ сильно колебался; наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ, сказалъ:

— Я буду просить кардинала, чтобы онъ избавилъ меня

отъ этой комедіи. Если же монсиньоръ де-Фабрисъ найдетъ это необходимымъ, ну, такъ и быть!

— Браво!—вскричалъ Накоста въ свирѣпой радости.— Я вѣдь зналъ, что вы истинный герой.

При этомъ, въ глазахъ низкаго предателя засвѣтилось что-то дьявольское. Въ эту минуту взошла луна и освѣтила своимъ блѣднымъ свѣтомъ черты его худощаваго лица, которое, по своей мертвенной блѣдности, казалось оцѣпенѣвшимъ.

Въ другое время Сальваторъ, вѣроятно, замѣтилъ бы странное подергиваніе губъ у этого безкровнаго человѣка, трепетаніе рѣсницъ, нервное дрожаніе челюсти, но теперь онъ находился въ такомъ сильномъ возбужденіи, что неестественное состояніе Накосты осталось для него незамѣтнымъ. Сальваторъ слышалъ звонъ ключей въ рукахъ тюремщика, видѣлъ блестящіе штыки караульныхъ, тюремныхъ помощниковъ въ ярко-красныхъ рубашкахъ. За этой картиной начиналась другая: слѣдовалъ всемогущій кардиналъ, окруженный великолѣпіемъ, въ сопровожденіи разодѣтыхъ въ пурпуръ и золото герольдовъ, которые несутъ несмѣтныя сокровища и лавровые вѣнки для Сальватора Падованино, спасителя отечества. Наконецъ, въ облакахъ, въ голубой лазури, среди цѣлаго сонма ангеловъ, парила прелестная дѣвушка изъ Капри, красавица Марія. Озаренная небеснымъ сіяніемъ, она слетала къ нему на землю, и розовыя ручки нѣжно обвивались вокругъ его шеи. Она цѣловала его и говорила: „тебѣ обязана я тѣмъ, что ангелы, служащіе Богу, склоняются предо мной!“ Сальваторъ грезилъ наяву. Его могучее воображеніе отуманило разсудокъ. Передъ глазами его плылъ, какъ бы въ туманѣ, какой-то хаосъ свѣта и блеска; въ ушахъ раздавались звуки дикой мелодіи; онъ задыхался. Еслибъ Эммануэль не дотронулся до его плеча, онъ, вѣроятно, полетѣлъ бы внизъ головой въ будущія волны.

— Святой Онуфрій! что это съ вами, синьоръ Падованино?—испуганно зашепталъ Накоста.—Что вы были на какой нибудь попойкѣ, или васъ обуялъ такой страхъ?

— Ничего, ничего!—отвѣчалъ тотъ.—Это пустяки! Видите, теперь уже все прошло.

— Надѣюсь,—сказалъ Эммануэль,—что вы будете больше владѣть собой, когда примитесь за дѣло.

— Конечно, успокойтесь же! Какъ только я примусь за дѣло, тотчасъ же вернется ко мнѣ все мое самообладаніе.

— Это необходимо для насъ обоихъ. Иначе мы погибнемъ. Но вотъ прозвонилъ колоколъ. Уже три четверти десятаго. Теперь я долженъ уйти. Слушайте же, что̀ я вамъ еще разъ скажу. Искать васъ въ вашемъ жилищѣ довольно рискованно, письмо же, въ которомъ можно найти больше словъ, чѣмъ нужно, опасно; слѣдовательно, я вамъ напишу только два слова, пожалуй, хоть: „Джіованна“ или „Маргарита“, и тогда вы должны въ тотъ же день вечеромъ прійти къ туннелю и ждать меня. Ровно въ девять часовъ я приду. Смотрите же, не смущайтесь, если прочтете въ запискѣ: „тысячу разъ цѣлую и обнимаю тебя. Маргарита“. Это будетъ приписано для того, чтобы придать запискѣ видъ откровенности; надо быть осторожнымъ; а то, неровенъ часъ, записка попадетъ въ невѣрныя руки. А васъ попрошу, если найдете нужнымъ сообщить мнѣ о чемъ нибудь, дѣйствовать такимъ же способомъ. Я скажу вамъ свой адресъ: улица Бальби, № 17, 6-й этажъ. Только два слова, и ваше требованіе будетъ исполнено въ тотъ же вечеръ. Кстати: избѣгайте бывать въ томъ трактирѣ, гдѣ мы съ вами познакомились. Хозяинъ не долженъ приглядываться къ вашей физіономіи; когда онъ насъ видѣлъ вмѣстѣ въ своей темной лачугѣ, то едва ли успѣлъ васъ разглядѣть, къ тому же это было подъ вечеръ. Никто не знаетъ, какъ и гдѣ дьяволу будетъ угодно просунуть свой носъ. Итакъ, дѣло сдѣлано, а пока до скораго свиданія.

Онъ съ напускной развязностью добраго малаго пожалъ апулійцу руку и пошелъ къ берегу, между тѣмъ какъ Сальваторъ еще цѣлый часъ послѣ этой бесѣды прохаживался, полный сладостной надежды, подъ дубами виллы Реале.

Войдя въ кофейню, Эммануэль засталъ бывшаго сыщика погруженнымъ въ чтеніе офиціальной газеты. На второй страницѣ листка, между другими достопримѣчательностями, была замѣтка о „свободныхъ друзьяхъ“, совершенно въ томъ же духѣ, какъ и въ журналѣ, который принудилъ Накосту переселиться въ Неаполь.

— Итакъ?—спросилъ Накоста, садясь возлѣ „втораго помощника палача“.—Вы скорчили довольно насмѣшливую фи-

зіономію. Что вы читали? Вѣрно что нибудь очень интересное?

— Гимнъ славнымъ, великимъ дѣяніямъ нашего полицейскаго начальства. Надо публикѣ бросать по временамъ эти крохи, иначе она потеряетъ терпѣніе и благоговѣйную вѣру въ ловкость охранителей общественной безопасности, и въ особенности къ ихъ тайному надзору. Всѣмъ извѣстно, что тайная полиція, не смотря на плохое вознагражденіе своихъ агентовъ, поглощаетъ громадную сумму денегъ и что, за внесенные милліоны, вѣрные подданные хотятъ видѣть отъ времени до времени хотя результаты своихъ пожертвованій. Достойны удивленія мудрствованія и хитросплетенія газетчиковъ, подгоняемыхъ, конечно, нуждой! Да вотъ, прочтите сами, Накоста. „Поѣздка адвоката Цезари въ Капри объясняется его революціоннымъ направленіемъ; онъ, должно быть,—понимайте эти слова буквально, — поддерживаетъ какія-то загадочныя сношенія съ агентами одного иностраннаго государства. А что означаютъ эти сношенія оппозиціонной партіи съ заграничными дѣятелями, намъ нѣтъ нужды объяснять нашему читателю: предоставляемъ это его собственной проницательности. Синьоръ Цезари, конечно, не протягивалъ руки,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ,—одному изъ самыхъ ловкихъ и осторожныхъ, а потому и болѣе опасныхъ членовъ такъ называемой партіи—„Amici della libertà“. Что кроется подъ загадочной личностью синьора Цезари, мы предоставляемъ угадать со временемъ секретарю его эминенціи, точно также какъ и то, далеко ли зашелъ синьоръ Цезари въ своихъ политическихъ связяхъ, и въ какой мѣрѣ послѣдствія ихъ согласуются съ безопасностью и благополучіемъ государства“.—Отлично сказано! Этотъ господинъ, конечно, остерегается утверждать что нибудь, потому что со временемъ утвержденія его могутъ быть опровергнуты. Но дальше изложены въ общихъ чертахъ планы либеральной партіи, и каждый, прочтя эти строки, долженъ подозрѣвать, что тутъ подразумѣвается все тотъ же Цезари. Вмѣстѣ съ этими намеками газета такъ ловко вывертывается... Право, этотъ Цезари начинаетъ меня интриговать: это должно быть дьявольски хитрый человѣкъ, если такъ много заставляетъ толковать о себѣ.

— Очень можетъ быть, — сказалъ Накоста, разсѣянно слушая.—А теперь скажите, Марзусси, достаточно ли освѣжилась ваша голова. Мнѣ начинаетъ казаться, что у васъ появилась охота потолковать о чемъ нибудь серьезномъ. Но гдѣ это вы такъ употчивались?

— Боже мой, да я только и выпилъ двѣ кружки; немного зашумѣло въ головѣ, а теперь ужь все прошло, и я весь къ вашимъ услугамъ. Вы развѣ не видите, что я кое-что замѣтилъ: Накоста что-то затѣваетъ, а разъ я что нибудь подозрѣваю, то мнѣ надо знать и подробности. Вамъ хочется устроить какую нибудь подлую штуку, и вотъ понадобилась помощь вашего покорнаго слуги. Не такъ ли? Скажите, я угадалъ? Неужели вы вообразили, что я, бывшій сыщикъ, сталъ бы такъ передъ вами распоясываться, еслибы не пронюхалъ, при первомъ же взглядѣ на васъ, что я вамъ нуженъ? Но я всячески желаю васъ ободрить, Накоста, и потому приступимъ къ дѣлу. Мы сидимъ совершенно въ сторонѣ; тотъ старый оселъ, что̀ уткнулся въ свой шербетъ, глухъ, какъ тетеревъ, а тотъ грекъ едва ли понимаетъ по итальянски.

Эммануэль былъ смущенъ проницательностью Марзусси.

— Вы настоящая гадалка!—съ дѣланнымъ смѣхомъ сказалъ онъ, приказавъ подать себѣ кружку вина. Затѣмъ, наклонясь къ самому уху Марзусси, онъ началъ шопотомъ свой разсказъ, какъ вдругъ тотъ оборвалъ его рѣчь въ самомъ началѣ.

— Погодите, самое главное: сто̀итъ ли дѣло, чтобы за него взяться? Я теперь хорошо устроился, и меньше, чѣмъ за двѣ тысячи паоли, рисковать не стану. Когда я служилъ въ сыщикахъ, то часто отталкивалъ отъ себя маленькіе барыши; тогда я говорилъ себѣ: выйдетъ дѣло наружу, такъ тебѣ за маленькій грѣшокъ также отрубятъ голову, какъ и за большой. Однако, судя по тому, какъ широко раздвинулось ваше лицо въ улыбку, я вижу, что дѣломъ сто̀итъ заняться. Но если вы и впредь будете такъ выдавать себя, то вамъ не посчастливится. Вижу, вы хотите сказать, что такъ откровенны только со мной. Прекрасно! теперь разсказывайте.

И Эммануэль принялся разсказывать, сначала шопотомъ и полунамеками, затѣмъ уже съ нескрываемымъ цинизмомъ. Онъ откровенно развернулъ передъ глазами Марзусси дьявольски

задуманный планъ, который долженъ былъ возвести несчастнаго Сальватора на кровавый эшафотъ.

Вначалѣ Марзусси перебивалъ разскащика, но подъ конецъ затихъ. Когда Накоста кончилъ, онъ схватилъ кружку и залпомъ опорожнилъ ее; затѣмъ, обтирая бороду, проворчалъ:

— Хорошо! Итакъ мы поведемъ бѣднаго олуха на эшафотъ... а что же дальше?

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Накоста.

— Да! чортъ возьми, вѣдь вы сказали еще что-то про послѣдній моментъ...

— Ну, надъ чѣмъ же вы тутъ задумались? Послѣдній моментъ необыкновенно простъ. — При этомъ онъ сдѣлалъ ладонью выразительный жестъ.

— Тьфу ты пропасть! Объ этомъ я и не подумалъ! До сихъ поръ дѣло шло хорошо, гладко, даже забавно, и вдругъ...

— Но подумайте, что награда будетъ у насъ пополамъ. Развѣ вамъ неизвѣстна щедрость монсиньора де-Фабриса? Тотъ, кто спасетъ его эминенціи жизнь, вѣроятно, будетъ также вознагражденъ, какъ тотъ рыбакъ изъ Искіи, который принесъ ему разорванное письмо! Я не знаю навѣрно цифры этого подарка, но, кажется, рыбакъ получилъ нѣсколько тысячъ, и это изъ-за какого-то письма, гдѣ говорилось о пустякахъ, касающихся государства. А наше дѣло касается прямо его драгоцѣнной особы, и понятно, что сердце его забьется сильнѣйшей благодарностью; а разъ это будетъ такъ, тогда хоть купайся въ золотѣ.

— Такъ-то такъ, но все же дѣло не такъ просто, какъ я вообразилъ.

— Ну, не будьте же такъ глупы, Марзусси,—тихо проговорилъ Накоста.—Умереть мы всѣ должны рано или поздно, и право, еслибы это отъ меня зависѣло, я ничего не нашелъ бы лучше, какъ быть неожиданно сдунутымъ съ лица земли, когда сердце полно прекрасной надеждой на будущее, а передъ глазами проносятся картины любви, славы, блеска... Вы представить себѣ не можете, какое горячее воображеніе у этого анулійца? Какъ онъ способенъ держаться за самое невозможное. Онъ похожъ на человѣка, который спьяна бросается въ воду, и, прежде чѣмъ придетъ въ сознаніе, волна

захлестнетъ его, и всему наступитъ конецъ. Право, поберегите-ка ваше состраданіе до другаго случая.

— Ну, хорошо,—сказалъ Марзусси.—Я не скажу нѣтъ, но, ей-богу, дѣло мнѣ кажется сомнительнымъ, и я долженъ составить себѣ о немъ болѣе ясное понятіе... Да мы вѣдь еще увидимся?

— Конечно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Пожалуй, хоть завтра, только не здѣсь, а, если можно, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по сосѣдству никого бы не было; не то можетъ очутиться возлѣ насъ гость не глухой, а который отлично насъ пойметъ. Лучше бы всего намъ встрѣтиться по дорогѣ на кладбище, направо отъ колодца, подъ масличнымъ деревомъ.

— Хорошо, я буду тамъ. Смотрите же, не упускайте ничего изъ виду, обращайте вниманіе даже на мелочи, какъ напримѣръ, на часъ, мѣсто и время. Дѣло очень просто, но оно требуетъ предусмотрительной подготовки. Считать апулійца уже совсѣмъ наивнымъ мы все таки не можемъ.

Послѣ этого, оба встали и распрощались. Марзусси, побродивъ немного, отправился въ блистающее огнями танцовальное заведеніе, гдѣ онъ прокучивалъ полученное золото, между тѣмъ какъ Накоста медленными шагами пошелъ къ своей Христинѣ, чтобы порадоваться вмѣстѣ съ нею благополучному окончанію ихъ затѣи.

V.

Прошло уже два часа, какъ торговый корабль покинулъ Капри и плылъ посреди залива, направляясь къ берегамъ, которые со стороны моря освѣщались маякомъ, вплоть до Портичи. Глазамъ мореплавателя представлялась ярко освѣщенная солнцемъ обширная панорама Неаполя. Легкій вѣтерокъ игралъ лазоревыми волнами и разгонялъ во всѣ стороны сверкающее дымное облако Везувія, такъ что издали оно представлялось какимъ-то гигантскимъ кедровымъ деревомъ, раскачиваемымъ вѣтромъ. На палубѣ обращали на себя вниманіе двѣ молодыя дѣвушки; онѣ, повидимому, глубоко задумались, хотя выраженіе ихъ лицъ было совершенно раз-

личное. Одна изъ нихъ была Марія, эта обворожительная цыганка; другая — Джульета, у матери которой жилъ неаполитанскій юристъ, синьоръ Цезари. Выраженіе лица Маріи постоянно мѣнялось: на немъ то отражалось веселое, добродушное настроеніе, то появлялись опасеніе и уныніе. По временамъ, у нея между бровями вырѣзывалась характерная складка, обличавшая какія нибудь особенныя, глубоко затаенныя мысли. Она почти и не взглянула на великолѣпную картину, окружающую заливъ.

Между тѣмъ Джульета, прежде такая веселая, казалась теперь томной и грустной. Ея глаза влажно блестѣли, и, когда она оборачивалась, чтобы взглянуть на Капри, съ рѣсницъ ея скатывалась горячая слеза. Но, не смотря на эту грусть, выраженіе лица дѣвушки гармонировало со спокойствіемъ и ясностью ея души. Чувство, вызвавшее эти слезы, не было бурнымъ, страстнымъ порывомъ, а скорѣе кроткимъ чувствомъ тоски, которая умиротворяется, какъ только послышится голосъ разсудка. Ея хорошенькое личико, обыкновенно мало выразительное, омрачилось въ минуту грусти и кто бы ни увидѣлъ въ настоящую минуту ея кроткую, симпатичную улыбку, всякій сказалъ бы: „эта Джульета знаетъ, чего хочетъ, и желаніе ея непремѣнно хорошее“.

Прошелъ уже часъ, прежде чѣмъ дѣвушки обратили другъ на друга вниманіе. Марія, явившаяся позже Джульеты на палубѣ, поклонилась своей бывшей подругѣ со свойственнымъ ей дерзкимъ видомъ, хорошо знакомымъ Джульетѣ, и затѣмъ сѣла наискось отъ нея. Какъ ни была занята Джульета своими дѣлами и мыслями, какую бы ни чувствовала она потребность подѣлиться ими съ кѣмъ нибудь, но, видя замкнутость Маріи, она едва ли рѣшилась бы заговорить съ нею. Однако она вѣжливо отвѣтила на ея поклонъ, какъ вдругъ цыганка поднялась съ своего мѣста и, вставъ передъ ней, задала неожиданный вопросъ:

— Развѣ у тебя есть какія нибудь дѣла въ Неаполѣ?

Казалось, ея слова были произнесены вслѣдствіе непреоборимой, страстной потребности поскорѣе освободиться изъ подъ гнета мыслей, занимавшихъ ея умъ и сердце.

— Если хочешь, то, пожалуй, я скажу,—отвѣчала Джульета.—Ты знаешь, что мой братъ ходитъ въ Салерно, въ школу.

о это не та школа, въ которой учатъ грамотѣ, письму и
ету: все это ему давно уже извѣстно; въ Салерно онъ бу-
етъ изучать всякаго рода науки и церковный языкъ.

— Да, мнѣ это извѣстно, весь Капри кричитъ объ этомъ.
о что̀ меня удивляетъ,—хотя въ то же время и радуетъ,—
го заботы, которыя вы прилагаете, чтобы напичкать бѣднаго
лександра всякаго рода знаніями. Помнишь, когда онъ сло-
алъ себѣ руку и плохо залѣчилъ ее, всѣ думали, что на-
ѣжды на хорошее положеніе, которое онъ со временемъ себѣ
ставитъ, разлетѣлись прахомъ; но я тогда же подумала:
атеръ знаетъ лучше всѣхъ, когда говоритъ, что у молодца
иная голова и что всякій сынъ рыбака самъ долженъ быть
ыбакомъ. Но что все таки означаетъ твоя поѣздка въ Неа-
оль; вѣдь дорога въ Салерно ведетъ черезъ Сорренто?

— Я не въ Салерно и ѣду, хоть для меня и для моей
атери было бы гораздо спокойнѣе, еслибы я тамъ пріискала
го нибудь подходящее.

— Но чего же ты ищешь и что подразумѣваешь подъ
ловомъ „подходящее?“

— А ты все не можешь понять? Да вѣдь школа-то, въ
оторой учатся по-латыни, сто̀итъ громадныхъ денегъ; вотъ
ать и разсудила, что она и одна можетъ управиться дома
ъ постояльцами, а я должна сама зарабатывать денежки,
наче будутъ недохватки. Мы обсудили со всѣхъ сторонъ
готъ вопросъ и побывали сначала въ Салерно, но тамъ не
ашлось ни одного вакантнаго мѣстечка, а тѣ занятія, какія
нѣ предлагали, давали такую ничтожную плату, которой
ва ли хватило бы даже на мое собственное содержаніе. Въ
голицѣ тоже трудно найти что нибудь сносное. Но недавно
ашъ комисіонеръ извѣстилъ насъ о томъ, что нашлось мѣ-
го, какъ разъ по мнѣ...

— Такъ ты, стало быть, идешь въ услуженіе?—спросила
Іарія.

— Да, въ гостинницу „Золотаго Креста“, въ улицѣ
трада-дель-Моло,—отвѣчала Джульета. — Я тамъ буду слу-
ить въ номерныхъ горничныхъ, и получу за это отъ хо-
яина гостинницы столько денегъ, сколько захочу; тамъ да-
тся и авансы. Да, не весело мнѣ идти въ услуженіе, потому
то я люблю свободу, также какъ и ты, но что дѣлать? Братъ

идетъ быстро впередъ, а хорошая сестра должна поддержать его, иначе человѣчество было бы слишкомъ жалко и подло!

— О, ты, святая душа!—вскричала Марія.—Правда, если братъ твой не можетъ владѣть рукой, то ваша прямая обязанность слѣдить за его шагами на скользкомъ жизненномъ пути.

— Конечно, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; къ тому же ты представить себѣ не можешь, какое это счастье жертвовать собой ради счастья того, кого любишь. Было время, я представить себя не могла въ роли горничной въ какой-то гостинницѣ, гдѣ я должна бѣжать на звонокъ всякаго шута. При одной мысли объ этомъ, я была способна прійти въ ужасъ; но подъ конецъ привыкла къ ней, рѣшивъ разъ навсегда, что такъ надо. Я говорю себѣ, что это такая же честная работа, какъ у себя дома. Не скрою отъ тебя, что мнѣ тяжело будетъ благодарить всякаго встрѣчнаго за грошъ, который онъ кинетъ мнѣ, какъ какой нибудь нищей, но утѣшеніемъ для меня будетъ мысль, что я все это терплю ради счастія брата. Но разъ ужъ мы разговорились, позволь, Марія, узнать, зачѣмъ ты ѣдешь черезъ заливъ. Притомъ у тебя такой задумчивый и серьезный видъ, какъ будто дѣло идетъ о чемъ-то очень важномъ. Ты, вѣроятно, ѣдешь повидаться съ апулійцемъ, и этого — я понимаю — достаточно для того, чтобы у тебя духъ захватывало отъ волненья.

Между бровями Маріи рѣзко обозначилась знакомая складка, и она робко отвѣтила подругѣ:

— Мой женихъ въ послѣднемъ письмѣ написалъ мнѣ, что, вѣроятно, получитъ мѣсто во Фрозиноне. А такъ какъ до свадьбы нашей еще далеко и придѣтся ждать ее всю зиму, то онъ нашелъ необходимымъ повидаться со мной еще разъ передъ отѣздомъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, почему же онъ самъ не пріѣхалъ на Капри?

— Онъ недавно былъ тамъ, а теперь у него скопилось множество дѣлъ. Что же касается до Фрозиноне, то получить мѣсто тамъ не очень легко. Но вѣдь ты не будешь объ этомъ никому разсказывать? Не такъ ли, Джульета?

— Кому же мнѣ разсказывать? Въ „Золотомъ Крестѣ“ я

стрѣчу только постороннихъ. Да, кстати, скажи мнѣ, гдѣ ы остановишься?

— Въ гостинницѣ Леоно-Біанко, въ улицѣ Прети.

— Гдѣ это?

— На границѣ восточной части города. Вѣдь „Золотой рестъ“ положитъ конецъ нашимъ свиданіямъ.

Пока онѣ разговаривали, столица подвигалась все ближе. скіа и Прочида пропадали за мысомъ Паузилиппо. Прошло це десять минутъ и якорь загремѣлъ о бортъ. Цыганка на коро поклонилась Джульетѣ. Она увидала на берегу высо ую фигуру апулійца, красивую и выразительную. Онъ былъ чень блѣденъ, но это дѣлало его лицо еще болѣе вырази ельнымъ. Сгорая отъ нетерпѣнія поскорѣе съ ней поздоро аться и обезпокоенный перебранкой, затѣянной двумя обор анными шкиперами, которые должны были смотрѣть за по ядкомъ въ гавани, онъ взошелъ на барку, врѣзавшуюся въ мый берегъ, и съ рыцарскою вѣжливостью помогъ своей не вѣстѣ сойти на берегъ, поцѣловалъ у нея руку и почтительно овелъ ее къ наемному кабріолету. Оба они не позаботились Джульетѣ, и та вспрыгнула послѣднею въ лодку, легкая и ибкая, какъ газель, а черезъ десять минутъ торговалась уже а берегу съ носильщикомъ, который долженъ былъ доста ить ея багажъ въ гостинницу „Золотаго Креста“. Скоро эки ажъ, въ которомъ ѣхали Сальваторъ съ Маріей, свернулъ ь сторону. Они проѣхали нѣсколько улицъ и переулковъ, итѣмъ пересѣкли громадную площадь, раскинувшуюся передъ осѣдѣвшимъ отъ времени дворцомъ, въ готическихъ воротахъ ораго стоялъ изящный экипажъ.

— Вотъ дворецъ его эминенціи, — шепнулъ Сальваторъ ганкѣ.—Да, на такихъ мягкихъ подушкахъ сидѣть гораздо добнѣе, чѣмъ на жосткой скамейкѣ нашего карриколо. Но временемъ и мы увидимъ... до той же поры я желалъ бы ставить моей дорогой возлюбленной хоть какія нибудь удоб ва. Ужь и такъ грустно, что невѣста Сальватора Падова но должна останавливаться въ такомъ гнусномъ логовищѣ, акъ гостинница Леоно-Біанко, вмѣсто того чтобы поселиться какомъ нибудь великолѣпномъ отелѣ, въ Санта-Лучіи. Я хлопоталъ все таки о томъ, чтобы очаровательная цыганка прошлась пѣшкомъ.

отъ этой комедіи. Если же монсиньоръ де-Фабрисъ найдетъ это необходимымъ, ну, такъ и быть!

— Браво!—вскричалъ Накоста въ свирѣпой радости.— Я вѣдь зналъ, что вы истинный герой.

При этомъ, въ глазахъ низкаго предателя засвѣтилось что-то дьявольское. Въ эту минуту взошла луна и освѣтила своимъ блѣднымъ свѣтомъ черты его худощаваго лица, которое, по своей мертвенной блѣдности, казалось оцѣпенѣвшимъ.

Въ другое время Сальваторъ, вѣроятно, замѣтилъ бы странное подергиваніе губъ у этого безкровнаго человѣка, трепетаніе рѣсницъ, нервное дрожаніе челюсти, но теперь онъ находился въ такомъ сильномъ возбужденіи, что неестественное состояніе Накосты осталось для него незамѣтнымъ. Сальваторъ слышалъ звонъ ключей въ рукахъ тюремщика, видѣлъ блестящіе штыки караульныхъ; тюремныхъ помощниковъ въ ярко-красныхъ рубашкахъ. За этой картиной начиналась другая: слѣдовалъ всемогущій кардиналъ, окруженный великолѣпіемъ, въ сопровожденіи разодѣтыхъ въ пурпуръ и золото герольдовъ, которые несутъ несмѣтныя сокровища и лавровые вѣнки для Сальватора Падованино, спасителя отечества. Наконецъ, въ облакахъ, въ голубой лазури, среди цѣлаго сонма ангеловъ, парила прелестная дѣвушка изъ Капри, красавица Марія. Озаренная небеснымъ сіяніемъ, она слетала къ нему на землю, и розовыя ручки нѣжно обвивались вокругъ его шеи. Она цѣловала его и говорила: „тебѣ обязана я тѣмъ, что ангелы, служащіе Богу, склоняются предо мной!“ Сальваторъ грезилъ наяву. Его могучее воображеніе отуманило разсудокъ. Передъ глазами его плылъ, какъ бы въ туманѣ, какой-то хаосъ свѣта и блеска; въ ушахъ раздавались звуки дикой мелодіи; онъ задыхался. Еслибъ Эммануэль не дотронулся до его плеча, онъ, вѣроятно, полетѣлъ бы внизъ головой въ бушующія волны.

— Святой Онуфрій! что это съ вами, синьоръ Падованино?—испуганно зашепталъ Накоста.—Что вы были на какой нибудь попойкѣ, или ужь васъ обуялъ такой страхъ?

— Ничего, ничего!—отвѣчалъ тотъ.—Это пустяки! Видите, теперь уже все прошло.

— Надѣюсь,—сказалъ Эммануэль,—что вы будете больше владѣть собой, когда примитесь за дѣло.

— Конечно, успокойтесь же! Какъ только я примусь за дѣло, тотчасъ же вернется ко мнѣ все мое самообладаніе.

— Это необходимо для насъ обоихъ. Иначе мы погибнемъ. Но вотъ прозвонилъ колоколъ. Уже три четверти десятаго. Теперь я долженъ уйти. Слушайте же, что̀ я вамъ еще разъ скажу. Искать васъ въ вашемъ жилищѣ довольно рискованно, письмо же, въ которомъ можно найти больше словъ, чѣмъ нужно, опасно; слѣдовательно, я вамъ напишу только два слова, пожалуй, хоть: „Джіованна“ или „Маргарита“, и тогда вы должны въ тотъ же день вечеромъ прійти къ туннелю и ждать меня. Ровно въ девять часовъ я приду. Смотрите же, не смущайтесь, если прочтете въ запискѣ: „тысячу разъ цѣлую и обнимаю тебя. Маргарита“. Это будетъ приписано для того, чтобы придать запискѣ видъ откровенности; надо быть осторожнымъ; а то, неровенъ часъ, записка попадетъ въ невѣрныя руки. А васъ попрошу, если найдете нужнымъ сообщить мнѣ о чемъ нибудь, дѣйствовать такимъ же способомъ. Я скажу вамъ свой адресъ: улица Бальби, № 17, 6-й этажъ. Только два слова, и ваше требованіе будетъ исполнено въ тотъ же вечеръ. Кстати: избѣгайте бывать въ томъ трактирѣ, гдѣ мы съ вами познакомились. Хозяинъ не долженъ приглядываться къ вашей физіономіи; когда онъ насъ видѣлъ вмѣстѣ въ своей темной лачугѣ, то едва ли успѣлъ васъ разглядѣть, къ тому же это было подъ вечеръ. Никто не знаетъ, какъ и гдѣ дьяволу будетъ угодно просунуть свой носъ. Итакъ, дѣло сдѣлано, а пока до скораго свиданія.

Онъ съ напускной развязностью добраго малаго пожалъ апулійцу руку и пошелъ къ берегу, между тѣмъ какъ Сальваторъ еще цѣлый часъ послѣ этой бесѣды прохаживался, полный сладостной надежды, подъ дубами виллы Реале.

Войдя въ кофейню, Эммануэль засталъ бывшаго сыщика погруженнымъ въ чтеніе офиціальной газеты. На второй страницѣ листка, между другими достопримѣчательностями, была замѣтка о „свободныхъ друзьяхъ“, совершенно въ томъ же духѣ, какъ и въ журналѣ, который принудилъ Накосту переселиться въ Неаполь.

— Итакъ?—спросилъ Накоста, садясь возлѣ „втораго помощника палача“.—Вы скорчили довольно насмѣшливую фи-

зіономію. Что вы читали? Вѣрно что нибудь очень интересное?

— Гимнъ славнымъ, великимъ дѣяніямъ нашего полицейскаго начальства. Надо публикѣ бросать по временамъ эти крохи, иначе она потеряетъ терпѣніе и благоговѣйную вѣру въ ловкость охранителей общественной безопасности, и въ особенности къ ихъ тайному надзору. Всѣмъ извѣстно, что тайная полиція, не смотря на плохое вознагражденіе своихъ агентовъ, поглощаетъ громадную сумму денегъ и что, за внесенные милліоны, вѣрные подданные хотятъ видѣть отъ времени до времени хотя результаты своихъ пожертвованій. Достойны удивленія мудрствованія и хитросплетенія газетчиковъ, подгоняемыхъ, конечно, нуждой! Да вотъ, прочтите сами, Накоста. „Поѣздка адвоката Цезари въ Капри объясняется его революціоннымъ направленіемъ; онъ, должно быть,—понимайте эти слова буквально, — поддерживаетъ какія-то загадочныя сношенія съ агентами одного иностраннаго государства. А что означаютъ эти сношенія оппозиціонной партіи съ заграничными дѣятелями, намъ нѣтъ нужды объяснять нашему читателю: предоставляемъ это его собственной проницательности. Синьоръ Цезари, конечно, не протягивалъ руки,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ,—одному изъ самыхъ ловкихъ и осторожныхъ, а потому и болѣе опасныхъ членовъ такъ называемой партіи—„Amici della libertà“. Что кроется подъ загадочной личностью синьора Цезари, мы предоставляемъ угадать со временемъ секретарю его эминенціи, точно также какъ и то, далеко ли зашелъ синьоръ Цезари въ своихъ политическихъ связяхъ, и въ какой мѣрѣ послѣдствія ихъ согласуются съ безопасностью и благополучіемъ государства“.—Отлично сказано! Этотъ господинъ, конечно, остерегается утверждать что нибудь, потому что со временемъ утвержденія его могутъ быть опровергнуты. Но дальше изложены въ общихъ чертахъ планы либеральной партіи, и каждый, прочтя эти строки, долженъ подозрѣвать, что тутъ подразумѣвается все тотъ же Цезари. Вмѣстѣ съ этими намеками газета такъ ловко вывертывается... Право, этотъ Цезари начинаетъ меня интриговать: это должно быть дьявольски хитрый человѣкъ, если такъ много заставляетъ толковать о себѣ.

— Очень можетъ быть, — сказалъ Накоста, разсѣянно слушая.—А теперь скажите, Марзусси, достаточно ли освѣжилась ваша голова. Мнѣ начинаетъ казаться, что у васъ появилась охота потолковать о чемъ нибудь серьезномъ. Но гдѣ это вы такъ употчивались?

— Боже мой, да я только и выпилъ двѣ кружки; немного зашумѣло въ головѣ, а теперь ужь все прошло, и я весь къ вашимъ услугамъ. Вы развѣ не видите, что я кое-что замѣтилъ: Накоста что-то затѣваетъ, а разъ я что нибудь подозрѣваю, то мнѣ надо знать и подробности. Вамъ хочется устроить какую нибудь подлую штуку, и вотъ понадобилась помощь вашего покорнаго слуги. Не такъ ли? Скажите, я угадалъ? Неужели вы вообразили, что я, бывшій сыщикъ, сталъ бы такъ передъ вами распоясываться, еслибы не пронюхалъ, при первомъ же взглядѣ на васъ, что я вамъ нуженъ? Но я всячески желаю васъ ободрить, Накоста, и потому приступимъ къ дѣлу. Мы сидимъ совершенно въ сторонѣ; тотъ старый оселъ, что̀ уткнулся въ свой шербетъ, глухъ, какъ тетеревъ, а тотъ грекъ едва ли понимаетъ по итальянски.

Эммануэль былъ смущенъ проницательностью Марзусси.

— Вы настоящая гадалка!—съ дѣланнымъ смѣхомъ сказалъ онъ, приказавъ подать себѣ кружку вина. Затѣмъ, наклонясь къ самому уху Марзусси, онъ началъ шопотомъ свой разсказъ, какъ вдругъ тотъ оборвалъ его рѣчь въ самомъ началѣ.

— Погодите, самое главное: сто̀итъ ли дѣло, чтобы за него взяться? Я теперь хорошо устроился, и меньше, чѣмъ за двѣ тысячи паоли, рисковать не стану. Когда я служилъ въ сыщикахъ, то часто отталкивалъ отъ себя маленькіе барыши; тогда я говорилъ себѣ: выйдетъ дѣло наружу, такъ тебѣ за маленькій грѣшокъ также отрубятъ голову, какъ и за большой. Однако, судя по тому, какъ широко раздвинулось ваше лицо въ улыбку, я вижу, что дѣломъ сто̀итъ заняться. Но если вы и впредь будете такъ выдавать себя, то вамъ не посчастливится. Вижу, вы хотите сказать, что такъ откровенны только со мной. Прекрасно! теперь разсказывайте.

И Эммануэль принялся разсказывать, сначала шопотомъ и полунамеками, затѣмъ уже съ нескрываемымъ цинизмомъ. Онъ откровенно развернулъ передъ глазами Марзусси дьявольски

задуманный планъ, который долженъ былъ возвести несчастнаго Сальватора на кровавый эшафотъ.

Вначалѣ Марзусси перебивалъ разскащика, но подъ конецъ затихъ. Когда Накоста кончилъ, онъ схватилъ кружку и залпомъ опорожнилъ ее; затѣмъ, обтирая бороду, проворчалъ:

— Хорошо! Итакъ мы поведемъ бѣднаго олуха на эшафотъ... а что же дальше?

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Накоста.

— Да! чортъ возьми, вѣдь вы сказали еще что-то про послѣдній моментъ...

— Ну, надъ чѣмъ же вы тутъ задумались? Послѣдній моментъ необыкновенно простъ. — При этомъ онъ сдѣлалъ ладонью выразительный жестъ.

— Тьфу ты пропасть! Объ этомъ я и не подумалъ! До сихъ поръ дѣло шло хорошо, гладко, даже забавно, и вдругъ...

— Но подумайте, что награда будетъ у насъ пополамъ. Развѣ вамъ неизвѣстна щедрость монсиньора де-Фабриса? Тотъ, кто спасетъ его эминенціи жизнь, вѣроятно, будетъ также вознагражденъ, какъ тотъ рыбакъ изъ Искіи, который принесъ ему разорванное письмо! Я не знаю навѣрно цифры этого подарка, но, кажется, рыбакъ получилъ нѣсколько тысячъ, и это изъ-за какого-то письма, гдѣ говорилось о пустякахъ, касающихся государства. А наше дѣло касается прямо его драгоцѣнной особы, и понятно, что сердце его забьется сильнѣйшей благодарностью; а разъ это будетъ такъ, тогда хоть купайся въ золотѣ.

— Такъ-то такъ, но все же дѣло не такъ просто, какъ я вообразилъ.

— Ну, не будьте же такъ глупы, Марзусси,—тихо проговорилъ Накоста.—Умереть мы всѣ должны рано или поздно, и право, еслибы это отъ меня зависѣло, я ничего не нашелъ бы лучше, какъ быть неожиданно сдунутымъ съ лица земли, когда сердце полно прекрасной надеждой на будущее, а передъ глазами проносятся картины любви, славы, блеска... Вы представить себѣ не можете, какое горячее воображеніе у этого апулійца? Какъ онъ способенъ держаться за самое невозможное. Онъ похожъ на человѣка, который спьяна бросается въ воду, и, прежде чѣмъ придетъ въ сознаніе, волна

захлестнетъ его, и всему наступитъ конецъ. Право, поберегите-ка ваше состраданіе до другаго случая.

— Ну, хорошо,—сказалъ Марзусси.—Я не скажу нѣтъ, но, ей-богу, дѣло мнѣ кажется сомнительнымъ, и я долженъ составить себѣ о немъ болѣе ясное понятіе... Да мы вѣдь еще увидимся?

— Конечно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Пожалуй, хоть завтра, только не здѣсь, а, если можно, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по сосѣдству никого бы не было; не то можетъ очутиться возлѣ насъ гость не глухой, а который отлично насъ пойметъ. Лучше бы всего намъ встрѣтиться по дорогѣ на кладбище, направо отъ колодца, подъ масличнымъ деревомъ.

— Хорошо, я буду тамъ. Смотрите же, не упускайте ничего изъ виду, обращайте вниманіе даже на мелочи, какъ напримѣръ, на часъ, мѣсто и время. Дѣло очень просто, но оно требуетъ предусмотрительной подготовки. Считать апулійца уже совсѣмъ наивнымъ мы все таки не можемъ.

Послѣ этого, оба встали и распрощались. Марзусси, побродивъ немного, отправился въ блистающее огнями танцовальное заведеніе, гдѣ онъ прокучивалъ полученное золото, между тѣмъ какъ Наноста медленными шагами пошелъ къ своей Христинѣ, чтобы порадоваться вмѣстѣ съ нею благополучному окончанію ихъ затѣи.

V.

Прошло уже два часа, какъ торговый корабль покинулъ Капри и плылъ посреди залива, направляясь къ берегамъ, которые со стороны моря освѣщались маякомъ, вплоть до Портичи. Глазамъ мореплавателя представлялась ярко освѣщенная солнцемъ обширная панорама Неаполя. Легкій вѣтерокъ игралъ лазоревыми волнами и разгонялъ во всѣ стороны сверкающее дымное облако Везувія, такъ что издали оно представлялось какимъ-то гигантскимъ кедровымъ деревомъ, раскачиваемымъ вѣтромъ. На палубѣ обращали на себя вниманіе двѣ молодыя дѣвушки; онѣ, повидимому, глубоко задумались, хотя выраженіе ихъ лицъ было совершенно раз-

личное. Одна изъ нихъ была Марія, эта обворожительная цыганка; другая — Джульета, у матери которой жилъ неаполитанскій юристъ, синьоръ Цезари. Выраженіе лица Маріи постоянно мѣнялось: на немъ то отражалось веселое, добродушное настроеніе, то появлялись опасеніе и уныніе. По временамъ, у нея между бровями вырѣзывалась характерная складка, обличавшая какія нибудь особенныя, глубоко затаенныя мысли. Она почти и не взглянула на великолѣпную картину, окружающую заливъ.

Между тѣмъ Джульета, прежде такая веселая, казалась теперь томной и грустной. Ея глаза влажно блестѣли, и, когда она оборачивалась, чтобы взглянуть на Капри, съ рѣсницъ ея скатывалась горячая слеза. Но, не смотря на эту грусть, выраженіе лица дѣвушки гармонировало со спокойствіемъ и ясностью ея души. Чувство, вызвавшее эти слезы, не было бурнымъ, страстнымъ порывомъ, а скорѣе кроткимъ чувствомъ тоски, которая умиротворяется, какъ только послышится голосъ разсудка. Ея хорошенькое личико, обыкновенно мало выразительное, омрачилось въ минуту грусти и кто бы ни увидѣлъ въ настоящую минуту ея кроткую, симпатичную улыбку, всякій сказалъ бы: „эта Джульета знаетъ, чего хочетъ, и желаніе ея непремѣнно хорошее“.

Прошелъ уже часъ, прежде чѣмъ дѣвушки обратили другъ на друга вниманіе. Марія, явившаяся позже Джульеты на палубѣ, поклонилась своей бывшей подругѣ со свойственнымъ ей дерзкимъ видомъ, хорошо знакомымъ Джульетѣ, и затѣмъ сѣла наискось отъ нея. Какъ ни была занята Джульета своими дѣлами и мыслями, какую бы ни чувствовала она потребность подѣлиться ими съ кѣмъ нибудь, но, видя замкнутость Маріи, она едва ли рѣшилась бы заговорить съ нею. Однако она вѣжливо отвѣтила на ея поклонъ, какъ вдругъ цыганка поднялась съ своего мѣста и, вставъ передъ ней, задала неожиданный вопросъ:

— Развѣ у тебя есть какія нибудь дѣла въ Неаполѣ?

Казалось, ея слова были произнесены вслѣдствіе непреоборимой, страстной потребности поскорѣе освободиться изъ подъ гнета мыслей, занимавшихъ ея умъ и сердце.

— Если хочешь, то, пожалуй, я скажу,—отвѣчала Джульета.—Ты знаешь, что мой братъ ходитъ въ Салерно, въ школу.

Но это не та школа, въ которой учатъ грамотѣ, письму и счету: все это ему давно уже извѣстно; въ Салерно онъ будетъ изучать всякаго рода науки и церковный языкъ.

— Да, мнѣ это извѣстно, весь Капри кричитъ объ этомъ. Но что̀ меня удивляетъ,—хотя въ то же время и радуетъ,— это заботы, которыя вы прилагаете, чтобы напичкать бѣднаго Александра всякаго рода знаніями. Помнишь, когда онъ сломалъ себѣ руку и плохо залѣчилъ ее, всѣ думали, что надежды на хорошее положеніе, которое онъ со временемъ себѣ составитъ, разлетѣлись прахомъ; но я тогда же подумала: патеръ знаетъ лучше всѣхъ, когда говоритъ, что у молодца умная голова и что всякій сынъ рыбака самъ долженъ быть рыбакомъ. Но что все таки означаетъ твоя поѣздка въ Неаполь; вѣдь дорога въ Салерно ведетъ черезъ Сорренто?

— Я не въ Салерно и ѣду, хоть для меня и для моей матери было бы гораздо спокойнѣе, еслибы я тамъ пріискала что нибудь подходящее.

— Но чего же ты ищешь и что подразумѣваешь подъ словомъ „подходящее?“

— А ты все не можешь понять? Да вѣдь школа-то, въ которой учатся по-латыни, стоитъ громадныхъ денегъ; вотъ мать и разсудила, что она и одна можетъ управиться дома съ постояльцами, а я должна сама зарабатывать денежки, иначе будутъ недохватки. Мы обсудили со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ и побывали сначала въ Салерно, но тамъ не нашлось ни одного вакантнаго мѣстечка, а тѣ занятія, какія мнѣ предлагали, давали такую ничтожную плату, которой едва ли хватило бы даже на мое собственное содержаніе. Въ столицѣ тоже трудно найти что нибудь сносное. Но недавно нашъ комисіонеръ извѣстилъ насъ о томъ, что нашлось мѣсто, какъ разъ по мнѣ...

— Такъ ты, стало быть, идешь въ услуженіе?—спросила Марія.

— Да, въ гостинницу „Золотаго Креста“, въ улицѣ Страда-дель-Моло,—отвѣчала Джульета. — Я тамъ буду служить въ номерныхъ горничныхъ, и получу за это отъ хозяина гостинницы столько денегъ, сколько захочу; тамъ даются и авансы. Да, не весело мнѣ идти въ услуженіе, потому что я люблю свободу, также какъ и ты, но что дѣлать? Братъ

идетъ быстро впередъ, а хорошая сестра должна поддержать его, иначе человѣчество было бы слишкомъ жалко и подло!

— О, ты, святая душа!—вскричала Марія.—Правда, если братъ твой не можетъ владѣть рукой, то ваша прямая обязанность слѣдить за его шагами на скользкомъ жизненномъ пути.

— Конечно, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; къ тому же ты представить себѣ не можешь, какое это счастье жертвовать собой ради счастья того, кого любишь. Было время, я представить себя не могла въ роли горничной въ какой-то гостинницѣ, гдѣ я должна бѣжать на звонокъ всякаго шута. При одной мысли объ этомъ, я была способна прійти въ ужасъ; но подъ конецъ привыкла къ ней, рѣшивъ разъ навсегда, что такъ надо. Я говорю себѣ, что это такая же честная работа, какъ у себя дома. Не скрою отъ тебя, что мнѣ тяжело будетъ благодарить всякаго встрѣчнаго за грошъ, который онъ кинетъ мнѣ, какъ какой нибудь нищей, но утѣшеніемъ для меня будетъ мысль, что я все это терплю ради счастія брата. Но разъ ужь мы разговорились, позволь, Марія, узнать, зачѣмъ ты ѣдешь черезъ заливъ. Притомъ у тебя такой задумчивый и серьезный видъ, какъ будто дѣло идетъ о чемъ-то очень важномъ. Ты, вѣроятно, ѣдешь повидаться съ апулійцемъ, и этого — я понимаю — достаточно для того, чтобы у тебя духъ захватывало отъ волненья.

Между бровями Маріи рѣзко обозначилась знакомая складка, и она робко отвѣтила подругѣ:

— Мой женихъ въ послѣднемъ письмѣ написалъ мнѣ, что, вѣроятно, получитъ мѣсто во Фрозиноне. А такъ какъ до свадьбы нашей еще далеко и придѣтся ждать ее всю зиму, то онъ нашелъ необходимымъ повидаться со мной еще разъ передъ отѣздомъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, почему же онъ самъ не пріѣхалъ на Капри?

— Онъ недавно былъ тамъ, а теперь у него скопилось множество дѣлъ. Что же касается до Фрозиноне, то получить мѣсто тамъ не очень легко. Но вѣдь ты не будешь объ этомъ никому разсказывать? Не такъ ли, Джульета?

— Кому же мнѣ разсказывать? Въ „Золотомъ Крестѣ“ я

встрѣчу только постороннихъ. Да, кстати, скажи мнѣ, гдѣ ты остановишься?

— Въ гостинницѣ Леоно-Біанко, въ улицѣ Прети.

— Гдѣ это?

— На границѣ восточной части города. Вѣдь „Золотой Крестъ“ положитъ конецъ нашимъ свиданіямъ.

Пока онѣ разговаривали, столица подвигалась все ближе. Искіа и Прочида пропадали за мысомъ Паузилиппо. Прошло еще десять минутъ и якорь загремѣлъ о бортъ. Цыганка наскоро поклонилась Джульетѣ. Она увидала на берегу высокую фигуру апулійца, красивую и выразительную. Онъ былъ очень блѣденъ, но это дѣлало его лицо еще болѣе выразительнымъ. Сгорая отъ нетерпѣнія поскорѣе съ ней поздороваться и обезпокоенный перебранкой, затѣянной двумя оборванными шкиперами, которые должны были смотрѣть за порядкомъ въ гавани, онъ взошелъ на барку, врѣзавшуюся въ самый берегъ, и съ рыцарскою вѣжливостью помогъ своей невѣстѣ сойти на берегъ, поцѣловалъ у нея руку и почтительно повелъ ее къ наемному кабріолету. Оба они не позаботились о Джульетѣ, и та вспрыгнула послѣднею въ лодку, легкая и гибкая, какъ газель, а черезъ десять минутъ торговалась уже на берегу съ носильщикомъ, который долженъ былъ доставить ея багажъ въ гостинницу „Золотаго Креста“. Скоро экипажъ, въ которомъ ѣхали Сальваторъ съ Маріей, свернулъ въ сторону. Они проѣхали нѣсколько улицъ и переулковъ, затѣмъ пересѣкли громадную площадь, раскинувшуюся передъ посѣдѣвшимъ отъ времени дворцомъ, въ готическихъ воротахъ котораго стоялъ изящный экипажъ.

— Вотъ дворецъ его эминенціи, — шепнулъ Сальваторъ цыганкѣ.—Да, на такихъ мягкихъ подушкахъ сидѣть гораздо удобнѣе, чѣмъ на жосткой скамейкѣ нашего карриколо. Но со временемъ и мы увидимъ... до той же поры я желалъ бы доставить моей дорогой возлюбленной хоть какія нибудь удобства. Ужь и такъ грустно, что невѣста Сальватора Падованино должна останавливаться въ такомъ гнусномъ логовищѣ, какъ гостинница Леоно-Біанко, вмѣсто того чтобы поселиться въ какомъ нибудь великолѣпномъ отелѣ, въ Санта-Лучіи. Я похлопоталъ все таки о томъ, чтобы очаровательная цыганка не прошлась пѣшкомъ.

И, вздохнувъ съ облегченіемъ, онъ откинулся на спинку сидѣнья; какъ всѣ южане, онъ смотрѣлъ на ѣзду въ экипажѣ, какъ на одно изъ лукулловскихъ наслажденій. Въ Леоно-Біанко обстановка оказалась лучше, чѣмъ воображала Марія. Хозяйка гостинницы съ изумленіемъ взглянула на замѣчательно красивую парочку. Конечно, маленькая комнатка была довольно бѣдна; полъ состоялъ изъ каменныхъ плитъ, между которыми виднѣлись широкія расщелины, изъ которыхъ несся подвальный, гнилостный запахъ, но въ общемъ все, вопреки неаполитанскимъ обычаямъ бѣднаго класса, было довольно чисто и акуратно, а закуска, которую имъ подали въ хозяйскую комнату, была ничѣмъ не хуже той, къ которой Марія привыкла у себя на родинѣ. Завтракая, они вели разговоръ о разныхъ вопросахъ дня; Сальваторъ, которому предатель Накоста внушалъ постоянно самую строгую осторожность, далъ себѣ слово до тѣхъ поръ не начинать разговора съ Маріей о своемъ дѣлѣ, пока не поселитъ ее въ знакомой ему пустынной улицѣ. Здѣсь же, въ центрѣ Неаполя, гдѣ, казалось, стѣны имѣютъ уши, онъ чувствовалъ себя неспокойно и на все глядѣлъ подозрительно.

Паузилиппо уже окрасился розовато-золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, когда двое влюбленныхъ проходили черезъ Кіайю. Рука объ руку прошли они подъ темными сводами туннеля, и для Маріи показалось непріятнымъ это ощущеніе потемокъ. Щелканье кнута, громъ проѣзжающихъ каретъ, шаги пѣшеходовъ глухо отдавались подъ темными каменными сводами. Цыганка крѣпко прижималась къ Сальватору, который тоже съ трудомъ побѣждалъ въ себѣ какое-то странное ощущеніе. Имъ обоимъ становилось страшно, какъ въ могилѣ, въ этой мрачной обстановкѣ.

Далекія одна отъ другой лампочки слабо мерцали, но не освѣщали дороги.

Люди, которые по временамъ сновали то къ входу, то къ выходу, казались тѣнями усопшихъ. Когда Марія черезъ нѣсколько времени оглянулась, то замѣтила въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ былъ входъ и выходъ изъ туннеля, два бѣлѣвшихся пятна. Она ускорила шаги. — „А вдругъ узкій проходъ закроется и гора на насъ обвалится!“ — шептала Марія, объятая какимъ-то *страхомъ*. И когда она, говоря это, нѣжно приникала своей

прелестной головкой къ плечу возлюбленнаго, трудно было рѣшить, о чемъ она думала,—о скалахъ ли Паузилиппо, или о загадочномъ планѣ Сальватора, въ которомъ она стала невольной участницей. Ее проняла внутренняя дрожь отъ страха, который оставилъ ее только когда она увидала въ открывшееся отверстіе туннеля дома улицы. Равнина по ту сторону склона горы лежала уже въ тѣни первыхъ сумерекъ, когда они вошли въ улицу Баули. Налѣво и направо, въ маисовыхъ и пшеничныхъ поляхъ, и тамъ, гдѣ виноградныя лозы вились по деревьямъ, царствовала глубокая тишина. На всемъ огромномъ пространствѣ не видно было ни одного живаго существа. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они сѣли отдохнуть у подножія толстаго клена. Отъ него начиналась и тянулась на часъ ѣзды густая кленовая аллея. Тутъ они начали разговоръ, перерывая его споромъ и тяжелыми вздохами. Сальватору, которому передалось волненіе цыганки подъ туннелемъ, представилось его полное одиночество въ темницѣ, и онъ подумалъ, что къ плечу его уже не приникнетъ эта прелестная головка, а нѣжная ручка не коснется его руки. На мгновеніе рѣшимость его поколебалась, и въ первый разъ передъ глазами его появилась обратная сторона ярко расписанной картины, созданной его воображеніемъ. Марія тоже несовсѣмъ еще пришла въ себя. Перспектива предстоящей разлуки и борьбы, а къ тому же сомнѣніе въ успѣхѣ,—все разомъ пришло ей въ голову. Но она постаралась овладѣть приливомъ горестнаго чувства. Обвивъ руками шею своего возлюбленнаго, она умоляла не скрывать отъ нея ничего изъ плана, составленнаго имъ съ сыщикомъ. Сальваторъ разсказалъ ей обо всемъ довольно откровенно, умолчавъ, впрочемъ, объ имени соумышленника; онъ назвалъ его Карло Гризи. Сыщикъ съумѣлъ убѣдить легковѣрнаго апулійца въ необходимости этой скрытности, представляя на видъ Сальватору, что, еслибъ стали допрашивать его невѣсту, то, во всякомъ случаѣ, будетъ гораздо лучше, если имя Накосты,—которое при первомъ же допросѣ совершенно натурально можетъ сорваться съ ея губъ,—будетъ ей совсѣмъ неизвѣстно. Это значительно поможетъ ей разыграть роль невинной. Марія выслушала все это со стѣсненнымъ дыханіемъ. Согласіе синьора де-Фабриса явиться на требуемое свиданіе, для того

чтобы лично заявить о своей волѣ, положило конецъ послѣднимъ колебаніямъ Маріи. Для нея было несомнѣнно, что ея возлюбленный поступилъ не только умно, но честно и храбро, какъ настоящій католикъ. Его эминенція самъ, такъ сказать, благословилъ его на это дѣло, и благословеніе монсиньора обѣщало полный успѣхъ.

— Но есть еще обстоятельство, — смущенно прошепталъ Сальваторъ, окончивъ свой разсказъ. — Теперь я долженъ объяснить, почему главнымъ образомъ потребовалъ твоего пріѣзда сюда, кромѣ страстнаго желанія еще разъ пожать твою руку. Написать обо всемъ только что тебѣ разсказанномъ—было бы и неудобно, и опасно. Теперь слушай дальше и поклянись, что исполнишь мою просьбу. Когда ты узнаешь о моемъ нападеніи на синьора де-Фабриса, то должна сдѣлать видъ, что ты въ большомъ горѣ; потому что за болѣе искусное исполненіе роли мы будемъ вдвое вознаграждены; слѣдовательно, надо, чтобы съ нашей стороны приложено было всевозможное стараніе придать преступленію именно такой видъ, въ какомъ мы условились его представить. Партія либераловъ тоже должна оставаться въ заблужденіи. Только лѣтъ черезъ десять по прошествіи этой страшной катастрофы, соціалисты будутъ утверждать, что это преступленіе заказало само правительство. Но они съ самаго начала будутъ пытаться пустить въ ходъ подобное подозрѣніе. Вотъ почему, Марія, вся комедія, которую мы продѣлали, должна быть представлена какъ можно правдоподобнѣе. Какъ ни тяжело мнѣ примириться съ этой мыслью, она необходима. Дѣло вотъ въ чемъ: по полученіи извѣстія о моемъ преступленіи, ты должна, конечно, для виду, начать вездѣ разславлять о нашей связи...

При этихъ словахъ, она бросила на него взглядъ, полный ужаса.

— Какъ! чтобъ я...—не договорила она. Губы ея дрожали.

— Да, Марія! Но что же дѣлать? Повѣрь, мнѣ самому это противно. Ты только сообрази одно, что если тебѣ удастся возстановить всѣхъ противъ меня, то меня сначала начнутъ оправдывать, а затѣмъ вполнѣ одобрятъ мой поступокъ, и *вотъ это-то* самое одобреніе въ публикѣ должно дойти до

свѣдѣнія слѣдователя. Будетъ вполнѣ натурально, если ты отречешься отъ такого, какъ я, преступника!..

— Никогда!—вскричала Марія, вся въ огнѣ:—что бы ни случилось, я должна любить тебя до самой смерти.—И, говоря это, она снова бросилась ему на грудь.

— Эта-то самая любовь,—началъ онъ, — и должна научить тебя сдѣлать то, чего я требую. Какъ могутъ, Марія, безпокоить тебя людскіе толки? Если ты для виду и откажешься отъ меня, все таки сердца наши будутъ неразлучны. Ты будешь являться мнѣ въ моихъ грёзахъ. Мы навѣки принадлежимъ другъ другу. Но ты должна меня послушаться и этимъ, по крайней мѣрѣ, избавишься отъ допросовъ полиціи. Ты представить себѣ не можешь, какъ безцеремонно роются эти люди на самомъ днѣ души своей жертвы. Въ темницѣ я не буду покоенъ, если ты не поклянешься...

— О, да, во всемъ, въ чемъ тебѣ угодно!—вырвалось у нея съ рыданіями. Тогда онъ, согласно съ наущеніями Накосты, начерталъ передъ ней планъ дѣйствія.

Она обѣщала въ точности послѣдовать всѣмъ его указаніямъ, на все лаконически отвѣчая: „да“, и теперь больше чѣмъ когда нибудь находилась подъ вліяніемъ этого загадочнаго, энергичнаго человѣка. Но вотъ онъ поднялся и, протянувъ ей руку, сказалъ:—Ну, теперь пойдемъ, уже становится темно! Ты, вѣрно, устала.

— Развѣ я могу съ тобой устать?

— Ну, такъ пойдемъ вдоль морскаго берега. Я уже не хочу повторять путешествія подъ противнымъ туннелемъ. Теперь мнѣ слѣдуетъ дорожить каждой минутой, потому что уже на будущей недѣлѣ...

— О, не говори объ этомъ! — умоляла она.—Постарайся хоть на время позабыть о томъ, что Богъ тебѣ послалъ, вѣрно, за наказанье, и чего уже нельзя измѣнить. Помечтаемъ лучше о томъ блаженствѣ, которое ожидаетъ насъ по окончаніи всѣхъ испытаній, о томъ времени, когда сбудутся наши мечты. Куда ты увезешь тогда свою Марію? Въ Капри! Но какъ бы онъ ни былъ дорогъ лично для меня, для тебя онъ былъ бы темницей. Развѣ орелъ можетъ свить себѣ гнѣздо среди воробьевъ? Въ Неаполь? Но я чувствую, что онъ сдѣлается мнѣ *смертельно ненавистнымъ*, почему? не знаю, но это такъ.

Сальваторъ съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе и пустился въ область своей пылкой фантазіи, воздвигая грандіозные воздушные замки и рисуя картины одна другой ярче, одна другой заманчивѣе. Какой-то сказочный міръ развернулся передъ слушательницей; они оба поднялись по волшебной лѣстницѣ въ міръ утопій... Наконецъ, когда въ Кіайѣ зажглись огни, отразившіеся въ водной поверхности, они остановились. До нихъ донесся отдаленный шумъ громаднаго города, заставившій ихъ опуститься на землю, послѣ восторженнаго паренія въ облакахъ.

— Марія! – вскричалъ апуліецъ, — было бы хорошо сейчасъ же пуститься въ странствованіе. Но посмотри на эту громадную глыбу, которая какъ будто хочетъ оторваться и обрушиться на меня. Увы, завтра я долженъ съ тобою разстаться, а послѣ завтра...

— Ну, не глупи! — прервала она его, стараясь казаться хладнокровной.—Неужели мой Сальваторъ боится предстать предъ лицомъ кардинала, когда на этомъ построены всѣ наши надежды, мечты и золотые замки?

— Не за себя боюсь я, моя Марія! Твоя участь пугаетъ меня. Что же касается до моихъ золотыхъ замковъ, то я забылъ сказать еще одну вещь и удивляюсь, какъ это не пришло и тебѣ въ голову. Какимъ образомъ увижу я монсиньора въ его дворцѣ, когда онъ окруженъ множествомъ камергеровъ и стражей, которые легко могутъ меня запримѣтить? Но Карло Гризи это лучше разсудилъ. Его эминенція назначилъ мнѣ свиданіе на нейтральной почвѣ, а именно въ Санта-Лучіи, въ „Золотомъ крестѣ“.

— Въ „Золотомъ крестѣ“? — повторила Марія и вдругъ замолчала. Казалось, какая-то новая мысль овладѣла ею.

— Что съ тобою?—спросилъ удивленный апуліецъ.

— Ничего, мнѣ только пришло въ голову: правда ли, что тебя нельзя принять во дворцѣ. Впрочемъ ты не можешь ошибиться. А теперь больше ни слова объ этомъ, еще разъ прошу тебя, мой дорогой.

Съ этими словами, они стали быстро спускаться подъ гору. Около виллы Реале играла военная музыка. Пестрая оживленная толпа сновала подъ лавровыми деревьями и дубами. *Около одиннадцати* часовъ Сальваторъ привелъ молодую дѣ-

вушку къ парапету морскаго берега. Они почувствовали, что устали, и, нанявъ телѣгу, доѣхали до „Леоно-Біанко“, какъ разъ въ то время, когда привратникъ запиралъ уже ворота. Еще одинъ послѣдній поцѣлуй—и Марія поднялась на лѣстницу, а Сальваторъ между тѣмъ сѣлъ передъ дверьми ближайшей кофейни и снова предался потоку своихъ мыслей.

Слѣдующій день былъ волшебнымъ днемъ для обоихъ влюбленныхъ. Они пировали на верандѣ одного великолѣпнаго ресторана; послѣдняя копѣйка шла ребромъ. Скоро настанетъ время всевозможныхъ лишеній. И они болтали безъ умолку, спѣша вдоволь наговориться. Они ворковали о первомъ времени ихъ любви, объ обманчивости надежды, и вѣчности клятвъ и воспоминаній. Сальваторъ, бывшій вчера въ дурномъ настроеніи, сегодня развеселился, какъ дитя, радуясь всякому солнечному лучу, весь поглощенный очарованіемъ настоящей минуты. Но съ отъѣздомъ Маріи очаровательное пиршество должно было окончиться. Около пяти часовъ пакетботъ отправлялся въ Капри. Цыганочка однако попробовала убѣдить жениха въ томъ, что ей лучше поѣхать черезъ Сорренто, гдѣ она переночуетъ у своего родственника, а на другое утро отправится въ Капри. Для Сальватора было большой новостью, что у Маріи въ Сорренто есть какой-то родственникъ, о которомъ онъ раньше не слыхалъ. Но, не имѣя повода сомнѣваться въ истинѣ ея показаній, онъ даже обрадовался этому, какъ поводу насладиться часомъ дольше ея присутствіемъ, потому что дилижансъ отправлялся въ Сорренто въ шесть часовъ. Онъ хотѣлъ пойти на почтовый дворъ, купить билетъ для своей невѣсты, но та горячо этому воспротивилась и вмѣсто того попросила купить ей немного фруктовъ у торговца, стоявшаго на противоположной сторонѣ улицы. Пока Сальваторъ ходилъ за фруктами, она успѣла сбѣгать за билетомъ и поспѣшно спрятала его въ карманъ. Но на немъ, вмѣсто „Неаполь-Сорренто“, значилось „Неаполь-Резина“: это была ближайшая станція отъ столицы.

Марія сѣла въ почтовую карету и лошади помчались. Когда апуліецъ навѣдался около девяти часовъ вечера въ улицу, гдѣ его ожидалъ уже Накоста для послѣдняго совѣщанія, онъ никакъ не подозрѣвалъ, что его невѣста, не желая обращать на себя вниманія пассажировъ, проѣхалась до

Резины, но затѣмъ вернулась съ обратнымъ дилижансомъ въ Неаполь.

VI.

Цыганка немедленно отправилась въ Леоно-Біанко, чѣмъ немало удивила хозяйку трактирчика, но поспѣшила разсѣять ея подозрѣніе, разсказавъ ей какую-то сказку. Впрочемъ тучной, заспанной дамѣ не было въ сущности никакого дѣла до Маріи и причинъ, заставившихъ ее вернуться. Дѣвушка сама не могла объяснить себѣ, почему сердце ея тѣснило недоброе предчувствіе. Было ли это вслѣдствіе недовѣрія къ таинственной личности сыщика Карло Гризи, или въ ней закрадывалось сомнѣніе въ искренности и честности самого кардинала? Можетъ быть, не смотря на темную завѣсу, сквозь которую она смотрѣла на случившееся, въ ея мозгу невольно получила значеніе какая нибудь неожиданность, мелькнулъ одинъ какой нибудь свѣтлый лучъ, и она силилась разъяснить недоразумѣнія? А, можетъ быть, причиной ея поступка было неудержимое любопытство.

На другой день, только что стало разсвѣтать, какъ цыганка уже пустилась въ путь по дорогѣ къ „Золотому кресту“. Въ это время всѣ еще спали, за исключеніемъ прислуги. Слѣдовательно, можно было надѣяться спокойно переговорить съ Джульетой. Въ воротахъ Марія натолкнулась на рабочаго, подметавшаго базальтовую площадку. Она спросила Джульету Барилли, которая поступила сюда недавно въ служанки.

— Она служитъ въ третьемъ этажѣ. А что, развѣ къ ней есть какое нибудь порученіе?

— Если можно, я хотѣла бы сама съ ней поговорить. Не позовете ли вы ее, а то, можетъ быть, мнѣ можно войти туда самой?

— Какъ вамъ угодно. Вы найдете ее въ бѣльевомъ отдѣленіи, въ концѣ длиннаго коридора; тамъ она сортируетъ бѣлье и чинитъ его. Вы сдѣлаете лучше, если поторопитесь взойти на верхъ, а то экономка теперь только что позавтракала и каждую минуту можетъ сюда нагрянуть, а эта синьорина строга и зла, какъ самъ сатана!

Марія поблагодарила его и легкими шагами побѣжала по лѣстницѣ въ третій этажъ, стараясь пройти незамѣченной. Дверь въ бѣльевое отдѣленіе была отворена нàстежъ, и полоса розоватаго утренняго разсвѣта протянулась по полу темнаго коридора. Марія нерѣшительно подходила къ двери. Она была въ замѣшательствѣ, не зная, какъ объяснить свой визитъ къ Джульетѣ, не возбудивъ въ ней подозрѣнія.

— Это ты, цыганочка!—вскричала Джульета.—Вотъ чудесное появленіе! Третьяго дня, когда ты такъ гордо и холодно прошла мимо меня, я подумала, что ты не захочешь больше и знаться съ ничтожной камеристкой, изъ-за своего апулійца. Жаль, что я съ головой зарылась въ работу. У меня время занято, какъ нарочно, утромъ. Ну, да я все таки урву четверть часа и наверстаю его уже послѣ!

— Я пришла къ тебѣ,—сказала Марія, — по дѣлу очень спѣшному и важному. Но намъ никто здѣсь не помѣшаетъ?

— Можешь быть спокойна. Здѣсь налѣво хранится истасканная, наполовину изломанная мебель и всякій хламъ; направо же пустая комната, мимоходомъ сказать, единственная свободная въ цѣломъ домѣ. Страшно сказать, сколько здѣсь въ Неаполѣ иностранцевъ въ настоящее время.

Лицо Маріи вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Въ первый разъ въ жизни приходилось ей играть такую серьезную роль, и ей было противно лгать передъ простымъ созданіемъ, какъ Джульета, которая, едва только Марія заговорила, стала глядѣть ей прямо въ глаза съ откровеннымъ, довѣрчивымъ участіемъ. Но разъ она рѣшилась, то должна довести дѣло до конца и какъ можно натуральнѣе.

— Ахъ, Джульета, еслибъ ты только знала, какъ страдаетъ твоя бѣдная цыганка!

Добрая Джульета положила ей руку на плечо.

— Ты?—вскричала она съ удивленіемъ.—Невѣста Сальватора? Да, у тебя очень озабоченный и странный видъ, и щоки горятъ какимъ-то лихорадочнымъ румянцемъ.

— Но ты сохранишь въ секретѣ то, что̀ я тебѣ скажу?

— Разумѣется!

— Слышишь ли, никогда и никому объ этомъ ни слова!— Марія тяжело перевела духъ, затѣмъ чуть слышно проговорила:—Я боюсь, что Сальваторъ мнѣ измѣняетъ.

— Быть не можетъ!

— У меня есть прямыя доказательства. Когда онъ недавно пріѣзжалъ въ Капри, я увидала, что онъ держитъ себя со мной не по прежнему.

— Да, правда, это мнѣ самой какъ-то пришло въ голову,— проговорила Джульета, — когда я его видѣла въ послѣдній разъ. Онъ стоялъ такой сдержанный и строгій на берегу.

— А это ужь его начинала мучить совѣсть, что онъ любитъ другую, или...

— Ну, перестань же, Марія, будь благоразумна. Многое кажется съ виду обманчивымъ, а если даже и правда, что твой женихъ нравится всѣмъ дѣвушкамъ, гдѣ бы онъ ни появился, то, конечно, это льститъ его самолюбію и забавляетъ, но это еще не значитъ, чтобы онъ самъ въ нихъ влюблялся. Это немыслимо. Ты красивѣе всѣхъ, и какой же дуракъ броситъ на полъ золотую монету, для того чтобы нагнуться за какимъ нибудь мѣдякомъ. Разскажи мнѣ подробно, что́ случилось, и въ концѣ концовъ, вѣроятно, окажется, что это была смѣшная ревность съ твоей стороны.

На это Марія упрямо покачала головой. Необходимость плести дальше свою сказку наполнила сердце Маріи раскаяніемъ: зачѣмъ она осмѣлилась клеветать на своего жениха, заподозривъ его въ невѣрности.

— Да ужь я знаю, что́ знаю! — вскричала она, сердито нахмуривъ брови.—Сальваторъ ухаживаетъ за дочерью одного богатаго неаполитанца. А что́ ты скажешь насчетъ письма, которое я нашла? Я бѣдна, Джульета, а нынѣшніе мужчины только и знаютъ, что гоняться за золотомъ. Лучшіе изъ нихъ заставляютъ молчать свое сердце, если то потребуется для выгоды. Очень можетъ быть, что онъ меня любитъ, но въ жены онъ возьметъ себѣ другую.—И она съ увѣренностью начала ораторствовать о томъ, что́ намѣрена предпринять. Ей извѣстно, что сегодня у ея жениха назначено свиданіе съ родственникомъ этой дѣвушки въ гостинницѣ „Золотаго креста“, и Марія теперь навѣрно хочетъ узнать, кто эта ужасная неаполитанка и какъ далеко зашло дѣло.

— Можетъ быть, удастся подслушать что нибудь изъ ихъ *разговора*, — заключила она, — но это зависитъ отъ тебя, *Джульета*. Скажи, могу ли я разсчитывать на твою помощь?

Камеристка вспыхнула; въ сердечныхъ дѣлахъ женщины часто бываютъ солидарны. Негодованіе противъ измѣнника-апулійца спутало всѣ ея мысли.

— Я согласна,—отрывисто отвѣчала она.—Сегодня намъ дали знать, что послѣ обѣда пріѣдетъ одинъ господинъ, кажется, какой-то калабріецъ, и, если не ошибаюсь, это онъ и есть. Тому, кто заказалъ для него комнату, по виду можно дать не больше тридцати; онъ сказалъ, что синьоръ пробудетъ въ Неаполѣ до завтра.

— Вотъ какъ! А каковъ онъ изъ себя? Длинный и худощавый?

— Да, длинный и такой худой, что я такихъ и не видывала! Онъ одѣтъ во все черное, и на немъ серебряная цѣпочка.

По этому описанію, цыганкѣ нетрудно было узнать хищника, котораго Сальваторъ много разъ ей описывалъ. Кровь бросилась ей въ лицо. Казалось, она сдѣлала тяжелое открытіе, но потомъ сказала себѣ, что синьоръ изъ Калабріи долженъ быть никто иной, какъ его эминенція кардиналъ, и притомъ эта маскировка совершенно понятна. Вѣдь нельзя же было пріѣхать монсиньору въ собственной каретѣ: это было слишкомъ офиціально, а онъ долженъ явиться инкогнито, иначе въ трактирѣ пріѣздъ его произвелъ бы еще бо́льшее волненіе, чѣмъ—среди его приближенныхъ—появленіе апулійца въ его дворцѣ. Марія взвѣшивала всѣ эти обстоятельства и поняла, почему полицейскій агентъ сказалъ: синьоръ изъ Калабріи переночуетъ въ гостинницѣ. Предстоящее свиданіе могло ознаменоваться какимъ нибудь неожиданнымъ приключеніемъ, вслѣдствіе котораго и понадобилось такое условіе. Въ сильномъ возбужденіи она бормотала что-то безсвязное, полное противорѣчія. „Поразительно худощавый человѣкъ, конечно, никто иной, какъ одинъ изъ городскихъ агентовъ. Сальваторъ самъ это допустилъ, конечно, ничего не подозрѣвая, но одинъ такой христопродавецъ недавно былъ у него, и изо всего этого слѣдуетъ, что“...

Но тутъ она сама себя перебила и испуганно смотрѣла на задумчивое личико Джульеты; та была слишкомъ занята главнымъ предметомъ разговора, такъ что не обращала вниманія на мелочныя подробности разсказа.

— Марія,—сказала она,—знаешь ли, вѣдь мы одержимъ побѣду. Слушай хорошенько. Сегодня вечеромъ освободится комната налѣво, но она уже заказана для кого-то изъ Рима. Слѣдовательно, когда пріѣдетъ синьоръ изъ Калабріи и закажетъ комнату, то въ домѣ всѣ комнаты будутъ заняты, кромѣ той, которая здѣсь рядомъ. Бѣльевое отдѣленіе весь день заперто и я спокойно могу тебя здѣсь оставить; стòитъ только тебѣ приложить ухо къ замочной скважинѣ, и ты услышишь бóльшую часть разговора. Однако постой, вотъ чего я еще не замѣтила!

Она указала на узкое окошечко въ стѣнѣ, направо отъ двери, возлѣ огромнаго шкафа. Не говоря ни слова, Марія придвинула столъ, влѣзла на него и нагнулась къ разукрашенному карнизу шкафа.

— Отсюда видно полъ-комнаты, но вѣдь и оттуда могутъ увидать.

— Ну, этому легко помочь,—сказала Джульета. Попробуй подвѣсить вотъ эту штуку.

Она выбрала изъ кучи бѣлья, раскиданнаго по столамъ, кухонныя ситцевыя занавѣси и достала изъ кармана булавки.

Марія невѣрной рукой прикрѣпляла занавѣску къ деревянной рамѣ окошка и устроила все, какъ слѣдуетъ.

— Такъ хорошо! Вотъ съ этой стороны вверху осталась щель, достаточная для глаза. Это съ твоей стороны ловкая выдумка, Джульета! Я всю жизнь буду за это благодарна. Еще разъ попрошу тебя только сохранить все, что̀ я тебѣ сказала, въ строгомъ секретѣ.

— Натурально; да это даже въ моихъ интересахъ. Если объ этомъ узнаютъ, я сегодня же должна буду собрать свои пожитки въ узелокъ...

Джульета еще нѣсколько времени продолжала свои занятія въ комнатѣ, а Марія, сложивъ руки, сидѣла на табуретѣ и задумчиво смотрѣла на работавшую подругу. Наконецъ, камеристка сказала:—Прощай, будь здорова. Можетъ быть, дообѣденное время продлится очень долго, пока синьоръ придетъ сюда. Смотри же, не скучай. Если я буду на площадкѣ, когда онъ пойдетъ, я сдѣлаю тебѣ незамѣтный знакъ.

— Нѣтъ,—перебила Марія,—я ужь сама буду слѣдить за этимъ. Оставайся подольше въ другихъ номерахъ. Мнѣ бы не хо-

ілось, чтобы Сальваторъ тебя встрѣтилъ. Онъ видѣлъ тебя
ва, три раза и сейчасъ узнаетъ: у него удивительная па-
ять на лица. Тогда онъ съ тобой заговоритъ и, пожалуй,
ыпытаетъ отъ тебя всю тайну...

— Ну, вотъ еще, что̀ выдумала! Но хорошо, пусть бу-
етъ по твоему, а пока до свиданія.

Она заперла дверь на ключъ и спрятала его къ себѣ, а
атѣмъ пошла убирать номера. Вскорѣ послѣ десяти часовъ,
ривратникъ сказалъ Джульетѣ, чтобы она приготовила ше-
гидесятый номеръ для двухъ дамъ. Со своей обычной лег-
остью и быстротой сбѣга̀ла она по широкимъ каменнымъ
ступенямъ внизъ, какъ вдругъ наткнулась въ нижнемъ этажѣ
а коренастаго, гладко выбритаго, закутаннаго до бровей
иньора, котораго лакей хотѣлъ проводить на верхъ.

— Corpo di Dio!—сказалъ незнакомецъ съ проклятьемъ,
акъ какъ Джульета, желая уступить ему дорогу, неловко
овернулась и попала ему локтемъ прямо въ животъ.

— Тысячу разъ прошу прощенія у синьора,—пролепетала
жульета, вся покраснѣвъ отъ замѣшательства.

Но прибывшій разразился такимъ ругательствомъ, что
жульета, хоть и привыкла къ крѣпкимъ словцамъ матросовъ
рыбаковъ, — оцѣпенѣла отъ удивленія. Однако синьоръ
похватился, что зашелъ слишкомъ далеко, и, чувствуя не-
бходимость какъ нибудь загладить свою горячность, сказалъ:
Не сердитесь, что я, подъ первымъ впечатлѣніемъ боли, по-
волилъ себѣ рѣзко обойтись съ вами, хотя обыкновенно я
резираю всякія грубыя, рѣзкія выходки. Не въ обиду будь
казано, у васъ локоть дьявольски острый, и притомъ вы ле-
ите по ступенямъ лѣстницы, точно камень, пущенный изъ
ращи.

Джульета, повидимому, обрадовалась такой перемѣнѣ об-
ащенія, потому что строгій взглядъ, брошенный на нее ла-
еемъ, не обѣщалъ ничего хорошаго. Она пристально взгля-
нула въ лицо незнакомца, словно желая убѣдиться, что на
немъ дѣйствительно не осталось слѣдовъ гнѣва. Расплывшіяся
ерты его краснаго лица дышали неожиданнымъ добродуші-
емъ; въ особенности дружелюбно блестѣли его сѣрые сверкаю-
щіе глазки. Въ этомъ лицѣ, при первомъ же на него взглядѣ,
росалось въ глаза выраженіе лукавства. Камеристка еще

разъ извинилась за свою неловкость, говоря, что это ей самой очень непріятно, и затѣмъ, совершенно успокоенная, проскользнула въ шестой этажъ, въ шестидесятый номеръ.

— Э, да это тотъ самый,—сказала она, — мерзкій гость хочетъ сдѣлать цыганку несчастной! Очень рада, что такъ больно его толкнула. Пусть послужитъ ему это пророчествомъ.

Марія была уже на своемъ посту. Съ лихорадочнымъ любопытствомъ приникла она къ занавѣскѣ. Марзусси, „синьоръ изъ Калабріи," осторожно перешелъ черезъ порогъ въ комнату; коридорный слѣдовалъ за нимъ.

— Скажи-ка, мой другъ,—обратился Марзусси къ лакею,— что въ этой комнатѣ можно быть совершенно спокойнымъ? Мой родственникъ достаточно растолковалъ хозяину, что ему придется здѣсь говорить о важныхъ семейныхъ дѣлахъ, которыя, конечно, должны составлять тайну для постороннихъ.

При этихъ словахъ, онъ указалъ на боковую дверь, которая вела въ бѣльевое отдѣленіе.

— О!—возразилъ лакей, что̀ касается до этого, синьоръ можетъ быть совершенно спокоенъ. Комната рядомъ необитаема и на весь день запирается на ключъ; рано утромъ сюда входитъ только за бѣльемъ коридорная дѣвушка. И по лѣвой-то сторонѣ стѣна совсѣмъ глухая, а синьора, которая тамъ остановилась, уже съ часъ, какъ ушла и вернется домой поздо вечеромъ.

— Хорошо, остановилъ его Марзусси.—Стало быть, здѣсь можно удобно расположиться. Итакъ, теперь идите. Когда, что нибудь понадобится, я позвоню.

Лакей удалился. Марзусси бросился на софу, поставленную какъ разъ у боковой двери, усѣлся и спокойно сталъ ожидать свою жертву. Марія прижалась лицомъ къ оконной рамѣ, но сначала не могла разглядѣть мнимаго кардинала, который выдавалъ себя за „синьора изъ Калабріи"; время отъ времени Марзусси шумно и глубоко вздыхалъ, какъ человѣкъ, которому предстоитъ тяжелая обязанность. Наконецъ, Марія могла разглядѣть его со всѣхъ сторонъ, такъ какъ „монсиньоръ" держалъ себя съ непринужденностью героя, не подозрѣвающаго, что за нимъ наблюдаютъ.

Черезъ пять минутъ, постучались въ дверь. Марзусси всталъ. Губы Маріи задрожали отъ волненія, когда она уви-

дала на немъ блестящее облаченіе, приличное только самому высокому церковному сану, который, по ея мнѣнію, совмѣщалъ въ себѣ всѣ знаки земнаго величія, отъ котораго зависѣло все и вся. Съ сильно бьющимся сердцемъ она перекрестилась... Марзусси отворилъ дверь. Эммануэль Накоста и Сальваторъ медленно переступили порогъ. Комната, въ которую проникалъ свѣтъ черезъ шторы балконной двери, была достаточно темна, для того чтобы придать больше вѣроятія гнусному маскараду. При свѣчахъ, мнимому кардиналу было бы гораздо труднѣе вести свою игру. Можно сказать, что оба, какъ Марзусси, такъ и Накоста, играли свои роли съ тѣмъ искусствомъ, которое такъ свойственно неаполитанцамъ, при ихъ живомъ темпераментѣ. Низко наклонивъ голову почти къ самому полу, для выраженія вящаго благоговѣнія, полицейскій агентъ почти колѣнопреклонился передъ своимъ сообщникомъ, точно увидалъ „его преподобіе“ въ самомъ алтарѣ. Марзусси, въ свою очередь, отлично копировалъ добродушное снисхожденіе, благодатное милосердіе епископа, правда, немножко неотесанно, но, въ общемъ, до того правдоподобно, что бѣдный апуліецъ едва могъ опомниться отъ волненія, и весь дрожалъ отъ священнаго трепета, что, впрочемъ, Накоста и предсказывалъ. Марія тоже съ каждой секундой исполнялась все бо́льшимъ благоговѣніемъ. Сыщикъ также искусно управлялъ своимъ лицомъ и мимикой, какъ ловкій скоморохъ, который заставляетъ извиваться складки и полы своего разукрашеннаго костюма. Всѣ движенья его, проникнутыя какой-то святостью и полныя благородства, властный взглядъ, которымъ онъ окидывалъ Сальватора,— все это ошеломило молоденькую дѣвушку. И теперь онъ очень кстати пересѣлъ въ старинное кресло, такъ что при взглядѣ на него Марія невольно видѣла въ немъ намѣстника, занявшаго апостольское мѣсто.

— Сынъ мой,—началъ Марзусси, торжественно глухимъ тономъ,—мы рѣшились начать великое дѣло, и я своимъ глубоко признательнымъ сердцемъ чувствую ту степень самопожертвованія, которая наполняетъ твою преданную душу. Я гляжу на тебя, какъ отецъ на своего любимаго сына, который мнѣ дорогъ и милъ, и только поэтому согласился я на *просьбу нашего общаго* друга доставить тебѣ свиданіе, кото-

рое, сказать по правдѣ, не особенно необходимо. Ѳома невѣрный! не думаешь ли ты, что сомнѣніе возвышаетъ заслугу твоего предпріятія? Истинно говорю тебѣ: только тотъ наслѣдуетъ вѣнецъ жизни, кто хотя и не видитъ, но вѣруетъ.

Эта пышная рѣчь была произнесена такъ натурально, что Сальваторъ началъ стыдиться, что оказалъ недовѣріе такому лицу, потребовавъ у него свиданія. Въ своей экзальтаціи онъ забылъ, что недовѣріе было ему внушено Маріей. Поддѣльный монсиньоръ началъ повѣствовать, по обычаю ханжей и лицемѣровъ, о нравственномъ долгѣ лицъ, которыя стоятъ за общественную пользу. Ловкій комедіантъ выказывалъ такую убѣдительную казуистику, притворялся такимъ свѣдущимъ въ дѣлѣ христіанскаго ученія и такъ хитро развивалъ свою теорію, что даже люди бо́льшаго образованія были бы введены въ заблужденіе. На робкіе вопросы Эммануэля Накосты, Марзусси съ той же, отчасти благочестивой, отчасти дипломатической важностью сталъ развивать передъ нимъ свой планъ, обсуждая его со всѣхъ сторонъ, разсматривая въ малѣйшихъ подробностяхъ. Говоря о томъ, что́ будетъ позже, когда его планъ произведетъ извѣстное дѣйствіе на политическое положеніе города и всей страны, онъ употреблялъ именно тѣ выраженія и слова, которыя въ свое время цитировалъ Накоста. Онъ только не могъ назначить день и часъ исполненія задуманнаго покушенія, хотя апуліецъ, главнымъ образомъ, ожидалъ услышать отъ самого кардинала желаніе: въ какомъ именно мѣстѣ и когда должно произойти на него нападеніе. Не будь Сальваторъ въ томъ неестественномъ возбужденіи, въ которомъ онъ все время находился, этотъ пробѣлъ въ хитросплетеніи Марзусси, вѣроятно, поразилъ бы его. Но теперь ему не приходило въ голову ни малѣйшаго сомнѣнія, также какъ и Маріи, благоговѣйный восторгъ которой возрасталъ съ каждой минутой.

— О, что за рѣдкій человѣкъ этотъ монсиньоръ де-Фабрисъ! Какъ онъ святъ и великъ! И притомъ какое нѣжное, дружеское выраженіе въ лицѣ, какая симпатичная манера разговора, точно онъ хочетъ пролить бодрость и утѣшеніе въ робкое сердце всякаго смертнаго, который къ нему приближается.—Съ какимъ бы удовольствіемъ спрыгнула она со своего *мѣста за занавѣской* и побѣжала къ его эминенціи, для того

чтобы съ выраженіемъ полной преданности прильнуть къ его рукѣ, усыпанной кольцами! Какъ охотно призналась бы она въ своемъ подслушиваніи и заявила бы, что и она замѣшана въ великомъ патріотическомъ дѣлѣ, что она одобряетъ поступокъ своего возлюбленнаго и считаетъ его счастливымъ, такъ какъ онъ удостоится перенести различныя непріятности и безпокойства лишь для того, чтобы оказать услугу его преосвященству.

Марзусси заговорилъ о суммѣ вознагражденія, какое онъ намѣренъ дать освободителю отечества. Огромная цифра, прямо и твердо обѣщанная, произвела на апулійца ошеломляющее дѣйствіе. Она уничтожала всѣ сомнѣнія, борьбу и испытанія, которыя раньше такъ пугали его. Небольшая была жертва пострадать недолго за дѣло, которое обѣщало такую громадную прибыль. Онъ поклялся всѣмъ, что̀ ему было дорого, вести твердо и послѣдовательно роль, которую далъ ему монсиньоръ, и такимъ образомъ заслужить хоть на половину ту награду, которая почти даромъ назначалась ему.

Совѣщаніе продолжалось почти двадцать минутъ. Наконецъ, апуліецъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Накостой. Марзусси съ насмѣшливой улыбкой поглядѣлъ имъ вслѣдъ, что̀ ускользнуло отъ вниманія Маріи, которая въ эту минуту глядѣла только на благородную фигуру удалявшагося возлюбленнаго. Когда дверь затворилась, лже-кардиналъ поднялся съ своего мѣста, прошелся по комнатѣ, радостно потирая руки, и затѣмъ остановился у окна. Осторожно, чтобы не произвести ни малѣйшаго шороха, Марія сползла съ своего возвышенія и сѣла на скамейку. Она закрыла глаза. Свѣтлая картина будущаго прошла передъ ней. Съ блаженной улыбкой откинула она голову и прислонилась къ шкафу, а затѣмъ заснула. Прошло нѣсколько времени; въ замочной скважинѣ повернули ключъ. Это Джульета пришла освободить подругу изъ ея добровольнаго заключенія. Марія, еще невполнѣ очнувшаяся, испуганно вскочила.

— Святая Мадонна!—вскричала она,—какъ ты меня испугала; я вся дрожу. Онъ ушелъ... тотъ... синьоръ изъ Калабріи?

— Нѣтъ еще,—шопотомъ отвѣчала Джульета,—но онъ сидитъ теперь на дворѣ, передъ кануркой привратника, а вмѣстѣ

съ нимъ и тотъ человѣкъ, который приходилъ сюда. Они, кажется, поджидаютъ кабріолета. Изъ Флоренціи прибыли письма, потребовавшія его немедленнаго отъѣзда. — Цыганка тихонько кивнула головой.

— Скажи, Джульета,—начала она,—ты не знаешь этого господина изъ Калабріи?

— Нѣтъ,—отвѣтила Джульета.—Онъ былъ здѣсь такъ недолго, и нашъ хозяинъ, вѣроятно, успѣлъ уже забыть о немъ.

Марія съ облегченіемъ вздохнула. Во снѣ она видѣла своего Сальватора, закованнаго въ цѣпи, въ залѣ суда, а хозяинъ „Золотаго креста“ вошелъ и громко произнесъ, что онъ узналъ монсиньора де-Фабриса еще въ тотъ разъ, когда онъ, закутанный въ мантію, выдавалъ себя за калабрійскаго купца. Онъ подслушалъ разговоръ его эминенціи съ Сальваторомъ; они составили заговоръ, клонившійся къ тому, чтобы пошатнуть благосостояніе цѣлаго государства. И судья произнесъ безжалостный приговоръ не только надъ Сальваторомъ, но и надъ всемогущимъ кардиналомъ.

— Ты не встрѣтилась съ анулійцемъ? — спросила Марія, немного погодя.

— Нѣтъ,—отвѣчала Джульета,—вѣдь ты мнѣ это строго запретила... Впрочемъ, сказать по правдѣ, онъ мнѣ когда-то очень нравился, и въ прежнее время я нарочно постаралась бы встрѣтиться съ нимъ. Такихъ мужчинъ, какъ Сальваторъ, не скоро сыщешь. Но теперь тебѣ нечего ревновать,—прибавила она, захохотавъ.—Мое сердце тутъ не причемъ, я люблю его только глазами. Ну что, удалось тебѣ ловко подслушать? Правда ли, что ты говорила, или все оказалось миѳомъ?

Марія сообразила, что продолжать выдумку было бы безполезно, и сказала, что ея догадки оказались ошибочными. Сальваторъ былъ ей по прежнему вѣренъ и благороденъ; тутъ дѣло шло не о сватовствѣ. Они вели разговоръ совершенно о другомъ: ея жениху предлагали блестящее мѣсто, о чемъ она впрочемъ и раньше догадывалась.

— Вотъ видишь?—торжествовала Джульета. — Вѣрна пословица, что ревность дважды слѣпа. Я такъ и знала. Да развѣ можно бросить такую женщину, какъ ты, для того чтобы жениться на золотомъ мѣшкѣ?

Такимъ образомъ проболтали онѣ минутъ пять, хотя Ма-

рія сознавала, что чѣмъ скорѣе покинетъ она этотъ домъ, тѣмъ для нея будетъ лучше.

— Ты сойдешь спокойно съ лѣстницы внизъ, — сказала Джульета,—когда онѣ вышли въ коридоръ.—Никто объ этомъ не узнаетъ, да и наконецъ, что за бѣда, еслибъ даже узнали, что ты приходила навѣстить подругу дѣтства?

— Я желала бы лучше, чтобы этого не знали; обѣщай мнѣ еще разъ, что ты будешь нѣма, какъ могила.

— Клянусь тебѣ, Марія! Ну, прощай, счастливаго пути! Кланяйся отъ меня милому Капри. Ахъ, еслибъ ты знала, какъ я иногда тоскую по немъ! Но это ничего.

Дѣвушки поцѣловались. Марія медленно спускалась съ лѣстницы. Такъ какъ у нея не было больше денегъ, то она пошла въ лавку ювелира, жившаго неподалеку, чтобы продать ему свою золотую шпильку изъ волосъ. Затѣмъ она отправилась пѣшкомъ въ Резину и тутъ ей представился удобный случай поѣхать въ Сорренто. Услужливый шкиперъ причалилъ скоро къ острову.

VII.

Три дня спустя, недалеко отъ театра Санъ-Карло произошло достопамятное событіе, взволновавшее Неаполь на нѣсколько недѣль.

Его эминенція, кардиналъ де-Фабрисъ, сопровождаемый своимъ домашнимъ секретаремъ, выѣхалъ изъ дому въ знакомой всѣмъ каретѣ, запряженной четверней, чтобы отдать визитъ послу дружественной державы. Какъ и всегда, когда показывался экипажъ кардинала, на всемъ пути, по которому онъ проѣзжалъ, происходила страшная давка. Чернь, обожавшая монсиньора, сбѣгалась со всѣхъ сторонъ и привѣтствовала его, наполняя воздухъ бурными возгласами, на что его эминенція ласково отвѣчалъ дружескимъ мановеніемъ правой руки, не откидываясь съ мягкихъ подушекъ экипажа. Недалеко отъ театра Карло, толпа такъ выросла, что двое форейторовъ и четыре драгуна, ѣхавшіе съ правой и лѣвой стороны экипажа, едва были въ состояніи расчищать дорогу. Медленно, шагъ за шагомъ подвигался поѣздъ по одной изъ

узкихъ улицъ, которыя тянутся до Піаццо. Вдругъ, на углу переполненной народомъ площади, послышался выстрѣлъ. Прежде чѣмъ толпа сообразила, въ чемъ дѣло, показалась тощая фигура полицейскаго сыщика Накосты, рядомъ съ какимъ-то высокимъ, блѣднымъ, но поразительно красивымъ молодымъ человѣкомъ, который отчаянно съ нимъ боролся. Сальваторъ Падованино (это былъ онъ) еще держалъ въ крѣпко зажатомъ кулакѣ дымящійся пистолетъ и, повидимому, употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ державшаго его сыщика, направляя второй выстрѣлъ прямо ему въ грудь.

— На помощь!—закричалъ отчаянно Накоста,—кардинала хотятъ убить.—Грянулъ второй выстрѣлъ, который, по счастію, никого не задѣлъ.

— Спасайте кардинала! — завопила испуганная толпа. Сальватора схватили и повалили на землю. Лаззарони уже появились и, по своей страсти къ звѣрству, бросились на Сальватора, но были остановлены Накостой, который именемъ президента полиціи запретилъ прикасаться къ своей жертвѣ. Между тѣмъ экипажъ кардинала мчался дальше. По приказанію монсиньора де-Фабриса, драгуны обнажили палаши и начали ими бить народъ плашмя, такъ что вскорѣ всѣ препятствія по пути были устранены. Монсиньоръ де-Фабрисъ, какъ ни кичился своимъ вліяніемъ надъ толпой, былъ въ сущности трусомъ, трепетавшимъ за свою безопасность. Едва вѣсть о покушеніи дошла до него, то всѣ проявленія восторга неаполитанскаго народа представились ему ничѣмъ инымъ, какъ гнуснымъ лицемѣріемъ, комедіей, подстроенной для того, чтобы убаюкать его опасенія и тѣмъ вѣрнѣе погубить его.

По знаку полицейскаго сыщика, трое его помощниковъ, одѣтыхъ въ гражданское платье, подошли къ разсвирѣпѣвшему апулійцу, котораго едва могли сдержать. Ему скрутили веревками руки и поставили на ноги. Накоста грубо спросилъ: какъ его имя? Сальваторъ ничего не отвѣтилъ. Но тутъ одинъ изъ драгуновъ, охранявшихъ кардинала, подскакалъ къ мѣсту, гдѣ сгруппировались Накоста, его помощники и Сальваторъ. Онъ держалъ саблю наголо и такъ быстро галопировалъ, что топталъ народъ. Ему приказано было присоединиться къ полицейскимъ, и онъ спросилъ, обращаясь къ Накостѣ: кто первый схватилъ убійцу?

— Я!—отвѣчалъ Накоста.

— Хорошо. Его эминенціи угодно, чтобъ вы сегодня же лично подали ему докладъ объ этомъ.

— Кардиналъ очень милостивъ,—сказалъ Эммануэль. Горячая краска разлилась по его худому лицу. Счастливый оборотъ дѣла и предстоявшее свиданіе съ самимъ кардиналомъ превзошли даже всѣ его ожиданія. Драгунъ удалился. Сальваторъ же, преслѣдуемый яростными криками толпы, былъ отведенъ въ городскую тюрьму. Онъ съ равнодушнымъ стоицизмомъ переносилъ толчки и кулачные удары отъ лаззарони. Они только больше убѣдили его въ томъ, что все счастливо обошлось и теперь для всѣхъ очевидно, что онъ ярый фанатикъ и преступникъ.

Комедія была хорошо сыграна.

Но когда тяжелая, окованная желѣзомъ, дверь захлопнулась за нимъ, когда послышался рѣзкій лязгъ задвинутаго засова и тюремщикъ удалился, топоча ногами и сквернословя, апуліецъ почувствовалъ смутное безпокойство. Въ этой мрачной тюрьмѣ Сальваторъ ощутилъ. чувство полнѣйшей безпомощности, и немедленно пустился фантазировать, развивая мысли, которыя раньше не приходили ему въ голову. Что, если,—разсуждалъ онъ,—монсиньоръ де-Фабрисъ умретъ внезапно? Онъ не молодъ, любитъ роскошь, удовольствія и старыя сицилійскія вина!.. Развѣ недавно не сообщалось въ газетѣ, что въ Палермо какой-то судья, во время судебнаго производства, свалился и умеръ отъ удара. Если его эминенцію постигнетъ та же участь, то Сальваторъ безповоротно погибъ, хотя бы Накоста напрягъ всѣ усилія къ тому, чтобы ускорить его освобожденіе. Кто же повѣритъ сыщику, что вся эта исторія была ничто иное, какъ комедія? Кто удостовѣритъ такое невѣроятное происшествіе? Еслибы даже на половину и повѣрили, все таки ему угрожало бы подозрѣніе, что онъ условился съ Накостой совершить преступленіе ради корысти. Его испугали эти соображенія. Въ припадкѣ отчаянія, онъ взглянулъ на тройную рѣшетку, перекрещивавшуюся въ четырехъугольномъ отверстіи стѣны, на десяти футахъ высоты отъ пола. Это было единственное отверзтіе, сквозь которое проникалъ сюда дневной свѣтъ.

Тюрьмы въ Неаполѣ, точно нарочно, были такъ устроены.

что глазъ скоро привыкалъ къ темнотѣ. Сальваторъ разглядѣлъ плиты тяжелыя, неумолимыя, постоянно пропитанныя сыростью, испаренія которыхъ пахли гнилыми морскими растеніями; затоптанный глиняный полъ, неровный, съ многочисленными отпечатками ногъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ стѣну было вдѣлано кольцо, къ которому приковывали преступниковъ посредствомъ стальной цѣпи, такъ что они едва были въ состояніи сдѣлать два шага. Тутъ же валялась ободранная цыновка изъ морской травы и дырявое шерстяное одѣяло. Недалеко стояла убогая скамейка и дрянная кружка съ двумя ушками. Вотъ какую картину представляла эта ужасная тюрьма. Сальваторъ вспомнилъ о томъ, какъ онъ плылъ со своей возлюбленной изъ морскаго залива по свѣтлому, необъятному морю, въ Капри.

Тогда огромныя морскія волны и необъятное синее небо казались ему слишкомъ узкими для властол юбивыхъ желаній волновавшихъ его грудь, и для его страстнаго стремленія къ счастью, къ блеску, къ полному наслажденію жизнью. Теперь же онъ видѣлъ только узкую, блестящую полоску этого неба, которое просвѣчивало, какъ изъ рамки, окруженное высокими, выложенными изъ камня, словно крѣпостными стѣнами. Вмѣсто рукъ Маріи, обнимавшихъ его, теперь его руки обвивалъ канатъ, и когда онъ попросилъ тюремщика освободить его отъ этихъ веревокъ, то получилъ презрительный отказъ. Сальваторъ сѣлъ на деревянную скамейку. Скрученныя руки начинали болѣть. Онъ все больше падалъ духомъ. Тогда онъ нашелъ забвеніе всѣхъ этихъ впечатлѣній въ неисчерпаемомъ источникѣ своего оптимизма. Сначала послушный первому рѣшенію, онъ приневолилъ себя обсудить со всѣхъ сторонъ то будущее, какое представлялъ ему Накоста, и о которомъ онъ мечталъ съ Маріей. Фантазія увлекла его; дѣйствительность со своими смрадными сумерками исчезла; каменныя стѣны раскрылись, появились цвѣты, испускавшіе благоуханіе весны; чувство райскаго восторга проникло въ его взволнованную душу. При помощи фантазіи, ему удалось преодолѣть всѣ ужасы тюрьмы. Когда, по прошествіи часа, въ камеру вошелъ чиновникъ, сопровождаемый тюремнымъ сторожемъ, и, приказавъ надѣть арестованному наручники, началъ короткій допросъ,—Сальваторъ встрѣтилъ ихъ обоихъ почти довѣрчиво, хотя нѣсколько боязливо, такъ какъ во всякомъ случаѣ

онъ казался слишкомъ безучастнымъ. Онъ сознавалъ, что долженъ разыграть комедію рѣшительной замкнутости; впрочемъ полицейскій чиновникъ не упустилъ этого изъ виду и вначалѣ постарался отнестись предупредительно къ Сальватору. Когда же этому, испытанному въ ловкости и проницательности, слѣдователю показалось, что результаты его дознанія невполнѣ удовлетворительны, онъ отдалъ приказъ, послѣдствія котораго очень скоро сказались на молодомъ человѣкѣ во время его дальнѣйшаго ареста, а именно: онъ пообѣщалъ Сальватору одну изъ легонькихъ пытокъ, которыя сдѣлаютъ его пооткровеннѣе. Сальватора, при этомъ милостивомъ обѣщаніи, передернуло. Но онъ постарался успокоить себя мыслью, что именъ тѣхъ знакомыхъ, которыхъ онъ назвалъ, будетъ совершенно достаточно для чиновника и будущихъ судей, чтобы удостовѣриться въ его невинности. Вѣдь вся комедія покушенія, сочиненная Сальваторомъ вмѣстѣ съ Накостой, который былъ такой дока въ искусствѣ давать всему видъ сообразно своему желанію, — не составляла особенно важнаго преступленія. Послѣ безчисленныхъ вопросовъ, чиновникъ наконецъ удалился; апуліецъ же еще съ часъ продумалъ о допросѣ, взвѣшивая его со всѣхъ сторонъ. Но подъ конецъ усталость побѣдила его. Преодолѣвая отвращеніе, онъ бросился на неряшливую кровать и закрылъ глаза. Фантастическія картины, насильственно вызванныя имъ во время бодрствованія, во снѣ стали ярче, а мечты—необузданнѣе.

На третій день Сальваторъ, въ сопровожденіи карабинера, былъ отправленъ къ судебному слѣдователю, который со своими писцами и секретарями засѣдалъ въ одной изъ верхнихъ палатъ старой крѣпости. Спросивъ у арестованнаго объ его имени, положеніи, лѣтахъ и званіи, судья заговорилъ медленнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Сальваторъ Падованино, вы обвиняетесь въ преступленіи, за которое государственный законъ приговариваетъ къ смертной казни отъ руки палача. По показанію достовѣрныхъ свидѣтелей, въ числѣ которыхъ главнымъ образомъ уличаетъ васъ одинъ сыщикъ, Эммануэль Накоста, вы двадцать седьмаго числа сего мѣсяца, въ улицѣ Піацца, у театра Санъ-Карло, выстрѣлили въ его эминенцію, кардинала монсиньора де-Фабриса, въ перваго министра его величества короля, съ очевид-

нымъ намѣреніемъ убить его. Оружіе было еще у васъ въ рукѣ, когда васъ схватилъ Накоста, которому вмѣстѣ съ однимъ храбрымъ человѣкомъ удалось силою принудить васъ не поднимать вторично вашу преступную руку на высокую особу монсиньора. Оружіе, то есть кавалерійскій пистолетъ тяжелаго калибра, принесено въ судебную палату свидѣтелемъ Накостой и оставлено тамъ на храненіе. Посмотрите въ ту сторону, вонъ оно тамъ на столѣ. Сальваторъ Падованино, теперь я васъ спрашиваю: признаёте ли вы себя виновнымъ въ покушеніи на жизнь его эминенціи, и признаете ли вы, что пистолетъ, тутъ лежащій, служилъ вамъ орудіемъ для этого преступленія?

Апуліецъ отъ страха едва дышалъ. Роковое „да“ не могло сойти съ его похолодѣвшихъ губъ. И, дѣйствительно, изъ словъ слѣдователя было видно, какъ счастливо удалось Накостѣ разыграть свою роль свидѣтеля. Это влило въ сердце обвиняемаго нѣкоторое чувство увѣренности. Къ тому же, инстинктъ оказался могущественнѣе сознанія. Судья, предлагая вторичный допросъ арестованному, принужденъ былъ дополнить свои вопросы убѣдительными увѣщаніями, для того чтобы Сальваторъ рѣшился наконецъ дать утвердительный отвѣтъ.

— Хорошо,—возразилъ судья,—но я долженъ вамъ замѣтить, что ожесточенность, съ которой вы, кажется, собираетесь отрицать фактъ, совершившійся на глазахъ многихъ почтенныхъ свидѣтелей, доказываетъ только большую недальновидность съ вашей стороны. Только откровеннымъ признаніемъ можно убѣдить королевскій трибуналъ въ томъ, что вашъ проступокъ совершенъ вслѣдствіе заблужденія, что вы были увлечены, и тогда король васъ можетъ помиловать. Если же вы будете продолжать запираться и держать насъ въ неизвѣстности относительно побудительной причины вашего проступка, то судьба ваша рѣшена. Прошу принять это къ свѣдѣнію и въ настоящемъ случаѣ, когда я вамъ дѣлаю вопросъ о малѣйшихъ подробностяхъ покушенія. Поняли?

— Да, синьоръ,—отвѣчалъ апуліецъ.

— Итакъ, еще разъ: вы намѣревались убить монсиньора де-Фабриса. Что побудило васъ къ этому злодѣянію?

— Желаніе принести пользу своему отечеству.

— Какъ это? развѣ спасать свое отечество—значитъ попирать ногами законъ, коварно убивая благодѣтеля своей отчизны?

Желая вполнѣ отвѣчать принятой имъ на себя роли, Сальваторъ театрально пріосанился и отвѣчалъ:

— Мы разно смотримъ на это. О монсиньорѣ вовсе не ходитъ молва, чтобы онъ былъ благодѣтелемъ своей страны; напротивъ, онъ врагъ ея; это — тиранъ, котораго слѣдуетъ поскорѣе смести съ дороги, и я взялся за это изъ любви къ отечеству. Еслибы мнѣ посчастливилось привести въ исполненіе свой планъ, весь Неаполь привѣтствовалъ бы меня сегодня и вы сами постарались бы заручиться дружбой человѣка, который теперь, скованный, стоитъ за вашей рѣшоткой.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ судья, — вотъ еще новая жертва противогосударственной проганды. Когда-то наконецъ настанетъ время, что всѣ эти проклятые революціонеры уберутся къ чорту?

Онъ проговорилъ это, какъ будто про себя, не обращаясь къ осужденному; затѣмъ продолжалъ:

— Есть у васъ сообщники?

— То есть единомышленники, хотите вы сказать? О! ихъ безчисленное множество,—упрямо отвѣчалъ Сальваторъ,—но не въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете. Я намѣренъ одинъ пожинать лавры, которыхъ добивался.

— Итакъ, весь планъ задуманъ вами однимъ? Въ этомъ отношеніи вы, вѣроятно, обмѣнялись своими мыслями, заводя сношенія съ людьми одинаковыхъ взглядовъ съ вами и, благодаря этому, вы совершили преступленіе, въ которомъ теперь обвиняетесь, не такъ ли?

— Несовсѣмъ такъ. Здѣсь, въ Неаполѣ, я не бывалъ ни въ какихъ обществахъ, все мое знакомство состояло изъ двухъ помощниковъ по адвокатурѣ у стряпчаго, гдѣ я имѣлъ занятія, а оба они,—какъ вы легко можете убѣдиться,—совсѣмъ не принадлежатъ къ партіи либераловъ.

— Но вы, какъ яростный поборникъ этой партіи, вѣроятно посѣщали ихъ тайныя сходки и раздѣляли съ ними ихъ агитацію?

— И этого не было,—отвѣчалъ Сальваторъ твердымъ го-

лосомъ.—Я сказалъ уже, что незнакомъ ни съ какими собраніями. Но партія либераловъ все таки торжественно меня привѣтствовала. Вамъ вѣроятно извѣстно, что идеи либераловъ, этихъ истинныхъ патріотовъ, печатаются на листкахъ различнаго формата, а затѣмъ разбрасываются повсюду. Они получаются контробандой изъ Сардиніи и Франціи. Вотъ эти-то самые листки я очень усердно прочитывалъ и въ короткій срокъ пришелъ къ убѣжденію, что все право и истина — на сторонѣ оппозиціонной партіи, что слѣдуетъ изо всѣхъ силъ бороться за это право, но цѣль до тѣхъ поръ не будетъ достигнута, пока во'главѣ правленія стоитъ монсиньоръ де-Фабрисъ.

— Гдѣ же доставали вы эти прокламаціи?

Сальваторъ разсмѣялся.

— Разнощики разбрасываютъ ихъ подъ носомъ у полиціи, передъ дворцомъ кардинала, — у воротъ королевскаго дворца.

— Неслыханная вещь! — сказалъ слѣдователь, переглянувшись съ секретарями, сидѣвшими за ближайшимъ столомъ.—Имѣете вы хоть какое нибудь понятіе объ этихъ безпорядкахъ, синьоръ Бреда?

— Увы, синьоръ, —отвѣчалъ секретарь, слегка пожавъ плечами.—Мои товарищи, разставленные въ разныхъ пунктахъ улицы Толедо, получали подобнаго рода памфлеты, но все таки, призывая на помощь все свое хладнокровіе, уклонялись отъ угрожающихъ мѣръ и доносовъ. Доходило даже до того, что они находили у себя въ карманахъ революціонныя афишки...

— Назидательно, нечего сказать!—отвѣчалъ судья:—но видно такъ Богу угодно; пока оставимъ это въ сторонѣ, а теперь примемся за этого молодчика. Пора посбить спѣси съ этого юнаго поклонника революціонной партіи и нашу милость къ нему смѣнить откровенною строгостью.

Онъ предложилъ обвиняемому еще нѣсколько вопросовъ, на которые тотъ отвѣчалъ утвердительно. Они сообща обсуждали всѣ поводы къ злодѣянію, раскрывая, какъ мало по мало назрѣвалъ преступный замыселъ. Слѣдователь зорко слѣдилъ за впечатлѣніемъ, производимымъ его доводами на лицѣ Сальватора. Апуліецъ держалъ себя такъ непринужденно, и спокойствіемъ своего поведенія проявлялъ такіе яв-

ные признаки закоснѣлаго фанатизма и какой-то затаённой дьявольской энергіи, что съ психологической стороны наблюденія слѣдователь не пришелъ ни къ какому сомнѣнію. Маленькія противорѣчія въ показаніяхъ апулійца не заслуживали особеннаго вниманія. Другіе же мотивы преступленія тоже не были настолько солидны, чтобы придавать имъ большое значеніе. И слѣдователь, изъ первой половины допроса, вывелъ ясное заключеніе, что покушеніе на жизнь монсиньора де-Фабриса совершено яростнымъ революціонеромъ, безумнымъ мечтателемъ, обольщеннымъ преступными идеями либерализма, и что, въ припадкѣ какого-то лихорадочнаго честолюбія, слѣпо поддавшись своему болѣзненному настроенію, онъ взялся за оружіе. Разъ только эта мысль утвердилась въ умѣ слѣдователя, то всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ веденіемъ слѣдствія онъ облегчилъ обвиняемому его роль, какъ бы ободряя его къ тому, чтобы онъ продолжалъ носить маску.

Рядъ вопросовъ, приводившихъ въ ужасъ Сальватора, прошелъ почти незамѣченнымъ. Въ сомнительныхъ же случаяхъ, когда обвиняемый невольно стѣснялся, слѣдователь такъ ставилъ вопросъ, что просто разжевывалъ отвѣтъ обвиняемому. О томъ, какъ онъ досталъ пистолетъ, Сальваторъ передалъ на половину правдивую исторію: за нѣсколько дней до этого, онъ купилъ его вмѣстѣ съ патронами у одного оружейнаго мастера для путешествія въ Эболи, которое онъ намѣревался сдѣлать. Непріятной показалась Сальватору предстоявшая очная ставка съ Эммануэлемъ Накостой. Виртуозная игра сыщика наполнила вѣрой и ободрила апулійца. Когда судебный слѣдователь спросилъ, какъ бы мимоходомъ, сыщика: „вы никогда раньше не знавали подсудимаго?“ Накоста далъ отрицательный отвѣтъ съ такимъ великолѣпно разыгранным хладнокровіемъ, точно нечего было и придавать какое бы то ни было значеніе вопросу слѣдователя. Онъ такъ сказалъ: „нѣтъ,“ какъ будто желалъ дать замѣтить, что легко можетъ сказать и „да“. При этомъ Накоста бросилъ на апулійца такой странно-любопытный взглядъ, что Сальватору сдѣлалось жутко; ему показалось, что полицейскій сыщикъ играетъ уже не роль, а говоритъ правду. Казалось, онъ самъ вѣрилъ въ истину своихъ словъ. Но чѣмъ боль-

удивлялся апуліецъ непостижимой ловкости своего соучастника; тѣмъ антипатичнѣе она ему становилась. Все таки онъ отдыхалъ, видя, какъ все идетъ гладко и ровно. Если дѣло въ первый же періодъ направлено такъ хорошо, что даже превзошло всѣ ожиданія, то можно было считать это хорошимъ предзнаменованіемъ. И онъ вполнѣ успокоился насчетъ дальнѣйшаго хода событій. По прочтеніи вслухъ длиннаго протокола, Сальваторъ Падаванино былъ снова уведенъ. Не смотря на свою отважность во время допроса, онъ тяжело вздохнулъ, когда очутился опять одинъ въ глухой, безпросвѣтной каморкѣ, между тѣмъ какъ Накоста катался, можетъ быть, по морю или прогуливался по улицѣ Толедо. Оставалось внѣ всякаго сомнѣнія, что такъ какъ на долю полицейскаго сыщика выпала сравнительно легкая работа, то, когда дѣло дойдетъ до обѣщанной награды, выгода будетъ на сторонѣ апулійца, и ужь, конечно, его эминенція присудитъ ему гораздо большее вознагражденіе, чѣмъ лукавому Эммануэлю.

VIII.

Четыре дня прошли для арестованнаго въ удручающемъ одиночествѣ. Только тюремный сторожъ приходилъ къ нему въ опредѣленные часы, чтобы принести невкусную пищу да наполнить водою глиняную кружку. О различныхъ льготахъ, которыя ему сулили въ „Золотомъ крестѣ," не было и помину. Однажды Сальваторъ обратился къ тюремному сторожу съ просьбою, нельзя ли замѣнить отвратительную, вонючую рогожку другой, болѣе сносной постелью. Но сторожъ грубо расхохотался прямо ему въ лицо.

— Смотрите, какъ бы вамъ не пришлось воспользоваться другой подстилкой, которая, пожалуй, окажется пожостче,— сказалъ онъ язвительно. При этихъ словахъ, онъ сдѣлалъ жестъ, не обѣщавшій много хорошаго: очевидно, онъ намекалъ на доску для преступниковъ подъ гильотиной. Бѣднягу апулійца даже не освободили отъ наручниковъ.

— А то вамъ, пожалуй, придетъ въ голову наняться въ помощники синьору ди-Наполи и его работникамъ,—приба-

вилъ тюремщикъ. „Синьоръ ди-Наполи“ было учтивое прозвище палача.

Другой на мѣстѣ Сальватора, услыхавъ такія слова, впалъ бы въ отчаяніе и невольно упрекнулъ бы его эминенцію въ предательствѣ и жестокосердіи. Для всякаго было бы довольно этихъ словъ, чтобъ составить особое мнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и капризовъ судьбы. Всякій невольно сдѣлался бы скептикомъ и малодушнымъ. Сальваторъ же обладалъ особеннымъ свойствомъ, которое въ настоящее время ободряло его; онъ обладалъ искусствомъ мечтать, и эта способность парить въ облакахъ достигла такихъ размѣровъ, какъ никогда прежде. Онъ всячески старался преодолѣть свое нетерпѣніе, не получая никакого облегченія отъ монсиньора.

Въ началѣ слѣдующей недѣли, въ его монотонной тюремной жизни случилось неожиданное происшествіе. Тюремщикъ ввелъ къ нему въ каморку важнаго, строго всматривающаго во все, господина и очень вѣжливо сказалъ: „какъ только синьоръ кончитъ, то пусть соблаговолитъ стукнуть три раза въ дверь“,—и затѣмъ удалился необыкновенно тихо, въ знакъ большаго почтенія, запирая дверь на засовъ. Сальваторъ сидѣлъ на деревянной скамейкѣ, опустивъ низко голову. Незнакомецъ подошелъ прямо къ нему, устремилъ на него спокойный, насквозь пронизывающій, взглядъ и сказалъ вполголоса:

— Я Антоніо Цезари, адвокатъ королевской судебной палаты. Благодаря существующему обычаю, мнѣ суждено быть вашимъ защитникомъ, такъ какъ вы, въ качествѣ иноземца, не имѣете права свободнаго выбора. Сальваторъ Падованино, надѣюсь, что это не принесетъ вамъ несчастія. Изъ содержанія протокола судебнаго слѣдователя я вывелъ твердое убѣжденіе, что вы больше заблуждающійся безумецъ, чѣмъ настоящій злодѣй, а защищать до послѣдней возможности ослѣпленныхъ и одураченныхъ,—хотя бы это заходило за предѣлы моей адвокатской обязанности,—составляетъ цѣль моей жизни.

Апуліецъ, услыхавъ эту задушевную рѣчь, почувствовалъ себя растроганнымъ. Но его больше всего взволновало, что защиту его будетъ вести одинъ изъ выдающихся членовъ оппозиціонной партіи. Онъ довольно часто слыхалъ имя Анто-

ніо Цезари, въ связи съ требованіями либераловъ, и представилъ себѣ, что этотъ случай распутаетъ всю хитросплетенную выдумку, затѣянную имъ съ Эммануэлемъ Накостой. Въ глазахъ извѣстнаго кружка публики, Сальваторъ несомнѣнно больше представлялъ собою непосредственное орудіе либерализма, чѣмъ повѣренный, котораго защищали и охраняли довѣрители. И онъ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ подобнаго рода соображеніемъ, такъ какъ эта ошибка публики осуществила бы цѣль кардинала; вслѣдствіе этого, въ Сальваторѣ пробудилась значительная энергія. Онъ сказалъ себѣ, что до тѣхъ поръ ему не удастся достигнуть той черты, за которой проступокъ его возбудитъ довѣріе и симпатію неаполитанцевъ, пока онъ не отыщетъ какого нибудь случая, посредствомъ котораго онъ со временемъ могъ бы предстать вполнѣ честнымъ передъ глазами общественнаго мнѣнія. Драматическій актеръ, играя роль умирающаго воина, долженъ довести свою игру до вѣроятнѣйшаго правдоподобія, включительно съ пораженіемъ себя въ грудь. Но, вслѣдъ за тѣмъ, его объялъ страхъ совершенно противоположнаго свойства. Сальваторъ былъ преисполненъ дѣтски-наивнаго уваженія передъ искусствомъ адвокатскаго краснорѣчія. У итальянцевъ существуетъ преувеличенное мнѣніе объ искусствѣ юристовъ; они увѣряютъ, что юристъ можетъ черное сдѣлать бѣлымъ; что посредствомъ своего искусства онъ величайшаго преступника можетъ представить невиннымъ и освободить отъ всякаго наказанія. Все это промелькнуло въ умѣ апулійца. Извѣстные случаи изъ практики адвокатовъ способствовали его заблужденію.

Антоніо Цезари, составивъ себѣ хорошее мнѣніе о Сальваторѣ, изо всѣхъ силъ старался выказать это, съ особеннымъ удареніемъ напирая на слова: безуміе, ослѣпленіе, и возставая противъ настоящаго злодѣянія, такъ что апуліецъ начиналъ уже предчувствовать въ будущемъ возможность судебнаго оправданія, которое пойдетъ въ разрѣзъ съ его замыслами и опрокинетъ ихъ вверхъ дномъ. Еслибы Цезари удалось добиться того, чтобы за обвиняемымъ признали состояніе невмѣняемости и оправдали его, тогда преступленіе потеряетъ значеніе въ глазахъ народа, и апуліецъ не пожнетъ ничего изъ тѣхъ плодовъ, которые онъ съ такимъ са-

моотверженіемъ посѣялъ ради блага государства. И кто же поручится за то, что, монсиньоръ де-Фабрисъ не сочтетъ, пожалуй, условіе нарушеннымъ и откажется выдать обѣщанное вознагражденіе? Вотъ надъ чѣмъ ломалъ себѣ голову Сальваторъ, предаваясь опять потоку своей необузданной фантазіи. Онъ, какъ резиновый мячъ, прыгалъ отъ одной крайности къ другой, въ постоянной борьбѣ между надеждой и боязнью; словомъ, въ настоящую минуту это былъ человѣкъ, едва сознававшій, что въ немъ творится. Но всѣ эти опасенія оказались ничтожными сравнительно съ тѣмъ, которое внезапно охватило его. Свѣча ярко освѣщала глубоко задумчивые глаза адвоката. Блескъ этихъ глазъ, при всемъ ихъ спокойствіи, былъ такой пронзительный; желаніе во что бы то ни стало узнать правду такъ рѣзко обозначилось въ его крѣпко сжатыхъ губахъ, что Сальватора охватила мысль: „Неужели этотъ Цезари все насквозь видитъ... А вдругъ какъ онъ догадался, что все затѣянное дѣло — ничто иное, какъ комедія“?

Судъ могъ находиться подъ сильнымъ вліяніемъ того, что было занесено слѣдователемъ въ протоколъ. Антоніо Цезари дѣйствовалъ совершенно самостоятельно. Въ первомъ періодѣ рѣчи, обязанность защитника принуждала Цезари къ разоблаченію, такъ какъ онъ долженъ былъ явно оправдывать передъ судомъ положеніе обвиняемаго. Въ интересахъ Антоніо Цезари, какъ приверженца своей партіи, было—очистить по возможности преступленіе, виновниками котораго считались соціалисты. Сальваторъ же серьезно почелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ дѣло разоблачилось; тогда оно сильно скомпрометировало бы кардинала, что было бы настоящимъ тріумфомъ для всѣхъ сторонниковъ оппозиціонной партіи. Кромѣ того, для Сальватора было несомнѣнно, что у Антоніо Цезари возникло подозрѣніе, и онъ рѣшился во чтобы то ни стало вывести дѣло на настоящую дорогу. Результатъ этого, съ такимъ трудомъ затѣяннаго, дѣла могъ бы оказаться не только сомнительнымъ, но и угрожать, по мнѣнію Сальватора, большой опасностью—т. е. немилостью самого кардинала. Въ чемъ будетъ состоять эта немилость, объ этомъ взволнованный апуліецъ не думалъ. И онъ рѣшился тщательно взвѣшивать каждое свое слово, а если ему ничего

больше не останется, то разыграть комедію безумнаго фанатизма, и во всякомъ случаѣ не допускать, чтобъ его карты были раскрыты. Онъ называлъ себя трусомъ, дуракомъ, за то, что позволилъ себѣ смутиться, при взглядѣ на строгія, мужественныя черты адвоката, и съ умысломъ старался продлить молчаніе, чтобы дать себѣ время оправиться отъ недавнихъ волненій и испуга. Ему хотѣлось произвести на Цезари такое впечатлѣніе, какъ будто онъ находится въ состояніи мрачнаго унынія и ожесточенія.

— Сальваторъ Падованино,—началъ адвокатъ послѣ небольшаго молчанія, — вашъ поступокъ вовсе меня не поразилъ.

При этихъ словахъ, апуліецъ вздрогнулъ, невольно сбросивъ съ себя напускное оцѣпененіе.

— Какъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ,—значитъ, вы меня знали раньше?

— Я васъ видалъ въ Капри, гдѣ проводилъ каникулы; вы сошли съ того же самаго торговаго судна, на которомъ проѣзжалъ и я черезъ заливъ. Во время ѣзды я мало обращалъ на васъ вниманія; когда же поднялся вверхъ, по направленію къ городу, то одинъ мой пріятель очень внимательно въ васъ вглядывался, а вы сами вѣроятно знаете, что ваши лицо и фигура не могутъ принадлежать первому встрѣчному.

— И вы тогда еще разгадали меня?—пролепеталъ Сальваторъ, страшно взволнованный этимъ открытіемъ.

— Я уже тогда угадалъ, что вы одинъ изъ людей, способныхъ на все необыкновенное, увлекаемыхъ внутренней потребностью къ неутомимой дѣятельности, къ погонѣ за сотнею желаній, возникшихъ изъ самыхъ безумныхъ бредней, которыя ждутъ только перваго случая, чтобъ развернуться. Я уже тогда прочелъ на вашемъ лбу, что въ васъ есть задатки къ великому, также какъ и къ низкому. И я за васъ испугался, потому что взглядъ вашъ, полный страданія, вселялъ опасенія, что судьба ваша рѣшена и вы, такъ сказать, висите надъ пропастью. Потомъ я видѣлъ васъ съ вашей возлюбленной, и тогда убѣдился, что я не обманулся. У васъ такое властолюбіе, что вы покорили неопытную, чистую душу этой дѣвушки.

Сальваторъ прислонился плечемъ къ стѣнѣ; онъ чувствовалъ, что у него подкашиваются ноги. Каковъ этотъ адвокатъ! Вѣдь похоже на то, что ему все извѣстно! Недостаетъ только того, чтобы онъ прямо назвалъ Марію соучастницей. Смущеніе Сальватора увеличилось отъ того, что онъ придалъ слишкомъ большое значеніе словамъ Антоніо Цезари. Апулiецъ утѣшалъ себя, впрочемъ, надеждой, что ему счастливо удалось скрыть договоръ, заключенный съ Эммануэлемъ Якостой; онъ могъ быть увѣренъ, что Марія отречется отъ его, какъ было раньше условлено между ними. О! какъ страшно тяжело было ему. Казалось, адвокатъ понялъ все, того гляди произнесетъ смертный приговоръ Сальватору его невѣстѣ. Но то, что̀ вспало адвокату на умъ, слѣдовало немедленно выпытать. Апулійцу казалось, что онъ кстати подхватилъ намекъ Цезари на Марію. Принужденный говорить въ извѣстномъ направленіи, онъ самъ на половину вѣрилъ тому, что̀ говорилъ, но все таки старался вложить въ свое дѣло извѣстную долю правдоподобія. Онъ сталъ на перекресткѣ двухъ дорогъ: одна вела его къ обѣтованному раю любви и, проведя черезъ рядъ жертвъ, — къ славѣ и богатству. Послѣ долгаго раздумья, онъ рѣшился на рискованный шагъ, только бы какъ нибудь кончить. Онъ хорошо предвидѣлъ свою судьбу и съ извѣстнаго рода постоянствомъ добивался своего. Цезари спокойно далъ ему высказаться и обѣщалъ даже послать его письмо къ Маріи. Затѣмъ, предложивъ подсудимому еще нѣсколько вопросовъ, онъ сказалъ:

— Ну да, я такъ и зналъ. Вы просто помѣшались на извѣстнаго рода убѣжденіяхъ,—пришли къ выводу, что для достиженія вашихъ цѣлей всѣ средства хороши. Однако, на сегодня довольно! Могу только сказать, что вы мнѣ значительно облегчили дѣло, и теперь я знаю, какое направленіе дать всей этой исторіи. Въ будущую субботу мы опять увидимся; не падайте духомъ, и смотрите, чтобъ вамъ не пришлось раскаяться въ своей ошибкѣ.

Сальваторъ вздохнулъ съ облегченіемъ; Цезари постучался въ дверь и исчезъ изъ каморки. Въ коридорѣ онъ далъ золотой тюремному сторожу. „Постарайтесь облегчить его участь, насколько позволитъ ваша должность, — говорилъ онъ,—я васъ за это поблагодарю“.

И, полный грустныхъ воспоминаній о своемъ безконечно-любимомъ отцѣ, который тоже когда-то томился цѣлые мѣсяцы въ этихъ стѣнахъ, дошелъ до своей уютной, тихой квартиры.

IX.

Наступилъ январь. Въ нижнемъ этажѣ уютнаго домика, недалеко отъ Каподимонте, сидѣлъ у открытаго окна Эммануэль Накоста и смотрѣлъ въ палисадникъ, гдѣ свѣтлосѣрые стволы подрастающихъ смоковницъ просвѣчивали сквозь густую зелень лимонныхъ деревьевъ. Весна еще только вступала въ свои права: впрочемъ, если сказать правду, она вовсе и не прекращалась. Люди не запомнятъ, чтобы когда нибудь неаполитанская зима была такая мягкая, безвѣтряная и солнечная. Голубыя астры и яркіе анемоны уже цвѣли, какъ въ концѣ февраля. Накоста былъ блестящимъ образомъ вознагражденъ за счастливую поимку Сальватора. Онъ повысился въ должности за свой геніальный подвигъ, носилъ въ петлицѣ сюртука особый значокъ, присвоенный мѣсту съ очень хорошимъ окладомъ, которое онъ занималъ при начальникѣ полиціи. Въ видѣ премін, ему дали особую плату за поимку опаснаго убійцы, а монсиньоръ де-Фабрисъ выразилъ ему даже личную благодарность. Отечески наставляя его и впредь также стоять грудью за благо отечества, онъ подарилъ ему тысячу лиръ наличными деньгами. Но, при всемъ томъ, Накоста испыталъ на дѣлѣ, до чего непріятно имѣть такого сообщника, какъ Марзуски, такъ какъ долженъ былъ подѣлиться съ нимъ третьей долей своей добычи, полученной въ видѣ денежнаго подарка отъ кардинала, а затѣмъ половиной премін, что показалось Накостѣ не по вкусу. Но и того, что осталось, было слишкомъ достаточно, чтобы поставить все семейство Накосты на твердую почву. Недурно было и то, что за ними обезпечивалось жительство въ такомъ чудесномъ мѣстечкѣ, какъ уютный домикъ на верху Каподимонте.

Криспина съ бойкостью, свойственной римлянкѣ, живо запаслась всей необходимой мебелью и ярко разубрала всѣ три комнаты съ четырьмя блестящими окнами, украшавшими

передній фасадъ дома. Въ гостинной по полу былъ раскинутъ великолѣпный коверъ, затканный пурпуровыми и голубыми цвѣтами; окна были занавѣшены деревянными шторами и тяжелыми шерстяными драпировками. Недоставало только конторки съ обычными двумя бронзовыми лампами, да еще не было образа мадонны Карло Дольчи съ размариновой вѣткой и вѣчной лампадой. Маленькая дочка еще такъ недавно ходившая въ лохмотьяхъ, теперь щеголяла, точно ярмарочная кукла, въ ярко разукрашенномъ костюмѣ. Она громко лепетала, играя на соломенной подстилкѣ съ пуделемъ, котораг Криспина, по своей страсти къ животнымъ, купила для дѣвочки. Сама хозяйка весело хлопотала и шумѣла. Ея пронзительная трескотня раздавалась по всему дому съ утра до поздняго вечера; въ свободные же промежутки времени она съ бѣшенымъ весельемъ каталась по цыновкѣ вмѣстѣ съ пуделемъ Помпоніо, и играла со своимъ ребенкомъ, точно недавно выпущенный школьникъ, причемъ хохотала такъ, что стекла звенѣли.

Накоста же, не смотря на пріятную новизну своей обстановки, съ каждымъ днемъ становился грустнѣе. Этотъ человѣкъ, точно опьянѣвшій отъ радости, послѣ удачной очной ставки съ Сальваторомъ, теперь, собравъ золотую жатву за свое безбожное предательство, пересталъ уже ощущать прежнее довольство отъ обладанія сокровищами, неправедно себѣ присвоенными. Чѣмъ ближе подходилъ день, въ который дѣло апулійца должно было рѣшиться, тѣмъ мрачнѣе становилось у него на душѣ. Сегодня, въ засѣданіи суда должна окончательно выясниться судьба апулійца. Чѣмъ меньше затянутся судебныя пренія, тѣмъ больше былъ бы увѣренъ Накоста, что дѣлу скоро настанетъ конецъ. Онъ справился объ этомъ еще разъ, и изъ того, какъ былъ поставленъ допросъ, увидалъ, что все, чего онъ добивался, идетъ, какъ по писанному. Сальваторъ былъ удивительно настойчивъ; онъ ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ уклоняться отъ однажды принятаго рѣшенія, продолжая крѣпко вѣрить благородству своего сообщника и обѣщанію мнимаго кардинала. Въ концѣ концовъ, Эммануэль рѣшился искать случая переговорить съ заключеннымъ еще разъ съ глазу на глазъ. По примѣру палача, который проситъ прощенія у приговореннаго, ему удалось, по

ходатайству одного священника, испросить позволеніе войти въ темницу, подъ тѣмъ предлогомъ, что его мучитъ потребность примирить со своею совѣстью преступника, передъ казнью, которая несомнѣнно совершится. Это свиданіе было необходимо для того, чтобы Сальваторъ, при переходѣ въ иной міръ, не ушелъ бы туда съ проклятіемъ противъ человѣка, предавшаго его въ руки правосудія.

На самомъ же дѣлѣ, негодяю нужно было узнать, на что рѣшился апуліецъ и, въ случаѣ сомнѣнія съ его стороны,—такъ какъ онъ начиналъ бояться и страхъ все сильнѣе овладѣвалъ имъ,—дать Сальватору еще какой нибудь коварный совѣтъ, шепнувъ ему, напримѣръ, чтобы онъ продолжалъ держать себя также твердо до послѣдняго момента, не смущаясь ни передъ торжественно страшнымъ впечатлѣніемъ приговора, ни передъ видомъ лобнаго мѣста.

— Кардиналъ,—заканчивалъ лукавый Накоста свою бесѣду съ заключеннымъ,—обѣщалъ прислать на мѣсто казни декретъ о помилованіи, черезъ одного изъ своихъ самыхъ надежныхъ секретарей. Но во всякомъ случаѣ будетъ сдѣланъ видъ, что приговоръ не отмѣняется, такъ какъ кардиналъ, къ горю своему, еще не можетъ такъ скоро снять маску; но черезъ какой нибудь мѣсяцъ случайно появится поводъ къ тому, чтобы начать дѣло съизнова, разъяснить его и измѣнить все къ полнѣйшему для всѣхъ благополучію.

Сальваторъ охотно ему повѣрилъ, какъ будто бы Накоста уже однимъ своимъ визитомъ принесъ ему доказательство той заботливости и милости, съ которыми кардиналъ продолжалъ простирать надъ нимъ свою благословляющую руку.

Такое заключеніе Сальватора было принято сыщикомъ съ дьявольской радостью. Но потомъ, какъ-то вдругъ, безъ всякой видимой причины, торжество его прекратилось и онъ почувствовалъ, очутившись въ своемъ уютномъ домикѣ, опять ту же нестерпимую душевную боль, то заглушенную, то дикую и жгучую.

— Ну, что ты опять застоналъ?—спрашивала Криспина, подойдя къ нему съ дочкой на рукахъ,—право, можно подумать, что тебѣ жаль той несчастной лачуги, которую мы покинули въ улицѣ Бальбо и очутились тутъ, въ той самой обстановкѣ, которую ты сулилъ мнѣ въ то время, когда тащилъ

въ Ливорно. Знаешь что̀,—вдругъ прибавила она,—вѣдь наконецъ ты навлечешь на себя подозрѣніе, если такъ глупо повѣсишь голову. За нами уже наблюдаютъ. Насупротивъ, въ мансардѣ живетъ старая противная баба; она цѣлый день шныряетъ около нашей двери и когда начинаетъ скалить зубы, мнѣ дѣлается страшно: кажется, что она принесетъ намъ несчастье. Что у нея очень злой видъ, въ этомъ ты самъ можешь убѣдиться, а такіе люди способны видѣть и сквозь стѣны.

Но онъ молчалъ. Тогда молодая женщина вернулась въ комнату, осторожно посадила ребенка на полъ и опять подошла къ Эммануэлю. Она начала нѣжно къ нему ласкаться, затѣмъ, вплотную приложивъ свои пышныя губки къ его уху, начала шептать:

— Видишь ли, я не знаю, какъ выразить тебѣ мой восторгъ за все время, что живу здѣсь. Съ ужасомъ вспоминаю я о тѣхъ горестныхъ дняхъ, которые мы оставили за собой. Только тутъ вздохнула я полною грудью, и неужели же ты опять отравишь мою жизнь? Подожди, вотъ пройдетъ еще недѣля, и все будетъ кончено. Этотъ дурачина, хоть и невинный, скоро перейдетъ въ лучшій міръ, гдѣ будетъ наслаждаться райскимъ блаженствомъ за свою страдальческую кончину. Изъ твоего разсказа видно, что онъ все таки не былъ счастливъ въ этой жизни, и ты только скорѣе помогъ ему добраться до могилы. Марзусси насъ не предастъ, а возлюбленная Сальватора, которая осталась тамъ, въ Капри, поплачетъ-поплачетъ, и въ концѣ концовъ одумается. Вѣдь этимъ не воскресишь мертваго!

— Все это хорошо. А месть? ты объ ней позабыла?—проворчалъ Эммануэль.—У этихъ капрійцевъ кровь горячая, какъ вообще у всѣхъ корсиканцевъ. А вдругъ и она появится здѣсь.

— Зачѣмъ? развѣ для того, чтобы быть посаженной въ тюрьму, какъ сообщница Сальватора? Къ тому же, что̀ она знаетъ? Самое бо̀льшее, что ея возлюбленный затѣялъ дѣло съ какимъ-то Карло Гризи и дѣло это не выгорѣло? Объ Эммануэлѣ Накостѣ не было никогда и рѣчи. Ну, прошу тебя, успокойся, вѣдь это все такъ просто!

— Однако жъ пумерная горничная въ гостинницѣ узнала,

что человѣкъ, прозывавшійся Карло Гризи, никто иной, какъ Эммануэль Накоста.

— Ну, и что жъ изъ этого? Прежде всего она, пожалуй, увѣрена, что Карло Гризи и Эммануэль Накоста одно и то же лицо; самое худшее, если она вообразитъ, что планъ съ Карло Гризи потерпѣлъ крушеніе, а Сальваторъ былъ пойманъ Накостой, прежде чѣмъ Гризи, согласно заключенному съ нимъ договору, подоспѣлъ на выручку. Тогда она припишетъ все несчастной случайности, которую нельзя исправить, уронитъ нѣсколько слезинокъ по своемъ женихѣ и черезъ годъ выйдетъ замужъ за другаго.

— Да, да,—бормоталъ Накоста,—но я не къ тому клоню разговоръ... О, еслибъ я только могъ раньше представить себѣ, какія это будутъ ужасныя муки, и какъ мнѣ будетъ страшно!

— Вотъ что? Ну, такъ за чѣмъ же дѣло стало? Поди и донеси на себя. Никто отъ этого ничего не потеряетъ, я же съ своей стороны и безъ тебя проложу себѣ дорогу.

— О, да! это ты уже разъ доказала,—вскричалъ, выйдя изъ себя, Эммануэль.

Воспоминаніе о его заточеніи въ Чивитта-Векіи, о невѣрности Криспины, и ненавистный образъ марсельца, который былъ такъ похожъ на апулійца, поразили его сердце. На половину позабытыя страсть и ревность снова овладѣли имъ. Криспина одержала побѣду; послѣднее чувство жалости было заглушено проснувшейся страстью. До этого дня Накоста хотѣлъ ограничиться тѣми деньгами, которыя получилъ, затѣмъ покинуть Неаполь, Италію и, очутившись въ чужихъ краяхъ, гдѣ королевская власть уже не будетъ ему страшна, послать монсиньору де-Фабрису письмо, гдѣ разоблачить всю комедію, и такимъ образомъ спасти апулійца отъ смерти. Но теперь это благое намѣреніе разлетѣлось, какъ дымъ. Самъ Накоста когда-то такъ много вытерпѣлъ, что нечего ему жалѣть другихъ. Никогда еще не казалась ему Криспина такой прелестной, какъ въ настоящую минуту, и никогда не считалъ онъ себя болѣе правымъ, какъ теперь, когда онъ шелъ напроломъ къ желанной цѣли — раздавить ненавистнаго апулійца.

Не смотря на вернувшееся пріятное расположеніе духа,

по немъ пробѣжали мурашки, когда вечеромъ пришелъ Марзусси, закутанный въ плащъ.

— Ну что?—спросила Криспина, которая только что уложила дочь и устремила на Марзусси сверкающій взглядъ.

Помощникъ палача кивнулъ головой, съ самодовольствомъ купца, который обдѣлалъ хорошее дѣльце.

— Все въ порядкѣ,—сказалъ онъ равнодушно.

Эммануэль точно остолбенѣлъ. До этой минуты онъ считалъ себя человѣкомъ свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ, самымъ страшнымъ эгоистомъ, однимъ изъ отважнѣйшихъ смертныхъ, когда либо жившихъ подъ луной. Но вотъ передъ нимъ стоитъ человѣкъ, у котораго подлость и мошенничество всосались въ плоть и кровь, которому все это также необходимо, какъ воздухъ, какъ жизнь. Марзусси заговорилъ объ этомъ преступленіи и предательствѣ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ, нѣсколько времени назадъ, когда Накоста открылъ ему въ кофейной свой замыселъ, Марзусси сначала мѣшкалъ, но это происходило больше отъ притворства, а никакъ не отъ нерѣшительности. Криспина, услыхавъ сообщеніе Марзусси, отъ восторга даже захлопала въ ладоши и захохотала веселымъ смѣхомъ. Впрочемъ она скоро умѣрила свой пылъ, взглянувъ на разстроенное лицо Эммануэля. Тогда она съ нѣжностью бросилась къ нему на грудь, ластясь, какъ кошка, до тѣхъ поръ, пока ей удалось разогнать его тоску. Четверть часа, что Марзусси провелъ у этой четы, Эммануэль держалъ себя выжидательно. Между тѣмъ Криспина и помощникъ палача обмѣнивались бѣглымъ разговоромъ, но такъ тихо и быстро, что Эммануэль долженъ былъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы слѣдить за ихъ бесѣдой.

— Итакъ, приговоренъ? — спросила Криспина,—и безъ всякаго смягченія участи?

— Приговоренъ, — подтвердилъ Марзусси, какъ любой разбойникъ съ горы Сантъ-Анжело.—Того карабинера, который велъ его на послѣдній допросъ, я зналъ еще въ Римѣ. Ну, я и спросилъ его мимоходомъ, будетъ ли намъ работа.—Увы!—отвѣчалъ этотъ человѣкъ такимъ тономъ, какъ будто ему было очень жаль, что подобная участь постигла

такого славнаго малаго, какъ Сальваторъ, и при этомъ сдѣлалъ жестъ, довольно краснорѣчивый.

— Ну, а какъ же онъ отнесся къ этому?

— Кто? апуліецъ? Онъ держалъ себя все время одинаково. Да и что же ему иначе дѣлать? Разъ онъ произнесъ *А*, то по порядку долженъ сказать *Б*. Того уже требуетъ алфавитъ. Вѣдь вамъ извѣстно отъ мужа, до чего мальчуганъ упрямъ и какъ твердо увѣренъ, что монсиньоръ де-Фабрисъ хлопочетъ объ немъ и избавитъ его въ одинъ прекрасный день отъ этихъ трагическихъ обстоятельствъ.

— Просто, это невѣроятно! сказала Криспина.

— Человѣкъ, все таки, по своему счастливъ,—сказалъ помощникъ палача.—До послѣдняго момента ему грезятся розовыя мечты въ будущемъ; онъ мечтаетъ о счастьѣ государства и никакъ не можетъ взяться за умъ. Теперь остается только прочесть ему отходную.

— Да, если только ему не придетъ въ голову сомнѣніе въ подлинности самого кардинала. Но въ подобномъ случаѣ можете ли вы ускорить моментъ, который относится къ вашей обязанности?

— О, этого никакъ нельзя, синьора! Но, во всякомъ случаѣ, вамъ нечего бояться. Моя борода со времени той мистификаціи совершенно выросла и костюмъ очень измѣнился. Да и не смотря на свое довѣріе, апуліецъ былъ все таки немножко взволнованъ, а люди въ такомъ состояніи не особенно способны къ наблюдательности.

— Что касается меня, то я навѣрно, бы узнала васъ, Марзусси.

— Да, это вы! Вѣдь женщины—все равно, что змѣи; онѣ отлично видятъ облако, плавающее въ воздухѣ, принимая его то за орла, то за чье-то лицо, а того, что у нихъ дѣлается подъ носомъ, онѣ и не видятъ. Ну, да еслибы и такъ? Для меня, помощника палача, будетъ очень лестно, если во мнѣ найдутъ сходство съ его эминенціей. Повторяю опять, синьора, что вы и представить себѣ не можете, до чего ограничены эти фантазеры въ вопросахъ повседневной жизни. Конечно, это дѣльце не изъ обыденныхъ... Ну, да еслибы я даже и ошибся въ этомъ отношеніи, зато вѣрно одно:

то синьоръ ди-Наполи не дастъ ему задуматься или выразить свое удивленіе.

Настала пауза. Наконецъ, Криспина медленно проговорила: „А когда?“

— Какъ только къ приговору приложатъ печать. Это, конечно, продлится немножко дольше, чѣмъ было бы желательно.

— Какъ такъ?

— Цезари, который его защищаетъ, теперь сталъ еще двое упрямѣе, потому что правительство, опасаясь либераловъ, дѣйствуетъ довольно умѣренно и осторожно...

— Но какое же это имѣетъ отношеніе къ процессу?

— Синьоръ Цезари будетъ бороться до послѣдней минуты, только бы вывести дѣло на свѣжую воду. Но я, можетъ быть, несовсѣмъ хорошо понялъ, что̀ мнѣ наболталъ карабинеръ. Кажется, существуетъ еще какое-то законное средство или правило. Поможетъ это ему очень мало, какъ и всѣ остальныя средства. Кое-что писали объ этомъ въ газетахъ. Цезари подозрѣваетъ, что Сальваторъ несовсѣмъ въ своемъ умѣ. Рѣчь его, которую вы, вѣроятно, прочли въ газетахъ, состоитъ изъ цѣлаго ряда возраженій. Какъ оказывается, въ пренія вкралась какая-то ошибка, но натурально не такая важная, чтобъ изъ-за нея отмѣнили приговоръ. Впрочемъ я привожу вамъ эти обстоятельства для того, чтобы вы не удивлялись, если дѣло затянется еще на двѣ недѣли. Удивительно, откуда набираетъ Цезари столько энергіи, чтобы вести такую войну съ судьями, когда онъ самъ виситъ на волоскѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что онъ и самъ не арестованъ противъ королевскаго указа. Пять человѣкъ изъ земляковъ правительство на дняхъ выслало за границу. Но это мало помогло, потому что онъ не прекратилъ сношеній съ ними. Иначе было бы просто непонятно, какъ ему позволяютъ переходить всякую мѣру въ своей защитѣ.

— Будь проклятъ этотъ другъ либераловъ! И чего ему нужно, дуралею? Но если апуліецъ допуститъ совершиться приговору, а это будетъ непремѣнно...

— О, да! Ужъ если апуліецъ разъ сказалъ „да“, и аминь. Но Цезари протестовалъ и былъ правъ,

потому что самъ онъ былъ выбранъ не Сальваторомъ, а по жребію, къ тому же онъ увѣряетъ, что Сальваторъ невиненъ. Ну, этотъ адвокатишка можетъ продѣлывать все, что ему угодно, и все таки ничего не добьется, потому что кардиналъ стоитъ, такъ сказать, за спиною судей и подбрасываетъ уголь въ огонь. Ужасъ до того обуялъ кардинала, что онъ хочетъ, благодаря этому случаю, установить особый законъ и, кажется, спѣшитъ сдѣлать это какъ можно скорѣе.

Криспина встала и принесла кружку, наполненную темноватымъ асти. Наполнивъ стаканы, она предложила имъ обоимъ выпить.

— За ваше здоровье, кумъ! — обратилась она къ Марзусси.—Надѣюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я съ вами побранилась, узнавъ, какимъ ужаснымъ ремесломъ вы занимаетесь. Это у насъ у всѣхъ въ крови. Но я уже свыклась съ вашимъ страшнымъ титуломъ „синьора ди-Наполи,“ и это имя кажется мнѣ даже благозвучнымъ. Ну, Эммануэль, а ты что же не пьешь?

— Я не могу, — возразилъ Эммануэль, — у меня горло точно зашито.

— Дуракъ! Да ты только попробуй, посмотри, какъ это освѣжитъ твою глупую башку. Ты живешь слишкомъ роскошно, Эммануэль, и мнѣ иногда начинаетъ казаться, что ты зажирѣлъ. Ну, иди сюда! одинъ только глотокъ!

Такимъ образомъ, она всячески старалась прогнать его угрюмое настроеніе и возбудить въ немъ то же безстыдство, какимъ обладалъ Марзусси и она сама. Эммануэль выпилъ. Она снова наполнила его стаканъ, но ему начиналъ казаться отвратительнымъ смѣхъ, съ какимъ Криспина встрѣтила его покорность. Передернувъ плечами, какъ бы отъ внутренняго холода, онъ прислонился къ спинкѣ стула и, закрывъ глаза, вздохнулъ тяжелымъ, мучительнымъ вздохомъ.

Осушивъ кружку вмѣстѣ съ развеселой Криспиной, Марзусси взялся за шляпу и ушелъ. Эммануэль, процѣдивъ сквозь зубы: „ну, слава Богу!“ вышелъ въ садъ. Криспина пошла за нимъ, и, точно любовница, повисла у него на шеѣ.

Такимъ образомъ, прохаживались они по песчанымъ дорожкамъ, зорко ко всему приглядываясь и прислушиваясь. Это прелестное мѣстечко погружалось все больше въ тишину,

не имѣвшую ничего общаго съ гуломъ шумнаго Неаполя. Взволнованная кровь Эммануэля спокойнѣе потекла въ венахъ; онъ мало по малу сталъ забывать то отталкивающее впечатлѣніе, которое произвелъ на него смѣхъ Криспины. Оба преступника праздновали свое торжество, наслаждаясь идиллiей среди разыгравшейся трагедіи. Стало довольно темно и Криспина поспѣшила домой, чтобы собрать ужинъ. Они закусили съ большимъ апетитомъ. Остальной вечеръ они провели въ театрѣ Санъ-Карло.

Прошло еще двѣнадцать дней. Эммануэль переходилъ попеременно отъ припадковъ отчаянія и сожалѣнія къ разнузданнымъ порывамъ веселости. Образовавшаяся у него привычка къ разгулу немало помогала Криспинѣ развивать въ немъ безпечность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она старалась внушить ему, что, благодаря этой безпечности, мрачныя мысли все рѣже будутъ его навѣщать. Теперь Эммануэль былъ именно тѣмъ человѣкомъ, который необходимъ для женщины въ родѣ Криспины.

Однажды, когда они, протолкавшись весь вечеръ среди пестрой толпы, по кофейнямъ и базарамъ, возвращались домой въ самомъ розовомъ настроеніи, передъ ними вдругъ очутился, точно изъ земли выросъ,Марзусси. Эммануэль въ ужасѣ отступилъ, потому что въ лицѣ его соучастника воплощались всѣ душевныя муки, пережитыя имъ въ теченіе послѣдней недѣли.

— Что случилось?—спросила Криспина.

— Терпѣніе, синьора! здѣсь мы принадлежимъ еще улицѣ.

Въ три минуты они прошли молча до жилища Накосты. Христина спросила, не зайдетъ ли Марзусси къ нимъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Марзусси, — то, что̀ мнѣ надо вамъ сказать, можно сказать разомъ. Итакъ, слушайте. Я знаю навѣрно, что мы уже у цѣли, то есть наканунѣ послѣдней минуты...

— Наконецъ-то!—проговорила Христина, вздохнувъ полной грудью.

— Все, кумушка, идетъ, какъ по маслу. Дѣло вдругъ пошло очень ходко. Цезари, не смотря на всѣ старанія, не могъ ничего добиться; ему не удалось даже вымолить какого бы то ни было смягченія участи осужденнаго. Смертный при-

говоровъ, подписанный самимъ королемъ, со вчерашняго дня находится въ рукахъ предсѣдателя суда.

— Откуда вы все это узнали? — простонала Криспина, дрожа отъ головы до ногъ.

— Откуда? Очень просто. Завтра назначена казнь и я получилъ уже приказаніе.

— Пойдемъ! — шепнулъ Накоста, блѣднѣя отъ ужаса. — Пожалуй, насъ здѣсь схватятъ. Хорошо, Марзусси, уйдите, заклинаю васъ...

Онъ потащилъ за собою Криспину.

— Э! да у него отъ радости начались схватки подагры, — со смѣхомъ пустилъ ему вслѣдъ Марзусси.

Эммануэль не издалъ ни одного звука въ отвѣтъ. Придя домой, онъ бросился, не раздѣваясь, въ постель, и въ отчаяніи схватился за голову. Ему казалось, что у него разрывается сердце. Онъ бился и дрожалъ, точно въ параксизмѣ лихорадки. Криспина съ изумленіемъ глядѣла на него. Скрестивъ руки на груди, она простояла съ минуту, точно не рѣшаясь, начать ей говорить или нѣтъ? Потомъ она быстро подошла къ комоду, отперла его, осторожно завернула что-то и опять заперла. Въ эту минуту, Эммануэль вдругъ вскочилъ:

— Завтра! — закричалъ онъ пронзительно. — О, я предчувствовалъ, что это свалитъ меня съ ногъ. Ты, ты одна — виновница этого позорнаго паденія, ты и Марзусси!

— Не кричи такъ, — перебила его Криспина ледянымъ тономъ. — Ты лжешь, Эммануэль. Весь этотъ планъ — созданье твоей головы а не моей, и къ Марзусси ты прибѣгнулъ уже позднѣе, когда апуліецъ ускользалъ изъ твоихъ рукъ. Ты — зачинщикъ всего. Итакъ, перестань визжать! Во всякомъ случаѣ, что ты этимъ выиграешь? Ты кривляешься, точно беременная женщина; стыдись! это недостойно мужчины, у котораго есть сила и мозгъ въ костяхъ!

— Криспина, — перебилъ онъ беззвучнымъ голосомъ, — уложи все самое необходимое, но сейчасъ же, не теряя ни одной минуты! Мы должны бѣжать. Я сегодня узналъ въ Санта-Лучіи, что завтра, чѣмъ свѣтъ, корабль отправляется въ Мальту. Тамъ мы будемъ безопасны! О паспортахъ я уже *позаботился* раньше. Прежде чѣмъ сѣсть на корабль, я по*шлю одного* изъ полицейскихъ къ кардиналу и извѣщу его о

томъ, что онъ долженъ знать. Развѣ ты рѣшишься хладнокровно смотрѣть, какъ это чудовище Марзусси поведетъ на эшафотъ человѣка, неповиннаго, какъ ребенокъ? Криспина, я этого не вынесу! Итакъ, собирайся! Что же ты мѣшкаешь? Я тебѣ говорю, укладывайся. Слышишь ты или нѣтъ, а я тѣмъ временемъ напишу письмо!

— Ахъ ты, дуралей!—прошипѣла молодая женщина, покраснѣвъ отъ злости и презрѣнія. — Однажды ты уже одурачилъ меня, но теперь, клянусь, тебѣ этого не удастся повторить. Если ты не хочешь сдержать своего слова, по доброй волѣ, я заставлю тебя силой!

— Ты?

— Да, я! прежде чѣмъ дать тебѣ время уѣхать, я пойду сама къ начальнику полиціи и выдамъ тебя. Будь, что будетъ! Я уже устала вѣчно скитаться, какъ бродяга, нигдѣ не находящая себѣ покоя, и все это только потому, что мой супругъ—ничтожное созданіе.

— Хорошо!—со стономъ вырвалось у Накосты. — Иди, Криспина, или постой—ужь лучше я самъ пойду.

И съ этими словами онъ рванулся къ двери. Криспина загородила ему дорогу. Въ ея правой рукѣ блеснулъ карманный пистолетъ.

— Берегись, трусъ!—шипѣла она, бѣшено сверкая глазами:—я размозжу тебѣ голову, если ты сейчасъ же не поклянешься на этомъ крестѣ, что будешь молчать и вести себя какъ должно.

Сначала Эммануэль, при взглядѣ на заряженный пистолетъ, попятился назадъ, но затѣмъ презрительно расхохотался.

— Ну, стрѣляй, будешь дважды убійцей!—простоналъ онъ, дѣлая шагъ впередъ.—Что меня можетъ привязывать къ жизни? Какъ подумаешь, право, до чего я былъ глупъ, когда отбивалъ эту голубку у марсельца! О, тогда я избѣжалъ бы многаго. Ты довела меня до тюрьмы своей ненасытной жаждой къ роскошной жизни, своимъ безумнымъ мотовствомъ и вкрадчивой ложью! Ну, стрѣляй же въ меня, прекрасная Криспина. Марселецъ останется тебѣ въ утѣшеніе, или кто нибудь другой?

Разбуженная шумомъ этой безобразной сцены, дѣвочка приподнялась на своей кроваткѣ. Влажными, широко раскрытыми отъ ужаса, глазками она оглянулась во всѣ стороны и обратила взглядъ на разъяренныя фигуры отца и матери, недоумѣвая, что̀ означаютъ ихъ свирѣпыя тѣлодвиженія. И вдругъ Криспина, точно охваченная припадкомъ безумія, направила дуло пистолета прямо въ лобъ малютки.

— Только двинься еще, подлый измѣнникъ, и я выстрѣлю!—закричала она.

Выраженіе лица ея въ эту минуту было ужасно.—Твоя жизнь для тебя нипочемъ, и въ этомъ случаѣ ты правъ: лобъ такого дурака не стоитъ пули, которая раздробитъ глупый черепъ—но дитя... Слушай же, Эммануэль! Ты любилъ вѣдь маленькую Лауреллу; она была твоимъ счастьемъ и надеждой, въ то время когда наши дѣла шли все хуже и хуже. Я убью Лауреллу и затѣмъ себя, если ты будешь играть такую жалкую роль.

Эммануэль опустился на колѣни.

— О, Боже мой!—прошепталъ онъ, блѣдный, какъ смерть. Онъ чувствовалъ, что эта женщина на все способна.

— Встань,—приказала она ему,—и ступай спать. Я постараюсь позабыть, что̀ произошло между нами, если ты только поклянешься мнѣ жизнью этой малютки, что ничего не предпримешь безъ моего согласія.

— Пистолетъ! отдай пистолетъ!—стоналъ Эммануэль въ смертельномъ ужасѣ, протягивая къ нему дрожащія руки.

Криспина медленно опустила дуло револьвера.

— Подойди къ кроваткѣ Лауреллы, — приказала она, — положи руку ей на головку и поклянись!

Эммануэль повиновался. Проговоривъ всѣ слова вслѣдъ за нею, онъ крѣпко обнялъ дѣвочку, которая громко заплакала въ его объятіяхъ. Пробилъ часъ.

Ни одного слова не было произнесено больше между супругами. Пока Эммануэль раздѣвался, Криспина налила масла въ лампадку.

— Я всю ночь проведу при огнѣ, — сказала она больше про себя, чѣмъ обращаясь къ мужу,—и буду только дремать! *Горе ему, если* онъ вздумаетъ меня обмануть!

Криспина всю ночь не сомкнула глазъ. Итакъ, пропала

послѣдняя возможность измѣнить участь несчастнаго апулійца, ради злой воли этой женщины, желавшей во что бы то ни стало его погибели. Около десяти часовъ, Эммануэль поднялся съ подушекъ и вдругъ вскочилъ, точно его толкнулъ кто подъ бокъ.

— Ну, теперь иди и дѣлай, что̀ хочешь! — вскричала Криспина съ торжествующей насмѣшкой.—Но, прежде чѣмъ ты дойдешь до мѣста казни, Марзусси уже сдѣлаетъ свое дѣло!

X.

Въ этотъ самый день, Сальваторъ Падованино былъ разбуженъ около семи часовъ. Обвиненный, съ тѣхъ поръ какъ произнесенъ былъ приговоръ, ждалъ дня казни съ нетерпѣніемъ школьника, который желаетъ скорѣе сдать экзаменъ, будучи увѣренъ въ счастливомъ успѣхѣ. Но когда въ каморку вошелъ сторожъ, въ сопровожденіи свиты синьора ди-Наполи, Сальваторъ ощутилъ невольный тайный ужасъ. Гордость его исчезла. Онъ гораздо лучше, легче и свободнѣе чувствовалъ себя, когда стоялъ передъ судомъ, чѣмъ въ присутствіи двухъ подмастерьевъ палача.

— Сальваторъ Падованино!—сказалъ старшій изъ нихъ, суровый и мрачный, съ какой-то игривой хвастливостью въ голосѣ и манерахъ, — мы за вами пришли. Вамъ предоставляется еще разъ, прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ, побыть наединѣ съ высокопреподобнымъ отцомъ. Времени больше, чѣмъ надо.

Апуліецъ вздрогнулъ. Широко раскрытыми глазами онъ взглянулъ на говорившаго и, заикаясь отъ страху, спросилъ, что̀ это значитъ: „прежде, чѣмъ мы съ вами покончимъ?“

— Ну, — отвѣтилъ палачъ, — все равно, вы сейчасъ не можете видѣть того, что̀ съ вами скоро произойдетъ. Итакъ, желаете еще разъ видѣть патера?..

Сальваторъ сдѣлалъ отрицательный жестъ. Какъ вѣрующій католикъ, онъ еще вчера, хотя противъ желанія, открылъ патеру свою душу. Но теперь, сейчасъ, когда его раздраженіе достигло крайнихъ предѣловъ—ни за что. Возобновленное

что человѣкъ, прозывавшійся Карло Гризи, никто иной, какъ Эммануэль Накоста.

— Ну, и что жъ изъ этого? Прежде всего она, пожалуй, увѣрена, что Карло Гризи и Эммануэль Накоста одно и то же лицо; самое худшее, если она вообразитъ, что планъ съ Карло Гризи потерпѣлъ крушеніе, а Сальваторъ былъ пойманъ Накостой, прежде чѣмъ Гризи, согласно заключенному съ нимъ договору, подоспѣлъ на выручку. Тогда она припишетъ все несчастной случайности, которую нельзя исправить, уронитъ нѣсколько слезинокъ по своемъ женихѣ и черезъ годъ выйдетъ замужъ за другаго.

— Да, да,—бормоталъ Накоста,—но я не къ тому клоню разговоръ... О, еслибъ я только могъ раньше представить себѣ, какія это будутъ ужасныя муки, и какъ мнѣ будетъ страшно!

— Вотъ что? Ну, такъ за чѣмъ же дѣло стало? Поди и донеси на себя. Никто отъ этого ничего не потеряетъ, я же съ своей стороны и безъ тебя проложу себѣ дорогу.

— О, да! это ты уже разъ доказала,—вскричалъ, выйдя изъ себя, Эммануэль.

Воспоминаніе о его заточеніи въ Чивитта-Векіи, о невѣрности Криспины, и ненавистный образъ марсельца, который былъ такъ похожъ на апулійца, поразили его сердце. На половину позабытыя страсть и ревность снова овладѣли имъ. Криспина одержала побѣду; послѣднее чувство жалости было заглушено проснувшейся страстью. До этого дня Накоста хотѣлъ ограничиться тѣми деньгами, которыя получилъ, затѣмъ покинуть Неаполь, Италію и, очутившись въ чужихъ краяхъ, гдѣ королевская власть уже не будетъ ему страшна, послать монсиньору де-Фабрису письмо, гдѣ разоблачить всю комедію, и такимъ образомъ спасти апулійца отъ смерти. Но теперь это благое намѣреніе разлетѣлось, какъ дымъ. Самъ Накоста когда-то такъ много вытерпѣлъ, что нечего ему жалѣть другихъ. Никогда еще не казалась ему Криспина такой прелестной, какъ въ настоящую минуту, и никогда не считалъ онъ себя болѣе правымъ, какъ теперь, когда онъ шелъ напроломъ къ желанной цѣли — раздавить ненавистнаго апулійца.

Не смотря на вернувшееся пріятное расположеніе духа,

по немъ пробѣжали мурашки, когда вечеромъ пришелъ Марзусси, закутанный въ плащъ.

— Ну что?—спросила Криспина, которая только что уложила дочь и устремила на Марзусси сверкающій взглядъ.

Помощникъ палача кивнулъ головой, съ самодовольствомъ купца, который обдѣлалъ хорошее дѣльце.

— Все въ порядкѣ.—сказалъ онъ равнодушно.

Эммануэль точно остолбенѣлъ. До этой минуты онъ считалъ себя человѣкомъ свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ, самымъ страшнымъ эгоистомъ, однимъ изъ отважнѣйшихъ смертныхъ, когда либо жившихъ подъ луной. Но вотъ передъ нимъ стоитъ человѣкъ, у котораго подлость и военничество всосались въ плоть и кровь, которому все это также необходимо, какъ воздухъ, какъ жизнь. Марзусси заговорилъ объ этомъ преступленіи и предательствѣ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ, нѣсколько времени назадъ, когда Накоста открылъ ему въ кофейной свой замыселъ, Марзусси сначала мѣшкалъ, но это происходило больше отъ притворства, а никакъ не отъ нерѣшительности. Криспина, услыхавъ сообщеніе Марзусси, отъ восторга даже захлопала въ ладоши и захохотала веселымъ смѣхомъ. Впрочемъ она скоро умѣрила свой пылъ, взглянувъ на разстроенное лицо Эммануэля. Тогда она съ нѣжностью бросилась къ нему на грудь, ластясь, какъ кошка, до тѣхъ поръ, пока ей удалось разогнать его тоску. Четверть часа, что Марзусси провелъ у этой четы, Эммануэль держалъ себя выжидательно. Между тѣмъ Криспина и помощникъ палача обмѣнивались бѣглымъ разговоромъ, но такъ тихо и быстро, что Эммануэль долженъ былъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы слѣдить за ихъ бесѣдой.

— Итакъ, приговоренъ? — спросила Криспина,—и безъ всякаго смягченія участи?

— Приговоренъ, — подтвердилъ Марзусси, какъ любой разбойникъ съ горы Сантъ-Анжело.—Того карабинера, который велъ его на послѣдній допросъ, я зналъ еще въ Римѣ. Ну, я и спросилъ его мимоходомъ, будетъ ли намъ пощада.—Увы!—отвѣчалъ этотъ человѣкъ такимъ тономъ, какъ будто ему было очень жаль, что подобная участь постигла

такого славнаго малаго, какъ Сальваторъ, и при этомъ сдѣлалъ жестъ, довольно краснорѣчивый.

— Ну, а какъ же онъ отнесся къ этому?

— Кто? апуліецъ? Онъ держалъ себя все время одинаково. Да и что же ему иначе дѣлать? Разъ онъ произнесъ *А*, то по порядку долженъ сказать *Б*. Того уже требуетъ алфавитъ. Вѣдь вамъ извѣстно отъ мужа, до чего мальчуганъ упрямъ и какъ твердо увѣренъ, что монсиньоръ де-Фабрисъ хлопочетъ объ немъ и избавитъ его въ одинъ прекрасный день отъ этихъ трагическихъ обстоятельствъ.

— Просто, это невѣроятно! сказала Криспина.

— Человѣкъ, все таки, по своему счастливъ,—сказалъ помощникъ палача.—До послѣдняго момента ему грезятся розовыя мечты въ будущемъ; онъ мечтаетъ о счастьѣ государства и никакъ не можетъ взяться за умъ. Теперь остается только прочесть ему отходную.

— Да, если только ему не придетъ въ голову сомнѣніе въ подлинности самого кардинала. Но въ подобномъ случаѣ можете ли вы ускорить моментъ, который относится къ вашей обязанности?

— О, этого никакъ нельзя, синьора! Но, во всякомъ случаѣ, вамъ нечего бояться. Моя борода со времени той мистификаціи совершенно выросла и костюмъ очень измѣнился. Да и не смотря на свое довѣріе, апуліецъ былъ все таки немножко взволнованъ, а люди въ такомъ состояніи не особенно способны къ наблюдательности.

— Что касается меня, то я навѣрно, бы узнала васъ, Марзусси.

— Да, это вы! Вѣдь женщины—все равно, что змѣи; онѣ отлично видятъ облако, плавающее въ воздухѣ, принимая его то за орла, то за чье-то лицо, а того, что у нихъ дѣлается подъ носомъ, онѣ и не видятъ. Ну, да еслибы и такъ? Для меня, помощника палача, будетъ очень лестно, если во мнѣ найдутъ сходство съ его эминенціей. Повторяю опять, синьора, что вы и представить себѣ не можете, до чего ограничены эти фантазеры въ вопросахъ повседневной жизни. Конечно, это дѣльце не изъ обыденныхъ... Ну, да еслибы я даже и ошибся въ этомъ отношеніи, зато вѣрно одно:

ито синьоръ ди-Наполи не дастъ ему задуматься или выразить свое удивленіе.

Настала пауза. Наконецъ, Криспина медленно проговорила: „А когда?“

— Какъ только къ приговору приложатъ печать. Это, конечно, продлится немножко дольше, чѣмъ было бы желательно.

— Какъ такъ?

— Цезари, который его защищаетъ, теперь сталъ еще двое упрямѣе, потому что правительство, опасаясь либераловъ, дѣйствуетъ довольно умѣренно и осторожно...

— Но какое же это имѣетъ отношеніе къ процессу?

— Синьоръ Цезари будетъ бороться до послѣдней минуты, только бы вывести дѣло на свѣжую воду. Но я, можетъ быть, несовсѣмъ хорошо понялъ, что̀ мнѣ наболталъ карабинеръ. Кажется, существуетъ еще какое-то законное средство или правило. Поможетъ это ему очень мало, какъ всѣ остальныя средства. Кое-что писали объ этомъ въ газетахъ. Цезари подозрѣваетъ, что Сальваторъ несовсѣмъ въ своемъ умѣ. Рѣчь его, которую вы, вѣроятно, прочли въ газетахъ, состоитъ изъ цѣлаго ряда возраженій. Какъ оказывается, въ пренія вкралась какая-то ошибка, но натурально не такая важная, чтобъ изъ-за нея отмѣнили приговоръ. Впрочемъ я привожу вамъ эти обстоятельства для того, чтобы вы не удивлялись, если дѣло затянется еще на двѣ недѣли. Удивительно, откуда набираетъ Цезари столько энергіи, чтобы вести такую войну съ судьями, когда онъ самъ виситъ на волоскѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что онъ и самъ не гарантированъ противъ королевскаго указа. Пять человѣкъ изъ земляковъ правительство на дняхъ выслало за границу. Но это мало помогло, потому что онъ не прекратилъ сношеній съ ними. Иначе было бы просто непонятно, какъ ему позволяютъ переходить всякую мѣру въ своей защитѣ.

— Будь проклятъ этотъ другъ либераловъ! И чего ему нужно, дуралею? Но если апуліецъ допуститъ совершиться приговору, а это будетъ непремѣнно...

— О, да! Ужь если апуліецъ разъ сказалъ „да“, и аминь. Но Цезари протестовалъ и былъ правъ,

потому что самъ онъ былъ выбранъ не Сальваторомъ, а по жребію, къ тому же онъ увѣряетъ, что Сальваторъ невмѣняемъ. Ну, этотъ адвокатишка можетъ продѣлывать все, что ему угодно, и все таки ничего не добьется, потому что кардиналъ стоитъ, такъ сказать, за спиною судей и подбрасываетъ уголь въ огонь. Ужасъ до того обуялъ кардинала, что онъ хочетъ, благодаря этому случаю, установить особый законъ и, кажется, спѣшитъ сдѣлать это какъ можно скорѣе.

Криспина встала и принесла кружку, наполненную темноватымъ асти. Наполнивъ стаканы, она предложила имъ обоимъ выпить.

— За ваше здоровье, кумъ! — обратилась она къ Марзусси.—Надѣюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я съ вами побранилась, узнавъ, какимъ ужаснымъ ремесломъ вы занимаетесь. Это у насъ у всѣхъ въ крови. Но я уже свыклась съ вашимъ страшнымъ титуломъ „синьора ди-Наполи," и это имя кажется мнѣ даже благозвучнымъ. Ну, Эммануэль, а ты что же не пьешь?

— Я не могу, — возразилъ Эммануэль, — у меня горло точно зашито.

— Дуракъ! Да ты только попробуй, посмотри, какъ это освѣжитъ твою глупую башку. Ты живешь слишкомъ роскошно, Эммануэль, и мнѣ иногда начинаетъ казаться, что ты зажирѣлъ. Ну, иди сюда! одинъ только глотокъ!

Такимъ образомъ, она всячески старалась прогнать его угрюмое настроеніе и возбудить въ немъ то же безстыдство, какимъ обладалъ Марзусси и она сама. Эммануэль выпилъ. Она снова наполнила его стаканъ, но ему начиналъ казаться отвратительнымъ смѣхъ, съ какимъ Криспина встрѣтила его покорность. Передернувъ плечами, какъ бы отъ внутренняго холода, онъ прислонился къ спинкѣ стула и, закрывъ глаза, вздохнулъ тяжелымъ, мучительнымъ вздохомъ.

Осушивъ кружку вмѣстѣ съ развеселой Криспиной, Марзусси взялся за шляпу и ушелъ. Эммануэль, процѣдивъ сквозь зубы: „ну, слава Богу!" вышелъ въ садъ. Криспина пошла за нимъ, и, точно любовница, повисла у него на шеѣ.

Такимъ образомъ, прохаживались они по песчанымъ дорожкамъ, зорко ко всему приглядываясь и прислушиваясь. Это прелестное мѣстечко погружалось все больше въ тишину,

не имѣвшую ничего общаго съ гуломъ шумнаго Неаполя. Взволнованная кровь Эммануэля спокойнѣе потекла въ венахъ; онъ мало по малу сталъ забывать то отталкивающее впечатлѣніе, которое произвелъ на него смѣхъ Криспины. Оба преступника праздновали свое торжество, наслаждаясь идиллiей среди разыгравшейся трагедіи. Стало довольно темно и Криспина поспѣшила домой, чтобы собрать ужинъ. Они закусили съ большимъ апетитомъ. Остальной вечеръ они провели въ театрѣ Санъ-Карло.

Прошло еще двѣнадцать дней. Эммануэль переходилъ попеременно отъ припадковъ отчаянія и сожалѣнія къ разнузданнымъ порывамъ веселости. Образовавшаяся у него привычка къ разгулу немало помогала Криспинѣ развивать въ немъ безпечность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она старалась внушить ему, что, благодаря этой безпечности, мрачныя мысли все рѣже будутъ его навѣщать. Теперь Эммануэль былъ именно тѣмъ человѣкомъ, который необходимъ для женщины въ родѣ Криспины.

Однажды, когда они, протолкавшись весь вечеръ среди пестрой толпы, по кофейнямъ и базарамъ, возвращались домой въ самомъ розовомъ настроеніи, передъ ними вдругъ очутился, точно изъ земли выросъ, Марзусси. Эммануэль въ ужасѣ отступилъ, потому что въ лицѣ его соучастника воплощались всѣ душевныя муки, пережитыя имъ въ теченіе послѣдней недѣли.

— Что случилось?—спросила Криспина.

— Терпѣніе, синьора! здѣсь мы принадлежимъ еще улицѣ.

Въ три минуты они прошли молча до жилища Накосты. Христина спросила, не зайдетъ ли Марзусси къ нимъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Марзусси, — то, что̀ мнѣ надо вамъ сказать, можно сказать разомъ. Итакъ, слушайте. Я знаю навѣрно, что мы уже у цѣли, то есть наканунѣ послѣдней минуты...

— Наконецъ-то!—проговорила Христина, вздохнувъ полной грудью.

— Все, кумушка, идетъ, какъ по маслу. Дѣло вдругъ пошло очень ходко. Цезари, не смотря на всѣ старанія, не могъ ничего добиться; ему не удалось даже вымолить какого *бы то ни было* смягченія участи осужденнаго. Смертный при-

говоровъ, подписанный самимъ королемъ, со вчерашняго дня находится въ рукахъ предсѣдателя суда.

— Откуда вы все это узнали? — простонала Криспина, дрожа отъ головы до ногъ.

— Откуда? Очень просто. Завтра назначена казнь и я получилъ уже приказаніе.

— Пойдемъ!—шепнулъ Накоста, блѣднѣя отъ ужаса.—Пожалуй, насъ здѣсь схватятъ. Хорошо, Марзусси, уйдите, заклинаю васъ...

Онъ потащилъ за собою Криспину.

— Э! да у него отъ радости начались схватки подагры,— со смѣхомъ пустилъ ему вслѣдъ Марзусси.

Эммануэль не издалъ ни одного звука въ отвѣтъ. Придя домой, онъ бросился, не раздѣваясь, въ постель, и въ отчаяніи схватился за голову. Ему казалось, что у него разрывается сердце. Онъ бился и дрожалъ, точно въ параксизмѣ лихорадки. Криспина съ изумленіемъ глядѣла на него. Скрестивъ руки на груди, она простояла съ минуту, точно не рѣшаясь, начать ей говорить или нѣтъ? Потомъ она быстро подошла къ комоду, отперла его, осторожно завернула что-то и опять заперла. Въ эту минуту, Эммануэль вдругъ вскочилъ:

— Завтра!—закричалъ онъ пронзительно.—О, я предчувствовалъ, что это свалитъ меня съ ногъ. Ты, ты одна—виновница этого позорнаго паденія, ты и Марзусси!

— Не кричи такъ, — перебила его Криспина ледянымъ тономъ.—Ты лжешь, Эммануэль. Весь этотъ планъ—созданье твоей головы а не моей, и къ Марзусси ты прибѣгнулъ уже позднѣе, когда апуліецъ ускользалъ изъ твоихъ рукъ. Ты — зачинщикъ всего. Итакъ, перестань визжать! Во всякомъ случаѣ, что ты этимъ выиграешь? Ты кривляешься, точно беременная женщина; стыдись! это недостойно мужчины, у котораго есть сила и мозгъ въ костяхъ!

— Криспина, — перебилъ онъ беззвучнымъ голосомъ, — уложи все самое необходимое, но сейчасъ же, не теряя ни одной минуты! Мы должны бѣжать. Я сегодня узналъ въ Санта-Лучіи, что завтра, чѣмъ свѣтъ, корабль отправляется въ Мальту. Тамъ мы будемъ безопасны! О паспортахъ я уже [illegible]отился раньше. Прежде чѣмъ сѣсть на корабль, я по-
дного изъ полицейскихъ къ кардиналу и извѣщу его о

ъмъ, что онъ долженъ знать. Развѣ ты рѣшишься хладно-ровно смотрѣть, какъ это чудовище Марзусси поведетъ на пафотъ человѣка, неповиннаго, какъ ребенокъ? Криспина, этого не вынесу! Итакъ, собирайся! Что же ты мѣшкаешь? тебѣ говорю, укладывайся. Слышишь ты или нѣтъ, а я ѣмъ временемъ напишу письмо!

— Ахъ ты, дуралей!—прошипѣла молодая женщина, по-раснѣвъ отъ злости и презрѣнія. — Однажды ты уже одура-илъ меня, но теперь, клянусь, тебѣ этого не удастся повто-ить. Если ты не хочешь сдержать своего слова, по доброй олѣ, я заставлю тебя силой!

— Ты?

— Да, я! прежде чѣмъ дать тебѣ время уѣхать, я пойду ама къ начальнику полиціи и выдамъ тебя. Будь, что бу-етъ! Я уже устала вѣчно скитаться, какъ бродяга, нигдѣ не аходящая себѣ покоя, и все это только потому, что мой упругъ—ничтожное созданіе.

— Хорошо!—со стономъ вырвалось у Накосты. — Иди, риспина, или постой—ужь лучше я самъ пойду.

И съ этими словами онъ рванулся къ двери. Криспина агородила ему дорогу. Въ ея правой рукѣ блеснулъ карман-ый пистолетъ.

— Берегись, трусъ!—шипѣла она, бѣшено сверкая гла-ами:—я размозжу тебѣ голову, если ты сейчасъ же не по-янешься на этомъ крестѣ, что будешь молчать и вести себя акъ должно.

Сначала Эммануэль, при взглядѣ на заряженный писто-етъ, попятился назадъ, но затѣмъ презрительно расхохо-ался.

— Ну, стрѣляй, будешь дважды убійцей!—простоналъ онъ, ѣлая шагъ впередъ.—Что меня можетъ привязывать къ жизни? акъ подумаешь, право, до чего я былъ глупъ, когда отби-алъ эту голубку у марсельца! О, тогда я избѣжалъ бы мно-аго. Ты довела меня до тюрьмы своей ненасытной жаждой ъ роскошной жизни, своимъ безумнымъ мотовствомъ и вкра-ивой ложью! Ну, стрѣляй же въ меня, прекрасная Кри-пина. Марселецъ останется тебѣ въ утѣшеніе, или кто ни-удь другой?

Разбуженная шумомъ этой безобразной сцены, дѣвочка приподнялась на своей кроваткѣ. Влажными, широко раскрытыми отъ ужаса, глазками она оглянулась во всѣ стороны и обратила взглядъ на разъяренныя фигуры отца и матери, недоумѣвая, что̀ означаютъ ихъ свирѣпыя тѣлодвиженія. И вдругъ Криспина, точно охваченная припадкомъ безумія, направила дуло пистолета прямо въ лобъ малютки.

— Только двинься еще, подлый измѣнникъ, и я выстрѣлю!—закричала она.

Выраженіе лица ея въ эту минуту было ужасно.—Твоя жизнь для тебя нипочемъ, и въ этомъ случаѣ ты правъ: лобъ такого дурака не сто̀итъ пули, которая раздробитъ глупый черепъ—но дитя... Слушай же, Эммануэль! Ты любилъ вѣдь маленькую Лауреллу; она была твоимъ счастьемъ и надеждой, въ то время когда наши дѣла шли все хуже и хуже. Я убью Лауреллу и затѣмъ себя, если ты будешь играть такую жалкую роль.

Эммануэль опустился на колѣни.

— О, Боже мой!—прошепталъ онъ, блѣдный, какъ смерть. Онъ чувствовалъ, что эта женщина на все способна.

— Встань,—приказала она ему,—и ступай спать. Я постараюсь позабыть, что̀ произошло между нами, если ты только поклянешься мнѣ жизнью этой малютки, что ничего не предпримешь безъ моего согласія.

— Пистолетъ! отдай пистолетъ!—стоналъ Эммануэль въ смертельномъ ужасѣ, протягивая къ нему дрожащія руки.

Криспина медленно опустила дуло револьвера.

— Подойди къ кроваткѣ Лауреллы, — приказала она, — положи руку ей на головку и поклянись!

Эммануэль повиновался. Проговоривъ всѣ слова вслѣдъ за нею, онъ крѣпко обнялъ дѣвочку, которая громко заплакала въ его объятіяхъ. Пробилъ часъ.

Ни одного слова не было произнесено больше между супругами. Пока Эммануэль раздѣвался, Криспина налила масла въ лампадку.

— Я всю ночь проведу при огнѣ, — сказала она больше про себя, чѣмъ обращаясь къ мужу,—и буду только дремать! *Горе ему, если* онъ вздумаетъ меня обмануть!

Криспина всю ночь не сомкнула глазъ. Итакъ, пропала

послѣдняя возможность измѣнить участь несчастнаго апулійца, ради злой воли этой женщины, желавшей во что бы то ни стало его погибели. Около десяти часовъ, Эммануэль поднялся съ подушекъ и вдругъ вскочилъ, точно его толкнулъ кто подъ бокъ.

— Ну, теперь иди и дѣлай, что̀ хочешь! — вскричала Криспина съ торжествующей насмѣшкой.—Но, прежде чѣмъ ты дойдешь до мѣста казни, Марзусси уже сдѣлаетъ свое дѣло!

X.

Въ этотъ самый день, Сальваторъ Падованино былъ разбуженъ около семи часовъ. Обвиненный, съ тѣхъ поръ какъ произнесенъ былъ приговоръ, ждалъ дня казни съ нетерпѣніемъ школьника, который желаетъ скорѣе сдать экзаменъ, будучи увѣренъ въ счастливомъ успѣхѣ. Но когда въ каморку вошелъ сторожъ, въ сопровожденіи свиты синьора ди-Наполи, Сальваторъ ощутилъ невольный тайный ужасъ. Гордость его исчезла. Онъ гораздо лучше, легче и свободнѣе чувствовалъ себя, когда стоялъ передъ судомъ, чѣмъ въ присутствіи двухъ подмастерьевъ палача.

— Сальваторъ Падованино!—сказалъ старшій изъ нихъ, суровый и мрачный, съ какой-то игривой хвастливостью въ голосѣ и манерахъ, — мы за вами пришли. Вамъ предоставляется еще разъ, прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ, побыть наединѣ съ высокопреподобнымъ отцомъ. Времени больше, чѣмъ надо.

Апуліецъ вздрогнулъ. Широко раскрытыми глазами онъ взглянулъ на говорившаго и, заикаясь отъ страху, спросилъ, что̀ это значитъ: „прежде, чѣмъ мы съ вами покончимъ?“

— Ну, — отвѣтилъ палачъ, — все равно, вы сейчасъ не можете видѣть того, что̀ съ вами скоро произойдетъ. Итакъ, желаете еще разъ видѣть патера?..

Сальваторъ сдѣлалъ отрицательный жестъ. Какъ вѣрующій католикъ, онъ еще вчера, хотя противъ желанія, открылъ патеру свою душу. Но теперь, сейчасъ, когда его раздраженіе *достигло крайнихъ* предѣловъ—ни за что. Возобновленное

свиданіе принудило бы его къ новымъ признаніямъ, а теперь онъ ждалъ скорѣе желаннаго конца.

Тюремщикъ понялъ поведеніе преступника, какъ упрямство. Съ бранью противъ либераловъ, онъ ушелъ, пока двое подмастерьевъ приступали къ тому, что̀ на полицейскомъ діалектѣ называется „совершеніемъ туалета“. Сальваторъ долженъ былъ замѣнить свой сюртукъ, который онъ носилъ все время, короткой курткой въ обтяжку. Затѣмъ вытащили деревянную скамейку на середину каморки. Когда Сальваторъ сѣлъ на нее верхомъ, младшій изъ работниковъ забралъ рукой его густыя кудри, крѣпко стянулъ ихъ, а другой началъ ихъ стричь острыми ножницами, ежеминутно задѣвая концами ихъ за кожу. При первомъ прикосновеніи холодной стали къ головѣ, Сальваторъ ринулся съ мѣста.

— Потише!—закричалъ помощникъ палача съ хохотомъ.— Если вы будете артачиться, то не только волосы, но и ваша толстая кожа пострадаетъ. Конечно, объ этомъ не стоитъ безпокоиться на какіе нибудь полтора часа, но явиться передъ всѣми въ скальпированномъ видѣ, при жизни, несовсѣмъ красиво.

Сальваторъ стиснулъ зубы. Когда-то онъ считалъ невыносимымъ и тяжелымъ свое пребываніе въ тюрьмѣ; теперь же это грубое обращеніе съ его личностью, этотъ помощникъ палача, замахивающійся на него кулаками, показались ему еще болѣе невыносимыми. Съ минуту онъ находился въ перѣшимости, не сорвать ли ему маску и потребовать, чтобы его повели опять въ судъ, къ предсѣдателю, для новаго показанія. Когда его прекрасные темные волосы были обстрижены, его шею освободили изъ подъ узкаго ворота, обрѣзавъ его на дюймъ шириной, ровно настолько, чтобы оставить свободное мѣсто на затылкѣ; свои ботинки онъ долженъ былъ замѣнить кожаными сапогами. На лѣвое плечо ему прикрѣпили крестъ, изъ простеганнаго чернаго сукна, въ знакъ того, что онъ приговоренъ къ смерти. Этимъ закончились приготовленія.

— У насъ остается въ распоряженіи еще полчаса,—сказалъ подмастерье.—Если вы потребуете чего нибудь съѣсть или выпить, то немедленно получите. Я понимаю, что такой бѣднякъ, какъ вы, едва ли можетъ имѣть апетитъ въ подоб-

ную минуту, но если вы примете мой совѣтъ, то послушайте меня: выпейте немного вина, все таки вамъ не такъ будетъ тяжело. Право, такой молодчикъ, какъ вы, не долженъ умирать со страхомъ и визгомъ, какъ старая отравительница!

Сальваторъ ощущалъ дѣйствительное желаніе подкрѣпиться. Мастеръ заплечныхъ дѣлъ постучалъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ привратникъ внесъ корзину съ закусками и полную кружку вина. Формальная точность, съ какой было тотчасъ исполнено желаніе Сальватора, произвело на него удручающее впечатлѣніе. Ему показалось, что онъ—точно колесо какой-то машины, которое сильно вертится, но съ размѣренною отчетливостью.

Онъ самъ не могъ понять, что̀ его больше безпокоило въ подобномъ случаѣ, потому что въ прочности договора съ кардиналомъ онъ все таки не могъ сомнѣваться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его посѣтилъ Эммануэль.

Онъ жадно осушилъ два стакана вина, затѣмъ съѣлъ немного мяса, не волнуясь нисколько, когда оба „мастера“ изощрялись во всевозможныхъ совѣтахъ и ободреніяхъ, шутливо увѣряя его, что все кончится въ одинъ мигъ. Пробило восемь часовъ. Вслѣдъ затѣмъ, громко прозвенѣлъ рѣзкій колокольчикъ. Оба палача скрутили осужденному руки и повели его по длинному коридору къ лѣстницѣ, на которой къ нимъ присоединился патеръ. Передъ сѣверными воротами тюрьмы стояла двухколесная карета, покрытая, по мѣстному обычаю, чернымъ сукномъ. При взглядѣ на эту ужасную повозку, Сальваторъ поблѣднѣлъ, какъ смерть. Или Накоста неслыханно его одурачилъ, или его эминенція не сдержалъ своего слова, такъ какъ осужденнаго увѣряли, что казнь производится внутри двора, такъ что ему не придется даже покидать стѣнъ тюрьмы. Теперь же эта черная колесница возвѣщала, что ему предстоитъ проѣхать по отдаленнымъ улицамъ города до мѣста, на которомъ совершаетъ казнь синьоръ ди-Наполи, гдѣ несмѣтная толпа народа будетъ пожирать его любопытными взглядами. Онъ начиналъ сомнѣваться и проворчалъ что-то о предательствѣ, сдѣлавъ жестъ сопротивленія. Въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ, какъ оба прислужника палача подхватили его за руки и посадили на

переднее мѣсто въ карету, гдѣ сидѣлъ уже патеръ. Почти оглушенный, онъ молча покорился неизбѣжному.

Повозка двинулась и медленно поѣхала въ сопровожденіи конвоя. Встрѣчный народъ отступалъ назадъ съ тѣмъ смѣшаннымъ чувствомъ ужаса и любопытства, которое внушаетъ видъ приговореннаго къ смерти преступника. Но скоро въ рядахъ толпы послышался едва сдерживаемый ропотъ, похожій на соболѣзнованіе. Всѣ передавали другъ другу, что Сальваторъ былъ околдованъ посредствомъ дьявольскаго навожденія. Въ этомъ случаѣ легковѣрный народъ дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ словъ Антоніо Цезари. Казалось, что приговоренный былъ во власти какихъ-то чаръ неумолимой судьбы; но на виновнаго, и тѣмъ болѣе на злодѣя, онъ вовсе не походилъ, и такъ какъ вездѣ говорили о его поразительной красотѣ, то къ нему невольно начали относиться симпатично, особенно женщины, между которыми было немало такихъ, которыя чувствовали, что симпатія ихъ идетъ все crescendo. Сальваторъ, ожидавшій, послѣ всѣхъ своихъ приключеній со дня преступленія, встрѣтить взрывъ негодованія и ненависти, принялъ это спокойствіе, какъ выраженіе крайняго презрѣнія, для котораго излишни всякія слова. Такое заключеніе сдѣлало еще невыносимѣе его пытку.

На площади еще за ночь устроили подмостки. Полицейскіе и солдаты, выстроившись въ рядъ, образовали барьеръ, отдѣлявшій публику отъ мѣста казни. На эти подмостки взошелъ Сальваторъ, сопровождаемый предсѣдателемъ суда, двумя его ассистентами, прокуроромъ, секретаремъ кардинала и другими офиціальными лицами, собравшимися для присутствія на этой церемоніи.

По ту сторону подмостокъ, около столба, украшеннаго флагомъ, ждалъ своей очереди господинъ Грегоріо, котораго народъ зналъ подъ именемъ синьора ди-Наполи. Онъ былъ одѣтъ въ ярко-красную рубашку. Направо отъ него стоялъ его главный помощникъ, стройный, крѣпкій сицилiецъ, одѣтый во все красное; налѣво былъ другой помощникъ, одѣтый въ красное съ желтымъ; это былъ Марзусси. Онъ глубоко надвинулъ шляпу на лобъ. Густая борода, обрамлявшая его широкое упитанное лицо, съ трудомъ позволяла найти какое бы то ни было сходство съ кардиналомъ изъ гостинницы

„Золотаго креста“. Подмастерья, которые вели апулійца изъ тюрьмы, довели его теперь до середины площади. Прокуроръ торжественно прочелъ ему указъ короля, утверждавшій судебный приговоръ; затѣмъ онъ сдѣлалъ Сальватору послѣдній допросъ, согласно предписанію о приговорениыхъ къ казни.

Сальваторъ слышалъ только дребезжащій голосъ прокурора, но едва улавливалъ смыслъ сказаннаго. Онъ съ нетерпѣніемъ глядѣлъ на барьеръ, очевидно ожидая милостиваго рѣшенія отъ кардинала. Безумныя мечты, которыя онъ лелѣялъ, находясь въ тюрьмѣ, завладѣли имъ съ новой силой. Онъ воображалъ, что можетъ встрѣтиться еще какое нибудь препятствіе, что ему могло не посчастливиться, а затѣмъ... Конечно, Эммануэль успокоивалъ его увѣреніями, что посланный отъ кардинала будетъ находиться тутъ, возлѣ, и что въ крайнемъ случаѣ синьоръ ди-Наполи постарается продлить время до совершенія казни. Но кто знаетъ, вѣдь могло случиться какое нибудь упущеніе въ распоряженіяхъ правительства? Онъ продолжалъ еще находиться точно въ бреду, въ то время какъ помощники палача уже взводили его на эшафотъ. Наверху стоялъ патеръ со строгимъ, но симпатичнымъ выраженіемъ лица, готовый совершить послѣднюю грустную обязанность. „Да, но что же будетъ дальше“? вихремъ пронеслось въ головѣ Сальватора, пугливо озиравшагося во всѣ стороны. „Гдѣ же онъ? или, можетъ быть, они ждутъ“?..

— Мужайтесь,—проворчалъ работникъ, тотъ самый, который разговаривалъ съ нимъ въ тюрьмѣ. — Это ни къ чему не поведетъ, если вы будете идти такъ медленно; поторопитесь,—и все скорѣе кончится!

— О, этотъ Накоста! онъ держитъ меня, какъ на иголкахъ, — шепталъ Сальваторъ, безпрестанно оглядываясь. Онъ совершенно машинально всходилъ на ступени эшафота. Но когда онъ увидѣлъ открытый гробъ, стоявшій рядомъ съ гильотиной, то весь затрепеталъ отъ ужаса сталъ сопротивляться съ нечеловѣческимъ усиліемъ. „Предательство, предательство!—кричалъ онъ, почти въ забытьѣ отъ страха.— „Накоста... кардиналъ... я погибъ!“

Оба работника, привыкшіе къ подобнымъ сценамъ, ста-

рались его удержать. Онъ дошелъ уже до подмостокъ, на которыхъ стоялъ синьоръ ди-Наполи, со своими помощниками. Работники передали его на руки ближайшихъ подчиненныхъ палача, на которыхъ лежала обязанность привязывать преступниковъ къ доскѣ. Марзусси, опустивъ глаза, подошелъ къ Сальватору и сватилъ его за наручники. Апуліецъ вперилъ взглядъ въ его лицо, точно увидалъ привидѣніе. Мучимый совѣстью, Марзусси, по своему обыкновенію, прищурилъ лѣвый глазъ, и тогда вдругъ—точно завѣса спала съ глазъ Сальватора.

— Какъ? Вы, это вы? — закричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.—О, теперь я все понялъ!

Марзусси тоже понялъ, что отъ слѣдующаго момента все зависитъ. Онъ, какъ бѣшеный, опрокинулъ апулійца на землю, въ то время какъ его товарищъ забросилъ уже на доску петлю веревки.

При крикѣ: „кардиналъ!“, прокуроръ подумалъ, что преступникъ призываетъ имя его эминенціи въ припадкѣ сильнаго испуга, и вотъ, чтобы заглушить дальнѣйшій крикъ, приказалъ командированнымъ для подобныхъ случаевъ солдатамъ бить въ барабанъ.

— Отъ страха онъ сошелъ съ ума, — сказалъ Марзусси своему товарищу.

Патеръ, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, приблизился къ Сальватору.

— Мнѣ измѣнили!—кричалъ связанный апуліецъ.—Я во всемъ признаюсь. Все ложь, все сдѣлано по злобѣ! Злодѣи напрасно хотятъ меня убить!

Укоризненно качая головой, повернулся къ нему патеръ. Сложивъ руки, онъ произносилъ тихую молитву, въ то время какъ Марзусси подвигалъ доску къ гильотинѣ. Синьоръ ди-Наполи взошелъ наверхъ, чтобы затянуть петлю. Апулійца вдругъ охватила какая-то апатія, которую можно было назвать цѣлительнымъ бальзамомъ, сравнительно съ тѣмъ чувствомъ, которое обуревало его раньше.

Еще мгновеніе, и острый топоръ готовъ былъ опуститься на его шею, вдвинутую уже на доскѣ въ круглую выемку гильотины; но въ самую послѣднюю минуту барабанный бой стихъ и раздался гремящій крикъ: „Стой! мы веземъ поми-

лованіе отъ короля!" Этотъ крикъ пронесся черезъ всю толпу, наполнявшую площадь. Два офицера изъ королевской гвардіи перескочили черезъ барьеръ и чуть не сбили съ ногъ королевскаго прокурора. Марзусси оцѣпенѣлъ. Это непремѣнно дѣло рукъ проклятаго Антоніо Цезари, который съ самаго начала процесса поклялся небомъ и адомъ, что спасетъ защищаемаго имъ апулійца. Блѣдный и трепещущій, ощупывалъ Марзусси крюкъ, на которомъ висѣла веревка. Еслибы онъ сейчасъ опустилъ топоръ, то могъ бы отговориться излишнимъ усердіемъ, но зато разъ навсегда избавился бы отъ ужаснаго обвинителя, въ лицѣ Сальватора Падованино. Но, въ ту же самую минуту, онъ съ крикомъ откинулся назадъ. Старшій помощникъ синьора ди-Наполи такъ сильно ударилъ его въ лобъ концомъ желѣзной палки, что кровь горячей струей брызнула у него изъ носу и глазъ.

Пока ослѣпленный Марзусси прижималъ ладони къ лицу, самъ палачъ положилъ ему на плечо руку, въ знакъ того, что ему больше нечего дѣлать. Офицеры объявили королевскому прокурору, отъ имени его величества, чтобы помилованнаго отвели сейчасъ же въ муниципалитетъ, такъ какъ Сальваторъ Падованино хотя и помилованъ отъ смертной казни, но долженъ находиться подъ арестомъ. Его величество приказалъ пересмотрѣть и начать съизнова все судопроизводство.

И Сальваторъ, удивленно озиравшійся вокругъ, былъ сведенъ съ подмостокъ, между тѣмъ какъ Марзусси, по настоянію его начальника, былъ схваченъ полицейскими чиновниками. Синьоръ ди-Наполи, ревностно относившійся ко всему, что онъ называлъ своимъ дѣломъ, потребовалъ строжайшаго изслѣдованія причины неслыханнаго ослушанія Марзусси, готовившагося опустить топоръ гильотины въ то время, когда уже пришло помилованіе преступнику.

XI.

Смертельно потрясенный всѣмъ, что ему пришлось вынести, Сальваторъ дошелъ до муниципальной тюрьмы. Совершенно *обезсиленный*, онъ бросился на кровать и закрылъ

глаза. Каждый нервъ у него нылъ. Онъ заснулъ свинцовымъ сномъ. Передъ обѣдомъ, его разбудило щелканье ключа. Онъ открылъ глаза. Его защитникъ, Антоніо Цезари, и Марія стояли у его постели.

— Какъ, это ты, цыганка?—вскричалъ онъ, въ высшей степени пораженный.

Мысли его путались, и онъ никакъ не могъ объяснить себѣ появленія Маріи. Пока его везли въ тюрьму, онъ началъ было обольщать себя надеждой, что его неожиданное избавленіе отъ смертной казни и затѣмъ арестъ Марзусси королевскими офицерами — ничто иное, какъ осуществленіе плана, задуманнаго имъ вмѣстѣ съ Накостой. Но, затѣмъ, передъ нимъ возникъ образъ Марзусси, на лицѣ котораго ясно отразилась борьба совѣсти; на этомъ лживомъ лицѣ ясно можно было прочесть, что все было обманъ и предательство. Но какимъ же образомъ объяснить себѣ это неожиданное спасеніе? Пугливый и пристальный взглядъ цыганки, устремленный на него, объяснилъ ему, гдѣ искать причину своего спасенія.

„Итакъ, все это было только предательство, и, вмѣсто обѣщанной награды, я подвергнусь дальнѣйшему преслѣдованію, потому что ясно, какъ божій день, что это дѣло не такъ легко сойдетъ мнѣ съ рукъ“.

Тяжело вздыхая, онъ поперемѣнно взглядывалъ то на Марію, то на Цезари. Цыганка была страшно блѣдна, и глаза ея ввалились. Во взглядѣ юриста апуліецъ прочелъ выраженіе торжества, а въ то же время что-то рѣшительное и укоризненное.

— Несчастнѣйшій изъ людей, — такъ началъ Цезари,— какой злой духъ управлялъ вами, что вы такъ слѣпо стремились къ своей погибели? Кто знаетъ, не было ли бы лучше, еслибы милость короля опоздала!

— О, синьоръ Цезари! — простоналъ апуліецъ, — стало быть, вамъ уже извѣстно?..

— Все мнѣ извѣстно, все! только не узналъ я еще имени того подлеца, который разыгралъ роль кардинала въ трактирѣ „Золотаго креста“. Но и это мнѣ скоро будетъ извѣстно, *потому что сыщики* не отходятъ отъ дома вашего пріятеля *Накосты. Но скажите* же наконецъ, невѣроятный безумецъ

какимъ образомъ случилось, что вы съ перваго же взгляда не увидали насквозь игру этого обманщика? И вы допустили себя такъ одурачить? Я сомнѣваюсь, въ здравомъ ли вы умѣ. Не слѣдуетъ ли приготовить для васъ помѣщеніе въ домѣ сумашедшихъ?

— Да, вы правы!—сокрушенно подтвердилъ Сальваторъ.—Я бредилъ съ открытыми глазами и безумствовалъ, какъ сумашедшій. Я самъ не могу понять, что̀ со мной было. О, какъ припоминаю я теперь ваши слова, сказанныя въ тюрьмѣ, что „счастья нельзя добиться дурными средствами“. Я сдѣлалъ глупость, непроходимую глупость!—И онъ въ отчаяніи схватился руками за голову.—Но будьте увѣрены,—продолжалъ онъ,—что я никогда бы не сдѣлалъ ничего подобнаго, еслибы имѣлъ какое нибудь мѣсто. Мой характеръ требуетъ обширнаго поля дѣйствія, а такъ какъ всѣ пути были передо мной закрыты, то я пустился на авантюры. Душа моя просто ныла въ той пустой, безцвѣтной средѣ, въ которой мнѣ приходилось прозябать. Ахъ, синьоръ, какъ мнѣ выразить вамъ, до чего я несчастенъ. Что же касается до того мошенника, который вмѣстѣ съ Накостой устроилъ мою погибель, то слушайте, что̀ я вамъ скажу: это одинъ изъ помощниковъ палача!

— Вотъ чудеса!—возразилъ юристъ.—Этого еще не бывало. Право, можно подумать, что Накоста къ своему злодѣянію хотѣлъ присоединить какое-то ехидство, выбравъ непремѣнно такого соучастника. Ну, его союзнику и безъ вашего указанія трудно будетъ долго скрываться, такъ какъ самъ Накоста въ нашихъ рукахъ. Теперь разскажите мнѣ спокойно и откровенно, какъ все это произошло. Но говорите съ самаго начала, слышите? И не пробуйте меня провести. Да и не въ вашихъ интересахъ меня обманывать. Увѣряю васъ, что силой я ничего бы не добился, потому что мнѣ, какъ члену оппозиціонной партіи, было трудно выпросить у короля аудіенцію, да еще въ такой короткій срокъ. И въ настоящее время вамъ предстоитъ побѣдить большія затрудненія. Королевскій прокуроръ стоитъ на томъ, чтобы стереть васъ съ лица земли. Это значитъ, что надо съ нимъ бороться не на животъ, а на смерть, иначе игра будетъ проиграна. А если мнѣ будутъ *ясны* малѣйшія детали вашей исторіи, то

я употреблю всевозможныя усилія, чтобы добиться своего. Итакъ, говорите правду, Сальваторъ Падованино!

— Я скажу все, что только мнѣ самому извѣстно,—клялся Сальваторъ, и началъ свой разсказъ. Съ удивленіемъ слѣдилъ Цезари за изложеніемъ событій, въ которыхъ главнымъ образомъ фигурировали фантастическія бредни. Сальваторъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ замѣчательно умный, о чемъ Цезари давно догадывался по различнымъ проявленіямъ его характера, хотя не могъ не замѣтить, что умъ этотъ былъ какой-то странный, неестественный, и граничилъ съ линіей, за которой начинается или геній, или феноменальная глупость; но въ Сальваторѣ все это какъ-то необычайно смѣшивалось. Несомнѣнно, однако, что на этотъ разъ апуліецъ сдѣлалъ непростительный промахъ. Еслибы онъ стоялъ на прямой дорогѣ, то могъ бы принести значительную пользу. Слѣпое, безумное стремленіе,—выказывавшееся то подъ маской какого-то болѣзненнаго честолюбія, то въ страстномъ желаніи богатства и наслажденій,—приняло безобразную форму, и, не случись этого несчастія, будь честолюбіе и любовь къ наслажденіямъ на настоящемъ пути,—очень вѣроятно, что Сальваторъ достигъ бы своей цѣли. Цезари, слушая апулійца, тщательно изслѣдовалъ малѣйшія подробности его разсказа, для того чтобы знать, какъ дѣйствовать въ его пользу. Окончивъ свой разсказъ, апуліецъ самъ осыпалъ Цезари вопросами: онъ долженъ знать, какимъ образомъ удалось адвокату проникнуть тайну, сохранявшуюся въ такомъ строгомъ секретѣ. Жгучее любопытство и нетерпѣніе взяли въ немъ верхъ надъ заботой о своей будущности; его горячность мало соотвѣтствовала осторожности, какою обладалъ Цезари, твердо подходившій къ своей цѣли. Въ то же время Цезари старался ободрить обманутаго Сальватора, говоря, что, если онъ беретъ его на поруки, то Сальваторъ можетъ считать себя въ полной безопасности, подъ его защитой. Несчастный въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ адвоката, умолялъ простить его за то, что онъ, сговорившись съ Накостой, такъ долго обманывалъ своего единственнаго друга, и просилъ Цезари, чтобы тотъ сказалъ ему, какимъ образомъ узналъ онъ *суть дѣла* и даже то, о чемъ не было извѣстно самому Сальватору. Цезари узналъ все очень просто. Съ цѣлью разъяс-

нить странныя противорѣчія въ показаніяхъ Сальватора, онъ взялъ на нѣсколько дней отпускъ въ Капри. Ему хотѣлось прослѣдить за цыганкой, наблюдать за нею; такимъ образомъ онъ надѣялся напасть на вѣрный слѣдъ. Поселившись въ домикѣ матери Джульеты, онъ успѣлъ разузнать кое-что, о чемъ онъ, впрочемъ, еще раньше догадывался. Но особенно ясно и опредѣленно удалось представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ Густаву Ниборгу, живописцу съ сѣвера. Ниборгъ съ самаго начала живо заинтересовался цыганкой и апулійцемъ. Съ инстинктомъ художника, онъ наблюдалъ за страннымъ характеромъ молодаго человѣка и изумлялся самоотверженности, какую выражала цыганка въ отношеніи своего возлюбленнаго. Онъ чувствовалъ, что слабость ея воли не есть природное свойство, а что ее сдѣлалъ такою апуліецъ, который такъ сильно очаровалъ ее, что она отдалась ему всѣмъ своимъ существомъ. Объяснить это взаимное порабощеніе другъ другу можно только ихъ необыкновенной красотой. Какъ только до художника дошла вѣсть о преступленіи Сальватора, онъ не сводилъ глазъ съ цыганки. Къ жгучему любопытству художника примѣшивалась доброжелательность порядочнаго человѣка. Два, три раза онъ очень добродушно разговаривалъ съ дѣвушкой, ясно давая замѣтить, что ея судьба очень его интересуетъ. Чѣмъ нѣжнѣе и сердечнѣе онъ къ ней относился, чѣмъ болѣе въ нее вглядывался, тѣмъ сильнѣе поражала его особенная нервность и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительность Маріи. Она всѣми силами старалась показать, что порвала всякія сношенія съ Сальваторомъ. Еслибъ невѣста отреклась, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, отъ своего соучастія въ кровавомъ злодѣйствѣ, она ощутила бы горечь одиночества и тоски. Тогда гнѣвъ овладѣлъ бы ею такъ сильно, что она заставила бы молчать свое сердце. Марія же, напротивъ, почувствовала потребность повсюду заявлять о настоящемъ положеніи дѣла и заслужить одобреніе за свой честный поступокъ. Къ тому же, всѣ знали о несчастной любви цыганки. Тутъ дѣло было не спроста. Это понимали даже простые, добродушные жители Капри, не говоря уже о такомъ проницательномъ человѣкѣ, какъ датскій живописецъ. Цезари заставилъ Густава Ниборга разсказать обо всемъ и выслушалъ описаніе малѣйшихъ подробностей. Когда

онъ [illegible] въ [illegible] [illegible], то она встрѣтила его съ [illegible] волненіемъ.

— Оставьте меня, синьоръ, — воскликнула она [illegible], [illegible]. Что онъ былъ запугиваемъ Сальваторомъ. — Лучше не говорите мнѣ о томъ, что для меня тяжело.

[illegible] она [illegible] [illegible] предлогомъ, [illegible] въ домъ и отправилась къ Сальваторе [illegible] Альберто. Сильвіо, съ тѣхъ поръ какъ до него дошла вѣсть о преступленіи апулійца, сталъ отчасти [illegible] относиться къ [illegible], тѣмъ болѣе, что въ немъ начала пробуждаться надежда, что Марія сойдется съ его [illegible]. Марія, при своемъ странномъ возбужденіи, чувствовала дѣйствительную потребность въ опорѣ, и потому охотно пошла на встрѣчу родственнымъ чувствамъ Сильвіо; въ то же время она стала чаще видѣться и проводить время съ Альберто, который, [illegible] тайною страстью, считалъ своей обязанностью утѣшать [illegible] въ ея горькой судьбѣ. Марія чутьемъ понимала, что надежда начала вновь воскресать въ сердцѣ Альберто; она стала укорять себя, но не видѣла никакого выхода. Сказать ему прямо: „ты напрасно надѣешься!" было бы съ ея стороны рискованно, такъ какъ это было бы полупризнаніемъ въ томъ, что ея разрывъ съ Сальваторомъ — одна комедія. Какое-то предчувствіе говорило ей, что ея хитрости всѣ идутъ [illegible]. Цезари былъ увѣренъ, что настоитъ на своемъ. Онъ написалъ Маріи письмо, въ которомъ категорически предлагалось свиданіе и, между прочимъ, говорилось, что она будетъ избавлена отъ свидѣтельскихъ показаній только въ такомъ случаѣ, если точно отвѣтитъ на всѣ предложенные ей вопросы.

Письмо подѣйствовало. Марія, страшно испуганная, просила передать адвокату, что она къ его услугамъ, и что во время обѣдни, — это пришлось въ воскресный день, — онъ можетъ прійти въ ихъ палисадникъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ ждала она появленія человѣка, котораго взглядъ еще раньше заставилъ ее безпокоиться. Она твердо рѣшилась ни въ чемъ не признаваться. Цезари, подойдя къ ней, сухо поклонился и съ холодной усмѣшкой сказалъ, что ея поведеніе относительно апулійца — комедія и что карты ея давно уже [illegible]ты. Теперь же, если она не желаетъ, чтобъ случилось [illegible]е, то пусть откровенно во всемъ признается. Онъ

тогда и самъ еще не зналъ, съ чего именно она начнетъ свои признанія, но что ему предстояло узнать что нибудь серьезное, о томъ свидѣтельствовала смертельная блѣдность, разлившаяся по ея перепуганному лицу. Наблюденія подтвердили догадку Цезаря. Но онъ старался ободрить Марію, говоря, что она можетъ вполнѣ ему довѣриться. Онъ не донесетъ ни на обвиняемаго, ни на нее, а только ему необходимо все знать, для того чтобы помочь Сальватору. Это его прямая обязанность. Побѣдило ли ея недовѣріе его спокойное превосходство, только она откликнулась на его сердечный тонъ. Тяжело вздыхая, она призналась ему, что дѣйствительно не все происходило такъ, какъ это казалось. Онъ же съ логической послѣдовательностью предлагалъ ей одинъ вопросъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока она не сказала ему самаго главнаго. Но, еслибы она не передала ему обо всемъ подробно, и тогда онъ не сомнѣвался бы, что Сальваторъ— только несчастная жертва мошенничества, виновный столько же, сколько самъ Цезари, на долю котораго выпала печальная обязанность быть защитникомъ интересовъ правительственной партіи, когда онъ самъ принадлежалъ къ числу либераловъ. Цезари высказалъ все это цыганкѣ и съумѣлъ внушить ей такое довѣріе, что даже самое простое замѣчаніе, высказанное имъ, она считала вполнѣ убѣдительнымъ. Но все таки неожиданное открытіе, что ея возлюбленный былъ несомнѣнно обманутъ мошенникомъ, страшно поразило ее. Она рвала на себѣ волосы и обнимала колѣни адвоката; она готова была на самоубійство.

Въ тотъ же день, Цезари отправился вмѣстѣ съ цыганкой въ Сорренто; ихъ сопровождалъ Альберто. „Затворнику“ подъ строжайшимъ секретомъ было объявлено, что Марія замѣшана въ процессѣ апулійца. Изъ Сорренто они отправились въ дилижансѣ черезъ Кастелламаре и Портичи въ столицу, прямо въ гостинницу „Золотаго креста“. Хозяинъ и служанка никакъ не могли вспомнить о „господинѣ изъ Калабріи,“ точно также, какъ и о человѣкѣ, занявшемъ комнату для калабрійца. Привратнику же, какъ нарочно, еще мѣсяцъ назадъ, отказали отъ мѣста. Джульеты не было дома. Но Антоніо рѣшился ждать. Вечеромъ Джульета вернулась, въ сопровожденіи рослаго мальчугана. Это былъ ея братъ

учившійся въ латинской школѣ. Она поднималась по лѣстницѣ со своимъ милымъ Алессандро и вдругъ стала, какъ вкопанная, увидавъ на верхней площадкѣ адвоката, а рядомъ съ нимъ блѣдную, какъ смерть, цыганку. Но ей даже не дали времени удивляться или выразить сочувствіе со всею горячностью, на которую было способно ея доброе сердце. Цезари въ короткихъ словахъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и тогда начался формальный допросъ. Джульета все хорошо запомнила. Господина изъ Калабріи, разыгравшаго роль синьора, очень легко узнать. Онъ небольшаго роста, брюнетъ и худъ до такой степени, что по одной костлявой фигурѣ можно его узнать среди тысячной толпы. Описаніе наружности какъ разъ подходило къ Эммануэлю, который схватилъ апулійца послѣ выстрѣла. Серебряныя очки и острый гадкій носъ! Это онъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Она его узнаетъ, гдѣ бы ни встрѣтила. Что цыганка не такъ хорошо его замѣтила, это очень легко объяснить: она была слишкомъ занята и своимъ возлюбленнымъ, и мнимымъ кардиналомъ. Къ тому же, и въ комнатѣ было темно. Она же, Джульета, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ тѣмъ кащеемъ, когда онъ шелъ къ привратнику. „Синьора изъ Калабріи“ она мало помнитъ, такъ какъ худощавый произвелъ и на нее болѣе сильное впечатлѣніе своей костлявой фигурой.

Пока и этихъ свѣдѣній было довольно. Цезари приказалъ дѣвушкѣ хранить строгое молчаніе и попросилъ ее на слѣдующій день выйти изъ дому, переговоривъ въ то же время съ хозяиномъ гостинницы, у котораго попросилъ отпустить Джульету по необходимому дѣлу. Самъ онъ немедленно отправился къ графинѣ Гвичіоли, приходившейся ему родственницей по матери. Уже раньше онъ обращался къ этой дамѣ съ разными просьбами насчетъ своихъ кліентовъ, большею частью съ тѣмъ, чтобы она содѣйствовала ихъ помилованію. Графиня, имѣвшая большое вліяніе при дворѣ, уже два раза бесѣдовала съ королемъ по поводу этого дѣла, но всякій разъ безуспѣшно, потому что всемогущій кардиналъ стоялъ со своей партіей на томъ, чтобы дѣло шло по указанію закона. Но теперь положеніе вещей уже получило другое направленіе. Графиня попросила у короля новой ау-

-ч, и не позже слѣдующаго дня, потому что на послѣ

завтра была назначена казнь. Но и на этотъ разъ бесѣда ея съ королемъ не привела ни къ чему. На другой день Антоніо опять отправился въ гостинницу. Онъ уже зналъ, гдѣ живетъ полицейскій шпіонъ Накоста. Теперь надо было дать обѣимъ дѣвушкамъ возможность прослѣдить и разузнать о сообщникѣ Накосты, который разыгралъ роль кардинала. Съ своей точки зрѣнія, и по тому положенію, какое занималъ Цезари въ политическомъ мірѣ, онъ долженъ былъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Въ случаѣ, еслибы тождество Накосты съ костлявымъ господиномъ оказалось пуфомъ, полиція взглянула бы на доносъ Цезари, какъ на мошенническую уловку. Конечно, Цезари было выгодно, по ихъ мнѣнію, скомпрометировать помощника палача, а съ нимъ и полицейскаго агента, обвиняя косвенно всю полицію. Недалеко отъ домика, который занялъ Накоста, пріютился жалкій трактирщикъ съ едва освѣщенными окнами и закоптѣлыми занавѣсками. Въ угловой комнаткѣ этой лачуги помѣстился Цезари вмѣстѣ со своими помощницами. Отсюда было отлично видно, когда Накоста выходитъ изъ дому и когда возвращается. Низенькая дверь какъ разъ приходилась подъ обсерваціоннымъ пунктомъ. Хозяинъ трактира, уже давно не видавшій у себя такихъ изящныхъ гостей, изо всѣхъ силъ старался услужить Цезари; казалось, онъ хотѣлъ очаровать Антоніо, и на всякій предложенный ему вопросъ отвѣчалъ съ величайшею готовностью.

Такимъ образомъ узнали, что Накоста днемъ почти все время сидѣлъ дома, а вечеромъ, около половины одиннадцатаго, отправлялся странствовать по городу. Изъ словъ хозяина трактира выходило, что Накоста, какъ спаситель кардинала, повидимому, наслаждается жизнью, что всѣ сосѣди очень интересуются его житьемъ-бытьемъ, но что самъ онъ не только всячески отъ нихъ сторонится, но и держитъ себя крайне замкнуто. Посѣщаетъ его какой-то господинъ, никому изъ жителей улицы неизвѣстный, даже той старой дѣвѣ, что живетъ въ мансардѣ и можетъ служить живой хроникой Неаполя. Когда Цезари въ три четверти одиннадцатаго постучался въ таверну и вошелъ въ нее, то какъ разъ увидалъ Накосту, отправлявшагося на прогулку.

— Это онъ!—вскричали въ одинъ голосъ Джульета съ цыганкой.

— Вы можете это доказать?—спросилъ адвокатъ Джульету.

— Я готова прозакладывать свою голову, что это тотъ самый человѣкъ, единственный въ своемъ родѣ. Конечно, онъ будетъ запираться, но я скажу еще больше: а именно, что и привратникъ непремѣнно его узнаетъ, точно также, какъ коридорный, который отводилъ ему комнату!

Теперь въ рукахъ Цезари было вѣское доказательство. Онъ отпустилъ обѣихъ дѣвушекъ, самъ же серьезно задумался надъ тѣмъ, что бы такое сдѣлать, чтобы оттянуть казнь. Но тутъ онъ наткнулся на такое неожиданное препятствіе, что въ полночь прибѣжалъ опять къ графинѣ Гвичіоли. Она удивилась, что Цезари обезпокоилъ ее и оторвалъ отъ блестящаго общества, такъ какъ у нея былъ въ этотъ день званый вечеръ. Затѣмъ, вникнувъ въ дѣло, она заинтересовалась имъ. Но вечеромъ нельзя было дѣйствовать. Король, только что возвратившійся съ охотничьей поѣздки, легъ отдыхать; однако, всѣмъ было извѣстно, что король очень рано вставалъ. Графиня поклялась своему родственнику, что она чуть свѣтъ отправится къ его величеству и рискнетъ прервать его сонъ, чтобы выпросить у него аудіенцію для Антоніо. Она сдержала свое слово. Въ три четверти восьмаго, адвокатъ стоялъ въ кабинетѣ его величества и дѣлалъ докладъ. Ему приходилось въ первый разъ бесѣдовать лично съ монархомъ. Король, пораженный твердымъ тономъ рѣчи Цезари, тотчасъ же откомандировалъ на площадь двухъ офицеровъ съ приказомъ остановить казнь несчастнаго, обманутаго Сальватора, а въ то же время одному изъ камергеровъ поручено было взять Накосту подъ строжайшій надзоръ. Обо всемъ этомъ Антоніо разсказалъ апулійцу, точно онѣмѣвшему отъ изумленія. Сальваторъ съ ужасомъ представлялъ себѣ, что отъ какого нибудь незначительнаго случая зависѣла его жизнь. Марія тоже слушала съ большимъ вниманіемъ и вдругъ залилась слезами.

— Ахъ, синьоръ,—прерывающимся отъ рыданія голосомъ говорила она: — когда я слышу вашъ голосъ, мнѣ кажется, что говоритъ самъ ангелъ, посланный намъ отъ Бога, съ обѣщаніемъ рая. И все таки я не могу быть совершенно *спокойной*. На моей душѣ камнемъ лежитъ предчувствіе ка-

кой-то бѣды. Вѣдь все это, вѣроятно, окончится тяжелымъ наказаніемъ, которое я раздѣлю вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, вы-то едва ли будете въ отвѣтѣ,—возразилъ Антоніо,—потому что ни въ чемъ не помогали; вамъ было только все извѣстно, а вѣдь ни одинъ законъ и никакая сила не могутъ требовать отъ дѣвушки, чтобы она доносила на своего возлюбленнаго. Но онъ будетъ наказанъ; зачѣмъ васъ обманывать? Судъ, по мнѣнію самого монарха, уронилъ себя этимъ процессомъ въ глазахъ всего Неаполя. Онъ точно хотѣлъ посмѣяться надъ обществомъ. Неополитанецъ же все проститъ, но не насмѣшку надъ нимъ. Положимъ, дѣло поведутъ другіе судьи, но въ извѣстныхъ случаяхъ эти синьоры дѣйствуютъ, какъ одно тѣло и одна душа. И я вамъ скажу напередъ, Падованино, что они васъ присудятъ къ самому строгому наказанію, и, какъ мнѣ ни жаль, я долженъ признаться, что въ сущности эти люди правы. Тотъ, кто представляется преступникомъ, также нарушаетъ общественное спокойствіе. Еслибъ вы даже были правы, когда по своей глупости утверждали, будто кардиналъ лично давалъ вамъ приказаніе, то и тогда васъ слѣдовало бы наказать. Понимаете ли вы это?

— Синьоръ Цезари, — пробормоталъ въ конецъ уничтоженный Сальваторъ, — надѣюсь, вамъ хорошо теперь извѣстны мои убѣжденія, и меня не подвергнутъ прежнимъ истязаніямъ.

— Ну, это ужь не относится къ моей обязанности. Будьте тверды и обѣщайте себѣ разъ навсегда мужественно переносить тѣ испытанія, какія вамъ пошлетъ судьба.

— Я такъ и буду дѣлать!—вскричалъ Сальваторъ.

Цезари пошелъ къ выходу. Еще разъ прижалась Марія къ сердцу своего возлюбленнаго и вышла вслѣдъ за юристомъ.

„Бѣдный безумецъ! — подумалъ Цезари. — Я знаю неаполитанскихъ судей; они до послѣдней капли крови будутъ ему мстить за то, что онъ одурачилъ ихъ“.

XII.

Это происходило пятью недѣлями позже. Альберто, вздыхая по Маріи, сидѣлъ, какъ всегда, въ грустномъ оцѣпененіи на порогѣ своей хижины и уныло смотрѣлъ въ глубину без-

брежнаго моря. Съ того самаго времени, какъ адвокатъ Цезари увелъ отъ него цыганку, онъ испытывалъ такія мученія, какъ никогда: сначала — мучительное предчувствіе, а затѣмъ полнѣйшую увѣренность, что его надежда погибла навсегда! Итакъ, апулiецъ не былъ презрѣннымъ убійцей, а оказался только заблуждающимся; Марія же полюбила этого ослѣпленнаго человѣка такъ горячо и беззавѣтно, какъ никогда. То, что Альберто принялъ было за благодарное влеченіе, за нѣжную дружбу,—все это было ничто иное, какъ послѣдствіе безпомощности и тайнаго страха. Участіе Маріи въ театральномъ убійствѣ было ему неизвѣстно. Процессу этому придавали какую-то смѣшную таинственность. Альберто принялъ отреченіе цыганки отъ своего жениха за чистую монету; возвращеніе же ея къ возлюбленному предвѣщало гибель счастью, которое онъ лелѣялъ въ теченіе столькихъ лѣтъ печальнаго отшельничества. Блаженство, которое казалось ему близкимъ, опять у него похищено! Среди этого отчаянія возникъ упрекъ самому себѣ, что въ дни надежды онъ не съумѣлъ сдѣлать рѣшительнаго шага. Альберто ненавидѣлъ своего соперника со всей пылкостью юной натуры.

Выпадали минуты, что онъ готовъ былъ пожертвовать собой, только бы имѣть возможность сразиться съ апулiйцемъ въ открытомъ, честномъ бою; затѣмъ, побѣдивъ его, бросить на землю и растоптать ногами. Но вслѣдъ затѣмъ, когда онъ вспоминалъ, что Сальваторъ сидитъ въ тюрьмѣ, то думалъ, что съ его стороны было бы низко воспользоваться безпомощностью врага и, основываясь на дружескихъ увѣреніяхъ скучающей невѣсты, начать ухаживать за нею. Онъ говорилъ себѣ, что когда такіе глаза, какъ у Маріи, посмотрятъ кому нибудь въ лицо,—этотъ человѣкъ способенъ потерять голову. Хотя всему Капри было извѣстно, что Сальваторъ все таки понесетъ наказаніе; но это не облегчило его: онъ считалъ себя во всемъ виноватымъ, и муки, переносимыя имъ, были, по его мнѣнію, вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ. Въ такихъ думахъ просидѣлъ онъ уже больше часу на одномъ мѣстѣ, какъ вдругъ почувствовалъ прикосновеніе дрожащей руки къ своему плечу. Цыганка стояла возлѣ него; глаза ея сверкали безпокойнымъ блескомъ, и дыханіе съ трудомъ вылетало изъ полураскрытаго ротика. Альберто быстро взглянулъ на нее.

Что ей надо, и что означаетъ этотъ полный отчаянія взоръ? Но онъ сейчасъ же сообразилъ, что, вѣроятно, дѣло идетъ объ апулійцѣ и его судьбѣ. Что же привело эту испуганную дѣвушку сюда, къ отшельнику, который всѣми силами старался забыть о ней. Неужели она потребуетъ утѣшенія отъ безутѣшнаго?

— Альберто,—робко проговорила она, и голосъ ея звучалъ такимъ умоляющимъ тономъ, что Альберто почувствовалъ себя готовымъ на все. Думая объ апулійцѣ, онъ началъ уже ощущать какую-то ненависть и противъ Маріи. Теперь же все это исчезло.

Онъ приподнялся.

— Это ты? — спросилъ онъ, напрасно стараясь принять скокойный видъ.—Чего ты хочешь?

— Тебя, Альберто. Ты долженъ мнѣ простить мою слабость и глупость... Я должна была объ этомъ подумать.

— Въ чемъ же дѣло, Марія?

— Я должна была подумать о томъ, чтобы не подавать тебѣ напрасныхъ надеждъ. Но я же не могла поступить иначе; къ тому же, твоя дружба такъ меня растрогала. Если же ты вздумаешь мнѣ мстить за это, тогда все погибнетъ навсегда. Но я тебя знаю. Ты благороденъ и великодушенъ. Въ своемъ самоотверженіи, ты лучше всѣхъ, и когда я подумаю о тебѣ и твоемъ вѣрномъ сердцѣ, мнѣ кажется возмутительной несправедливость всѣхъ, кто имѣетъ какое либо отношеніе къ тебѣ.

Ея глаза, еще недавно отуманенные отъ горя, въ эту минуту блестѣли. Всѣ черты ея лица, казалось, съ ненавистью протестовали противъ людской несправедливости по отношенію къ ея другу.

— Я не сержусь на тебя,—угрюмо отвѣчалъ онъ.

— О, ты добръ, какъ ангелъ! Ну, веди же меня въ свою хижину. Я только подъ глубочайшимъ секретомъ могу разсказать тебѣ горе, которое разрываетъ мое сердце на части.

Альберто повелъ ее въ свою хижину. Какъ только затворилась дверь, Марія съ умоляющимъ видомъ упала на колѣни и протянула обѣ руки къ Альберто. Длинные, черные волосы, точно вуалью, обвили ея плечи. Альберто хотѣлъ ее поднять, но *она сопротивлялась.*

я употреблю всевозможныя усилія, чтобы добиться своего. Итакъ, говорите правду, Сальваторъ Падованино!

— Я скажу все, что только мнѣ самому извѣстно,—клялся Сальваторъ, и началъ свой разсказъ. Съ удивленіемъ слѣдилъ Цезари за изложеніемъ событій, въ которыхъ главнымъ образомъ фигурировали фантастическія бредни. Сальваторъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ замѣчательно умный, о чемъ Цезари давно догадывался по различнымъ проявленіямъ его характера, хотя не могъ не замѣтить, что умъ этотъ былъ какой-то странный, неестественный, и граничилъ съ линіей, за которой начинается или геній, или феноменальная глупость; но въ Сальваторѣ все это какъ-то необычайно смѣшивалось. Несомнѣнно, однако, что на этотъ разъ апуліецъ сдѣлалъ непростительный промахъ. Еслибы онъ стоялъ на прямой дорогѣ, то могъ бы принести значительную пользу. Слѣпое, безумное стремленіе,—выказывавшееся то подъ маской какого-то болѣзненнаго честолюбія, то въ страстномъ желаніи богатства и наслажденій,—приняло безобразную форму, и, не случись этого несчастія, будь честолюбіе и любовь къ наслажденіямъ на настоящемъ пути,—очень вѣроятно, что Сальваторъ достигъ бы своей цѣли. Цезари, слушая апулійца, тщательно изслѣдовалъ малѣйшія подробности его разсказа, для того чтобы знать, какъ дѣйствовать въ его пользу. Окончивъ свой разсказъ, апуліецъ самъ осыпалъ Цезари вопросами: онъ долженъ знать, какимъ образомъ удалось адвокату проникнуть тайну, сохранявшуюся въ такомъ строгомъ секретѣ. Жгучее любопытство и нетерпѣніе взяли въ немъ верхъ надъ заботой о своей будущности: его горячность мало соотвѣтствовала осторожности, какою обладалъ Цезари, твердо подходившій къ своей цѣли. Въ то же время Цезари старался ободрить обманутаго Сальватора, говоря, что, если онъ беретъ его на поруки, то Сальваторъ можетъ считать себя въ полной безопасности, подъ его защитой. Несчастный въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ адвоката, умолялъ простить его за то, что онъ, сговорившись съ Наомстой, такъ долго обманывалъ своего единственнаго друга, и просилъ Цезари, чтобы тотъ сказалъ ему, какимъ образомъ узналъ онъ суть дѣла и даже то, о чемъ не было извѣстно самому Сальватору. Цезари узналъ все очень просто. Съ нѣкоторыхъ

ть странныя противорѣчія въ показаніяхъ Сальватора, онъ ялъ на нѣсколько дней отпускъ въ Капри. Ему хотѣсь прослѣдить за цыганкой, наблюдать за нею; такимъ разомъ онъ надѣялся напасть на вѣрный слѣдъ. Поселивись въ домикѣ матери Джульеты, онъ успѣлъ разузнать кое-о, о чемъ онъ, впрочемъ, еще раньше догадывался. Но осонно ясно и опредѣленно удалось представить дѣло въ наоящемъ свѣтѣ Густаву Ниборгу, живописцу съ сѣвера. Ниргъ съ самаго начала живо заинтересовался цыганкой и ·улійцемъ. Съ инстинктомъ художника, онъ наблюдалъ за раннымъ характеромъ молодаго человѣка и изумлялся самоверженности, какую выражала цыганка въ отношеніи своего злюбленнаго. Онъ чувствовалъ, что слабость ея воли не ть природное свойство, а что ее сдѣлалъ такою апуліецъ, торый такъ сильно очаровалъ ее, что она отдалась ему ѣмъ своимъ существомъ. Объяснить это взаимное порабоеніе другъ другу можно только ихъ необыкновенной красо-й. Какъ только до художника дошла вѣсть о преступленіи альватора, онъ не сводилъ глазъ съ цыганки. Къ жгучему обопытству художника примѣшивалась доброжелательность рядочнаго человѣка. Два, три раза онъ очень добродушно зговаривалъ съ дѣвушкой, ясно давая замѣтить, что ея дьба очень его интересуетъ. Чѣмъ нѣжнѣе и сердечнѣе онъ ъ ней относился, чѣмъ болѣе въ нее вглядывался, тѣмъ льнѣе поражала его особенная нервность и вмѣстѣ съ тѣмъ одозрительность Маріи. Она всѣми силами старалась показать, что порвала всякія сношенія съ Сальваторомъ. Еслибъ евѣста отреклась, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, отъ воего соучастія въ кровавомъ злодѣйствѣ, она ощутила бы ечь одиночества и тоски. Тогда гнѣвъ овладѣлъ бы ею акъ сильно, что она заставила бы молчать свое сердце. Маія же, напротивъ, почувствовала потребность повсюду заявять о настоящемъ положеніи дѣла и заслужить одобреніе свой честный поступокъ. Къ тому же, всѣ знали о несчагной любви цыганки. Тутъ дѣло было не спроста. Это поимали даже простые, добродушные жители Капри, не говоря же о такомъ проницательномъ человѣкѣ, какъ датскій живоисецъ. Цезари заставилъ Густава Ниборга разсказать обо семъ и выслушалъ описаніе малѣйшихъ подробностей. Когда

онъ зашелъ въ хижину цыганки, то она встрѣтила его съ неслыханнымъ волненіемъ.

— Оставьте меня, синьоръ!—вскричала она вспыльчиво, зная, что онъ былъ защитникомъ Сальватора.—Лучше не говорите мнѣ о томъ, кто для меня умеръ!

Затѣмъ она, подъ ничтожнымъ предлогомъ, вышла изъ дому и отправилась къ Сильвіо, отцу Альберто. Сильвіо, съ тѣхъ поръ какъ до него дошла вѣсть о преступленіи апулійца, сталъ отечески нѣжно относиться къ дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что въ немъ начала пробуждаться надежда, что Марія сойдется съ его сыномъ. Марія, при своемъ странномъ возбужденіи, чувствовала дѣйствительную потребность въ опорѣ, и потому охотно пошла на встрѣчу родственнымъ чувствамъ Сильвіо; въ то же время она стала чаще видѣться и проводить время съ Альберто, который, мучимый тайною страстью, считалъ своей обязанностью утѣшать цыганку въ ея горькой судьбѣ. Марія отлично понимала, что надежда начала вновь воскресать въ сердцѣ Альберто; она стала укорять себя, но не нашла никакого выхода. Сказать ему прямо: „ты напрасно надѣешься!“ было бы съ ея стороны рискованно, такъ какъ это было бы полупризнаніемъ въ томъ, что ея разрывъ съ Сальваторомъ—одна комедія. Какое-то предчувствіе говорило ей, что ея хитрости всѣ видятъ насквозь. Цезари былъ увѣренъ, что настоитъ на своемъ. Онъ написалъ Маріи письмо, въ которомъ категорически предлагалось свиданіе и, между прочимъ, говорилось, что она будетъ избавлена отъ свидѣтельскихъ показаній только въ такомъ случаѣ, если точно отвѣтитъ на всѣ предложенные ей вопросы.

Письмо подѣйствовало. Марія, страшно испуганная, просила передать адвокату, что она къ его услугамъ, и что во время обѣдни,—это пришлось въ воскресный день,—онъ можетъ прійти въ ихъ палисадникъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ ждала она появленія человѣка, котораго взглядъ еще раньше заставилъ ее безпокоиться. Она твердо рѣшилась ни въ чемъ не признаваться. Цезари, подойдя къ ней, сухо поклонился и съ холодной усмѣшкой сказалъ, что ея поведеніе относительно апулійца—комедія и что карты ея давно уже раскрыты. Теперь же, если она не желаетъ, чтобъ случилось *несчастіе*, то пусть откровенно во всемъ признается. Онъ

тогда и самъ еще не зналъ, съ чего именно она начнетъ свои признанія, но что ему предстояло узнать что нибудь серьезное, о томъ свидѣтельствовала смертельная блѣдность, разлившаяся по ея перепуганному лицу. Наблюденія подтвердили догадку Цезаря. Но онъ старался ободрить Марію, говоря, что она можетъ вполнѣ ему довѣриться. Онъ не донесетъ ни на обвиняемаго, ни на нее, а только ему необходимо все знать, для того чтобы помочь Сальватору. Это его прямая обязанность. Побѣдило ли ея недовѣріе его спокойное превосходство, только она откликнулась на его сердечный тонъ. Тяжело вздыхая, она призналась ему, что дѣйствительно не все происходило такъ, какъ это казалось. Онъ же съ логической послѣдовательностью предлагалъ ей одинъ вопросъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока она не сказала ему самаго главнаго. Но, еслибы она не передала ему обо всемъ подробно, и тогда онъ не сомнѣвался бы, что Сальваторъ— только несчастная жертва мошенничества, виновный столько же, сколько самъ Цезари, на долю котораго выпала печальная обязанность быть защитникомъ интересовъ правительственной партіи, когда онъ самъ принадлежалъ къ числу либераловъ. Цезари высказалъ все это цыганкѣ и съумѣлъ внушить ей такое довѣріе, что даже самое простое замѣчаніе, высказанное имъ, она считала вполнѣ убѣдительнымъ. Но все таки неожиданное открытіе, что ея возлюбленный былъ несомнѣнно обманутъ мошенникомъ, страшно поразило ее. Она рвала на себѣ волосы и обнимала колѣни адвоката; она готова была на самоубійство.

Въ тотъ же день, Цезари отправился вмѣстѣ съ цыганкой въ Сорренто; ихъ сопровождалъ Альберто. „Затворнику“ подъ строжайшимъ секретомъ было объявлено, что Марія замѣшана въ процессѣ апулійца. Изъ Сорренто они отправились въ дилижансѣ черезъ Кастелламаре и Портичи въ столицу, прямо въ гостинницу „Золотаго креста“. Хозяинъ и служанка никакъ не могли вспомнить о „господинѣ изъ Калабріи,“ точно также, какъ и о человѣкѣ, занявшемъ комнату для калабрійца. Привратнику же, какъ нарочно, еще мѣсяцъ назадъ, отказали отъ мѣста. Джульеты не было дома. Но Антоніо рѣшился ждать. Вечеромъ Джульета вернулась, въ сопровожденіи рослаго мальчугана. Это былъ ея братъ

учившійся въ латинской школѣ. Она поднималась по лѣстницѣ со своимъ милымъ Алессандро и вдругъ стала, какъ вкопанная, увидавъ на верхней площадкѣ адвоката, а рядомъ съ нимъ блѣдную, какъ смерть, цыганку. Но ей даже не дали времени удивляться или выразить сочувствіе со всею горячностью, на которую было способно ея доброе сердце. Цезари въ короткихъ словахъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и тогда начался формальный допросъ. Джульета все хорошо запомнила. Господина изъ Калабріи, разыгравшаго роль синьора, очень легко узнать. Онъ небольшаго роста, брюнетъ и худъ до такой степени, что по одной костлявой фигурѣ можно его узнать среди тысячной толпы. Описаніе наружности какъ разъ подходило къ Эммануэлю, который схватилъ апулійца послѣ выстрѣла. Серебряныя очки и острый гадкій носъ! Это онъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Она его узнаетъ, гдѣ бы ни встрѣтила. Что цыганка не такъ хорошо его замѣтила, это очень легко объяснить: она была слишкомъ занята и своимъ возлюбленнымъ, и мнимымъ кардиналомъ. Къ тому же, и въ комнатѣ было темно. Она же, Джульета, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ тѣмъ кащеемъ, когда онъ шелъ къ привратнику. „Синьора изъ Калабріи“ она мало помнитъ, такъ какъ худощавый произвелъ и на нее болѣе сильное впечатлѣніе своей костлявой фигурой.

Пока и этихъ свѣдѣній было довольно. Цезари приказалъ дѣвушкѣ хранить строгое молчаніе и попросилъ ее на слѣдующій день выйти изъ дому, переговоривъ въ то же время съ хозяиномъ гостинницы, у котораго попросилъ отпустить Джульету по необходимому дѣлу. Самъ онъ немедленно отправился къ графинѣ Гвичіоли, приходившейся ему родственницей по матери. Уже раньше онъ обращался къ этой дамѣ съ разными просьбами насчетъ своихъ кліентовъ, большею частью съ тѣмъ, чтобы она содѣйствовала ихъ помилованію. Графиня, имѣвшая большое вліяніе при дворѣ, уже два раза бесѣдовала съ королемъ по поводу этого дѣла, но всякій разъ безуспѣшно, потому что всемогущій кардиналъ стоялъ со своей партіей на томъ, чтобы дѣло шло по указанію закона. Но теперь положеніе вещей уже получило другое направленіе. Графиня попросила у короля новой ау*діенціи, и не* позже слѣдующаго дня, потому что на послѣ

завтра была назначена казнь. Но и на этотъ разъ бесѣда ея съ королемъ не привела ни къ чему. На другой день Антоніо опять отправился въ гостинницу. Онъ уже зналъ, гдѣ живетъ полицейскій шпіонъ Накоста. Теперь надо было дать обѣимъ дѣвушкамъ возможность прослѣдить и разузнать о сообщникѣ Накосты, который разыгралъ роль кардинала. Съ своей точки зрѣнія, и по тому положенію, какое занималъ Цезари въ политическомъ мірѣ, онъ долженъ былъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Въ случаѣ, еслибы тождество Накосты съ костлявымъ господиномъ оказалось пуфомъ, полиція взглянула бы на доносъ Цезари, какъ на мошенническую уловку. Конечно, Цезари было выгодно, по ихъ мнѣнію, скомпрометировать помощника полача, а съ нимъ и полицейскаго агента, обвиняя косвенно всю полицію. Недалеко отъ домика, который занялъ Накоста, пріютился жалкій трактирщикъ съ едва освѣщенными окнами и закоптѣлыми занавѣсками. Въ угловой комнаткѣ этой лачуги помѣстился Цезари вмѣстѣ со своими помощницами. Отсюда было отлично видно, когда Накоста выходитъ изъ дому и когда возвращается. Низенькая дверь какъ разъ приходилась подъ обсерваціоннымъ пунктомъ. Хозяинъ трактира, уже давно не видавшій у себя такихъ изящныхъ гостей, изо всѣхъ силъ старался услужить Цезари; казалось, онъ хотѣлъ очаровать Антоніо, и на всякій предложенный ему вопросъ отвѣчалъ съ величайшею готовностью.

Такимъ образомъ узнали, что Накоста днемъ почти все время сидѣлъ дома, а вечеромъ, около половины одиннадцатаго, отправлялся странствовать по городу. Изъ словъ хозяина трактира выходило, что Накоста, какъ спаситель кардинала, повидимому, наслаждается жизнью, что всѣ сосѣди очень интересуются его житьемъ-бытьемъ, но что самъ онъ не только всячески отъ нихъ сторонится, но и держитъ себя крайне замкнуто. Посѣщаетъ его какой-то господинъ, никому изъ жителей улицы неизвѣстный, даже той старой дѣвѣ, что̀ живетъ въ мансардѣ и можетъ служить живой хроникой Неаполя. Когда Цезари въ три четверти одиннадцатаго постучался въ таверну и вошелъ въ нее, то какъ разъ увидалъ Накосту, отправлявшагося на прогулку.

— Это онъ!—вскричали въ одинъ голосъ Джульета съ цыганкой.

— Вы можете это доказать?—спросилъ адвокатъ Джульету.

— Я готова прозакладывать свою голову, что это тотъ самый человѣкъ, единственный въ своемъ родѣ. Конечно, онъ будетъ запираться, но я скажу еще больше: а именно, что и привратникъ непремѣнно его узнаетъ, точно также, какъ коридорный, который отводилъ ему комнату!

Теперь въ рукахъ Цезари было вѣское доказательство. Онъ отпустилъ обѣихъ дѣвушекъ, самъ же серьезно задумался надъ тѣмъ, что бы такое сдѣлать, чтобы оттянуть казнь. Но тутъ онъ наткнулся на такое неожиданное препятствіе, что въ полночь прибѣжалъ опять къ графинѣ Гвичіоли. Она удивилась, что Цезари обезпокоилъ ее и оторвалъ отъ блестящаго общества, такъ какъ у нея былъ въ этотъ день званый вечеръ. Затѣмъ, вникнувъ въ дѣло, она заинтересовалась имъ. Но вечеромъ нельзя было дѣйствовать. Король, только что возвратившійся съ охотничьей поѣздки, легъ отдыхать; однако, всѣмъ было извѣстно, что король очень рано вставалъ. Графиня поклялась своему родственнику, что она чуть свѣтъ отправится къ его величеству и рискнетъ прервать его сонъ, чтобы выпросить у него аудіенцію для Антоніо. Она сдержала свое слово. Въ три четверти восьмаго, адвокатъ стоялъ въ кабинетѣ его величества и дѣлалъ докладъ. Ему приходилось въ первый разъ бесѣдовать лично съ монархомъ. Король, пораженный твердымъ тономъ рѣчи Цезари, тотчасъ же откомандировалъ на площадь двухъ офицеровъ съ приказомъ остановить казнь несчастнаго, обманутаго Сальватора, а въ то же время одному изъ камергеровъ поручено было взять Накосту подъ строжайшій надзоръ. Обо всемъ этомъ Антоніо разсказалъ апулійцу, точно онѣмѣвшему отъ изумленія. Сальваторъ съ ужасомъ представлялъ себѣ, что отъ какого нибудь незначительнаго случая зависѣла его жизнь. Марія тоже слушала съ большимъ вниманіемъ и вдругъ залилась слезами.

— Ахъ, синьоръ,—прерывающимся отъ рыданія голосомъ говорила она: — когда я слышу вашъ голосъ, мнѣ кажется, что говоритъ самъ ангелъ, посланный намъ отъ Бога, съ обѣщаніемъ рая. И все таки я не могу быть совершенно *спокойной*. На моей душѣ камнемъ лежитъ предчувствіе ка-

кой-то бѣды. Вѣдь все это, вѣроятно, окончится тяжелымъ наказаніемъ, которое я раздѣлю вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, вы-то едва ли будете въ отвѣтѣ,—возразилъ Антоніо,—потому что ни въ чемъ не помогали; вамъ было только все извѣстно, а вѣдь ни одинъ законъ и никакая сила не могутъ требовать отъ дѣвушки, чтобы она доносила на своего возлюбленнаго. Но онъ будетъ наказанъ; зачѣмъ васъ обманывать? Судъ, по мнѣнію самого монарха, уронилъ себя этимъ процессомъ въ глазахъ всего Неаполя. Онъ точно хотѣлъ посмѣяться надъ обществомъ. Неополитанецъ же все проститъ, но не насмѣшку надъ нимъ. Положимъ, дѣло поведутъ другіе судьи, но въ извѣстныхъ случаяхъ эти синьоры дѣйствуютъ, какъ одно тѣло и одна душа. И я вамъ скажу напередъ, Падованино, что они васъ присудятъ къ самому строгому наказанію, и, какъ мнѣ ни жаль, я долженъ признаться, что въ сущности эти люди правы. Тотъ, кто представляется преступникомъ, также нарушаетъ общественное спокойствіе. Еслибъ вы даже были правы, когда по своей глупости утверждали, будто кардиналъ лично давалъ вамъ приказаніе, то и тогда васъ слѣдовало бы наказать. Понимаете ли вы это?

— Синьоръ Цезари, — пробормоталъ въ конецъ уничтоженный Сальваторъ, — надѣюсь, вамъ хорошо теперь извѣстны мои убѣжденія, и меня не подвергнутъ прежнимъ истязаніямъ.

— Ну, это ужь не относится къ моей обязанности. Будьте тверды и обѣщайте себѣ разъ навсегда мужественно переносить тѣ испытанія, какія вамъ пошлетъ судьба.

— Я такъ и буду дѣлать!—вскричалъ Сальваторъ.

Цезари пошелъ къ выходу. Еще разъ прижалась Марія къ сердцу своего возлюбленнаго и вышла вслѣдъ за юристомъ.

„Бѣдный безумецъ! — подумалъ Цезари. — Я знаю неаполитанскихъ судей; они до послѣдней капли крови будутъ ему мстить за то, что онъ одурачилъ ихъ“.

XII.

Это происходило пятью недѣлями позже. Альберто, вздыхая по Маріи, сидѣлъ, какъ всегда, въ грустномъ оцѣпененіи на порогѣ своей хижины и уныло смотрѣлъ въ глубину без-

брежнаго моря. Съ того самаго времени, какъ адвокатъ Цезари увелъ отъ него цыганку, онъ испытывалъ такія мученія, какъ никогда: сначала — мучительное предчувствіе, а затѣмъ полнѣйшую увѣренность, что его надежда погибла навсегда! Итакъ, апуліецъ не былъ презрѣннымъ убійцей, а оказался только заблуждающимся; Марія же полюбила этого ослѣпленнаго человѣка такъ горячо и беззавѣтно, какъ никогда. То, что̀ Альберто принялъ было за благодарное влеченіе, за нѣжную дружбу,—все это было ничто иное, какъ послѣдствіе безпомощности и тайнаго страха. Участіе Маріи въ театральномъ убійствѣ было ему неизвѣстно. Процессу этому придавали какую-то смѣшную таинственность. Альберто принялъ отреченіе цыганки отъ своего жениха за чистую монету; возвращеніе же ея къ возлюбленному предвѣщало гибель счастью, которое онъ лелѣялъ въ теченіе столькихъ лѣтъ печальнаго отшельничества. Блаженство, которое казалось ему близкимъ, опять у него похищено! Среди этого отчаянія возникъ упрекъ самому себѣ, что въ дни надежды онъ не съумѣлъ сдѣлать рѣшительнаго шага. Альберто ненавидѣлъ своего соперника со всей пылкостью юной натуры.

Выпадали минуты, что онъ готовъ былъ пожертвовать собой, только бы имѣть возможность сразиться съ апулійцемъ въ открытомъ, честномъ бою; затѣмъ, побѣдивъ его, бросить на землю и растоптать ногами. Но вслѣдъ затѣмъ, когда онъ вспоминалъ, что Сальваторъ сидитъ въ тюрьмѣ, то думалъ, что съ его стороны было бы низко воспользоваться безпомощностью врага и, основываясь на дружескихъ увѣреніяхъ скучающей невѣсты, начать ухаживать за нею. Онъ говорилъ себѣ, что когда такіе глаза, какъ у Маріи, посмотрятъ кому нибудь въ лицо,—этотъ человѣкъ способенъ потерять голову. Хотя всему Капри было извѣстно, что Сальваторъ все таки понесетъ наказаніе; но это не облегчило его: онъ считалъ себя во всемъ виноватымъ, и муки, переносимыя имъ, были, по его мнѣнію, вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ. Въ такихъ думахъ просидѣлъ онъ уже больше часу на одномъ мѣстѣ, какъ вдругъ почувствовалъ прикосновеніе дрожащей руки къ своему плечу. Цыганка стояла возлѣ него; глаза ея сверкали безпокойнымъ блескомъ, и дыханіе съ трудомъ вылетало изъ *полураскрытаго* ротика. Альберто быстро взглянулъ на нее.

Что ей надо, и что означаетъ этотъ полный отчаянія взоръ? Но онъ сейчасъ же сообразилъ, что, вѣроятно, дѣло идетъ объ апулійцѣ и его судьбѣ. Что же привело эту испуганную дѣвушку сюда, къ отшельнику, который всѣми силами старался забыть о ней. Неужели она потребуетъ утѣшенія отъ безутѣшнаго?

— Альберто,—робко проговорила она, и голосъ ея звучалъ такимъ умоляющимъ тономъ, что Альберто почувствовалъ себя готовымъ на все. Думая объ апулійцѣ, онъ началъ уже ощущать какую-то ненависть и противъ Маріи. Теперь же все это исчезло.

Онъ приподнялся.

— Это ты? — спросилъ онъ, напрасно стараясь принять скокойный видъ.—Чего ты хочешь?

— Тебя, Альберто. Ты долженъ мнѣ простить мою слабость и глупость... Я должна была объ этомъ подумать.

— Въ чемъ же дѣло, Марія?

— Я должна была подумать о томъ, чтобы не подавать тебѣ напрасныхъ надеждъ. Но я же не могла поступить иначе; къ тому же, твоя дружба такъ меня растрогала. Если же ты вздумаешь мнѣ мстить за это, тогда все погибнетъ навсегда. Но я тебя знаю. Ты благороденъ и великодушенъ. Въ своемъ самоотверженіи, ты лучше всѣхъ, и когда я подумаю о тебѣ и твоемъ вѣрномъ сердцѣ, мнѣ кажется возмутительной несправедливость всѣхъ, кто имѣетъ какое либо отношеніе къ тебѣ.

Ея глаза, еще недавно отуманенные отъ горя, въ эту минуту блестѣли. Всѣ черты ея лица, казалось, съ ненавистью протестовали противъ людской несправедливости по отношенію къ ея другу.

— Я не сержусь на тебя,—угрюмо отвѣчалъ онъ.

— О, ты добръ, какъ ангелъ! Ну, веди же меня въ свою хижину. Я только подъ глубочайшимъ секретомъ могу разсказать тебѣ горе, которое разрываетъ мое сердце на части.

Альберто повелъ ее въ свою хижину. Какъ только затворилась дверь, Марія съ умоляющимъ видомъ упала на колѣни и протянула обѣ руки къ Альберто. Длинные, черные волосы, точно вуалью, обвили ея плечи. Альберто хотѣлъ ее поднять, но *она сопротивлялась.*

— Нѣтъ, оставь!—я должна передъ тобой покаяться,—рыдая, говорила она.—О, Альберто, ты не подозрѣваешь, какъ я была жестока и низка ради него! Я ни одной секунды не переставала любить Сальватора; мнѣ были извѣстны всѣ его планы; я лгала, когда отрекалась отъ него. Онъ этого требовалъ и я слушалась. Да, я была безсердечна, не объяснивъ хорошенько всего моему вѣрному товарищу, другу дѣтства, моему дорогому Альберто, когда должна была ожидать, что въ немъ пробудится опять надежда на... Но я этого не могла сдѣлать и должна была молчать, боясь, что все откроется...

Альберто поблѣднѣлъ.

— Встань,—сказалъ онъ съ подозрительнымъ спокойствіемъ,—я требую этого, слышишь ли, Марія?

Она поднялась. Хладнокровіе, высказываемое имъ, придало ей бодрость. Она разсказала ему все съ самаго начала; затѣмъ тихо спросила:

— Простишь ли ты меня, Альберто? Если только ты захочешь его спасти, я буду вполнѣ увѣрена въ благополучномъ исходѣ дѣла. Подумай только: Сальваторъ долженъ отсидѣть восемь лѣтъ, длинныхъ, какъ вѣчность, въ тюрьмѣ. Восемь лѣтъ, Альберто! Вѣдь это можно сойти съ ума!

Онъ вопросительно взглянулъ въ ея встревоженное блѣдное личико.

— Ты слышалъ?—продолжала она:—Сальваторъ, мой женихъ, для счастья котораго я все бы отдала, мой Сальваторъ... восемь лѣтъ въ тюрьмѣ! Вѣдь это для него смерть, да и для меня также.

Послѣднія слова были произнесены разрывающимъ душу голосомъ.

— Мнѣ очень тебя жаль,—сказалъ Альберто, послѣ долгаго молчанія. — Но чѣмъ же я тутъ могу быть полезнымъ? Если мнѣ и удастся ради тебя заглушить свою ненависть къ нему, то какъ же могу я помѣшать судьбѣ, возставшей противъ васъ обоихъ? Ты должна перенести терпѣливо свое горе, Марія. Молись Божьей Матери, чтобы она послала тебѣ силы.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отчаянно вскрикнула она.—Ты можешь мнѣ помочь, если захочешь; а если нѣтъ, то мнѣ остается *одинъ конецъ*... Умереть — будетъ для меня наслажденіемъ, *сравнительно съ* тѣми муками, которыя я переношу.

— Но что же я въ состояніи сдѣлать?

— Все зависитъ отъ одного тебя. Одна я совершенно безильна, а, кромѣ тебя, у меня во всемъ свѣтѣ нѣтъ ни одного друга. Всѣ остальные люди слишкомъ трусливы и эгоистичны. Ты же, если рѣшишься на что, то сдѣлаешь, хотя бы это стоило тебѣ жизни. Согласишься ли ты, Альберто?

— На что?

— Спасти его,—вскричала она, ломая руки.—Альберто, не оставлю тебя, пока ты не согласишься! Не мсти осужденному. Вспомни слова евангелія, которое заповѣдуетъ намъ дѣлать добро тѣмъ, кто насъ ненавидитъ. А я тебя не ненавижу. Богъ свидѣтель, что, еслибы не было Сальватора, я любила бы тебя отъ чистаго сердца. Развѣ я виновата, что судьба устроила иначе?

Альберто сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Я, я долженъ спасти апулійца? Марія, ты бредишь...

— Скажи: „да“, и послѣдней молитвой моей въ смертный часъ будетъ...

Онъ крѣпко схватилъ ее за руку.

— Ты хочешь меня унизить,—сказалъ онъ, тяжело переводя дыханіе. — Еслибъ онъ былъ моимъ другомъ, еслибъ я могъ равнодушно слышать объ немъ,—я не отказался бы нарушить ради него законъ. А я ненавижу его, какъ моего смертельнаго врага...

— Пересиль эту ненависть, заклинаю тебя! О, я знаю, что ты хочешь сказать... Но Цезари меня увѣрялъ, и пусть я погибну, если лгу!... Выслушай: наказаніе, къ которому приговорили Сальватора, противозаконно, тотъ, кто повѣситъ цѣпи осужденнаго, возстановляетъ законъ. Видишь ли, одного гнѣвнаго движенія руки довольно, чтобы этотъ глупый законъ былъ осмѣянъ. Восемь лѣтъ просидѣть въ тюрьмѣ за то только, что Сальваторъ сдѣлалъ проступокъ по своей доверчивости... это безуміе! Это не законъ, а варварство.

— Да вѣдь у твоего возлюбленнаго есть адвокатъ Цезари. Онъ постоитъ за себя при веденіи процесса. Судьямъ не легко его сломать!

— Конечно, Цезари удалось растрогать самого короля и привлечь его на свою сторону, но, не смотря на все это, защита *его едва ли* удастся.

— Но почему же?

— Боже мой, да ты, кажется, ничего не знаешь и не слышишь изъ того, что сдѣлалось въ настоящее время вопросомъ дня? Съ того самаго утра, какъ графиня Гвичіоли поѣхала къ королю хлопотать о дѣлѣ Цезари, соціалисты стали буквально преслѣдовать монсиньора де-Фабриса; и теперь кардиналъ страшно боится, что Антоніо удастся выиграть процессъ; поэтому онъ всячески дѣйствуетъ противъ него. Его подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ соціалистами и хотятъ возстановить противъ него графиню. Кардиналъ послалъ даже къ нему на домъ полицію и, къ несчастію, у него нашли всевозможныя компрометирующія письма. Повѣрь мнѣ, Альберто, я уже раньше обо всемъ подумала. Нѣтъ ни малѣйшей надежды! Цезари самъ это утверждаетъ.

— Но ты могла бы еще подождать.

— Всемогущее небо! въ томъ то и дѣло, что нѣтъ! На слѣдующей недѣлѣ, приговоръ уже будетъ утвержденъ, а когда это будетъ сдѣлано, Сальватора сейчасъ же увезутъ изъ арестантскаго муниципальнаго дома въ Гаэту. Тогда все будетъ кончено; изъ логовищъ каторжной тюрьмы нѣтъ возврата. Теперь же, пока онъ сидитъ еще въ городской тюрьмѣ, дѣло не потеряно. Вчера вечеромъ я вернулась изъ Неаполя, и мнѣ, хотя съ трудомъ, удалось подать ему вѣсточку. Онъ ждетъ только условнаго знака. Но безъ тебя мы оба безсильны. Говори же, ради самого Христа. Ты видишь, что я погибаю отъ страха, и молчишь! О, какъ ты измѣнился! Правда, цыганка заслужила подобное отношеніе къ ней. Но вспомни, Альберто, когда мы были дѣтьми, ни одна скала не пугала тебя своей крутизной, ни одинъ подводный острый камень не останавливалъ, когда надо было сорвать для меня какой нибудь цвѣтокъ. Сколько разъ рисковалъ ты своей жизнью для моего дѣтскаго каприза, и все это ты дѣлалъ для того, чтобы показать своей цыганочкѣ, что ради нея ты на все пойдешь и ничто тебя не испугаетъ. Теперь же, когда дѣйствительная нужда заставляетъ меня прибѣгнуть къ твоей помощи, когда я требую гораздо меньшаго, чѣмъ въ тѣ времена,—потому что то, чего я прошу, не можетъ не удаться, — и когда *мнѣ грозитъ* неминуемая гибель, я должна завидовать тому *ребенку, для* котораго ты срывалъ цвѣты съ опасностью жизни

Она громко заплакала. Альберто пришлось собрать всю силу воли. Онъ для нея согласился бы на все, хотя бы даже пришлось брать приступомъ самый адъ. Но рѣшаться на самопожертвованіе и рисковать ради человѣка, котораго онъ смертельно ненавидѣлъ,—это было свыше его силъ.

— Я не могу,—сказалъ онъ съ глубокимъ стономъ,—нѣтъ, не могу!

Она взглянула на него помутившимся взоромъ. Дыханіе съ трудомъ вылетало изъ ея стѣсненной груди. Затѣмъ она прибавила глухимъ голосомъ:

— Да! ты правъ, это было бы черезчуръ большое требованіе, даже отъ святаго. Прощай, Альберто! Если ты хочешь исполнить мою послѣднюю просьбу, то передай эту записку въ руки Антоніо Цезари. О, Боже! сжалься надо мной!

Съ этими словами, она вышла. Альберто развернулъ записку и прочелъ: „Синьору Антоніо Цезари, Страда-дель-Моло, Неаполь.

„Сердечно умоляю васъ сказать *ему*, что, до послѣдней минуты жизни, мысль моя была полна имъ. То, о чемъ мы оба мечтали, оказалось неосуществимымъ. Благодарю васъ за все, что̀ вы сдѣлали для моего Сальватора; онъ долженъ меня простить и не считать малодушіемъ моего поступка. Но, если, бы вы даже и сдѣлали невозможное, это мало помогло бы мнѣ. Даже половины, четвертой доли страданія, которое я перенесла за все это время, совершенно достаточно для того, чтобы сойти съ ума. Я умираю со спокойнымъ сердцемъ, потому что вѣрю въ возможность будущей встрѣчи. Марія“.

У Альберто помутился взоръ. Мысль, что та, для кого онъ былъ первымъ защитникомъ, рѣшилась умереть изъ-за его ненависти и отказа помочь ей, заставила его почти потерять разсудокъ. Направо отъ большой скалы, между кустарниками, мелькнуло ея свѣтлое платье.

— Марія, я иду!—кричалъ онъ, сбѣгая внизъ по каменистой тропинкѣ.—Я сдѣлаю то, чего ты требуешь! Марія!— Но поднявшійся сильный сѣверовосточный вѣтеръ, промчавшись со свистомъ въ разсѣлинахъ скалы, заглушилъ крикъ Альберто. Онъ увидалъ ея темную головку, освѣщенную радужными солнечными лучами; но вотъ она скрылась за зубцомъ *скалы. Охваченный* невыразимымъ ужасомъ, онъ ринулся

впередъ. Все больше раздавался ропотъ волнъ. Онъ добѣжалъ до песчанаго берега, на краю котораго качалась лодка, и пристально оглянулся во всѣ стороны. Напрасно, ея не видно! Тогда онъ поднялъ глаза. Наверху, на самой крутизнѣ обрыва, увидалъ онъ ту, которую искалъ. Она подошла уже къ самому краю бездны; у молодаго человѣка закружилась голова. Она сжала голову обѣими руками и стояла въ позѣ олицетворенаго ужаса передъ страшной бушующей бездной. Ея распущенные волосы развѣвались по вѣтру. Онъ, шатаясь, вошелъ на дно своей лодки.

— Марія!—закричалъ онъ такъ громко, какъ могъ. Она вздрогнула. Направо отъ нея возвышался стебель алоэ, выросшій въ расщелинѣ скалы. Она взглянула внизъ, и, такъ какъ вѣтеръ продолжалъ относить въ сторону его слова, то жесты, которыми онъ сопровождалъ свой крикъ, остались для нея непонятными. У нея все запрыгало въ глазахъ, но не столько вслѣдствіе ужаса передъ зіяющей пропастью, сколько отъ дикой радости, охватившей все ея существо. Это произошло точно во снѣ. Въ тотъ моментъ, когда она думала о смерти, передъ ней снова открылась жизнь со всѣми ея радостями. Она сдѣлала два шага назадъ, стараясь побѣдить внутреннюю тревогу. Прислонившись головой къ скалѣ, она ожидала Альберто, который, быстро взбѣжавъ къ ней по каменнымъ уступамъ, заключилъ ее въ объятія, какъ мать, которая вновь видитъ передъ собой погибавшее дитя.

— Я сдѣлаю все, чего бы ты ни потребовала,—лепеталъ онъ, задыхаясь отъ волненія. Онъ разглаживалъ рукой ея спутавшіеся волосы.—Все, все сдѣлаю,—лихорадочно повторялъ онъ.—Вѣдь ты—та самая крошка Марія, та самая цыганочка, которая лазила когда-то вмѣстѣ со мной по горамъ, которую я защищалъ, которая была для меня маленькой сестренкой. И я чуть было не допустилъ тебя умереть! Мнѣ предстояло вытерпѣть это ужасное горе: увидать тебя лежащую тамъ, въ глубинѣ этого омута, разбитую объ острые камни. И эта милая головка такъ часто отдыхала на моемъ плечѣ, когда мы сидѣли оба на вершинѣ Сальто, а въ это самое время шелъ дождь и свирѣпствовала буря. Ахъ, Марія, что это было за *счастливое время*, чистое и свѣтлое, какъ солнце. Но, увы, *это время* никогда больше не вернется! Но не бойся, я не

перемѣну своего рѣшенія. Злоба и ненависть—плохое лѣкарство для больной пылающей груди, и какъ только я это понялъ, мнѣ стало легче. Я буду любить тебя, не смотря ни на что, до гробовой доски; я прощу ему то зло, которое онъ мнѣ причинилъ, и все это ради тебя, дорогая Марія.

Слова его, отъ сильнаго испуга, который онъ продолжалъ испытывать, походили на безсвязный бредъ. Но взволнованное сердце Маріи билось ровнѣе и тише, по мѣрѣ того какъ она вслушивалась въ его голосъ. Она перенеслась мысленно во дни своего дѣтства. Это было совершенно также, какъ въ то время, когда онъ понесъ ее на рукахъ, сходя съ нею съ Сальто подъ градомъ дождя, бури и вѣтра. Онъ укуталъ ее въ свое платье, не хлопоча о томъ, что самъ могъ промокнуть до костей...

О, какъ онъ былъ тогда добръ, самоотверженъ и вѣренъ. Еслибы онъ хоть на половину оказалъ теперь ту же ловкость и усердіе, какими отличался въ то время, еслибъ не отступилъ отъ своего рѣшенія, ея дорогой Сальваторъ былъ бы спасенъ. Она чувствовала, что способна вполнѣ насладиться тѣмъ счастіемъ, которое предстояло ей въ будущемъ. Все время пока Альберто относился враждебно къ человѣку, котораго избрало ея сердце, все это время надъ счастьемъ ея точно висѣла какая-то туча.

Нѣсколько минутъ просидѣли они молча, занятые своими мыслями; затѣмъ, взявшись за руки, они пошли назадъ въ хижину. Цыганка подробно объяснила свой планъ. Надо было перехитрить часоваго, пока она не подастъ условнаго знака. Марія разсчитала всѣ препятствія, которыя могли стать ей поперекъ дороги, и, если ея разсчетъ окажется вѣрнымъ, то дѣло будетъ выиграно. Разъ Альберто рѣшился, они вдвоемъ опрокинутъ всѣ преграды. Онъ же видѣлъ только свѣтлыя стороны своего самопожертвованія, потому что весь былъ въ эту минуту—вдохновеніе и любовь. Они условились выѣхать вмѣстѣ на лодкѣ Альберто. Теперь было четыре часа. Альберто приготовился къ путешествію. По дорогѣ они не проронили ни слова: такъ всецѣло были поглощены своимъ предпріятіемъ. Они приближались къ городу. Направо отъ дороги стоялъ кабачокъ Романа, служившій сборнымъ пунктомъ для всѣхъ *политикановъ; хозяинъ* трактирчика, бывшій цирюльникъ,

получалъ двѣ газеты, которыя прочитывалъ отъ доски до доски, и когда кабачокъ его былъ полонъ народомъ, онъ выкладывалъ все, что̀ накопилось за день подъ его пустымъ черепомъ. Ему было хорошо извѣстно, что султанъ потерялъ въ сраженіи противъ грековъ много колодниковъ, что во Франціи случился новый скандалъ по поводу расхищенія государственной казны, что̀ Англія продѣлала каверзу съ греческими патріотами при доставкѣ имъ оружія. Было около пяти часовъ, и потому время для разглагольствованія о политическихъ событіяхъ далеко еще не наступило. Но, не смотря на то, передъ дверями трактира собралась оживленная толпа человѣкъ въ шесть и среди нихъ, выдѣляясь своей феноменальной лысиной, жестикулировалъ самъ хозяинъ, воодушевленный, точно проповѣдникъ.

— Ради св. Януарія, не болтайте же всѣ разомъ!—кричалъ плотный старикъ. — Что же говорилъ вамъ синьоръ Густаво?

— А то, что господству кардинала де-Фабриса насталъ конецъ. Въ одну туманную ночь онъ бѣжалъ на островъ, который принадлежитъ британцамъ, и еслибы полицмейстеръ только захотѣлъ... Но святому отцу позволили бѣжать, какъ измѣннику отечества.

— Какія глупости! пусть вѣритъ этому кто нибудь другой! Чтобъ монсиньоръ... Нѣтъ, вы вѣрно пьяны.

— Въ такомъ случаѣ вы глупы. Если вы не вѣрите, такъ зачѣмъ и спрашивать? Въ Неаполѣ возстаніе! Да что вы такъ на меня смотрите? Я говорю правду. А вотъ и синьоръ Густаво. Слава Богу, какъ я радъ, что вы во время подоспѣли, дорогой синьоръ, и защитите меня. Пиколло называетъ меня сумашедшимъ за то, что я разсказалъ ему слышанное отъ васъ.

Датскій живописецъ вошелъ въ группу въ одно время съ Маріей и Альберто.

— Да, друзья мои, — началъ онъ своимъ добродушнымъ басомъ,—ничего не подѣлаешь. Вы должны примириться съ мыслью, что владычество кардинала пришло къ концу. Вы, можетъ быть, уясните себѣ это, когда я вамъ скажу, что монсиньоръ де-Фабрисъ, какъ оказалось, былъ заклятымъ врагъ его величества короля и неаполитанскаго правительства.

— Ого!—вскричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ я вамъ говорю, такъ оно и есть. Мнѣ извѣстно это изъ достовѣрнаго источника, такъ какъ мой другъ, Антоніо Цезари, который занимаетъ теперь мѣсто перваго совѣтника вашего монарха, сорвалъ маску съ монсиньора.

— Цезари? Либералъ!

— Онъ самый. Уже давно онъ напалъ на слѣдъ интригъ его эминенціи и только вчера удалось ему дать окончательное доказательство этому. Оказывается, что монсиньоръ де-Фабрисъ былъ подкупленъ французскимъ дворомъ. Государственный измѣнникъ стремился ни больше, ни меньше, какъ къ уничтоженію независимости страны и хотѣлъ отдать Неаполь во власть могущественной Франціи!

— И Цезари все это открылъ?

— Да, Цезари!

— Да здравствуетъ адвокатъ? Либералы, стало быть, вовсе не такіе дурные люди, какъ старались внушить намъ эти газеты.

— То же самое сказалъ и король,—продолжалъ Густавъ Ниборгъ.—Онъ замѣтилъ это, когда узналъ, съ какимъ усердіемъ и самоотверженіемъ Антоніо Цезари хлопоталъ за Сальватора, когда его настоящая исторія была уже извѣстна. Цезари защищалъ Сальватора, хотя и не либерала; онъ стоялъ за него горой, какъ за фанатическаго поборника противной партіи, старался оправдать его, точно роднаго брата, сосредоточивъ на этомъ процессѣ всѣ свои силы. И вотъ ему удалось спасти несчастнаго отъ смерти. Тогда монархъ сказалъ де-Фабрису: „Кардиналъ, мнѣ сдается, что вы ужь въ очень черномъ цвѣтѣ малюете мнѣ либераловъ!“ Это замѣчаніе короля было смертельнымъ ударомъ для монсиньора, и съ того дня эти два человѣка, кардиналъ и адвокатъ, боролись другъ противъ друга, пока Цезари не сорвалъ маску со святаго отца. Королевство спасено, и Цезари предстоитъ въ будущемъ высшая власть въ управленіи.

— Evviva! — закричали капрійцы, увлеченные своимъ пылкимъ южнымъ темпераментомъ.

— Вы же, — обратился Густавъ Ниборгъ къ пораженной изумленіемъ цыганкѣ,—имѣете основаніе больше всѣхъ радоваться этому перевороту. Завтра будетъ объявленъ въ газе-

тахъ, вмѣстѣ съ назначеніемъ Цезари первымъ министромъ, королевскій указъ, который долженъ подѣйствовать на ваше сердце, какъ самое нѣжное любовное посланіе. Король даруетъ помилованіе всѣмъ тѣмъ приговореннымъ, дѣянія которыхъ произошли не ради низкихъ побужденій, и, прежде чѣмъ пройдетъ день, Сальваторъ Падованино будетъ свободенъ!

Послышался легкій крикъ радости, и Марія, полная невыразимаго блаженства, упала, какъ подкошенная, на руки Альберто.

— Оставьте ее,—сказалъ Густавъ окружавшимъ капрійцамъ, испуганно поспѣшившимъ къ ней на помощь. — Это пройдетъ; я предвидѣлъ это и потому съ трудомъ сдерживалъ свое нетерпѣніе, чтобъ не объявить ей объ этомъ сразу. Я приготовлялъ ее къ радостному извѣстію, и бѣдное сердечко замерло подъ напоромъ бурной радости.

Наконецъ, Марія медленно открыла глаза и первыя слова ея были обращены къ товарищу дѣтства,—къ дорогому, преданному Альберто.

— Я этого никогда не забуду,—почти неслышно лепетала она.—О, какъ хорошо, что все такъ счастливо обошлось, и тебѣ не надо жертвовать своей жизнью! Но я все таки безгранично тебѣ благодарна, за то, что ты хотѣлъ спасти его. Ты, Альберто, лучшій и благороднѣйшій изъ людей.

Прелестное лицо дѣвушки сіяло отъ счастья, сердечной благодарности и чувства облегченія. Съ нея спала тяжесть, мучившая ее въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ.

Густавъ Ниборгъ, не смотря на сердечное участіе къ Маріи, разглядывалъ ее восторженнымъ взглядомъ художника. И прежде была она хороша, но теперь красота ея бросалась въ глаза. Гармонія ея существованія теперь вполнѣ возстановилась, и вотъ передъ глазами Густава стояла новая Марія, чарующая прелесть которой напомнила ему изстари извѣстное изреченіе: что высшая красота проистекаетъ изъ глубины чистаго счастія. Марія благодарила за радостное извѣстіе, говорила о Цезари, о Сальваторѣ, о королѣ,—и все это въ чаду блаженства...

Живописецъ продолжалъ еще говорить, до тѣхъ поръ, пока

не стемнѣло. Площадь передъ кабачкомъ наполнялась народомъ. Весь островъ Капри узналъ о происшедшемъ.

Цыганка уже давно была въ своей комнатѣ. Придя въ себя, цыганка повергласъ ницъ передъ мадонной. Пока Альберто, затаивъ въ сердцѣ горечь неудавшагося геройскаго подвига, пробирался къ своей покинутой хижинѣ, съ губъ Маріи лилась горячая нескончаемая молитва, исходившая изъ глубины ея благодарнаго, пылкаго сердца. Имя Альберто тоже упоминалось въ этой молитвѣ, и когда она шептала его имя, изъ подъ рѣсницъ ея скатывались жгучія слезы.

— Да, друзья мои,—такъ заключилъ свое повѣствованіе воодушевленный Ниборгъ,—теперь вы собственнымъ опытомъ убѣдитесь, можетъ ли либералъ расшатать основы государства. То, что вчера считалось за преступленіе, сегодня считается признакомъ государственнаго ума. И держу пари, что вы скоро спохватитесь, насколько вы были недальновидны, когда открещивались отъ либераловъ. Цезари откроетъ вамъ глаза.

— Но скажите же, синьоръ, — спросилъ одинъ парень, который слушалъ его, тяжело переводя дыханіе отъ волненія,—что сдѣлали тѣмъ двумъ канальямъ, предателю Накостѣ и помощнику палача Марзусси? Они тоже подошли подъ амнистію?

— Вы позабыли, что я говорилъ о преступленіи съ умысломъ. До подобныхъ мошенниковъ не касаются послѣдствія королевской милости. Они отправлены въ тюрьму вмѣстѣ съ этой вѣдьмой Криспиной, такъ какъ и она оказалась участницей въ этомъ дѣлѣ!

— Ну, неужели?

— Участницей, какъ змѣя въ грѣхопаденіи! Кто знаетъ? можетъ быть, еслибы не она...

— Еще одно слово! — вскричалъ хозяинъ кабачка:— Джульета, которая указала причину всего происшедшаго и безъ которой адвокатъ не нашелъ бы уликъ противъ Накосты, вѣроятно, получитъ чудесный подарочекъ отъ новаго министра?

— Не безпокойтесь! Во время суматохи послѣднихъ дней, Антоніо Цезари не забылъ объ ней. Ей не будетъ никакой надобности служить горничной въ номерахъ, чтобы платить

за ученье своего брата; она пригодится для чего нибудь получше.

— Вотъ это хорошо!—вскричалъ трактирщикъ.—Теперь видите, что мои слова сбылись! Настанутъ другія времена, и всему старому будетъ конецъ.

— Evviva il governo!—раздалось изъ толпы.

Новый кормчій государственнаго правленія былъ не только „другъ свободы", — какъ онъ самъ себя называлъ,—но и другъ угнетенныхъ и слабыхъ, пришедшійся совершенно по вкусу народа.

На слѣдующій день, рано утромъ, апуліецъ покинулъ тюрьму. Время отчаянной борьбы за существованіе миновало, и теперь онъ благодарилъ Бога за тѣ испытанія, которыя ему послала судьба, такъ какъ они могли ему пригодиться и впредь для разумнаго, честнаго дѣла. Великодушный защитникъ продолжалъ по прежнему покровительствовать ему. Разъ попавъ на настоящую дорогу, Сальваторъ преодолѣвалъ всѣ затрудненія, и не прошло года, какъ этотъ самый Сальваторъ, когда-то такой мечтатель, чуть не запутавшійся въ своихъ бредняхъ, сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ чиновниковъ въ королевствѣ и надежнымъ сотрудникомъ Антоніо Цезари. Надъ нимъ требовался только контроль, для того чтобы онъ не затерялся опять въ лабиринтѣ безконечныхъ фантазій. Сначала перваго министра осуждали за то, что онъ ввѣрился Сальватору, не обращая вниманія на его прошлое, но результаты дѣятельности апулійца вполнѣ оправдали его, и Сальватору охотно простили его прошлое, тѣмъ болѣе, что упрямство его и безпокойный нравъ скоро замѣнились скромностью и полнѣйшимъ добродушіемъ.

Въ прямыхъ натурахъ счастье не вредитъ сохраненію чувства собственнаго достоинства; только горе выражается въ нихъ въ бурной формѣ. Для Сальватора же, съ тѣхъ поръ какъ страстно желанная имъ цыганка сдѣлалась его женой, не существовало больше тоски: все его существо прониклось лучезарнымъ счастьемъ.

Конецъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Первый опытъ международной революціи.—Майскія празднованія въ Европѣ.—Переполохъ австрійскаго правительства.—Значеніе манифестацій 1-го мая.—Сходки нѣмецкихъ соціалистовъ.—Приготовленіе къ войнѣ въ Пратерѣ.—Стычка въ Просницѣ.—Первое мая въ Парижѣ.—Демонстраціи послѣ 1-го мая.—Безпорядки въ Италіи и Испаніи. — Митингъ въ Гайд-Паркѣ. — Силы соціализма. — Открытіе германскаго парламента и рѣчи Вильгельма II.—Угрозы и уроки исторіи.—Палаты и греческій языкъ.—Христіане ли австрійскіе чиновники? — Окончательное паденіе буланжизма.—Скандальные подвиги французскихъ финансистовъ.—Министерство, прикрывающее банковскія продѣлки.—Журналистика, закупленная биржевиками.—Криспи и итальянскіе либералы. — Германія, смѣняющая турецкихъ министровъ.—Султанская любезность и неплатежъ долговъ.—Финляндскія эскамотированія.

31 (19) мая 1890.

Первое мая, грозившее Европѣ новымъ родомъ революціи—международной, прошло довольно благополучно. Стычки между рабочими и полиціей ограничивались большею частью незначительными потасовками и немногочисленными арестами. Кровь была пролита только въ двухъ-трехъ мѣстечкахъ Германіи и Австріи, и только въ послѣдней сильно перепугавшееся правительство, поставившее на ноги всю свою вооруженную силу, оказавшуюся недостаточною даже для войны съ собственными подданными, повело противъ нихъ войско, перестрѣлявшее одиннадцать рабочихъ. Зато въ Вѣнѣ, на Пратерѣ, обычное въ этотъ день майское гулянье прошло безъ нарушенія спокойствія, хотя въ паркъ явились сотни тысячъ забастовавшихъ рабочихъ. Но Австрія ограждена отъ соціальной революціи борьбою національностей, которыя не могутъ сплотиться между собою для единодушнаго дѣйствія. Опасно было только общее раздраженіе всѣхъ провинцій, произведенное запрещеніемъ какихъ бы то ни было манифестацій въ день перваго мая. Вездѣ, гдѣ существуютъ какія нибудь фабрики и заводы, отправлены были сильные отряды войскъ, съ приказаніемъ дѣйствовать безпощадно противъ нарушителей спокойствія и неповинующихся приказаніямъ начальства. Тер-

манія и Франція поступили благоразумнѣе, допустивъ всякія празднованія, сходки и собранія, но не на улицахъ, а въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Въ Германіи рабочее движеніе возбуждало болѣе всего опасенія, но тамъ большинство четвертаго сословія воздержалось отъ рѣзкихъ манифестацій, въ виду того, что самъ императоръ принялъ на себя починъ улучшенія быта рабочихъ и прогналъ,—какъ говорили они,—«старую лисицу Бисмарка, только надувавшаго ихъ посулами въ теченіе столькихъ лѣтъ». Но въ засѣданіяхъ соціальныхъ клубовъ, происходившихъ наканунѣ 1-го мая, рабочіе откровенно высказывались за необходимость грандіозной международной манифестаціи, которая доказала бы буржуазной Европѣ всю силу рабочаго сословія. Многими постановленіями берлинской конференціи по рабочему вопросу они остались недовольны. Такъ, запрещеніе работать на фабрикахъ малолѣтнимъ они считаютъ вторженіемъ въ семейную жизнь рабочаго, которому трудъ сына или дочери-подростка прибавлялъ значительный доходъ къ скудному заработку. А между тѣмъ, по главному вопросу о сокращеніи рабочаго дня—ничего не сдѣлано. На сходкѣ, наканунѣ 1-го мая, берлинскіе соціалисты приводили примѣры злоупотребленія фабрикантовъ и говорили: «у насъ есть фабрики, гдѣ люди не работаютъ по 25-ти часовъ въ сутки только потому, что въ суткахъ всего 24 часа». Дѣйствительно, на фабрикѣ Лёве работаютъ 20 часовъ, и каждый дорожитъ своимъ мѣстомъ, потому что на дворѣ фабрики безработнаго народа толпится больше, чѣмъ трудящагося подъ крышей. А какую ничтожную плату получаютъ эти бѣдняки! На каждыя 202 марки чистаго дохода въ асфальтовомъ товариществѣ, жарящіеся тамъ рабочіе получаютъ 25—30 пфениговъ въ часъ. На 605 марокъ еженедѣльнаго заработка шляпнаго фабриканта, рабочій получаетъ по 18 марокъ въ недѣлю. Мудрено ли, что, при всевозможныхъ лишеніяхъ, средняя цифра жизни рабочаго—29 лѣтъ, maximum—38. Зато въ 1871 году, на 8 милліоновъ избирателей, въ Пруссіи за соціалистовъ подали голоса 124,650 человѣкъ, выбравшихъ двухъ членовъ своей партіи въ парламентъ, а въ 1890 году, при правильныхъ выборахъ, изъ 11-ти милліоновъ избирателей, полтора милліона соціалистовъ выбрали 35 членовъ, т. е. болѣе 12 процентовъ.

Политическія газеты радуются, что 1-е мая прошло благополучно и работы почти нигдѣ не прекращались, а еслибы это случилось,—торжество соціалистовъ было бы равносильно паденію промышленности и разрушенію современной культуры. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ народная газета «Berliner Volksblatt»: «Первое международное празднованіе 1-го мая удалось съ такимъ успѣхомъ, который превзошелъ всѣ ожиданія своею грандіозностью: хотя многіе рабочіе и не могли оставить работъ, тѣмъ не менѣе этотъ день былъ отпразднованъ во всѣхъ углахъ *промышленнаго* міра, и рабочіе съумѣли отпраздновать великій день

1-го мая со спокойствіемъ и достоинствомъ, свидѣтельствующими о ихъ силѣ. А какова эта сила, видно уже изъ того, что никто еще до настоящаго времени не могъ создать всемірнаго и всенароднаго праздника, а рабочіе его создали—и этотъ праздникъ освобожденія будетъ вѣченъ».

Международное значеніе его, во всякомъ случаѣ, неоспоримо, и хотя большинство рабочихъ не прекратило въ этотъ день работъ, по требованію своихъ вожаковъ, но все таки процентъ забастовавшихъ въ этотъ день былъ такъ великъ, что возбуждаетъ серьезныя опасенія. Чтобы уменьшить этотъ процентъ, газеты прибѣгаютъ ко всевозможнымъ натяжкамъ. Такъ, «National Zeitung» утверждаетъ, что во всемъ Берлинѣ около 100 тысячъ рабочихъ, тогда какъ ихъ тамъ болѣе 200 тысячъ. Цифру забастовавшихъ во всей Европѣ рабочихъ принимаютъ въ 20 проц., но если принять и 10 проц., то и эта сумма значительная. Вѣдь, во многомилліонной массѣ рабочихъ цѣлаго міра, если одинъ человѣкъ изъ десяти прекратитъ работу, то число забастовавшихъ дойдетъ до многихъ сотенъ тысячъ. Въ Австріи и теперь уже число рабочихъ оказалось гораздо больше числа регулярныхъ войскъ. И эти рабочіе добились международнаго празднованія избраннаго ими дня и сохранили вездѣ полное спокойствіе... «Мы не бунтовщики,—говорили они,—и не затѣваемъ революціи. Зачѣмъ было насъ обижать и поднимать противъ насъ всѣ войска. Мы не анархисты, умѣемъ держать себя и вести дѣло такъ, чтобы доказать свои права и спокойную силу». Въ Вѣнѣ такъ были увѣрены въ неминуемомъ столкновеніи рабочей силы съ военною, что командованіе всѣми войсками поручили эрцгерцогу Альбрехту, хотя и не любимому при дворѣ, но единственному австрійскому генералу, имѣющему за собою въ прошедшемъ блестящіе воинскіе подвиги. И онъ принялъ всѣ предосторожности: у входа въ Пратеръ, гдѣ ожидалась манифестація, расположены были сильные отряды,—подъ начальствомъ эрцгерцоговъ Райнера и Вильгельма,—въ манежахъ и другихъ крытыхъ помѣщеніяхъ, чтобы напасть съ тылу на рабочихъ изъ засады. Заняты были мосты черезъ Дунай отъ Флориздорфа и дебаркадера западной желѣзной дороги, откуда была разсыпана неразрывная цѣпь застрѣльщиковъ, какъ при началѣ сраженія. Въ стратегическихъ пунктахъ столицы поставлены конные отряды. Асфальтовая мостовая была усыпана пескомъ, чтобы по ней не скользили лошади кавалеріи въ моментъ аттаки. Всѣ были напуганы происшедшимъ наканунѣ въ Просницѣ, въ Моравіи, кровавомъ столкновеніемъ рабочихъ съ войсками. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ выбила стекла въ лучшихъ улицахъ города, ранила бургомистра, оттѣснила мѣстныхъ солдатъ въ казармы и пыталась освободить изъ тюрьмы заключенныхъ въ ней рабочихъ. Нѣсколько разъ, съ ослѣпленною яростью, толпа штурмовала укрѣпленное зданіе, откуда стрѣляли въ нее въ упоръ. Подоспѣвшіе два эскадрона гусаръ бросились съ тыла

на нападающихъ; тогда тюремный гарнизонъ ударилъ на нихъ въ штыки и бунтовщики бросились бѣжать. Войска не давали пощады, и главныя улицы Просница были усѣяны трупами. По счастію, это было единственное столкновеніе во всей Австріи въ канунъ 1-го мая.

Правительство запретило въ Вѣнѣ двигаться по улицамъ массами, но въ два часа началось движеніе къ Пратеру громадныхъ массъ народа, При видѣ полуторастотысячной толпы, выступившей густыми колоннами, со значками, при пѣніи «рабочей марсельезы», эрцгерцоги рѣшили, что слѣдуетъ остановить шествіе и пригласить рабочихъ разойтись, пославъ на встрѣчу имъ два батальона, съ приказаніемъ не пускать ихъ въ Пратеръ. Минута была опасная. Понятно, что мирно и стройно двигавшаяся огромная масса была не въ состояніи вдругъ разойтись, и вожаки, сохранявшіе надъ ней свое вліяніе, потеряли бы его. Въ своемъ движеніи человѣческая лавина уничтожила бы все, встрѣтившееся ей на пути. По счастью, пока власти совѣщались да дѣлали распоряженія, рабочіе были уже въ Пратерѣ и размѣстились по саду и по трактирамъ. Тогда приняли благоразумное рѣшеніе не вводить войска въ паркъ. Три часа пробыли рабочіе въ Пратерѣ совершенно спокойно, за кружками пива; въ 5 часовъ они запѣли «марсельезу рабочихъ» и гулъ 150,000 голосовъ, покрывая шумъ экипажей, далеко разносился вокругъ. Потомъ они двинулись, въ томъ же порядкѣ, обратно въ городъ, гдѣ всѣ лавки и магазины были закрыты съ двухъ часовъ. Гулянье высшаго общества въ Пратерѣ было въ этотъ день самое немногочисленное, веселье—напускное. Императоръ не показывался въ паркѣ, хотя сначала и обѣщалъ быть тамъ.

Въ Парижѣ, 1-е мая прошло не безъ столкновеній, хотя и незначительныхъ. Войска съ утра заняли всѣ главныя улицы и площади, нигдѣ не позволяя народу скопляться и останавливаться. Общее собраніе парижскихъ синдикальныхъ палатъ и международный конгрессъ рабочихъ отправили делегатовъ въ палату, къ президенту Флокэ, чтобы вручить ему петицію объ установленіи восьмичасоваго рабочаго дня и урегулированіи требованій конгресса въ законодательномъ порядкѣ. Депутацію составляли три члена палаты, два муниципальныхъ совѣтника, двое портныхъ, два гарсона изъ ресторана, сапожникъ и извозчикъ. На площади Согласія толпа не хотѣла разойтись, на нее пустили галопомъ эскадронъ муниципальной гвардіи. Всѣ бросились бѣжать и въ давкѣ многихъ помяли. На другихъ улицахъ были также кавалерійскія аттаки. Толпа хотѣла пробраться къ Елисейскому дворцу и бросилась на полицію, не пропускавшую ея. Обнаженныя сабли отражали ударами толстыхъ дубинъ, но, наконецъ, нападавшіе отступили, получивъ нѣсколько ранъ и оставивъ на мѣстѣ столкновенія много дубинъ, одинаковой формы и одинаковыхъ размѣровъ. Кричали: à bas l'armée! вы-

стрѣлили изъ пистолета. Арестовано до 200 человѣкъ, больше всего анархистовъ и подонковъ общества. Пресловутая Луиза Мишель, конечно, не могла въ этотъ день не побывать въ кутузкѣ, гдѣ она гоститъ такъ часто, хотя ея настоящее мѣсто въ домѣ умалишенныхъ. Взято также подъ стражу нѣсколько завѣдомыхъ анархистовъ. Въ департаментахъ, манифестаціи рабочихъ не обошлись, однако, безъ серьезныхъ столкновеній. Въ Тюркуенѣ произошло настоящее сраженіе между 45-мъ пѣхотнымъ полкомъ и 5,000 стачниковъ, разгромившихъ четыре бумагопрядильни, оказавшихъ значительное сопротивленіе войскамъ, и отброшенныхъ, наконецъ, на бельгійскую границу. Въ Рубэ работы остановились, болѣе чѣмъ на ста фабрикахъ; въ угольный бассейнъ Па-де-Кале отправлено 1,000 человѣкъ и два эскадрона конницы.

Въ Австріи и Венгріи стычки и безпорядки возобновились тотчасъ же послѣ 1-го мая. Въ Пештѣ пекаря и булочники, подражая плебеямъ римской республики, удалившимся на Авентинскую гору, переселились со своими семействами на необитаемый островъ Дуная и, запасшись провіантомъ, объявили, что не вернутся, пока ихъ требованія не будутъ исполнены. Въ Прагѣ забастовали рабочіе обширныхъ машинодѣлательныхъ заводовъ; въ Темешварѣ стачки приняли огульный характеръ; въ Марбургъ и Брюннъ отправили подкрѣпленія мѣстнымъ гарнизонамъ. Австрійскія газеты утѣшаютъ себя тѣмъ, что коноводы соціалистовъ вызываютъ эти движенія съ цѣлью противопоставить ихъ спокойствію, съ какимъ прошли манифестаціи 1-го мая. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи были также съ тѣхъ поръ кровавыя столкновенія. Въ Испаніи безпорядки были очень сильны. Въ Барселонѣ стычки между рабочими и войсками приняли острый характеръ. Полевые военные суды приговариваютъ къ каторжнымъ работамъ безъ срока. Въ Каталоніи объявлено осадное положеніе. Въ Валенсіи, Бургосѣ, Вальядолидѣ, Таррагонѣ, Бильбао рабочіе требуютъ восьмичасоваго дня. Въ Мадридѣ власти принимали депутаціи рабочихъ и обѣщали имъ реформы, хотя для осуществленія ихъ нужно время. Толпы разошлись мирно, благодаря краснорѣчію перваго министра. Въ Италіи, особенно въ большихъ городахъ— частыя стычки войска съ рабочими. Въ Равеннѣ, въ свалкѣ, убитъ поручикъ, нѣсколько жандармовъ и ранено много рабочихъ.

Въ Англіи манифестація рабочихъ приняла грандіозные размѣры, но англичане народъ своеобразный: они приняли предложеніе однодневной международной забастовки, но не захотѣли праздновать ее въ тотъ же день, какъ и во всей Европѣ, а отложили демонстрацію на 4-е мая, приходившееся въ воскресенье. Въ Лондонѣ движеніемъ управляли предсѣдатели рабочихъ союзовъ (Trades union), самой могущественной ассоціаціи въ мірѣ, обладающей капиталомъ въ 32 милліона рублей и состоящей изъ $2^1/_2$ милліоновъ членовъ. Глава этого общества (super-

intendent in chief), граверъ по дереву Шиптонъ, объявилъ, что, если рабочіе союзы Англіи присоединяются къ общей манифестаціи, то дѣлаютъ это по чувству братства, а не изъ желанія какихъ либо выгодъ. Члены союза добились уже уменьшенія рабочаго дня до восьми часовъ и максимума заработной платы. Добились они этого безъ правительственной помощи, путемъ давленія на работодателей, принужденныхъ подчиниться требованіямъ рабочихъ союзовъ. Поэтому Шиптонъ и его общество—противъ вмѣшательства правительства въ рабочій вопросъ, тогда какъ соціалисты и демократы, съ докторомъ Эвелингомъ во главѣ, хотятъ, напротивъ, принудить правительство дѣйствовать въ ихъ духѣ. И громадная манифестація состоялась только изъ этихъ двухъ народныхъ партій, составлявшихъ процессіи и ораторствовавшихъ отдѣльно одна отъ другой. Процессія рабочихъ союзовъ была устроена въ образцовомъ порядкѣ. Въ $2^1/_2$ часа разныя корпораціи собрались па набережной Темзы со своими значками, выстроились по шести человѣкъ въ рядъ и ровно въ 3 часа пошли, подъ звуки трубъ, въ Гайдъ-паркъ. Афиши заранѣе распредѣлили мѣста для каждой корпораціи, назначили число делегатовъ, знаменъ и пр. Это чисто военная организація, при которой немыслимъ никакой безпорядокъ и которой ни за что не подчинились бы французы, не привыкшіе уважать законы и дисциплину. Но англійскіе рабочіе, одѣтые по праздничному, собрались, какъ было постановлено, и пошли съ яркими знаменами, которые такъ велики, что нужно, по крайней мѣрѣ, четыре человѣка, и даже больше, чтобы нести ихъ. Надписи на нихъ и эмблемы — соціалистическія: «вмѣстѣ — побѣдимъ, отдѣльно — погибнемъ»; «всѣ люди братья»; «восьмичасовой трудъ и работа для всѣхъ»; «защита, но не нападеніе». Тысячныя массы двинулись безъ всякаго шума, безъ криковъ негодованія и энтузіазма, безъ революціонныхъ пѣсенъ. Только гремѣли трубы, барабаны и флейты. Массы народа по пути процессіи, зная, что онѣ не имѣютъ права перерѣзывать ее, молча давали дорогу. Полисмены также молча оттѣсняли на тротуары зазѣвавшихся прохожихъ. Въ паркѣ собралась масса слишкомъ въ 300,000. Газеты утверждаютъ, что это одна изъ самыхъ большихъ манифестацій, когда либо происходившая въ Лондонѣ. На огромномъ лугу и въ разныхъ частяхъ Гайдъ-парка манифестанты разбились на секціи; каждая на заранѣе опредѣленномъ ей мѣстѣ водрузила свое знамя подлѣ телѣги, на которой помѣщался комитетъ и ораторы. Съ телѣги же говорились и рѣчи; каждая продолжалась не долѣе десяти минутъ. Ораторъ, стоя безъ шляпы, произносилъ давно всѣмъ извѣстныя фразы о необходимости единенія рабочихъ силъ, чтобы противиться эксплуатаціи капитала, о необезпеченномъ положеніи трудящихся массъ и ихъ семействъ, о неравенствѣ состояній, несправедливости распредѣленія доходовъ *и прибылей*, и проч., и проч. По прошествіи десяти минутъ, раздавался

звонокъ предсѣдателя и ораторъ долженъ былъ остановиться даже на половинѣ фразы, если не кончилъ ея, и уступить мѣсто другому. Въ шесть часовъ кончились всѣ рѣчи, и многотысячная толпа разошлась также спокойно и въ такомъ же порядкѣ, какъ собралась по призыву своихъ вожаковъ. Въ манифестаціи участвовали и рабочіе, получившіе уже отъ фабрикантовъ всѣ уступки и довольные своимъ заработкомъ. Но и они требовали, чтобы законъ утвердилъ за ними ихъ права, такъ какъ было немало примѣровъ, что работодатели, согласясь на всѣ льготы и условія, отказывались отъ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Соціализмъ пустилъ глубокіе корни не въ одной Европѣ. Даже изъза Атлантическаго океана пришли извѣстія, что и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 1-е мая было встрѣчено тѣми же забастовками, процессіями, зажигательными рѣчами, столкновеніями съ полиціей. Особенно шумно и рѣзко высказалось рабочее движеніе въ Чикаго, гдѣ готовятся праздновать четырехсотлѣтнюю годовщину открытія Америки Колумбомъ. Стачки каменщиковъ и плотниковъ остановили даже мѣстами приготовленіе къ этому національному торжеству. Но достигли ли соціалисты главной и открыто объявленной ими цѣли празднованія 1-го мая: сосчитать свои силы для будущихъ соединенныхъ и международныхъ дѣйствій? Этотъ вопросъ очень важенъ. Но разсмотрѣнію его мы посвятимъ отдѣльный этюдъ въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала. Для борьбы съ опасностью нужно изучить ее основательно, а не закрывать передъ нею глаза. Замалчиваньемъ «проклятыхъ вопросовъ» нельзя помочь ихъ разрѣшенію.

6-го мая германскій императоръ открылъ съ особенной торжественностью первое засѣданіе законодательной сессіи германскаго парламента. Вильгельмъ II самъ прочелъ тронную рѣчь, подчеркивая тѣ выраженія, на которыя хотѣлъ обратить вниманіе. Рѣчь эту берлинское телеграфное агентство Вольфа передало въ Петербургъ совершенно точно, но для чего-то ухитрилось переставить тотъ порядокъ параграфовъ, въ которомъ императоръ говорилъ о законопроэктахъ, подлежащихъ обсужденію рейхсрата. Судя по телеграммѣ, можно было заключить, что Вильгельмъ началъ свою рѣчь съ доказательствъ необходимости увеличить численность арміи, а затѣмъ уже говорилъ о рабочемъ вопросѣ. Въ дѣйствительности же дѣло происходило совершенно наоборотъ: сначала говорилось о рабочихъ, а потомъ уже о солдатахъ и притомъ, о первыхъ гораздо подробнѣе и убѣдительнѣе. Затѣмъ слѣдовали комплименты по адресу державъ, участвовавшихъ въ европейской конференціи, заявленіе твердаго желанія жить въ мирѣ и дружбѣ со всѣми державами, и только тогда уже, въ видѣ вывода изъ всего предъидущаго, указывалось на необходимость усилить армію, чтобы уравновѣсить численность сосѣднихъ армій, какъ лучшее средство обезпечить европейскій миръ. Кому и для чего понадо-

билось, посредствомъ этой перестановки, придать рѣчамъ императора невѣрный и воинственный тонъ? Еще Бисмаркъ употреблялъ выраженіе: «лжетъ, какъ телеграфъ». На этотъ разъ жидовское агентство только исказило смыслъ рѣчи, и странно, что это искаженіе почти всегда случается съ рѣчами Вильгельма II. Черезъ недѣлю императоръ былъ уже въ Кёнигсбергѣ, гдѣ на парадномъ обѣдѣ произнесъ другую рѣчь, также явившуюся въ печати не въ томъ видѣ, какъ ее передалъ телеграфъ. Но въ этомъ случаѣ цѣль измѣненія была, по крайней мѣрѣ, ясна: дипломатическія условія требовали смягченія нѣкоторыхъ фразъ. Вильгельмъ II не ораторъ, онъ человѣкъ дѣла, а не слова, хотя и любитъ поговорить при всякомъ удобномъ случаѣ, но не выбираетъ выраженій и уже ни въ какомъ случаѣ не стѣсняетъ себя дипломатическими тонкостями. Такъ было и съ его кёнигсбергскими рѣчами; ихъ было двѣ и обѣ несовсѣмъ удачны. Въ первой онъ называетъ Кёнигсбергъ «колыбелью прусскаго королевства, столпомъ отечества, источникомъ развитія королевства». Но мы до сихъ поръ думали, что городъ этотъ, основанный послѣ Берлина, былъ только резиденціею гросмейстеровъ нѣмецкаго ордена и двухъ первыхъ прусскихъ герцоговъ, а ядромъ королевства былъ Бранденбургъ, такъ какъ первымъ монархомъ прусскаго государства былъ Фридрихъ I, курфюрстъ бранденбургскій, получившій этотъ титулъ на Констанцскомъ соборѣ. Но, оставивъ въ сторонѣ исторію, врядъ ли можно согласиться и съ тѣмъ, что «лучшихъ солдатъ и лучшихъ людей даже въ болѣе высокихъ должностяхъ», чѣмъ жители Восточной Пруссіи, нѣтъ во всемъ королевствѣ. Что же скажутъ на это другія провинціи и давно ли еще Бисмаркъ, да и самъ императоръ, восхваляли только бранденбургцевъ, которые «не боятся никого, кромѣ Бога!» И что за странная угроза звучитъ въ словахъ: «если мнѣ придется охранять свою кожу (mich meiner Haut zu wehren) и защищать границы моего государства, то мечъ Восточной Пруссіи, безъ сомнѣнія, дастъ себя знать непріятелю». Кёнигсбергъ былъ однажды въ русскомъ владѣніи и даже главнымъ городомъ русской губерніи, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло болѣе столѣтія и развѣ теперь Россія угрожаетъ ему? Можно быть и очень твердымъ человѣкомъ (rocher de bronze), какъ назвалъ себя по французски Вильгельмъ II въ другой кёнигсбергской рѣчи, — но не слѣдовало бы въ мирныхъ рѣчахъ увлекаться воинственнымъ жаромъ и гремѣть безъ нужды оружіемъ.

Противъ греческаго языка заговорили разомъ въ двухъ парламентахъ. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія внесъ въ палату вопросъ: нельзя ли удовлетворить желаніямъ общественнаго мнѣнія, давно уже требующимъ, чтобы воспитанникамъ реальныхъ училищъ былъ открытъ диспутъ въ университеты и чтобы изученіе въ гимназіяхъ греческаго языка было обязательно только для однихъ будущихъ филологовъ

Назначена комисія для изученія этого вопроса, обсуждавшагося одновременно и въ венгерской палатѣ депутатовъ. Министръ просвѣщенія, графъ Сапари, доказывалъ безполезность обученія греческому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сторонники этого обученія утверждаютъ, что этотъ языкъ развиваетъ умственныя способности, знакомя въ то же время съ греческой литературой. Но первая цѣль достигается и безъ того изученіемъ математики и латини, а вторая вовсе не достигается, такъ какъ доказано, что на экзаменахъ рѣдкіе ученики высказываютъ хоть какое нибудь понятіе о греческой литературѣ.

Заговорили въ австрійской палатѣ о бѣдствіяхъ всякаго рода, обрушившихся на бѣдную Галичину со стороны людей и природы. Страшный голодъ изнуряетъ сельское русское населеніе, изнемогающее подъ тройнымъ гнетомъ: нѣмцевъ-чиновниковъ, жидовъ и польскихъ пановъ. Изъ Россіи посылаютъ, конечно, даромъ хлѣбъ голодающимъ, а таможни дерутъ съ него огромную пошлину. Крестьяне могутъ, сколько имъ угодно, умирать съ голоду, но австрійское правительство не должно терять своихъ доходовъ. Ожаркевичъ доказывалъ въ палатѣ, что терроризмъ въ Галичинѣ достигъ крайнихъ предѣловъ. Чувство справедливости возмущается тѣмъ, что всякіе законы нарушаются. Во время существованія неограниченной монархіи, простому народу жилось гораздо лучше, чѣмъ теперь подъ парламентскимъ режимомъ. Депутатъ привелъ множество примѣровъ самаго грубаго произвола мѣстныхъ властей надъ мѣстными избирателями, самаго возмутительнаго насилія надъ русскимъ народомъ. Не лучше обращаются австрійцы и съ босняками, которые съ радостью вернулись бы къ турецкому владычеству, послѣ насилій, совершаемыхъ надъ ними швабами. Архимандритъ Кириллъ Аджичъ, отозвавшись непочтительно о какомъ-то приказѣ Франца-Іосифа, былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и присужденъ на $2^1/_2$ года къ тюремному заключенію, хотя шестеро изъ семи свидѣтелей, представленныхъ на судъ, отказались отъ предварительныхъ показаній. Изъ монастыря боснійской Краины, архимандрита привезли по желѣзной дорогѣ въ Зеницу, въ смирительный домъ, назначенный для его мѣстопребыванія. Аджичъ былъ въ рясѣ, въ камилавкѣ, но скованный цѣпями рука объ руку съ простымъ убійцей, также отправленнымъ въ Зеницу. Дорогой архимандрита нарочно показывали въ такомъ видѣ народу на всѣхъ станціяхъ, а по прибытіи въ Зеницу сорвали съ него священническое облаченіе, сбрили ему бороду и одѣли въ куртку каторжника. Такой жестокости удивлялись даже евреи и мусульмане. Турки отправили въ 1875 году въ ссылку архимандрита Пелагича, скрывшаго въ своемъ монастырѣ инсургентовъ и оружіе, но не сбривали бороды осужденному и не лишали его духовнаго званія, но вѣдь зато турки—варвары, а австрійцы народъ христіанскій,

просвѣщенный, пользующійся всѣми благами конституціи и парламентскаго управленія.

Исторія буланжизма составляетъ любопытную страницу не только при разсказѣ о внутренней жизни Франціи конца восьмидесятыхъ годовъ, но и вообще въ исторіи культуры этого времени. Республика, избавленная Гамбеттою отъ опасности вернуться къ клерикальнымъ и абсолютистскимъ стремленіямъ орлеанизма, могла погибнуть подъ управленіемъ людей, выдававшихъ себя за непреклонныхъ республиканцевъ, но оказавшихся взяточниками и грабителями. И кто же стоялъ во главѣ всѣхъ этихъ министровъ-лихоимцевъ, продававшихъ мѣста, ордена и званія, этихъ генераловъ, обворовывавшихъ своихъ солдатъ, чтобы на краденныя деньги содержать блестящихъ кокотокъ, бывшихъ въ то же время прусскими шпіонками? Самъ президентъ республики, чуть не восьмидесятилѣтній старикъ, скупавшій дома въ Парижѣ, игравшій на биржѣ и дѣлившійся со своимъ зятемъ деньгами за продаваемыя имъ доходныя мѣста въ управленіи, казенные подряды концессіи, и ордена почетнаго легіона. И обличителемъ такого позорнаго режима явился генералъ, весьма сомнительной храбрости и честности, молчавшій о злоупотребленіяхъ властей, пока самъ былъ министромъ, и громко заговорившій о мошенничествѣ своихъ прежнихъ товарищей, когда они прогнали его, не подѣливши между собою какихъ-то доходовъ. И этотъ генералъ сдѣлался кумиромъ сотенъ тысячъ французовъ, выбиравшихъ его нѣсколько разъ своимъ представителемъ, вождемъ, главою. Парижъ дѣлалъ ему самыя восторженныя овація, точно какому нибудь избавителю или освободителю; въ честь его сочинялись и распѣвались пѣсни, массы народа врывались къ нему, чтобы онъ избавилъ страну отъ парламентскихъ болтуновъ, отъ правительственныхъ воровъ. Нѣсколько разъ приверженцы Буланжэ пытались произвести переворотъ въ пользу этого авантюриста, но благоразумная часть населенія, и въ особенности армія, не пошли за бездарнымъ честолюбцемъ, оказавшимся, кромѣ того, и трусомъ, ни разу не рисковавшимъ собою во время уличныхъ волненій. Не смотря на это, правительство обвинило его въ измѣнѣ государству и заговорѣ, и заочно приговорило бѣжавшаго героя къ тюремному заключенію. Судьи дѣйствовали незаконно, но общественное мнѣніе во Франціи, ознакомившись въ процессѣ Буланжэ со многими весьма некрасивыми сторонами личнаго характера генерала и видя на дѣлѣ его безхарактерность и ничтожество, отвернулось отъ своего любимца и, при выборахъ въ новую палату, послало въ нее всего десятка два буланжистовъ. Еще позорнѣе были неудачи ихъ при выборѣ, въ концѣ апрѣля, новыхъ 82 членовъ въ муниципальное управленіе города Парижа. Буланжисты надѣялись получить, по крайней мѣрѣ, 25 голосовъ и получили всего два. Это пораженіе было такъ неожиданно, го*ворило* такъ *ясно* о настроеніи парижанъ, давшихъ болѣе полутораста

тысячъ голосовъ Буланжэ при послѣднихъ выборахъ въ палату, что партія бѣглаго генерала, засѣвшаго на островѣ Джерсэ, распалась окончательно. Отъ проходимца посторонились всѣ выдающіяся личности, и онъ долженъ былъ объявить о закрытіи комитета, дѣйствовавшаго въ его пользу. Теперь никто изъ французовъ и не вспоминаетъ о буланжизмѣ, принесшемъ пользу странѣ низверженіемъ Жюля Греви, съ его системою продажничества и взяточничества. Но орудіе, уничтожившее скандалы третьяго президентства республики, было само по себѣ такъ мелко и ничтожно, что французы вполнѣ отреклись отъ него. Въ утѣшеніе ему, остается только повторить припѣвъ русской пѣсни: «Ахъ, какъ время переходчиво! ахъ, какъ люди перемѣнчивы!»

Оказывается, впрочемъ, что крупные дѣятели третьей французской республики не слишкомъ перемѣнчивы, а, напротивъ, весьма консервативны, вездѣ, гдѣ дѣло касается ихъ личныхъ выгодъ. Въ палатѣ продолжаются разоблаченія весьма некрасивыхъ поступковъ разныхъ денежныхъ и административныхъ тузовъ, и дѣло Кристофля, директора общества «Земельнаго кредита» (Crédit foncier) представило въ непривлекательномъ свѣтѣ какъ этого чиновника, такъ и всю финансовую администрацію и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—продажность французской журналистики... «Земельный кредитъ» находится подъ контролемъ правительства, которое назначаетъ директора въ это учрежденіе и пользуется этимъ банкомъ, какъ орудіемъ, чтобы препятствовать на биржѣ пониженію государственной ренты. Банкъ учрежденъ собственно съ цѣлью—выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и не имѣетъ права заниматься другими операціями. Но само собою разумѣется, что заправилы этого учрежденія постоянно нарушали свой уставъ, спекулируя на биржѣ безъ удержу, и правительство смотрѣло на это сквозь пальцы. Въ 1878 году банкъ зарвался до того, что ухнулъ всѣ свои фонды въ египетскій заемъ и потребовалось даже дипломатическое вмѣшательство, чтобы суммы эти были ему возвращены. Директоръ банка Фреми и его помощникъ Субейранъ лишились своихъ теплыхъ мѣстъ, но это нисколько не помѣшало ихъ преемникамъ, Кристофлю и Левеку, дѣйствовать совершенно въ духѣ своихъ предмѣстниковъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, директоръ Кристофль, не имѣвшій ровно никакого состоянія, теперь нажилъ 20 мильоновъ франковъ, изъ которыхъ на 11 милліоновъ земли. Деньги эти пріобрѣтены биржевой игрой, на которую Кристофль употреблялъ фонды, принадлежавшіе банку. Нельзя сказать, чтобы тутъ дѣло обходилось безъ риска. Такъ, на спекуляціяхъ биржеваго агента Белеа, впослѣдствіи застрѣлившагося, Кристофль потерялъ два мильона. Еще рискованнѣе было то, что печать могла разоблачить незаконныя продѣлки директора, но онъ въ этомъ отношеніи принялъ свои мѣры и подкупилъ не только всю вліятельную парижскую, но и провинціальную печать. Какъ было обна-

ружено въ палатѣ, на однѣ «издержки публикаціи»—frais de publicité, какъ онѣ скромно названы въ отчетѣ банка,—то есть просто: на подкупъ печати въ послѣднія десять лѣтъ употреблено 22 мильона франковъ. Цифра официальная! Правительство очень хорошо знало объ этомъ и, въ свою очередь, пользовалось услугами печати, закупленной Кристофлемъ. Такъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, предшествовавшихъ послѣднимъ выборамъ въ палату, Кристофль издержалъ 2.600,000 франковъ на избраніе правительственныхъ кандидатовъ, тогда какъ само министерство назначило для этой же цѣли $1^1/_2$ мильона изъ секретныхъ суммъ. Не мудрено, что за такія деньги въ палату попало столько министерскихъ депутатовъ, то и дѣло вотирующихъ довѣріе къ правительству и благодарность кабинету. Въ послѣднее время, товарищъ Кристофля, Левекъ, не подѣлилъ что-то со своимъ директоромъ и вышелъ въ отставку, объяснивъ это въ письмѣ къ министру тѣмъ, что Кристофль нарушаетъ уставъ банка и производитъ чрезмѣрныя траты по управленію и на газеты. О письмѣ этомъ Лоръ сдѣлалъ запросъ въ палатѣ, требуя назначенія парламентскаго слѣдствія, но министры Фрейсинэ и Рувье заявили, что правительство отвергаетъ это требованіе и полагаетъ произвести слѣдствіе—административнымъ порядкомъ. Палата тотчасъ же согласилась съ министерствомъ, разсчитывая на его бдительность.

Одновременно съ «Земельнымъ кредитомъ», обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ и общество Панамскаго перешейка, хотя стоящій во главѣ его Лессепсъ внѣ всякихъ подозрѣній. Но его слабостью и довѣрчивостью воспользовались другіе. И потому онъ также считалъ нужнымъ закупать въ свою пользу сужденія журналистики, и истратилъ на это 80 мильоновъ—цифра едва ли вѣроятная, но однако же подтвержденная официальными документами. Вообще въ Парижѣ нельзя осуществить ни одной финансовой операціи, какъ бы она ни была честна и выгодна, не подкупивъ предварительно газетъ, которыя всѣ продажны—за исключеніемъ двухъ, трехъ независимыхъ органовъ. Сербы откровенно признаются, что послѣдній сдѣланный ими заемъ въ 20 мильоновъ франковъ стоилъ имъ 300 тысячъ франковъ расходовъ на уплату журналистамъ. Эти подвиги «мошенниковъ печати» не спасаютъ однако отъ банкротствъ «разбойниковъ-банкировъ». Въ судѣ началось дѣло о колоссальномъ крахѣ двухъ банковыхъ учрежденій: «Comptoir d'escompte» и «Société des métaux». Директоръ перваго общества Данферъ застрѣлился, директоръ втораго Секретанъ не имѣлъ столько мужества и, распродавъ свои картинныя галлереи и имущество, сѣлъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ раздачѣ фальшивыхъ дивидендовъ, ростовщичествѣ, незаконныхъ спекуляціяхъ и пр. Онъ не сознается однако въ своихъ продѣлкахъ и увѣ-

что сдѣлался жертвою «своего высокаго патріотизма». И такіе же

патріоты, какъ Рувье и Констанъ, прикрываютъ, по мнѣнію

причинамъ, всѣ продѣлки господъ въ родѣ Секретана и Кристофля, а журналистика по тѣмъ же причинамъ становится на ихъ сторону.

Криспи, не смотря на заискиваніе передъ Франціею, подвергается въ итальянской палатѣ депутатовъ постоянной травлѣ со стороны либераловъ. Недавно Имбріани потребовалъ объясненія отъ премьера по поводу его распоряженія — снять надпись съ воздвигнутаго въ Веронѣ памятника Карлотѣ Аскіери, убитой австрійцами въ 1866 году. Распоряженіе было мотивировано текстомъ надписи на памятникѣ, оскорбительнымъ для Австріи. Имбріани произнесъ по этому случаю энергичную рѣчь противъ союза съ Австріей и доказывалъ, какъ союзъ этотъ противенъ итальянскому національному чувству. Въ заключеніе, депутатъ сказалъ: «хвалить этотъ союзъ могутъ лишь такіе генералы, какъ Марчелли, никогда не нюхавшіе пороху». Марчелли не было въ палатѣ, но всѣ знали, что онъ горячій приверженецъ Австріи. Военный министръ замѣтилъ, что нельзя нападать на отсутствующихъ членовъ палаты. Ему отвѣчали, что итальянскіе австрофилы позорятъ свое отечество. Президентъ палаты, опасаясь крупнаго скандала, поспѣшно закрылъ засѣданіе. Депутаты разошлись въ крайнемъ возбужденіи. Неудачно кончилось также столкновеніе Криспи съ сенатомъ, которому премьеръ пригрозилъ распущеніемъ парламента, если сенатъ не приметъ проэкта о реформѣ благотворительныхъ учрежденій, представленнаго министромъ. Король Гумбертъ не согласился распустить парламентъ, и Криспи пришлось взять назадъ свой ультиматумъ.

Испанскій сенатъ утвердилъ, наконецъ, законопроэктъ объ избирательной реформѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Испанію системы всеобщей подачи голосовъ можно считать окончательно рѣшеннымъ. Страна обязана этимъ либеральному кабинету Сагасты.

На дняхъ смѣненъ турецкій министръ юстиціи Джевдетъ-паша, едва ли не единственный энергичный и способный дѣятель въ нынѣшнемъ кабинетѣ оттоманской порты. Причиною паденія министра былъ пьяный нѣмецкій матросъ, буянившій на улицѣ и взятый въ полицію. Германскій посолъ потребовалъ удовлетворенія за оскорбленіе нѣмецкаго достоинства, выразившееся въ арестѣ пьянаго гуляки. Прежде всего, арестовали и подвергли допросу полицейскихъ, осмѣлившихся убрать германскаго героя. Заптіи доказали, что, усмиряя разбушевавшагося матроса, они не прибѣгали ни къ какимъ необычнымъ мѣрамъ. Но Радовицъ настаивалъ все таки на наказаніи полицейскихъ. Джевдетъ-паша защищалъ своихъ подчиненныхъ, законъ и справедливость. Тогда германское правительство категорически потребовало отставки министра. Порта сначала сопротивлялась, заговорила о національномъ достоинствѣ, потомъ предложила пашѣ самому выйти въ отставку. Тотъ на отрѣзъ отказался. Тогда Радовицъ безъ церемоніи объявилъ, что если Джевдетъ-паша останется на своемъ

мѣстѣ—германское посольство оставитъ Константинополь. И султанъ поспѣшилъ прогнать честнаго и преданнаго министра.

Вотъ какъ поддерживаетъ на востокѣ свои, даже мнимые, интересы представитель одной имперіи, въ то время когда представитель другой не можетъ добиться даже отвѣта, когда же наконецъ Порта соблаговолитъ исполнить свои долговыя обязательства, накопляющіяся съ каждымъ годомъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ. Султанъ, конечно, очень любезенъ и недавно выказалъ особенную предупредительность по отношенію къ русскому послу. Жена и дочь драгомана русскаго посольства, гуляя по набережной Буюкдере, подверглись грубымъ приставаньямъ пяти турецкихъ офицеровъ. Крики этихъ дамъ о помощи были услышаны русскими матросами, случайно находившимися въ домѣ русскаго посольства. Матросы бросились на помощь и схватили четырехъ негодяевъ: пятый бѣжалъ, но былъ пойманъ на другой день, и тогда же султанъ созвалъ чрезвычайный военный судъ, приговорившій офицеровъ къ тюремному заключенію, срокомъ на десять, восемь и четыре мѣсяца. Къ этому наказанію султанъ прибавилъ еще ссылку въ Триполи и выразилъ сожалѣніе по поводу этого случая г. Нелидову, благодарившему за такое быстрое удовлетвореніе обиды, нанесенной русскимъ подданнымъ. Все это очень пріятно слышать, хотя газеты только что передъ тѣмъ сообщили, что г. Нелидовъ, неизвѣстно въ который разъ, долженъ былъ напомнить султану, что, при новой конверсіи оттоманскаго долга, не мѣшало бы вспомнить и о своихъ старыхъ долгахъ.

«Московскія Вѣдомости» продолжаютъ неутомимо изучать и объяснять русской публикѣ финляндскіе «порядки». Особенно любопытны положенія недавно изданнаго финляндскаго уголовнаго кодекса и его сравненіе съ русскимъ законодательствомъ. Передъ постановленіями, касающимися государственныхъ преступленій, положительно становишься втупикъ. Такъ, «за оскорбленіе чести государя, виновный наказывается заключеніемъ въ смирительномъ домѣ не свыше четырехъ лѣтъ или тюремнымъ заключеніемъ не меньше шести мѣсяцевъ». Виновный въ томъ же оскорбленіи противъ другихъ членовъ императорскаго дома «подвергается заключенію срокомъ не свыше трехъ лѣтъ». Виновный въ измѣнѣ отечеству подвергается заключенію отъ одного года до восьми лѣтъ, а сообщники его—заключенію не свыше двухъ лѣтъ. Эта сравнительная легкость наказанія изумительна потому, что финляндскіе законы вообще не отличаются мягкостью. Предумышленное убійство наказывается отсѣченіемъ головы. За отравленіе подножнаго корма, назначеннаго для чужаго скота, полагается четырехмѣсячное заключеніе: за похищеніе чужихъ овощей или дровъ на 5 рублей — двухмѣсячная тюрьма. Такимъ образомъ, «измѣнникъ, поднявшій оружіе противъ Россіи, подвергается *одинаковому* наказанію съ человѣкомъ, покусившимся на чужой скотъ; *адвокатъ*, выдавшій государственную тайну, осуждается, какъ человѣкъ,

безъ спроса попользовавшійся чужими дровами или овощами». «Смѣемъ думать,—прибавляютъ «Московскія Вѣдомости»,—что самобытныя финляндскія особенности заслуживаютъ не только вниманія публики, но и, можетъ быть, еще въ большей степени вниманія русскихъ государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ высокимъ довѣріемъ верховной власти». «Новое Время» ожидаетъ отъ финляндскихъ юристовъ и публицистовъ разъясненія странныхъ принциповъ финляндскаго уложенія. Газета, конечно, не дождется этого, такъ какъ финляндская печать даже совершенно законныя желанія нашего правительства и общества—имѣть общія таможни, почты и монету—называетъ «попыткою порабощенія финскаго народа, лишенною всякаго разумнаго основанія». Печать эта обвиняетъ русскую журналистику въ томъ, что она старается «нанести вредъ Финляндіи, оклеветать ее, повелительнымъ тономъ требуя упраздненія финляндскихъ законовъ и учрежденій». Но какіе же это финляндскіе законы, если они не существовали до 1860 года, когда впервые, по докладу министра финансовъ Княжевича, введена въ покоренный нами край новая монета—марка, неизвѣстная въ Россіи. Теперь монета эта признана неудобной, хотя 30 лѣтъ назадъ найдено возможнымъ ввести ее въ обращеніе. Развѣ, въ теченіе 30 лѣтъ, не измѣнялись и не отмѣнялись у насъ и болѣе важныя постановленія? Развѣ, напримѣръ, и другая западная окраина Россіи—въ 1890 году все въ томъ же положеніи, какъ въ 1860? Развѣ самъ покойный императоръ, по свидѣтельству г. Ордина, не сказалъ, по случаю появленія финляндской монеты: «on a escamoté mon consentement». А сколько еще льготъ себѣ эскамотировали съ тѣхъ поръ финляндцы, начиная съ таможень, задерживающихъ въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга русскіе товары, хотя съ Россіею Финляндія торгуетъ на 77 милліоновъ марокъ, а съ Швеціей и Норвегіей на 18 м.? Занимаясь съ тѣхъ поръ постепеннымъ эскамотированіемъ всего, что только можно, финляндцы дошли наконецъ до того, что,—какъ говоритъ «Новое Время»,—у нихъ теперь «имѣется національная армія, которая при мобилизаціи дастъ въ 70-ти верстахъ отъ Петербурга 200,000 человѣкъ, а о духѣ этой арміи можно судить по тому, что въ короткій промежутокъ времени были торжественно открыты въ Финляндіи два монумента, воздвигнутыхъ на мѣстахъ пораженія русскихъ войскъ!! Неужели Россія сотни лѣтъ воевала со шведами для того, чтобы на собственный счетъ создать у себя подъ бокомъ новую Швецію, и еще болѣе опасную, такъ какъ въ Швеціи Карла XII было только полтора милліона жителей и ни гроша денегъ».

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНЫ II.

(*В. А. Бильбасовъ*. **Исторія Екатерины Второй. Томъ первый. Екатерина до вступленія**. Спб. 1890).

Научная дѣятельность сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи въ послѣднюю четверть вѣка, и въ настоящее время имена многихъ русскихъ ученыхъ, въ различныхъ областяхъ знанія, пользуются большимъ уваженіемъ на западѣ: достаточно припомнить имена: Боткина, Менделѣева, Бутлерова, Зинина, Сомова, Пржевальскаго, Васильева, Бредихина, не говоря уже о другихъ, съ иностранными фамиліями. Но въ ряду наукъ, дѣятельно и съ успѣхомъ разрабатываемыхъ русскими учеными, слабѣе и безрезультатнѣе является исторія. Причина этой малоуспѣшности объясняется очень легко, если вникнуть въ отличіе исторической науки отъ другихъ наукъ: исторія есть единственная наука, которая неизбѣжно дѣлается тенденціозною, благодаря тому, что человѣческими устами повѣствуется о человѣческихъ дѣяніяхъ. Пресловутое безпристрастіе различныхъ господъ историковъ и бытописателей равняется нулю, разъ заходитъ рѣчь о столкновеніи ихъ единоплеменниковъ съ соперничающимъ сосѣднимъ народомъ. Личныя симпатіи и антипатіи (по принципу, а то и *безсознательно*) неизбѣжно отражаются въ произведеніи историка и даютъ ту или другую окраску описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ минувшихъ вѣковъ.

Въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется глубокая ошибка русскихъ историковъ, пошедшихъ съ самаго начала работѣпно по слѣдамъ своихъ западно-европейскихъ учителей. Въ другихъ наукахъ это незамѣтно: свойства кислорода останутся неизмѣнными, добудетъ ли его русскій, или нѣмецъ; законы электричества всегда будутъ одни и тѣ же при изученіи ихъ англичаниномъ или американцемъ; хлорофилъ благополучно распадется на желтый и зеленый, независимо отъ того, станетъ ли его разлагать французъ, или итальянецъ. Въ исторіи же это безстрастіе немыслимо. Поручите написать исторію Брабова поляку, русскому и нѣмцу,— *то будутъ три разныя* исторіи, одинаково остроумно и логично написан-

ныя, но рѣзко различающіяся по духу и анализу; съ исторіею Ломбардіи, порученною итальянцу, французу и швейцарцу, произойдетъ то же самое. Первые русскіе историки, благодаря недостаточной подготовкѣ, не поняли этого и покорно стали работать въ духѣ и вкусѣ своихъ учителей, преимущественно нѣмцевъ. По этой-то причинѣ, большинство работъ русскихъ ученыхъ въ исторической наукѣ направлены по ложной дорогѣ и должны быть сведены къ нулю по своей безсодержательности и безрезультатности. Чтобы яснѣе понять сказанное, обратимся къ исторіи Германіи и посмотримъ, въ чемъ заключается ея суть. Отъ Нѣмана далеко за Эльбу и отъ Днѣпра до долины По жили славяне, за ними же до Атлантическаго океана разселились кельты; скандинавы (подъ именами тевтоновъ, готовъ, дановъ, саксовъ и свевовъ) прорвались въ нынѣшнюю Германію съ сѣвера и, выславъ къ кельтамъ дружины сикамбровъ и англовъ, затѣяли упорную и многовѣковую борьбу со славянами. Съ настойчивостью и упорствомъ, характеризирующими скандинавскую расу, тевтоны и швабы (т. е. свевы) стремились безпощадно истребить сопротивлявшихся стойко славянъ, и въ этомъ поединкѣ заключается вся исторія Германіи, отъ перваго столкновенія скандинавовъ съ полабами и ваграми на Эльбѣ до отставки Бисмарка въ наши дни. Очевидно, любой нѣмецъ (трудолюбивый, старательный, кропотливый), взявшись писать исторію своей родины, никогда не будетъ въ силахъ отдѣлаться отъ воспринятой имъ съ молокомъ матери враждебности къ «презрѣнному» врагу, тѣмъ болѣе, что въ умѣ тевтона понятія о «Sclaven» и «Slaven» совершенно однородны. Поэтому, описывая подвиги Витекинда Веттина, Германа Биллунга, Альбрехта-Медвѣдя и другихъ народныхъ героевъ, нѣмецъ восхищается ими и съ пренебреженіемъ относится къ славянамъ, безплодно и разрозненно боровшимся за свою независимость. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется причина недостаточности и отрывочности свѣдѣній по исторіи славянъ въ Европѣ.

Между тѣмъ русскіе историки, подражая нѣмецкимъ, точно также пренебрегали прошлою судьбою своихъ предковъ или принимали на вѣру измышленія своихъ учителей-нѣмцевъ; благодаря этому, въ русской исторической наукѣ существуетъ до сихъ поръ безобразно громадный пробѣлъ, на пополненіе котораго необходимо много времени и много усилій людей науки. Откуда пришли славяне? когда они пришли въ Европу? какъ разселялись? на какой степени развитія были они тогда? каковы были отношенія славянъ къ кельтамъ? какова была судьба балканскихъ славянъ до столкновенія съ эллинами и римлянами? насколько родственны имъ литовцы, македоняне, иллирійцы и паннонцы? какъ шло постепенное оттѣсненіе финновъ на сѣверъ?—вотъ небольшая часть вопросовъ, на которые ни одинъ историкъ не въ силахъ дать положительнаго отвѣта, а многіе даже и не задавались подобными вопросами. Въ этомъ-

билось, посредствомъ этой перестановки, придать рѣчамъ императора невѣрный и воинственный тонъ? Еще Бисмаркъ употреблялъ выраженіе: «лжетъ, какъ телеграфъ». На этотъ разъ жидовское агентство только исказило смыслъ рѣчи, и странно, что это искаженіе почти всегда случается съ рѣчами Вильгельма II. Черезъ недѣлю императоръ былъ уже въ Кёнигсбергѣ, гдѣ на парадномъ обѣдѣ произнесъ другую рѣчь, также явившуюся въ печати не въ томъ видѣ, какъ ее передалъ телеграфъ. Но въ этомъ случаѣ цѣль измѣненія была, по крайней мѣрѣ, ясна: дипломатическія условія требовали смягченія нѣкоторыхъ фразъ. Вильгельмъ II не ораторъ, онъ человѣкъ дѣла, а не слова, хотя и любитъ поговорить при всякомъ удобномъ случаѣ, но не выбираетъ выраженій и уже ни въ какомъ случаѣ не стѣсняетъ себя дипломатическими тонкостями. Такъ было и съ его кёнигсбергскими рѣчами; ихъ было двѣ и обѣ несовсѣмъ удачны. Въ первой онъ называетъ Кёнигсбергъ «колыбелью прусскаго королевства, столпомъ отечества, источникомъ развитія королевства». Но мы до сихъ поръ думали, что городъ этотъ, основанный послѣ Берлина, былъ только резиденціею гросмейстеровъ нѣмецкаго ордена и двухъ первыхъ прусскихъ герцоговъ, а ядромъ королевства былъ Бранденбургъ, такъ какъ первымъ монархомъ прусскаго государства былъ Фридрихъ I, курфюрстъ бранденбургскій, получившій этотъ титулъ на Констанцскомъ соборѣ. Но, оставивъ въ сторонѣ исторію, врядъ ли можно согласиться и съ тѣмъ, что «лучшихъ солдатъ и лучшихъ людей даже въ болѣе высокихъ должностяхъ», чѣмъ жители Восточной Пруссіи, нѣтъ во всемъ королевствѣ. Что же скажутъ на это другія провинціи и давно ли еще Бисмаркъ, да и самъ императоръ, восхваляли только бранденбургцевъ, которые «не боятся никого, кромѣ Бога!» И что за странная угроза звучитъ въ словахъ: «если мнѣ придется охранять свою кожу (mich meiner Haut zu wehren) и защищать границы моего государства, то мечъ Восточной Пруссіи, безъ сомнѣнія, дастъ себя знать непріятелю». Кёнигсбергъ былъ однажды въ русскомъ владѣніи и даже главнымъ городомъ русской губерніи, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло болѣе столѣтія и развѣ теперь Россія угрожаетъ ему? Можно быть и очень твердымъ человѣкомъ (rocher de bronze), какъ назвалъ себя по французски Вильгельмъ II въ другой кёнигсбергской рѣчи, — но не слѣдовало бы въ мирныхъ рѣчахъ увлекаться воинственнымъ жаромъ и гремѣть безъ нужды оружіемъ.

Противъ греческаго языка заговорили разомъ въ двухъ парламентахъ. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія внесъ въ палату вопросъ: нельзя ли удовлетворить желаніямъ общественнаго мнѣнія, давно уже требующимъ, чтобы воспитанникамъ реальныхъ училищъ былъ открытъ диспутъ въ университеты и чтобы изученіе въ гимназіяхъ *греческаго языка* было обязательно только для однихъ будущихъ филологовъ

Назначена комисія для изученія этого вопроса, обсуждавшагося одновременно и въ венгерской палатѣ депутатовъ. Министръ просвѣщенія, графъ Сапари, доказывалъ безполезность обученія греческому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сторонники этого обученія утверждаютъ, что этотъ языкъ развиваетъ умственныя способности, знакомя въ то же время съ греческой литературой. Но первая цѣль достигается и безъ того изученіемъ математики и латини, а вторая вовсе не достигается, такъ какъ доказано, что на экзаменахъ рѣдкіе ученики высказываютъ хоть какое нибудь понятіе о греческой литературѣ.

Заговорили въ австрійской палатѣ о бѣдствіяхъ всякаго рода, обрушившихся на бѣдную Галичину со стороны людей и природы. Страшный голодъ изнуряетъ сельское русское населеніе, изнемогающее подъ тройнымъ гнетомъ: нѣмцевъ-чиновниковъ, жидовъ и польскихъ пановъ. Изъ Россіи посылаютъ, конечно, даромъ хлѣбъ голодающимъ, а таможни деругъ съ него огромную пошлину. Крестьяне могутъ, сколько имъ угодно, умирать съ голоду, но австрійское правительство не должно терять своихъ доходовъ. Ожаркевичъ доказывалъ въ палатѣ, что терроризмъ въ Галичинѣ достигъ крайнихъ предѣловъ. Чувство справедливости возмущается тѣмъ, что всякіе законы нарушаются. Во время существованія неограниченной монархіи, простому народу жилось гораздо лучше, чѣмъ теперь подъ парламентскимъ режимомъ. Депутатъ привелъ множество примѣровъ самаго грубаго произвола мѣстныхъ властей надъ мѣстными избирателями, самаго возмутительнаго насилія надъ русскимъ народомъ. Не лучше обращаются австрійцы и съ босняками, которые съ радостью вернулись бы къ турецкому владычеству, послѣ насилій, совершаемыхъ надъ ними швабами. Архимандритъ Кириллъ Аджичъ, отозвавшись непочтительно о какомъ-то приказѣ Франца-Іосифа, былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и присужденъ на $2^1/_2$ года къ тюремному заключенію, хотя шестеро изъ семи свидѣтелей, представленныхъ на судъ, отказались отъ предварительныхъ показаній. Изъ монастыря боснійской Краины, архимандрита привезли по желѣзной дорогѣ въ Зеницу, въ смирительный домъ, назначенный для его мѣстопребыванія. Аджичъ былъ въ рясѣ, въ камилавкѣ, но скованный цѣпями рука объ руку съ простымъ убійцей, также отправленнымъ въ Зеницу. Дорогой архимандрита нарочно показывали въ такомъ видѣ народу на всѣхъ станціяхъ, а по прибытіи въ Зеницу сорвали съ него священническое облаченіе, сбрили ему бороду и одѣли въ куртку каторжника. Такой жестокости удивлялись даже евреи и мусульмане. Турки отправили въ 1875 году въ ссылку архимандрита Пелагича, скрывшаго въ своемъ монастырѣ инсургентовъ и оружіе, но не сбривали бороды осужденному и не лишали его духовнаго званія, но вѣдь зато турки—варвары, а австрійцы народъ христіанскій.

просвѣщенный, пользующійся всѣми благами конституціи и парламентскаго управленія.

Исторія буланжизма составляетъ любопытную страницу не только при разсказѣ о внутренней жизни Франціи конца восьмидесятыхъ годовъ, но и вообще въ исторіи культуры этого времени. Республика, избавленная Гамбеттою отъ опасности вернуться къ клерикальнымъ и абсолютистскимъ стремленіямъ орлеанизма, могла погибнуть подъ управленіемъ людей, выдававшихъ себя за непреклонныхъ республиканцевъ, но оказавшихся взяточниками и грабителями. И кто же стоялъ во главѣ всѣхъ этихъ министровъ-лихоимцевъ, продававшихъ мѣста, ордена и званія, этихъ генераловъ, обворовывавшихъ своихъ солдатъ, чтобы на краденныя деньги содержать блестящихъ кокотокъ, бывшихъ въ то же время прусскими шпіонками? Самъ президентъ республики, чуть не восьмидесятилѣтній старикъ, скупавшій дома въ Парижѣ, игравшій на биржѣ и дѣлившійся со своимъ зятемъ деньгами за продаваемыя имъ доходныя мѣста въ управленіи, казенные подряды концессіи, и ордена почетнаго легіона. И обличителемъ такого позорнаго режима явился генералъ, весьма сомнительной храбрости и честности, молчавшій о злоупотребленіяхъ властей, пока самъ былъ министромъ, и громко заговорившій о мошенничествѣ своихъ прежнихъ товарищей, когда они прогнали его, не подѣливши между собою какихъ-то доходовъ. И этотъ генералъ сдѣлался кумиромъ сотень тысячъ французовъ, выбиравшихъ его нѣсколько разъ своимъ представителемъ, вождемъ, главою. Парижъ дѣлалъ ему самыя восторженныя овація, точно какому нибудь избавителю или освободителю; въ честь его сочинялись и распѣвались пѣсни, массы народа врывались къ нему, чтобы онъ избавилъ страну отъ парламентскихъ болтуновъ, отъ правительственныхъ воровъ. Нѣсколько разъ приверженцы Буланжэ пытались произвести переворотъ въ пользу этого авантюриста, но благоразумная часть населенія, и въ особенности армія, не пошли за бездарнымъ честолюбцемъ, оказавшимся, кромѣ того, и трусомъ, ни разу не рисковавшимъ собою во время уличныхъ волненій. Не смотря на это, правительство обвинило его въ измѣнѣ государству и заговорѣ, и заочно приговорило бѣжавшаго героя къ тюремному заключенію. Судьи дѣйствовали незаконно, но общественное мнѣніе во Франціи, ознакомившись въ процессѣ Буланжэ со многими весьма некрасивыми сторонами личнаго характера генерала и видя на дѣлѣ его безхарактерность и ничтожество, отвернулось отъ своего любимца и, при выборахъ въ новую палату, послало въ нее всего десятка два буланжистовъ. Еще позорнѣе были неудачи ихъ при выборѣ, въ концѣ апрѣля, новыхъ 82 членовъ въ муниципальное управленіе города Парижа. Буланжисты надѣялись получить, по крайней мѣрѣ, 25 *голосовъ и* получили всего два. Это пораженіе было такъ неожиданно, *говорило такъ ясно* о настроеніи парижанъ, давшихъ болѣе полутораста

тысячъ голосовъ Буланжэ при послѣднихъ выборахъ въ палату, что партія бѣглаго генерала, засѣвшаго на островѣ Джерсэ, распалась окончательно. Отъ проходимца посторонились всѣ выдающіяся личности, и онъ долженъ былъ объявить о закрытіи комитета, дѣйствовавшаго въ его пользу. Теперь никто изъ французовъ и не вспоминаетъ о буланжизмѣ, принесшемъ пользу странѣ низверженіемъ Жюля Греви, съ его системою продажничества и взяточничества. Но орудіе, уничтожившее скандалы третьяго президентства республики, было само по себѣ такъ мелко и ничтожно, что французы вполнѣ отреклись отъ него. Въ утѣшеніе ему, остается только повторить припѣвъ русской пѣсни: «Ахъ, какъ время переходчиво! ахъ, какъ люди перемѣнчивы!»

Оказывается, впрочемъ, что крупные дѣятели третьей французской республики не слишкомъ перемѣнчивы, а, напротивъ, весьма консервативны, вездѣ, гдѣ дѣло касается ихъ личныхъ выгодъ. Въ палатѣ продолжаются разоблаченія весьма некрасивыхъ поступковъ разныхъ денежныхъ и административныхъ тузовъ, и дѣло Кристофля, директора общества «Земельнаго кредита» (Crédit foncier) представило въ непривлекательномъ свѣтѣ какъ этого чиновника, такъ и всю финансовую администрацію и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—продажность французской журналистики... «Земельный кредитъ» находится подъ контролемъ правительства, которое назначаетъ директора въ это учрежденіе и пользуется этимъ банкомъ, какъ орудіемъ, чтобы препятствовать на биржѣ пониженію государственной ренты. Банкъ учрежденъ собственно съ цѣлью—выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и не имѣетъ права заниматься другими операціями. Но само собою разумѣется, что заправилы этого учрежденія постоянно нарушали свой уставъ, спекулируя на биржѣ безъ удержу, и правительство смотрѣло на это сквозь пальцы. Въ 1878 году банкъ зарвался до того, что ухнулъ всѣ свои фонды въ египетскій заемъ и потребовалось даже дипломатическое вмѣшательство, чтобы суммы эти были ему возвращены. Директоръ банка Фреми и его помощникъ Субейранъ лишились своихъ теплыхъ мѣстъ, но это нисколько не помѣшало ихъ преемникамъ, Кристофлю и Левеку, дѣйствовать совершенно въ духѣ своихъ предмѣстниковъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, директоръ Кристофль, не имѣвшій ровно никакого состоянія, теперь нажилъ 20 мильоновъ франковъ, изъ которыхъ на 11 милліоновъ земли. Деньги эти пріобрѣтены биржевой игрой, на которую Кристофль употреблялъ фонды, принадлежавшіе банку. Нельзя сказать, чтобы тутъ дѣло обходилось безъ риска. Такъ, на спекуляціяхъ биржеваго агента Белеа, впослѣдствіи застрѣлившагося, Кристофль потерялъ два мильона. Еще рискованнѣе было то, что печать могла разоблачить незаконныя продѣлки директора, но онъ въ этомъ отношеніи принялъ свои мѣры и подкупилъ не только всю вліятельную *парижскую*, но и провинціальную печать. Какъ было объ

ружено въ палатѣ, на однѣ «издержки публикаціи»—frais de publicité, какъ онѣ скромно названы въ отчетѣ банка,—то есть просто: на подкупъ печати въ послѣднія десять лѣтъ употреблено 22 мильона франковъ. Цифра офиціальная! Правительство очень хорошо знало объ этомъ и, въ свою очередь, пользовалось услугами печати, закупленной Кристофлемъ. Такъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, предшествовавшихъ послѣднимъ выборамъ въ палату, Кристофль издержалъ 2.600,000 франковъ на избраніе правительственныхъ кандидатовъ, тогда какъ само министерство назначило для этой же цѣли $1^1/_2$ мильона изъ секретныхъ суммъ. Не мудрено, что за такія деньги въ палату попало столько министерскихъ депутатовъ, то и дѣло вотирующихъ довѣріе къ правительству и благодарность кабинету. Въ послѣднее время, товарищъ Кристофля, Левекъ, не подѣлилъ что-то со своимъ директоромъ и вышелъ въ отставку, объяснивъ это въ письмѣ къ министру тѣмъ, что Кристофль нарушаетъ уставъ банка и производитъ чрезмѣрныя траты по управленію и на газеты. О письмѣ этомъ Лоръ сдѣлалъ запросъ въ палатѣ, требуя назначенія парламентскаго слѣдствія, но министры Фрейсинэ и Рувье заявили, что правительство отвергаетъ это требованіе и полагаетъ произвести слѣдствіе—административнымъ порядкомъ. Палата тотчасъ же согласилась съ министерствомъ, разсчитывая на его бдительность.

Одновременно съ «Земельнымъ кредитомъ», обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ и общество Панамскаго перешейка, хотя стоящій во главѣ его Лессепсъ внѣ всякихъ подозрѣній. Но его слабостью и довѣрчивостью воспользовались другіе. И потому онъ также считалъ нужнымъ закупать въ свою пользу сужденія журналистики, и истратилъ на это 80 мильоновъ—цифра едва ли вѣроятная, но однако же подтвержденная офиціальными документами. Вообще въ Парижѣ нельзя осуществить ни одной финансовой операціи, какъ бы она ни была честна и выгодна, не подкупивъ предварительно газетъ, которыя всѣ продажны—за исключеніемъ двухъ, трехъ независимыхъ органовъ. Сербы откровенно признаются, что послѣдній сдѣланный ими заемъ въ 20 мильоновъ франковъ стоилъ имъ 300 тысячъ франковъ расходовъ на уплату журналистамъ. Эти подвиги «мошенниковъ печати» не спасаютъ однако отъ банкротствъ «разбойниковъ-банкировъ». Въ судѣ началось дѣло о колоссальномъ крахѣ двухъ банковыхъ учрежденій: «Comptoir d'escompte» и «Société des métaux». Директоръ перваго общества Данферъ застрѣлился, директоръ втораго Секретанъ не имѣлъ столько мужества и, распродавъ свои картинныя галлереи и имущество, сѣлъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ раздѣлѣ фальшивыхъ дивидендовъ, ростовщичествѣ, незаконныхъ спекуляціяхъ и пр. Онъ не сознается однако въ своихъ продѣлкахъ и увѣряетъ, что сдѣлался жертвою «своего высокаго патріотизма». И такіе же высокіе патріоты, какъ Рувье и Констанъ, прикрываютъ, по мотивнымъ

причинамъ, всѣ продѣлки господъ въ родѣ Секретана и Кристофля, а журналистика по тѣмъ же причинамъ становится на ихъ сторону.

Криспи, не смотря на заискиваніе передъ Франціею, подвергается въ итальянской палатѣ депутатовъ постоянной травлѣ со стороны либераловъ. Недавно Имбріани потребовалъ объясненія отъ премьера по поводу его распоряженія — снять надпись съ воздвигнутаго въ Веронѣ памятника Карлотѣ Аскіери, убитой австрійцами въ 1866 году. Распоряженіе было мотивировано текстомъ надписи на памятникѣ, оскорбительнымъ для Австріи. Имбріани произнесъ по этому случаю энергичную рѣчь противъ союза съ Австріей и доказывалъ, какъ союзъ этотъ противенъ итальянскому національному чувству. Въ заключеніе, депутатъ сказалъ: «хвалить этотъ союзъ могутъ лишь такіе генералы, какъ Марчелли, никогда не нюхавшіе пороху». Марчелли не было въ палатѣ, но всѣ знали, что онъ горячій приверженецъ Австріи. Военный министръ замѣтилъ, что нельзя нападать на отсутствующихъ членовъ палаты. Ему отвѣчали, что итальянскіе австрофилы позорятъ свое отечество. Президентъ палаты, опасаясь крупнаго скандала, поспѣшно закрылъ засѣданіе. Депутаты разошлись въ крайнемъ возбужденіи. Неудачно кончилось также столкновеніе Криспи съ сенатомъ, которому премьеръ пригрозилъ распущеніемъ парламента, если сенатъ не приметъ проэкта о реформѣ благотворительныхъ учрежденій, представленнаго министромъ. Король Гумбертъ не согласился распустить парламентъ, и Криспи пришлось взять назадъ свой ультиматумъ.

Испанскій сенатъ утвердилъ, наконецъ, законопроэктъ объ избирательной реформѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Испанію системы всеобщей подачи голосовъ можно считать окончательно рѣшеннымъ. Страна обязана этимъ либеральному кабинету Сагасты.

На дняхъ смѣненъ турецкій министръ юстиціи Джевдетъ-паша, едва ли не единственный энергичный и способный дѣятель въ нынѣшнемъ кабинетѣ оттоманской порты. Причиною паденія министра былъ пьяный нѣмецкій матросъ, буянившій на улицѣ и взятый въ полицію. Германскій посолъ потребовалъ удовлетворенія за оскорбленіе нѣмецкаго достоинства, выразившееся въ арестѣ пьянаго гуляки. Прежде всего, арестовали и подвергли допросу полицейскихъ, осмѣлившихся убрать германскаго героя. Заптіи доказали, что, усмиряя разбушевавшагося матроса, они не прибѣгали ни къ какимъ необычнымъ мѣрамъ. Но Радовицъ настаивалъ все таки на наказаніи полицейскихъ. Джевдетъ-паша защищалъ своихъ подчиненныхъ, законъ и справедливость. Тогда германское правительство категорически потребовало отставки министра. Порта сначала сопротивлялась, заговорила о національномъ достоинствѣ, потомъ предложила пашѣ самому выйти въ отставку. Тотъ на отрѣзъ отказался. Тогда Радовиц безъ церемоніи объявилъ, что если Джевдетъ-паша останется на своем

мѣстѣ—германское посольство оставитъ Константинополь. И султанъ поспѣшилъ прогнать честнаго и преданнаго министра.

Вотъ какъ поддерживаетъ на востокѣ свои, даже мнимые, интересы представитель одной имперіи, въ то время когда представитель другой не можетъ добиться даже отвѣта, когда же наконецъ Порта соблаговолитъ исполнить свои долговыя обязательства, накопляющіяся съ каждымъ годомъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ. Султанъ, конечно, очень любезенъ и недавно выказалъ особенную предупредительность по отношенію къ русскому послу. Жена и дочь драгомана русскаго посольства, гуляя по набережной Буюкдере, подверглись грубымъ приставаньямъ пяти турецкихъ офицеровъ. Крики этихъ дамъ о помощи были услышаны русскими матросами, случайно находившимися въ домѣ русскаго посольства. Матросы бросились на помощь и схватили четырехъ негодяевъ; пятый бѣжалъ, но былъ пойманъ на другой день, и тогда же султанъ созвалъ чрезвычайный военный судъ, приговорившій офицеровъ къ тюремному заключенію, срокомъ на десять, восемь и четыре мѣсяца. Къ этому наказанію султанъ прибавилъ еще ссылку въ Триполи и выразилъ сожалѣніе по поводу этого случая г. Нелидову, благодарившему за такое быстрое удовлетвореніе обиды, нанесенной русскимъ подданнымъ. Все это очень пріятно слышать, хотя газеты только что передъ тѣмъ сообщили, что г. Нелидовъ, неизвѣстно въ который разъ, долженъ былъ напомнить султану, что, при новой конверсіи оттоманскаго долга, не мѣшало бы вспомнить и о своихъ старыхъ долгахъ.

«Московскія Вѣдомости» продолжаютъ неутомимо изучать и объяснять русской публикѣ финляндскіе «порядки». Особенно любопытны положенія недавно изданнаго финляндскаго уголовнаго кодекса и его сравненіе съ русскимъ законодательствомъ. Передъ постановленіями, касающимися государственныхъ преступленій, положительно становишься втупикъ. Такъ, «за оскорбленіе чести государя, виновный наказывается заключеніемъ въ смирительномъ домѣ не свыше четырехъ лѣтъ или тюремнымъ заключеніемъ не меньше шести мѣсяцевъ». Виновный въ томъ же оскорбленіи противъ другихъ членовъ императорскаго дома «подвергается заключенію срокомъ не свыше трехъ лѣтъ». Виновный въ измѣнѣ отечеству подвергается заключенію отъ одного года до восьми лѣтъ, а сообщники его—заключенію не свыше двухъ лѣтъ. Эта сравнительная легкость наказанія изумительна потому, что финляндскіе законы вообще не отличаются мягкостью. Предумышленное убійство наказывается отсѣченіемъ головы. За отравленіе подножнаго корма, назначеннаго для чужаго скота, полагается четырехмѣсячное заключеніе; за похищеніе чужихъ овощей или дровъ на 5 рублей — двухмѣсячная тюрьма. Такимъ образомъ, «измѣнникъ, поднявшій оружіе противъ Россіи, подвергается *одинаковому* наказанію съ человѣкомъ, покусившимся на чужой скотъ; *предатель*, выдавшій государственную тайну, осуждается, какъ человѣкъ,

безъ спроса попользовавшійся чужими дровами или овощами». «Смѣемъ думать,—прибавляютъ «Московскія Вѣдомости»,—что самобытныя финляндскія особенности заслуживаютъ не только вниманія публики, но и, можетъ быть, еще въ большей степени вниманія русскихъ государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ высокимъ довѣріемъ верховной власти». «Новое Время» ожидаетъ отъ финляндскихъ юристовъ и публицистовъ разъясненія странныхъ принциповъ финляндскаго уложенія. Газета, конечно, не дождется этого, такъ какъ финляндская печать даже совершенно законныя желанія нашего правительства и общества—имѣть общія таможни, почты и монету—называетъ «попыткою порабощенія финскаго народа, лишенною всякаго разумнаго основанія». Печать эта обвиняетъ русскую журналистику въ томъ, что она старается «нанести вредъ Финляндіи, оклеветать ее, повелительнымъ тономъ требуя упраздненія финляндскихъ законовъ и учрежденій». Но какіе же это финляндскіе законы, если они не существовали до 1860 года, когда впервые, по докладу министра финансовъ Княжевича, введена въ покоренный нами край новая монета—марка, неизвѣстная въ Россіи. Теперь монета эта признана неудобной, хотя 30 лѣтъ назадъ найдено возможнымъ ввести ее въ обращеніе. Развѣ, въ теченіе 30 лѣтъ, не измѣнялись и не отмѣнялись у насъ и болѣе важныя постановленія? Развѣ, напримѣръ, и другая западная окраина Россіи—въ 1890 году все въ томъ же положеніи, какъ въ 1860? Развѣ самъ покойный императоръ, по свидѣтельству г. Ордина, не сказалъ, по случаю появленія финляндской монеты: «on a escamoté mon consentement». А сколько еще льготъ себѣ эскамотировали съ тѣхъ поръ финляндцы, начиная съ таможень, задерживающихъ въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга русскіе товары, хотя съ Россіею Финляндія торгуетъ на 77 милліоновъ марокъ, а съ Швеціей и Норвегіей на 18 м.? Занимаясь съ тѣхъ поръ постепеннымъ эскамотированіемъ всего, что только можно, финляндцы дошли наконецъ до того, что,—какъ говоритъ «Новое Время»,—у нихъ теперь «имѣется національная армія, которая при мобилизаціи дастъ въ 70-ти верстахъ отъ Петербурга 200,000 человѣкъ, а о духѣ этой арміи можно судить по тому, что въ короткій промежутокъ времени были торжественно открыты въ Финляндіи два монумента, воздвигнутыхъ на мѣстахъ пораженія русскихъ войскъ!! Неужели Россія сотни лѣтъ воевала со шведами для того, чтобы на собственный счетъ создать у себя подъ бокомъ новую Швецію, и еще болѣе опасную, такъ какъ въ Швеціи Карла XII было только полтора милліона жителей и ни гроша денегъ».

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНЫ II.

(*В. А. Бильбасовъ*. **Исторія Екатерины Второй. Томъ первый. Екатерина до воцаренія**. Спб. 1890).

Научная дѣятельность сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи въ послѣднюю четверть вѣка, и въ настоящее время имена многихъ русскихъ ученыхъ, въ различныхъ областяхъ знанія, пользуются большимъ уваженіемъ на западѣ; достаточно припомнить имена: Боткина, Менделѣева, Бутлерова, Зинина, Сомова, Пржевальскаго, Васильева, Бредихина, не говоря уже о другихъ, съ иностранными фамиліями. Но въ ряду наукъ, дѣятельно и съ успѣхомъ разработываемыхъ русскими учеными, слабѣе и безрезультатнѣе является исторія. Причина этой малоуспѣшности объясняется очень легко, если вникнуть въ отличіе исторической науки отъ другихъ наукъ; исторія есть единственная наука, которая неизбѣжно дѣлается тенденціозною, благодаря тому, что человѣческими устами повѣствуется о человѣческихъ дѣяніяхъ. Пресловутое безпристрастіе различныхъ господъ историковъ и бытописателей равняется нулю, разъ заходитъ рѣчь о столкновеніи ихъ единоплеменниковъ съ соперничающимъ сосѣднимъ народомъ. Личныя симпатіи и антипатіи (по принципу, а то и безсознательно) неизбѣжно отражаются въ произведеніи историка и даютъ ту или другую окраску описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ минувшихъ вѣковъ.

Въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется глубокая ошибка русскихъ историковъ, пошедшихъ съ самаго начала раболѣпно по слѣдамъ своихъ западно-европейскихъ учителей. Въ другихъ наукахъ это незамѣтно: свойства кислорода останутся неизмѣнными, добудетъ ли его русскій, или нѣмецъ; законы электричества всегда будутъ одни и тѣ же при изученіи ихъ англичаниномъ или американцемъ; хлорофилъ благополучно распадется на желтый и зеленый, независимо отъ того, станетъ ли его разлагать французъ, или итальянецъ. Въ исторіи же это безстрастіе немыслимо. *Поручите* написать исторію Кракова поляку, русскому и нѣмцу,— *это будутъ три* разныя исторіи, одинаково остроумно и логично написан-

ныя, но рѣзко различающіяся по духу и анализу; съ исторіею Ломбардіи, порученною итальянцу, французу и швейцарцу, произойдетъ то же самое. Первые русскіе историки, благодаря недостаточной подготовкѣ, не поняли этого и покорно стали работать въ духѣ и вкусѣ своихъ учителей, преимущественно нѣмцевъ. По этой-то причинѣ, большинство работъ русскихъ ученыхъ въ исторической наукѣ направлены по ложной дорогѣ и должны быть сведены къ нулю по своей безсодержательности и безрезультатности. Чтобы яснѣе понять сказанное, обратимся къ исторіи Германіи и посмотримъ, въ чемъ заключается ея суть. Отъ Нѣмана далеко за Эльбу и отъ Днѣпра до долины По жили славяне, за ними же до Атлантическаго океана разселились кельты; скандинавы (подъ именами тевтоновъ, готовъ, дановъ, саксовъ и свевовъ) прорвались въ нынѣшнюю Германію съ сѣвера и, выславъ къ кельтамъ дружины сикамбровъ и англовъ, затѣяли упорную и многовѣковую борьбу со славянами. Съ настойчивостью и упорствомъ, характеризирующими скандинавскую расу, тевтоны и швабы (т. е. свевы) стремились безпощадно истребить сопротивлявшихся стойко славянъ, и въ этомъ поединкѣ заключается вся исторія Германіи, отъ перваго столкновенія скандинавовъ съ полабами и ваграми на Эльбѣ до отставки Бисмарка въ наши дни. Очевидно, любой нѣмецъ (трудолюбивый, старательный, кропотливый), взявшись писать исторію своей родины, никогда не будетъ въ силахъ отдѣлаться отъ воспринятой имъ съ молокомъ матери враждебности къ «презрѣнному» врагу, тѣмъ болѣе, что въ умѣ тевтона понятія о «Sclaven» и «Slaven» совершенно однородны. Поэтому, описывая подвиги Витекинда Веттина, Германа Биллунга, Альбрехта-Медвѣдя и другихъ народныхъ героевъ, нѣмецъ восхищается ими и съ пренебреженіемъ относится къ славянамъ, безплодно и разрозненно боровшимся за свою независимость. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется причина недостаточности и отрывочности свѣдѣній по исторіи славянъ въ Европѣ.

Между тѣмъ русскіе историки, подражая нѣмецкимъ, точно также пренебрегали прошлою судьбою своихъ предковъ или принимали на вѣру измышленія своихъ учителей-нѣмцевъ; благодаря этому, въ русской исторической наукѣ существуетъ до сихъ поръ безобразно громадный пробѣлъ, на пополненіе котораго необходимо много времени и много усилій людей науки. Откуда пришли славяне? когда они пришли въ Европу? какъ разселялись? на какой степени развитія были они тогда? каковы были отношенія славянъ къ кельтамъ? какова была судьба балканскихъ славянъ до столкновенія съ эллинами и римлянами? насколько родственны имъ литовцы, македоняне, иллирійцы и паннонцы? какъ шло постепенное оттѣсненіе финновъ на сѣверъ?—вотъ небольшая часть вопросовъ, на которые ни одинъ историкъ не въ силахъ дать положительнаго отвѣта, *а многіе даже и не* задавались подобными вопросами. Въ этомъ-т

безучастномъ и угодливомъ писаніи по чужому конспекту и заключается первая серьезная ошибка русскаго историка. Взглянемъ теперь на вторую.

Начавъ писать исторію Россіи, нашъ историкъ обводитъ себя китайскою стѣною, дальше которой не выпускаетъ ни себя, ни читателя; съ чисто нѣмецкою кропотливостью слѣдитъ онъ за всѣми эпизодами борьбы Святополковъ съ Ярополками и Изяславовъ съ Мстиславами, но дальше этого онъ нейдетъ. Для читателей остается совершенно непонятнымъ, почему совершается то или иное; поэтому многія страницы русской исторіи, выражаясь словами Кайданова, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Словомъ, въ исторіи Россіи мы видимъ полное отсутствіе того, что называется прагматизмомъ, логическою и причинною связью событій, а потому мы не понимаемъ бо́льшей половины историческихъ фактовъ, другой же половины фактовъ и совсѣмъ не знаемъ. Прибавляя къ этому массу лжи, выдуманной нашими учителями, почти не владѣвшими русскимъ и славянскимъ языками, легко прійти къ заключенію, что прошлаго славянской Россіи еще ждетъ своего историка.

За послѣднія десятилѣтія взглядъ, высказанный нами на русскую исторію, сталъ находить сторонниковъ, сознавшихъ всю нелѣпость идти на помочахъ нѣмца-учителя; вслѣдствіе такой эмансипаціи, начали появляться робкія попытки—самостоятельно взятыя за разработку историческихъ матеріаловъ, но пока дальше попытокъ дѣло нейдетъ, тѣмъ болѣе, что авторитетъ нѣмца еще очень силенъ, а его покорные послѣдователи-ученики пользуются естественно большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ наукѣ и обществѣ. Къ числу такихъ покорныхъ учениковъ нѣмца-учителя мы должны присоединить В. А. Бильбасова, автора «Исторіи Екатерины Второй» и бывшаго профессора кіевскаго университета св. Владиміра.

Выпущенный имъ первый томъ «Исторіи» (656 стр. in-8) заключаетъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія объ ангальтъ-цербстской принцессѣ Софіи-Августѣ-Фредерикѣ и о русской великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, то есть посвященъ Екатеринѣ II до ея воцаренія, посвященъ любопытнѣйшей эпохи въ жизни русской императрицы, — той именно эпохѣ, когда изъ принцессы ничтожнаго нѣмецкаго княжества, съ мелкотравчатыми интересами и узкимъ кругозоромъ, постепенно сформировалась и развилась Екатерина Великая. Очевидно, сложная и благодарная задача, взятая на себя г. Бильбасовымъ, полна высокаго интереса для интеллигентнаго читателя. Посмотримъ теперь, какъ выполнилъ авторъ свой обширный трудъ. Прочитавъ внимательно весь томъ, читатель неизбѣжно приходитъ къ заключенію, что г. Бильбасовъ недостаточно послѣдователенъ въ своемъ изложеніи, мѣстами невполнѣ логиченъ; матеріалы, бывшіе *въ его распоряженіи*, не всегда освѣщены анализомъ *историческаго критика*. Увлекаясь кропотливостью чисто нѣмецкаго пошиба, онъ остав-

ляетъ безъ вниманія многое, бросающееся въ глаза болѣе объективному изслѣдователю, благодаря чему въ работѣ являются пробѣлы и недосмотры. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу, вызваннаго исключительно принадлежностью г. Бильбасова къ нѣмецкой школѣ гелертеровъ, является не исторія Екатерины до воцаренія, а калейдоскопическій рядъ картинокъ, связанныхъ между собою мозаическимъ вкрапленіемъ равныхъ по объему біографическихъ справокъ объ Екатеринѣ и ея матери, княгинѣ Іоганнѣ-Элизабетѣ. Обѣщанія своего: «указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать великою» (стр. VI) авторъ не исполнилъ, и если внимательный читатель, ознакомившись съ этимъ произведеніемъ, захочетъ мысленно возсоздать образъ Екатерины въ послѣдовательныхъ стадіяхъ его развитія, то всѣ усилія пропадутъ безцѣльно: въ головѣ останутся отрывочные факты, любопытныя мелочи, но цѣльнаго, стройнаго, логически связнаго — ничего не будетъ. Въ концѣ концовъ, читатель убѣждается, что передъ нимъ *не исторія* Екатерины, не критическое изслѣдованіе (какъ угодно называть свое произведеніе самому г. Бильбасову), а старательно собранный историческій матеріалъ, украшенный не очень важной стилистикой.

Чтобы не быть голословнымъ въ нашихъ, невполнѣ пріятныхъ для автора, указаніяхъ,—обратимся теперь къ самой книгѣ, а для этого предварительно ознакомимся съ содержаніемъ тридцати четырехъ главъ, составляющихъ первый томъ «Исторіи Екатерины Второй».

I. *Рожденіе и дѣтство.* Прусскій полковой командиръ, генералъ-майоръ принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстъ-Дорнбургъ, женился 8 ноября 1727 г. на принцессѣ Іоганнѣ-Элизабетѣ, дочери любекскаго епископа и герцога Христіана-Августа Шлезвигъ-Голштейнъ-Эйтинъ; отъ этого брака 21 апрѣля 1729 г. родилась въ Штетинѣ дочь, Софія-Августа-Фредерика. Вскорѣ принцъ, назначенный губернаторомъ и комендантомъ Штетина, поселился въ старомъ замкѣ померанскихъ герцоговъ, гдѣ его дочь росла почти безъ надзора матери, имѣя при себѣ лишь няню и француженку-гувернантку; дѣвочка, называемая всѣми Фике (уменьшительное отъ Софи), бѣгала въ городскомъ саду, заводила знакомства съ ровесницами и ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялась; ея мать возилась съ младшими дѣтьми, а потомъ полюбила развлеченія, выѣзды и пріемы. Разнообразіемъ въ этой буржуазной жизни были поѣздки въ Цербстъ, Гамбургъ и Берлинъ для Convenanz-Visiten родственникамъ.

II. *Отношенія къ Россіи.* Члены голштинскаго дома, въ числѣ которыхъ была мать маленькой Фике, поддерживали постоянныя сношенія съ Россіею со времени женитьбы герцога Карла-Фридриха Голштейнъ-Готторпъ на дочери Петра Великаго. Когда на престолъ вступила Елизавета Петровна, то изъ любви къ покойной сестрѣ вызвала въ Петербургъ ея сына, 14-лѣтняго принца Карла-Ульриха, и объявила его наслѣдникомъ

своимъ. Это произошло въ ноябрѣ 1742 г., а въ декабрѣ 1743 года въ Цербстъ пришло приглашеніе везти Фике въ Россію.

III. *Выборъ Софіи въ невесты великому князю.* Елизавета Петровна долго не заявляла своихъ правъ на престолъ, предпочитая мирную жизнь въ Александровской слободѣ, и только преслѣдованія двухъ Аннъ побудили ее арестовать брауншвейгскую семью и 25 ноября 1741 г. объявить себя императрицею. Принцъ Карлъ-Ульрихъ, какъ внукъ Петра I, привезенный изъ Киля, принялъ православіе и названъ Петромъ Ѳедоровичемъ; затѣмъ ему выбрали невѣстою троюродную сестру.

IV. *Отъѣздъ изъ Цербста.* Почувствовавъ возможность выступить на болѣе блестящее поприще, Іоганна-Элизабетъ завела переписку съ королемъ Фридрихомъ II прусскимъ и собралась довольно скоро везти дочь и показать себя. Принцъ Христіанъ-Августъ подарилъ Софіи трактатъ Гейнекція о различіи вѣроисповѣданій, а женѣ далъ промеморію съ наставленіями, какъ дочь должна держать себя въ Россіи; конечно, эти наставленія оказались непригодными на практикѣ.

V. *Изъ Берлина въ Петербургъ.* 16 января 1744 г. принцесса Іоганна, подъ именемъ графини Рейнбекъ, выѣхала съ дочерью изъ Берлина, а 3 февраля прибыла въ Петербургъ. Переѣздъ по Пруссіи былъ полонъ неудобствъ, но отъ Риги русскій пріемъ ослѣпилъ принцессу, привыкшую разсчитывать каждый грошъ; все это она принимала на свой счетъ.

VI. *Изъ Петербурга въ Москву.* Послѣ торжественной встрѣчи въ Петербургѣ, путешественницы отдохнули, и принцесса начала уже интриговать съ послами, особенно съ Мардефельдомъ прусскимъ и Шетарди французскимъ. 9 февраля она пріѣхала съ дочерью въ Москву, и въ тотъ же вечеръ состоялось свиданіе съ императрицею и женихомъ.

VII. *Русскій дворъ.* Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны дало перевѣсъ при дворѣ русской партіи, во главѣ которой стояли вице-канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Первый былъ разносторонне образованный человѣкъ школы Петра Великаго, а второй—баловень судьбы изъ простыхъ казаковъ.

VIII. *Великій князь Петръ Ѳедоровичъ.* Голштинскій принцъ Карлъ, превратившійся въ наслѣдника русскаго престола, никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ; будучи всегда хилымъ, раздражительнымъ, онъ часто хворалъ въ Россіи. Умственное образованіе его было въ дурныхъ рукахъ и онъ сдѣлался надменнымъ, двуличнымъ хвастуномъ; любилъ общество лакеевъ, игру въ солдатики, былъ трусъ и жестокъ въ обращеніи съ людьми и животными; любилъ волочиться.

IX. *Болѣзнь принцессы Софіи.* По пріѣздѣ въ Москву, принцесса Софія начала усердно учиться русскому языку и для этого занималась по ночамъ, босикомъ; вслѣдствіе этого, она захворала 4 марта и только

20 апрѣля могла выйти впервые къ столу. За это время императрица очень ухаживала за нею, причемъ убѣдилась въ мелочности и вѣтрености принцессы-матери; дипломатовъ также всполошила болѣзнь невѣсты, и по этому поводу возникла большая переписка.

X. *Политическая интрига.* Принцесса Іоганна задумала свергнуть Бестужева и для этого затѣяла жалкую интригу въ интересахъ Фридриха II, забывая, что она случайная гостья, а Бестужевъ—всесильный министръ. Ея козни были, конечно, обнаружены, и императрица задала ей такой нагоняй въ Троицкой лаврѣ, 4 іюня, что значительно ослабила ея рвеніе къ интригамъ; между тѣмъ соучастникъ подкопа подъ Бестужева, французъ Шетарди, былъ высланъ изъ Россіи.

XI. *Помазаніе и обрученіе.* Принцъ Христіанъ-Августъ далъ офиціально свое согласіе на переходъ дочери въ православіе и на ея бракъ. Тогда императрица стала торопить то и другое, чтобы скорѣе избавиться отъ Іоганны-Элизабеты. Уже 28 іюня состоялось муропомазаніе и нареченіе невѣсты Екатериною Алексѣевною, а 29 іюня (день ангела наслѣдника престола) его обрученіе съ «великою княгинею».

XII. *Поѣздка въ Кіевъ.* Послѣ обрученія, положеніе великой княжны Екатерины Алексѣевны рѣзко измѣнилось, чѣмъ осталась недовольна принцесса, ея мать, считавшаяся по прежнему гостьею, а не членомъ царскаго дома. Іоганна должна была принять участіе въ поѣздкѣ всего двора въ Кіевъ и во всѣхъ торжествахъ уступать первое мѣсто дочери, которая, такимъ образомъ, на 16-мъ году жизни осталась одинокою въ чужой странѣ, безъ поддержки и опоры, тѣмъ болѣе что на жениха была плоха надежда.

XIII. *Болѣзнь великаго князя.* По возвращеніи изъ Кіева, Петръ Ѳедоровичъ захворалъ серьезно; не успѣвъ оправиться, онъ вторично слегъ по причинѣ оспы. Принцесса Іоганна стала уже подумывать о другомъ женихѣ для своей дочери и совѣтовалась по этому вопросу съ Мардефельдомъ. Князь поправился и дворъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ невѣста получила помѣщеніе, отдѣльное отъ матери, которая очень разсердилась за это. Женихъ, послѣ болѣзни, очень подурнѣлъ и еще больше подружился съ лакеемъ Румберомъ.

XIV. *Голштинскій вопросъ.* Стремясь утвердиться на Балтійскомъ морѣ, Петръ I сошелся съ голштинскимъ герцогомъ, ограбленнымъ датскимъ королемъ. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ женился на Аннѣ Петровнѣ и, по смерти Екатерины I, увезъ ее на свою родину, гдѣ умеръ въ 1739 г., не обезпечивъ сыну герцогства. Начались интриги родственниковъ. Положеніе дѣла измѣнилось, когда маленькій герцогъ сдѣлался русскимъ наслѣдникомъ; 17 іюня 1745 г. онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и Голштиніею отъ его имени сталъ управлять принцъ Августъ.

XV. *Бракосочетаніе.* Не смотря на совѣты врачей, предлагавшихъ

отложить свадьбу на годъ, по причинѣ болѣзненности жениха, императрица серьезно торопила бракосочетаніе: главною причиною было желаніе утвердить престолонаслѣдіе и окончательно отстранить брауншвейгскій домъ. Кромѣ того, хотѣлось поскорѣе избавиться отъ принцессы Іоганны, которая сплетничала и интриговала на пропалую. 21 августа 1745 г., состоялось вѣнчаніе въ Казанской церкви, послѣ чего празднества продолжались десять дней.

XVI. *Отъѣздъ княгини въ Цербстъ.* Уже 28 сентября, богато одаренная, выѣхала принцесса Іоганна изъ Петербурга; 22 октября покинула навсегда Россію, а 1 декабря пріѣхала къ мужу въ Цербстъ. По дорогѣ ей пришлось объявить въ Берлинѣ, что Марiефельда необходимо отозвать, такъ какъ на это — воля императрицы. Благодаря ея безтактности, ни одна политическая фантазія принцессы не исполнилась: она вооружила противъ себя императрицу и получала отказы на всѣ свои просьбы. Отецъ новобрачной задумалъ сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, но потерпѣлъ неудачу и ему былъ предпочтенъ сосланный Биронъ.

XVII. *Брауншвейгцы въ Россіи.* Цесаревна Елизавета вступила на престолъ 25 ноября 1741 г., сослала малютку-императора Ивана III и его родителей въ Ригу, откуда ихъ хотѣли отправить въ Брауншвейгъ, но заговоры Турчанинова и Лопухина внушили опасенія, и опальная семья была отвезена черезъ Раненбургъ въ Холмогоры. Тамъ Анна Леопольдовна скончалась въ мартѣ 1746 г.; ея тѣло привезли въ Петербургъ и похоронили въ Александро-Невской лаврѣ.

XVIII. *Великокняжеская инструкція.* Великій князь, послѣ женитьбы, захворалъ горячкою; оправясь отъ болѣзни, онъ продолжалъ съ увлеченіемъ заниматься театромъ марiонетокъ и оставался преимущественно въ обществѣ лакеевъ. Одна изъ его немногихъ шалостей была открыта императрицею и та велѣла Бестужеву-Рюмину составить инструкцію для великаго князя, а затѣмъ уже и для великой княгини. Обѣ инструкціи были готовы 11 мая 1746 г.; онѣ довольно безсодержательны, но вынудили Екатерину прибѣгнуть къ тайной перепискѣ съ матерью.

XIX. *Супружескія отношенія молодыхъ.* Главною цѣлью инструкціи великой княгинѣ и назначенія оберъ-гофмейстериною Марьи Симоновны Чоглоковой было желаніе императрицы видѣть у новобрачныхъ наслѣдника. Политическія игры мало помогали, тѣмъ болѣе, что про великаго князя французскій посолъ Дальонъ писалъ 26 февраля 1746 г.: «On assure que le grand duc n'a pas fait voir encore à la grande duchesse *qu'il fût homme*». Безтактность Чоглоковой только испортила все дѣло и событія совершались помимо ея.

XX. *Смѣна близкихъ лицъ.* Вскорѣ послѣ бракосочетанія великаго князя, начались перемѣны въ личномъ составѣ дворовъ, большаго и малаго, частью по серьезнымъ политическимъ соображеніямъ, частью — по

мелочнымъ интригамъ и взаимнымъ сплетнямъ. Благодаря этимъ перемѣнамъ, всѣ лица, къ которымъ Екатерина хотя отчасти привыкла, были замѣнены новыми, ей незнакомыми. Но это ей помогло скорѣе обрусѣть и сдѣлаться изъ Фике—Екатериною Алексѣевною.

XXI. *Обстановка домашней жизни.* Удобства домашней жизни той эпохи не были велики; среди царскаго казоваго блеска замѣчался недостатокъ мебели, течь по стѣнамъ, сквозняки и дурной запахъ. Въ такой-то обстановкѣ, чуждая императрицѣ и мужу, проводила свою жизнь великая княгиня, сидѣвшая преимущественно одинокою въ своихъ комнатахъ. Великій князь надоѣдалъ ей своими неприличными выходками, окружающіе потворствовали его прихотямъ, видя въ немъ будущаго императора, а великая княгиня ѣздила верхомъ или читала.

XXII. *Самообразованіе.* Чтеніе Екатерины Алексѣевны началось романами, скучными, многотомными и даже скабрезными; затѣмъ она перешла къ «Письмамъ» г-жи Севинье, Вольтеру, «Исторіи Генриха Великаго», запискамъ Брантома и «Исторіи Германіи»; закончила она свое чтеніе словаремъ Беля, прочитавъ его съ доски до доски.

XXIII. *Атмосфера любви.* Не смотря на вынужденную созерцательную жизнь, Екатерина оставалась женщиною, любила наряды и веселье. 20-лѣтняя великая княгиня встрѣчалась со многими придворными, которые ухаживали за нею довольно открыто и давали поводъ къ различнымъ сплетнямъ. Усерднѣе всѣхъ были Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ. 20 сентября 1754 г. родился сынъ Павелъ, котораго немедленно унесли къ императрицѣ и держали вдали отъ матери.

XXIV. *Датско-голштинская распря.* Съ 17 іюня 1745 г. великій князь сталъ самостоятельно управлять Голштиніею и съ этихъ поръ сдѣлалось яснымъ, что ему одинъ городъ Киль нравится больше, чѣмъ «все русское государство». Данія усиленно добивалась Голштиніи, предлагая въ обмѣнъ Ольденбургъ и Дельменгорстъ, но всѣ усилія датскихъ пословъ разбились объ упорство наслѣдника Россіи. Императрица держала себя безусловно въ сторонѣ отъ голштинскаго вопроса, явно не одобряя увлеченій великаго князя.

XXV. *Образованіе ума и характера.* Съ появленіемъ на свѣтъ сына Павла, Екатерина получила сравнительно бо̀льшую свободу, такъ какъ императрица сдѣлалась къ ней безучастною. Молодая женщина углубилась въ серьезное чтеніе; послѣ «Дѣяній церковныхъ» Баронія, явились «Лѣтописи» Тацита, «Esprit des lois» Монтескьё, «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» Вольтера. Въ часы же вечернихъ досуговъ, она тайкомъ уходила изъ дворца къ Нарышкинымъ, для чего переодѣвалась въ мужской костюмъ и возвращалась ночью.

XXVI. *Отношенія къ Пруссіи.* Фридрихъ II ознавалъ, снасколы

[illegible] приручить «медвѣдя въ берлогѣ» [illegible] до самой смерти Елисаветы Петровны [illegible] австрійской. Канцлеръ Бестужевъ [illegible] предлагать Фридриху II [illegible] прусскаго короля, но [illegible] болѣе энергичная Екатерина, [illegible].

XXVII. [illegible]. Благодаря настоянію великаго князя, Екатерина [illegible] и сошлась съ бывшимъ [illegible] и англійскимъ посланникомъ [illegible], который въ [illegible] 1755 г. представилъ ко двору графа Станислава Понятовскаго. [illegible] былъ высланъ изъ Петербурга въ [illegible] 1756 г., но уже 23 декабря онъ вернулся польскимъ посланникомъ [illegible] Бестужева. 9 декабря 1757 г. у Екатерины родилась дочь Анна.

XXVIII. [illegible] *престолонаслѣдіи*. Бестужевъ относился враждебно къ [illegible] принцессѣ и ея дочери, но позднѣе сошелся съ Екатериною, и тогда возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ виду болѣзни императрицы и неспособности великаго князя. Однако, эти переговоры не были обнаружены, когда фельдмаршалъ Апраксинъ и Бестужевъ попали подъ судъ за отступленіе русскихъ войскъ изъ Пруссіи, и Екатерина была спасена [illegible] канцлера.

XXIX. [illegible]. Ея положеніе было не изъ [illegible] Екатерина рѣшилась на [illegible], чтобы упрочить свое положеніе, и написала императрицѣ письмо съ просьбою отпустить ее на родину. Убѣдившись изъ [illegible] Бестужева о непричастности Екатерины, императрица [illegible] 1758 г. на личное свиданіе, и, конечно, энергичная [illegible] великая княгиня одержала побѣду надъ больною и [illegible] императрицею: ее помиловали.

XXX. *Цербстская миссія маркиза де-Фрезна*. Коалиція, создававшаяся противъ Фридриха II, который заключилъ 5 января 1756 г. договоръ съ Англіею, обратила вниманіе на [illegible] Екатерины и [illegible] всѣ способы [illegible] ее отъ этихъ симпатій. Не найдя въ Россіи человѣка, который съ этою цѣлью могъ бы вліять на нее, рѣшились дѣйствовать черезъ ея мать, къ которой былъ посланъ маркизъ де-Фрезнъ, но король Фридрихъ II послалъ въ Цербстъ войска и арестовалъ француза.

XXXI. *Родственныя связи*. Выйдя замужъ за наслѣдника русскаго престола, Екатерина отреклась отъ своихъ земельныхъ правъ въ [illegible] въ пользу отца, который скончался владѣтельнымъ княземъ [illegible] марта 1747 г., и престолъ перешелъ къ брату Екатерины, князю

Фридриху-Августу. Послѣ ареста де-Фрэна, князь и его мать переселились въ Гамбургъ, откуда княгиня Іоганна уѣхала съ де-Пулльи въ Парижъ, за что Елизавета прекратила ей пенсію. Дойдя почти до бѣдности, княгиня умерла 19 мая 1759 г., оставивъ множество долговъ, уплаченныхъ русскимъ дворомъ.

XXXII. *Появленіе новыхъ лицъ.* Постепенно около Екатерины не осталось никого изъ симпатичныхъ ей лицъ, но она не опускала головы, хотя сидѣла въ Ораніенбаумѣ почти одна. Мужъ ея сдѣлался тайнымъ докладчикомъ Фридриха II обо всемъ совершавшемся въ Россіи, и явно дружилъ съ плѣнными пруссаками. Приставъ послѣднихъ, поручикъ Григорій Орловъ, со своими братьями приблизился къ великой княгинѣ и началъ вести пропаганду противъ Петра Ѳедоровича въ пользу Екатерины. Въ то же время воспитатель великаго князя Павла, Никита Ивановичъ Панинъ, считалъ возможнымъ сдѣлать своего воспитанника преемникомъ Елизаветы.

XXXIII. *Смерть Елизаветы Петровны.* Плохое здоровье императрицы волновало всѣ посольства, такъ какъ съ перемѣною монарха измѣнялось отношеніе Россіи къ европейской политикѣ. Взглядъ Елизаветы на племянника былъ всѣмъ извѣстенъ («Племянникъ мой уродъ, чортъ его возьми») и всѣхъ интересовало, останется ли герцогъ голштинскій наслѣдникомъ Россіи. Все осталось по старому, а 25 декабря 1761 г, Елизавета Петровна скончалась на глазахъ новаго императора и его супруги.

XXXIV. *Петръ III Ѳедоровичъ.* Вступивъ на престолъ, Петръ III дѣлалъ все, чтобы вооружить противъ себя окружающихъ; еще тѣло тетки лежало во дворцѣ, а онъ самоувѣренно принялся «перековеркивать всѣ дѣла и прежніе распорядки». Екатерина была въ загонѣ и ее оскорбляли почти на каждомъ шагу. Общій ропотъ встрѣтилъ дѣятельныя приготовленія императора къ войнѣ съ Даніею, и наконецъ Екатерина рѣшилась отстранить мужа отъ власти. 28 іюня 1762 г., Петръ III явился въ Петергофъ ужинать у жены, но нашелъ дворецъ пустымъ...

Изъ представленнаго нами бѣглаго обзора содержанія книги легко вывести, какъ мало похожъ первый томъ «Исторіи Екатерины Второй» на критическое изслѣдованіе. Но взглянемъ теперь, какъ пользовался авторъ матеріалами, находившимися въ его распоряженіи. Въ началѣ своего предисловія (стр. V) авторъ говоритъ: «Какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ исторіи Екатерины Второй, первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, причемъ весь трудъ автора ограничивался только критическою провѣркою ея показаній». Въ параллель съ этимъ заявленіемъ, мы читаемъ на стр. 613: «Mémoires de l'imperatrice Catherine II. Londres. 1859. Самый главный источникъ для біографіи Екатерины, обрывающійся, къ сожалѣнію, 1758 годомъ.

Надежнымъ источникомъ для исторіи того времени записки не могутъ быть и потому уже, что Екатерина составляла ихъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, для достиженія извѣстной цѣли, причемъ должна была руководствоваться исключительно своими чувствованіями и взглядами, своими симпатіями и антипатіями къ отдѣльнымъ личностямъ». Зная, такимъ образомъ, всю ненадежность записокъ Екатерины, крайне пристрастной въ своихъ характеристикахъ, г. Бильбасовъ, тѣмъ не менѣе, строитъ весь свой трудъ главнымъ образомъ на этихъ запискахъ, считая ихъ какъ бы фундаментомъ. Читателю остается надежда, что эти записки подвергнуты серьезной исторической критикѣ, тщательно провѣрены, но не тутъ-то было. Будучи строгимъ послѣдователемъ нѣмца-учителя по своей кропотливости, г. Бильбасовъ очень старательно проштудировалъ записки относительно хронологической послѣдовательности указываемыхъ событій, заботливо указывая, что фактъ совершился не 5-го, напримѣръ, числа, а 4-го или 6-го; что же касается самой сути дѣла, то авторъ вполнѣ поддался обаянію умной женщины и на многое смотритъ ея глазами, забывая совершенно о существованіи исторической критики. Зная хорошо, что Екатерина писала свои записки на склонѣ лѣтъ, когда въ ней явилась потребность обѣлить себя въ глазахъ потомства, доказать свою правоту во что бы то ни стало, г. Бильбасовъ многое принимаетъ на вѣру, даже не пытаясь анализировать сообщаемые ею факты.

Главное, что̀ интересуетъ изслѣдователя этой эпохи, заключается въ слѣдующемъ: отношенія Екатерины къ Елизаветѣ Петровнѣ, отношенія Екатерины къ мужу и, наконецъ, умственное и моральное развитіе нѣмецкой принцессы, достигшей русскаго престола. Оказывается, что г. Бильбасовъ все это упустилъ изъ виду. Связнаго разсказа объ отношеніяхъ молодой великой княгини къ императрицѣ мы не находимъ; попадаются разрозненные факты (тогда-то совершилось то-то, тогда-то произошелъ такой-то разговоръ), не только ничего въ сущности не говорящіе и не объясняющіе, но даже ставящіе читателя втупикъ. Является 15-лѣтняя дѣвочка изъ далекаго Цербста въ Москву, Елизавета принимаетъ ее ласково, какъ она приняла бы всякую другую; мать дѣвочки начинаетъ интриговать, и императрица въ гнѣвѣ бранитъ ее за неприличное поведеніе, но при этомъ хохочетъ, глядя на дѣвочку, соскакивающую съ высокаго подоконника. Проходитъ немного времени, и Елизавета сердится на дѣвочку, которая успѣла надѣлать долговъ; затѣмъ дѣвочку начинаютъ ласкать и удалять отъ опеки и вліянія матери. Наконецъ, бракъ совершенъ, и мать выпроваживаютъ изъ Россіи; дѣвочка остается одна. Только съ этихъ поръ могли начаться непосредственныя личныя отношенія императрицы къ женѣ наслѣдника. Эти отношенія не могли быть лестны для Екатерины; за нею смотрятъ, ею интересуются, для нея пи-

шутъ инструкцію,—и все это съ единственною цѣлью добиться ея ма-

терінства. Родился малютка Павелъ, его уносятъ отъ матери, ей не довѣряютъ воспитанія сына; она заброшена, почти забыта. Такое положеніе тянулось съ 9 февраля 1744 г. до половины 1755 г. Очевидно, Екатеринѣ приходилось, при крайне невыгодной обстановкѣ, добиваться опредѣленнаго, яснаго положенія при дворѣ и уваженія къ своей особѣ. Однако, вскорѣ дипломаты начинаютъ обращать вниманіе своихъ правительствъ на великую княгиню, а въ 1761 г. едва не произошелъ дипломатическій разрывъ съ Франціею и Испаніею, за то, что жены посланниковъ не поцѣловали руки Екатерины. Легко понять, что замкнутою жизнью и чтеніемъ Тацита, Монтескьё и Вольтера Екатерина не могла бы достигнуть подобныхъ результатовъ и такъ возвысить себя въ глазахъ императрицы; между тѣмъ г. Бильбасовъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ этой сторонѣ вопроса и ограничился сухою передачею отрывочныхъ фактовъ.

Затѣмъ идутъ отношенія мужа и жены. Петръ Ѳедоровичъ встрѣтилъ очень дружелюбно нѣмецкую принцессу, предназначенную ему въ супруги, но затѣмъ сталъ постепенно удаляться отъ нея и, наконецъ, возненавидѣлъ ее такъ, что за офиціальнымъ обѣдомъ громогласно посылаетъ ей сказать, что она дура. Съ своей стороны, Екатерина, бойкая, умная, находчивая молодая женщина, когда-то любившая первенствовать въ дѣтскихъ играхъ на штетинскомъ бульварѣ, и позднѣе, уже императрицею, выказавшая ту же наклонность импонировать и властвовать,—ни разу не обнаружила попытки забрать въ руки безхарактернаго и безалабернаго мужа. Изъ книги мы не видимъ объясненія такихъ странныхъ отношеній, за исключеніемъ того, что̀ угодно было Екатеринѣ сказать въ запискахъ, а г. Бильбасову подкрѣпить ссылками и цитатами изъ другихъ источниковъ. Между тѣмъ портретъ Петра III подъ перомъ Екатерины вышелъ до такой степени отталкивающимъ и безобразнымъ, что невольно возникаетъ подозрѣніе въ его подлинности. Въ виду этого, является множество вопросовъ, но авторъ не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и съ чистымъ сердцемъ поддакиваетъ всѣмъ нападкамъ и инсинуаціямъ Екатерины на Петра; съ ея стороны это еще понятно, потому что «республиканкѣ» и «энциклопедисткѣ» нужно было оправдать себя за ропшинскую катастрофу, но со стороны г. Бильбасова это непростительный промахъ — забыть безпристрастіе историка и идти на помочахъ явно пристрастной женщины, хотя и великой.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ даннымъ, которыя «содѣйствовали Екатеринѣ стать великою». Для этого авторъ въ двухъ главахъ (29 страницъ) подробно расписываетъ, что̀ читала Екатерина и какъ могло повліять на нее это чтеніе. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: «Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ; они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ ві

чатлѣній, воспринимаемыхъ идей,—всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности». Высказавъ эту мысль на стр. V, г. Бильбасовъ буквально повторяетъ ее на стр. 4; проникнутый, очевидно, непреложностью своей идеи (на которую можно многое возразить по существу), г. Бильбасовъ не примѣнилъ ея, однако, на дѣлѣ и, распространившись подробно о массѣ дряни, прочитанной Екатериною ради скуки, ни однимъ словомъ не обмолвился о вліяніи окружающихъ обстоятельствъ. Еслибы авторъ въ стройномъ разсказѣ попытался прослѣдить воспитательное значеніе и вліяніе окружающихъ обстоятельствъ и среды, въ которую попала сметливая дѣвочка Фике изъ зажиточной бюргерской семьи (иначе и назвать нельзя семью прусскаго генерала Цербстъ-Дорнбурга), то его трудъ оказался бы гораздо благодарнѣе для дѣла, чѣмъ кокетливое щеголяніе библіографическими справками прошлаго столѣтія. Легко понять, что поѣздка изъ Цербста въ Ригу, Петербургъ, Москву, Кіевъ, жизнь въ совершенно новой обстановкѣ, среди чуждаго народа,—чуждаго по вѣрѣ, языку, обычаямъ и привычкамъ, — наконецъ, борьба за существованіе среди разноплеменнаго двора, все это могло вліять на Екатерину гораздо сильнѣе, чѣмъ романы Ла-Кальпренеда, Скюдери, д'Юрфэ, Аміо, Гомбервиля, Понкаррэ, Шапелэна, Сентъ-Амана и тому подобныхъ. Наконецъ, кто не согласится, что безалаберное чтеніе даже серьезныхъ сочиненій (Перефиксъ, Барра, Брантомъ, Тацитъ, Монтескьё, Вольтеръ, Бароній и др.), безъ поддержки опытнаго руководителя, можетъ только изощрить болѣзненно память, развить нервозную воспріимчивость, но не сдѣлать великимъ.

Такимъ образомъ, не желая держаться на почвѣ серьезнаго историческаго прагматизма, г. Бильбасовъ урѣзалъ, сократилъ и даже обезобразилъ предстоявшую ему благодарную задачу очертить образъ Екатерины Великой. Онъ не исполнилъ того, что̀ составляло его обязанность по существу предмета, но и то, что̀ онъ далъ, выполнено далеко не безукоризненно. На первыхъ порахъ, обратимъ вниманіе на странную и необъяснимую спѣшность въ работѣ, проглядывающую во всемъ томѣ; можно думать, что г. Бильбасовъ никогда не прочитываетъ разъ написаннаго, а потому въ его трудѣ и встрѣчаются противорѣчія и недомолвки. Такъ напримѣръ, мы читаемъ: «Здѣсь, въ штетинскомъ замкѣ, Екатерина росла и воспитывалась подъ наблюденіемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ всѣ умные люди, честолюбивой княгини Іоганны-Элиза. беты (стр. 6)». Переворачиваемъ нѣсколько страницъ: «Какъ женщина легкомысленная и довольно пустая, способная скорѣе къ мелкой сплетнѣ, чѣмъ къ политической интригѣ, она (княгиня) пріѣхала въ Москву съ у[illegible]ъ, что необходимо свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина

Интересно знать, какого мнѣнія долженъ быть читатель объ

ангальтъ цербстской княгинѣ, въ одно и то же время и *пустой*, и *умной?* При этомъ еще одна особенность. Въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ попадается множество выписокъ изъ подлинныхъ бумагъ по французски, по нѣмецки и по англійски; иногда эти выписки сопровождаются переводомъ (къ сожалѣнію, не всегда удачнымъ), иногда же нѣтъ. Чѣмъ руководился авторъ, давая или не давая перевода, догадаться невозможно и остается предположить спѣшность въ писаніи и отсутствіе редакторскаго просмотра рукописи.

Затѣмъ, автора можно упрекнуть въ отсутствіи анализа тамъ, гдѣ событія и факты неизбѣжно наводятъ на размышленія. Возьмемъ примѣръ. Екатерина жила изолированно и не принимала никакого участія въ политическихъ событіяхъ, ревниво отстраняемая императрицею и обѣгаемая мужемъ, который самостоятельно управлялъ своимъ голштинскимъ герцогствомъ. И вдругъ, въ критическую минуту, когда Петръ Ѳедоровичъ колебался принять или отвергнуть датскія предложенія относительно обмѣна Голштиніи на Ольденбургъ, мужъ обращается къ нелюбимой женѣ и проситъ ее принять участіе въ политическихъ переговорахъ. Это былъ первый дебютъ Екатерины въ области политики. Чѣмъ вызывался такой неожиданный шагъ со стороны великаго князя, почему онъ обратился именно къ женѣ, что̀ побудило его такъ довѣрчиво положиться на рѣшеніе Екатерины въ близкомъ его сердцу дѣлѣ,—г. Бильбасовъ даже и не подумалъ объяснить, ограничиваясь сухою передачею внѣшней стороны событія и не давая себѣ труда вникнуть во внутренній его смыслъ. Пріемъ въ исторіи, свойственный исключительно школѣ гелертеровъ-кропателей, но не истинному историку.

Въ стилистическомъ отношеніи, г. Бильбасовъ усвоилъ крайне неудобную манеру предлагать вопросы самому себѣ, и затѣмъ какъ бы отвѣчать на эти вопросы; пріемъ некрасивый и устарѣвшій, затрудняющій только чтеніе и увеличивающій числю строкъ.

Въ общемъ, получается впечатлѣніе невполнѣ пріятное. Собравъ внимательно, заботливо, даже добросовѣстно огромный матеріалъ,—такъ какъ подъ руками у автора было для перваго тома шестьдесятъ семь изданій различныхъ авторовъ,—г. Бильбасовъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и возсоздать личность Екатерины. Читатель узналъ много пикантныхъ и интересныхъ подробностей, но познанія его объ Екатеринѣ остались тѣ же, какія были до чтенія книги. Г. Бильбасовъ не справился съ задачею, принятою имъ на себя, и мы можемъ повторить приведенную имъ самимъ въ предисловіи фразу Вольтера: «Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II».

А. Быковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Баранцевичъ. **Старое и новое. Повѣсти и разсказы.** С.-Петербургъ. 1890.

Лѣтъ семь тому назадъ, когда появились первые сборники разсказовъ г. Баранцевича, «Наблюдатель», раньше другихъ нашихъ періодическихъ органовъ печати, далъ сочувственный отзывъ о молодомъ, начинающемъ дарованіи. Дѣйствительно, въ первыхъ разсказахъ: «Подъ гнетомъ» и «Порванныя струны», встрѣчались страницы, чуждыя всякой рутины и общихъ мѣстъ, проникнутые оригинальнымъ, самобытнымъ міровоззрѣніемъ, согрѣтые теплымъ, искреннимъ чувствомъ. И мы съ удовольствіемъ указали на нихъ читателямъ. Потомъ, автора въ конецъ засосала губительная потребность насущнаго, еженедѣльнаго, часто даже ежедневнаго газетнаго борзописанія. Необходимость поставки извѣстнаго числа столбцовъ и строкъ къ извѣстному сроку, по подряду, лишили его, понятно, возможности обдумывать и отдѣлывать разсказы; дарованіе должно было неизбѣжно мельчать, обезцвѣчиваться. Поэтому мы не могли сказать добраго слова о двухъ послѣдующихъ изданіяхъ автора: «Маленькіе разсказы», юмористическій сборникъ, и «Новые разсказы». Особенно юморъ г. Баранцевича оказался весьма не высокой пробы, хотя наши, такъ называемые, сатирическіе листки болѣе всего, конечно, дорожатъ произведеніями подобнаго сорта. Пробовалъ авторъ обратиться и къ болѣе обширнымъ произведеніямъ серьезной литературы, но и это не удалось ему, и большой романъ его «Раба», появившійся первоначально въ «Дѣлѣ»,—журналѣ когда-то любимомъ публикою, но окончательно погубленномъ шарлатанскимъ редактированіемъ г-на Дурново, — не имѣлъ никакого успѣха и въ отдѣльномъ изданіи, и мы должны были указать на избитость содержанія и шаблонность этого произведенія. А между тѣмъ дарованіе у г. Баранцевича несомнѣнно есть, и оно проявляется въ новомъ вышедшемъ нынѣ томикѣ его разсказовъ. Не все въ немъ, впрочемъ, ново и изъ тринадцати повѣстей и очерковъ, нѣкоторые перешли въ этотъ сборникъ изъ прежнихъ изданій. Къ сожалѣнію, при вторичномъ перепечатываніи подобныхъ разсказовъ, авторъ не обратилъ
нія на замѣчанія, сдѣланныя ему критикой и не измѣнилъ подроб-
явно отзывавшихся фальшью и придуманностью. Такъ, въ очень

недурной фантастической поэмѣ въ прозѣ «Прахъ» — мы указывали, въ нашемъ разборѣ, на неумѣстность и дѣланность слѣдующей подробности: на прахъ секундъ-майора, схороненнаго сто лѣтъ назадъ, кладутъ тѣло актера, и майоръ, отъ котораго остался только одинъ черепъ, даже безъ нижней челюсти, негодуетъ на это сосѣдство. Но въ этотъ черепъ, въ углубленіе одного глаза, попала стальная пряжка, и «страшенъ былъ отблескъ той пряжки въ истлѣвшихъ костяхъ». Мы говорили, что эта совершенно ненужная подробность не страшна и даже комична, не говоря уже о неестественности этого «зловѣщаго сверканія пряжки» черезъ сто лѣтъ и на саженной глубинѣ подъ землею. Но и въ новомъ изданіи авторъ счелъ нужнымъ сохранить для чего-то эту не эстетическую и не логическую черту разсказа.

Отрывочность и скорописаніе самымъ досаднымъ образомъ отражаются въ разсказахъ хорошо задуманныхъ, которые, еслибы ихъ развить какъ слѣдуетъ, могли бы явиться весьма замѣчательными вещами. Таковъ первый очеркъ сборника «Братъ». У богатаго элегантнаго петербургскаго заводчика есть братъ, который ходитъ въ народъ и пьетъ съ нимъ по кабакамъ. Братъ отправляетъ этого интеллигента на другой свой заводъ въ провинцію, но народолюбецъ не уживается и тамъ, ссорится съ властями и уходитъ въ Петербургъ. Въ то же время заводчику докладываютъ, что одному изъ его рабочихъ помяло руку въ колесѣ машины. Заводчикъ засыпаетъ передъ обѣдомъ, видитъ во снѣ, что этотъ рабочій — его братъ и велитъ дать пострадавшему полтораста рублей, и все тутъ. «Драма безъ словъ»—прочувствованный разсказъ изъ временъ рекрутчины — уже устарѣлъ, и отношенія мужика къ своему единственному сыну, котораго онъ сдаетъ въ рекруты, остаются невыясненными. Въ элегіи въ прозѣ: «Воспоминаніе» (о кончинѣ товарища, умирающаго отъ чахотки), также много чувства, но никакой отдѣлки. Въ разсказѣ «Дѣти» много наблюдательности и вѣрно подмѣченныхъ чертъ... «Мучитель»—картинка изъ журнальной жизни: къ бѣдному труженику приходитъ школьный товарищъ и проситъ достать ему какое нибудь мѣсто. Труженикъ обѣщаетъ, но ничего не можетъ сдѣлать, хотя тотъ приходитъ его мучить раза по два въ недѣлю. «Приговоръ»—старая исторія о томъ, какъ тяжело жить чиновнику, хотя и съ порядочнымъ окладомъ, когда у него много дѣтей, а жена больна и у нея опухоль, которую, можетъ быть, придется вырѣзать. Въ разсказѣ «Побѣгъ» являются, вмѣстѣ избитаго чиновника, деревенскій фельдшеръ, жена его, акушерка, сбѣжавшая къ помѣщику, желѣзнодорожная прислуга, но конца разсказа все таки нѣтъ и оборванъ онъ на интересномъ мѣстѣ. Въ повѣсти «Матушка» хорошо обрисована добрая старуха, къ которой ея гулякa-сынъ пріѣзжаетъ умирать отъ слишкомъ веселой жизни. Это — лучшая, болѣе отдѣлан статья сборника, оставляющая сильное впечатлѣніе. Совершенно нап

помѣщены статьи: «Сохатый», «Послѣдній полетъ» и «Искушеніе» рождественскій разсказъ. изъ итальянской жизни конца XV вѣка съ алхимиками, благочестивыми монахами, говорящими всякій вздоръ и таинственными убійствами. причемъ мстительный графъ, убившій свою жену и ея возлюбленнаго, 15 лѣтъ держалъ у себя для чего-то въ «башнѣ трупа» набальзамированное тѣло этого возлюбленнаго, у котораго на шпорѣ видны все еще и послѣ бальзамированія, черезъ 15 лѣтъ, слѣды крови, доказывающіе, какъ онъ погонялъ лошадь, торопясь на послѣднее свиданіе. Но слабѣе всего самая обширная повѣсть «Мутъ», занимающая почти треть сборника. Это—до нельзя надоѣвшая исторія двухъ талантливыхъ живописцевъ, изъ которыхъ одинъ умираетъ отъ тифа, а другой перестаетъ пить и потомъ по совѣту профессора отправляется путешествовать по Россіи... Неужели у нашихъ беллетристовъ нѣтъ другихъ типовъ, кромѣ вѣчныхъ чиновниковъ и художниковъ?

Руководство для живописи на фарфорѣ, съ прибавленіемъ главъ о дѣйствіи контраста и выборѣ драпировокъ и головнаго убора подходящаго къ тону лица. *А. К. Ламанской.* Спб. 1890.

Книга г-жи Ламанской представляетъ солидный вкладъ въ весьма небогатую русскую литературу, по техникѣ живописи на фарфорѣ. Книга даетъ подробныя объясненія объ употребленіи этихъ капризныхъ, химически-враждующихъ между собою красокъ, иногда вовсе не поддающихся регулированію, изъ-за ничтожныхъ причинъ. Изложеніе этихъ техническихъ истинъ, почерпнутыхъ частью изъ иностранныхъ источниковъ, у автора вездѣ вполнѣ ясно и точно. Читая, невольно жалѣешь о той массѣ терпѣнія и кропотливаго труда, которая нужна художнику, занимающемуся живописью по фарфору. И хотя авторъ приглашаетъ писать широко, съ натуры, но, при современномъ состояніи техники фарфоровыхъ красокъ, врядъ ли это удобно. Понятно, почему крупные художники такъ сторонятся этого вида живописи. Во-первыхъ: не знаешь никогда, каково выйдетъ произведеніе послѣ обжиганія фарфора, такъ какъ успѣхъ зависитъ отъ многихъ причинъ, часто не зависящихъ отъ художника; во-вторыхъ: какъ писать широко, когда надо очень тонко настилать краску, нѣсколько разъ по одному и тому же мѣсту? Въ заключеніе, краска, вслѣдствіе своего способа приготовленія, то не догоритъ, то перегоритъ или пострадаетъ отъ того, что въ мастерской былъ сквознякъ или сырой воздухъ. Авторъ объясняетъ также отношеніе колеровъ къ тону лица, и говоритъ о выборѣ головнаго убора, фона, туалета. Конечно, гдѣ идетъ дѣло объ уборѣ, дамамъ и книги въ руки. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для художника, и многіе портретисты обязаны своей славой исключительно только умѣнью одѣть и освѣтить фигуру. Въ настоящее время, при успѣхѣ и развитіи краснльнаго дѣла, можно сказать, что почти всѣ колеры возможны для всѣхъ лицъ; надо найти только

оттѣнокъ болѣе мягкій или рѣзкій. Собственно авторъ говоритъ объ употребленіи красокъ парижской фабрики Лакруа, бывшаго химика севрской мануфактуры, приготовляющаго готовыя тертыя краски въ металлическихъ капсюляхъ, подобно маслянымъ. Фирма эта создала возможность художнику работать на фарфорѣ, не заботясь о химическомъ сродствѣ или враждебности окисловъ металловъ, изъ которыхъ приготовляется большинство красокъ, употребляемыхъ для керамики. У насъ теперь съ азартомъ насаждается этого рода живопись школами общества поощренія художествъ и Штиглица, но все таки дѣло поставлено не прочно. Масса лицъ выучилась писать по фаянсу и фарфору, но промышленность эта все таки не подвинулась въ Россіи, потому что немыслимо писать дорогими заграничными кистями и красками, полная коллекція которыхъ обойдется чуть не въ сотню рублей. Къ тому же, обжиганіе рисунка надо отдавать нерѣдко невѣждѣ, за большія деньги, рискуя, что онъ испортитъ написанное. Да и то обжиганіе возможно въ столицахъ; а въ провинціи не найдется обжигальной печи, и потому развитіе этого рода живописи сводится пока къ тому, что это не болѣе какъ пріятное, изящное развлеченіе обезпеченныхъ людей. Служить же предметомъ сбыта и средствомъ существованія этотъ родъ живописи не можетъ. Чѣмъ другимъ, а ужь минеральнымъ и пушнымъ богатствомъ Богъ не обдѣлилъ Россію, а между тѣмъ, менѣе чѣмъ за грошовый препаратъ свинца, вамъ приходится, подъ видомъ blanc d'argent, расплачиваться съ иностранцами золотомъ, такъ какъ до сихъ поръ въ Россіи не выдѣлывается нигдѣ для продажи готовыхъ хорошихъ красокъ и кистей для этой отрасли промышленности. Вслѣдствіе классическаго обученія средняго класса и почти всякаго отсутствія обученія низшихъ классовъ, нечего и думать о развитіи этого рода искусства. Понятно, что теперь надо искусственно прививать каждый родъ промышленности, потому что онъ не можетъ явиться самъ собою, вслѣдствіе нормальнаго развитія силъ страны. Наши фарфоровый и стеклянный заводы должны были бы служить высшей школою для совершенствованія молодыхъ печниковъ, мастеровъ кистей, химиковъ, скульпторовъ, и художниковъ съ годичнымъ или двухлѣтнимъ курсомъ. Печники на практикѣ выучились бы правильно дѣлать хорошіе горны и муфеля для обжиганія; мастера кистей, изъ русскаго богатаго пушнаго матерьяла, производили бы прекрасныя кисти; скульпторы придавали бы обжигаемой массѣ изящество формъ, а художники ознакомились бы съ свойствами красокъ и, главное, самостоятельно изучили бы весь ходъ дѣла. Понятно, что люди эти разнесли бы свое знаніе по лицу земли русской и сослужили бы ей службу, развивши эту промышленность, конечно, не безъ пользы для себя. А теперь, пусть и еще лучше рисуютъ любители, барышни и кавалеры—все же это не промышленность, а развлеченіе. Въ фарфоровомъ дѣлѣ, наукѣ надо еще много работать,—тогда будущность

этого дѣла обезпечится. Но переворотъ въ дѣлѣ обжиганія и типа красокъ необходимъ. Это почувствовали уже американцы, и начали вырабатывать краски, которыми можно писать не наставая, а толсто, какъ масляными красками. При этомъ, американскія краски въ обжигѣ не лупятся, менѣе измѣняются, и оказываютъ при смѣшеніи менѣе враждебности другъ къ другу, имѣя почти одинаковую степень плавкости. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени можно будетъ писать на фарфорѣ большіе образа для храмовъ, гдѣ живопись на полотнѣ такъ скоро погибаетъ. Употребленіе въ дѣло цѣльныхъ досокъ большаго формата возможно при развитіи искусства обжига. Уже и теперь были опыты живописи, на большихъ доскахъ изъ лавы, вѣнско-американскими красками фирмы: «Вѣна, Ульрихъ Гимельфортъ Гассе», которыя въ Россіи, кажется, не употребительны. Г-жа Ламанская упоминаетъ также о краскахъ Лакруа, не на скипидарѣ, а на флюоринѣ, и говоритъ, что онѣ удобнѣе и практичнѣе первыхъ, но, къ сожалѣнію, съ употребленіемъ ихъ она не знакомитъ читателя. Желательно, чтобъ русскіе ученые заглянули въ эту отрасль промышленности и создали бы новый типъ красокъ изъ русскихъ минеральныхъ богатствъ, что могло бы дать хорошій заработокъ; и потомъ, изучая обжигъ, при современномъ состояніи электротехники, можно подвинуть дѣло, прилагая электричество, что, вѣроятно, дало бы неожиданные сюрпризы. Во Франціи, при употребленіи электричества, нашли новый болѣе выгодный пріемъ золоченія фарфора; поэтому электричество найдетъ примѣненіе въ фарфоровомъ и эмалевомъ дѣлѣ. Это, конечно, только pia desideria при современномъ состояніи общественнаго почина и народнаго развитія. Русскій Севръ будетъ, по прежнему, обтесывать топоромъ свои дубовоказенные чайники, ревниво охраняя отъ дерзкаго чужаго глаза свою святую святыхъ. Русскіе печники будутъ по прежнему кропать ощупью свои печи: нашихъ куницъ мы будемъ получать обратно въ видѣ кистей изъ за границы: химики пойдутъ на еврейскіе заводы—совершенствовать фальсификацію; скульпторы, въ ожиданіи увѣковѣченія великихъ дѣяній, найдутъ мѣста сортировщиковъ писемъ въ почтамтѣ; а художники поступятъ ретушерами въ жидовскія фотографіи...

Г. П. Сазоновъ. **Крестьянская земельная собственность** въ Порховскомъ уѣздѣ. Спб. 1890.

Въ нашъ вѣкъ, когда всѣ, больше или меньше, живутъ только для себя, заботятся о себѣ и о своихъ присныхъ, встрѣчаются еще люди, которые хлопочатъ о другихъ, совершенно посторонникъ имъ лицахъ, дѣйствуютъ, даже думаютъ за нихъ, не побуждаемые къ этому никакими матерьяльными выгодами, а въ виду какихъ-то высшихъ, отвлеченныхъ, для многихъ даже малопонятныхъ интересовъ гуманности, законности, справедливости. Скажутъ, что такихъ лицъ, радѣющихъ о благѣ общемъ, іерархіи нашего общественнаго устройства, полагается немало: во-

первыхъ, всякое начальство, всѣ чиновники, обязанные по долгу службы пещись если не о каждомъ обывателѣ въ отдѣльности, то обо всѣхъ вкупѣ; во-вторыхъ, власть законодательная, составляющая новые законы для общаго благополучія; наконецъ, въ третьихъ—все судебное вѣдомство, не менѣе обязанное охранять старые законы, пока они не износятся, и возстановлять нарушенное право во имя вѣчной правды и правосудія. Но въ томъ-то и дѣло, что вся эта масса лицъ, обязанная заботиться о своихъ меньшихъ братьяхъ, въ то же время имѣетъ право на жизнь, и на жизнь комфортабельную, сколько можно менѣе сопряженную съ разнаго рода безпокойствами и хлопотами. А извѣстно, что наши права мы всегда предпочитаемъ всякаго рода обязанностямъ, и потому очень часто не дѣлаемъ того, что̀ должно, и не рѣдко дѣлаемъ то, чего не должно. Когда, еще въ 1888 году, газеты наши стали помѣщать извѣстія, что въ Порховскомъ уѣздѣ стали продаваться, за долги разнымъ кулакамъ и банкамъ, крестьянскіе надѣлы, избы, послѣднее имущество, и крестьяне цѣлыхъ селъ, дѣлаясь безземельными пролетаріями, должны идти по міру, — многіе ли обратили на это вниманіе? «Мужики обнищали — экая невидаль? да это случается сплошь и рядомъ. Пропили въ кабакахъ и промотали банковскую ссуду, деньги, полученныя взаймы отъ частныхъ лицъ, а теперь не платятъ долговъ, нарушаютъ священное право собственности заимодавцевъ... Да и что такое Порховскій уѣздъ? Чѣмъ онъ важнѣе другихъ уѣздовъ, которыхъ въ Россіи больше пятисотъ. Конечно, лишать мужика его земли,—единственнаго средства къ жизни и къ уплатѣ не только его долговъ, но и лежащихъ на немъ повинностей,—какъ будто бы и не слѣдовало. Но вѣдь на это есть тамъ свое начальство: ему ближе знать, какъ должно поступить въ данныхъ случаяхъ. А неправильно поступитъ начальство ближайшее—есть начальство дальнѣйшее, которое не допуститъ поступковъ не по закону». Такими «благоразумными» рѣчами довольствовались люди, у которыхъ своего дѣла по горло и которые не любятъ безпокоиться о другихъ. Но нашлись и другія лица, которыхъ уже прямо нужно было причислить къ разряду безпокойныхъ. Нашлось и цѣлое общество, которое не безъ основанія упрекали въ томъ, что оно много говоритъ, а мало дѣлаетъ. Общество это заинтересовалось порховскими мужиками и, въ одномъ изъ своихъ отдѣленій, рѣшило отправить одного изъ своихъ членовъ на мѣсто продажи земельныхъ надѣловъ, для изслѣдованія дѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, отдѣленіе обсуждало вопросъ; выбрало, какъ водится, спеціальную комисію для выработки программы и инструкцій въ руководство командируемому члену и ассигновало на его поѣздку достаточную сумму. Совѣтъ вольнаго экономическаго общества обратился за содѣйствіемъ къ псковскому губернатору и въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ послалъ предписаніе уѣзднымъ учрежденіямъ. Все это

Надежнымъ источникомъ для исторіи того времени записки не могутъ быть и потому уже, что Екатерина составляла ихъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, для достиженія извѣстной цѣли, причемъ должна была руководствоваться исключительно своими чувствованіями и взглядами, своими симпатіями и антипатіями къ отдѣльнымъ личностямъ». Зная, такимъ образомъ, всю ненадежность записокъ Екатерины, крайне пристрастной въ своихъ характеристикахъ, г. Бильбасовъ, тѣмъ не менѣе, строитъ весь свой трудъ главнымъ образомъ на этихъ запискахъ, считая ихъ какъ бы фундаментомъ. Читателю остается надежда, что эти записки подвергнуты серьезной исторической критикѣ, тщательно провѣрены, но не тутъ-то было. Будучи строгимъ послѣдователемъ нѣмца-учителя по своей кропотливости, г. Бильбасовъ очень старательно проштудировалъ записки относительно хронологической послѣдовательности указываемыхъ событій, заботливо указывая, что фактъ совершился не 5-го, напримѣръ, числа, а 4-го или 6-го; что же касается самой сути дѣла, то авторъ вполнѣ поддался обаянію умной женщины и на многое смотритъ ея глазами, забывая совершенно о существованіи исторической критики. Зная хорошо, что Екатерина писала свои записки на склонѣ лѣтъ, когда въ ней явилась потребность обѣлить себя въ глазахъ потомства, доказать свою правоту во что бы то ни стало, г. Бильбасовъ многое принимаетъ на вѣру, даже не пытаясь анализировать сообщаемые ею факты.

Главное, что̀ интересуетъ изслѣдователя этой эпохи, заключается въ слѣдующемъ: отношенія Екатерины къ Елизаветѣ Петровнѣ, отношенія Екатерины къ мужу и, наконецъ, умственное и моральное развитіе нѣмецкой принцессы, достигшей русскаго престола. Оказывается, что г. Бильбасовъ все это упустилъ изъ виду. Связнаго разсказа объ отношеніяхъ молодой великой княгини къ императрицѣ мы не находимъ; попадаются разрозненные факты (тогда-то совершилось то-то, тогда-то произошелъ такой-то разговоръ), не только ничего въ сущности не говорящіе и не объясняющіе, но даже ставящіе читателя втупикъ. Является 15-лѣтняя дѣвочка изъ далекаго Цербста въ Москву, Елизавета принимаетъ ее ласково, какъ она приняла бы всякую другую; мать дѣвочки начинаетъ интриговать, и императрица въ гнѣвѣ бранитъ ее за неприличное поведеніе, но при этомъ хохочетъ, глядя на дѣвочку, соскакивающую съ высокаго подоконника. Проходитъ немного времени, и Елизавета сердится на дѣвочку, которая успѣла надѣлать долговъ; затѣмъ дѣвочку начинаютъ ласкать и удалять отъ опеки и вліянія матери. Наконецъ, бракъ совершенъ, и мать выпроваживаютъ изъ Россіи; дѣвочка остается одна. Только съ этихъ поръ могли начаться непосредственныя личныя отношенія императрицы къ женѣ наслѣдника. Эти отношенія не могли быть лестны для Екатерины; за нею смотрятъ, ею интересуются, для нея пишутъ инструкцію,—и все это съ единственною цѣлью добиться ея ма-

терінства. Родился малютка Павелъ, его уносятъ отъ матери, ей не довѣряютъ воспитанія сына; она заброшена, почти забыта. Такое положеніе тянулось съ 9 февраля 1744 г. до половины 1755 г. Очевидно, Екатеринѣ приходилось, при крайне невыгодной обстановкѣ, добиваться опредѣленнаго, яснаго положенія при дворѣ и уваженія къ своей особѣ. Однако, вскорѣ дипломаты начинаютъ обращать вниманіе своихъ правительствъ на великую княгиню, а въ 1761 г. едва не произошелъ дипломатическій разрывъ съ Франціею и Испаніею, за то, что жены посланниковъ не поцѣловали руки Екатерины. Легко понять, что замкнутою жизнью и чтеніемъ Тацита, Монтескьё и Вольтера Екатерина не могла бы достигнуть подобныхъ результатовъ и такъ возвысить себя въ глазахъ императрицы; между тѣмъ г. Бильбасовъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ этой сторонѣ вопроса и ограничился сухою передачею отрывочныхъ фактовъ.

Затѣмъ идутъ отношенія мужа и жены. Петръ Ѳедоровичъ встрѣтилъ очень дружелюбно нѣмецкую принцессу, предназначенную ему въ супруги, но затѣмъ сталъ постепенно удаляться отъ нея и, наконецъ, возненавидѣлъ ее такъ, что за офиціальнымъ обѣдомъ громогласно посылаетъ ей сказать, что она дура. Съ своей стороны, Екатерина, бойкая, умная, находчивая молодая женщина, когда-то любившая первенствовать въ дѣтскихъ играхъ на штетинскомъ бульварѣ, и позднѣе, уже императрицею, выказавшая ту же наклонность импонировать и властвовать,—ни разу не обнаружила попытки забрать въ руки безхарактернаго и безалабернаго мужа. Изъ книги мы не видимъ объясненія такихъ странныхъ отношеній, за исключеніемъ того, что̀ угодно было Екатеринѣ сказать въ запискахъ, а г. Бильбасову подкрѣпить ссылками и цитатами изъ другихъ источниковъ. Между тѣмъ портретъ Петра III подъ перомъ Екатерины вышелъ до такой степени отталкивающимъ и безобразнымъ, что невольно возникаетъ подозрѣніе въ его подлинности. Въ виду этого, является множество вопросовъ, но авторъ не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и съ чистымъ сердцемъ поддакиваетъ всѣмъ нападкамъ и инсинуаціямъ Екатерины на Петра; съ ея стороны это еще понятно, потому что «республиканкѣ» и «энциклопедисткѣ» нужно было оправдать себя за ропшинскую катастрофу, но со стороны г. Бильбасова это непростительный промахъ — забыть безпристрастіе историка и идти на помочахъ явно пристрастной женщины, хотя и великой.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ даннымъ, которыя «содѣйствовали Екатеринѣ стать великою». Для этого авторъ въ двухъ главахъ (29 страницъ) подробно расписываетъ, что̀ читала Екатерина и какъ могло повліять на нее это чтеніе. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: «Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ; они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впе

чатлѣній, воспринимаемыхъ идей,—всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности». Высказавъ эту мысль на стр. V, г. Бильбасовъ буквально повторяетъ ее на стр. 4; проникнутый, очевидно, непреложностью своей идеи (на которую можно многое возразить по существу), г. Бильбасовъ не примѣнилъ ея, однако, на дѣлѣ и, распространившись подробно о массѣ дряни, прочитанной Екатериною ради скуки, ни однимъ словомъ не обмолвился о вліяніи окружающихъ обстоятельствъ. Еслибы авторъ въ стройномъ разсказѣ попытался прослѣдить воспитательное значеніе и вліяніе окружающихъ обстоятельствъ и среды, въ которую попала сметливая дѣвочка Фике изъ зажиточной бюргерской семьи (иначе и назвать нельзя семью прусскаго генерала Цербстъ-Дорнбурга), то его трудъ оказался бы гораздо благодарнѣе для дѣла, чѣмъ кокетливое щеголяніе библіографическими справками прошлаго столѣтія. Легко понять, что поѣздка изъ Цербста въ Ригу, Петербургъ, Москву, Кіевъ, жизнь въ совершенно новой обстановкѣ, среди чуждаго народа,—чуждаго по вѣрѣ, языку, обычаямъ и привычкамъ, — наконецъ, борьба за существованіе среди разноплеменнаго двора, все это могло вліять на Екатерину гораздо сильнѣе, чѣмъ романы Ла-Кальпренеда, Скюдери, д'Юрфэ, Аміо, Гомбервиля, Понкаррэ, Шапелэна, Сентъ-Амана и тому подобныхъ. Наконецъ, кто не согласится, что безалаберное чтеніе даже серьезныхъ сочиненій (Перефиксъ, Барра, Брантомъ, Тацитъ, Монтескьё, Вольтеръ, Бароній и др.), безъ поддержки опытнаго руководителя, можетъ только изощрить болѣзненно память, развить нервозную воспріимчивость, но не сдѣлать великимъ.

Такимъ образомъ, не желая держаться на почвѣ серьезнаго историческаго прагматизма, г. Бильбасовъ урѣзалъ, сократилъ и даже обезобразилъ предстоявшую ему благодарную задачу очертить образъ Екатерины Великой. Онъ не исполнилъ того, что составляло его обязанность по существу предмета, но и то, что онъ далъ, выполнено далеко не безукоризненно. На первыхъ порахъ, обратимъ вниманіе на странную и необъяснимую спѣшность въ работѣ, проглядывающую во всемъ томѣ; можно думать, что г. Бильбасовъ никогда не прочитываетъ разъ написаннаго, а потому въ его трудѣ и встрѣчаются противорѣчія и недомолвки. Такъ напримѣръ, мы читаемъ: «Здѣсь, въ штетинскомъ замкѣ, Екатерина росла и воспитывалась подъ наблюденіемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ всѣ умные люди, честолюбивой княгини Іоганны-Элиза. беты (стр. 6)». Переворачиваемъ нѣсколько страницъ: «Какъ женщина легкомысленная и довольно пустая, способная скорѣе къ мелкой сплетнѣ, чѣмъ къ политической интригѣ, она (княгиня) пріѣхала въ Москву съ убѣжденіемъ, что необходимо свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина (стр. 102)». Интересно знать, какого мнѣнія долженъ быть читатель объ

ангальтъ цербстской княгинѣ, въ одно и то же время и *пустой*, и *умной?* При этомъ еще одна особенность. Въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ попадается множество выписокъ изъ подлинныхъ бумагъ по французски, по нѣмецки и по англійски; иногда эти выписки сопровождаются переводомъ (къ сожалѣнію, не всегда удачнымъ), иногда же нѣтъ. Чѣмъ руководился авторъ, давая или не давая перевода, догадаться невозможно и остается предположить спѣшность въ писаніи и отсутствіе редакторскаго просмотра рукописи.

Затѣмъ, автора можно упрекнуть въ отсутствіи анализа тамъ, гдѣ событія и факты неизбѣжно наводятъ на размышленія. Возьмемъ примѣръ. Екатерина жила изолированно и не принимала никакого участія въ политическихъ событіяхъ, ревниво отстраняемая императрицею и обѣгаемая мужемъ, который самостоятельно управлялъ своимъ голштинскимъ герцогствомъ. И вдругъ, въ критическую минуту, когда Петръ Ѳедоровичъ колебался принять или отвергнуть датскія предложенія относительно обмѣна Голштиніи на Ольденбургъ, мужъ обращается къ нелюбимой женѣ и проситъ ее принять участіе въ политическихъ переговорахъ. Это былъ первый дебютъ Екатерины въ области политики. Чѣмъ вызывался такой неожиданный шагъ со стороны великаго князя, почему онъ обратился именно къ женѣ, что̀ побудило его такъ довѣрчиво положиться на рѣшеніе Екатерины въ близкомъ его сердцу дѣлѣ,—г. Бильбасовъ даже и не подумалъ объяснить, ограничиваясь сухою передачею внѣшней стороны событія и не давая себѣ труда вникнуть во внутренній его смыслъ. Пріемъ въ исторіи, свойственный исключительно школѣ гелертеровъ-кропателей, но не истинному историку.

Въ стилистическомъ отношеніи, г. Бильбасовъ усвоилъ крайне неудобную манеру предлагать вопросы самому себѣ, и затѣмъ какъ бы отвѣчать на эти вопросы; пріемъ некрасивый и устарѣвшій, затрудняющій только чтеніе и увеличивающій числю строкъ.

Въ общемъ, получается впечатлѣніе невполнѣ пріятное. Собравъ внимательно, заботливо, даже добросовѣстно огромный матеріалъ,—такъ какъ подъ руками у автора было для перваго тома шестьдесятъ семь изданій различныхъ авторовъ,—г. Бильбасовъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и возсоздать личность Екатерины. Читатель узналъ много пикантныхъ и интересныхъ подробностей, но познанія его объ Екатеринѣ остались тѣ же, какія были до чтенія книги. Г. Бильбасовъ не справился съ задачею, принятою имъ на себя, и мы можемъ повторить приведенную имъ самимъ въ предисловіи фразу Вольтера: «Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II».

А. Быковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Баранцевичъ. **Старое и новое.** Повѣсти и разсказы. С.-Петербургъ. 1890.

Лѣтъ семь тому назадъ, когда появились первые сборники разсказовъ г. Баранцевича, «Наблюдатель», раньше другихъ нашихъ періодическихъ органовъ печати, далъ сочувственный отзывъ о молодомъ, начинающемъ дарованіи. Дѣйствительно, въ первыхъ разсказахъ: «Подъ гнетомъ» и «Порванныя струны», встрѣчались страницы, чуждыя всякой рутины и общихъ мѣстъ, проникнутые оригинальнымъ, самобытнымъ міровоззрѣніемъ, согрѣтые теплымъ, искреннимъ чувствомъ. И мы съ удовольствіемъ указали на нихъ читателямъ. Потомъ, автора въ конецъ засосала губительная потребность насущнаго, еженедѣльнаго, часто даже ежедневнаго газетнаго борзописанія. Необходимость поставки извѣстнаго числа столбцовъ и строкъ къ извѣстному сроку, по подряду, лишили его, понятно, возможности обдумывать и отдѣлывать разсказы; дарованіе должно было неизбѣжно мельчать, обезцвѣчиваться. Поэтому мы не могли сказать добраго слова о двухъ послѣдующихъ изданіяхъ автора: «Маленькіе разсказы», юмористическій сборникъ, и «Новые разсказы». Особенно юморъ г. Баранцевича оказался весьма не высокой пробы, хотя наши, такъ называемые, сатирическіе листки болѣе всего, конечно, дорожатъ произведеніями подобнаго сорта. Пробовалъ авторъ обратиться и къ болѣе обширнымъ произведеніямъ серьезной литературы, но и это не удалось ему, и большой романъ его «Раба», появившійся первоначально въ «Дѣлѣ»,—журналѣ когда-то любимомъ публикою, но окончательно погубленномъ шарлатанскимъ редактированіемъ г-на Дурново, — не имѣлъ никакого успѣха и въ отдѣльномъ изданіи, и мы должны были указать на избитость содержанія и шаблонность этого произведенія. А между тѣмъ дарованіе у г. Баранцевича несомнѣнно есть, и оно проявляется въ новомъ вышедшемъ нынѣ томикѣ его разсказовъ. Не все въ немъ, впрочемъ, ново и изъ тринадцати повѣстей и очерковъ, нѣкоторые перешли въ этотъ сборникъ изъ прежнихъ изданій. Къ сожалѣнію, при вторичномъ перепечатываніи подобныхъ разсказовъ, авторъ не обратилъ вниманія на замѣчанія, сдѣланныя ему критикой и не измѣнилъ подробностей, явно отзывавшихся фальшью и придуманностью. Такъ, въ очень

недурной фантастической поэмѣ въ прозѣ «Прахъ» — мы указывали, въ нашемъ разборѣ, на неумѣстность и дѣланность слѣдующей подробности: на прахъ секундъ-майора, схороненнаго сто лѣтъ назадъ, кладутъ тѣло актера, и майоръ, отъ котораго остался только одинъ черепъ, даже безъ нижней челюсти, негодуетъ на это сосѣдство. Но въ этотъ черепъ, въ углубленіе одного глаза, попала стальная пряжка, и «страшенъ былъ отблескъ той пряжки въ истлѣвшихъ костяхъ». Мы говорили, что эта совершенно ненужная подробность не страшна и даже комична, не говоря уже о неестественности этого «зловѣщаго сверканія пряжки» черезъ сто лѣтъ и на саженной глубинѣ подъ землею. Но и въ новомъ изданіи авторъ счелъ нужнымъ сохранить для чего-то эту не эстетическую и не логическую черту разсказа.

Отрывочность и скорописаніе самымъ досаднымъ образомъ отражаются въ разсказахъ хорошо задуманныхъ, которые, еслибы ихъ развить какъ слѣдуетъ, могли бы явиться весьма замѣчательными вещами. Таковъ первый очеркъ сборника «Братъ». У богатаго элегантнаго петербургскаго заводчика есть братъ, который ходитъ въ народъ и пьетъ съ нимъ по кабакамъ. Братъ отправляетъ этого интеллигента на другой свой заводъ въ провинцію, но народолюбецъ не уживается и тамъ, ссорится съ властями и уходитъ въ Петербургъ. Въ то же время заводчику докладываютъ, что одному изъ его рабочихъ помяло руку въ колесѣ машины. Заводчикъ засыпаетъ передъ обѣдомъ, видитъ во снѣ, что этотъ рабочій — его братъ и велитъ дать пострадавшему полтораста рублей, и все тутъ. «Драма безъ словъ»—прочувствованный разсказъ изъ временъ рекрутчины — уже устарѣлъ, и отношенія мужика къ своему единственному сыну, котораго онъ сдаетъ въ рекруты, остаются невыясненными. Въ элегіи въ прозѣ: «Воспоминаніе» (о кончинѣ товарища, умирающаго отъ чахотки), также много чувства, но никакой отдѣлки. Въ разсказѣ «Дѣти» много наблюдательности и вѣрно подмѣченныхъ чертъ... «Учитель»—картинка изъ журнальной жизни: къ бѣдному труженику приходитъ школьный товарищъ и проситъ достать ему какое нибудь мѣсто. Труженикъ обѣщаетъ, но ничего не можетъ сдѣлать, хотя тотъ приходитъ его мучить раза по два въ недѣлю. «Приговоръ»—старая исторія о томъ, какъ тяжело жить чиновнику, хотя и съ порядочнымъ окладомъ, когда у него много дѣтей, а жена больна и у нея опухоль, которую, можетъ быть, придется вырѣзать. Въ разсказѣ «Побѣгъ» являются, вмѣстѣ избитаго чиновника, деревенскій фельдшеръ, жена его, акушерка, сбѣжавшая къ помѣщику, желѣзнодорожная прислуга, но конца разсказа все таки нѣтъ и оборванъ онъ на интересномъ мѣстѣ. Въ повѣсти «Матушка» хорошо обрисована добрая старуха, къ которой ея гуляка-сынъ пріѣзжаетъ умирать отъ слишкомъ веселой жизни. Это — лучшая, болѣе отдѣланная статья сборника, оставляющая сильное впечатлѣніе. Совершенно напрасно

помѣщены статьи: «Сохатый», «Послѣдній полетъ» и «Искушеніе» рождественскій разсказъ, изъ итальянской жизни конца XV вѣка, съ алхимиками, благочестивыми монахами, говорящими всякій вздоръ и таинственными убійствами, причемъ мстительный графъ, убившій свою жену и ея возлюбленнаго, 15 лѣтъ держалъ у себя для чего-то въ «башнѣ трупа» набальзамированное тѣло этого возлюбленнаго, у котораго на шпорѣ видны все еще и послѣ бальзамированія, черезъ 15 лѣтъ, слѣды крови, доказывающіе, какъ онъ погонялъ лошадь, торопясь на послѣднее свиданіе. Но слабѣе всего самая обширная повѣсть «Муть», занимающая почти треть сборника. Это—до нельзя надоѣвшая исторія двухъ талантливыхъ живописцевъ, изъ которыхъ одинъ умираетъ отъ тифа, а другой перестаетъ пить и потомъ по совѣту профессора отправляется путешествовать по Россіи... Неужели у нашихъ беллетристовъ нѣтъ другихъ типовъ, кромѣ вѣчныхъ чиновниковъ и художниковъ?

Руководство для живописи на фарфорѣ, съ прибавленіемъ главъ о дѣйствіи контраста и выборѣ драпировокъ и головнаго убора подходящаго къ тону лица. *А. К. Ламанской.* Спб. 1890.

Книга г-жи Ламанской представляетъ солидный вкладъ въ весьма небогатую русскую литературу, по техникѣ живописи на фарфорѣ. Книга даетъ подробныя объясненія объ употребленіи этихъ капризныхъ, химически-враждующихъ между собою красокъ, иногда вовсе не поддающихся регулированію, изъ-за ничтожныхъ причинъ. Изложеніе этихъ техническихъ истинъ, почерпнутыхъ частью изъ иностранныхъ источниковъ, у автора вездѣ вполнѣ ясно и точно. Читая, невольно жалѣешь о той массѣ терпѣнія и кропотливаго труда, которая нужна художнику, занимающемуся живописью по фарфору. И хотя авторъ приглашаетъ писать широко, съ натуры, но, при современномъ состояніи техники фарфоровыхъ красокъ, врядъ ли это удобно. Понятно, почему крупные художники такъ сторонятся этого вида живописи. Во-первыхъ: не знаешь никогда, каково выйдетъ произведеніе послѣ обжиганія фарфора, такъ какъ успѣхъ зависитъ отъ многихъ причинъ, часто не зависящихъ отъ художника; во-вторыхъ: какъ писать широко, когда надо очень тонко настилать краску, нѣсколько разъ по одному и тому же мѣсту? Въ заключеніе, краска, вслѣдствіе своего способа приготовленія, то не догоритъ, то перегоритъ или пострадаетъ отъ того, что въ мастерской былъ сквознякъ или сырой воздухъ. Авторъ объясняетъ также отношеніе колеровъ къ тону лица, и говоритъ о выборѣ головнаго убора, фона, туалета. Конечно, гдѣ идетъ дѣло объ уборѣ, дамамъ и книги въ руки. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для художника, и многіе портретисты обязаны своей славой исключительно только умѣнью одѣть и освѣтить фигуру. Въ настоящее время, при успѣхѣ и развитіи красильнаго дѣла, можно сказать, что почти всѣ колеры возможны для всѣхъ лицъ; надо найти только

оттѣнокъ болѣе мягкій или рѣзкій. Собственно авторъ говоритъ объ употребленіи красокъ парижской фабрики Лакруа, бывшаго химика севрской мануфактуры, приготовляющаго готовыя тертыя краски въ металлическихъ капсюляхъ, подобно масляннымъ. Фирма эта создала возможность художнику работать на фарфорѣ, не заботясь о химическомъ сродствѣ или враждебности окисловъ металловъ, изъ которыхъ приготовляется большинство красокъ, употребляемыхъ для керамики. У насъ теперь съ азартомъ насаждается этого рода живопись школами общества поощренія художествъ и Штиглица, но все таки дѣло поставлено не прочно. Масса лицъ выучилась писать по фаянсу и фарфору, но промышленность эта все таки не подвинулась въ Россіи, потому что немыслимо писать дорогими заграничными кистями и красками, полная коллекція которыхъ обойдется чуть не въ сотню рублей. Къ тому же, обжиганіе рисунка надо отдавать нерѣдко невѣждѣ, за большія деньги, рискуя, что онъ испортитъ написанное. Да и то обжиганіе возможно въ столицахъ; а въ провинціи не найдется обжигальной печи, и потому развитіе этого рода живописи сводится пока къ тому, что это не болѣе какъ пріятное, изящное развлеченіе обезпеченныхъ людей. Служить же предметомъ сбыта и средствомъ существованія этотъ родъ живописи не можетъ. Чѣмъ другимъ, а ужь минеральнымъ и пушнымъ богатствомъ Богъ не обдѣлилъ Россію, а между тѣмъ, менѣе чѣмъ за грошовый препаратъ свинца, вамъ приходится, подъ видомъ Blanc d'argent, расплачиваться съ иностранцами золотомъ, такъ какъ до сихъ поръ въ Россіи не выдѣлывается нигдѣ для продажи готовыхъ хорошихъ красокъ и кистей для этой отрасли промышленности. Вслѣдствіе классическаго обученія средняго класса и почти всякаго отсутствія обученія низшихъ классовъ, нечего и думать о развитіи этого рода искусства. Понятно, что теперь надо искусственно прививать каждый родъ промышленности, потому что онъ не можетъ явиться самъ собою, вслѣдствіе нормальнаго развитія силъ страны. Наши фарфоровый и стеклянный заводы должны были бы служить высшей школою для совершенствованія молодыхъ печниковъ, мастеровъ кистей, химиковъ, скульпторовъ, и художниковъ съ годичнымъ или двухлѣтнимъ курсомъ. Печники на практикѣ выучились бы правильно дѣлать хорошіе горны и муфеля для обжиганія; мастера кистей, изъ русскаго богатаго пушнаго матерьяла, производили бы прекрасныя кисти; скульпторы придавали бы обжигаемой массѣ изящество формъ, а художники ознакомились бы съ свойствами красокъ и, главное, самостоятельно изучили бы весь ходъ дѣла. Понятно, что люди эти разнесли бы свое знаніе по лицу земли русской и сослужили бы ей службу, развивши эту промышленность, конечно, не безъ пользы для себя. А теперь, пусть и еще лучше рисуютъ любители, барышни и кавалеры—все же это не промышленность, а развлеченіе. Въ фарфоровомъ дѣлѣ, наукѣ надо еще много работать,—тогда будущность

этого дѣла обезпечится. Но переворотъ въ дѣлѣ обжиганія и типа красокъ необходимъ. Это почувствовали уже американцы, и начали вырабатывать краски, которыми можно писать не настилая, а толсто, какъ масляными красками. При этомъ, американскія краски въ обжигѣ не лупятся, менѣе измѣняются, и оказываютъ при смѣшеніи менѣе враждебности другъ къ другу, имѣя почти одинаковую степень плавкости. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени можно будетъ писать на фарфорѣ большіе образа для храмовъ, гдѣ живопись на полотнѣ такъ скоро погибаетъ. Употребленіе въ дѣло цѣльныхъ досокъ большаго формата возможно при развитіи искусства обжига. Уже и теперь были опыты живописи, на большихъ доскахъ изъ лавы, вѣнско-американскими красками фирмы: «Вѣна, Ульрихъ Гимельфортъ Гассе», которыя въ Россіи, кажется, не употребительны. Г-жа Ламанская упоминаетъ также о краскахъ Лакруа, не на скипидарѣ, а на флюдоринѣ, и говоритъ, что онѣ удобнѣе и практичнѣе первыхъ, но, къ сожалѣнію, съ употребленіемъ ихъ она не знакомитъ читателя. Желательно, чтобъ русскіе ученые заглянули въ эту отрасль промышленности и создали бы новый типъ красокъ изъ русскихъ минеральныхъ богатствъ, что могло бы дать хорошій заработокъ; и потомъ, изучая обжигъ, при современномъ состояніи электротехники, можно подвинуть дѣло, прилагая электричество, что, вѣроятно, дало бы неожиданные сюрпризы. Во Франціи, при употребленіи электричества, нашли новый болѣе выгодный пріемъ золоченія фарфора; поэтому электричество найдетъ примѣненіе въ фарфоровомъ и эмалевомъ дѣлѣ. Это, конечно, только pia desideria при современномъ состояніи общественнаго почина и народнаго развитія. Русскій Севръ будетъ, по прежнему, обтесывать топоромъ свои дубовоказенные чайники, ревниво охраняя отъ дерзкаго чужаго глаза свою святую святыхъ. Русскіе печники будутъ по прежнему кропать ощупью свои печи; нашихъ куницъ мы будемъ получать обратно въ видѣ кистей изъ за границы; химики пойдутъ на еврейскіе заводы—совершенствовать фальсификацію; скульпторы, въ ожиданіи увѣковѣченія великихъ дѣяній, найдутъ мѣста сортировщиковъ писемъ въ почтамтѣ; а художники поступятъ ретушерами въ жидовскія фотографіи...

Г. П. Сазоновъ. **Крестьянская земельная собственность** въ Порховскомъ уѣздѣ. Спб. 1890.

Въ нашъ вѣкъ, когда всѣ, больше или меньше, живутъ только для себя, заботятся о себѣ и о своихъ присныхъ, встрѣчаются еще люди, которые хлопочатъ о другихъ, совершенно постороннихъ имъ лицахъ, дѣйствуютъ, даже думаютъ за нихъ, не побуждаемые къ этому никакими матерьяльными выгодами, а въ виду какихъ-то высшихъ, отвлеченныхъ, для многихъ даже малопонятныхъ интересовъ гуманности, законности, справедливости. Скажутъ, что такихъ лицъ, радѣющихъ о благѣ общемъ по іерархіи нашего общественнаго устройства, полагается немало: во-

первыхъ, всякое начальство, всѣ чиновники, обязанные по долгу службы пещись если не о каждомъ обывателѣ въ отдѣльности, то обо всѣхъ вкупѣ; во-вторыхъ, власть законодательная, составляющая новые законы для общаго благополучія; наконецъ, въ третьихъ—все судебное вѣдомство, не менѣе обязанное охранять старые законы, пока они не износятся, и возстановлять нарушенное право во имя вѣчной правды и правосудія. Но въ томъ-то и дѣло, что вся эта масса лицъ, обязанная заботиться о своихъ меньшихъ братьяхъ, въ то же время имѣетъ право на жизнь, и на жизнь комфортабельную, сколько можно менѣе сопряженную съ разнаго рода безпокойствами и хлопотами. А извѣстно, что наши права мы всегда предпочитаемъ всякаго рода обязанностямъ, и потому очень часто не дѣлаемъ того, что̀ должно, и не рѣдко дѣлаемъ то, чего не должно. Когда, еще въ 1888 году, газеты наши стали помѣщать извѣстія, что въ Порховскомъ уѣздѣ стали продаваться, за долги разнымъ кулакамъ и банкамъ, крестьянскіе надѣлы, избы, послѣднее имущество, и крестьяне цѣлыхъ селъ, дѣлаясь безземельными пролетаріями, должны идти по міру, — многіе ли обратили на это вниманіе? «Мужики обнищали — экая невидаль? да это случается сплошь и рядомъ. Пропили въ кабакахъ и промотали банковскую ссуду, деньги, полученныя взаймы отъ частныхъ лицъ, а теперь не платятъ долговъ, нарушаютъ священное право собственности заимодавцевъ... Да и что такое Порховскій уѣздъ? Чѣмъ онъ важнѣе другихъ уѣздовъ, которыхъ въ Россіи больше пятисотъ. Конечно, лишать мужика его земли,—единственнаго средства къ жизни и къ уплатѣ не только его долговъ, но и лежащихъ на немъ повинностей,—какъ будто бы и не слѣдовало. Но вѣдь на это есть тамъ свое начальство: ему ближе знать, какъ должно поступить въ данныхъ случаяхъ. А неправильно поступитъ начальство ближайшее—есть начальство дальнѣйшее, которое не допуститъ поступковъ не по закону». Такими «благоразумными» рѣчами довольствовались люди, у которыхъ своего дѣла по горло и которые не любятъ безпокоиться о другихъ. Но нашлись и другія лица, которыхъ уже прямо нужно было причислить къ разряду безпокойныхъ. Нашлось и цѣлое общество, которое не безъ основанія упрекали въ томъ, что оно много говоритъ, а мало дѣлаетъ. Общество это заинтересовалось порховскими мужиками и, въ одномъ изъ своихъ отдѣленій, рѣшило отправить одного изъ своихъ членовъ на мѣсто продажи земельныхъ надѣловъ, для изслѣдованія дѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, отдѣленіе обсуждало вопросъ; выбрало, какъ водится, спеціальную комисію для выработки программы и инструкцій въ руководство командируемому члену и ассигновало на его поѣздку достаточную сумму. Совѣтъ вольнаго экономическаго общества обратился за содѣйствіемъ къ псковскому губернатору и въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ послалъ предписаніе уѣзднымъ учрежденіямъ. Все это

заняло, конечно, немало времени, — дѣла у насъ, какъ извѣстно; скоро не дѣлаются,—но и на мѣстѣ не торопились продажею земель, и командированный членъ успѣлъ сдѣлать много добраго, отправившись лѣтомъ, вмѣсто «Аркадіи» и «Ливадіи», въ трущобы порховскихъ волостей. Онъ успѣлъ даже составить объемистую книгу въ 430 страницъ, гдѣ собрано множество любопытныхъ фактовъ, цифръ и данныхъ, относящихся къ главному предмету изслѣдованія—положенію крестьянской земельной собственности въ уѣздѣ, къ продажѣ надѣловъ, къ причинамъ разоренія и задолженности крестьянъ. Послѣдній вопросъ необходимо было разъяснить и потому, что онъ усложнялся въ уѣздѣ особеннымъ положеніемъ части порховскихъ крестьянъ, которымъ бывшій помѣщикъ ихъ, гвардейскій штабсъ-ротмистръ Николай Николаевичъ Пантелѣевъ, оставилъ, по завѣщанію, капиталъ въ 908,600 рублей на безвозмездный выкупъ ихъ надѣловъ. И бо́льшая часть этихъ-то крестьянъ, облагодѣтельствованная Пантелѣевымъ, дошла, въ 15 лѣтъ со дня его смерти, до того, что надѣлы ихъ продавались съ аукціона! Развѣ не любопытно было изслѣдовать причины такого печальнаго явленія? И г. Сазоновъ изслѣдовалъ его такъ подробно и основательно, что остается только удивляться его умѣнью разобраться въ тысячѣ разнородныхъ фактовъ и данныхъ, его терпѣнію и настойчивости въ сношеніяхъ со всѣми этими сельскими начальствами, старшинами, кулаками, безграмотными мужиками, не умѣвшими даже толково разъяснить свое положеніе. Въ книгѣ своей онъ изслѣдуетъ сначала основные факторы экономическаго положенія крестьянъ, ихъ населеніе, землю, скотъ, промыслы, аренду, платежи, недоимки, жизненныя потребности и задолженность и, переходя къ продажѣ надѣльныхъ земель, заканчиваетъ причинами экономическаго упадка и послѣдствіями мобилизаціи земель. Главная причина обезземеленія крестьянъ—ростовщичество, мотовство и пьянство. Г. Сазоновъ — ревностный приверженецъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель и совершенно основательно находитъ, что продажа и залогъ ихъ посредствомъ частныхъ сдѣлокъ — незаконны. Что же касается до отчужденія ихъ посредствомъ купчихъ крѣпостей, то хотя положеніе 19 февраля представляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ непримиримыя противорѣчія и даетъ въ 165-ой статьѣ тѣмъ крестьянамъ, которые захотѣли бы ввести улучшенное хозяйство, полную возможность къ тому посредствомъ выдѣла своего участка изъ общины, но не говоритъ ни слова о полной собственности на выдѣленный участокъ того, кто пріобрѣлъ его, и тѣмъ болѣе о правѣ продажи. А между тѣмъ, эта статья сдѣлалась рычагомъ, посредствомъ котораго капиталъ разрушаетъ крестьянское землевладѣніе, не смотря на то, что сенатъ не разъ кассировалъ такія продажи, а г. Сазоновъ говоритъ прямо, что отчужденіе мірскихъ чрезполосныхъ земель во всей Россіи совершается такимъ способомъ, который даетъ полное

во считать ихъ незаконными. Поэтому авторъ разбираемой нами книги
вляется легкомыслію, съ какимъ нотаріусы утверждаютъ купчія крѣ-
ти на подобныя сдѣлки, не смотря на сенатскія разъясненія. «Подоб-
беззаконное отношеніе къ своимъ обязанностямъ,—говоритъ г. Сазо-
ъ,—вноситъ смуту и разореніе въ народную жизнь, разрушаетъ са-
з коренные ея устои». Онъ указываетъ также и на незаконныя дѣй-
ія нѣкоторыхъ исправниковъ, на вредную ассигновку по министерству
ансовъ вознагражденія исправникамъ, представляющимъ полностью ка-
ные платежи къ 1-му января, на незаконную аукціонную продажу
го крестьянскаго имущества, избъ и усадебныхъ мѣстъ, на непрости-
ьное отношеніе нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ къ интересамъ на-
а. Въ заключеніе, г. Сазоновъ приводитъ мнѣнія въ защиту общины
Побѣдоносцева, Васильчикова, Кавелина. Послѣдній говоритъ: «Обще-
о и государство не могутъ сложить съ себя заботъ о томъ, кто по-
у либо самъ не въ состояніи устроиться. Имъ государство и общество
жно прійти на помощь, и нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы пренебре-
іе этой заботой и этой обязанностью прошло даромъ». Летурно г о
итъ, что всѣ нынѣ исчезнувшія великія государства пали, благодаря
порочной экономической организаціи. «Великая, горестная ошибка,—
оритъ г. Сазоновъ, — была со стороны законодателя, неопредѣлен-
тью создавшаго лазейку для разрыва связи народа съ землей, а
связь древнѣе самого государства, вошла въ плоть и кровь народа.
результатѣ получились: обезземеленіе и разрушеніе обществъ, приве-
іе къ экономическому разстройству и нравственному паденію... Про-
о время, когда мы могли гордиться передъ Европой отсутствіемъ у насъ
летаріата». Поэтому авторъ предлагаетъ не медлить признаніемъ на-
ьныхъ земель неотчуждаемою, неприкосновенною собственностью об-
ствъ, принять мѣры противъ ростовщиковъ, неправильныхъ дѣйствій
дной полиціи, судебныхъ приставовъ, нотаріусовъ, образовать инсти-
ъ волостныхъ писарей и уменьшить число праздниковъ. Нельзя не
увствовать г. Сазонову въ его неутомимой дѣятельности для улучшенія
оженія нашего крестьянства.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Еще нѣсколько словъ по поводу нашихъ финансовъ.—„Штиль“ на биржѣ и внѣ биржи.—Чѣмъ объясняется это явленіе?—Сущность нашихъ конверсіонныхъ операцій.—Толки о невыгодности этихъ операцій.—Доказательства противнаго.—Что говорятъ цифры?—Слухи о новомъ законѣ по установленію „предѣльнаго возраста“ для чиновъ судебнаго вѣдомства.—Былое и настоящее.—Необходимость обезпечить существованіе престарѣлыхъ судей. — Способы къ достиженію подобнаго обезпеченія. — Основныя черты новаго „Положенія“ о земскихъ учрежденіяхъ. — Характеръ и тенденція предстоящей земской реформы. — Нѣсколько замѣчаній по поводу этой тенденціи.

Да простятъ намъ велидушно любезные читатели, что мы и на этотъ разъ начинаемъ нашу бесѣду съ финансовой «матеріи». Но что прикажете дѣлать, когда эта матерія у насъ почти не сходитъ со сцены, представляя собою своего рода квадратуру круга, замысловатый фокусъ, вокругъ да около котораго мы, точно бѣлка въ колесѣ, вертимся безостановочно и никакъ не можетъ уяснить себѣ, точно ли мы за послѣднее трехлѣтіе сдѣлали успѣхи въ области финансовъ, или эти успѣхи основаны на какихъ-то загадочныхъ комбинаціяхъ, которыя одни считаютъ «настоящими», а другіе только «фиктивными».

Въ самомъ дѣлѣ, не странное ли явленіе замѣчается на небосклонѣ нашей финансовой жизни. Курсъ кредитнаго рубля постоянно повышается; настроеніе заграничныхъ биржъ на наши фонды,— выражаясь технически, — всегда *твердое*, а нерѣдко даже *очень твердое*; государственный кредитъ нашъ, по всѣмъ «видимостямъ», какъ будто упрочился; деньги, судя по учетному проценту, крайне дешевы. А между тѣмъ, наша биржа остается рѣшительно *безъ дѣлъ* и не только въ настоящее каникулярное время, но уже въ теченіе почти цѣлаго года. Биржевики утверждаютъ, что на биржѣ такой «штиль», какого и старожилы не запомнятъ; публика несетъ на продажу рѣшительно все и ничего не желаетъ купить, какъ будто она хочетъ отдѣлаться совсѣмъ отъ имѣющихся въ ея рукахъ цѣнностей. Многіе говорятъ, что это явленіе вызвано новымъ дворянскимъ займомъ. Спекулянты и публика понесли-де огромные убытки на первыхъ двухъ выигрышныхъ займахъ, заставляющіе безпрестанно «реализировать», т. е. продавать, и другія процентныя бумаги, вслѣдствіе чего всѣ рѣшительно цѣнности находятся постоянно въ «предложеніи», при полномъ отсутствіи «спроса» на нихъ. Въ этомъ объясненіи есть, безъ сомнѣнія, *доля* правды. Но только доля правды, а не «вся» правда. Ибо, какъ извѣстно, дворянскій заемъ появился на свѣтъ божій лишь полгода тому назадъ, а наша биржа,—какъ мы уже замѣтили выше,— объята летаргическимъ сномъ вотъ уже цѣлый годъ. Другая и болѣе

существенная причина вышеупомянутаго явленія лежитъ, очевидно, гораздо глубже: во *всей* механикѣ, которая на нашихъ глазахъ практиковалась въ области нашихъ финансовъ за послѣднее трехлѣтіе. «Все для казны и ничего для плательщиковъ!» — вотъ та незамысловатая формула, которую надписала на своемъ знамени нынѣшняя финансовая администрація, совершенно упуская притомъ изъ виду, что «казна» есть лишь собирательное имя для общей кассы всѣхъ плательщиковъ страны, а потому благоденствіе одной наряду со стѣснительнымъ положеніемъ другихъ едва ли можетъ быть названо прочнымъ и тѣмъ менѣе долговѣчнымъ. Помѣщикъ, заставляющій своихъ крестьянъ въ тяжелые годы отдать ему послѣднія крохи въ уплату слѣдуемаго съ нихъ оброка, едва ли поступаетъ благоразумно, потому что подобнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ онъ разоряетъ ихъ въ конецъ и, такимъ образомъ, губитъ ихъ платежную способность и на будущее время. Но въ данномъ примѣрѣ ущербъ помѣщика еще не такъ рельефенъ, потому что отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, платящими оброкъ, носятъ на себѣ временной характеръ. На мѣсто разорившихся въ конецъ крестьянъ могутъ явиться другіе, ушедшіе отъ кризиса, благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ казна по отношенію къ своимъ плательщикамъ. Послѣдніе являются передъ казною *не временно*,—а *вѣчно*-обязанными, слѣдовательно, ихъ интересы *нераздѣльно* связаны съ выгодой самой казны. Впрочемъ, въ области, о которой идетъ рѣчь, замѣчается теперь такая путаница, что въ ней весьма трудно разобраться. Наилучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить толки и сужденія по поводу нашихъ конверсій.

На дняхъ, какъ извѣстно, завершилось предпринятое съ конца 1888 года, рядомъ конверсій, преобразованіе нашего внѣшняго 5-ти-проц. долга въ 4-хъ-процентный. По этому поводу, «Новое Время» весьма кстати задалось мыслью подвести итоги этимъ конверсіоннымъ операціямъ. Сопоставляя между собою общій итогъ суммъ, вырученныхъ отъ реализаціи 4-хъ-проц. займовъ, съ номинальнымъ капиталомъ 5-ти-проц. фондовъ, подлежавшихъ выкупу, названная газета приходитъ къ заключенію, что отъ реализаціи 4-хъ-проц. займовъ казна выручила 680.856,848 рублей золот., а на выкупъ 5-ти-проц. фондовъ потребовалось 681.332,570 рублей золот. [1]), такъ что приплата изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства составляетъ 475,722 руб. золот.

Переходя засимъ къ выясненію вопроса о бюджетномъ сбере-

---

[1]) Эти итоги получаются на основаніи слѣдующей таблицы:

Подлежали выкупу:

5-ти-проц. внѣшній заемъ 1877 года на сумму . . .	81.424,102	руб.	зол.
Англо-голландскіе займы „ „ . . .	43.042,876	„	„
Шестой 5-ти-проц. заемъ „ „ . . .	35.601,230	„	„
Седьмой „ „ „ „ . . .	94.575,000	„	„
5-ти-проц. консолидированныя облигаціи на сумму. .	426.689,362	„	„
Итого. .	681.332,570	руб.	зол.

женіи, достигнутомъ конверсіею 5-ти-процентныхъ нашихъ займовъ, та же газета приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: вообще говоря, сокращеніе расходовъ по смѣтѣ вкредита достигаетъ 7 1/2 милл. руб. зол. [1]), но такъ какъ, безъ конерсіи, 5-ти-процентные займы (за исключеніемъ седьмаго 5-ти-процент. займа) были бы погашены въ сроки, ближайшимъ изъ которыхъ является погашеніе англо-голландскаго займа 1864 г., а отдаленнѣйшимъ—погашеніе седьмаго выпуска 5-ти-процент. консолидированныхъ облигацій, то указанный выше размѣръ ежегоднаго бюджетнаго сбереженія отъ конверсіи 5-проц. фондовъ имѣетъ мѣсто лишь до 1902 г.; съ 1902 г., сумма сбереженія постепенно уменьшается, составляя въ 1914 г. всего 1 мил. руб. мет.; съ 1915 г., вслѣдствіе долженствовавшаго быть погашенія англо-голландскихъ займовъ и 5-проц. внѣшняго займа 1877 г., *сбереженіе переходитъ въ убытокъ*, размѣръ котораго съ 2,6 мил. руб. зол. съ 1915 по 1922 г. ежегодно, увеличивается до 27,5 мил. руб. зол. ежегодно съ 1966 по 1969 г.; въ 1970 г., за погашеніемъ части новыхъ займовъ, убытокъ уменьшается до 22,9 мил. руб. зол. Итакъ, достигнутое произведенными конверсіями 5-проц. займовъ въ 4-процентные сокращеніе расходовъ по смѣтѣ кредита съ 1915 г., т. е. черезъ 25 лѣтъ, переходитъ въ убытокъ, возрастающій съ 2,6 мил. руб. зол. въ 1915 году до 27,5 мил. рублей. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, нѣко-

---

Выручено отъ реализаціи:

4-хъ-проц. золотаго займа	1-го выпуска.	103.587,500	руб.	зол.
„ „ „	2-го „	81.000,000	„	„
„ „ „	3-го „	68.283,000	„	„
„ консолид. обл.	1-й серіи	152.031,250	„	„
„ „ „	2-й „	275.955,098	„	„
	Итого. .	680.856,848	руб.	зол.

[1]) Эта цифра получается изъ слѣдующей таблицы:

На проценты и погашеніе:

5-ти-проц. внѣшняго займа 1877 г. полагалось . . .		5.683,140	руб.	зол.
Англо-голландскаго „ 1864 „ . . .		2.241,023	„	„
„ „ 1866 „ . . .		2.271,425	„	„
Шестаго 5-ти-проц. „ „ . . .		2.483,297	„	„
Седьмаго „ „ . .		4.800,000	„	„
5-ти-проц. консолид. облиг. 1-го вып. „ . . .		3.915,296	„	„
„ „ „ 2 „ „ . . .		3.890,810	„	„
„ „ „ 3 „ „ . . .		4.863,620	„	„
„ „ „ 4 „ „ . . .		4.858,881	„	„
„ „ „ 7 „ „ . . .		4.860,868	„	„
	Итого. .	39.868,360	руб.	зол.

Требуется на уплату процентовъ и погашенія:

4-хъ-проц. золот. займа	1-го выпуска.	5.210,700	руб.	зол.
„ „ „	2-го „	3.751,706	„	„
„ „ „	3-го „	3.126,421	„	„
„ консолид. облиг.	1-й серіи	7.294,983	„	„
„ „ „	2-й „	12.943,302	„	„
	Итого. .	32.327,112	руб.	зол.

торые выводили заключеніе о невыгодности нашихъ конверсій, такъ какъ—по ихъ разсчету—сумма, получаемая отъ капитализаціи убытковъ въ послѣднія 56 лѣтъ, превышаетъ сумму, получаемую отъ капитализаціи сбереженій въ первыя 25 лѣтъ. Но оказывается, что подобный разсчетъ неправиленъ. Путемъ различныхъ выкладокъ, несовсѣмъ, впрочемъ, доступныхъ пониманію обыкновенныхъ смертныхъ, незнакомыхъ съ высшей финансовой механикой, вышеназванная газета выводитъ, что, благодаря завершоннымъ конверсіямъ нашего внѣшняго 5-проц. долга въ 4-процентный, получается ежегодное сбереженіе по смѣтѣ кредита въ 2.583,650 руб.

Не будучи спеціалистами по части замысловатыхъ цифирныхъ выкладокъ, мы готовы принять на вѣру приведенный разсчетъ названной газеты. Тѣмъ не менѣе, мы позволяемъ себѣ спросить: неужели изъ-за такого, сравнительно весьма небольшаго сбереженія стоило довести нашъ фондовый рынокъ до нынѣшняго его состоянія, равносильнаго летаргическому сну? Да притомъ же названная газета совершенно упускаетъ изъ виду, что по всѣмъ нынѣ конвертированнымъ займамъ мы должны будемъ расплачиваться золотомъ, а вѣдь это обстоятельство можетъ со временемъ имѣть огромное значеніе, потому что никто не можетъ поручиться, что курсъ нашего бумажнаго рубля, не размѣниваемаго на звонкую монету, не потерпитъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, реакціи въ смыслѣ пониженія его стоимости на международномъ денежномъ рынкѣ. Правда, что мы уже не находимся болѣе въ рабской зависимости отъ берлинской биржи, но зато теперь состоимъ въ тѣсной «связи» съ французскимъ денежнымъ рынкомъ, а гдѣ у насъ гарантіи въ томъ, что наша платоническая дружба съ французами долговѣчна?! Нужды нѣтъ, что наши интересы весьма нерѣдко однородны съ интересами французовъ, но французы—народъ увлекающійся, а потому легко можетъ статься, что въ одинъ прекрасный день мы окажемся далеко не солидарными съ ними. Впрочемъ, «политика» не наша область, а потому мы, ограничиваясь сдѣланными замѣчаніями, обращаемся къ одному изъ тѣхъ внутреннихъ нашихъ дѣлъ, которыя уже рѣшительно ничего общаго съ политикой не имѣютъ, хотя и находятся въ нѣкоторомъ отдаленномъ отношеніи именно къ порядкамъ, существующимъ во Франціи. Мы подразумѣваемъ здѣсь обсуждавшійся на дняхъ въ государственномъ совѣтѣ проэктъ объ установленіи у насъ, — подобно тому, какъ это существуетъ во Франціи,—«предѣльнаго возраста» для лицъ судебнаго вѣдомства. Надобно замѣтить, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, возникалъ у насъ давно. Еще въ проэктѣ учрежденія судебныхъ установленій существовало предположеніе установить предѣльный возрастъ для судей всѣхъ инстанцій, а именно: предполагалось постановить, что лица, достигшія 75-ти лѣтъ, обязаны оставлять службу по судебному вѣдомству, а тѣ изъ нихъ, которыя не исполнятъ этого въ установленный срокъ, увольняются отъ службы, на основаніи состоявшихся о томъ опредѣленій общихъ собраній судебныхъ мѣстъ. Но упомянутое правило впослѣдствіи было отвергнуто, въ виду того, что такъ какъ правительство заботилось о замѣщеніи высшихъ должностей лицами, доказавшими свое право

на занятіе этихъ должностей долговременною службой и многолѣтнею опытностью, то уклоняться отъ этого образа дѣйствій на будущее время не представляется достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что установленіе правила о предѣльномъ возрастѣ имѣетъ видъ какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстнаго возраста на службѣ [1]). Казалось бы, что карать лицъ судейскаго званія за достиженіе ими преклоннаго возраста на службѣ по судебному вѣдомству —незачѣмъ. Но во Франціи существуетъ законъ о предѣльномъ возрастѣ, по достиженіи котораго судьи обязаны сложить съ себя судейскую тогу. И вотъ, года три тому назадъ,—вѣроятно, подъ вліяніемъ воспламенившейся дружбы нашей къ французамъ,—вопросъ о введеніи и у насъ подобнаго закона вновь выступилъ на̀ сцену. При этомъ, совершенно упустили изъ виду, что законъ о предѣльномъ возрастѣ для лицъ судейскаго званія во Франціи былъ изданъ въ то время, когда французское правительство, въ видахъ чисто *политическаго* свойства, позаботилось о томъ, чтобы отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ отъ нѣкоторыхъ членовъ независимой, самостоятельной и несмѣняемой судебной коллегіи. Между тѣмъ у насъ, конечно, рѣчи не можетъ быть о подобныхъ заботахъ со стороны правительства, такъ какъ оно и безъ закона о предѣльномъ возрастѣ имѣетъ достаточно средствъ къ удаленію отъ дѣлъ того или другаго лица судебнаго вѣдомства. Ибо, какъ извѣстно, несмѣняемость, которою пользуются наши коронные судьи, имѣетъ собственно тотъ смыслъ, что послѣдніе могутъ быть увольняемы не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, которое министръ юстиціи, въ случаѣ надобности, можетъ испрашивать во всякое время.

Въ дѣйствительности, составители судебныхъ уставовъ 20 ноября, проэктируя первоначально установить предѣльный возрастъ для судей всѣхъ инстанцій,—не исключая и сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ,—отнюдь не желали, путемъ этого закона, дать правительству возможность отдѣлаться отъ ветерановъ судебныхъ коллегій, а смотрѣли на этотъ законъ, какъ на способъ снять съ престарѣлыхъ судей, отдавшихъ государству свои лучшіе годы, силы и здоровье, нравственную отвѣтственность, такъ часто волнующую каждаго добросовѣстнаго судью въ моментъ произнесенія приговора, нерѣдко весьма суроваго, надъ лицами, попадающими на скамью подсудимыхъ. При этомъ, однако, имѣлось въ виду обезпечить выходящимъ въ отставку судьямъ безбѣдное существованіе. Совсѣмъ другую окраску имѣетъ современный проэктъ объ установленіи предѣльнаго возраста для лицъ судебнаго вѣдомства.

Начать съ того, что онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, а не сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Но отчего же, спрашивается, престарѣлый возрастъ можетъ и долженъ мѣшать членамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ отправлять свои судейскія обязанно-

---

[1]) См. выписку изъ „объясн. зап.“ подъ ст. 226 *Учр. суд. уст.*, издан. госуд. канцел.

сти въ большей степени, чѣмъ сенаторамъ кассаціонныхъ департаментовъ? Вѣдь, казалось бы, наоборотъ: чѣмъ выше судебныя инстанціи, тѣмъ болѣе члены ея должны отличаться способностью распознанія истины, а разъ престарѣлый возрастъ признается обстоятельствомъ, препятствующимъ раціональному отправленію судейскихъ обязанностей, то, очевидно, что дѣйствію этого физіологическаго закона должны подлежать прежде всего сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ. Во всякомъ случаѣ, проектируемый нынѣ предѣльный возрастъ въ 60—65 лѣтъ угрожаетъ многимъ заслуженнымъ судебнымъ дѣятелямъ, не дослужившимъ до 35-тилѣтняго срока пенсіи, быть удаленными со службы до выслуги ея, т. е. съ нищенскимъ содержаніемъ. За что же, спрашивается, наказывать этихъ почтенныхъ государственныхъ слугъ?! Но, если даже допустить, что новый законъ о предѣльномъ возрастѣ не коснется нынѣ уже состоящихъ на службѣ,—такъ какъ по общему правилу никакой новый законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія,—то и тогда, horribile dictu, положеніе ихъ, со введеніемъ закона о предѣльномъ возрастѣ, будетъ крайне незавидно. Для того чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, стоитъ только взглянуть хотя бѣгло на пенсіонные оклады чиновъ судебнаго вѣдомства, которые изобразимъ для краткости въ видѣ таблицы.

Оклады пенсій, назначаемыхъ въ отставкѣ.

Лѣта службы.	1 разряда.		2 разряда.		3 разряда. 1 ст.		3 разряда. 2 ст.		4 разряда.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Полный окладъ . . .	1143	60	857	70	571	80	428	85	343	5
Двѣ трети оклада . .	762	40	571	80	381	20	285	90	228	75
Половинный окладъ .	571	80	428	85	285	90	214	50	171	60
Треть оклада	384	20	285	90	190	60	142	95	114	30

Лѣта службы.	5 разряда.		6 разряда.		7 разряда.		8 разряда.		9 разряда.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Полный окладъ . . .	285	90	214	50	171	60	128	61	85	80
Двѣ трети оклада . .	190	60	142	95	114	90	85	80	57	15
Половинный окладъ .	142	95	107	25	85	80	64	30	42	90
Треть оклада	95	30	71	50	57	15	42	90	28	60

Сообразно съ предстоящей таблицею, чины судебнаго вѣдомства получаютъ оклады пенсіи въ слѣдующей градаціи:

По I-му разряду — Сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ.

По II-му разряду — Оберъ-прокуроры кассаціонныхъ департаментовъ, прокуроры судебныхъ палатъ, предсѣдатели судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ.

По III-му разряду 1-й степени. — Товарищи предсѣдателя окружнаго суда, члены судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, мировые судьи, товарищи оберъ-прокуроровъ кассаціонныхъ департаментовъ, товарищи прокурора судебныхъ палатъ и прокуроры окружныхъ судовъ.

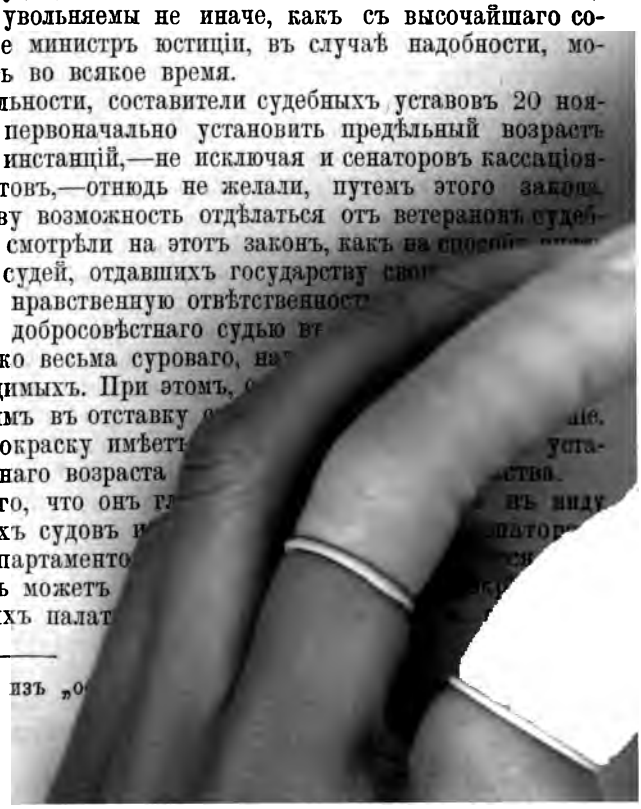
По III-му разряду 2-й степени. — Товарищи прокурора окружныхъ судовъ, судебные слѣдователи и оберъ-секретари кассаціонныхъ департаментовъ.

По V-му разряду — Помощники оберъ-секретаря кассац. департ. и секретари судебныхъ палатъ.

на занятіе этихъ должностей долговременною службой и многолѣтнею опытностью, то уклоняться отъ этого образа дѣйствій на будущее время не представляется достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что установленіе правила о предѣльномъ возрастѣ имѣетъ видъ какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстнаго возраста на службѣ [1]). Казалось бы, что карать лицъ судейскаго званія за достиженіе ими преклоннаго возраста на службѣ по судебному вѣдомству —незачѣмъ. Но во Франціи существуетъ законъ о предѣльномъ возрастѣ, по достиженіи котораго судьи обязаны сложить съ себя судейскую тогу. И вотъ, года три тому назадъ,—вѣроятно, подъ вліяніемъ воспламенившейся дружбы нашей къ французамъ,—вопросъ о введеніи и у насъ подобнаго закона вновь выступилъ на́ сцену. При этомъ, совершенно упустили изъ виду, что законъ о предѣльномъ возрастѣ для лицъ судейскаго званія во Франціи былъ изданъ въ то время, когда французское правительство, въ видахъ чисто *политическаго* свойства, позаботилось о томъ, чтобы отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ отъ нѣкоторыхъ членовъ независимой, самостоятельной и несмѣняемой судебной коллегіи. Между тѣмъ у насъ, конечно, рѣчи не можетъ быть о подобныхъ заботахъ со стороны правительства, такъ какъ оно и безъ закона о предѣльномъ возрастѣ имѣетъ достаточно средствъ къ удаленію отъ дѣлъ того или другаго лица судебнаго вѣдомства. Ибо, какъ извѣстно, несмѣняемость, которою пользуются наши коронные судьи, имѣетъ собственно тотъ смыслъ, что послѣдніе могутъ быть увольняемы не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, которое министръ юстиціи, въ случаѣ надобности, можетъ испрашивать во всякое время.

Въ дѣйствительности, составители судебныхъ уставовъ 20 ноября, проэктируя первоначально установить предѣльный возрастъ для судей всѣхъ инстанцій,—не исключая и сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ,—отнюдь не желали, путемъ этого закона, дать правительству возможность отдѣлаться отъ ветерановъ судебныхъ коллегій, а смотрѣли на этотъ законъ, какъ на способ[illegible] съ престарѣлыхъ судей, отдавшихъ государству сво[illegible] силы и здоровье, нравственную отвѣтственност[illegible] нующую каждаго добросовѣстнаго судью в[illegible] приговора, нерѣдко весьма суроваго, на[illegible] на скамью подсудимыхъ. При этомъ, [illegible] печить выходящимъ въ отставку [illegible]ніе. Совсѣмъ другую окраску имѣетъ [illegible] установленіи предѣльнаго возраста [illegible]ства.

Начать съ того, что онъ г[illegible] въ виду членовъ окружныхъ судовъ и [illegible]ператор[illegible] кассаціонныхъ департаменто[illegible] старѣлый возрастъ можетъ [illegible] судовъ и судебныхъ палат[illegible]



[1]) См. выписку изъ „о[illegible] *госуд.* канцел.

сти въ большей степени, чѣмъ сенаторамъ кассаціонныхъ департаментовъ? Вѣдь, казалось бы, наоборотъ: чѣмъ выше судебная инстанція, тѣмъ болѣе члены ея должны отличаться способностью распознанія истины, а разъ престарѣлый возрастъ признается обстоятельствомъ, препятствующимъ раціональному отправленію судейскихъ обязанностей, то, очевидно, что дѣйствію этого физіологическаго закона должны подлежать прежде всего сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ. Во всякомъ случаѣ, проэктируемый нынѣ предѣльный возрастъ въ 60—65 лѣтъ угрожаетъ многимъ заслуженнымъ судебнымъ дѣятелямъ, не дослужившимъ до 35-тилѣтняго срока пенсіи, быть удаленными со службы до выслуги ея, т. е. съ нищенскимъ содержаніемъ. За что́ же, спрашивается, наказывать этихъ почтенныхъ государственныхъ слугъ?! Но, если даже допустить, что новый законъ о предѣльномъ возрастѣ не коснется нынѣ уже состоящихъ на службѣ,—такъ какъ по общему правилу никакой новый законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія,—то и тогда, horribile dictu, положеніе ихъ, со введеніемъ закона о предѣльномъ возрастѣ, будетъ крайне незавидно. Для того чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, стоитъ только взглянуть хотя бѣгло на пенсіонные оклады чиновъ судебнаго вѣдомства, которые изобразимъ для краткости въ видѣ таблицы.

Оклады пенсій, назначаемыхъ въ отставкѣ.

Лѣта службы.	1 разряда. р.	к.	2 разряда. р.	к.	3 разряда. 1 ст. р.	к.	2 ст. р.	к.	4 разряда. р.	к.
Полный окладъ . . .	1143	60	857	70	571	80	428	85	343	5
Двѣ трети оклада . .	762	40	571	80	381	20	285	90	228	75
Половинный окладъ .	571	80	428	85	285	90	214	50	171	60
Треть оклада	384	20	285	90	190	60	142	95	114	30

Лѣта службы.	5 разряда. р.	к.	6 разряда. р.	к.	7 разряда. р.	к.	8 разряда. р.	к.	9 разряда. р.	к.
Полный ок[illegible]	285	90	214	50	171	60	128	61	[illegible]	[illegible]
[illegible] трет[illegible]	190	60	[illegible]	95	114	30	85	80	[illegible]	[illegible]
[illegible]	142	95	[illegible]	25	85	80	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	95	[illegible]	[illegible]	[illegible]	57	15	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible] предсто[illegible] [illegible]лицею, чины су[illegible]
[illegible] оклады [illegible] слѣдующей град[illegible]
[illegible] ряду — [illegible] [illegible]ссаціонныхъ департа[illegible]
[illegible] ряду — [illegible] [illegible]роры кассаціонныхъ [illegible]
[illegible] судебныхъ палатъ, [illegible]
[illegible] [illegible]латъ и окружныхъ су[illegible]
[illegible] разряду — [illegible] предсѣдателя окруж[illegible]
[illegible] палатъ и окружныхъ [illegible]
[illegible] [illegible]варищи оберъ-прокурор[illegible]
[illegible] [illegible]ментовъ, товарищи пр[illegible] *пятой*
[illegible] и прокуроры окружны[illegible]
[illegible] [illegible]ищи прокурора окруж[illegible] [illegible]янскаго
[illegible] слѣдователи и оберъ-с[illegible] [illegible]комъ въ
[illegible] [illegible] департаментовъ. [illegible] ценза.
[illegible] [illegible]мощники оберъ-секретар[illegible]
[illegible] [illegible]кретари судебныхъ палат[illegible]

По VI-му разряду — Секретари окружныхъ судовъ, помощники секретаря судебныхъ палатъ, секретари при оберъ-прокурорахъ, прокурорахъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, секретари при миров. съѣздахъ и судебн. пристава при окружныхъ судахъ.

По VII-му рязряду — Помощники секретаря окружныхъ судовъ и судебные пристава при кассаціонныхъ департаментахъ и мировыхъ съѣздахъ.

По VIII-му разряду —Помощники секретаря при мировыхъ съѣздахъ.

Такимъ образомъ, даже такія видныя должности, какъ напр., товарища предсѣдателя окружнаго суда или члена судебной палаты, даютъ за 35-лѣтнюю службу нищенскую пенсію *всего въ 571 руб. 80 к. въ годъ*, или 47 руб. 65 коп. въ мѣсяцъ! Согласитесь сами, что на такомъ содержаніи существовать заслуженному государственному дѣятелю, въ большинствѣ случаевъ обремененному семьей, болѣе чѣмъ тяжело... Правда, что чины судебнаго вѣдомства получаютъ еще эмеритуру. Но, во-первыхъ, и оклады эмеритуры крайне ничтожныя (напр., полный окладъ эмеритуры для товарища пресѣдателя окружнаго суда въ настоящее время составляетъ всего лишь около 1000 руб.); а, во-вторыхъ, для пріобрѣтенія права на эмиритуру обязательно прослужить въ *штатныхъ* должностяхъ не менѣе 25-ти лѣтъ, между тѣмъ какъ весьма многіе чины судебнаго вѣдомства могутъ достигнуть нынѣ проэктируемаго предѣльнаго возраста (60 лѣтъ), не прослуживъ въ *штатныхъ* должностяхъ 25 лѣтъ.

Какъ бы то ни было, носятся слухи, что проэктъ министерства юстиціи объ установленіи предѣльнаго возраста не прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, чему, конечно, нельзя не порадоваться. Но, съ другой стороны, нельзя упустить изъ виду, что то обстоятельство, которое легло въ основу упомянутаго проэкта, само по себѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что заслуженные, престарѣлые судебные дѣятели вынуждены оставаться на службѣ до могилы и выбиваться изъ послѣднихъ силъ, чтобы заработывать скудныя средства къ существованію,—самъ по себѣ въ высшей степени печаленъ. «Такіе честные слуги государства, такіе самоотверженные труженики, дающіе нерѣдко, въ ущербъ своему здоровью, уроки трудолюбія болѣе молодымъ сверстникамъ,—какъ справедливо замѣчаетъ одна московская газета,—заслуживали бы иного отношенія, чѣмъ уготовляемая имъ печальная перспектива быть лишенными даже возможности заработывать себѣ, хотя бы насчетъ послѣдняго запаса своихъ силъ, средства для сноснаго содержанія себя и своего семейства».

Для безобиднаго разрѣшенія вопроса объ обезпеченіи участи престарѣлыхъ судей, та же газета указываетъ на весьма простой и дѣйствительно цѣлесообразный способъ. Способъ этотъ—пересмотръ устава эмеритальной кассы. Какъ видно изъ послѣдняго отчета за 1888 г., дѣла ея находятся въ такомъ *цвѣтущемъ* состояніи, на которое не могли разсчитывать самые увлекающіеся оптимисты. По теоретическимъ выкладкамъ ожидалось, что капиталъ кассы достигнетъ къ 1-му января 1889 г. 7.832,000 р., а на дѣлѣ капиталъ возросъ до 8.858,000 р., и такимъ образомъ за 3½ года

дѣйствій кассы замѣчается избытокъ въ 1.026,000 р. Имѣя въ виду, что ежегодно поступаетъ съ обязательныхъ участниковъ кассы болѣе пятисотъ тыс. р. (собственно 514,008 р. 36 к.), на 1-е января 1890 г. капиталъ кассы долженъ былъ вырости до 9.300,000 р. (на самомъ дѣлѣ онъ еще больше). Считая 5% годоваго дохода, касса ежегодно имѣетъ возможность уплачивать одними процентами отъ 450 до 500 тыс. руб., не касаясь ежегодныхъ взносовъ ея участниковъ. Между тѣмъ, если обратиться къ тѣмъ суммамъ, которыя выдаетъ эмеритальная касса въ видѣ пенсіи, то окажется, что она не достигаетъ и 10 проц. годоваго дохода (въ 1888 г. было выдано 72,373 р., а получено дохода 977,196 рублей). Такимъ образомъ, касса ежегодно *откладываетъ* въ капиталъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей (въ 1888 г. было отложено 888,774 р. 64 к.). Хотя въ будущемъ выдачи кассы должны значительно увеличиться, но во всякомъ случаѣ возможно сократить непомѣрно длинные сроки для выслуги пенсіи и увеличить мизерные размѣры ея. Тогда самъ собою разрѣшился бы и вопросъ о предѣльномъ возрастѣ. Разъ заслуженные судьи получатъ возможность безбѣдно существовать на пенсіи, то, конечно, они сами оставятъ столь тяжелую и отвѣтственную судебную службу и безъ принудительнаго воздѣйствія закона о предѣльномъ возрастѣ.

Рекомендуя указанныя соображенія вниманію нашего вѣдомства юстиціи, мы обратимся теперь къ другому проэкту, нынѣ находящемуся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Мы говоримъ о проэктѣ преобразованія земскихъ учрежденій. Въ печати появились подробныя свѣдѣнія о содержаніи названнаго проэкта. Въ виду огромной важности предстоящей реформы для всей Россіи, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей съ существенными частями упомянутаго проэкта.

По этому проэкту, предположено *сохранить, во-первыхъ, всѣ земскія учрежденія*, существовавшія доселѣ, т. е. уѣздныя и губернскія земскія собранія и управы, и, во-вторыхъ, вводится новое учрежденіе, подъ названіемъ «губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія», въ видѣ смѣшанной коллегіи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора окружнаго суда, губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя губернской земской управы. Земскія собранія составляются изъ гласныхъ, избираемыхъ по началу *представительства*, въ опредѣленномъ количествѣ отъ каждой группы избирателей: отъ дворянъ, крестьянъ и отъ другихъ сословій. Но, сверхъ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется *назначать* въ составъ земскихъ собраній тѣхъ изъ числа лицъ, пользующихся особымъ довѣріемъ въ своей мѣстности и имѣющихъ право голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, участіе которыхъ признано будетъ полезнымъ. Число такихъ назначенныхъ гласныхъ не можетъ превышать *одной пятой* общаго числа гласныхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ дворянскаго представительства, могутъ быть назначаемы этимъ порядкомъ въ земскіе гласные и лица, у которыхъ нѣтъ имущественнаго ценза.

Сверхъ того, въ извѣстныхъ случаяхъ и губернатору предоставляется,—впрочемъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ,—назначать земскихъ гласныхъ, а именно: если при выборахъ будетъ нарушенъ установленный порядокъ и составленные выборы, вслѣдствіе того, будутъ отмѣнены присутствіемъ по земскимъ дѣламъ, то губернаторъ можетъ или предписать производство новыхъ выборовъ, или назначить самолично гласныхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, не исключая и тѣхъ, которыя имѣютъ это право въ качествѣ уполномоченныхъ, т. е. владѣющихъ неполнымъ цензомъ. Также поступаетъ губернаторъ для пополненія состава уѣздныхъ гласныхъ, положеннаго по расписанію, если будетъ избрано недостаточное ихъ число, и для замѣщенія тѣхъ гласныхъ, которые будутъ устранены по неправильности избранія или освобождены отъ своихъ обязанностей на законномъ основаніи, если въ списокъ кандидатовъ не внесено достаточное число лицъ для замѣщенія этихъ выбывшихъ.

Засимъ,. и по количеству гласныхъ, и по сословнымъ группамъ земскаго представительства, новыя земскія собранія будутъ значительно отличаться отъ прежнихъ. Въ тѣсномъ смыслѣ принципъ сословности не проводится въ новомъ положеніи со строгою послѣдовательностью. Однако же, для дворянства, преобладающаго и теперь въ составѣ земскихъ собраній, это преобладаніе, такъ сказать, фиксируется закономъ. Основное правило состоитъ въ томъ, что число гласныхъ отъ дворянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ *не должно быть менѣе* половины общаго числа гласныхъ земскаго собранія въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ принадлежащая дворянамъ недвижимая собственность превышаетъ (въ цензовомъ отношеніи) частную собственность другихъ лицъ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ дворянская собственность менѣе частной собственности, принадлежащей другимъ сословіямъ, гласные отъ дворянъ назначаются въ числѣ меньшемъ половины общаго числа гласныхъ, но *не менѣе одной трети* этого числа. Только въ девяти уѣздахъ, за недостаткомъ дворянъ,—гласныхъ отъ дворянскаго сословія назначено менѣе третьей части общаго числа гласныхъ. Что касается численнаго состава уѣздныхъ земскихъ собраній, въ этомъ отношеніи приняты слѣдующія основныя начала:

Отправленіе обязанности земскаго гласнаго разсматривается, какъ государственная *повинность*, обязательная для тѣхъ, кто извѣстнымъ порядкомъ привлекается къ ней. За уклоненіе отъ этой повинности, при неимѣніи къ тому законныхъ причинъ (старость, состояніе на государственной или общественной службѣ и т. п.) можетъ быть положено довольно серьезное денежное взысканіе (до 300 руб.). Выходя изъ этого взгляда на дѣятельность гласнаго, какъ на повинность, проэктъ стремится въ количественномъ отношеніи сократить размѣръ этой повинности, чтобы, по возможности, отправленіе ея не было обременительнымъ для населенія. Такимъ образомъ признано, что повинность эта будетъ посильна для дворянскаго сословія, если число гласныхъ отъ дворянъ не превыситъ четвертой части и, въ крайнемъ случаѣ, одной трети

общаго числа дворянъ (потомственныхъ и личныхъ), имѣющихъ право, по своему имущественному цензу (цензъ остается въ прежнемъ размѣрѣ) на непосредственное участіе въ земскомъ избирательномъ собраніи. При такомъ соотношеніи, средняя норма для уѣздныхъ гласныхъ въ 30 губерніяхъ опредѣляется числомъ 13, которое,—пропорціонально общему числу владѣльцевъ-дворянъ каждой отдѣльной мѣстности, — въ однихъ уѣздахъ повышается (не свыше 18), въ другихъ понижается (до 8). По соотношенію съ этимъ числомъ гласныхъ отъ дворянъ, опредѣляется для каждаго уѣзда и число гласныхъ отъ прочихъ двухъ сословныхъ группъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы число гласныхъ отъ дворянъ не было меньше указанныхъ выше пропорцій относительно общаго числа гласныхъ въ каждомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ, гласные отъ крестьянъ разсчитаны по одному на 4,000 наличныхъ душъ мужскаго населенія, а число гласныхъ отъ другихъ сословій («отъ втораго избирательнаго собранія») опредѣлено, наравнѣ съ дворянами, по разсчету одного гласнаго на 20 полныхъ имущественныхъ цензовъ; но при этомъ принято за правило: а) чтобы назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ отъ дворянъ, допускалось лишь въ случаѣ необходимости довести составъ земскаго собранія до установленной въ законѣ наименьшей нормы; б) чтобы число гласныхъ отъ другихъ сословій не превышало числа гласныхъ отъ дворянъ и отъ крестьянъ порознь, и в) чтобы число гласныхъ въ земскомъ собраніи отъ каждой сословной группы было не менѣе двухъ. При такомъ порядкѣ опредѣленія числа уѣздныхъ гласныхъ, всѣ уѣзды, по нормальному составу своихъ земскихъ собраній, раздѣлены на три категоріи: 1-я категорія — уѣзды съ 15 гласными, 2-я категорія—съ 25 и 3-я категорія—съ 35. Отступленія отъ этихъ правилъ допущены только для губерній Вятской, Олонецкой и Пермской, а также для семи уѣздовъ Вологодской губерніи, въ которыхъ не производится дворянскихъ выборовъ. Губернскіе гласные избираются уѣздными земскими собраніями изъ своей среды — отъ 2 до 4 отъ каждаго уѣзднаго земскаго собранія, смотря по составу послѣдняго. Что касается состава земскихъ собраній, то оказывается, что по размѣру поземельной собственности, которою владѣетъ дворянское сословіе [1]), оно имѣетъ

---

[1]) По собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ даннымъ, поземельная собственность въ Россіи распредѣляется такимъ образомъ:

Земли состояло:	во владѣніи дворянъ:	во владѣніи другихъ сословій:
полнаго ценза	38,4 мил. дес.	13 мил. дес.
неполнаго ценза	2,6 „ „	1,4 „ „
Итого	41,0 мил. дес.	14,4 мил. дес.
Оцѣночная стоимость другихъ недвижимыхъ имуществъ:		
полнаго ценза	33 мил. руб.	132,8 мил. руб.
неполнаго ценза	10,4 „ „	49,1 „ „
Итого	43,4 мил. руб.	181,9 мил. руб.

тропьныхъ палатъ, (поводомъ къ этой мѣрѣ, очевидно, послужило несовсѣмъ акуратное обращеніе нѣкоторыхъ земцевъ съ денежными суммами), а также установить порядокъ принятія на земскую службу врачей, фельдшеровъ, техниковъ и другихъ лицъ, подвѣдомственныхъ земскимъ управамъ, съ опредѣленіемъ служебныхъ преймуществъ и отвѣтственности этихъ лицъ. Предположенія министра внутреннихъ дѣлъ по этимъ предметамъ будутъ внесены дополнительно на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ. А пока, въ видахъ обезпеченія учебныхъ заведеній, содержимыхъ съ пособіемъ отъ земства, въ новое положеніе, по мысли министра народнаго просвѣщенія, внесено слѣдующее правило: «Вошедшія въ законную силу опредѣленія земскихъ собраній о производствѣ, на счетъ земскихъ средствъ, ежегодныхъ пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи правительства,—если въ опредѣленіяхъ этихъ не заключается указаній относительно срочности или условности таковыхъ пособій,—признаются, по принятіи правительствомъ подобныхъ пожертвованій, постоянно обязательными для сдѣлавшихъ оныя земствъ, кромѣ случаевъ, въ коихъ, по измѣнившимся впослѣдствіи обстоятельствамъ, правительство признало бы справедливымъ и возможнымъ освободить подлежащее земство отъ уплаты назначеннаго имъ пособія».

Всѣ вообще постановленія земскихъ собраній сообщаются губернатору и обращаются къ исполненію не прежде, чѣмъ будетъ получено отъ него разрѣшеніе. По болѣе важнымъ предметамъ, постановленія земскихъ собраній губернаторъ представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ съ своими заключеніями. На случай несогласія губернатора съ постановленіями земскихъ собраній, въ проэктѣ новаго положенія устанавливается слѣдующій, довольно сложный порядокъ. Въ случаѣ такого несогласія,—если притомъ это постановленіе земскаго собранія состоялось съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти и порядка дѣйствій земскихъ учрежденій,—разногласіе поступаетъ на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, въ томъ числѣ и въ случаѣ возраженій на уѣздныя смѣты и раскладки, разногласія съ уѣздными собраніями передаются губернаторомъ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія и постановленія послѣдняго считаются окончательными, если согласится съ ними губернаторъ; въ противномъ случаѣ, дѣло переносится въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, которое является послѣднею инстанціей по всѣмъ такимъ дѣламъ, кромѣ случаевъ, когда разногласіе касается вопросовъ объ увеличеніи земскаго обложенія.

Въ случаѣ разногласія губернатора съ постановленіемъ губернскаго земскаго собранія, это разногласіе представляется на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, причемъ требуется заключеніе по дѣлу губернскаго присутствія; а если разногласіе касается вопроса объ увеличеніи земскаго обложенія, то министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшаетъ вопросъ не иначе, какъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, и, слѣдовательно, еслибы такого соглашенія достигнуто не было, то дѣло можетъ восходить до комитета мини-

стровъ, разрѣшающаго всякія вообще разногласія между министрами по административнымъ дѣламъ. Съ другой стороны и тѣ дѣла, которыя разрѣшаются губернскимъ присутствіемъ, могутъ восходить до сената, въ томъ случаѣ, если въ присутствіи по большинству голосовъ состоится рѣшеніе, съ которымъ несогласенъ губернаторъ. Въ этомъ случаѣ губернаторъ пріостанавливаетъ исполненіе постановленія присутствія и представляетъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, а уже министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ его сенату, который одинъ можетъ отмѣнить неправильное постановленіе присутствія.

Въ заключеніе, слѣдуетъ отмѣтить еще, что для окончательнаго утвержденія какого-либо постановленія земскаго собранія оно, по новому «Положенію», должно пройти чрезъ горнило *семи* инстанцій, каковыми являются: 1) уѣздное собраніе, 2) губернаторъ, 3) губернское собраніе, 4) опять губернаторъ, 5) губернское присутствіе, 6) министръ внутреннихъ дѣлъ, 7) сенатъ или комитетъ министровъ.

Изложенными данными исчерпываются свѣдѣнія, проникшія въ печать относительно новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Свѣдѣнія эти не настолько полны, чтобы на основаніи ихъ можно было составить себѣ ясную картину предстоящей земской реформы во всемъ ея объемѣ. Но и эти короткія свѣдѣнія даютъ нѣкоторую возможность уловить основную тенденцію проэктируемой реформы. Тенденція эта, повидимому, носитъ на себѣ отпечатокъ двухъ современныхъ теченій, выражающихся въ стремленіи правительства—съ одной стороны, дать дворянскому сословію бо̀льшее вліяніе на земскую жизнь, а, съ другой стороны, обезпечить за правительственной администраціей возможность принимать болѣе активное участіе въ дѣятельности земскихъ *самоуправляющихся* органовъ. Мы подчеркнули слово «самоуправляющихся», желая этимъ обратить особое вниманіе на то, что въ новомъ «положеніи», вопреки носившимся слухамъ, выборное начало остается въ полной силѣ. Въ отличіе отъ нынѣ дѣйствующаго законодательства, новое «Положеніе», какъ мы уже замѣтили, старается лишь съузить кругъ земскихъ гласныхъ изъ среды не-дворянъ. Особенно печалиться объ этомъ, по нашему мнѣнію, совершенно незачѣмъ. Нашъ журналъ не стоитъ на почвѣ сословныхъ тенденцій, но, тѣмъ не менѣе, охотно признаётъ, что дворянское сословіе,—помимо того, что оно все же остается *наиболѣе образованною частью общества*, въ частности еще является въ земскомъ дѣлѣ, — гдѣ на первый планъ выдвигаются заботы и попеченія о хозяйственныхъ нуждахъ даннаго района,—наиболѣе заинтересованной стороной; а потому, конечно, ему и подобаетъ играть здѣсь первенствующую роль. Да и то сказать нужно, что, при той организаціи контроля надъ дѣятельностью земскихъ учрежденій со стороны правительства, которая принята въ новомъ «Положеніи», численный перевѣсъ гласныхъ изъ среды наиболѣе вліятельной общественной группы—дворянъ,—передъ гласными изъ другихъ сословій, является даже нѣкоторой необходимостью, для того чтобы обезпечить за органами земскаго самоуправленія бо̀льшій авторитетъ въ случаѣ столкновеній, мо-

гущихъ произойти между ними и правительственной администраціей.

Другой вопросъ, — насколько является цѣлесообразнымъ и существенно необходимымъ предоставленіе администраціи такихъ обширныхъ полномочій по части наложенія своего veto на всѣ постановленія земскихъ учрежденій, особенно, если принять во вниманіе многочисленныя обязанности, лежащія на губернаторѣ. Но въ этой части новаго «Положенія», вообще, немало шероховатостей, которыя, можетъ быть, будутъ еще сглажены государственнымъ совѣтомъ. Такъ напр., въ частности, особенно желательно упростить порядокъ окончательнаго утвержденія постановленій земскихъ учрежденій. Ибо, при оставленіи тѣхъ вышеуказанныхъ *семи* инстанцій, чрезъ которыя должны проходить постановленія земскихъ учрежденій, создается такая запутанность и сложность въ рѣшеніи земскихъ дѣлъ, которыя могутъ отразиться весьма вредно на всей дѣятельности этихъ учрежденій.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ).

Іутки прибалтійскаго климата.—Лѣтній сезонъ въ Петербургѣ.—Досуги ащагося юношества.—Проэктъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о вящей конентраціи гимназическаго обученія. — Докторъ Захарьинъ, отрицающій „переутомленіе“ учениковъ въ нашихъ школахъ.

I.

„До Духа не снимай кожуха“, говорили наши мудрые тарцы, скептически относившіеся къ прелестямъ сѣверной есны, а мудрѣйшіе изъ нихъ прибавляли къ этому совсѣмъ ке саркастическое предостереженіе: „да и по Духѣ ходи въ жухѣ“. Очевидно, что, живя на Руси, съ кожухомъ разаваться рискованно, не только среди зимы, когда бѣловлалій Борей открыто, подъ холоднымъ солнцемъ, „сыплетъ инеи шисты“, но и въ разгаръ лѣта, когда тотъ же суровый гъ ехидно подкрадывается по ночамъ къ цвѣточнымъ клумъ и огородамъ, и бьетъ неожиданнымъ морозомъ не только зовые лепестки, но и капустные листья.

Быть можетъ, предостереженіе мудрѣйшихъ старцевъ и совсѣмъ справедливо относительно тѣхъ мѣстностей нашего ширнаго отечества, которыя принято называть „благословенными“ и гдѣ,—выражаясь безсмертнымъ стихомъ поэта,—

.... все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и томный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны...

Быть можетъ, огульная рекомендація кожуха для зимнихъ и лѣтнихъ экскурсій покажется даже нѣсколько обидной для счастливыхъ обитателей „пламенной Колхиды“ (впрочемъ, не брезгающихъ и лѣтомъ своей національной буркой); но что касается наибольшей части нашей родины, вплоть до перекопскаго перешейка и военно-грузинской дороги, то рекомендація мудрецовъ должна быть принята въ этомъ районѣ, какъ самый непререкаемый завѣтъ предковъ. О нашемъ миломъ прибалтійскомъ климатѣ, просто, и говорить не стоитъ, ибо его коварство давно уже вошло въ пословицу. Объ ненадежномъ человѣкѣ такъ и говорятъ: „измѣнчивъ, какъ петербургскій термометръ“.

Всего мѣсяцъ тому назадъ, я жаловался читателю на тропическую жару, вдругъ посѣтившую Петербургъ во второй половинѣ апрѣля; а теперь, въ концѣ мая, приходится брать свои жалобы назадъ и молить небеса о солнечномъ свѣтѣ и теплыхъ дняхъ. 11 мая павловскій градусникъ (въ 25 верстахъ отъ Петербурга) показывалъ, въ 10 часовъ утра, 28 градусовъ тепла по Реомюру, а 12 числа чуть-чуть не завернулъ морозъ, и традиціонный „кожухъ“ вновь предъявилъ свои права на обывательскую спину. И такъ шло дѣло до самаго Духова дня, послѣ котораго природа опять улыбнулась намъ. Надолго ли?

Какъ бы то ни было, но „лѣтній сезонъ“ начался въ нашей столицѣ—и начался все таки сравнительно лучше, чѣмъ въ прежніе годы, когда холода тянулись безъ перерыва до половины іюня, а въ троицынъ день съ трудомъ можно было найти вѣтку съ зелеными листьями. Петербуржцамъ предстоитъ теперь важный (въ особенности для семейныхъ людей) вопросъ о томъ: ѣхать ли на дачу и куда именно? Откладывать въ долгій ящикъ разрѣшеніе этого вопроса становится уже невозможнымъ, благодаря рано наступившимъ теплымъ днямъ. И Сосипатръ Антоновичъ, и Капитолина Гавриловна, съ чадами и домочадцами, уже покинули свои петербургскія квартиры въ коломенской части и перебрались на Черную рѣчку, гдѣ хотя и икаютъ постоянно отъ вечерней сырости, и кутаютъ носы въ байковыя одѣяла, но все же наслаждаются „*чистымъ* воздухомъ“, съ апломбомъ утверждая, что „*провести лѣто* въ городѣ—сущее божеское наказаніе“ и что они

за одну недѣлю „поправились“ на своей дачѣ. За Сосипатромъ Антоновичемъ,—младшимъ помощникомъ старшаго чиновника въ „департаментѣ уязвленія“, — тянется Клеоникъ Аристарховичъ, чиновникъ по особымъ приключеніямъ въ „департаментѣ заживленія“; за Капитолиной Гавриловной, вдовой-экзекуторшей, неудержимо ползетъ Серафима Кузьминишна,—подобно свахѣ Островскаго,—„сидящая на XIV-омъ классѣ“. За экзекуторами и младшими чиновниками, въ строгомъ порядкѣ постепенности, подумываютъ о дачномъ переселеніи (не оставляя городскихъ квартиръ) чиновники постарше, до самого „чадушки“—директора департамента—включительно. Словомъ, кто во что горазд, по мѣрѣ силъ и способностей: кто — на Черную рѣчку, на острова и въ Новую деревню, кто—въ Токсово, по близости „Парнаса“, гдѣ почерпалъ свои неглубокія вдохновенія поэтъ Минаевъ; кто замуровываетъ себя въ мрачное Мурино; а кто—побогаче и поприхотливѣе—ѣдетъ въ Петергофъ, къ морю, или въ Павловскъ, „на музыку“.

Сказать по правдѣ, я предпочитаю лѣтній Петербургъ — зимнему. Зимній Питеръ—это ужъ очень тошный, официальный, натянутый и однообразный городъ, немногимъ отличающійся нынѣ отъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ, въ родѣ Москвы, Харькова или Одессы.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ!—

восклицалъ когда-то Пушкинъ, и теперь, конечно, не смягчилъ бы своего приговора. Если что и примиряло съ Петербургомъ геніальнаго поэта, такъ это ходившая здѣсь „маленькая ножка“, ради которой онъ прощалъ многое. Но—по словамъ того же поэта—

во всей Россіи есть едва ли
Двѣ пары стройныхъ женскихъ ногъ,

и Петербургъ, удержавшій для себя одну изъ этихъ паръ, не богъ вѣсть какую службу сослужилъ отечеству. Мы понимаемъ, что многіе изъ провинціальныхъ жителей, въ особенности имѣвшіе случай побывать за границей, совсѣмъ не рвутся *зимой въ Петербургъ*, а пріѣзжаютъ сюда лѣтомъ — полюбо-

ваться петергофскими фонтанами, побывать на царскосельскихъ скачкахъ, покататься по Невѣ на острова, между темно-зелеными садами и красивыми дачами, погулять въ великолѣпномъ павловскомъ паркѣ, послушать тамъ же дѣйствительно хорошій оркестръ съ замѣчательными солистами на всѣхъ инструментахъ и, наконецъ, взглянуть на парголовскую панораму озеръ и пригорковъ. Избави Богъ, однако, переѣзжать чухонскую границу, ибо въ „Великомъ княжествѣ Финляндскомъ“ насъ принимаютъ за иностранцевъ: требуютъ паспортовъ, досматриваютъ на таможнѣ сундуки и ручной багажъ, и знать не хотятъ русскихъ кредитныхъ рублей въ смыслѣ монетной единицы. Одного маститаго писателя, уже покойнаго, поселившагося по нуждѣ за финляндской границей (чтобы быть ближе къ Боткину, совѣтами котораго онъ пользовался) чуть было не разбилъ параличъ, когда внимательный таможенный досмотрщикъ, выворачивая на изнанку его саквояжъ, открылъ въ немъ присутствіе цѣлой дюжины апельсиновъ, контробандно провозимыхъ въ великое княжество, и потребовалъ за нихъ тройной пошлины... Для насъ понятно также, что нѣкоторые, понимающіе дѣло, иностранцы-туристы, являясь сюда именно въ лѣтнюю пору, восхищаются красавицей-Невой,—этой массой воды и зелени по берегамъ,—необыкновеннымъ оживленіемъ на островахъ, удобствомъ сообщеній съ дачными мѣстностями, разнообразіемъ загородныхъ удовольствій. Было бы только сноснѣе лѣто, а Петербургъ въ это время все же приглядиѣе, чѣмъ обрызганный грязью въ осенніе мѣсяцы или закованный льдомъ въ зимнюю стужу. Нужно отдать справедливость павловской желѣзной дорогѣ, которая больше всѣхъ другихъ дорогъ заботится объ удобствахъ дачной публики. Начиная съ половины мая, она устраиваетъ *ежечасное* движеніе между Петербургомъ, Царскимъ Селомъ и Павловскомъ (хотя бы приходилось гонять пустые вагоны); даетъ особые дешевые билеты на двадцать поѣздокъ, сбрасываетъ неслыханный процентъ съ билетовъ для учащихся (80 к. съ рубля!) и, наконецъ, перевозитъ даромъ, ради гигіеническихъ и учебныхъ цѣлей, чуть не поголовно всѣхъ питомцевъ и питомицъ городскихъ начальныхъ школъ, которые безъ этой любезности, быть можетъ, нескоро познакомились *бы съ лучшими* изъ петербургскихъ окрестностей. Не смотря

на эти широкія матеріальныя пожертвованія въ пользу взрослыхъ и малолѣтнихъ петербуржцевъ, правленіе царскосельской желѣзной дороги находитъ еще возможнымъ угощать публику даровой артистической музыкой, даровымъ чтеніемъ въ библіотекѣ; а, при всемъ томъ, и свои хозяйственныя дѣла ведетъ такимъ образомъ, что, развязавшись со всѣми старыми долгами, надѣланными прежнимъ правленіемъ, выдаетъ приличный дивидендъ своимъ акціонерамъ. Если же всѣ эти приманки и одолженія не производятъ надлежащаго дѣйствія на петербургскаго обывателя, и дачи Павловска и Царскаго далеко не такъ населены, какъ бы можно было надѣяться, то причину этого слѣдуетъ искать, прежде всего, въ нашемъ общемъ оскудѣніи, съ которымъ трудно бороться единичнымъ усиліямъ какой бы то ни было желѣзной дороги.

II.

Лѣтній сезонъ наступилъ, наконецъ, и для нашего учащагося юношества, „переутомленнаго“ вокабулами, экстемпораліями, и жаждущаго отдохнуть на лонѣ природы, расправить на волѣ свои молодые члены, окоченѣвшіе отъ долговременнаго сидѣнія на школьныхъ скамейкахъ. „Растите, мужайте, зрѣйте, молодыя силы,—думалъ когда-то Лаврецкій, глядя на рѣзвившуюся передъ нимъ молодежь: — *вамъ не придется, какъ намъ, бороться, падать и вставать среди мрака*“. Но—увы! — съ этими радужными ожиданіями нельзя уже обращаться къ современной молодежи, путь которой вовсе не свѣтелъ и не усѣянъ розами, такъ что, пожалуй, не мы ей, а она намъ можетъ позавидовать... Помните ли, читатель, какими смѣлыми пророчествами въ одну сторону и какими отчаянными проклятіями въ другую—разражался, лѣтъ двадцать тому назадъ, г. Катковъ, когда рѣчь заходила о благахъ классицизма, усердно насаждаемаго въ нашихъ гимназіяхъ? Юные классики,—по увѣренію пророчествующаго публициста,—призваны были водворить въ Россіи „истинную европейскую культуру“; на нихъ почивали надежды отечества; ихъ твердымъ познаніямъ въ латинской и греческой *грамматикѣ* (отнюдь не въ литературѣ!) предстояло обно-

вить весь нашъ умственный и нравственный строй, улучшить пути сообщенія, поднять сельское хозяйство и возстановить цѣнность кредитнаго рубля. Кажется, даже „благораствореніе воздуховъ“ ставилось въ тѣсную зависимость отъ того количества учебныхъ часовъ, которое будетъ посвящено юношествомъ на изученіе въ подлинникѣ Ѳукидида и Цицерона, Геродота и Овидія. Съ другой стороны, во всемъ обширномъ словарѣ катковскихъ ругательствъ не находилось достаточно крѣпкихъ выраженій, чтобы предать позору тѣхъ осторожныхъ педагоговъ, которые, видя начинавшійся уже упадокъ классицизма въ самой западной Европѣ, — откуда насъ приглашали взять образцы для подражанія,—сомнѣвались въ полезныхъ результатахъ этого раболѣпнаго, мало осмысленнаго направленія. Имя А. С. Воронова,—предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, считавшагося врагомъ классицизма,—было для Каткова синонимомъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ. Требованія классиковъ были удовлетворены въ широчайшей степени, даже больше, чѣмъ сами они могли ожидать; количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ возвышено съ 69 (при гр. Уваровѣ) до 85-ти; всѣ остальные предметы средняго образованія были принесены въ жертву этому Ваалу, не исключая *русской* словесности и *русской* исторіи, загнанныхъ въ самый задній уголъ гимназической программы. „Концентрація обученія“ (излюбленное словечко классиковъ) доведена была до nec plus ultra, и, кромѣ древнихъ языковъ, юношество, строго говоря, ничему и не обучалось. Для благихъ послѣдствій этой системы, въ теченіе 20-ти лѣтъ, открывался полный просторъ, и если этихъ послѣдствій все таки не оказалось въ наличности, — винить тутъ некого и нечего, кромѣ роковой ошибки, лежащей въ основаніи самой системы.

Каковы же оказались результаты классической системы? оправдали ли они ожиданія ея насадителей, измѣнили ли къ лучшему характеръ нашей молодежи, а, чрезъ нее, и настроеніе цѣлаго общества?

На всѣ эти вопросы намъ даетъ категорическій отвѣтъ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“,—органъ вполнѣ компетентный, по крайней мѣрѣ, по вопросамъ своего *вѣдомства*.

„Наблюдая за жизнью,—читаемъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ этого журнала,—нельзя не замѣтить, что лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ (т. е. *до* полнаго торжества классицизма) *кончающіе курсъ средней школы знали едва ли менѣе, чѣмъ теперь, но больше интересовались знаніями, были бодрѣе духомъ и больше занимались. Даже по латинскому языку знали немногимъ меньше, чемъ теперь* (!!) хотя времени на него употребляли меньше".

Это—по вопросу о знаніяхъ, между прочимъ, и о знаніяхъ по древнимъ языкамъ. Теперь—по вопросу о культурной задачѣ школы, объ ея воспитательномъ вліяніи не только на учащуюся молодежь, но и на духъ всего русскаго общества. Увы! и здѣсь приходится констатировать „упадокъ внутренняго состоянія школы" и искать ему причины. „Причина сравнительнаго упадка внутренняго состоянія школы—по объясненію той же статьи — заключается въ томъ, что, вмѣсто обязательной для школы руководящей роли, она сама подпала вліянію жизни. *Опасеніе развитія нелѣпыхъ увлеченій въ учащихся заставило усилить подчиненность учащихся, но не научило еще давать хорошее внутреннее содержаніе увлеченіямъ молодежи*, ея стремленію къ дѣятельности,—хотя и временному, и невыдержанному,—стремленію природному, неизбѣжному и шумливому. Было, конечно, желаніе научить молодежь уваженію къ людямъ, уваженію къ труду, научить ее подчиненію закону, но *всѣ усилія долго были обращены на одну внѣшнюю сторону*. Требовалось уваженіе, но далеко не всегда заботились внушить его дѣйствительно, т. е. *мало заботились нравственно заставить уважать себя*; требовали отъ учащихся религіозности, но *обученіе религіи заключалось въ заучиваніи учебниковъ*; многаго требовали отъ учащихся, и очень строго требовали, но требовали больше всего фактическаго знанія и *работы памяти, а не мысли*, что̀ не могло внушить привязанности къ умственному труду; *для физическаго же развитія почти ничего не дѣлали*. Требовали подчиненія закону, но *мало заботились о проявленіи любви къ учащимся и заботы о нихъ*, а безъ этого *законъ являлся мертвымъ и легко возбуждалъ внутренніе протесты при наружномъ лишь подчиненіи*; привычка уваженія къ закону

развивалась туго. *Для развитія патріотическаго чувства также почти ничего не дѣлали*".

Итоги, какъ видно, вовсе не блестящіе. Ни достаточныхъ знаній, даже по древнимъ языкамъ, ни уваженія къ труду, ни почтенія къ закону, ни развитія мысли, ни физической бодрости, ни искренняго религіознаго чувства, ни разумнаго патріотизма—ничего этого не даетъ своимъ питомцамъ наша средняя школа, по авторитетному свидѣтельству министерскаго журнала. Пріобрѣтеніе знаній сводится къ одной зубрёжкѣ, причемъ работаетъ только „память, а не мысль"; подчиненіе закону—чисто формальное, сопровождаемое „внутреннимъ протестомъ"; обученіе религіи заключается опять таки въ долбленіи учебниковъ; вообще, во всемъ ходѣ средняго образованія господствуетъ у насъ „одна внѣшняя сторона", не одухотворенная внутреннимъ смысломъ. Какое ужь тутъ можетъ быть „вліяніе школы на общество"! Что за піонеры просвѣщенія и культуры могутъ образоваться изъ этихъ надломленныхъ долбнею, физически слабыхъ и умственно неразвитыхъ юношей, хотя и получившихъ преслозутые аттестаты зрѣлости? Вдобавокъ къ недомыслію и физической слабости, наше молодое поколѣніе, оставляя скамью средней школы, выноситъ серьезную непріязнь къ своимъ первымъ пѣстунамъ и руководителямъ, которые не съумѣли внушить „нравственнаго уваженія къ себѣ, не проявили никакой любви къ учащимся, никакой заботы о нихъ". А что эти сѣмена озлобленія глубоко западаютъ въ молодыя души и даютъ потомъ крайне нежелательные всходы — это подтверждается другою статьею того же министерскаго органа, которая посвящена исключительно педагогическому персоналу нашихъ гимназій и характеризуетъ ихъ весьма нелестными чертами, какъ настоящихъ *инквизиторовъ* (sic), а вовсе не воспитателей и не учителей. Очевидно, что „старочехи" и „младочехи", призванные владѣть русскими гимназіями, распоряжались въ нихъ именно, какъ варяги, какъ чужеземцы, не заинтересованные кровно и душевно въ правильномъ развитіи отданнаго на ихъ попеченіе юношества.

„Растите, зрѣйте, молодыя силы, и не только *мужайте, но и мужайтесь* въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями, въ *борьбѣ съ вашими* собственными слабостями, съ нравствен-

ными и физическими недугами"—вотъ какъ слѣдуетъ видоизмѣнить теперь тургеневскія pia desideria въ обращеніи къ молодежи, только что оставившей школьную скамью.

III.

Новая французская исторія знаетъ роялистовъ, болѣе правовѣрныхъ въ своемъ политическомъ credo, чѣмъ самъ король. Подобнаго рода роялизмъ проявляютъ и у насъ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ классической системѣ образованія,—ветхозавѣтныя „Московскія Вѣдомости", очевидно, ничему не выучившіяся за послѣднее время и ничего не позабывшія со смерти Каткова.

Мы уже видѣли выше, какъ относится само министерство народнаго просвѣщенія къ недочетамъ и ошибкамъ нашего средняго образованія и какъ охотно идетъ на восполненіе этихъ недочетовъ, на исправленіе ошибокъ. Само министерство откровенно признаётъ, устами своихъ преподавателей и профессоровъ, всю отяготительность и мертвенность нынѣ принятой системы обученія древнимъ языкамъ; всю неудовлетворительность воспитательной дисциплины, весь вредъ переутомленія для физическаго здоровья юношества, всю несообразность въ постановкѣ даже такихъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ русская исторія и словесность.

Но подождите... Nous avons compté sans le hôte. Изъ Москвы раздается предостерегающій и угрожающій голосъ проконсула классицизма, г. Петровскаго, прямо по адресу министерства народнаго просвѣщенія. „У васъ-де—говоритъ предостерегающій голосъ—завелись *тайные измѣнники классицизма*, которые, подъ предлогомъ „переутомленія" учащихся, посягаютъ на святую святыхъ этой системы — на количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ". И при этомъ роялисты Страстнаго бульвара заявляютъ свое папское: „non possumus". Убавлять нынѣшнія занятія латынью и гречью отнюдь не слѣдуетъ; а вотъ если увеличить съ *85-ти на 117 уроковъ*— то отъ этого, кромѣ пользы, ничего произойти не можетъ.

Но такъ какъ „прати противъ рожна", т. е. воевать одновременно *и съ* цѣлымъ обществомъ, и съ официальнымъ вѣ-

домствомъ довольно трудно, то „Московскія Вѣдомости“ прибѣгли къ „авторитету“ московской же медицинской знаменитости, г. Захарьина, который съ развязностью и апломбомъ настоящаго кудесника утверждаетъ, что никакого „переутомленія“ въ нашихъ гимназіяхъ нѣтъ, и благословляетъ г. Петровскаго на новую экспертизу юношескихъ мозговъ... Впрочемъ мы сомнѣваемся, чтобы голословное утвержденіе ловкаго практиканта (о подвигахъ котораго намъ приходилось уже говорить въ одномъ изъ предъидущихъ фельетоновъ), практиканта, не имѣющаго за собою никакихъ серьезныхъ научныхъ заслугъ, было неотразимо-убѣдительно для русскаго образованнаго общества. Закрыть глаза на какой нибудь мелочный фактъ, еще не получившій опредѣленныхъ очертаній—пріемъ терпимый, хотя и недостойный добросовѣстнаго изслѣдователя; но отрицать явленіе такой крупной государственной важности, какъ упадокъ физическихъ и умственныхъ силъ цѣлаго поколѣнія—это, какъ хотите, непростительно даже и для московской знаменитости.

Забывъ про жгучіе вопросы,
Кругомъ кишащіе, какъ осы, —
Почтенный эскулапъ, уймись!
И, ради ретроградовъ чести,
Тебѣ всепреданныхъ «безъ лести»,—
Самъ хорошенько полѣчись!!

Ефимъ Простосердовъ.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

Семейныхъ разладовъ не выдержавъ гнетъ,
Посланье фонъ-Бисмарку нѣмочка шлетъ:
«Мирилъ ты народы, монарховъ сводилъ—
О еслибъ ты съ мужемъ меня примирилъ!»
Политикъ въ отставкѣ ей пишетъ въ отвѣтъ:
«Одинъ только дать вамъ могу я совѣтъ:
Чтобъ миръ былъ въ семьѣ,—для скрѣпленія узъ
Вы *тройственный* тоже устройте *союзъ*»...

Л. Балалайкинъ.

НЕСОМНѢННЫЕ ПРИЗНАКИ.

Каждый день съ капризами
Ждетъ супруга мужа;
Жизнь съ ея сюрпризами
Что̀ ни день—все хуже.
Мужа убѣжденія
Терпятъ неудачу:
Ей (въ томъ нѣтъ сомнѣнія)
Хочется *на дачу*...

Ради разныхъ «Маничекъ»,
Къ тетушки порогу
Сорванецъ-племянничекъ
Позабылъ дорогу.
Вдругъ съ главой повинною
Къ ней онъ, чуть не плача,
Входитъ. Что̀ причиною?
Ну, понятно, *дача*...

Зятю ежедневные
Дѣлая скандалы,
Мигомъ теща гнѣвная
Съ нимъ любезной стала,
Раньше вся пропитана
Духомъ злобной мести;
Значитъ, съ зятемъ мнитъ она
Быть *на дачѣ* вмѣстѣ...

Дочки непокорныя
Ласковы къ папашамъ,
Мысль тая упорную,
(Погулять когда жъ имъ?)
Что вполнѣ окупится
Послушанье это:
Дачу не поскупятся
Имъ нанять на лѣто...

Старый Капралъ.

Быть можетъ, огульная рекомендація кожуха для зимнихъ и лѣтнихъ экскурсій покажется даже нѣсколько обидной для счастливыхъ обитателей „пламенной Колхиды“ (впрочемъ, не брезгающихъ и лѣтомъ своей національной буркой); но что касается наибольшей части нашей родины, вплоть до перекопскаго перешейка и военно-грузинской дороги, то рекомендація мудрецовъ должна быть принята въ этомъ районѣ, какъ самый непререкаемый завѣтъ предковъ. О нашемъ миломъ прибалтійскомъ климатѣ, просто, и говорить не стоитъ, ибо его коварство давно уже вошло въ пословицу. Объ ненадежномъ человѣкѣ такъ и говорятъ: „измѣнчивъ, какъ петербургскій термометръ“.

Всего мѣсяцъ тому назадъ, я жаловался читателю на тропическую жару, вдругъ посѣтившую Петербургъ во второй половинѣ апрѣля; а теперь, въ концѣ мая, приходится брать свои жалобы назадъ и молить небеса о солнечномъ свѣтѣ и теплыхъ дняхъ. 11 мая павловскій градусникъ (въ 25 верстахъ отъ Петербурга) показывалъ, въ 10 часовъ утра, 28 градусовъ тепла по Реомюру, а 12 числа чуть-чуть не завернулъ морозъ, и традиціонный „кожухъ“ вновь предъявилъ свои права на обывательскую спину. И такъ шло дѣло до самаго Духова дня, послѣ котораго природа опять улыбнулась намъ. Надолго ли?

Какъ бы то ни было, но „лѣтній сезонъ“ начался въ нашей столицѣ—и начался все таки сравнительно лучше, чѣмъ въ прежніе годы, когда холода тянулись безъ перерыва до половины іюня, а въ троицынъ день съ трудомъ можно было найти вѣтку съ зелеными листьями. Петербуржцамъ предстоитъ теперь важный (въ особенности для семейныхъ людей) вопросъ о томъ: ѣхать ли на дачу и куда именно? Откладывать въ долгій ящикъ разрѣшеніе этого вопроса становится уже невозможнымъ, благодаря рано наступившимъ теплымъ днямъ. И Сосипатръ Антоновичъ, и Капитолина Гавриловна, съ чадами и домочадцами, уже покинули свои петербургскія квартиры въ коломенской части и перебрались на Черную рѣчку, гдѣ хотя и икаютъ постоянно отъ вечерней сырости, и кутаютъ носы въ байковыя одѣяла, но все же наслаждаются *„чистымъ воздухомъ“*, съ апломбомъ утверждая, что *„провести лѣто въ городѣ*—сущее божеское наказаніе“ и что они

за одну недѣлю „поправились“ на своей дачѣ. За Сосипатромъ Антоновичемъ,—младшимъ помощникомъ старшаго чиновника въ „департаментѣ уязвленія“, — тянется Клеоникъ Аристарховичъ, чиновникъ по особымъ приключеніямъ въ „департаментѣ заживленія“; за Капитолиной Гавриловной, вдовой-экзекуторшей, неудержимо ползетъ Серафима Кузьминишна,—подобно свахѣ Островскаго,—„сидящая на XIV-омъ классѣ“. За экзекуторами и младшими чиновниками, въ строгомъ порядкѣ постепенности, подумываютъ о дачномъ переселеніи (не оставляя городскихъ квартиръ) чиновники постарше, до самого „чадушки“—директора департамента—включительно. Словомъ, кто во что гораздъ, по мѣрѣ силъ и способностей: кто — на Черную рѣчку, на острова и въ Новую деревню, кто—въ Токсово, по близости „Парнаса“, гдѣ почерпалъ свои неглубокія вдохновенія поэтъ Минаевъ; кто замуровываетъ себя въ мрачное Мурино; а кто—побогаче и поприхотливѣе—ѣдетъ въ Петергофъ, къ морю, или въ Павловскъ, „на музыку“.

Сказать по правдѣ, я предпочитаю лѣтній Петербургъ — зимнему. Зимній Питеръ—это ужь очень тошный, официальный, натянутый и однообразный городъ, немногимъ отличающійся нынѣ отъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ, въ родѣ Москвы, Харькова или Одессы.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ!—

восклицалъ когда-то Пушкинъ, и теперь, конечно, не смягчилъ бы своего приговора. Если что̀ и примиряло съ Петербургомъ геніальнаго поэта, такъ это ходившая здѣсь „маленькая ножка“, ради которой онъ прощалъ многое. Но—по словамъ того же поэта—

во всей Россіи есть едва ли
Двѣ пары стройныхъ женскихъ ногъ,

и Петербургъ, удержавшій для себя одну изъ этихъ паръ, не богъ вѣсть какую службу сослужилъ отечеству. Мы понимаемъ, что многіе изъ провинціальныхъ жителей, въ особенности имѣвшіе случай побывать за границей, совсѣмъ не рвутся зимой въ Петербургъ, а пріѣзжаютъ сюда лѣтомъ — полюбо-

ваться петергофскими фонтанами, побывать на царскосельскихъ скачкахъ, покататься по Невѣ на острова, между темно-зелеными садами и красивыми дачами, погулять въ великолѣпномъ павловскомъ паркѣ, послушать тамъ же дѣйствительно хорошій оркестръ съ замѣчательными солистами на всѣхъ инструментахъ и, наконецъ, взглянуть на парголовскую панораму озеръ и пригорковъ. Избави Богъ, однако, переѣзжать чухонскую границу, ибо въ „Великомъ княжествѣ Финляндскомъ“ насъ принимаютъ за иностранцевъ: требуютъ паспортовъ, досматриваютъ на таможнѣ сундуки и ручной багажъ, и знать не хотятъ русскихъ кредитныхъ рублей въ смыслѣ монетной единицы. Одного маститаго писателя, уже покойнаго, поселившагося по нуждѣ за финляндской границей (чтобы быть ближе къ Боткину, совѣтами котораго онъ пользовался) чуть было не разбилъ параличъ, когда внимательный таможенный досмотрщикъ, выворачивая на изнанку его саквояжъ, открылъ въ немъ присутствіе цѣлой дюжины апельсиновъ, контробандно провозимыхъ въ великое княжество, и потребовалъ за нихъ тройной пошлины... Для насъ понятно также, что нѣкоторые, понимающіе дѣло, иностранцы-туристы, являясь сюда именно въ лѣтнюю пору, восхищаются красавицей-Невой,—этой массой воды и зелени по берегамъ,—необыкновеннымъ оживленіемъ на островахъ, удобствомъ сообщеній съ дачными мѣстностями, разнообразіемъ загородныхъ удовольствій. Было бы только сноснѣе лѣто, а Петербургъ въ это время все же приглядиѣе, чѣмъ обрызганный грязью въ осенніе мѣсяцы или закованный льдомъ въ зимнюю стужу. Нужно отдать справедливость павловской желѣзной дорогѣ, которая больше всѣхъ другихъ дорогъ заботится объ удобствахъ дачной публики. Начиная съ половины мая, она устраиваетъ *ежечасное* движеніе между Петербургомъ, Царскимъ Селомъ и Павловскомъ (хотя бы приходилось гонять пустые вагоны); даетъ особые дешевые билеты на двадцать поѣздокъ, сбрасываетъ неслыханный процентъ съ билетовъ для учащихся (80 к. съ рубля!) и, наконецъ, перевозитъ даромъ, ради гигіеническихъ и учебныхъ цѣлей, чуть не поголовно всѣхъ питомцевъ и питомицъ городскихъ начальныхъ школъ, которые безъ этой любезности, быть можетъ, нескоро познакомились *бы съ лучшими* изъ петербургскихъ окрестностей. Не смотря

на эти широкія матеріальныя пожертвованія въ пользу взрослыхъ и малолѣтнихъ петербуржцевъ, правленіе царскосельской желѣзной дороги находитъ еще возможнымъ угощать публику даровой артистической музыкой, даровымъ чтеніемъ въ библіотекѣ; а, при всемъ томъ, и свои хозяйственныя дѣла ведетъ такимъ образомъ, что, развязавшись со всѣми старыми долгами, надѣланными прежнимъ правленіемъ, выдаетъ приличный дивидендъ своимъ акціонерамъ. Если же всѣ эти приманки и одолженія не производятъ надлежащаго дѣйствія на петербургскаго обывателя, и дачи Павловска и Царскаго далеко не такъ населены, какъ бы можно было надѣяться, то причину этого слѣдуетъ искать, прежде всего, въ нашемъ общемъ оскудѣніи, съ которымъ трудно бороться единичнымъ усиліямъ какой бы то ни было желѣзной дороги.

II.

Лѣтній сезонъ наступилъ, наконецъ, и для нашего учащагося юношества, „переутомленнаго“ вокабулами, экстемпораліями, и жаждущаго отдохнуть на лонѣ природы, расправить на волѣ свои молодые члены, окоченѣвшіе отъ долговременнаго сидѣнія на школьныхъ скамейкахъ. „Растите, мужайте, зрѣйте, молодыя силы,—думалъ когда-то Лаврецкій, глядя на рѣзвившуюся передъ нимъ молодежь: — *вамъ не придется, какъ намъ, бороться, падать и вставать среди мрака*“. Но— увы! — съ этими радужными ожиданіями нельзя уже обращаться къ современной молодежи, путь которой вовсе не свѣтелъ и не усѣянъ розами, такъ что, пожалуй, не мы ей, а она намъ можетъ позавидовать... Помните ли, читатель, какими смѣлыми пророчествами въ одну сторону и какими отчаянными проклятіями въ другую—разражался, лѣтъ двадцать тому назадъ, г. Катковъ, когда рѣчь заходила о благахъ классицизма, усердно насаждаемаго въ нашихъ гимназіяхъ? Юные классики,—по увѣренію пророчествующаго публициста,—призваны были водворить въ Россіи „истинную европейскую культуру“; на нихъ почивали надежды отечества; ихъ твердымъ познаніямъ въ латинской и греческой *грамматикѣ* (отнюдь не въ литературѣ!) предстояло обно-

вить весь нашъ умственный и нравственный строй, улучшить пути сообщенія, поднять сельское хозяйство и возстановить цѣнность кредитнаго рубля. Кажется, даже „благораствореніе воздуховъ“ ставилось въ тѣсную зависимость отъ того количества учебныхъ часовъ, которое будетъ посвящено юношествомъ на изученіе въ подлинникѣ Ѳукидида и Цицерона, Геродота и Овидія. Съ другой стороны, во всемъ обширномъ словарѣ катковскихъ ругательствъ не находилось достаточно крѣпкихъ выраженій, чтобы предать позору тѣхъ осторожныхъ педагоговъ, которые, видя начинавшійся уже упадокъ классицизма въ самой западной Европѣ, — откуда насъ приглашали взять образцы для подражанія,—сомнѣвались въ полезныхъ результатахъ этого раболѣпнаго, мало осмысленнаго направленія. Имя А. С. Воронова,—предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, считавшагося врагомъ классицизма,—было для Каткова синонимомъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ. Требованія классиковъ были удовлетворены въ широчайшей степени, даже больше, чѣмъ сами они могли ожидать; количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ возвышено съ 69 (при гр. Уваровѣ) до 85-ти; всѣ остальные предметы средняго образованія были принесены въ жертву этому Ваалу, не исключая *русской* словесности и *русской* исторіи, загнанныхъ въ самый задній уголъ гимназической программы. „Концентрація обученія“ (излюбленное словечко классиковъ) доведена была до nec plus ultra, и, кромѣ древнихъ языковъ, юношество, строго говоря, ничему и не обучалось. Для благихъ послѣдствій этой системы, въ теченіе 20-ти лѣтъ, открывался полный просторъ, и если этихъ послѣдствій все таки не оказалось въ наличности, — винить тутъ некого и нечего, кромѣ роковой ошибки, лежащей въ основаніи самой системы.

Каковы же оказались результаты классической системы? оправдали ли они ожиданія ея насадителей, измѣнили ли къ лучшему характеръ нашей молодежи, а, чрезъ нее, и настроеніе цѣлаго общества?

На всѣ эти вопросы намъ даетъ категорическій отвѣтъ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“,—органъ вполнѣ компетентный, по крайней мѣрѣ, по вопросамъ своего *вѣдомства*.

„Наблюдая за жизнью,—читаемъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ этого журнала,—нельзя не замѣтить, что лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ (т. е. *до* полнаго торжества классицизма) *кончающіе курсъ средней школы знали едва ли меньше, чѣмъ теперь, но больше интересовались знаніями, были бодрѣе духомъ и больше занимались. Даже по латинскому языку знали немногимъ меньше, чемъ теперь* (!!) хотя времени на него употребляли меньше".

Это—по вопросу о знаніяхъ, между прочимъ, и о знаніяхъ по древнимъ языкамъ. Теперь—по вопросу о культурной задачѣ школы, объ ея воспитательномъ вліяніи не только на учащуюся молодежь, но и на духъ всего русскаго общества. Увы! и здѣсь приходится констатировать „упадокъ внутренняго состоянія школы" и искать ему причины. „Причина сравнительнаго упадка внутренняго состоянія школы—по объясненію той же статьи — заключается въ томъ, что, вмѣсто обязательной для школы руководящей роли, она сама подпала вліянію жизни. *Опасеніе развитія нелѣпыхъ увлеченій въ учащихся заставило усилить подчиненность учащихся, но не научило еще давать хорошее внутреннее содержаніе увлеченіямъ молодежи*, ея стремленію къ дѣятельности,—хотя и временному, и невыдержанному,—стремленію природному, неизбѣжному и шумливому. Было, конечно, желаніе научить молодежь уваженію къ людямъ, уваженію къ труду, научить ее подчиненію закону, но *всѣ усилія долго были обращены на одну внѣшнюю сторону*. Требовалось уваженіе, но далеко не всегда заботились внушить его дѣйствительно, т. е. *мало заботились нравственно заставить уважать себя*; требовали отъ учащихся религіозности, но *обученіе религіи заключалось въ заучиваніи учебниковъ*; многаго требовали отъ учащихся, и очень строго требовали, но требовали больше всего фактическаго знанія и *работы памяти, а не мысли*, что не могло внушить привязанности къ умственному труду; *для физическаго же развитія почти ничего не дѣлали*. Требовали подчиненія закону, но *мало заботились о проявленіи любви къ учащимся и заботы о нихъ*, а безъ этого *законъ являлся мертвымъ и легко возбуждалъ внутренніе протесты при наружномъ лишь подчиненіи*; привычка уваженія къ закону

развивалась туго. *Для развитія патріотическаго чувства также почти ничего не дѣлали*".

Итоги, какъ видно, вовсе не блестящіе. Ни достаточныхъ знаній, даже по древнимъ языкамъ, ни уваженія къ труду, ни почтенія къ закону, ни развитія мысли, ни физической бодрости, ни искренняго религіознаго чувства, ни разумнаго патріотизма—ничего этого не даетъ своимъ питомцамъ наша средняя школа, по авторитетному свидѣтельству министерскаго журнала. Пріобрѣтеніе знаній сводится къ одной зубрёжкѣ, причемъ работаетъ только „память, а не мысль"; подчиненіе закону—чисто формальное, сопровождаемое „внутреннимъ протестомъ"; обученіе религіи заключается опять таки въ долбленіи учебниковъ; вообще, во всемъ ходѣ средняго образованія господствуетъ у насъ „одна внѣшняя сторона", не одухотворенная внутреннимъ смысломъ. Какое ужь тутъ можетъ быть „вліяніе школы на общество"! Что за піонеры просвѣщенія и культуры могутъ образоваться изъ этихъ надломленныхъ долбнею, физически слабыхъ и умственно неразвитыхъ юношей, хотя и получившихъ преслозутые аттестаты зрѣлости? Вдобавокъ къ недомыслію и физической слабости, наше молодое поколѣніе, оставляя скамью средней школы, выноситъ серьезную непріязнь къ своимъ первымъ пѣстунамъ и руководителямъ, которые не съумѣли внушить „нравственнаго уваженія къ себѣ, не проявили никакой любви къ учащимся, никакой заботы о нихъ". А что эти сѣмена озлобленія глубоко западаютъ въ молодыя души и даютъ потомъ крайне нежелательные всходы — это подтверждается другою статьею того же министерскаго органа, которая посвящена исключительно педагогическому персоналу нашихъ гимназій и характеризуетъ ихъ весьма нелестными чертами, какъ настоящихъ *инквизиторовъ* (sic), а вовсе не воспитателей и не учителей. Очевидно, что „старочехи" и „младочехи", призванные владѣть русскими гимназіями, распоряжались въ нихъ именно, какъ варяги, какъ чужеземцы, не заинтересованные кровно и душевно въ правильномъ развитіи отданнаго на ихъ попеченіе юношества.

„Растите, зрѣйте, молодыя силы, и не только *мужайте*, но и *мужайтесь* въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями, въ борьбѣ съ вашими собственными слабостями. съ нравствен-

ными и физическими недугами"—вотъ какъ слѣдуетъ видоизмѣнить теперь тургеневскія pia desideria въ обращеніи къ молодежи, только что оставившей школьную скамью.

III.

Новая французская исторія знаетъ роялистовъ, болѣе правовѣрныхъ въ своемъ политическомъ credo, чѣмъ самъ король. Подобнаго рода роялизмъ проявляютъ и у насъ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ классической системѣ образованія,—ветхозавѣтныя „Московскія Вѣдомости", очевидно, ничему не выучившіяся за послѣднее время и ничего не позабывшія со смерти Каткова.

Мы уже видѣли выше, какъ относится само министерство народнаго просвѣщенія къ недочетамъ и ошибкамъ нашего средняго образованія и какъ охотно идетъ на восполненіе этихъ недочетовъ, на исправленіе ошибокъ. Само министерство откровенно признаётъ, устами своихъ преподавателей и профессоровъ, всю отяготительность и мертвенность нынѣ принятой системы обученія древнимъ языкамъ; всю неудовлетворительность воспитательной дисциплины, весь вредъ переутомленія для физическаго здоровья юношества, всю несообразность въ постановкѣ даже такихъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ русская исторія и словесность.

Но подождите... Nous avons compté sans le hôte. Изъ Москвы раздается предостерегающій и угрожающій голосъ проконсула классицизма, г. Петровскаго, прямо по адресу министерства народнаго просвѣщенія. „У васъ-де—говоритъ предостерегающій голосъ—завелись *тайные измѣнники классицизма*, которые, подъ предлогомъ „переутомленія" учащихся, посягаютъ на святую святыхъ этой системы — на количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ". И при этомъ роялисты Страстнаго бульвара заявляютъ свое папское: „non possumus". Убавлять нынѣшнія занятія латынью и гречью отнюдь не слѣдуетъ; а вотъ если увеличить съ *85-ти на 117 уроковъ*— то отъ этого, кромѣ пользы, ничего произойти не можетъ.

Но такъ какъ „прати противъ рожна", т. е. воевать одновременно и съ цѣлымъ обществомъ, и съ официальнымъ вѣ-

домствомъ довольно трудно, то „Московскія Вѣдомости“ прибѣгли къ „авторитету“ московской же медицинской знаменитости, г. Захарьина, который съ развязностью и апломбомъ настоящаго кудесника утверждаетъ, что никакого „переутомленія“ въ нашихъ гимназіяхъ нѣтъ, и благословляетъ г. Петровскаго на новую экспертизу юношескихъ мозговъ... Впрочемъ мы сомнѣваемся, чтобы голословное утвержденіе ловкаго практиканта (о подвигахъ котораго намъ приходилось уже говорить въ одномъ изъ предъидущихъ фельетоновъ), практиканта, не имѣющаго за собою никакихъ серьезныхъ научныхъ заслугъ, было неотразимо-убѣдительно для русскаго образованнаго общества. Закрыть глаза на какой нибудь мелочный фактъ, еще не получившій опредѣленныхъ очертаній—пріемъ терпимый, хотя и недостойный добросовѣстнаго изслѣдователя; но отрицать явленіе такой крупной государственной важности, какъ упадокъ физическихъ и умственныхъ силъ цѣлаго поколѣнія—это, какъ хотите, непростительно даже и для московской знаменитости.

Забывъ про жгучіе вопросы,
Кругомъ кишащіе, какъ осы, —
Почтенный эскулапъ, уймись!
И, ради ретроградовъ чести,
Тебѣ всепреданныхъ «безъ лести»,—
Самъ хорошенько полѣчись!!

Ефимъ Простосердовъ.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

Семейныхъ разладовъ не выдержавъ гнетъ,
Посланье фонъ-Бисмарку нѣмочка шлетъ:
«Мирилъ ты народы, монарховъ сводилъ—
О еслибъ ты съ мужемъ меня примирилъ!»
Политикъ въ отставкѣ ей пишетъ въ отвѣтъ:
«Одинъ только дать вамъ могу я совѣтъ:
Чтобъ миръ былъ въ семьѣ,—для скрѣпленія узъ
Вы *тройственный* тоже устройте *союзъ*»...

Л. Балалайкинъ.

НЕСОМНѢННЫЕ ПРИЗНАКИ.

Каждый день съ капризами
Ждетъ супруга мужа;
Жизнь съ ея сюрпризами
Что̀ ни день—все хуже.
Мужа убѣжденія
Терпятъ неудачу:
Ей (въ томъ нѣтъ сомнѣнія)
Хочется *на дачу*...

Ради разныхъ «Маничекъ»,
Къ тетушки порогу
Сорванецъ-племянничекъ
Позабылъ дорогу.
Вдругъ съ главой повинною
Къ ней онъ, чуть не плача,
Входитъ. Что̀ причиною?
Ну, понятно, *дача*...

Зятю ежедневные
Дѣлая скандалы,
Мигомъ теща гнѣвная
Съ нимъ любезной стала,
Раньше вся пропитана
Духомъ злобной мести;
Значитъ, съ зятемъ мнитъ она
Быть *на дачѣ* вмѣстѣ...

Дочки непокорныя
Ласковы къ папашамъ,
Мысль тая упорную,
(Погулять когда жъ имъ?)
Что вполнѣ окупится
Послушанье это:
Дачу не поскупятся
Имъ нанять на лѣто...

Старый Капралъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Сердце скажетъ. (*Оконч.*) Романъ І. І. Ясинскаго. .	5
II.	Юность. Стихотвореніе Л. Медвѣдева	40
III.	Международный тюремный конгрессъ въ С.-Петербургѣ. В. К. Случевскаго	42
IV.	Черты византійскихъ нравовъ и культуры. II. В. Безобразова	72
V.	Весеннее утро. Стихотвореніе Леонида Афанасьева .	99
VI.	Кресси. Романъ Бретъ-Гарта.	100
VII.	Крымскіе очерки. В. Свѣтлова.	188
VIII.	Варіантъ. Стихотвореніе А. Круглова.	219
IX.	Вліяніе русскаго законодательства на кустарную промышленность. Н. Крылова.	220
X.	Два стихотворенія. Ап. Коринфскаго	233
XI.	Сальваторъ. (Картины неаполитанской жизни). (*Оконч.*). Э. Экштейна	235

Современное обозрѣніе.

XII.	Политическая хроника	1
XIII.	Новый трудъ по исторіи Екатерины II. А. А. Быкова .	16
XIV.	Новыя книги	30
XV.	Наши внутреннія дѣла	38
XVI.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова. 2) Стихотворенія Л. Балалайкина и Стараго Капрала	53

Центральная библиотека

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

„НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ имѣются въ продажѣ полные экземпляры «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» за 1880, 1881, 1884, 1885, 1887 и 1889 гг. Выписывающіе эти экземпляры **за всѣ шесть лѣтъ** платятъ **18 р. съ перес.**; за три года—**10 руб.**

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издавалась по слѣдующей программѣ: 1) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагалась, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщались обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ, и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Изданіе „Народной Школы" пріостанавливается на неопредѣленное время, и подписка на журналъ, на 1890 г., приниматься не будетъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ 1890 ГОДУ (ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Журналъ издается въ 1890 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны: 1) *Маленькая любовь*, повѣсть **К. С. Баранцевича**; 2) *Актриса*, повѣсть **К. В. Назарьевой**; 3) *Въ приморскомъ городѣ*, очеркъ **Ф. Д. Нефедова**; 4) *Откровенный*, разсказъ **І. І. Ясинскаго**; 5) *Готскій городъ и арабское гнѣздо*, **В. И. Немировича-Данченко**; 6) *Дорогой цѣною*, романъ **А. Д. Апраксина**; 7) *Сѣдая старина*, романъ изъ древне-египетской жизни, **А. А. Быкова**; 8) статьи: **В. Р. Зотова**, проф. **А. А. Исаева**, проф. **В. И. Сергѣевича**, **В. К. Случевскаго**, проф. **А. С. Трачевскаго** и мн. др.

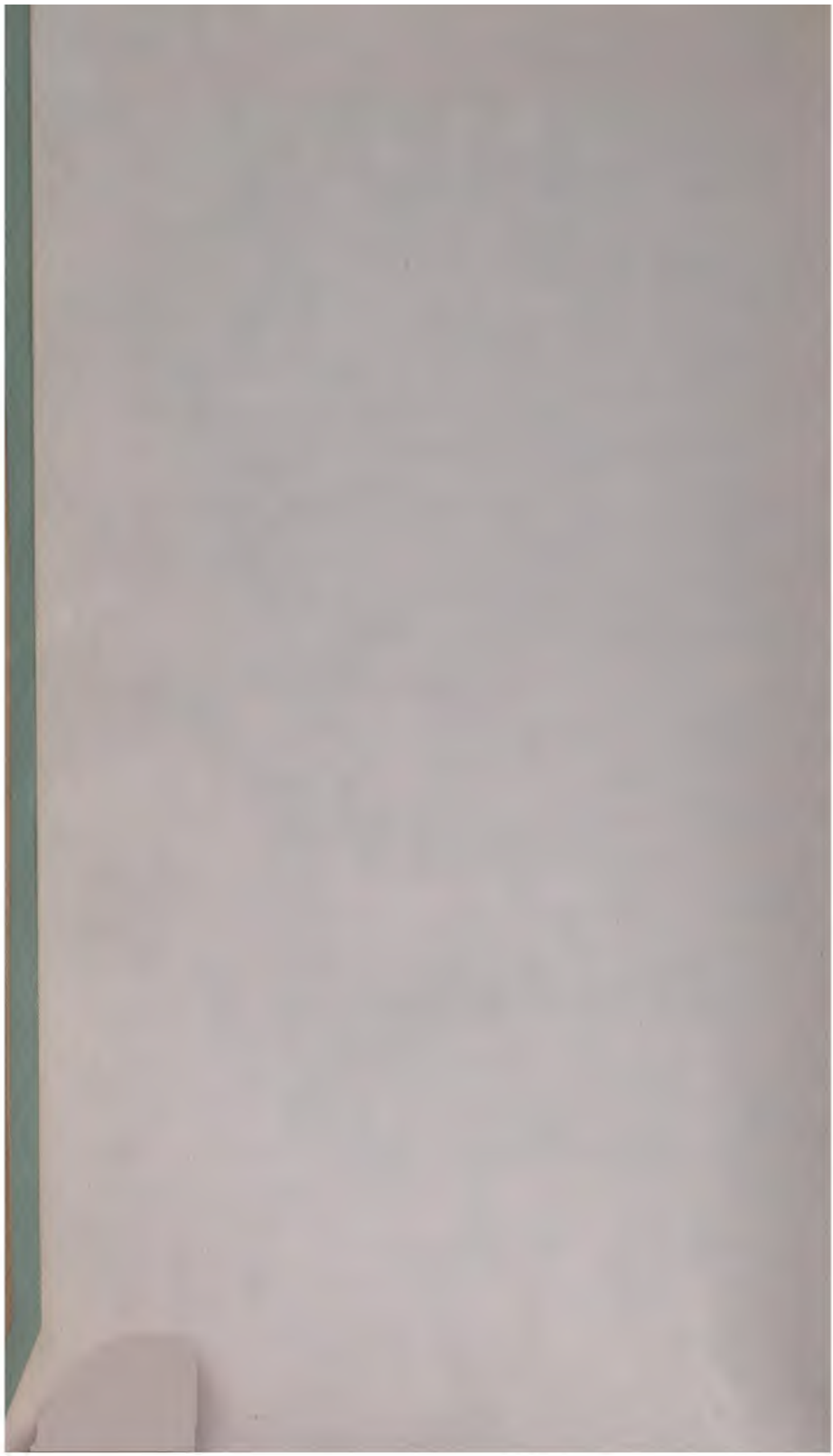
По желанію, заявленному многими подписчиками, «Наблюдатель» *возвратился къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа* (вмѣсто 15-го), книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **17** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета), въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ конторѣ Гиляровскаго (Столешниковъ пер., д. Корзинкина); **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**



STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 713

AP
50
N3
V.9
NO.6
189

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994

JUN 1994